

В. Волков
Войны и войска
Московского
государства

ВОЛКОВ В.А.

ВОЙНЫ И ВОЙСКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (конец XV – первая половина XVII вв.)

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении тысячелетней истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие развития и укрепления вооруженных сил. Особенно актуальными эти задачи стали в эпоху образования Московского государства, сложившегося в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель. Успех этой объединительной политики обеспечили тщательно продуманные дипломатические акции Москвы и могущество ее войска, уже тогда значительно превосходящего по боевым возможностям вооруженные силы других государств Северо-Восточной и Северной Руси.

Временем больших перемен стали 60-80-е гг. XV в. Иван III, придя в 1462 г. к власти, упрочил союзные отношения с Тверью, Рязанью и Псковом, сокрушил Новгородскую вечевую республику и, бросив вызов Орде, освободил Русь от двухсотлетнего татарского ига. С 1480 г. начинается история независимого Московского государства, самостоятельно определявшего свою внешнюю и внутреннюю политику. Важнейшим инструментом ее оставалась армия, претерпевшая значительные изменения, обусловленные политическим и экономическим укреплением страны, возможностью создания поместного войска – многочисленного дворянского ополчения, налаживания масштабного пушечно-литейного производства. Возросший потенциал вооруженных сил московские государи использовали при отражении набегов и вторжений татарских орд, урегулировании спорных территориальных проблем с Великим княжеством Литовским, Ливонским Орденом и Шведским королевством. Частые военные конфликты способствовали дальнейшему совершенствованию организации русского войска, его управления, вооружения и снабжения. Особенно заметные изменения московская армия претерпела в середине XVI в. и во второй четверти XVII в. При Иване IV в ее составе появились «приборные» войска - стрелецкие и казачьи части, при Михаиле Федоровиче – полки солдатского, драгунского и рейтарского строя.

* * *

В последнее время в российском обществе отмечен значительный интерес к отечественной военной истории, в том числе к событиям рассматриваемого периода. Наглядным проявлением этого стало переиздание ряда работ по истории военного искусства, вооружения, фортификации, публикация новых источников, выход в свет специализированных журналов и альманахов.

Однако, ряд ключевых проблем военной истории России остается на периферии научных исследований. Так, почти не привлекают внимания специалистов вопросы изучения основных закономерностей военно-политического развития Московского

государства XV - XVII вв., хотя в XIX - начале XX вв. такая работа велась систематически. Первым к изучению истории русской армии приступил генерал-майор И.И. Русанов, составивший около 1792 г. труд «Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были». Трактат Русанова хранился в рукописном виде в Российском государственном архиве древних актов, где и был обнаружен Л.Г. Бескровным, подробно его описавшем в своей книге «Очерки военной историографии России» (М., 1962) К сожалению, впоследствии уникальное сочинение оказалось утраченным.

В начале XIX в. появились работы, посвященные наиболее известным событиям русской военной истории. Среди них выделяются книги И. Михайлова («Храм славы, воздвигнутый победоносным российским ополчением самодержцу своему царю Иоанну Васильевичу Второму, или Подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами, как под собственным предводительством царя Иоанна Васильевича, так и его военачальников и присоединение Казанского и Астраханского царств к Российской державе со включением множества любопытнейших происшествий, случившихся в продолжение битв, взятые из разных летописцев». М., 1800) и Т.С. Мальгина (Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 г. М., 1805). Ценность их сочинений снижал существенный недостаток: авторы, использовавшие в качестве источников летописи, в основном воспроизводили содержащиеся в них сообщения, воспевавшие доблесть и подвиги русских воинов.

Новый этап в изучении русской военной истории наступил после обнаружения, изучения и публикации важнейших архивных документов, перевода сочинений иностранных авторов, касающихся организации вооруженных сил Московского государства.

Основываясь на этих материалах, отечественная историческая наука сделала колоссальный шаг вперед. Первое дошедшее до нас специальное исследование русской военной истории, в том числе и московского периода, было предпринято Р.М. Зотовым, автором сочинения «Военная история Российского государства». (СПб., 1839). Приступая к работе, он высказал сомнения в достоверности сведений о древнейшей Руси («грустный скептицизм распространился на нашу историю»), подчеркнув, что только с XII в., содержащаяся в источниках информация несет точную информацию о прошлом и на нее можно положиться. Автор сильно сузил рамки исследования, стремясь: «собрать в одну книгу все военные события России, не входя в политические исследования и прочие подробности, до полной истории государства касающиеся». Придерживаясь выбранной линии, Зотов пошел по пути простого изложения имевших место военных происшествий, часто не объясняя их, хотя признавал, что они самым непосредственным образом были связаны с «подробностями, до полной истории государства касающимися». Примером служит описание крымского нашествия 1521 г. Сообщив о нем, Рафаил Михайлович не отметил факта полной капитуляции московского правительства, вынужденного дать письменное обязательство о выплате дани крымскому хану. Тем не менее, следует отдать должное добросовестности автора, который подробно перечислил основные факты, касающиеся войн Руси с Казанью, московско-крымских столкновений, конфликтов с Литвой, Швецией и Ливонией, событий польско-литовской и шведской интервенции начала XVII в., Смоленской войны 1632-1634 гг. Однако им было допущено несколько существенных ошибок. Так, сообщая о противниках Московского государства второй половины XV в., автор, помимо Литвы и Казани называет Крымское ханство. На самом деле Москва и Крым до начала XVI в. являлись союзниками в борьбе с Большой Ордой и Великим княжеством Литовским. Отношения с Казанью знали продолжительные периоды мирных и добрососедских отношений. Совершенно искаженным оказалось у Зотова описание нашествия Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., во время которого царь, якобы,

«воображая себя преданным и войском и вельможами, скрылся в Коломну, а татары зажгли предместья Москвы». В действительности, Иван IV, после обнаружения опасного прорыва крымской армии через Оку и Жиздру, ушел с «берега» мимо Москвы в Ростов и, опасаясь преследования, собирался отступить в Ярославль. Неточным является утверждение автора о том, что русские ратники «были худо вооружены [и] только пехота имела пищали». В конце XVI в. на южной границе несли службу многочисленные конные дворянские отряды, вооруженные огнестрельным оружием. Приведенные Зотовым размеры окладов начальных лиц полков «немецкого строя» (в «ефимках», получивших распространение после 1654 г.) относятся лишь к краткому периоду Смоленской войны 1632-1634 гг. Позже они были значительно сокращены. Несмотря на эти недостатки, книга Зотова стала заметным событием в деле изучения русской военной истории, так как автор обозначил ряд недостаточно проработанных в отечественной науке проблем.

Почти одновременно с Зотовым попытку осмыслить закономерности развития российских вооруженных сил предпринимают военные историки, преподаватели Военной академии – генерал-майор И.Ф. Веймарн-2 и вице-директор этого учебного заведения Л.И. Зедделер. В 1840 г. была напечатана «Высшая тактика» Веймарна, содержащая обширный раздел, посвященный истории военного искусства, в том числе и русского. Важную роль в развитии военного дела в нашей стране автор отводил Ивану III, отметив, что он «уничтожил многие уделы и, соединив их с Великим княжеством московским, начал давать боярским детям земли, возложив на них обязанность, выставляя на случай войны, по требованию правительства, известное число пеших и конных воинов, соответственно обширности пожалованной земли». По достоинству оценены были изменения, произошедшие при Иване IV, учредившем стрелецкое войско и упорядочившем службу воинов дворянского ополчения, при Михаиле Федоровиче, усилившем армию полками иноземного строя. Однако многие выводы и предположения Веймарна оказались ошибочными. Прежде всего это относится к оценке боевых возможностей стрельцов. Считая служилых людей «по прибору» особым сословием, историк отмечал, что после событий Смутного времени начала XVII в. в их среде «вкоренились» своеволие и буйный дух, что сделало стрельцов «более опасными для своих сограждан, нежели для врагов отечества». Нельзя согласиться с утверждением Веймарна об отсутствии обозов в русском войске, так как воины, якобы, «все необходимое возили за войском на вьючных лошадях». Этим утверждением автор стремился обосновать один из своих главных выводов – якобы имевшее место сходство действий русского, татарского и турецкого войска, но дошедшие до нас документы свидетельствуют о существовании в московской армии обозной службы не только в конце XVI – XVII вв., когда отправлявшиеся в поход помещики заранее (как правило, еще «по зимнему пути») отправляли запасы с «кошевыми» людьми к месту сбора войска, но и в более раннее время. В противном случае было бы невозможно организовать доставку на театр военных действий артиллерии, боеприпасов и сооружений «гуляй-города», первое упоминание о котором относится к 1530 г. Большие обозы сопровождали русскую армию во время Полоцкого похода 1562/1563 гг.; после сражения на реке Уле в 1564 г. литовцы захватили от 3 до 5 тысяч русских повозок. Обращаясь к истории казачества, Веймарн не столько проясняет, сколько запутывает ее. Он считает, что обитавшая на Дону вольница - это азовские казаки, в XV в. совершавшие нападения на русские земли, а в 1549 г. признавшие власть Ивана IV и сделавшиеся для России «надежным оплотом против покушений крымских татар». Контакты между русским и азовским вольным казачеством, безусловно, существовали, но схема Веймарна полностью исключает из сложнейшего процесса образования донского казачества рязанских, мещерских и путивльских казаков, в XV – начале XVI в. уходивших «в молодечество» на «запольные» реки.

Через три года после выхода в свет «Высшей тактики» Веймарна обширный труд «Обозрение истории военного искусства» подготовил и издал Л.И. Зедделер. Вторая часть написанной им книги включала небольшой раздел, посвященный состоянию военного дела

в древней и средневековой России. В работе автор использовал документы, опубликованные в «Актах исторических», разрядные записи, сочинения Авраамия Палицына и иностранцев – участников польско-литовской интервенции. Летописями Зедделер не пользовался, черпая фактический материал из сочинений Н.М. Карамзина и Р.М. Зотова, многие наблюдения которого воспроизвел почти дословно. Учитывая сказанное, обращение Зедделера к проблемам российской военной истории нельзя признать удачным. Ошибочным является его утверждение о появлении при Иване III, в русской армии «гуляй-городов». Как известно, первые сведения о наличии в русском войске таких сооружений относятся лишь ко времени осады Казани в 1530 г. Явно завышена автором численность русского войска при Борисе Годунове, якобы доходившая до 500 тыс. человек. В то же время Зедделер стал одним из первых исследователей, обративших внимание на предпринятую кн. М.В. Скопиным-Шуйским в 1609 г. попытку обучения русских ратников «по правилам, введенным в Голландии принцем Маврикием Нассавским», предусматривающую проведение «примерных боев», устройство окопов и острожков. При всех отмеченных недостатках книги Зедделера и Веймарна выгодно отличались от других военно-исторических работ того времени, полностью игнорировавших специфические черты русского военного искусства. К числу последних относятся сочинения М.И. Богдановича, сосредоточившего внимание на изучении военных аспектов всеобщей истории.

Помимо разработки обзорных курсов истории военного искусства, продолжалось изучение отдельных военных эпох. Наиболее заметной работой стало сочинение Д.П. Бутурлина «История Смутного времени в России в начале XVII в». (СПб., 1839-1846). В отечественной историографии взгляды этого автора как правило осуждались и отвергались. Весьма показательную характеристику ему дал известный советский историк Л.Г. Бескровный: «Монархист-реакционер, убежденный противник декабристов, он выступал душителем прогрессивных идей не только в области военной истории». Но, если рассматривать труд Бутурлина беспристрастно, нельзя не отметить с какой добросовестностью автор подошел к работе, используя широкий круг источников, в том числе обширный актовый материал, летописи, записи разрядных книг, сочинения А. Палицына, Д. Флетчера, Ж. Маржерета, С. Жолкевского, С. Маскевича, Г. Паерле, П. Петрея, «Историю» Ю. Видекинда и т.п.

Приступая к исследованию, Бутурлин подчеркнул, что «начало XVII-го века в России ознаменовано событиями чрезвычайными, кои тем более изумляют нас, что история предшествующего полувека нисколько не приготовляет к оным». Историк противопоставляет времена Бориса Годунова и Ивана Грозного, «неистовствам» которого русский народ «двадцать четыре года сряду безропотно покорялся» и формулирует цель работы – выяснение причин «дивных переворотов» Смутного времени, «важным следствием коих было изменение в общественном устройстве самого многолюдного сословия в России». Поражаясь необъяснимости народного бунта, разорвавшего «узы законной подчиненности», Бутурлин сознательно драматизирует сложившуюся в стране в канун Смутного времени ситуацию, зная ответ на свой вопрос: ситуацию в стране взорвало начавшееся «пагубное для России по последствиям» закрепощение («укрепление») крестьян. Историк связывал его с расширением границ и усилением «бродяжничества» сельского населения. В эпоху мощных социальных конфликтов, потрясающих основы российской государственности, «одна самодержавная власть, сосредоточенная в руках мощного государя, подкрепляемая единодушной преданностью первейших сословий, могла обуздать порождающуюся крамолу и спасти несчастное Отечество». Многие выводы и оценки автора до настоящего времени не потеряли значения. Так, анализируя сообщение Видекинда (заимствованное последним у С. Кобержицкого) о битве на р. Ходынке, Бутурлин убедительно опроверг приведенную им цифру русских потерь – 14 тыс. человек, показав, что они составили 1400 человек.

Особую ценность сочинению Бутурлина придает публикация приложений – важнейших памятников Смутного времени. К сожалению, изложение событий истории «Великого Московского разорения» начала XVII в. автор оборвал описанием вступления польских войск в Москву в сентябре 1610 г. Организация земских ополчений Смутного времени и перипетии освободительной войны русского народа против польско-литовской и шведской интервенции остались за пределами работы Бутурлина.

В середине XIX в. проблемы военной истории начинает разрабатывать И.Д. Беляев. В известных работах «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича». (М., 1846) и «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим». (М., 1846) исследователь затронул важнейшие вопросы организации охраны и обороны границ Московского государства, попытался определить принципы комплектования армии и вспомогательных частей, порядок службы ратных людей, коснулся изменений, произошедших в вооруженных силах России в 30-40-х гг. XVII в. В целом выводы Беляева сохранили значение и в наше время. Им впервые, задолго до публикации полного текста, был введен в научный оборот «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», разработанный в 1571 г. под руководством М.И. Воротынского, определены маршруты движения станичных дозоров и места расположения сторожевых застав, историк зафиксировал изменения, произошедшие в организации станичной и сторожевой службы на рубеже XVI и XVII вв. Строгое следование фактам, почерпнутым в документальных памятниках изучаемого периода, уберегли Беляева от опасного стремления дополнить сохранившуюся в источниках информацию собственными предположениями. Его заключения точны и безукоризненны. Их трудно опровергнуть, но можно дополнить новыми материалами, неизвестными в середине XIX в. Работая над книгой о русском войске XVII в., Беляев обратил внимание на его состав, комплектование, снабжение и вооружение, продемонстрировав прекрасное знание предмета и понимание важности поднимаемых проблем. Военные историки того времени были далеки от этого, отдавая предпочтение изучению деятельности полководцев. Даже полвека спустя, ряд разрешенных Беляевым вопросов, например о поместных и городских казаках, боевых холопах, сражавшихся вместе с помещиками, воспринимался историками «в погонах» (Д.Ф. Масловским, А.К. Баиовым) в совершенно искаженном виде.

Заметным явлением в развитии российской военной историографии стали работы Н.С. Голицына. Особый интерес представляет его фундаментальный труд «Русская военная история», вторая часть которого («От Иоанна III до Петра I», ч. 2. СПб., 1878) касается проблематики настоящего исследования. Автор широко использовал летописи, мемуары и дневники иностранцев, записи Авраамия Палицына и С.И. Шаховского. Впервые при изучении русской военной истории он попытался привлечь сведения о состоянии вооруженных сил соседних стран и народов, находившихся во враждебных отношениях с Московским государством. В отечественной историографии Голицына справедливо упрекали в преувеличении роли заимствований в развитии русского военного искусства, однако, ему удалось дать достаточно полное описание русской армии и многих «замечательнейших» войн и походов, в которых она участвовала.

Слабейшим элементом военной организации Московской Руси Голицын считал сформированное при Иване III дворянское ополчение, действия которого влекли «больше недостатков и невыгод, нежели достоинств и выгод». В качестве главного аргумента отсталости существовавшей в стране в XVI-XVII вв. военно-поместной службы историк использовал опыт развития вооруженных сил европейских государств, где «ленная служба уже оказала полную несостоятельность и была заменена содержанием постоянных войск на жалованье». Временем создания поместного войска автор определил 1500 г., когда была проведена раздача земельных владений в условное держание детям боярским. По мнению Голицына, военные возможности Московского государства ослабляло и «вредное местничество между боярами и воеводами», являвшееся следствием монголо-татарского

ига, благодаря которому русское военное дело приобрело «характер более азиатский и, уступая западноевропейскому, находилось, в сравнении с ним, на низкой степени совершенства».

Важнейшей ошибкой Голицына, воспринятой многими русскими историками было утверждение о существовании в русской поместной коннице подразделений, называвшихся «десятьями», которые включали всех служилых людей, причисленных к городу. «Десятни», по мнению автора, во время похода вливались в состав собравшейся рати и состояли «под начальством дворянина, а иногда и стольника». Следует отметить, что в документах XVI-XVII вв. упоминание о «десятьях» как боевых частях не встречается. Крупные отряды, высланные против врага и не входившие в состав полевой армии («полков»), именовались «сотнями».

Описывая вооружение русских воинов, имевшиеся у них подвижные укрепления типа «гуляй-города», засечные сооружения Голицын, как правило, точен в деталях. Однако несколько ошибок он допустил. Так, название «затинной пищали», историк производит от слова «затин» - «заряд» (на самом деле – от слова «тын» - «стена»). Более существенной является ошибка автора при определении начала засечного строительства на юге России. Он полагал, что оборонительные сооружения появляются здесь при Иване Калите, который, по словам Голицына, «укрепил засекой границы от Оки до Дона и от Дона до Волги». Более того, именно эту линию автор считал Белгородской чертой, в действительности построенной лишь в 30-50-х гг. XVII в.

Рассмотрев ход русских войн XV-XVII вв., Голицын пытался обосновать ряд тезисов, с которыми историку трудно согласиться. К их числу относится заявление о том, что победа русского оружия в Ведрошской битве «не имела никаких последствий». Вряд ли можно считать безрезультатным разгром лучшей литовской армии и пленение ее командного состава, во главе с князем К.И. Острожским. Достаточно полно освещая военную историю Московского государства, описывая крупнейшие сражения XVI-XVII вв. (помимо Ведрошской битвы 1500 г., автор подробно рассказывает о сражениях под Оршей в 1514 г., при Молодях в 1572 г., близ урочища Узруй в 1604 г., под Добрыничами в 1605 г., об осадах Смоленска (1514), Казани (1552), Нарвы (1558), Полоцка (1563), об обороне Пскова и Псково-Печерского монастыря (1581), Троице-Сергиева монастыря (1608-1610) и др.), все же ряд битв того времени Голицыным не указан. К их числу относятся бой с литовцами у деревни Овлялицы на р. Уле, где в январе 1564 г. потерпело поражение войско кн. П.И. Шуйского, многие другие сражения Ливонской войны, русско-шведской войны 1554-1557 гг., Смутного времени, особенно периода восстания И.И. Болотникова и Лжепетра.

На рубеже XIX-XX вв. фактором, предопределившим дальнейшее развитие русской военной истории стало появление двух научных школ, представители которых придерживались противоположных взглядов на закономерности развития военного дела и, доказывая свою правоту, развернули ожесточенную полемику между собой. Направление, объединившее последователей Г.А. Леера, получило название академической школы, создателем другого (русской школы) стал Д.Ф. Масловский.

В науке не сложилось единой точки зрения на причины, породившие размежевание российских военных историков на «академистов» и «русское» направление. Попытка объявить последователей Леера реакционерами, сторонниками царизма, а их оппонентов – представителями передовой и демократической военной мысли, была убедительно опровергнута В.О. Дьяковым. Проанализировав концептуальные работы деятелей обеих школ, он показал, что все видные историки последней четверти XIX в. принадлежали к официальному направлению русской военной историографии, считая, сильную монархию лучшей формой правления для развития отечественных вооруженных сил. Не совсем точным является утверждение Л.Г. Бескровного о том, что одно из главных отличий «академистов» от сторонников Масловского кроется в их убеждении о зависимости русского военного искусства от опыта, привнесенного варягами, византийцами,

монголами, немцами, французами и др. иноземцами. «Академисты» действительно являлись приверженцами теории «единой столбовой дороги в военном искусстве», но не отвергали своеобразия военной организации России допетровского времени. Об этом свидетельствуют высказывания виднейшего представителя «академической школы» П.О. Бобровского. Он признавал русскую поместную конницу «главным родом национальных войск», подчеркивал, что до конца XVII столетия «в государстве существовали две системы вооруженных сил, *старая* поместная или русская <...> и *новая* – иноземная». Тем не менее, возникновение первой исследователь связывал с влиянием «начал византийских и монголо-татарских», а второй – с влиянием западноевропейских новаций. С другой стороны, хорошо известно резкое выступление примыкавшего к «русской школе» А.К. Пузыревского, протестовавшего против доводов Н.П. Михневича, первым заговорившего о существовании самостоятельного русского военного искусства. Возражая ему, Пузыревский задает риторический вопрос: неужели «удалось розыскать какие-то особые основы русского военного искусства, чуждые всякому другому, не русскому военному искусству?» Далее он делает вывод о невозможности такого разделения, приводя не совсем удачный пример с математикой, где не существует национального элемента. Ниже Пузыревский говорит о формах проявления военного искусства, которые «могут носить, и в большинстве носят национальный характер». Окончательно запутывает дело воспроизведение им тезиса Михневича о «превосходстве нашего (т.е. русского. – В.В.) военного искусства над европейским в разные эпохи».

Трудности с определением существа расхождений приверженцев вышеназванных школ дали основание Г.П. Мещерякову считать произошедшее разделение искусственным, так как «взгляды Д.Ф. Масловского на задачи, содержание, методы военно-исторической науки принципиально не отличались от взглядов Г.А. Леера». Согласиться с подобным утверждением нельзя. Представители двух соперничающих направлений по-разному определяли роль науки в развитии «практического» военного дела, вели жаркие дискуссии о важности материально-технических средств и духовно-нравственных факторов в деле боевой подготовки военнослужащих. В поисках аргументов, подтверждающих собственную правоту, «академисты» и сторонники «русской школы» обращались к событиям военной истории. Анализ их концептуальных высказываний, доводов и используемых примеров позволяет утверждать, что главным пунктом расхождений стал вопрос о возможности создания универсальной военной науки, способной «подвести частные явления под общие законы». Убежденными сторонниками необходимости теоретического обоснования всех аспектов военного дела являлись Г.А. Леер и его последователи. В своих построениях они использовали материалы, полученные в ходе изучения войн и военных конфликтов прошлых веков, но лишь для подтверждения достаточно умозрительных гипотез. Военной истории Леер отводил роль лаборатории военной науки, разработав критико-исторический метод исследования, ставивший цель научного поиска в зависимости от необходимости теоретического определения основных закономерностей военного искусства. Один из его учеников П.А. Гейсман полагал, что «вечные и неизменные принципы» организации вооруженных сил и ведения военных действий «были прежде, суть теперь и будут представлять и впредь нечто иное, как руководящие основания в деле решения вопросов, подлежащих военному искусству, как практическому делу» («Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. 1. СПб., 1893. С. 1). Далее он писал, что изучение теории и практики вооруженной борьбы должно идти параллельно с исследованием истории развития народов и обществ, в противном случае «неполнота изучения и освещения будет иметь следствием узость взглядов и односторонность или недостаточную многосторонность заключительных выводов». Однако если исходный материал не укладывался в разработанные «академистами» схемы, Гейсман легко отказывался от его использования в своих работах. Так, из второго издания «Краткого курса военного искусства» он исключил все примеры, касающиеся российской истории, объяснив это следующим образом:

«Сопоставление генералов русских с западноевропейскими, войн России с войнами других государств и т.п. совершенно бесполезно. На этом пути невозможно добиться сколько-нибудь удовлетворительных результатов, сколько-нибудь определенных выводов». С утверждением Гейсмана не согласился еще один представитель «академической школы» П.О. Бобровский, постоянно обращавшийся к изучению организации вооруженных сил в Московском государстве XVI и особенно XVII вв. Столь пристальный интерес к эпохе, предшествующей коренной перестройке русской армии, начатой Петром I, объяснялся стремлением опровергнуть существующее в науке утверждение о том, что военноправовые установления первого российского императора имели исключительно иноземный характер, так как он заимствовал лишь то, что могло прижиться в России. В наиболее полном виде взгляды Бобровского представлены в работе «Переход России к регулярной армии», где изложение конкретного материала предваряет весьма характерное заявление автора: «Сопоставляя события отечественной истории с соответствующими явлениями на Западе в переходную эпоху военного искусства, нельзя не заметить неизбежности у нас перелома в устройстве и содержании войск за многие десятки лет до начала великой северной войны». Значительную часть процитированной работы «Переход России к регулярной армии.» (СПб., 1885) Бобровский посвятил изучению состава, комплектования, вооружения и обучения армии Московского государства. В отличие от предшественников им были использованы не только нарративные источники, но и официальные документы, опубликованные в многотомных сборниках «Собрание государственных грамот и договоров», «Акты археографической экспедиции», а также «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки» Онисима Михайлова и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Однако содержащуюся в источниках информацию Бобровский использовал весьма односторонне, привлекая только факты, свидетельствовавшие о неудовлетворительном состоянии вооруженных сил России в допетровское время.

Основной причиной слабости московской армии он считал иррегулярный ее характер. «Боярский сын, стрелец, пушкарь, - писал Бобровский, - в одно и тоже время был и воином и гражданином. По окончании войны помещик – сын боярский, дворянин, складывал свое оружие и обращался в сельского хозяина или чиновника; стрелец или городской казак принимался за прибыльный для него промысел, или отправлялся торговать за прилавок». Временной являлась и служба «войск позднейшей формации» - полков солдатского, рейтарского и драгунского строя, появившихся в России в XVII в. Несмотря на вооружение военнослужащих этих частей иноземным оружием и обучение их строевым приемам, они, по мнению Бобровского, «не выделялись из остальной массы народонаселения», так как после окончания похода распускались по домам, «в мирной обстановке не отличаясь от поселян и посадских, занимались хозяйством, промыслами, чем могли». Вследствие такой организации службы, они «военного дела не знали». Категоричность формулировок Бобровского приводит к серьезным ошибкам. Нельзя согласиться с заявлением автора о том, что «почти все начальники и офицеры разных родов войск, не исключая и иноземцев, обращались в помещиков». Как правило, поместный оклад получали «немцы», принявшие православие, так как правительство запрещало иноверцам приобретать земли, населенные православными людьми. В архивных документах постоянно упоминаются «поместные» и «кормовые» иноземцы «разных чинов».

П.О. Бобровский обратил внимание на значение службы тяглых людей, в случае большой военной опасности привлекавшихся на помощь дворянскому ополчению, однако сделанный историком вывод грешит прямолинейностью. Он полагал, что «города обороняли служилыми «посадками» (?) или черными людьми, засечные линии – подымными» людьми. В действительности, в случае вражеского нападения в отражении его принимало участие все население близлежащего к атакованному рубежу или городу

уезда. Посошные и даточные люди участвовали в военных действиях, включаясь в состав походных ратей.

Представители «русской школы» не разделяли убеждения «академистов» в возможности создания универсальной, единой для всех времен и обществ военной науки, стараясь доказать, что моральное состояние войск, боевой опыт и традиции более важны для военной практики, чем техническое изменение средств вооруженной борьбы. Первостепенную роль в понимании ценности «духовного элемента» сыграли занятия русской историей, показавшие значительные различия в организации вооруженных сил стран Запада и Московского государства. Основоположником нового направления стал профессор Николаевской академии Генерального штаба Д.Ф. Масловский, автор первого академического курса истории русского военного искусства («Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1-2. СПб., 1891-1894»). Повторив ставшее к тому времени аксиомой утверждение о том, что «Петр Великий резко видоизменил направление военного искусства в России», историк поставил перед собой цель «обратить более серьезное внимание на значение допетровского времени, выяснить коренные особенности русского военного искусства этого периода, историческую подготовку к реформам». Он полагал необходимым выяснить «национальные особенности ведения войны и боя», ибо только так можно было установить степень «участия народа в деле самозащиты и тем облегчить разумное пользование средствами земли, искони готовой отдать все нужное своей национальной армии». Отличительную черту организации вооруженных сил Московского государства Масловский видел в основополагающем принципе устройства русских войск в виде поместной системы, которая, по мнению автора, имела глубокие и прочные корни в русской истории, окончательно сформировавшись к середине XVI в. К поместным войскам Масловский относил дворянскую конницу, городских казаков, стрельцов, людей «пушкарского чина» и подразделения иноземного строя. При этом он исходил из ложной посылки получения всеми служилыми людьми поместных участков, которые являлись основным видом вознаграждения, в дополнение к которому стрельцы и казаки получали денежное жалованье. Хлебной казной, по мнению историка, жаловались лишь московские стрельцы. Это утверждение Масловского, воспринятое его последователями, в корне ошибочно. Действительно, в составе стрелецких и казацких гарнизонов находилось известное число воинов, несших службу «с земли», но еще больше стрельцов и казаков «служили с денежного и хлебного жалованья». Так, по «Росписи» Стрелецкого приказа 1631 г. земельными участками были «устроены» служилые люди «по прибору» в 27 южных городах. В 33 городах стрельцы несли службу только «с денежного и хлебного жалованья, еще в 8 городах (по преимуществу в южных и юго-западных уездах) часть гарнизона обеспечивалась земельным, другая – денежным и хлебным жалованьем. Стрельцы, находившиеся в Москве, Пскове, Ярославле, Костроме, Великом Новгороде, Вязьме, Переяславле-Рязанском земельных дач не получали. Как видно из сохранившейся «Росписи», говорить о стрельцах и городских казаках как о «поместном войске» не приходится, да и хлебное жалованье получали не только московские, но и городские стрельцы и казаки, но в значительно меньших размерах по сравнению с воинами столичного гарнизона.

Масловскому удалось дать достаточно полный и точный обзор организации станичной и сторожевой службы на южных, западных и северо-западных границах, где в середине XVII в. были размещены поселенные драгунские полки. Разбирая характер службы войск, привлекаемых к обороне рубежей, историк высказал спорное с нашей точки зрения мнение о том, что находившиеся в некоторых южных крепостях «конные стрельцы были те же пешие, но посаженные при надобности на лошадей». Единственным исключением являлись астраханские конные стрельцы, да и то только потому, что в Астрахани не было городских казаков. Утверждение Масловского нельзя признать корректным. Действительно, городских казаков в Астрахани не было, однако их с успехом заменяли служилые татары. Так, по архивным документам в 1629 г. в городе было помимо

92 детей боярских, 1 тысячи конных и 2 тысяч пеших стрельцов и 50 пушкарей, 900 едиганских татар и 2 тысячи ногайцев. Кроме Москвы и Астрахани конные стрельцы входили в гарнизоны Оскола, Епифани, Терков, Казани, Черного Яра, Царицына, Самары, Уфы и Саратова. Считать их, следуя Масловскому ездящей пехотой, нет оснований.

Части, составленные из иноземцев, Масловский также причислял к поместным войскам, отмечая, что «в Московском государстве иноземцами не только не чуждались, но, напротив, охотно пользовались их услугами для удовлетворения практическим нуждам страны, прежде всего потребностям военного дела». Уже в первых годах XVI в. в Москве находилось не менее 1500 иностранцев, преимущественно артиллеристов и техников, объединенных в отдельный «полк». Многократно умножилось число чужеземных военных специалистов в XVII в., когда в России появились части, обученные и вооруженные по европейским образцам. Масловский правильно подчеркнул, что, несмотря на исключительное положение, занятое иностранцами в полках «нового строя», большинство рядовых в них составляли русские солдаты и драгуны, набранные из беспоместных детей боярских и «охочих людей». Тем самым, он первым из русских военных историков опроверг устоявшееся ранее убеждение, что «царь Михаил Феодорович, видя ненадежность [московского] войска, в трудной борьбе с Польшею, неоднократно набирал в Швеции, Англии и Голландии целые пехотные полки, и усиливал ими свое войско». Масловский отметил, что новые полки формировались в России, а в 5 первых полках, общей численностью 9 500 человек, несли службу 6 500 русских солдат, рейтар и драгун. Правильно определив место иностранных специалистов в вооруженных силах Московского государства, исследователь продолжал упорно доказывать поместный характер полков «нового строя» на том основании, что их командный состав получал за службу поместья и вотчины. Сейчас уже доказано - значительная часть офицеров не версталась поместными окладами, получая большое денежное жалованье, первоначально значительно превосходившее содержание командного состава стрельцов, городских казаков и сотенных голов дворянского ополчения.

В общую поместную систему, по мнению исследователя, не вписывались лишь воины, рекрутируемые на службу из числа тяглого населения. Масловский объединил их в разряд, названный «пешие и конные *даточные*», что для XVII в. следует признать соответствующим истинному положению дел. Историк в самых общих чертах коснулся вопроса их комплектования, предположив, что из них составлялись крупные воинские соединения. По его утверждению, «эти войска формировались из обязанных крестьян, взятых от помещиков, обществ и учреждений, которые не пользовались никакими льготами поместных войск». Он отметил генетическую связь даточных людей с древнерусскими «воями» - земской армией, «формировавшейся рядом с княжеским дружинами лишь в некоторых только случаях, но стоявшей совершенно особняком от первых и тоже не пользовавшихся никаким вознаграждением, служившим только для защиты своей земли». В то же время, автор крайне негативно оценил боевые возможности и вооружение военных слуг, «выходивших в поле с дворянами». Вопреки свидетельству Григория Котошихина, Масловский полагает, что они не участвовали в основных боевых операциях, неся «отдельную службу: по сопровождению обоза, по фуражировкам и т.п. второстепенным действиям», а также по уходу за конским составом». Между тем, Котошихин различал боевых холопов и «кошевых людей», находившихся при обозах и лошадях, отметив, что в боях военных слуг от дворян «не отлучают и [они] бывают с ними вместе под одним знаменем». Архивные документы подтверждают правоту Котошихина. Десятни и разборные книги упоминают отдельно кошевых людей, сопровождавших служилых людей «в кошу, на возу» и отдельно боевых холопов, выступающих в поход на конях с саблями, саадаками и огнестрельным оружием. Наконец, следует привести самый убедительный с нашей точки зрения аргумент: сами власти при мобилизации дворян на службу различало боевых холопов и кошевых людей, что несомненно было связано с их предназначением. Говоря о вооружении дворянских людей, Масловский писал о его

«ничтожности». По его мнению, военные слуги имели лишь сабли, луки, «а иногда и просто рогатины». Это утверждение не соответствует действительности. Боевые холопы часто были вооружены лучше дворян, в том числе и огнестрельным оружием. Впрочем, это обстоятельство выяснилось позже, после разбора десятиен.

Не вызывает возражений проделанный Масловским анализ организации сторожевых застав и «поддержек», выставяемых по рубежу из южных так называемых «украинных» городов. Ценным является наблюдение, что отряды эти всегда были «с огненным боем». Рассматривая изменения, произошедшие в системе охраны порубежья в XVII в., исследователь отметил, что с 1640-х гг. правительство стремилось «заселить границу целыми войсковыми частями служилого населения», подтверждая такой вывод бесспорным примером учреждения поселенных драгун в Комарицкой и Олонецкой волостях. Не потерял своего значения сделанный им детальный разбор ряда неизвестных операций, в том числе действий русских войск под Смоленском в 1614 г. и при отражении крымского набега 1623 г.

Ученики и последователи Масловского развивали и дополняли его теории, касающиеся военной истории Московского государства допетровского времени. Исключением является один из наиболее ярких представителей «русской школы» А.К. Пузыревский, разделявший взгляды Масловского на теорию и практику военного дела, но не признававший большого самостоятельного значения национальных форм отечественного военного искусства и отказавшийся от их изучения. Он полагал, что внимание историков должно быть сконцентрировано на постижении народа и государства, являвшегося «наиболее полным выразителем военного искусства данной эпохи». Это обстоятельство позволило Л.Г. Бескровному утверждать, что исследователь «занимал промежуточное положение между «русской» и «академической» школами». Более осторожный В.О. Дьяков писал о «колебаниях» Пузыревского в 80-х гг. XIX в., но признавал его истинным представителем «русской школы», утверждая, что свои «колебания» историк полностью изжил. Утверждение Дьякова не точно, столь же критично по отношению к национальному элементу в военной истории Пузыревский высказывался на рубеже XIX и XX вв. в рецензии на книгу Н.П. Михневича «Основы русского военного искусства» (ж-л «Разведчик» 1898. № 426. С. 1087-1088)

Другие последователи Масловского были настроены более позитивно в отношении отечественных «форм военного искусства». Важный шаг в разработке проблемы перехода русской армии на европейскую систему чинов был сделан А.З. Мышлаевским, известным публикатором документов, посвященных истории русской армии начала XVIII в. В работе «Офицерский вопрос в XVII в» (СПб., 1899.) исследователь пришел к очень важному выводу, что до появления в России иноязычных обозначений служебных разрядов командного состава в нашей стране «за исключением звания воеводы, которое являлось общим термином, а потому приравнивалось и к административным должностям, все прочие звания были исключительно строевыми, <...> каждому званию соответствовала вполне определенная строевая обязанность, вытекавшая из сущности организации войск». Он полагал, что «старорусская система офицерских должностей представляет весьма поучительный образчик умеренного, строго соображенного с действительными потребностями, [благодаря чему удалось избежать] нагромождения в войсках начальственного элемента».

Появление в Московском государстве воинских частей, обученных и вооруженных на европейский манер, вынудил правительство ввести чины полковника, подполковника, майора, капитана (ротмистра), поручика, прапорщика. Затронув тему чинопроизводства, Мышлаевский установил, что, если первоначально право производить в любые офицерские чины по своему усмотрению имели старшие начальники из иноземцев, то в середине XVII в. их возможности ограничили – даже «генералиссимус» Шарль Эргард в 1656 г. мог самостоятельно производить офицеров в чины не выше майора.

Автор допустил ряд небольших неточностей, несколько снижающих значение его труда. Так, высказав предположение, что Приказ сбора ратных людей являлся «или прототипом или составной частью Иноземного приказа», созданного в 1628 г., Мышлаевский описывает деятельность Приказа сбора ратных людей как самостоятельного учреждения в 1639 г. В действительности Иноземский приказ известен с 1624 г., предшественником его был Панский приказ.

Младшими представителями «русской школы» были А.К. Баиов и А.Г. Елчанинов. Первый в своих работах попытался дать общую картину развития русского военного искусства с древнейших времен, определить его закономерности, показать наиболее характерные черты в разные исторические эпохи. Военная история Московской Руси была прослежена в 1-м выпуске «Курса истории русского военного искусства», озаглавленном «От начала Руси до Петра Великого». Выполняя пожелание Конференции Николаевской академии Генерального штаба, рекомендовавшей описать состояние военного дела в России в XVII в., для формирования у слушателей академии сознательного отношения к реформам Петра Великого, Баиов расширил хронологические рамки «Курса», пояснив, что «военное дело, каким оно было в XVII столетии, в значительной своей части сложилось еще в XVI столетии, а основы получило даже гораздо ранее; с другой стороны несомненно, что обзор состояния нашего военного искусства, с первых же дней существования Руси, для нас, русских, должно представлять собой значительный интерес, сообщая этим сведениям полноту, систематичность и цельность, тем более, что и в самой седой нашей старине есть немало поучительного даже и для настоящего времени».

Баиов считал, что основы военной организации Московского государства были заложены при Иване III, который действовал вполне осознанно, стремясь иметь не только «сильную и многочисленную армию, но и армию, однообразную по составу, вполне национальную, проникнутую высоким чувством патриотизма, основанного на сознании принадлежности к великой нации, составляющей единое могущественное государство, на любви к этому государству, на преданности своим государям и приверженности своей религии». Такая армия необходима была Ивану III для включения всей Русской земли в состав его «вотчины» и получения выхода к морю, «из которого был-бы свободный выход». Реализация этих замыслов привела к возникновению вековой борьбы Руси и Польши.

Автор полагал, что в XVI в. в Московском государстве была создана стройная и сложная система поместного обеспечения воинской службы, при которой служилые люди «по отечеству» делились на два разряда: «к первому принадлежали высшие чины, владевшие поместьями близ Москвы, а также выборные из других городов. Этот разряд составлял Московский двор. Второй разряд состоял из низших чинов, владевшие поместьями вдали от Москвы, преимущественно там, где служили, и называвшиеся городскими или уездными дворянами и детьми боярскими». Знакомство с документами показывает, что историк упростил ситуацию. Все уездные корпорации дворян и детей боярских делились на три разряда: «выборных», «дворовых» и «городовых» детей боярских, различавшихся по характеру службы и ее обеспечению. Как и Д.Ф. Масловский, Баиов причислял к поместным войскам стрельцов, поместных и городских казаков, людей «пушкарского чина» (пушкарей, затинщиков, воротников, казенных плотников и кузнецов); выделяя последних в «отдельный цех».

Разбирая условия службы дворян и детей боярских, исследователь полагал, что все они делились на 3 статьи, однако в источниках встречаются случаи верстания служилых людей на большее и меньшее число статей.

Условия верстания и службы воинов дворянского поместного ополчения Баиовым были тщательно исследованы особенно тщательно. Проанализировав их, историк пришел к обоснованному выводу, что получаемые служилыми людьми поместные и денежные оклады «не всегда соответствовали действительным дачам и были связаны с характером и ходом самой службы». В более привилегированном положении находились «люди высших

чинов, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые». Только они получали назначенные денежные оклады «сполна и ежегодно», а городские дети боярские получали жалованье «один раз в три, четыре, а то и пять лет». Служилым людям, занимавшим приносившие доход должности, а также освобожденным от воинской службы, деньги не выплачивались или выплачивались «с убавкой».

Внимание Баиова привлекли условия верстания «новики». Исследователь показал, что оно производилось двумя способами: «в отвод» и «в припуск». Первый из способов осуществлялся в отношении старших сыновей, зачислявшихся в уездную корпорацию при служившем отце. Таких «новики» наделяли особыми поместьями из резервного земельного фонда. Младший сын, начинавший служить позже братьев, заменял постаревшего отца и «припускался» в его поместье, а после смерти родителя наследовал отцовскую поместную «дачу». Заключение исследователя нуждается в небольшом уточнении. Как правило, вступающий в службу «новик» получал в поместье не все владение отца, а лишь его часть. Так, в 1638 г. по челобитной бежицкого помещика Ф.А. Бешенцова, из-за ран уволенного со службы, его шестнадцатилетний сын Иван получил в оклад только 350 четвертей земли из 500 бывших у отца.

Необходимость иметь в составе вооруженных сил постоянные части повлекла за собой создание «поместного» стрелецкого войска, несшего, по мнению Баиова, службу в основном в пешем строю и «только лучшие из них составляли особый конный отряд и назывались стрелянными». В этом случае историк заблуждался. В некоторых южных городах, как показывают сохранившиеся «росписи» и «сметы» русского войска второй трети XVII в., наряду с пешими находились и конные стрельцы.

В состав поместного войска не входили крестьянские ополчения, выставлявшиеся населением «с известного числа дворов» во время больших войн. Используя терминологию XVII в., Баиов именует их «даточными людьми». Непонятной остается причина, по которой историк включил в этот разряд русского войска лишь крестьян. Данные, относящиеся даже к первой половине XVI в. свидетельствуют, что пососные и подворные мобилизации касались всего тяглого населения Московского государства, включая владельческих и черносошных крестьян, посадских людей. В XVII в. на службу привлекались по особой разверстке представители ряда народов Поволжья («ясашных» казанских татар, чувашей и марийцев). Высоко оценивая значение русской артиллерии, исследователь отметил поразивший его факт отсутствия цеховой замкнутости в среде русских пушкарей, отнеся процесс разрушения корпоративного единства артиллерийских мастеров ко времени правления Василия III, когда для обслуживания пушек и пищалей «уже не хватало цеховых пушкарей и их приходилось пополнять даточными людьми». Несмотря на гипотетичность этого предположения, не подтвержденного никакими доказательствами, предпринятая Баиовым попытка объяснить несоответствие европейской и русской организации артиллерийской службы заслуживает внимания. Автор первым обратил внимание на то, что в случае необходимости из «тюфяков» (дробовых артиллерийских орудий) могли стрелять и ядрами. Позднее его предположение было подтверждено А.Н. Кирпичниковым и И.Н. Хлоповым.

Касаясь вопроса организации русского войска, Баиов, несмотря на убедительные возражения А.З. Мышлаевского, вслед за Д.Ф. Масловским продолжал утверждать, что основным подразделением поместной армии являлась «десятьня», состоявшая из служилых людей, «приписанных к какому-либо одному городу». Развивая идеи своего учителя, исследователь бездоказательно писал о том, что «десятьни по несколько сводились в полки, которых в армии, изготовившейся к походу, было семь». В свою очередь каждая «десятьня», по мнению Баиова, делилась на сотни, а последние – на десятки. Как отмечалось выше, предложенная Масловским и схема организации поместных войска XVI-XVII вв. является искусственной и искажает общую картину устройства московской армии.

Говоря о снабжении вооруженных сил в военное время, автор отмечал, что в «неприятельских землях войска свои запасы пополняли путем фуражировок в попутных селениях и городах. В этих случаях для сбора необходимых запасов высылались особые отряды, называвшиеся кормовщиками». Такой способ обеспечения армии, по мнению Баиова, способствовал «развитию мародерства, борьба с которым была очень затруднительна».

Требует уточнения высказывание исследователя о военной подготовке стрельцов, которые, «если и занимались обучением, то главным образом в несении караулов и конвойной службы, вряд ли это обучение давало им много в деле боевой подготовки». Между тем, дошедшие до нас документы неопровержимо свидетельствуют об умении стрельцов вести залповый огонь, действенность которого они демонстрировали на царских смотрах в середине XVI в., что вряд ли было возможно без предварительного обучения. Начиная со второй трети XVII в. часть стрелецких приказов, прежде всего из состава московского гарнизона, учились азам солдатского строя под наблюдением иностранных инструкторов.

Считая военную подготовку русской армии явно недостаточной, Баиов делал исключение для городских войск, которые, по его мнению, были более боеспособными, так как несли «постоянную службу на границах», где они были обязаны «непрерывно охранять и разведывать» в условиях частых неприятельских нападений. Такие части «если и были лишены обучения, то во всяком случае, благодаря особенностям их службы» были более боеспособными.

Отдельный раздел работы Баиова посвящен изучению качественных изменений, произошедших в вооруженных силах Московского государства во второй трети XVII в. Отметив принципиальное решение правительства о восстановлении старой, поместной системы организации армии, сильно пострадавшей в годы Смутного времени, автор затронул вопрос формирования в начале 1630-х гг. первых солдатских и рейтарского полков. Большого значения этому опыту использования обученных и вооруженных по европейскому образцу воинских частей историк не придавал, подчеркнув, что «по окончании смоленских походов дальнейшие формирования полков [иноземного строя] были прекращены, наличные – распущены, а оставшиеся в России иноземцы поверстаны поместными окладами».

Восстановить упраздненные полки «нового строя» правительство решилось после захвата донскими казаками в 1637 г. турецкой крепости Азов. Обстановка на южных границах страны обострилась, и московские власти «воспользовались драгунами и солдатами, а также офицерами-иноземцами, которые остались в России после роспуска первых солдатских полков». Службу они несли на тех же основаниях, как и поместная конница, на границу солдат и офицеров новых полков собирали лишь в самое опасное летнее время. Лишь в 1642 г. характер их службы изменился – решая вопрос о войне с Турцией из-за Азова, правительство сформировало два солдатских полка постоянного состава.

Говоря об организации вооруженных сил и управления ими в XVII в., Баиов сделал странное замечание о Разрядном приказе, отметив, что в круг его обязанностей не входил учет поместных войск. Зная, что к поместным войскам историк относил почти всю московскую армию за исключением ополчений даточных людей, следует признать Разряд не ведущим военным ведомством Московского государства, а второстепенным учреждением. Сохранившиеся документы опровергают мнение Баиова. Разрядный приказ осуществлял общее руководство вооруженными силами, начальники его держали в руках все нити военного управления. Последнее подтверждается свидетельством Котошихина, писавшего: «А ведомы в том приказе всякие воинские дела и города строение и крепостями и ружьем и служивыми людьми; так же *ведомы бояре, околничие и думные и ближние люди, и дьяки и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские* (выделено нами – В.В.), и казаки, и солдаты всякою службою».

Пристальное внимание исследователь уделит появившимся в России в XVII в. первым переводным пособиям по боевой подготовке войск, в том числе «Учению и хитрости ратного строения пехотных людей» датчанина Вильгаузена. В отличие от других историков Баиов не придавал этой книге особого значения, отмечая, что упомянутый «Устав» не получил в России большого распространения: «напечатанный по указу царя Алексея Михайловича в Москве, в Синодальной типографии, в количестве 1200 экземпляров и продаваемый по 1 рублю, он в первые 4 года разошелся в количестве 95 экземпляров, а в последующие 6 лет – еще в количестве 39 экземпляров, то есть за 10 лет было куплено всего 134 экземпляра». Обнаруженные исследователем сведения вынудили его сделать вывод о том, что «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» не было разослано в войска и не стало обязательным руководством по боевой подготовке. Вследствие этого Баиов не считает «Учение и хитрость» уставом, полагая, что современники видели в нем лишь учебное пособие и курс тактики

Не ограничиваясь рассмотрением вопросов организации и вооружения московской армии, Баиов попытался рассмотреть «образ действий войск». Однако формы проявления русского воинского искусства он рассматривает фрагментарно. Наиболее полно им разобрана только «Казанская операция» 1552 г. (термин автора), многие другие действия остались за рамками исследования, существенно снижая ценность труда.

Большинство положений Баиова оказались повторенными А.Г. Елчаниновым. Он также отнес городских казаков и стрельцов к категории постоянных поместных войск, считая, что стрельцы несли исключительно пешую службу и только лучшие из них «были конными, называясь стремянными». Подобно Масловскому и Баиову, историк утверждал, что «основным подразделением войск являлась десятня, которая состояла из людей, приписанных к какому-либо одному городу». В отличие от своих предшественников, Елчанинов не относил к поместным формированиям иноземцев, выделяя скомплектованные из них части в особый разряд.

Отличительной чертой русского военного искусства исследователь считал раннее появление «засады» (в его понимании – резерва), в использовании которой он видел «драгоценнейшую черту», проявившуюся «с самых первых дней нашей сознательной военной жизни». Действия русской артиллерии историк оценивал чрезвычайно критически, полагая, что военачальники пользовались этим средством борьбы неискусно. Опыт использования русского «наряда» во многих походах и осадах того времени, в боях с применением вооруженного малокалиберной артиллерией «гуляй-городов» не позволяет согласиться с мнением Елчанинова. Полностью опровергает его отзыв шведского капитана Пальмквиста, в середине XVII в. высоко оценившего состояние русской артиллерии и выучку пушкаррей.

Пристальное внимание автор уделит борьбе Московского государства с Казанским ханством. Однако следует указать на неверную оценку одного из самых важных этапов в отношении Руси с поволжской Татарией. Говоря о времени правления Василия III, Елчанинов пишет, что великий князь «после ряда измен казанцев водворил в Казани своего «подручника» и построил первую промежуточную опору на путях к ней – Васильсурск». По его мнению, лишь в начале царствования Ивана IV «труды предшественников были потеряны», и Москве пришлось приступить к прямому завоеванию Среднего и Нижнего Поволжья. Елчанинов умалчивает о том, что отношения между Казанью и Московским государством окончательно испортились именно при Василии III, а ухудшение русско-казанских отношений спровоцировало в 1521 г. окончательный разрыв русско-крымского союза и последующее вторжение неприятельских войск в московские пределы. Описание войн с Казанью завершается рассказом о походе 1552 г., успех которого Елчанинов видит в том, что он был «быстр, искусен, смел». Историк отмечает разнообразие приемов осадной борьбы под Казанью, упоминает о подведенных под стены города минных галереях, умалчивая о ведавшем подкопным делом немецком мастере «розмысле», отмечая, что

осада велась «под руководством русского самородного «розыска» Выродкова», в действительности возглавлявшем постройку подвижной батарейной башни.

О событиях Ливонской войны Елчанинов упоминает вскользь, определяя начало этого вооруженного конфликта 1554 г. С такой датировкой согласиться нельзя. В 1554 г. началась очередная русско-шведская война, закончившаяся в 1557 г. Ливонский орден в ней не участвовал, хотя, по сообщению Б. Рюссова, конфликт в немалой степени был спровоцирован ливонскими властями, подтолкнувшими шведского короля Густава к войне, но не поддержавшими его. Грубые ошибки Елчанинов допускает и далее. Так, он пишет, что «после неудачной осады Ивангорода, пушкари наши, не желая сдаться или увидеть позор плена своих орудий, повесились на них». Указанный случай произошел не под Ивангородом, а во время сражения под Венденом 21 октября 1578 г. Сомнительным представляется утверждение исследователя о том, что в начале Смутного времени «бояре <...>, видя в самозванце средство избавиться от Бориса [Годунова], с войсками передавались на сторону Лжедмитрия или умышленно несли поражение». Как известно, часть московских воевод, возглавляемых В.В. Голицыным и П.Ф. Басмановым, 7 мая 1605 г. перешла под Кромами на сторону Лжедмитрия I, но уже после смерти Бориса Годунова. До этого военные действия шли с переменным успехом. Русские войска потерпели несколько поражений, но одержали победы в боях за Новгород-Северский и в сражении под Добрыничами 21 января 1605 г.

Перечисляя важнейшие русские сражения и битвы, Елчанинов пропускает некоторые из них, в том числе и Клушинское сражение 24 июня 1610 г., завершившееся разгромом русско-шведской армии поляками, что в итоге предопределило судьбу правительства царя Василия Шуйского.

Не может быть принят тезис автора, о том, что, благодаря построенным при Борисе Годунове новым крепостям на южной «украине», гарнизоны их успешно отбивались от самозванцев. Население находившихся в этой части государства городов в гражданской войне XVII в. неизменно поддерживало врагов центральной власти, и правительственным войскам приходилось вести упорную борьбу за эти крепости. Отметив произошедшее в годы Смутного времени разрушение традиционной организации вооруженных сил, исследователь писал, что тогда «не могло действовать даже прочно установившееся было поместное право». Воеводам, начавшим борьбу с интервентами, поневоле «пришлось обращаться к наскоро собранным ополчениям самого смешанного состава без всякой подготовки и опыта».

Новая страница в истории русской армии начинается с появлением в России полков «нового строя». Первые из них формируются в правление Михаила Федоровича, но это были лишь «слабые приступы к преобразованиям», которым мешали частые войны, в особенности русско-польская война 1632-1634 гг. По мнению Елчанинова, под Смоленском солдатские полки «ничего из себя не дали» и были распущены. Все же участие их в военных действиях имело несколько важных следствий, привело к появлению в армии полков, разделенных на роты, новых чинов и т.п. В то время, по предположению Елчанинова, велась подготовка к созданию регулярных частей из русских людей. Поэтому в каждом солдатском полку существовал второй состав офицеров, составленный из московских служилых людей. Последнее сообщениями источников не подтверждается.

Новая структура вооруженных сил окончательно сложилась только при царе Алексее Михайловиче, но, «появление войск иноземного строя <...> оказало весьма мало влияние, распространение же огнестрельного оружия привело даже к большему предпочтению обороны». Этот вывод не соответствует реальному положению дел. В годы Смоленской войны 1632-1634 гг. только на участке фронта под Великими Луками русские войска совершили 6 нападений на Усвят и 34 рейда на полоцкие, велижские и сурожские места. Укрепившиеся в захваченном Невле отряды воеводы Никифора Плещеева атаковали противника 23 раза. Активно действовали русские рати на путивльском направлении, где

отряды служилых людей овладели городом Борзна, сожгли остроги у городов Ромны и Миргород, разорили многие пограничные селения.

Сурово критикуя организацию и выучку войск, существовавшую в Московском государстве сторожевую службу, Елчанинов не мог скрыть удивления тем, что при этом русская армия достаточно успешно вела войны с Польшей и Швецией, оберегала Россию от нападений татар и казаков и, несмотря на сложность внутривосточной обстановки, поддерживала порядок в стране.

Ряд российских историков XIX – начала XX вв. при изучении военной истории Московской Руси обратились к разработке проблем развития отдельных родов войск, их вооружения и технического оснащения. Наиболее значимыми стали труды М.И. Маркова, Н.Е. Бранденбурга, А.И. Савельева, Ф.Ф. Ласковского, А.И. Яковлева.

В работе «История конницы» (Ч. 1-3. Тверь, 1887), М.И. Марков проследил прошлое российской кавалерии, в том числе в интересующий нас период. Подобно другим отечественным историкам он считал, что «при московских царях» поместная конница являлась «главным, многочисленным и лучшим родом войск». Русские конные полки комплектовались из дворян, детей боярских и их боевых холопов. Говоря об обязательном характере службы ратников поместных ополчений, автор подчеркивает, что в случае невозможности личного участия в походе служилые люди выставляли в полки даточных людей, подобно монастырским властям, посадским и уездным людям.

Стремясь отметить исключительную роль конницы, Марков дал критический отзыв о русской пехоте того времени, которую по его мнению, «составляла плохо вооруженная и устроенная чернь, содержавшая стражу в городах». Факты опровергают подобные утверждения. Задолго до появления в Московском государстве стрелецкой пехоты в состав русской армии входили подразделения вооруженных огнестрельным оружием пищальников. Они формировались по определенной разрядке из мобилизованных на войну посадских и уездных людей. Пищальники участвовали в смоленских походах Василия III, в обороне южных границ, в действиях против казанских татар в первые годы правления Ивана IV.

Вооружение конницы Марков оценивал невысоко, полагая, что дворяне и дети боярские в основном сражались холодным оружием. В действительности, с конца XVI в. документы отмечают наличие в русской армии конных дворянских сотен, вооруженных пищалями.

Отметив факт существования в составе русской конницы казачьих частей, Марков попытался проследить историю русского казачества. Внимание исследователя привлекло первое упоминание в летописи рязанских казаков, участвовавших в борьбе с татарами в 1444 г. Донское казачество, по мнению автора, сформировалось значительно позже, так как донцы впервые упоминаются в 1549 г. в жалобе ногайского мурзы Юсуфа Ивану IV. В действительности, к этому времени русское казачество уже прочно владело Доном, совершая набеги на азовские и перекопские места. Тогда же произошел первый «прибор» донцов на московскую службу.

Внимание Маркова привлекли некоторые походы казаков. В частности, он упоминает разорение ими Сарайчика, появление первых казачьих поселений на Яике и Тереке, Сибирскую эпопею Ермака и т.п. Историк пытался вскрыть особенности действий казачьего войска в бою, характерные черты его устройства и внутренней организации. Успешные действия казаков он связывал с атакой лавами, охватывающими фланги неприятельской конницы.

Значительную часть работы Маркова составило описание сражений, в которых участвовала русская армия. Наиболее подробно он рассказал о Клушинской битве 1610 г. Историк не удалось правильно определить место расположения русских войск, но он точно указал фатальную ошибку Д.И. Шуйского, перед боем расположившего пехоту позади конных полков.

Н.Е. Бранденбургу заслуженную известность принесли работы по истории русской артиллерии «500-летие русской артиллерии (СПБ., 1889) и «Исторический каталог С-Петербургского артиллерийского музея». (СПБ., 1877). Исследователь осветил организацию службы «людей пушкарского чина», состав и численность этого разряда русского войска, размеры получаемого жалованья, деятельность Пушкарского приказа. По мнению автора, пушкари, затинщики и служившие при «наряде» технические специалисты» в годы правления Ивана Грозного составили отдельное сословие «с своими известными правами»; ведал ими особый приказ. Отныне «новые члены пушкарского сословия вступали в последнее лишь за ручательством пушкарей уже служивших». Автор обнаружил и воспроизвел в своей работе сведения о проводившихся в Московском государстве артиллерийских и стрелковых смотрах, однако допущенные им неточности при переводе сообщения Э. Дженкинсона существенно снижают их ценность. Пристальное внимание он уделил развитию материальной базы русской артиллерии. Бранденбург полагал, что «первые образцы огнестрельных орудий в России были ввезены с Запада», отмечал посредническую роль Новгорода, торговавшего с ганзейскими городами. Вскоре было налажено производство отечественных артиллерийских орудий. Известную роль в этом сыграли иноземные мастера, рядом с которыми стали работать русские ученики. Подробные характеристики различных образцов огнестрельного оружия, приведенные в трудах Бранденбурга, сохранили свое значение до наших дней. Некоторое затруднение для современных исследователей представляет использование им дореволюционных обозначений веса и калибров. Неоспоримая заслуга Бранденбурга состоит в изучении технологии производства артиллерийских орудий и боеприпасов к ним, в особенности зажигательных снарядов.

Предметом исследования А.И. Савельева и Ф.Ф. Ласковского стала история военно-инженерного искусства и инженерных войск в России. Первый из авторов обратился к проблеме развития фортификации в эпоху создания Московского государства и сделал два противоречивых заявления. С одной стороны, он воспроизвел тезис Н.С. Голицына, что Иван Калита, желая воспрепятствовать опустошениям, производимым татарами в Великом княжестве Московском, укрепил страну от Оки до Дона и через Дон к Волге. С другой стороны, он писал, что только «с постепенным водворением единоподдержавия» река Ока составила передовую охранную черту». Создание сплошного оборонительного рубежа произошло не ранее начала XVI в., когда начались крымские нападения на южнорусскую границу, вынудившие московские власти приступить к ее укреплению.

Главной заслугой Савельева стало изучение организации засечной службы, в том числе на западной границе. Но цитируя сохранившиеся документы, он ссылаясь не на «Акты исторические», где они были опубликованы, а на «Акты археографической экспедиции», чем ввел в заблуждение позднейших исследователей.

В качестве наиболее показательных примеров выучки и умения русских инженеров Савельев привел подробные сведения об осаде Казани (1552) и Смоленска (1632-1633), обороне Пскова 1581 г., Троице-Сергиева монастыря 1608-1609 гг., Смоленска 1609-1611 гг. Многие предположения и выводы автора представляют интерес и в настоящее время. Это касается указания на разделение участвовавшие в штурме Казани дворовых людей на сотни, находившиеся под начальством отборных детей боярских. Но в описании оборонительных действий русских войск у Савельева есть упущения. Подробно рассказав о неудаче армии Шеина под Смоленском в 1632-1633 гг., он проигнорировал имеющиеся свидетельства о героической обороне крепости Белая, защитники которой сорвали завоевательные планы польского короля, попытавшегося развить успех своей армии.

Высоко оценивая русское фортификационное искусство, Савельев отметил существование в России в эпоху Ивана Грозного особого сословия «розмыслов» - военных строителей. Однако общий уровень развития военного дела в стране исследователь определил как низкий. Созданное в 1550 г. стрелецкое войско, по его мнению, «существовало только по имени», так как стрельцы занимались торговлей и промыслами,

«более нежели службой». Именно в этом Савельев видел причину отставания русского военного искусства от европейского. Следствием такого положения дел стала невозможность появления в России в XVI в. инженеров, «хотя в это время более нежели когда-либо по важности, какую занимало инженерное искусство, определялась необходимость в искусных его производителях».

Начало теоретического образования русских специалистов в инженерном искусстве Савельев связывал с появлением в России в годы правления царя Василия Шуйского перевода на русский язык «Устава дел ратных». В действительности, в 1606 г. М. Юрьев и И. Фомин перевели на русский язык соответствующие разделы трактата Л. Фронспергера «Военная книга», изданного во Франкфурте-на-Майне в середине XVI в. Позднее перевод был использован Онисимом Михайловым (Радышевским) в книге «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», завершённом в 1621 г. В царствование Михаила Федоровича русская фортификация получила широкое развитие, хотя из-за нехватки средств правительство не имело возможности «помышлять о тех преобразованиях в инженерном искусстве, каким подвергалось оно в это время в других государствах». С этим обстоятельством Савельев связывал найм иностранных военных инженеров, наиболее известными из которых были: Ю. Матсон, К. Клаусен, П. Марселис, В. Шафф, Д. Таллер, Р. Мартыс, Г. Деконпин, Я. Роденбург. В Россию они приезжали с целым штатом помощников и учеников. Все инженеры причислялись к Пушкарскому приказу и получали там жалованье.

Савельев, подобно Зедделеру, обратил внимание на обучение русских ополченцев военному строю, введённому в 1609 г. в войске М.В. Скопина-Шуйского шведским военачальником Христиерном Сомме. Столетие спустя эти сведения обнаружил Г.Н. Бибииков, расценивший их как важнейшую «военную реформу», но не указал на научный приоритет своих предшественников. Автор подробно перечислил основные мероприятия властей по укреплению городов и пограничных защитных сооружений, обязанности воевод по их постройке и обороне.

Вскоре после публикации книги Савельева увидели свет «Материалы для истории инженерного искусства в России» Ф.Ф. Ласковского (СПб., 1858). Изучив бывшие в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что в допетровское время пределы Московского государства оборонялись не только отдельными укрепленными пунктами (городами, «жилысьми» и «стоялыми» острогами и острожками), но и сторожевыми линиями – непрерывными линиями укреплений, имевшими значительную протяженность. Последние, по его свидетельству, «были двух родов, сообразно свойствам местности, чрез которую пролегали; на местах открытых, степных, они состояли из земляного вала, со рвом впереди, и назывались валом, чертою. В странах лесистых они образовывались из густых лесных завалов, непроходимых для войска, в особенности для конницы и обозов, это были засечные линии». Безусловно, в чистом виде такого разделения оборонительных приграничных укреплений на «валы» («черты») и «засеки» не существовало. Засечные «крепости» входили в состав «черт», но приведенный исследователем факт использования в засечном строительстве особенностей ландшафта и рельефа действительно имел место.

Изучая особенности крепостного строительства в Московском государстве XVI-XVII вв., Ласковский обнаружил характерные отличия, присущие отдельным участкам русской границы. Он полагал, что северные рубежи страны, из-за «неприступности со стороны моря, не имели большой надобности в укрепленных пунктах». Необходимо отметить ошибочность этого утверждения. Начиная с середины XVI в. северорусские территории, в особенности Мурман и Беломорье, не раз становились объектом нападений датчан и шведов, определенный интерес к захвату Поморья проявляли и англичане. Неслучайно были воздвигнуты крепости в Коле, на Двине (Архангельский город), в Соловецком монастыре, других ключевых пунктах Русского Севера. Иногда угроза русским поселениям возрастала настолько, что вынуждала правительство принимать специальные меры. Как правило, дело ограничивалось укреплением обороны или

временным запретом торговли в угрожаемых местах (например, в Кольском остроге в 1585 г.). Даже в самые тяжелые времена московское правительство неохотно шло на территориальные уступки северным соседям, стараясь сохранить неприкосновенность существующих границ. Ошибку Ласковского легко понять, рассмотрев список находившихся в северном краю городов и крепостей. На рубеже он упоминает лишь два укрепленных пункта – Архангельск и Пустозерск, далее, по дороге вглубь России – Холмогоры, Шенкурск, Олонец, Каргополь, Великий Устюг, Вологду и Чухлому. Вне его внимания остались Кольский острог и другие порубежные крепости Беломорья – Соловецкий монастырь. Сумский и Кемский остроги. Между тем, военное значение Кольского острога было великолуды. В середине XVII в. власти держали здесь 500 стрельцов (тогда как в Вологде их было всего 149). В названных Ласковским Пустозерске и Каргополе ратных людей в те годы вообще не было. Отмечая наличие на Русском Севере сильных крепостей, автор приходит к заключению об отсутствии «какой-либо оборонительной системы северной границы». Исходным пунктом его рассуждений стало в целом верное утверждение о том, что лучшим защитником этих мест была «малонаселенность и бедность края, при недостатке в сообщениях». Незначительные набеги, «которые могли быть производимы с северо-западной и северо-восточной границ», в состоянии были остановить, по мнению Ласковского, прикрывавшие их города-крепости. В действительности, на Беломорье существовала налаженная оборонительная система, во главе которой стояли игумен и братия Соловецкого монастыря, отдельные участки границы и морского побережья охраняли гарнизоны, подчиненные кольским и двинским воеводам. В 1646 г. Москва и Архангельск вели переписку о закрытии укреплениями устья Северной Двины.

Восточная граница Московского государства, первоначально примыкавшая к Сибирскому, Казанскому и Астраханскому ханствам, после их завоевания отодвинулась за Уральские горы, а к середине XVII в. – к Охотскому морю. Присоединение Поволжья и Сибири сопровождалось строительством новых городов и острогов. Перечисляя их, Ф.Ф. Ласковский выделяет юго-восточный участок этого рубежа, обращая внимание на строительство Закамской сторожевой линии и крепостей в нижнем течении Волги.

Наиболее подробно автор освещает организацию обороны южной границы. Внимательно рассмотрев имевшиеся в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что первой линией, способной удерживать нападения крымских татар была река Ока с находившимися на ней городами Перемышлем, Калугой, Тарусой, Алексиним и Каширой. В дальнейшем, правительство вынуждено было приступить к строительству новых крепостей, необходимых для защиты русских земель к югу от Оки и северских городов, отвоеванные у Великого княжества Литовского. Даже в конце XVI в., по мнению Ласковского, «южная граница представляла мало обеспечения против внезапных вторжений неприятеля». Свое заключение исследователь подкрепил примером развернувшегося оборонительного строительства на юге при царе Федоре Ивановиче, когда были поставлены города Елец, Кромы, Ливны, Воронеж, Оскол, Курск и Белгород. Началом нового этапа в укреплении южнорусского порубежья Ласковский считал мероприятия правительства Михаила Федоровича Романова, вследствие которых «оборона южной границы была значительно улучшена правильным и более систематическим распределением ее средств». Отныне внимание властей было обращено не только на умножение числа крепостей, но и «на увеличение круга действия каждого из укрепленных пунктов. Для достижения этой цели начали устраивать между городами сильные полевые окопы в виде отдельных постов, а также небольшие сторожевые линии и засеки; для самостоятельной же обороны их строить городки».

Оборона западной границы опиралась на линию крепостей, преграждавших завоевателям путь к центру страны. Правильно определив роль и значение западнорусских городов, Ласковский допустил ряд ошибок в описании некоторых пограничных русских укреплений. Так, исследователь полагал, что при основании в 1492 г. Ивангород был

«окружен деревянной рубленной стеною с башнями» и только после внезапного захвата шведами в 1496 г. обнесен каменными стенами. Изучение сооружений Ивангорода опровергает предположения автора. «Русская Нарва» изначально являлась небольшим каменным замком, площадью 1600 кв. м., выстроенным из местного камня-плитняка. В дальнейшем оборону Ивангорода усилили новыми укреплениями.

Помимо описания границ Ласковский подробно разобрал технические характеристики различных типов оборонительных сооружений, особое внимание уделяя появлению в Московском государстве приемов новейшей фортификации, в частности укреплений бастионного типа, использованию «гуляй-городов», разбору наиболее известных осад – Казанской (1552) и Смоленской (1632-1633). Говоря о вооружении русских крепостей артиллерией, Ласковский безосновательно предполагал, что упомянутые в летописи в 1382 г. тюфяки и пушки были не огнестрельными орудиями, а метательными машинами.

Особое место в военной историографии занимает исследование А.И. Яковлева, избравшего объектом изучения Засечную черту, прикрывавшую южные рубежи страны, а также организацию службы на этих «украинах».

Решение о создании на юге «защитного пояса засек» Яковлев связал с тяжелейшими последствиями крымского вторжения 1521 г. Задача осложнялась наличием нескольких степных дорог – Муравского, Изюмского, Калмиусского и Бакаева шляхов. Естественным рубежом обороны Московского государства на этом направлении оставались реки Угра и Ока, но, как определил исследователь, с XV в. наметилась вторая «линия борьбы», выдвинутая вперед параллельно Оке и проходившая по линии Рязань (Переяславль-Рязанский) – Тула – Одоев – Белев.

Система обороны Окского и передового рубежей, по Яковлеву, «имела довольно сложный характер в зависимости от тех наличных средств, которыми располагало московское правительство». Подступы к ней прикрывали сторожевые казачьи посты и поселения служилого люда, укрепленные форты Засечная черта и крепости по Оке.

Подробно разобрав организацию службы на границе, автор пришел к выводу, что основой обороны служила засечная линия, по сути являвшаяся главным рубежом страны. Засеки были хорошо известны в Древней Руси, но Большая засечная черта Московского государства представляла собой качественно новую систему обороны, включавшую не только лесные завалы, но и рвы, земляные валы, ряды скрепленных между собой надолбов, протянувшиеся на многие версты, что, при правильной организации службы на Черте могло остановить или задержать движение неприятельских войск.

Отдельные участки Засечной черты сомкнулись в 60-х гг. XVI в., когда они были приведены в «связную и сплошную систему, охрана и поддержание которой были сделаны повинностью всего населения государства вообще и близлежащих уездов в особенности». В XVII в. протяжение засек Большой черты равнялось 1000 верстам, их укреплением ведал Пушкарский приказ, и только в чрезвычайных случаях руководство обороной засечного рубежа переходило к Разряду.

Сооружения Большой черты сильно пострадали в Смутное время, эпизодические починки не могли восстановить прежнего значения укреплений. В конце 1630-х гг. участвовавшие татарские набеги вынудили московское правительство возобновить старые и построить новые засечные «крепости». В делах Разрядного приказа сохранились подробные сведения о производимых на рубеже работах. Используя их, Яковлев подробно описал начатое строительство, трудности, с которыми встретились его организаторы и участники. Всего, по его подсчетам летом 1638 г. были восстановлены лесные завалы и другие укрепления на протяжении 297 верст 929 саженьей. Таким образом, удалось надежно прикрыть наиболее опасные участки южной границы.

В XX в. подходы к изучению военной организации Русского государства претерпели разительные изменения. Их определила политическая конъюнктура, оказавшая решающее влияние на исследователей, занимавшихся обозначенной проблематикой. В

1930-1970-е гг. изучением военных аспектов политической истории Московского государства XV – XVII вв. занимались С.К. Богоявленский, А.А. Свечин, Е.А. Разин, Л.Г. Бескровный, А.А. Строков, А.В. Чернов, П.П. Епифанов. Сильной стороной их научной деятельности стала разработка малоизученного вопроса об участии в военных действиях мобилизованных воинов – так называемых «посошных» и «даточных» людей. Однако оно сопровождалось жесткой критикой поместного конного ополчения, искажающей реальное состояние русского военного дела.

Менее других исследователей этот недостаток был свойственен С.К. Богоявленскому, во многом продолжившему традиции дореволюционной военно-исторической науки. Именно этот автор, вопреки расхожему мнению о случайном подборе вооружения воинов поместной конницы, отметил, что чувство самосохранения заставляло дворян выбирать оружие в соответствии с приемами войны и вооружением противника. По этой причине «русские ратные люди проявляли мало инициативы в совершенствовании своего оружия» перенимая вооружение и тактику неприятеля. Главным противником Московской Руси в XVI в. историк считал татар, вооруженных почти исключительно холодным оружием. С этим обстоятельством Богоявленский связывал значительную разницу в средствах борьбы на юге и западе страны. Используемые им документы свидетельствовали, что в XVII в. в южных уездах с «огненным боем» на службу выходили 39 % дворян, а у 62 % преобладающим вооружением были саадак и сабля. В юго-западных уездах, соприкасавшихся с крымской и польской границами, с огнестрельным оружием выходили 87 % дворян, а с саадаками - 10 %. На западе почти все служилые люди вооружались «огненным боем».

Исследователь не ограничился изучением вооружения дворян, приведя сведения об оружии, использовавшемся их военными слугами. Сделанный им вывод достаточно интересен – оказалось, что боевые холопы, сопровождавшие своих господ на войну, вооружались лучше самих дворян. В то время как многие помещики еще пользовались саадаками, их слуги уже имели пищали.

Автор привел подробные сведения о вооружении крестьян и посадских людей, однако не объяснил и не оценил факта распространения боевого оружия в среде мирного населения.

Говоря о вооружении стрелецкого войска, Богоявленский отмечал, что «ружья у стрельцов были гладкоствольные, крупнокалиберные, длинные и тяжелые, называвшиеся мушкетами» и писал, что «внешним признаком мушкета был приклад, похожий на современный, с выемкой для большого пальца». Вряд ли следует считать основной характеристикой мушкета наличие характерного приклада, однако утверждение автора о вооружении стрельцов одними мушкетами неверно. Даже в XVII в. в стрелецких и в солдатских полках сохранялось известное число военнслужащих, вооруженных «легким оружием» (пищалими). Впрочем, и сам Богоявленский, приводя сведения о вооружении городских стрельцов отмечал их большое разнообразие.

Пристальное внимание исследователь уделил организации и вооружению полков «иноземного строя», которые к середине XVII в. по численности, уже отодвинули «дворянское ополчение на второй план». Автор привел подробные характеристики различных образцов оружия, использовавшегося солдатами, драгунами и рейтарами, служившими в армии Московского государства.

Особенности организации вооруженных сил Московского государства XV-XVII вв. попытался выявить известный советский военный историк А.А. Свечин. Причиной преобразования древнерусских вооруженных сил Свечин считал жестокие «татарские уроки». По его мнению, именно на Востоке русские «усвоили <...> глубокое уважение к метательному бою, ведение боя из глубины, расчленение армий на Большой полк, полки Правой илевой руки, авангард и резерв (Передовой и Засадный полки), организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем строю – своего рода иррегулярных драгун, большое внимание к разведывательной и сторожевой службе,

своеобразную восточную дисциплину и методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб средневековья». Даже Куликовскую победу Свечин связал с использованием русскими полководцами приемов ведения боя, заимствованных из монгольской школы. Отрицать влияния монголов на развитие русского военного искусства нельзя, однако сводить все достижения русского военного дела к простому заимствованию восточной тактики и боевой техники не стоит из-за принципиального различия задач, стоявших перед вооруженными силами Орды и русских княжеств. Татарским войскам был свойственен ярко выраженный наступательный характер действий. Они предпочитали вести войну на вражеской территории, тогда как основу русской стратегии составляла оборона своей земли, и лишь в случае удачного стечения обстоятельств наносился превентивный удар. Подобный способ борьбы подразумевал повышенное внимание к фортификационному обеспечению не только главных городов страны, но и небольших острогов и засечных «крепостей», где в случае вражеского нападения укрывалось местное население. Такое положение дел сохранялось до второй половины XVI в. По свидетельству Р. Гейденштейна, «ни на одно средство [великий] князь не полагается так много, как на укрепления, и потому большая часть последних расположена на самых удобных местах между извилинами рек и озер; и гарнизоном, военными снарядами, провизией они снабжаются тщательнее, чем у какого бы то ни было другого народа». Понимая невозможность полного тождества русской и татарской военной организаций, Свечин отметил появление в Московском государстве поместной системы. Исследователь полагал, что главной задачей дворянской конницы была защита тех местностей, где они были помещены, считая, что с ней служилые люди справлялись успешно, но для дальних походов дворянская милиция не годилась, так как являлась «нестройным» войском, способным на равных сражаться лишь с такими же не стройными неприятельскими ополчениями. В XVI в. организованные таким образом русские рати стали терпеть поражения в столкновениях с европейскими профессиональными армиями. Стрелецкая «упорядоченная пехота» не смогла исправить положения, так как в бою не была способна к сомкнутому удару. Поражения эпохи Смутного времени и неизбежность возобновления борьбы за Смоленск с Речью Посполитой вынудили московское правительство приступить к формированию первых солдатских полков из принятых в русскую службу иноземцев. Ненадежность наемников и скудость казенных средств вынудила московские власти пойти по другому пути – приступить к обучению иноземному строю русских людей. Сформированные полки представляли собой, по мнению Свечина, территориальные части. Единственным отличием от поместного ополчения являлось обучение их воинскому строю по западноевропейскому образцу, которое производилось один раз в год по месяцу. К концу XVII в. в России, по подсчетам автора, имелось 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских полков.

Отметив появление в полках «нового строя» новых командных чинов прапорщика, поручика, капитана, майора, подполковника и полковника (чин генерала, введенный в русской армии во второй половине XVII в., не упомянут), Свечин тем критически оценил их профессиональные качества, отметив, что даже в первые годы правления Петра I офицерское звание в иноземных полках передавалось по наследству.

Перечисляя чины русской сотенной службы, автор назвал сотника, голову и полковника, не упомянув о чинах десятника, пятидесятника, а также важнейшем чине воеводы. Обратившись к условиям службы командиров поместного ополчения, Свечин выдвинул несоответствующий действительности тезис о том, что назначение дворянина или сына боярского «сотником, головой или полковником – это было возложение на мобилизованного помещика временных обязанностей, связанных с большими хлопотами и ответственностью – лишняя, но неизбежная тягота. Бытность сотником или даже головой – командование полком – не включалось в записи Разряда и ничего не меняло в положении демобилизованного помещика». Разрядные книги того времени неизменно перечисляют не только воевод, но и голов, участвовавших в военных действиях. Так, в Разрядной книге

1559-1605 гг. в записи, рассказывающей о штурме Нарвы и Ивангорода 19 февраля 1590 г. названы участвовавшие в нем головы, командовавшие стрельцами, казаками, боевыми холопами и другими ратными людьми. Знакомство с «десятьями» показывает, что содержание сотенных голов разительно отличалось от жалованья рядовых помещиков. Так, в Рязске в конце XVI в. денежный оклад сотника составлял 10 руб. (за исключением 1, получавшего 6 руб., но имевшего 50 лишних четвертей земли), а их подчиненные получали по 5-8 руб. жалованья. В 1633 г. рязанский помещик Михаил Иванов, командовавший сотней во время отражения татарского набега, получил к старому окладу еще 5 руб. «головного» жалованья, «да сукно доброе». Между тем, тезис о «тяготе» служебных обязанностей командиров и отсутствии системы их поощрения позволил Свечину сделать вывод о том, что «московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу». При такой убийственной характеристике остается непонятным, каким образом такая армия смогла устоять в тяжелых войнах XVI-XVII вв. и расширить границы своего государства до Днепра и Тихого океана.

Наступление нового этапа в изучении отечественной военной истории было ознаменовано появлением фундаментальной работы Е.А. Разина «История военного искусства», написанной на базе марксистской науки. Это заметно отличало его труд от книги Свечина, опиравшегося на методы и наработки военных историков XIX – начала XX вв. Разин исходил из убеждения, что развитие военного искусства является цельным историческим процессом, но изучения заслуживает не всякая армия, не всякая война и не каждое сражение, а лишь привносящие новые формы борьбы. Выборочное изучение исторического материала позволило автору выделить главные линии развития военного дела, однако многие, с его точки зрения, не особенно важные события, остались за рамками исследования. При этом значение того или иного явления он оценивал субъективно, часто его оценки не соответствовали фактам, имевшимся в науке. Так, изложение войн Московского государства с казанскими татарами Разин начинает с 1521 г., ничего не сообщая об ожесточенном противоборстве двух государств во второй половине XV и в начале XVI вв.. Малозначимыми признал исследователь события русско-шведских войн 1495-1497 и 1554-1557 гг. и русско-литовского противоборства 1534-1537 гг., важного уже в том отношении, что именно тогда при осаде польско-литовской армией Стародуба под стены этой крепости впервые в нашей истории была подведена пороховая мина. Говоря о русских войнах XVII в., «имевших значение в развитии военного искусства», Разин отмечает «борьбу донских казаков за Азов, вторую крестьянскую войну 1670-1771 гг., освободительную войну украинского народа 1648-1654 гг., крымские походы русского войска 1687 и 1689 гг.». Вне его изысканий остались Смоленская война 1632-1634 гг., русско-польская война 1654-1667 гг., русско-шведская война 1656-1658 гг., русско-турецкая война 1676-1681 гг. Значение этих конфликтов в истории России очевидно, без тщательного изучения их невозможно всесторонне рассмотреть изменения, происходившие в организации вооруженных сил страны. Примером тому служит предпринятая Разиным попытка проследить историю формирования первых русских полков «нового строя», созданных накануне Смоленской войны. Упоминая об этом, автор не подвергает разбору боевую деятельность этих полков, ограничившись краткой записью, что «по окончании войны личный состав полков был распущен по домам». На этой основе сделан вывод: «Следовательно, новые полки XVII в. нельзя характеризовать как регулярную армию, они не являлись даже постоянным войском».

Многие высказывания и предположения историка (об измене в 1471 г. русскому народу новгородских бояр, вступивших в «сговор с польско-литовскими феодалами», необходимости самодержавия Ивана Грозного «для уничтожения междоусобиц и для обеспечения обороноспособности государства», «положительном значении» восстания Болотникова в развитии «борьбы угнетенных народных масс за свое освобождение, о завершении строительства Белгородской Черты к концу 40-х гг. XVII в.), были опровергнуты во второй половине XX в. Но в ряде случаев, факты вынуждали автора

осуждать ряд «прогрессивных» действий руководства страны. Ярким примером такого, в целом не свойственного Разину, критического подхода служит его оценка опричнины Иваном Грозным, призванной «окончательно сломить родовую знать, бояр и потомков бывших князей». Следствием опричной политики стало уравнивание знати с остальными служилыми людьми и исчезновение удельных дружин, но «на развитие экономики страны опричнина оказала отрицательное влияние, так как усиливала крепостничество и дезорганизовывала торговлю и ремесленное производство». Это обстоятельство вынудило историка сделать вывод: «своими действиями опричники расшатывали политические основы государства и тем самым ослабляли его обороноспособность». Нельзя принять тезиса Разина о печальной участи талантливых военачальников-патриотов, права которых «правлящая верхушка господствующего класса, как правило, ущемляла», а зачастую просто уничтожала. В подтверждение своих слов он пишет о судьбе некоторых известных полководцев: «Скопина отравили, Шеину решение правительства Михаила Романова отрубили голову, Пожарского третировали». Забыт им оказался лишь М.И. Воротынский, замученный по ложному доносу палачами Ивана Грозного в 1573 г. Между тем в судьбе М.В. Скопина-Шуйского не все ясно. Слух о его отравлении родственниками Василия Шуйского исходил из среды врагов царя и имел целью очернить московского правителя. Воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измайлов были казнены после неудачной осады Смоленска по приговору Боярской думы за самовольную капитуляцию перед поляками. И уже совсем мифическим является предположение о третировании властями Д.М. Пожарского, ставшего в правление Михаила Романова боярином, руководившим важнейшими приказами (Галицкой четью, Ямским, Разбойным, Приказных дел, Московским судным), в 1628-1630 гг. находившегося на воеводстве Новгороде, милостью государя ставшего одним из крупнейших русских землевладельцев.

Пристальное внимание Разин уделил изучению комплектования, вооружения и обучения русского войска. Он полагал, что главным результатом «становления Русского централизованного государства явилось возникновение централизованной вооруженной организации с единым верховным командованием». Все решения по военным вопросам принимал теперь единолично государь. Однако в армии сохранялись и «феодалные пережитки». К их числу автор относил местничество, несколько ограниченное Иваном IV и коллегиальный характер командования полками, во главе которых стояли несколько воевод.

Определенный интерес представляет настойчиво проводимое Разиным противопоставление поместного войска старому феодальному ополчению. Историк утверждал, что хотя после окончания походов большая часть помещиков распускалась, но поскольку «для охраны границ государства необходимы были пограничные войска», то к обороне рубежей привлекались остававшиеся на службе части, формировавшиеся из казаков и детей боярских. Так на поместной основе зародилось постоянное войско. К нему исследователь отнес личный состав наряда (артиллеристов) и стрельцов, появление которых, по его мнению, «явилось по существу зарождением русского регулярного войска». Важной особенностью вооруженных сил Московского государства Разин считал привлечение на службу широких слоев городских и сельских жителей, кочевого населения и казачества. При этом, не совсем логично, исследователь забывает о собственном утверждении о классовом характере русского войска.

В целом точно сообщая о развитии русской артиллерии, упорядочении службы помещиков в середине XVI в., Разин упомянул о создании стрелецкого войска, но, доверившись автору «Казанской истории» утверждал о существовании стрельцов в московском войске ранее 1550 г. В настоящее время признано, что все упоминания о стрельцах до учреждения 6 первых подразделений «выборных стрельцов» летом 1550 г. относятся к отрядам пищальников.

Отметив, что после потрясений Смутного времени правительство пошло по пути восстановления старой системы военной организации, Разин подчеркнул, что

произошедшие социальные и политические изменения в стране, а также наличие отрицательного боевого опыта первой четверти XVII в. потребовали проведения военных реформ. Сущность их историк видел «в усилении темпа перехода к постоянной армии и увеличении численности таковой». Мероприятия, осуществленные в 1630-1650-х гг., привели к укреплению национального облика русского войска, так как в отличие от европейских государств, где постоянные армии возникали на основе наемничества, в России она формировалась «на основе верстания в службу основного боевого состава: дворян, детей боярских, иногда татар и казков, и прибора (набора) в службу тяглового населения с количества земли или дворов».

Впрочем, военные реформы XVII в. историк оценивал невысоко, считая, что «середину и вторую половину века можно рассматривать лишь как период, создавший предпосылки и необходимые условия для учреждения русской регулярной армии». Он дезавуировал слова Петра I, признававшего, что еще его отец, царь Алексей Михайлович «в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был». Разин полагал, что сформированные тогда «новые полки представляли собой только начало организации регулярной армии, ее зарождение», поскольку они «распускались после войны и даже пограничные полки собирались только на летний период».

Несмотря на отмеченные недостатки, Разин смог осветить многие страницы военной истории, а его труд долгие годы считался лучшим исследованием в своей области. Особенно выигрывал он в сравнении с вышедшим в 1955 г. курсом лекций «История военного искусства», ответственным редактором которого был Л.Г. Бескровный. Возглавленный им коллектив авторов подверг наработанный военно-исторической наукой материал существенной ревизии, исходя из господствовавшего тогда представления о том что «проповедники безродного космополитизма и у нас проводили свою подрывную работу». По этой причине авторы полностью исключили из текста упоминания о существовании в русской армии формирований, созданных из выехавших на русскую службу иноземцев. Н.В. Ширякин, написавший главу «Военное искусство периода образования и укрепления русского централизованного государства», повествуя об осаде Казани в 1552 г., не упомянул о немце «розмысле», руководившем сооружением подкопов. М.Л. Альтговзен в главе «Русское военное искусство в начале XVII в.» писал о введенном М.В. Скопиным-Шуйским обучении ополченцев действиям в «линейных боевых порядках», умалчав о том, что их военной подготовкой руководил шведский инструктор Христиерн Сомме, научивший русских строить полевые укрепления по нидерландскому образцу.

Авторы не учли высказанного Е.А. Разиным предположения о существовании постоянных отрядов поместной конницы, полагая, что дворянское ополчение собиралось лишь «на смотры в мирное время и для несения военной службы в военное время». Таким образом, не отмеченным осталось участие поместного войска в ежегодной охране и обороне южных границ. Сторожевую и станичную службу, по их мнению, несли лишь казаки, что противоречит известным фактам, так как к службе на рубеже привлекались и дети боярские. Например, из Хотмышка в 1649 г. посылались две сторожи, в каждую из которых назначались по 3 сына боярских и по 6 казаков. В конце XVI в. правительство предписывало воеводам пограничных городов выдвигать на рубеж со стоялыми головами большие отряды, составленные в основном из детей боярских, вооруженных огнестрельным оружием. Из этих документов видно, что в вопросе о характере пограничной службы городских детей боярских ближе к истине находился Е.А. Разин. Неудачным следует признать выдвинутый Н.В. Ширякиным тезис о прогрессивной роли опричного войска. В боевом отношении оно ничем не отличалось от дворянских отрядов, служивших под началом земских воевод, а участие опричников в карательных акциях против политических противников Ивана Грозного не является основанием считать их качественно новым элементом русской армии.

К числу других недостатков авторов курса лекций относятся ошибки в освещении войн XVI - начала XVII вв. Так, осталась неотмеченной русско-литовская война 1512-1522 гг., в ходе которой к Московскому государству присоединена была Смоленская земля. Серьезный просчет допустил М.Л. Альтговзен, не заметивший Клушинской битвы, но написавшим, что «изменники-бояре пригласили на русский престол польского королевича Владислава и призвали в Москву польские войска, стоявшие в Клушине (под Москвой)». С переносом смоленского села Клушино, находящегося под Гжатском, на 150 км на восток к Москве согласиться невозможно. В любом случае следовало бы рассказать о том, каким образом польская армия гетмана С. Жолкевского оказалась под стенами русской столицы.

Вслед за Е.А. Разиным авторы отмечают, что в отличие от Западной Европы наемничество в России не получило распространения. Для обеспечения военных задач в Московском государстве действовал принцип обязательной службы земледельцев и городского населения. Однако, в отличие от Разина, они не отнесли к появившимся в XVI в. постоянным войскам дворянские формирования, считая, что постоянной частью московской армии являлись лишь стрельцы и городовые казаки, с которыми Н.В. Ширякин отождествлял упоминавшихся в источниках первой половины XVI в. пищальников. Время образования стрелецкого войска определено точно - первые стрелецкие приказы действительно сформировались в 1550 г.

Одновременно с указанной коллективной работой из печати вышел первый том «Истории военного искусства» А.А. Строкова. В нем по-новому освещались многие события военной истории России XV-XVII вв. Обратившись к реалиям международной обстановки, автор пришел к выводу, что «постоянная борьба на юго-восточных, южных и западных границах, огромных по своей протяженности, требовала создания большого и в то же время подвижного конного войска, готового незамедлительно выступить и дать отпор противнику». В отличие от других исследователей, Строков высоко оценивал возможности поместного войска, полагая, что «дворяне, служившие в коннице, были заинтересованы в военной службе и с детства готовились к ней. Русская конница в XVI в. имела хорошее вооружение, отличалась быстрыми действиями и стремительными атаками на поле боя».

К постоянному войску Строков, как и предшественники, относил стрелецкую пехоту, указывая, что в составе русской армии были «в очень небольшом количестве» и конные стрелецкие части. Помимо стреляющих стрельцов, других конных подразделений он не называет. Между тем, даже в дореволюционных публикациях источников упоминается значительное число конных стрельцов, имевшихся в некоторых южнорусских городах, например, в Астрахани. Неаргументированным осталось утверждение автора о необходимости введения в разгар Ливонской войны опричнины, как средства укрепления военных сил Московского государства. Этот тезис историку был необходим для следующего вывода: «Иван Грозный был крупный полководец, замечательный реформатор, организатор постоянного войска, выдающийся стратег и тактик». Но Строков признавал, что «в полководческой деятельности Ивана Грозного были недостатки и отдельные промахи, в частности в том, что он редко непосредственно сам руководил войсками на театре войны».

К недостаткам работы Строкова относится также отсутствие развернутого описания Клушинского сражения 1610 г., сведений о Смоленской войне 1632-1634 гг. Называя в числе наставлений, использовавшихся в России в середине XVII в., «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» он писал о том, что авторы сочинения не известны, хотя еще А.З. Мышлаевский и А.К. Баиов определили, что «Учение» - перевод книги капитана датской службы Вальгаузена «Kriegkunst zu Fuss», изданный в 1615 г.

Наиболее крупным исследованием военной организации Московской Руси вплоть до настоящего времени остается работа А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.» (М., 1954). Автор критически отнесся к деятельности предшественников, осудив их за преклонение перед иностранцами, отрицание

самостоятельности русской военной организации и идеализацию дворянской конницы. Чернов отвергал даже монгольское влияние на военное искусство Руси, утверждая, что «монголы и тем более другие кочевые народы стояли ниже русского народа как в отношении общественного развития, так и в организации вооруженных сил». Не совсем понятен тогда не столько факт завоевания Руси монголами (автор объясняет ее феодальной разобщенностью русских княжеств), сколько длительной и тяжелой борьба Московского государства с татарскими вторжениями в XVI и XVII вв.

Основой вооруженных сил страны историк считал поместное ополчение, являвшегося также «классовой опорой самодержавия». Одним из первых в отечественной науке он связал с реформой дворянского ополчения Приговор об отмене кормлений и о службе, согласно которому наместнический «корм» власти заменили «кормленным окупом», поступавшим в казну и являвшимся одним из источников государственного дохода. В ходе реализации Приговора сформировались особые государственные финансовые органы - «Четверти», сыгравшие важнейшую роль в обеспечении денежным жалованьем служилых людей.

Оценивая качества опричной армии Ивана Грозного, Чернов считал его боеспособным войском, охранявшим границы государства и участвовавшим в военных действиях наравне с земскими полками. Создание особой военной организации, отличной от земского войска, исследователь оправдывал необходимостью ликвидации многочисленных отрядов вооруженных слуг, с которыми княжата ранее выходили на службу. С нашей точки зрения, разрушение традиционной системы использования вотчинных ратей ослабило вооруженные силы страны и привело к неудачному исходу Ливонской войны.

Выделяя из состава русского войска стрельцов, Чернов относил возникновение первых стрелецких подразделений к 1545 г., полагая, что в 1550 г. они получили лишь самостоятельную войсковую организацию. Большинство исследователей не согласилось с его доводами, полагая, что до 1550 г. существовали лишь отряды пищальников.

Сильной стороной работы Чернова является введение в научный оборот архивных материалов, прежде всего «рописей» русского войска 1629, 1632 (указанные росписи историк ошибочно датировал 1630 и 1632 гг.) и 1651 гг., позволивших автору определить приблизительную численность вооруженных сил в годы составления ведомостей. К сожалению, при расчетах им было сделано несколько ошибок, исказивших итоговые цифры. Автор подробно разобрал изменения в организации сторожевой и станичной службы, произошедшие в 1571 г. Однако, следовало бы назвать и другие мероприятия по совершенствованию охраны границ, осуществленные в конце XVI – первой половине XVII вв., в ходе которых первоначальная пограничная служба претерпела серьезные изменения.

Развитию военного дела в России в XVI-XVII вв. посвящен ряд статей П.П. Епифанова, написанных для многотомного исследования «Очерки русской культуры». Автор полагал, что в XVI в. «сложилась военная организация Русского централизованного государства со столицей в Москве». Сосредоточение вооруженных сил в руках феодальной монархии стало велением времени, что повлекло усовершенствование вооружения русского войска, которое «не только не уступало, но во многих отношениях превосходило вооружение других современных армий».

Исследователь изучил состав московского войска, способы его комплектования, сложившийся к середине XVII порядок управления вооруженными силами, обеспечение службы ратных людей.

Некоторые из выводов Епифанова представляют значительный интерес. Так, он отмечал высокие боевые качества русской дворянской конницы, выносливость и привычку русских воинов «к суровой жизни в поле, особенно в сильные морозы и снегопады, строгость существующей в московской армии дисциплины». Разбирая социальный состав стрелецкого войска, историк подчеркивал его неоднородность. Если первоначально рядовых стрельцов набирали из нетяглых крестьян и горожан, поступавших в стрельцы

добровольно, то с течением времени стрелецкая служба стала наследственной. Низший командный состав рекрутировался из старослужащих, стрелецкие головы и сотники назначались только из дворян. Автор первым в отечественной науке обратил внимание на потери, понесенные стрельцами в годы Смутного времени, отметив, что в 1616 г. стрелецкий гарнизон Москвы насчитывал всего 2000 человек, значительно сократилась их численность и в других городах. Чрезвычайно высоко Епифанов оценивал профессиональное мастерство русских пушкарей, полагая, что общая численность пушкарей и затинщиков в XVI в. составляла уже не менее двух тысяч человек, уровень подготовки которых проверялся на регулярно проводимых учебных стрельбах. В XVII в. в состав вооруженных сил Московского государства вошли полки солдатского, рейтарского и драгунского строя. Комплектование их во второй половине XVII в. осуществлялось фактически за счет набора рекрутов с определенного числа дворов. Пристальное внимание исследователь уделил общей боеготовности населения. По наблюдениям П.П. Епифанова, она была очень высокой: среди посадских людей ружье имел один из пяти человек, а среди крестьян и бобылей, привлеченных к осадной службе, пищали находились у каждого шестого человека.

Автор подробно описал вооружение русского войска, но допустил несколько ошибок. Так, он полагал, что «каменные ядра в XVI в. почти совсем вышли из употребления: все без исключения орудия, описанные писцами, имели запас свинцовых и железных ядер разного веса». Между тем, такие снаряды продолжали использоваться и в XVII в., о чем свидетельствует составитель «Устава ратных, пушечных и других дел» Онисим Михайлов, указавший каменные ядра в качестве основных боеприпасов для целого ряда орудий (верховые пушки «Обезьяна», «Можжира» и др.). Орудия, стрелявшие каменными 6 и 4-пудовыми ядрами находились в составе в русской осадной артиллерии даже в годы Смоленской войны 1632-1634 гг.

Нельзя согласиться с утверждением П.П. Епифанова об установлении «определенного законом окладе поместий». Документы XVI-XVII вв. свидетельствуют, что в каждом уезде поместные оклады служилых людей имели пределы, заметно отличаясь от окладов дворян и детей боярских соседних городов.

Подобно А.Г. Елчанинову, Епифанов основательно запутался в датировке Ливонской войны. В одной из своих статей «Войско и военная организация» он сначала пишет, что война вспыхнула в 1558 г. и «продолжалась четверть века», но ниже отмечает, что через три года после взятия Казани (т.е. в 1555 г.), «в самом начале Ливонской войны (!), из Москвы на «немецкий рубеж» посланы были с другими ратными людьми конные стрельцы и казаки». О том, что это утверждение не случайная описка свидетельствует запись автора о доставке в 1555 г. русских пушек к «Ливонскому рубежу». Налицо ошибочное соотнесение событий русско-шведской войны 1554-1557 гг. с событиями Ливонской войны 1558-1583 гг.

Самые значительные ошибки сделаны Епифановым в другой его статье «Крепости». Невозможно согласиться с утверждением, что строившиеся в русских городах и острогах «глухие» башни имели ворота. Из описаний крепостей того времени видно, что башни с воротами именовались «проезжими», а «глухими» - исключительно закрытые крепостные сооружения, имеющие лишь «окна» (амбразуры). Так, крепость в Шацке имела 4 «проезжих» и 10 «глухих» башен, в Ельце - 4 «проезжих» и 6 «глухих», в Кромах - 1 «проезжую» и 10 «глухих» башен. В.В. Косточкин при описании укреплений Тверского кремля конца XIV в. отдельно упоминал «проезжие» (воротные) и «глухие» башни.

Исследований, по уровню обобщения основных проблем военной истории Московского государства XV-XVII вв., соответствующих перечисленным работам, в последнее время написано не было. Вышедшая в 2000 г. коллективная монография «На пути к регулярной армии России: от славянской дружины к постоянному войску», под общей реакцией В.А. Золотарева и Ю.П. Квятковского, представляет собой общий рассказ о деятельности наиболее прославленных русских полководцев, дополненный кратким

обзором устройства вооруженных сил Московского государства, в основе восходящим к сочинению Е.А. Разина.

Авторы монографии не сумели справиться с главной задачей – представить во всей полноте «границы характеров и судеб прославленных военачальников и полководцев России». В книге не нашла отражения деятельность Д.Д. Холмского, Д.Ф. Бельского, А.Б. Горбатого, П.С. Серебряного, прославившегося героической обороной Пскова И.П. Шуйского. При описании хода военных действий, в которых отличились русские войска, пропущенными оказались русско-литовская война 1534-1537 гг. и Смоленская война 1632-1634 гг. Описанию Ливонской войны 1558-1583 гг. посвящен всего один абзац!

Возражения вызывают некоторые утверждения авторов монографии, касающиеся организации русского войска. Противопоставляя стрельцам дворян, они отмечали, что помещики «неохотно брали на вооружение огнестрельное оружие, ибо оно было тяжелым, требовало постоянного «навыкания» в обращении с ним. По этой причине пищальниками снабжались их военные слуги-холопы». В действительности, в конце XVI в. в составе дворянской конницы, особенно на южной границе, насчитывались сотни, поголовно вооруженные «вогненным боем» - факт, давно известный в исторической науке.

Нельзя согласиться с их предположением о зарождении в России еще в XVI в. линейной тактики. Использовать ее стала стрелецкая пехота, прикрывавшая свои порядки, вместо «гуляй-города» «подручные средства: обоз, временные засеки или естественные препятствия – ручьи, речки». По-видимому, авторам неизвестно, что термин «обоз» был тогда тождественен термину «гуляй-город», подтверждение чему применительно к 1591 г. можно найти в сочинении дьяка Ивана Тимофеева: «Наше преславное ополчение, все войско земли нашей стояло тогда на некотором месте вблизи внешних укреплений самого великого города, по ту сторону Москвы-реки; оно называлось попросту обоз, а по древнему названию – **«гуляй»** (выделено нами. В.В.)». Об использовании «гуляй-городов» русскими войсками в начале XVII в. упоминают Н. Мархоцкий и С. Маскевич. О появлении в России элементов линейной тактики можно говорить лишь с 1630-1640-х гг. после создания полков солдатского, драгунского и рейтарского строя, личный состав которых проходил систематическое строевое обучение.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что многие ключевые вопросы военной истории Московского государства конца XV – середины XVII вв., касающиеся организации русской армии, ее комплектования, вооружения и снабжения, особенностей боевой практики, остались не проясненными. Оценку их историками следует признать спорной и не отвечающей современному состоянию исторической науки.

* * *

Использованные в работе над книгой источники можно условно разделить на следующие группы:

1. Материалы законодательной деятельности государственных учреждений, дипломатические документы, памятники писцового делопроизводства, воинские наставления, инструкции и уставы.
2. Летописи, хронографы и другие нарративные (повествовательные) источники.
3. Сочинения иностранных дипломатов и путешественников, а также офицеров, служивших в русской армии или воевавших с ней и оставивших записи мемуарного характера.

Первая группа источников представлена материалами законодательной деятельности государственных учреждений и памятниками писцового делопроизводства конца XV – первой половины XVII вв. К ним относятся: Судебники 1497 и 1550 гг., Уложение о службе 1555/1556 гг. и Соборный Приговор 1604 г., Приговор «Совета всей земли» Первого ополчения 1611 г., Соборное Уложение 1649 г., различные международные договоры и обязательства, сохранившаяся дипломатическая переписка,

великокняжеские и царские «указные грамоты о всяких государевых делах», а также наказы воеводам, воинские уставы и наставления.

Первые русские законодательные сборники – Судебник 1497 г. великого князя Ивана III и Судебник 1550 г. царя Ивана IV – почти не отражали специфических вопросов организации военной службы, являясь преимущественно памятниками процессуального права. Однако ряд статей первого из кодексов показывает, что в законодательстве было четко определено особое положение в московском обществе служилых людей – детей боярских (ст. 12-13, 40, 42, 45). К теме нашего исследования непосредственно относится статья 56 Судебника 1497 г., в которой устанавливалось, что бежавшие из татарского плена холопы становились свободными людьми. Некоторые комментаторы расценивали это как своеобразную награду отличившимся в борьбе с татарами, однако, как видно из текста статьи, предписывалось освобождать всех «выбежавших ис полону» без учета боевых отличий.

Составители «царского» Судебника 1550 г. оговаривали права и привилегии детей боярских (ст. 26, 58-59), дополняя их важным запрещением принимать служилых людей и их детей в холопы, «опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81). Эта норма не имела прецедента в прежнем русском законодательстве и призвана была защитить интересы мелкопоместных служилых людей от покушений на их свободу со стороны крупных землевладельцев. Как и в старом кодексе, в новом Судебнике предписывалось освобождать вернувшегося из плена холопа (ст. 80), но перечень условий освобождения значительно расширился. На волю отпускались холопы, вернувшиеся из любого, а не только татарского, плена. За ними сохранялась возможность добровольного возвращения к господину; в этом случае каждого холопа-полоняника следовало «явити бояром, а дьяку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну». В случае обнаружения, что вернувшийся из-за границы холоп не был пленен, а бежал за пределы страны один или с господином («государем своим»), освобождения не происходило. Чрезвычайно важным при перечислении наиболее опасных преступлений представляется включение в общерусский свод законов упоминание о «градских здавцах» - лицах, сдавших неприятелю крепость (ст. 61).

Важное значение для упорядочения обязанностей вотчинников и помещиков имело Уложение о службе 1555/1556 г., установившее, что каждый служилый человек, помимо личного участия в военных действиях, должен приводить с собой в войско «уложенных людей», по 1 конному человеку с каждых 100 четвертей доброй угодной земли. Исправное выполнение воинских обязанностей проверялось на смотрах, являясь обязательным условием для подтверждения пожалованных поместных и денежных окладов. После Великого голода 1601-1603 гг. численность боевых холопов заметно сократилась, и правительство Бориса Годунова было вынуждено отменить ряд положений Уложения 1555/1556 гг. Датированный 12 июня 1604 г. Соборный Приговор вводил новый порядок несения военной службы: отныне в полки выставлялся 1 холоп на 100, а с 200 четвертей земли. Уклонившимся от исполнения обязанностей вотчинникам и помещикам грозила конфискация владений, которые следовало передавать «беспоместным и малопоместным, кои служат, детям боярским и иных чинов людям».

События Смутного времени потребовали более детальной регламентации обязанностей различных разрядов военно-служилого сословия. Подтверждением этому служат статьи Приговора «Совета всей земли», принятого под Москвой в лагере Первого земского ополчения 30 июня 1611 г. Приговор не только юридически оформил власть подмосковного общеземского совета, но и непосредственным образом коснулся организации вооруженных сил страны. Заметную роль в ополчении играли служилые люди «по отечеству», основным вопросом для которых стал размер поместных пожалований и его детальная регламентация. Острое недовольство вызывала бесконтрольная раздача земельных владений, происходившая в годы противоборства Василия Шуйского и Лжедмитрия II. Для разрешения споров и принятия решения, способного успокоить

служилых людей, было решено при распределении земли руководствоваться нормами, сложившимися при прежних, «прирожденных» царях (ст. 1), за исключением дворян и детей боярских, награжденных вотчинами за службу в войске М.В. Скопина-Шуйского и за оборону городов (ст. 8). Преимущество в испомещении отдавалось тем служилым людям, которые «ныне под Москвою в полках служат, <...> а поместий за ними нет, или у которых поместья разорены, и поместьями своими не владеют от литовского разоренья» (ст. 4). При этом составители Приговора не возражали против тушинских и прежних польских пожалований, если они соответствовали норме и служебным обязанностям помещика (ст. 9). Две статьи были посвящены нетчикам – воинам, уклоняющимся от службы и дезертирам. Составители Приговора предписывали лишать их поместных владений (ст. 12-13). Возросшее значение казачества потребовало юридического оформления условий службы атаманов и рядовых казаков. Впервые русское законодательство официально разрешало верстать их «поместными окладами и служить с городами», то есть зачислять в состав уездной дворянской корпорации (ст. 17). Ряд статей Приговора посвящался определению структуры органов, осуществлявших управление государством. Военные дела поручались «начальникам» земской рати (П.П. Ляпунову, Д.Т. Трубецкому и И.М. Заруцкому) и дьякам восстановленного Большого Разрядного приказа (ст. 21).

Вопросы организации военного дела были затронуты и составителями Соборного уложения 1649 г. Им посвящалась 7-я глава, называвшаяся «О службе всяких ратных людей Московского государства». Она состояла из 32 статей, определявших права и обязанности военнотружущих, преимущественно в военное время. Большинство статей Уложения регламентировали порядок сбора ратных людей в полки и процедуру освобождения от службы, допускавшейся лишь по царскому указу или «для самых нужных дел» (ст. 2, 10, 11, 13, 14, 17, 18). Ряд статей определял порядок обеспечения войск (ст. 1, 3, 4, 5, 21, 23, 25). Особо подчеркивалось, что за службу «велит государь своим государевым людем всего Московского государства дати свое государево жалованье». Все расходы по содержанию войск возлагались на население страны: «И на то государево жалованье ратным людем денги збирати со всего Московского государства» (ст. 1). В случае необходимости «хлебные запасы» и «конские корма» предписывалось покупать у местного населения, но «по указной цене у тех людей, у которых хлебные запасы и конские кормы будут в лишке». Особо подчеркивалось, что «указная цена» - дешевле «торговой цены» (ст. 21). Дисциплинарным вопросам посвящались статьи 6, 22, 24, 30, 31, 32, борьбе с дезертирством и изменой – 8, 9, 12, 15, 16, 19, 20. Беглецов следовало наказывать кнутом и лишать части имения, предателей - вешать «против неприятельских полков, а поместья его и вотчины и животы взяти на государя». В числе провинностей упоминалась также кража оружия, за которую виновного полагалось «бить кнутом нещадно» (ст. 28) и конокрадство, каравшееся отсечением руки (ст. 29).

8-я глава Соборного уложения посвящалась «искуплению» пленных. Дело это почиталось великим христианским долгом, лежащим на всем населении страны (ст.1). Преимуществом при определении размеров выкупа пользовались служилые люди. За дворян и детей боярских, взятых в плен «на боех» «на окуп», давалось по 20 руб. с каждых 100 четвертей их поместного оклада, за прочих – по 5 руб. Московские стрельцы выкупались по 40 руб. за человека. За городских стрельцов и казаков давали 25 руб., за посадских людей – 20 руб., за пашенных крестьян и боярских людей – 15 руб. за человека (ст. 2-7).

К этому же разряду источников относятся различные международные договоры, заключенные московским правительством с послами Великого княжества Литовского (после 1569 г. – с Речью Посполитой), Ливонского Ордена, Швеции, Казанским и Крымским ханствами, Ногайской Ордой. Часть документов опубликована в соответствующих сборниках Русского исторического общества и в Литовской Метрике, часть хранится в РГАДА в фондах 79 (Сношения России с Польшей), 89 (Сношения России с Турцией) 96 (Сношения России со Швецией), 123 (Сношения России с Крымом), 127

(Сношения России с ногайскими татарами), 389 (Литовская Метрика). Особо следует отметить договоры эпохи Смутного времени. Они зафиксировали соглашения различных политических группировок расколотого непримиримой враждой российского общества с польским королем Сигизмундом III и гетманом С. Жолкевским, действовавшим по его поручению (Смоленский, Царево-Займищенский и Московский), согласие русской стороны признать своим царем королевича Владислава, сына Сигизмунда III.

Ценнейшие сведения по военной истории Московского государства содержит документация Разрядного приказа, дяки которого вели подробные записи назначений на все высшие военные должности. Сведения о них заносились в разрядные книги, первые записи которых восходят к событиям последней четверти XV в., подробно описывают участие командного звена русского войска в войнах XVI – первой половины XVII вв. Первое издание официальных разрядных книг относится к 1853 г. когда были опубликованы записи, относящиеся к первой четверти XVII в., в том числе сведения, касающиеся посылки воевод по городам во время Московского похода королевича Владислава 1617-1618 гг. При работе над ними использовались данные Разрядных книг 1475-1598 гг., 1559-1605 гг., 1475-1605 гг., 1550-1636 гг., 1598-1638 гг., а также изданные С.А. Белокуровым «Разрядные записи за Смутное время» (М., 1907), регистрировавшие перемещение служилых людей на военной, гражданской (административной) и придворной службе. Несмотря на фрагментарность сохранившихся записей, они отразили основные тенденции социально-политического развития русского общества, состояние дел в административно-управленческом аппарате, характер и основные направления распорядительной деятельности Разрядного приказа. Из частных разрядных книг, фиксировавших служебные назначения представителей одного из знатнейших московских родов, уникальностью сведений выделяется Разрядная книга князей Пожарских, хранящаяся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Сохранившийся рукописный список памятника датируется серединой XVII в. Он был сделан по заказу убитого под Конотопом в 1659 г. князя С.Р. Пожарского с недошедшей до нас рукописи, принадлежавшей его знаменитому дяде Д.М. Пожарскому. Эта разрядная книга начинается описанием событий осады Кеси (Вендена) войском И.И. Голицына и В.Л. Салтыкова во время Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г., а заканчивается 1605 г.

Не менее важным источником являются «десятники» - служебные списки дворян и детей боярских, составлявшиеся при их верстании, разборе и выдаче денежного жалованья, поэтому все сохранившиеся десятники можно разделить на три основных типа: верстальные, разборные и раздаточные. Некоторые из них опубликованы В.Н. Сторожевым и Ю.В. Готье, однако значительное число, относящихся в основном к XVII в. хранится в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов в особом разделе «Дела десятен». Там же находятся «Книга сметная города Путивля», которую открывает ценнейший по содержанию наказ новоначинным воеводам Б.М. Нагому и П.Н. Бунакову, разборные книги донских атаманов и раздаточные книги о выдаче денежного жалованья военнотружущим полков солдатского, драгунского и рейтарского строя.

Важную информацию содержат указные, похвальные жалованные и ввозные грамоты, указы, боярские приговоры, отписки воевод, станичных и заставных голов, прочетные грамоты городов эпохи Смутного времени, разрядные и разметные списки, росписи укреплений, служилых людей, оружия и снаряжения, расположения станиц и сторожевых застав, крестоцеловальные и поручные записи, челобитные, розыскные дела, расспросные речи, памяти Разрядного и других приказов, многие из которых опубликованы в различных археографических сборниках. Подробные сведения о землевладении служилых людей, состоянии крепостей, хранящемся в них военном имуществе можно почерпнуть из писцовых книг.

Среди остающихся неопубликованными документальных материалов наибольший интерес представляют росписи русской армии 1629, 1631, 1638 и 1650/1651 гг. Сведения, содержащиеся в этих сводных ведомостях использовал А.В. Чернов, однако, при подсчете

численности отдельных разрядов служилых людей, им были допущены ошибки. Определенную ценность представляют документы, посвященные засечному строительству, прежде всего наказная память засечному голове Михаилу Колупаеву, возглавлявшему работы по возведению укреплений в Тульском уезде. Документ датирован 1554 г. Введение его в научный оборот позволяет отбросить сомнения в существовании засек под Тулой, высказанные В.П. Загоровским. Также следует отметить большой комплекс поручных записей, данных посадскими людьми белозерским посадским старостам, «земским советным людям» и целовальникам по новоприборным стрельцам. Важным представляется факт зачисления на службу охочих людей на земском, а не царском жалованье, со своими самопалами. Эти обстоятельства были продиктованы временем проведения прибора, осуществлявшегося весной 1613 г., когда ослабевшая государственная власть могла руководить страной лишь в тесном контакте с «выборными земскими советными людьми». В этих условиях даже стрелецкие головы и сотники не назначались Москвой, а избирались «миром».

В работе над книгой использованы акты из коллекции П.П. Шибанова (ОР РГБ), существенно дополняющие наши представления о событиях, происходивших на южных рубежах Московского государства в 40-х гг. XVII в. Среди находящихся в этой коллекции документов Чугуевской и Короченской съезжих изб большинство затрагивает вопросы организации обороны приграничных русских уездов, сообщает о вооруженных столкновениях с татарскими отрядами, состоянии укреплений и имеющемся вооружении. Лишь некоторые из актов, содержащих сведения об организации службы в Короченском остроге, были опубликованы. Уникальным по важности представляется сообщение о переводе в Чугуев 200 московских стрельцов. Информация об этом содержится в грамоте от 13 декабря 1642 г. местному воеводе Ивану Никифоровичу Бестужеву, которому предписывалось оказать содействие командовавшему стрельцами голове Богдану Озеренскому. Она позволяет опровергнуть утверждение о том, что принятое в начале 1640-х гг. решение московского правительства об устройстве на житье в южных городах 1200 московских стрельцов было реализовано лишь частично, путем перевода двух стрелецких сотен в Усерд. Наиболее категорично настаивал на этом В.А. Александров, не нашедший в фондах РГАДА других документов о переводе московских стрельцов в южные города. Обнаруженная нами в фондах ОР РГБ грамота об устройении в Чугуеве «на вечное житье» 200 московских стрельцов, свидетельствует о том, что правительственная программа выполнялась не только в Усерде, но и в Чугуеве, а возможно и в других южных крепостях.

В XVI-XVII вв. создается ряд наставлений и уставов, посвященных регламентации службы ратных людей. Первым значительным памятником такого рода стал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», составленный в 1571 г. особой комиссией во главе с кн. М.И. Воротынским. К участию в ней были привлечены также станичные головы и вожи, знавшие слабые места в действовавшей системе пограничной обороны. Зарубежный и русский опыт военных действий конца XVI-XVII вв. был обобщен в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», подготовленном подьячим Посольского приказа Онисимом Михайловым на основе изучения переводных сочинений и собственного опыта. Наконец, после появления в составе русской армии полков солдатского, драгунского и рейтарского строя, появилась необходимость в печатных наставлениях для обучения военному делу новобранцев. Отчасти потребность в них была реализована публикацией в 1647 г. значительным тиражом (1200 экз.) труда И.И. Вальгаузена «Военное искусство пехоты», в русском переводе получившим название «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Другая группа источников представлена нарративными памятниками: летописями, хронографами и воинскими повестями XVI-XVII вв.

Подробные сведения о событиях русской военной истории конца XV – начала XVI в. содержат Софийская, Воскресенская, Ермолинская, Львовская, Вологодско-Пермская,

Типографская, Тверская, Новгородская IV, Псковские 1 и 2, Холмогорская, Устюжская, Иоасафовская летописи, Степенная книга царского родословия, Архангелогородский и Двинский летописцы, летописные записи Марка Левксинского, Летописчик Игнатия Зайцева, краткие летописцы Кирилло-Белозерского монастыря.

Крупнейшим памятником русского летописания XVI в. является Никоновская летопись, получившая свое название по одному из списков, принадлежавших патриарху Никону. В первоначальной редакции ее изложение доводилось до 1520 г., однако ряд списков Никоновской летописи (Патриарший и др.) дополнен рассказом о событиях середины XVI в. и более позднего времени. Многие известия Никоновской летописи уникальны, дойдя до нас в составе этого свода.

Официальную трактовку общественно-политическому развитию Московского государства конца XVI - начала XVII вв. дал «Новый летописец». Он был завершён, как показывает анализ отраженных в памятнике событий, летом 1630 г. (после рождения царевны Анны Михайловны 14 июля. и до 1 сентября 1630), однако работа по составлению летописца началась в середине 20-х годов XVII в. Исследователями отмечалось, что памятник по названию примыкает к летописям, а по содержанию и характеру принадлежит к историческим повестям. Внутренняя целостность этого произведения и тождественность в оценке схожих исторических событий указывает на принадлежность «Нового летописца» одному автору, которого, по мнению Платонова, отличали объективность и последовательность в изложении. В «Новом летописце» перечислены все основные события Смутного времени и междуцарствия 1610-1612 гг., описывается произошедшее в феврале 1613 г. избрание царем Михаила Федоровича Романова, рассказывается о первых годах его правления.

В ряде случаев сообщения «Нового летописца» дополняют сведения летописей, опубликованных в 34 томе «Полного собрания русских летописей» (Пискаревского, Московского и Бельского летописцев), а также летописей и летописцев XVII - XVIII вв., хранящихся в ОР РГБ.

К указанной группе источников относятся и хронографы - сочинения по всемирной истории, пришедшие на Русь из Византии, Болгарии и Сербии, заметно расширенные из-за подробного освещения событий российской истории. Основная редакция Хронографа 1512 г., повествование которой завершалось событиями 1452 г., подверглась основательной переработке и была дополнена сведениями, относящимися к российской истории XVI - начала XVII в. Особенно следует выделить «вторую» редакцию русского хронографа, созданную в 1617 г., до окончания польско-литовской интервенции и заключения Деулинского перемирия. Главной ценностью источника является то, что его содержание положено в основу последующей русской историографии, что объясняется популярностью распространенного в сотнях списков хронографа редакции 1617 г.

Хронографом долгое время считалась и опубликованная часть «Столярова хронографа» («Хронографа Столяра», «Столяровского хронографа»), принадлежавшего Н.М. Карамзину и от него получившего свое название. В настоящее время установлено, что «Столяров хронограф» включает в себя Хронограф русской редакции 1512 г.; статьи Хронографа редакции 1617 г.; «Сказание о родословии великих русских государей и великих князей, и царей ...»; оригинальное произведение, охватывающее события 1604-1644 гг., автором которого считается Б.Ф. Болтин, ряд других сочинений. В «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», изданном А.Н. Поповым, опубликована была оригинальная часть «Столяровского хронографа» - сочинение Б.Ф. Болтина. По мнению А.И. Маркевича и С.Ф. Платонова, опубликованная часть «хронографа Столяра» - довольно подробная разрядная книга частного происхождения. В то же самое время ряд мест памятника, по признанию Платонова, приближается к летописным показаниям.

Традиционно ценным источником о противоборстве Московского государства и Казанского ханства считается Казанский летописец (Казанская история), написанный в

1564-1565 гг. освобожденным из татарского плена русским служилым человеком. Многие сведения, приводимые автором, представляют определенный интерес, но, при сопоставлении с летописными и актовыми материалами, часто не подтверждаются. Поэтому ряд исследователей относят это сочинение к источникам, не заслуживающим доверия.

Первостепенную важность при изучении событий военной истории Московского государства середины XVI в. представляет «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, закончившего сочинение в 1570-х гг.

К числу часто используемых исследователями нарративных источников относятся также сочинения Авраамия (в миру Аверкия) Палицына и дьяка Ивана Тимофеева. Автор первого, начавший свою служебную карьеру воеводой в Кольском остроге и Холмогорах, затем постригшийся в монахи и в 1608 г. ставший келарем Троице-Сергиева монастыря, подробно описал завоевание Казани, последующую борьбу с продолжавшими сопротивление татарами и марийцами, первые походы русских воевод эпохи Ливонской войны и войны Смутного времени.

В произведении дьяка Ивана Тимофеева (Семенова) существенным является сообщение об организации обороны Москвы во время нашествия Гази-Гирея в 1591 г., его оценка междоусобиц начала XVII в., иностранной военной интервенции.

Наиболее известными из воинских повестей XVI-XVII вв. являются «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», «Повесть о победах Московского государства», «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

Первое из этих произведений посвящено самому крупному из заключительных событий Ливонской войны, подвигу защитников Пскова, отразивших нашествие «лютото великого зверя», каким изображен автором повести польский король. Стилистика сочинения близка другим памятникам эпохи, таким, как «Степенная книга» и «История о Казанском царстве».

Воинскую повесть о событиях Смутного времени написал анонимный автор (смоленский дворянин), в 1612-1613 гг. служивший в Нижегородском ополчении. В ней, помимо сообщения автором новых сведений о походе М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве, о сведении с престола царя Василия Шуйского, содержится ряд ценнейших известий об организации Нижегородского ополчения, его переходе в Ярославль, «стоянии» там и о последующем походе к Москве.

Ценнейшим источником является «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Автор ее детально описывает сборы донцов весной 1637 г. в поход, осаду турецкой крепости, сделанный под стены Азова подкоп, штурм города, оборону его от татарских и ногайских орд, поражение огромного султанского войска, оставление в 1492 г. по приказу царя Михаила Федоровича (по решению Земского собора, устранившегося от грозившей войной Турции).

Источниками, воспроизводящими многие подробности событий XV-XVII вв, являются сочинения (мемуары, записки, дневники) современников, оставивших описание русского войска, его вооружения, действий в войнах конца XV - середины XVII вв. К этой группе относятся: обширный труд посла австрийского императора Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг.; сочинения английских дипломатов Джильса Флетчера, Джерома Горсея, их австрийского коллеги Иоанна Фабра, трактаты иезуита Антонио Поссевино, направленного римским папой Григорием XIII в Москву с целью склонить царя Ивана IV к принятию католичества. Папский посланник был очевидцем последних событий Ливонской войны, участвовал в заключении Ям-Запольского перемирия между Московским государством и Речью Посполитой. Ценные сведения о русском войске содержат путевые записки путешественников Ричарда Ченслера, Томаса Бэннистера и Джона Дэкета, второго капитана на корабле Х. Уиллоби Климента Адамса, опричников Генриха Штадена, Иоанна Таубе и Элрета Крузе, витебского коменданта Александра Гваньини, «Ливонская хроника» Бальтазара Рюссова, сообщение

Энтони Дженкинсона, описавшего происходившие в Москве в 1557 г. артиллерийский и стрелковый смотры. К сожалению, в нашей литературе сведения Дженкинсона о численности участвовавших в смотре стрельцов были искажены. Подробнее этот факт будет рассмотрен во 2-й книге трактата. Подробные сведения о России и русском войске собрал Франческо Тьеполо, книга которого «Рассуждение о делах Московии» посвящена была не только географическому описанию страны, но и состоянию ее крепостей, численности вооруженных сил, их размещению в мирное и военное время. Организации русской армии посвятил отдельную главу своей книги, вышедшей в Падуе в 1680 г., Яков Рейтенфельс. Его интересовала численность войска, его устройство, подготовка военнослужащих. По мнению Рейтенфельса «главная сила русских заключается в пехоте и, совершенно справедливо, может быть уподоблена турецким янычарам». Многие сведения этого автора подтверждают факт существования в России постоянного войска, численность которого он определил в 100 тысяч человек. Большая часть из них несла службу на границах страны. Немало ценной информации сообщил своему правительству шведский военный агент капитан Эрик Пальмквист, включенный в посольство Г. Оксеншерны для сбора сведений о русских вооруженных силах. Особый интерес вызывает сделанная им на профессиональном уровне характеристика московской артиллерии.

Большой пласт мемуаров и дневников оставила Ливонская война. О шедших тогда боевых действиях рассказывается в записках каштеляна Гнезниского Яна Зборовского, старосты Ковельского и Гродненского Луки Дзялынського, австрийского посланника в Москве Даниила Принца фон Бухау, секретаря польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III Рейнгольда Гейденштейна. Особый интерес вызывают рассказ Александра Полубенского, командовавшего польскими войсками в Прибалтике об осаде и взятии Вольмара во время Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г. и пребывании автора в русском плену и сочинение неизвестного очевидца Венденской битвы 1578 г., закончившейся тяжелым поражением московского войска.

Событиям Смутного времени посвящены: «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», принадлежавшие перу польского полководца, разбившего под гжатским селом Клушиным русско-шведские войска князя Д.И. Шуйского и Я.П. Делагарди и вынудившего московские власти к заключению договора о признании новым русским царем польского королевича Владислава; мемуары капитана Жака Маржерета, командовавшего ротой наемников в русской армии, а затем в войсках Лжедмитрия II и Сигизмунда III; сочинения голландского купца Исаака Массы, бывшего очевидцем выступления посадских людей против «тушинцев» в Вологде и Ярославле осенью 1608 г., аугсбургского торговца Георга Паерле, Конрада Буссова - немецкого ландскнехта, с 1601 по 1611 гг. находившегося на службе в наемных ротах у Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Лжедмитрия II и Сигизмунда III; дневниковые записи польского шляхтича Самуила Маскевича, дворецкого Марины Мнишек Мартына Стадницкого, ротмистра Николая Мархоцкого и мозырского хорунжего Иосифа Будило, находившегося в осажденном русскими войсками Московском Кремле, вплоть до октябрьской капитуляции 1612 г.; «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея, военного комиссара при шведском экспедиционном корпусе Я.П. Делагарди. К этой же группе источников относятся и мемуары архиепископа Елассонского Арсения, грека по происхождению, в 1597 г. ставшего архиепископом при Архангельском соборе Кремля, а в 1615 г. - архиепископом Суздальским. Находясь в Кремле во время осады Москвы земскими ратями, архиепископ Елассонский в воспоминаниях рассказал о разорении города в 1611 г. поляками, о невзгодах и лишениях, пережитых русскими людьми, оказавшимися вместе с интервентами в осажденной русскими полками столице, об освобождении Москвы ополчением Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского в октябре 1612 г.

Ценным источником для изучения событий Смоленской войны является опубликованный в отрывках «Дневник о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом 1632-1634 гг.», написанный не установленным очевидцем неудачной

попытки русской армии вернуть потерянные Россией в годы Смутного времени смоленские, черниговские и новгород-северские земли.

Определенные интерес представляют небольшие, но содержательные сообщения московского посла, грека по происхождению, Георгия Перкамоты и немецкого путешественника Иоанна Давида Вундерера. Краткая запись рассказа Перкамоты о Руси времени правления великого князя Ивана III, сохранившаяся в итальянских архивах, была переведена на русский язык М.А. Гуковским и опубликована в приложении к его статье, посвященной поездке Перкамоты в Милан. Сообщение московского посла датировано 28 июня 1486 г. Для нас особенно интересно его упоминание о получившем широкое применение в Московском государстве ручного огнестрельного оружия.

И.Д. Вундерер, посетивший в 1590 г. Псков, коснулся организации службы воинов поместного ополчения, их вооружения и обеспечения продовольствием во время походной жизни.

Детальное описание русской армии середины XVII в. сделал Григорий Карпович Котошихин, подьячий Посольского приказа, в 1664 г. бежавший за пределы России. В 1666 г. в Швеции им было написано подробное сочинение о русских царях, государственном устройстве, особенностях русского посольского ритуала, вооруженных силах, обычаях простого народа. Для нашего исследования первостепенную важность имеют сообщения Котошихина о приказах, осуществлявших функции военного управления, составе армии, в том числе полках солдатского, драгунского и рейтарского строя, о воинских сборах, укрепленных городах и монастырях, организации артиллерии, служивших в русском войске донских казаках.

Завершая обзор дневников и мемуаров современников событий конца XV – середины XVII вв. следует отметить противоречивость многих свидетельств. Так, отечественными источниками, повествующими об участии в войнах посошных и даточных людей полностью опровергается утверждение К. Адамса, считавшего, что «в Московии народа так много, что в войско не берут ни поселян, ни купцов». В 1486 г. русский посол Г. Перкамота сообщил в Милане об использовании русскими воинами ручного огнестрельного оружия, но почти столетие спустя А. Гваньини, служивший в польской армии во второй половине XVI в., писал, что «москвиты еще лет сорок назад не знали ни многочисленных орудий, ни пушек», не говоря уже о ручницах и самопалах. Археологические находки подтверждают правоту Перкамоты, но приведенные примеры доказывают необходимость критического отношения к дошедшим до нас документам и свидетельствам.

* * *

Компаративное использование всего комплекса выявленных источников и военно-исторической литературы позволяет сформулировать цели и задачи исследования.

Главной целью работы является всестороннее изучение особенностей военно-политического развития Московского государства с конца XV и до середины XVII вв. Для достижения этой цели необходимо решить следующие важные исследовательские задачи:

1. Рассмотреть деятельность политического руководства страны, направленную на развитие и укрепление вооруженных сил Московского государства.

2. Установить приоритеты внешней политики России, причины вызревавших вооруженных конфликтов, рассмотреть сложившуюся практику военного решения важнейших внешнеполитических задач, определить достаточными ли для этого были имеющиеся в распоряжении правительства силы и средства.

3. Исследовать организацию армии и ее отдельных частей, систему военного управления, порядок комплектования, обучения и оснащения вооруженных сил, характер осуществлявшихся на границах страны оборонительных мероприятий.

4. Выделить этапы военно-политического развития Московского государства.

Осуществление поставленной цели и исследовательских задач позволяет определить характер и содержание военной политики московских государей, оценить эффективность их действий по защите страны и ее внешнеполитических интересов. В этой связи представляется ошибочным мнение В.Б. Кобрина, высказанное им в редакционной статье, помещенной в сборнике «Из истории русской армии и оружия» (Труды ГИМ. Вып. 64. М., 1987). Подчеркнув, что чаще всего предметом исследования военных историков становятся конкретные боевые операции, деятельность полководцев, применение различных стратегических и тактических приемов, автор попытался обосновать актуальность изучения военной организации страны и ее вооружения как некоего «иного аспекта» изысканий в области военной истории. Заявление Кобрина о возможности изучения вооруженных сил не оценивая их боевую практику является ошибочным. Армия создается и существует для ведения войны, организация ее совершенствуется в ходе военных действий, опыт боевых операций оказывает решающее влияние на развитие военного дела и позволяет использовать его при подготовке войск к новым вооруженным конфликтам.

Хронологические рамки представленного на суд читателей исследования определены следующим образом: начало – временем образования единого Русского государства, когда началась перестройка московской княжеской армии, в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земли, населенные крестьянами, конец – вступлением нашей страны в русско-польскую войну 1654-1667 гг., в ходе которой произошли радикальные изменения в организации и структуре вооруженных сил России: начался переход от службы «по отечеству» и «по прибору» к воинской повинности, умножилось число полков солдатского и рейтарского строя, возросло боевое значение и численность пехоты, превратившейся в главный род войск, были переформированы стрелецкие части, усилена артиллерия. В результате Московскому государству удалось отвоевать смоленские, черниговские и северские земли, присоединить часть украинских и белорусских земель - к концу XVII в. образовалась огромная держава в естественных русских границах последующего времени - от берегов Днепра до Тихого океана.

Часть 1

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ КОНЦА XV – СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКОВ.

На протяжении всего рассматриваемого периода перед русским правительством стоял ряд важнейших внешнеполитических задач, без решения которых немислимо было дальнейшее развитие страны. Существовала унаследованная старых времен проблема противоборства с татарскими ханствами, боевая мощь которых серьезно ослабла с распадом Орды, но даже в таком виде представляла немалую опасность для сопредельных со степью русских территорий. Из года в год, за исключением очень непродолжительных периодов мирного сосуществования, южные границы Московского государства подвергались нападениям степняков. В 1521, 1571, 1591 гг. и в Смутное время их отряды действовали в непосредственной близости от Москвы. Бескомпромиссная борьба с враждебными татарскими государствами – Казанскими, Крымским, в меньшей мере с Астраханским и Сибирским ханствами, Ногайской Ордой - была для Москвы делом первостепенным, от успеха которого зависело и ее благосостояние, и суверенитет. На протяжении XV, и даже в XVI веках хозяева степных улусов тешили себя надеждами о

возрождении могущества Золотой Орды и новом завоевании русских земель. В XVII столетии, после возведения на южных «украинах» мощных оборонительных сооружений, опасность татарских набегов значительно снизилась, но противостояние Москвы, Крыма и стоявшей за его спиной Османской империей сохранялось вплоть до второй половины XVIII в.

Напряженными оставались русско-литовские, а с XVI в. и русско-польские отношения. Редкие периоды их нормализации, как правило, объяснялись ухудшением обстановки на крымском или шведском рубежах, а также обострением частых внутривосточных и социальных конфликтов в самом Русском государстве. Территориальные претензии сторон и старые обиды влекли за собой новые столкновения, редко обходившиеся без полномасштабных военных действий. Показательно, что большинство важнейших мирных соглашений между Московским государством, Литвой, а затем и Речью Посполитой носили заранее оговоренный временный характер перемирий. Например: заключенное на 6 лет Московское («Благовещенское») перемирие 1503 г.; пятилетнее Московское перемирие 1522 г., продленное по истечении этого срока сначала на шесть лет (Можайское перемирие 1526 г.), а затем еще на год в 1532 г.; перемирие 1537 г., поставившее точку в русско-литовской войне 1534-1537 гг. и перемирия 1542 и 1549 гг.; завершившее Ливонскую войну десятилетнее Ям-Запольское перемирие 1582 г. и более детально проработанного Московского перемирия 1582 г., также заключенного на 10 лет, но уже не до января, а до конца июня 1592 г.; пятнадцатилетнее Варшавское перемирие 1587 г.; двадцатилетнее Московское перемирие 1601 г., Московское перемирие 1608 г. (на 3 года и 11 месяцев) и, наконец, знаменитое Деулинское перемирие 1618 г., заключенное на 14,5 лет, а в более широкой ретроспективе и Андрусовское перемирие 1667 г., срок действия которого был определен в 13,5 лет.

Менее напряженными были русско-немецкие (русско-ливонские) и русско-шведские отношения. Несмотря на привлекательность балтийской торговли и желание упрочить свои позиции за счет присоединения к России Нарвы, Юрьева и Карелии, до конца XVII столетия эта задача для московского правительства оставалась периферийной. Неудачная Ливонская война, затеянная Иваном IV в 1558 г., продемонстрировала, что военное противостояние с объединенными силами северных государств чревато для России не победами, а поражениями, не территориальными приобретениями, а потерей пограничных городов.

Безусловно, в разные периоды истории Московского государства в зависимости от конкретно-исторических условий приоритет той или иной внешнеполитической задачи существенно менялся. В конце XV – начале XVI вв., добившись полной политической независимости от Большой Орды (1480 г.) и установления в 1487 г. протектората над Казанским ханством, русское правительство, установившее союзнические отношения с крымским «царем» Менгли-Гиреем ведет целую серию войн с Великим княжеством Литовским. В ходе этой борьбы Москве удалось добиться существенного изменения границ в свою пользу. Обстановка изменилась после резкого ухудшения русско-крымских отношений в начале второго десятилетия XVI в. и антирусского переворота в Казани весной 1521 г., поддержанного крымским ханом Мухаммед-Гиреем, отпустившим править Казанской землей своего брата Сагиб-Гирея. Совместные действия крымско-казанских войск оказались крайне опасными для Московского государства, вынудили его свернуть военные действия против Литвы, заключив с этой страной в 1522 г. пятилетнее перемирие, продленное в 1526 г., а затем и в 1532 г.

Покорение Москвой Среднего и Нижнего Поволжья, установление русского протектората над Большой Ногайской Ордой укрепили восточные и юго-восточные рубежи России. Однако, именно в это время векторы внешней политики Московского государства были резко изменены. Вместо ожидавшейся большой войны с Крымом, Иван IV начинает в 1558 г. Ливонскую войну, вылившуюся в многолетний тяжелый конфликт с Речью Посполитой и Швецией. Поражение русских войск в битвах с польско-литовскими и

шведскими армиями, крымские вторжения значительно ослабили военную мощь Русского государства, вынудив правительство принять меры, по улучшению ситуации на границах. Одной из самых действенных мер по борьбе с участвовавшими татарскими нашествиями стало принятие «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе» составленного в 1571 г. воеводой князем Михаилом Ивановичем Воротыньским.

Принятые меры укрепили русские вооруженные силы и позволили вернуть потерянные в годы Ливонской войны территории. Так, во время русско-шведской войны 1590-1595 гг., несмотря на неудачную осаду Нарвы, Москве были возвращены: Ивангород, Копорье и Ям. 4 июля 1591 г. в сражении у села Коломенского под Москвой русские полки разбили войско крымского хана Гази-Гирея. Однако общее состояние государства, ресурсы которого были подорваны действиями Ивана Грозного и его опричного окружения, оставалось тяжелым, чреватом почти неминуемым социальным взрывом.

Смутное время начала XVII в. ознаменовано не только серией больших и малых гражданских войн, но и масштабной интервенцией польско-литовских и шведских войск, действия которых усугубляли последствия народных бунтов и восстаний. В этот период операции русских войск носили исключительно оборонительный характер. Стремясь сохранить независимость страны, русские правительства эпохи Смутного времени, шли на вынужденные территориальные уступки своим воинственным соседям, пытаясь, во что бы то ни стало, получить мирную передышку. Особый интерес к этому переломному периоду российской истории вызывают наметившиеся изменения в системе организации русского войска. Известно несколько попыток реформировать вооруженные силы страны, предпринятые отдельными представителями верховной власти (например, М.В. Скопиным-Шуйским в 1609 г.). В годы Смутного времени в условиях капитуляции московского правительства перед поляками в непримиримую борьбу с интервентами и «русскими ворами» вступает вооруженный народ и пользующиеся его доверием руководители из числа местных воевод. Они встали во главе организованных за счет местных тяглых общин земских отрядов, объединившихся затем в освободительные ополчения. Именно народные рати 1610-1612 гг. спасли гибнущее Отечество и разгромили вражеские армии; выборные ополченские власти взяли на себя и функции временного военного управления страной, а позднее сыграли выдающуюся роль в воссоздании разрушенной российской государственности.

Сложная международная обстановка 20-40-х гг. XVII в. и тяжелое внутреннее состояние Московского государства вынуждало правительство Михаила Федоровича маневрировать, пытаясь использовать глубокие польско-шведские противоречия, искать союзников против главного врага – Речи Посполитой. Проведение такого внешнеполитического курса диктовалось необходимостью осуществления важнейшей задачи - возвращения Смоленска и других русских городов, завоеванных поляками в годы Смутного времени. Ради этой цели правительство было готово пойти и пошло на значительную модернизацию своих вооруженных сил и на союз с Турцией и Швецией, отказавшись на время от идеи возврата захваченных шведами карельских и ижорских территорий. Неудачная Смоленская война 1632-1634 гг., не поколебала его решимости возобновить, при первом же удобном случае, борьбу за смоленские и черниговские земли. Однако, наряду с подготовкой войны против Речи Посполитой, московские власти начали спешно укреплять южную границу, откуда в разгар Смоленской войны был нанесен татарами мощный удар, во многом предопределивший последующие неудачные действия русских войск. Эти годы стали временем накопления сил и средств, необходимых для возвращения западнорусских земель. Важным фактором, облегчившим выполнение поставленной задачи, стало начавшееся в 1648 г. восстание днепровских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого, позднее переросшее в настоящую войну за освобождение Украины. Решение Земского собора 1653 г. о принятии украинского народа в русское подданство привело к началу новой войны с Речью Посполитой (1654-1667 гг.), в ходе которой Россия отвоевала потерянные в годы Смутного времени смоленские и

черниговские земли, а также присоединила к своей территории Левобережную Украину. Рассмотрение этого вооруженного конфликта, значительно изменившего внутреннее состояние Русского государства и приоритеты его внешней политики, лежит за пределами данной работы.

* * *

Необходимость глубокого изучения опыта военных конфликтов Московской Руси с соседними государствами в конце XV – середине XVII вв. вызвана не только отсутствием общего обзора военной истории России этого времени, но и происходившим в ходе их разрешения изменением военного потенциала страны, появлением новых разрядов и родов войск. В основу периодизации данной исследовательской работы положены следующие этапы развития вооруженных сил Русского государства:

1-й этап – Начало перестройки московской княжеской армии. Создание поместного войска. – В результате этих преобразований были созданы предпосылки для успешного решения первоочередных внешнеполитических задач – отвоевания части западнорусских территорий у Великого княжества Литовского и установления мирных отношений с татарскими ханствами.

2-й этап – Военные реформы Избранной рады. Упорядочение службы поместного ополчения. Формирование «приборных» войск. – На этом этапе правительство приступило к покорению Казанского и Астраханского «царств», позднее началось продвижение русских войск в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, была предпринята попытка завоевания Ливонии и Полоцкой земли, шла ожесточенная борьба с крымскими набегами.

3-й этап – Ослабление русской военной силы на рубеже XVI – XVII вв. Польско-литовская и шведская интервенция. Создание и действия земских вооруженных сил (ополчений). Преодоление кризиса и восстановление старой военной организации. Первые попытки устройства регулярных войск. – Поражения эпохи Смутного времени и потеря важнейших рубежей обороны на западных и северо-западных границах делали неизбежным поиск новых форм организации русской армии. В 1630 г. для участия в приближающейся войне с Речью Посполитой (Смоленская война 1632-1634 гг.) началось формирование первых полков солдатского, рейтарского и драгунского строя. Неудачный исход этой войны не изменил выбранного правительством курса, направленного на создание мощной регулярной армии, однако тяжелое финансовое положение вынуждало власти использовать в военное время все наличные силы: поместное ополчение и «приборные» войска, полки нового строя, отряды «даточных» посадских и уездных людей, а в случае неприятельского вторжения на русскую территорию – всего вооруженного населения.

Изучение динамики данных процессов и его сущностных проявлений в наиболее узловые моменты истории Московского государства позволяет существенно дополнить общее представление о реализации военных планов политического руководства страны.

Глава 1

ВОЙНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI В.

Освободившись от власти татарских ханов Московское государство, получило возможность устанавливать равноправные отношения с соседними державами. Как правило, это происходило вооруженным путем, в ходе разрешения спорных территориальных проблем. Наиболее острым был пограничный конфликт с Великим княжеством Литовским. В 70-80-е гг. XV в. он проявился в стремлении Москвы добиться отказа Вильны от мнимых и действительных прав и претензий на Новгород, Великие Луки

и Ржевские волости, а также вернуть под свою власть земли князей Одоевских, Воротынских, Белевских. Представители этих княжеских фамилий принадлежали к общему роду князей Новосильских, перешедших на литовскую службу в годы Феодалной войны второй четверти XV в. в Московском княжестве. Теперь, после зримого усиления Русского государства они начали возвращаться обратно на московскую сторону, побуждаемые к этому агентами Ивана III. На другие территории Великого княжества Литовского Москва тогда не претендовала. Лишь позднее, уже во времена Василия III, русскими дипломатами было публично заявлено, что Литва «неправдою» держит «отчину» великого князя – Киев, Полоцк и другие города Русской земли. Впрочем, и в то время Москве пришлось ограничиться присоединением лишь Смоленской земли.

Потеряв в войнах 1492-1494, 1500-1503, 1507-1508 и 1512-1522 гг. часть своих восточных территорий, литовские великие князья так и не смогли смириться с их потерей. Попытка добиться реванша просматривается во многих действиях Александра Казимировича, сумевшего вновь объединить под своей властью и Литву, и Польшу, а затем и в действиях его брата и преемника Сигизмунда I Старого. К возобновлению борьбы с Московским государством за спорные смоленские и северские земли они стремились и деятельно готовились. История русско-литовских отношений первой половины XVI в. знает целую серию войн: 1507-1508, 1512-1522 и 1534-1537 гг. После возвращения Литвою в ходе последнего конфликта Гомеля и Любеча обстановка на русско-литовской границе стабилизировалась. Она оставалась относительно спокойной более 20 лет, до начала Ливонской войны 1558-1583 гг., на несколько столетий обрушившей хрупкий мир в Восточной Европе.

Отношения со Швецией, северным соседом Московского государства, осложнял спор из-за той части карельской территории, которая была уступлена ей Великим Новгородом по Ореховецкому договору в 1323 г. Эта территория включала в себя погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволак). В августе 1495 г. начался поход русского войска к Выборгу. Осада этой мощной крепости, в середине XV в. перестроенной Карлом Кнутсоном, закончилась неудачей, но другие действия русских отрядов были более успешными, особенно предпринятые русскими воеводами военные экспедиции в глубь Финляндии. Наибольший интерес из этих операций вызывает морской поход 1496 г. князей братьев И.Ф. и П.Ф. Ушатых, войско которых, пройдя на кораблях по Белому морю, обогнуло Кольский полуостров, захватило 3 шведских корабля и razорило «Каянскую землю» (Северную Финляндию).

Встревоженный русскими вторжениями правитель Швеции Стен Стуре в августе 1496 г. нанес ответный удар. 70 шведских кораблей высадили у стен русской крепости Ивангород 6-тысячное войско. Крепость не была готова к обороне. Ее наместник и воевода кн. Юрий Бабич бежал. Шведы захватили Ивангород штурмом, перебив всех взятых в плен жителей. Иван III немедленно направил против шведов 3-тысячный отряд воевод Ивана Федоровича Гундора и Михаила Кляпина, а затем и рать псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского. При приближении русских войск шведы ушли из Ивангорода. В 1497 г. в Новгороде между Иваном III и Стеном Стуре было заключено 6-летнее перемирие, впоследствии неоднократно продлевшееся правительствами Василия III (1524) и Елены Глинской (1536).

Русская активность на своих западных и северных границах тревожила власти Ливонского ордена и впоследствии. Дважды – в 1480-1481 и 1501-1503 гг. дело доходило до военных действий между Ливонией и Московским государством, но они, как правило, ограничивались взаимным опустошением сопредельных территорий и заканчивались восстановлением старой пограничной линии.

Сложная обстановка сохранялась на восточных и южных границах Московского государства, где продолжались татарские нападения. В начале рассматриваемого периода наиболее напряженными были отношения с Казанью. Иначе складывались взаимосвязи с Крымским ханством, власти которого в то время были заинтересованы в тесном союзе с

московским князем для совместной борьбы с Большой Ордой. После гибели хана Ахмета («Ахмата») в январе 1481 г. (по крымским источникам 21 января, по русским – 6 января), Ордой стали править его сыновья («Ахматовы дети» русских летописей и дипломатических документов), которых традиционно поддерживали Великое княжество Литовское и Польша. В начале 80-х гг. XV в. «Ахматовы дети» усилили натиск на Крым. В 1485 г. «ордынський царь Махмут, Ахматов сын», разгром войска крымского хана Менгли-Гирея, который смог удержать власть в своих владениях лишь с турецкой и, отчасти, с русской военной помощью. Наличие общих врагов – Большой Орды и Литвы превратило Крым в естественного союзника Москвы, чья поддержка облегчала многие внешнеполитические акции Ивана III*. Важным результатом его государственной деятельности стало снижение уровня военной опасности, угрожавшей русским пределам со стороны татарских степей. Прекращение ордынских вторжений и сокращение до минимума мелких и не очень опасных наездов отрядов «ордынских казаков», самым благотворным образом сказалось на внутреннем развитии России, проявившись как в росте численности ее населения, так и в увеличении экономического потенциала. Однако После окончательного разгрома Большой Орды (1502 г.) крымские ханы попытались подчинить власти Гиреев все татарские юрты и добиться от Москвы признания вассальной зависимости от Киркора и Бахчисарая. Именно на этой почве в начале XVI в. стал вызревать новый русско-татарский конфликт, во многом предопределивший дальнейшую многовековую борьбу Москвы с Крымом и Турцией.

Основным целям русской внешней политики соответствовали прочие дипломатические инициативы великого князя Ивана III. Его вражда к польско-литовским Ягеллонам естественным образом подтолкнула Москву к диалогу с противниками последних. Среди них были: молдавский господарь Штефан III (первые контакты с ним были осуществлены в апреле 1480 г.); венгерский король Матвей Корвин (1482); германский император Фридрих III (1486). Антиганзейские действия великого князя и подготовка к войне со Швецией способствовала заключению первого русско-датского союзного договора (1493).

Исследование основных проблем политического развития Московского государства на рубеже XV – XVI вв. требует глубокого изучения военных событий того времени, реальной оценки его действий против своих врагов.

1. ВОЕННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО МОСКВЫ С КАЗАНСКИМ ХАНСТВОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В. И РУССКО-ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1480-1481 ГГ.

В 60-х годах XV в. общая обстановка на границах вынуждала московского государя форсировать силовое решение конфликта с Казанью, временами (в 1467-1469, 1477-1478, 1485, 1486 и 1487 гг.) выливавшегося в настоящие русско-казанские войны. Начало им было положено в 1467 г., во время очередного династического кризиса в Волжской Татарии. Русское правительство решило вмешаться во внутренние дела ханства, чтобы

---

* Союзнические отношения, существовавшие в это время между Москвой и Крымом не исключали нападений, которые совершали на Русь татарские отряды не только из Большой Орды, Ногайской Орды, но даже и из Крымского Юрта. Тем не менее, пользуясь благожелательным отношением Менгли-Гирея, московские воеводы, сравнительно легко отражали эти набеги, зачастую преследуя врага и в «Поле». Русские летописи сохранили рассказ о нападении в 1492 г. отряда «ординских казаков» под командованием Темеша на алексинскую волость Вошану. Воеводы Ф. Колтовской и Г. Сидоров настигли врага уже за пределами русских земель в степи «промеж Трудов и Быстрой Сосны» и разгромили татар. Русские в этом бою потеряли убитыми 40 человек, ордынцы – 60, но «иные идучи татарове в Орду ранены на пути изомроша». – ОР РГБ. Ф. 92. № 2. Л. 129 об.; ПСРЛ. Т. 8. С. 224-225

поддержать династические права на казанский престол одного из сыновей хана Улуг-Мухаммеда Касима. В 1452 г. он был изгнан своим старшим братом Махмудом (Махмутеком; в русских летописях Мамутяком) и укрылся в русских владениях. Именно на выделенных Василием II Касиму землях на реке Оке возникло Касимовское ханство, находившееся в полной вассальной зависимости от Москвы. Центром этого анклава стал Городец-Мещерский, вскоре (в 1474 г.) переименованный в Касимов. Удельное ханство на Оке стало местом поселения представителей знатных татарских родов, по тем или иным причинам, покинувшим свои родные улусы. На протяжении XV-XVI касимовские «царевичи» и мурзы постоянно использовались московскими государями в осуществлении их планов завоевания соседних татарских ханств.

С точки зрения Ивана III удобный момент для вмешательства в казанские дела наступил в 1467 г., когда умер правивший в Казани старший сын Махмутека бездетный хан Халиль и на престол вззошел его младший брат Ибрагим (Обреим). Часть казанской знати во главе с князем Абдуллой-Муэмином (Авдул-Мамона), недовольная новым «царем», решила в противовес Ибрагиму поддержать права его дяди Касима и пригласила этого изгнанника вернуться на родную землю и занять ханский трон. Осуществить это предприятие претендент мог только при военной помощи великого князя Ивана III, которая и была ему оказана.

14 сентября 1467 г. русское войско, выделенное в помощь Касиму, выступило в поход на Казань. Командовали ратью лучший воевода великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский и незадолго до этого перешедший на московскую службу тверской полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, откуда, в случае неудачи похода, он мог прикрыть значительную часть русско-казанской границы. Предчувствие не обмануло московского князя. На переправе в устье реки Свияги Касим и русские воеводы были встречены большим казанским войском и были вынуждены остановиться на правом берегу Волги. Воеводам оставалось ждать «судовую рать», двигавшуюся им на помощь по рекам Клязьме, Оке и Волге, но она так и не успела до морозов подойти на помощь войску И.В. Стриги Оболенского и Д.Д. Холмского. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 г. русские полки вынуждены были начать отступление к границе.

В ожидании ответного нападения казанских отрядов Иван III приказал готовить к обороне пограничные города Нижний Новгород, Муром, Галич и Кострому, разослав туда свои заставы. Действительно зимой 1467/1468 гг. татары напали на хорошо укрепленный еще в годы противоборства Василия II с Юрием Звенигородским и его детьми Галич. Однако большая часть своевременно извещенного местного населения, привычного к нападениям врагов, успела укрыться в городе. Галичане, с помощью подоспевшей им на помощь лучшей частью московского войска - «двором великого князя» под командованием князя Семена Романовича Ярославского не только отбили нападение, но в декабре 1467 - январе 1468 г. совершили ответный лыжный поход на черемисов (марийцев), территория которых входила тогда в состав Казанского ханства. Русские полки в конце похода находились всего в дне пути от татарской столицы, «повоеваша всю ту землю». Из похода войско Семена Романовича вернулось к празднику Крещения Господня - 6 января 1468 г.

Боевые действия шли и на других участках русско-казанской границы. Муромцы и нижегородцы опустошали татарские порубежные селения на Волге, «а с Вологды ходиша тако ж, и устюжане и кичмежане и воеваша по камен по Вятке и много избиша и плениша». В отместку за этот поход татарское войско в конце зимы 1467/1468 гг. дошли до верховьев реки Юга, сожгли городок Кичменгу, перебив его защитников и захватив в плен укрывавшихся за его стенами жителей окрестных селений. На Вербной неделе (4-10 апреля 1468 г.) казанцы и черемисы разграбили две костромские волости, в мае выжгли окрестности Мурома, однако в последнем случае совершивший нападение татарский отряд был настигнут и уничтожен ратью князя Д.Д. Холмского.

В начале лета 1468 г. выступившая из Нижнего Новгорода «застава» князя Федора Семеновича Ряполовского у Звеничева Бора в 40 верстах от Казани вступила в сражение с большим татарским войском, в которое входила отборная ханская гвардия («двор царев, много добрых»). Московская «застава», не уступавшая казанцам в численности, уничтожила почти все войско противника. В сражении погиб «богатырь и лиходея» Колупай, в плен попал князь Ходжум-Берде (в летописях «Хозум-Бердей»). В это же время небольшой отряд воеводы Ивана Дмитриевича Руно (около 300 воинов) через Вятскую землю совершил успешный рейд вглубь Казанского ханства.

Активность московских войск стала неприятным сюрпризом для казанцев и татары решили завоевать Вятский край, обезопасив свои северные границы. На первых порах их войскам сопутствовал успех. Оккупировав земли вятчан, они перерезали пути доставки в край продовольствия (по русским летописным записям отняли у них «гобино»), в самом крупном городе края Хлынове была поставлена татарская администрация. Показательно, что заключенный между победителями и местной знатью договор носил довольно мягкий характер. Самым тяжелым условием (и неприемлемым для Москвы) вятской капитуляции было соблюдение нейтралитета в русско-казанской войне, принимавшей все более ожесточенный характер. Однако после победы «заставы» у Звеничева Бора, в ходе боевых действий наступила недолгая пауза.

Завершилась она весной 1469 г. Русским командованием был разработан и принят к исполнению новый план предстоящей кампании, который предусматривал согласованные действия двух московских армий на сходящихся направлениях. На главном – нижегородском вниз по Волге до Казани должна была наступать рать воеводы Константина Александровича Беззубцева. Подготовка этого похода не скрывалась, и носила демонстративный, отвлекающий характер. В составе великокняжеской рати на Казань были посланы даже московские купцы и посадские люди, которым выступить в поход было «пригоже по их силе».

Другое войско формировалось в Великом Устюге под стягом князя Даниила Васильевича Ярославского и включало в себя устюжские и вологодские отряды. В качестве младших воевод в Устюг были отправлены 9 детей боярских из «двора» великого князя*. Выступив в поход, эта рать, насчитывающая около 1000 воинов, должна была пройти по северным рекам почти 2 тысячи километров и выйти в верховья Камы. Затем уже Устюжскому войску надлежало спуститься по ее течению до устья, и, будучи в глубоком тылу у татар, подняться на веслах вверх по Волге до Казани с юга как раз к тому дню, когда туда должна была прибыть рать Беззубцева. Возлагаемые на этот рейд надежды оказались невыполнимыми из-за невозможности сохранить его в тайне: находившийся в Хлынове татарский наместник своевременно известил хана Ибрагима не только о его подготовке, но и о численности и боевых возможностях войска Д.В. Ярославского.

Однако главная причина неудачи предпринятого в 1469 г. наступления на Казань заключалась в отсутствии у русского командования навыков стратегического планирования операций на нескольких театрах военных действий и их технического исполнения. По-видимому, не существовало тогда и специальной службы, ведавшей оперативной подготовкой движения войск по сходящимся направлениям.

Общий план кампании очень скоро подвергся ревизии. Из-за затянувшихся переговоров с ханом Ибрагимом воеводе Беззубцеву, находившемуся с войском в Нижнем Новгороде было предписано отправить в поход к Казани лишь часть своих полков, укомплектовав их исключительно добровольцами. Таким образом, всей операции придавался характер набег «охочих людей», вышедших из-под воли великого князя. Однако расчеты московских стратегов не учитывали настроения собравшихся в Нижнем

---

* Иван Гаврилович, Тимофей Михайлович Юрло (Плещеев), Глеб Семенович и Василий Семенович Филимоновы, Федор Борисович Брюхо (Морозов), Салтык Травин (в будущем известный русский военачальник Иван Иванович Салтык Травин), Никита Константинов, Григорий Префушков и Андрей Бурдуков. – ПСРЛ. Т. 8. С. 155

Новгороде воинов. Получив приказ великого князя, в поход выступила вся рать, избрав новым воеводой Ивана Дмитриевича Руно. К.А. Беззубцев, согласно повелению Ивана III, остался в Нижнем Новгороде.

На рассвете 21 мая русские корабли подошли к Казани. Татары, застигнутые врасплох, не смогли отстоять посады, которые были выжжены московскими воинами. Опасаясь ответного нападения собиравшегося к Казани неприятельского войска, русская рать в полном порядке отступила вверх по Волге, став лагерем на Коровничем острове. По видимому, И.Д. Руно хотел дожидаться подхода Устюжского отряда, а возможно и вятчан, которым был послан призыв великого князя помочь его полкам под Казанью. Но договор о нейтралитете с Казанью и реальная угроза прекращения доставки хлеба в их край, вынудили жителей Вятки остаться в стороне от шедшей на Волге войны. Более того, татары от своих наместников в Хлынове были подробно проинформированы о походе войска князя Даниила Васильевича Ярославского. Не дожидаясь соединения русских отрядов, противник, решил напасть на Коровничий остров. Но неожиданного нападения не получилось. Бежавший из Казани русский пленник предупредил воевод о готовящейся атаке. Она была отбита, но Руно, опасавшийся новых нападений, перенес лагерь в более безопасное место – на Ирыхов остров. Однако имевшиеся у русской рати запасы продовольствия подошли к концу и из Нижнего Новгорода К.А. Беззубцев начал отводить полки к своей границе.

Узнав об отходе русских, хан Ибрагим послал в погоню за ними речную флотилию и большое конное войско. 23 июля 1469 г. (дата битвы установлена Н.С. Борисовым) произошло самое крупное сражение всего этого похода. Два войска вновь встретились у Звеничева Бора, но на этот раз противники бились не на земле, а на волжских волнах. Неоднократно русские насады и ушкуи обращали казанские корабли в бегство, но каждый раз татарские ладьи, прикрывшиеся конными стрелками с левого берега реки, быстро перестраивались и возобновляли свои нападения. Исход битвы остался неопределенным, но русскому войску удалось выйти из боя и без больших потерь вернуться в Нижний Новгород.

Менее удачно завершился поход Устюжского войска князя Д.В. Ярославского. К середине июля его насады еще были на Каме. В устье этой реки татары преградили русской флотилии дальнейший путь, поставив поперек Волги свои связанные корабли («Волгу судами заставили»). Произошел настоящий абордажный бой, в ходе которого русское войско потеряло 430 человек, то есть почти половину от своего первоначального числа. Среди павших был и воевода Д.В. Ярославский, в плену оказались Тимофей (Юрло) Михайлович Плещеев «со многими товарищы». Остатки русского войска, которое теперь вел князь Василий Ухтомский «скрозе рать тотарскую пробились» и ушли вверх по Волге мимо Казани к Нижнему Новгороду.

На этот раз пауза в военных действиях была непродолжительной – длилась она не более трех недель. В августе 1469 г. Иван III принял решение двинуть на Казань не только остатки Нижегородской и Устюжской ратей, но и свои лучшие войска, поставив во главе огромной армии своего брата князя Юрия Васильевича Дмитровского. В составе этой рати находились отряды и другого брата великого князя Андрея Васильевича. 1 сентября русские полки были уже у стен Казани. Попытка казанцев контратаковать была отбита и город был окружен. Вскоре русским воинам удалось перекрыть осажденным доступ к воде. Устрашенные русской силой татары поспешили начать мирные переговоры. По летописному свидетельству хан Ибрагим «видя себя в велице беде и начать посылати к князю Юрью, и добиша челом на всей воли великого князя». Главным пунктом заключенного соглашения стало согласие казанского «царя» выдать Москве «полон за 40 лет» - почти всех находившихся в Казани русских рабов.

Военные действия возобновились лишь через 8 лет, осенью 1477 г. Нарушить прежнее мирное соглашение хана Ибрагима побудило полученное им ложное сообщение о разгроме войска Ивана III новгородцами. На этот раз яблоком раздора стала Вятская земля,

в которой, пользуясь московско-новгородской войной, решили утвердиться татары. По лаконичной летописной записи: «Тоя же зимы казанской царь повоевал Вятку, преступив роту и грады даша за него. А посек и полону поимал много». Казанское войско пыталось пробиться и к Устюгу, но неудачно - «Молома река была водяна, нелзе ийти; и он шед един день, да воротился». Ответные нападения русских отрядов и, прежде всего, состоявшийся летом 1478 г. поход на Казань судовой рати под командованием князя С.И. Хрипуна Ряполовского и В.Ф. Образца Симского, вынудили хана возобновить мирное соглашение 1469 г.

После смерти в 1479 г. хана Ибрагима его преемником стал старший сын Али (в русских источниках «Алигам»). Его сводный брат и соперник 10-летний Мухаммед-Эмин («Магмет-Аминь»), ставший знаменем вполне сформировавшейся тогда в Казани партии сторонников Москвы, был переправлен в Россию, где он превратился в ключевую фигуру восточной политики Ивана III. Наличие в Москве собственного претендента на ханский трон стало сильным сдерживающим фактором, сыгравшим важную роль в эпоху, когда шла борьба Руси с Большой Ордой за возвращение государственного суверенитета. Опасаясь ответных действий Москвы казанский «царь» предпочел остаться в стороне от этого конфликта. Со своей стороны и русское правительство вело в отношении Казани сдержанную политику, стараясь избежать возможного нападения с этой стороны. Но и победа на Угре не вызвала немедленного ухудшения русско-казанских отношений - осложнение обстановки на границах с Ливонией давно уже вынуждали московского великого князя перебросить свои лучшие войска на северо-западную границу.

Пограничная война между Орденом и Псковом, шедшая с перерывами еще с 1469 г. резко обострилась в 1480 г. 1 января большой немецкий отряд напал на Вышгородок. Пользуясь внезапностью атаки, ливонцы захватили крепость, перебив ее защитников. Воодушевленные победой рыцари 20 января осадили Гдов, подвергнув его сильной бомбардировке. Но овладеть городом ливонцы не смогли и отступили, ограничившись сожжением посада и опустошением всей округи. Псковичи обратились за помощью к Москве.

Невзирая на сложное положение на южных рубежах своего государства. Иван III послал против ливонцев войска под командованием воеводы Андрея Никитича Ногтя Оболенского. 11 февраля 1480 г. московская рать, соединившись с псковичами, направилась в Ливонию. Русские овладели одним из орденских замков и разорили окрестности Дерпта, а 20 февраля они возвратились в Псков «с множеством полона» и «с многим добытком». Но вскоре после отхода московской рати немецкие нападения на псковские земли возобновились. Весной 1480 г. ливонское войско под командованием магистра Бернгарда фон дер Борха осадило Изборск. Только узнав о выступлении в поход большой псковской рати, немцы отступили. Столкновения на границе продолжались. В начале августа 1480 г. рыцарям удалось захватить Кобылий городок, где погибло около 4 тыс. жителей. 18 августа орденская армия, численность которой, по явно завышенному описанию Б. Рюссова, достигала 100 тыс. человек, вновь подошла к хорошо укрепленному Изборску. Осада крепости продолжалась два дня. Не сумев разрушить городские укрепления, немцы двинулись дальше. 20 августа ливонская армия подошла к Пскову. Несмотря на то, что магистр Б. фон Борх смог собрать «против русских силу, какой прежде него никто не собирал», осада Пскова также закончилась неудачей. В бомбардировке города принимали участие ливонские корабли – 13 шнеков, с которых противник пытался высадить десант в Запсковье, «межю святого Лазаря и святого Спаса». Внезапной атакой псковичам удалось разбить высадившийся с кораблей отряд и захватить одну шнеку. Другие шнеки немцы «пометавше» сами во время начавшегося вскоре отступления. Снять осаду и отвести свою армию обратно, магистра фон Борха вынудили не только неудачные действия его войск под Изборском и Псковом, но полученные им сведения о поражении Ахмед-хана. Именно в это время повелитель Большой Орды был разбит в «сражении на

бродах» (6-10 октября 1480 г.), при попытке прорваться на Русь через укрепленное порубежье Угры и Оки*.

Ответный удар по Ордену Москва нанесла только в феврале 1481 г. Против немцев было послано 20-тысячное войско под командованием воевод князей Ярослава Васильевича Оболенского и Ивана Васильевича Булгака Плещеева (старшего брата знаменитого впоследствии московского полководца Даниила Васильевича Щени), а также новгородская рать во главе с наместниками князем Василием Федоровичем Шуйским и Иваном Зиновьевичем Станищевым.

В походе 1481 г. на Прибалтику участвовал и псковский полк под командованием князя-наместника Василия Васильевича Бледного Шуйского. Русские полки перешли ливонскую границу и начали наступление на трех направлениях (к реке Эмбах и озеру Вирц и далее к городу Тарвасту, на город Каркус и в направлении Феллина). Впервые в зимнем походе в составе московской рати была артиллерия. Наличие у московских воевод большого «наряда» не замедлило сказаться. Поход продолжался всего месяц, но за это время русскими ратниками были захвачены крупные города Каркус и Тарваст, а 1 марта был осажден замок Феллин (русское название Вельяд), ставший с 1471 г. резиденцией магистра Ливонского ордена. Фон Борх за день до подхода русских к своей резиденции бежал из Феллина в Ригу. На протяжении 50 верст его преследовала новгородская рать князя В.Ф. Шуйского преследовала магистра. Захватив брошенную магистром часть «коша» (обоза) полк вернулся к главным силам, осадившим Феллин. В результате артиллерийского обстрела была разрушена наружная крепостная стена (охабень), захвачен и сожжен посад. Не дожидаясь штурма замка, жители Вельяда предпочли согласиться на выплату великокняжеским воеводам большого выкупа (2 тыс. рублей). В знак победы псковичи увезли с собой восемь «колоколов вельядских». В Псковской 2 летописи (Синодальный список) был отмечен фактор неожиданности русского нападения: «А Немецкая вся земля тогда бяше не в опасе, без страха и без боязни погании живяху, пива мнози варяху, ни чаяху на себе таковыя пагубы, богу тако изволившу. И бывше 4 недели в Немецкой земли, възратишася ко Пскову съ мною корыстью ведуще с собою множество полона ово мужи и жены и девици и малыя дети и кони и скоты, и поможе богъ въ всяком месте воеводам князя великого и псковичем».

Ливонские власти, испуганные возросшей военной мощью Московского государства, поспешили начать с ним мирные переговоры, завершившиеся 1 сентября 1481 г. подписанием в Новгороде 10-летнего перемирия. Условия его были зафиксированы в двух соглашениях, скрепленных в первом случае представителями дерптского епископа и Пскова, во втором - Ордена и Великого Новгорода. Обе стороны договорившись сохранить старую границу («А земли и воде Великому Новугороду с князем мистром старый рубеж – Щуцкого (Чудского – В.В.) озера стержнем Наровы реки в Солоное море»), но несколько изменили условия обеспечения торговли русскими товарами в Нарве (Ругодив) и других городах Ливонии.

Укрепив свою власть в завоеванной Новгородской земле и отразив агрессию ливонцев против Пскова, великий князь вновь обратил внимание на восток, попытавшись завоевать для жившего в Москве татарского царевича Мухаммеда-Эмина Казанское ханство. В 1482 г. он начал готовить большой поход на Волгу, однако дальнейшие демонстрации московской силы дело не пошло. Устрашенные возможностью русского вторжения татары поспешили заключить с Иваном III мир («царь Казанский присла с челобитьем»), по-видимому, на весьма выгодных для него условиях. Несостоявшийся

---

* О далеко неслучайном совпадении дат этих двух нападений писал К.В. Базилевич, указывавший при этом, что «мы не располагаем прямыми свидетельствами о существовании соглашения между магистром и Ахмед-ханом». Все же исследователь полагал, что «в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы, находившейся под угрозой двойного нападения, и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами для покорения Пскова» - Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 133

поход интересен несколькими подробностями своей подготовки. Во-первых, как и 1469 г. вторжение готовилось не только с запада - на Волжском направлении, но и с севера - на Устюжско-Вятском направлении, куда с полками были направлены воеводы В.Ф. Сабуров, В.Ф. Образец Симский и князь С.И. Хрипун Ряполовский. Во-вторых, для участия в походе в Нижнем Новгороде была сосредоточена артиллерия, в том числе и осадная, при которой находился Аристотель Фиораванти. И, наконец, была создана и действовала единая система управления войсками. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент наказа, посланного стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам Ивану Василевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он содержал указание (по определению Ю.Г. Алексеева «директиву главного командования») действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его.

Мирные отношения с Казанью вполне устраивали Ивана III, но, когда в 1485 г. недовольные Али-ханом казанцы выступили против него, великий князь поспешил использовать эту ситуацию и добиться провозглашения новым «царем» своего ставленника Мухаммед-Эмина. К Казани было отправлено русское войско под командованием князя Василия Ивановича Шихи Оболенского и Юрия Захарьича Кошкина. Они успешно выполнили свою задачу и казанским «царем» стал 17-летний Мухаммед-Эмин, почти всю свою сознательную жизнь проживший в Москве и вполне готовый признать верховную власть русского государя. Однако, его подданные к этому готовы не были. Особое возмущение вызвало у них согласие нового хана выдать врагов Москвы присланным от великого князя воеводам Василию Ивановичу Оболенскому, Василию Семеновичу Тулупу Стародубскому и Тимофею Прозоровскому. Узнав об этом, «князи казанские воле ему не дали, хотели Магмедина самого убить». Зимой 1485/1486 гг. Мухаммед-Эмину и его младшему брату Абдул-Латифу пришлось бежать к великокняжеским воеводам и под их защитой отступить на русскую территорию.

Иван III радушно принял изгнанников. Мухаммед-Эмину был пожалован городом Каширой, щедрые пожалования получил его брат и другие знатные беглецы.

Воспользовавшись бегством Мухаммед-Эмина на казанский престол при поддержке ногайцев вернулся Али-хан. Сохранилось интересное сообщение о его намерении расправиться со своими недругами (без сомнения теми знатными князьями и мурзами, которые передали престол Мухаммед-Эмину), но им также удалось уйти в русские пределы.

Весной 1486 г. московские полки сумели вернуть Мухаммед-Эмина на казанский престол, но, после их ухода, сторонники Али-хана вновь взяли верх и вынудили московского ставленника уйти на Русь.

Поддержка, оказанная Иваном III сопернику Али-хана несомненно испортила и без того сложные русско-казанские отношения. Косвенным подтверждением этому является начавшееся тогда возобновление укреплений городов, которые могли подвергнуться татарскому нападению. Новая война была неизбежна и великий князь, учитывая опыт прошлых неудач, решил добиваться политического подчинения Казанского ханства своей власти. Лишенный престола, но сохранивший титул «царя» Мухаммед-Эмин вынужден был дать Ивану III вассальную присягу и назвать его своим «отцом».

В Москве начинаются масштабные военные приготовления, т.к. реализовать далеко идущие замыслы великого князя о подчинении Казани было невозможно без окончательной победы над Али-ханом и воцарения на казанском престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 г. в решающий поход на Среднюю Волгу выступило войско, которое вели лучшие московские воеводы князь Даниил Дмитриевич Холмский, князь Иосиф Андреевич Дорогобужский, князь Семен Иванович Хрипун Ряполовский, князь Александр Васильевич Оболенский и князь Семен Романович Ярославский. 24 апреля вслед за ними выехал и «царь» Мухаммед-Эмин.

Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но были разбиты в сражении близ устья реки Свяги и отступили к Казани. 18 мая 1487 г. началась осада

города. Казань была окружена валом и частоколом (острогом), отряд князя Али-Газы (Алгазы), пытавшийся препятствовать осадным работам русских был разбит и отогнан за Каму. Осада продолжалась три недели. 9 июля 1487 г. Казань сдалась, и русское войско вступило в город. Али-хан, его жены, мать царица Фатима, братья Мелик-Тагир и Худай-Кул, а также сестра царевна Ковгар-Шад были уведены в плен. Свергнутый хан, вместе с женами, был заточен в Вологде, его близкие – на Белоозере в пригородной слободе Карголом, другие знатные татары – «розсажены по посельским» (по великокняжеским селам). Пленные, согласившиеся дать «роту» (присягу), что «им государю хотеть великому князю добра» были отпущены в Казань, где прочно воцарился Мухаммед-Эмин, а московским наместником при нем стал Дмитрий Васильевич Шеин.

Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 г. не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани ни территориальных, ни особенных политических требований, ограничившись полученными от нового казанского «царя» обязательствами не воевать против России, не выбирать нового хана без согласия великого князя, гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства, вплоть до кризиса 1495-1496 гг., когда Казань была захвачена войсками сибирского царевича Мамука. Свергнутый казанский «царь» укрылся в России, а новым ханом, после отступления Мамука в 1496 г. был провозглашен младший брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф, в отличие от старшего брата воспитанный не при московском дворе, а в Крыму. Укрепившись на престоле, Абдул-Латиф решил разорвать мир с Москвой, но в 1502 г. был выдан русскому послу князю Василию Ивановичу Ноздроватому Звенигородскому, а затем сослан на Белоозеро. В Казань вернулся «московский татарин» Мухаммед-Эмин, поначалу соблюдавший верность Москве, но затем, под нажимом своих князей и уланов, занявший более независимую позицию и восстановивший полный суверенитет своего государства. Изменение характера русско-татарских отношений произошло накануне смерти Ивана III (27 октября 1505 г.). Воспользовавшись близостью кончины великого князя, Мухаммед-Эмин отказался возобновить договорные отношения, существовавшие между ним и Москвою. Позже, уже после смерти Ивана III, «царь» использовал в качестве объяснения своих враждебных действий «роту», которую он дал свергнутому Дмитрию-внуку, находившемуся в заточении у нового русского государя Василия III. В своем ответе на присланное из Москвы требование о новой присяге казанский хан сообщал: «Яз еси целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дня живота нашего, и не хочу быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василей изменил братаничу своему великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье, а яз, Магмед Аминь казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты еси пил, ни быти с ним не хошу».

Разрыв отношений между Москвой и Казанью был омрачен русским погромом, произошедшим за несколько месяцев до кончины Ивана III. 24 июня 1505 г. были перебиты и пленены находившиеся в Казани московские купцы и их люди (всего, по сообщению Ермолинской летописи, погибло «болши 15 тысящ, из многих городов»), арестованы великокняжеские послы – сокольничий Михаил Степанович Кляпик Еропкин и Иван Брюхо Верещагин. Тогда же был разбит какой-то московский отряд, численностью в 10 тыс. воинов – об этой победе год спустя вспоминал хан Мухаммед-Эмин в направленном в Литву послании. Воодушевленные успехом татарские и союзные им ногайские отряды, общей численностью до 60 тысяч человек, впервые, после многих мирных лет, напали на нижегородские волости. 30 августа 1505 г. вражеские войска перешли пограничную реку Суру, а в сентябре не только осадили Нижний Новгород, но и

сожгли его посад^{*}. Сам город, в котором почти не было служилых людей, устоял лишь благодаря заслугам выпущенных из тюрем 300 литовских пленников, присланных сюда после Ведрошской победы.

Русское правительство предприняло попытку вернуть Казанское ханство под свою власть и в апреле 1506 г. направило на Волгу большое карательное войско – «воевод множество и воинство бесчислено». Командовал им младший брат Василия III удельный князь Дмитрий Иванович Углицкий («Жилка»). В походе принимали участие войска и другого удельного князя - Федора Борисовича Волоцкого, а также часть великокняжеской рати под командованием воеводы князя Федора Ивановича Бельского. Большая часть войска шла к Казани на кораблях, по берегу двигался лишь конный полк князя Александра Владимировича Ростовского. Русское командование попыталось также блокировать «перевоз» на Каме, направив туда рать князя Семена Федоровича Курбского. 22 мая 1506 г. судовая рать подошла к татарской столице и вступила в бой с противником, но, атакованная с тыла казанской конницей, потерпела поражение и была разбита у Поганого озера. Потеряв множество воинов убитыми и пленными русские полки отступили к своему укрепленному лагерю и укрылись в нем. В числе пленных был и третий воевода Большого полка Дмитрий Васильевич Шеин, месяц спустя, накануне второго сражения русских и татарских войск, казненный казанцами.

Получив известие о неудачном сражении, Василий III срочно направил из Мурома к Казани, новое войско под командованием князя Василия Даниловича Холмского, приказав брату не начинать активных действий до прибытия этой рати. Тем не менее, 22 июня 1506 г., после прихода конницы кн. А.В. Ростовского русское войско вновь стало готовиться к сражению, которое произошло через три дня. Московское войско было снова разбито и, потеряв все пушки, отступило. Князь Дмитрий Иванович с пехотными полками на кораблях ушел к Нижнему Новгороду. Другая часть разбитой армии под командованием касимовского царевича Джаная и воеводы Федора Михайловича Киселева ушла степью на Муром. В 40 верстах от русской границы отряд Джаная и Ф.М. Киселева был настигнуты татарами, но сумел отбиться, и ушел на свою сторону.

Продолжение конфронтации с Москвой не устраивало Мухаммед-Эмина, хотя первоначально, воодушевленный успехом, он попытался заключить антирусский союз с Крымом и Литвой и направил своих послов в Бахчисарай и Вильну. Дошедшее до нас послание казанского хана королю польскому и великому князю литовскому Александру Казимировичу с сообщением о победе под Казанью настолько воодушевило адресата, что он решил вступить в союз с Казанью и Крымом и начать подготовку новой войны с Москвой. Литовская сторона направила в Казань своего посла пана Сороку, но к этому времени ситуация в отношениях между Василием III и Мухаммед-Эмином изменилась в лучшую сторону. Хан, стремившийся к восстановлению полной независимости своего государства, сразу же забыл о воинственных намерениях в отношении России едва узнал о желании последней нормализовать отношения с Казанью. Вскоре между недавними противниками был заключен мирный договор и восстановлены добрососедские отношения. Впрочем, отныне русское правительство стало более настороженно относиться к своему восточному соседу, укрепив пограничные города. Так, с осадой Нижнего Новгорода в сентябре 1505 г. связана постройка в этом городе в 1508-1510 гг. каменной крепости. Возводил ее с учетом новейших фортификационных достижений XVI в. мастер Петр Фрязин.

Несмотря на перечисленные эксцессы, время от времени омрачавшие русско-казанские отношения, в целом они развивались в мирном русле, что позволило Ивану III, после победоносного похода 1487 г. сосредоточить свои усилия на решении других

---

* Московские власти были заранее извещены о готовящемся нападении казанского и ногайского войска и успели поставить заставу в Муроме, но предотвратить поход к Нижнему Новгороду не смогли.

внешнеполитических задач, прежде всего на возвращении западнорусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского.

2. РУССКО-ЛИТОВСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ КОНЦА XV в. «ХИТРАЯ ВОЙНА» 1492-1494 ГГ.

На первых порах в отношениях с Литвой великий князь Иван III действовал чрезвычайно осторожно, стараясь уговорами и обещаниями привлечь на свою сторону служивших Литовскому государству русских верховских князей, владения которых находились в верховьях р. Оки. Они сохраняли известные права и привилегии, за соблюдением которых очень внимательно следили в Москве, постоянно оговаривая их в докончаниях (договорах) с Литвой. Среди факторов, оказавших значение на окончательный выбор ими сюзерена, определяющими стали русское происхождение (верховские князья были потомками князя Михаила Всеволодича Черниговского), непоколебимая верность православию. Свою роль в этом выборе сыграла близость степных границ, откуда с удручающим постоянством на литовские земли совершали набеги войска союзного Москве крымского хана Менгли-Гирея.

Отъезды верховских князей на московскую службу начались еще в начале 1470-х гг. Одним из первых перешел к Ивану III князь Семен Юрьевич Одоевский, погибший осенью 1473 г. во время одного из пограничных конфликтов. Его сыновья Иван Сухой, Василий Швих и Петр Семеновичи Одоевские, владевшие половиной родового города Одоева, уже верой и правдой служили московскому государю, участвуя в постоянных столкновениях на границе. Однако другие верховские князья не спешили следовать примеру Одоевских. Выезд в Москву в 1481/1482 гг. Федора Ивановича Бельского, вряд ли можно считать обычным княжеским отъездом с сохранением своей «отчины». Он вынужден был бежать из Литвы спасаясь после неудачного заговора против Казимира IV Ягеллончика, в котором Ф.И. Бельский был замешан вместе со своими родственниками князем Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским, собиравшимися отторгнуть в пользу Московского государства всю восточную часть Великого княжества Литовского вплоть до реки Березины. В Москве Ф.И. Бельский был благосклонно принят и щедро пожалован, но все его литовские владения были конфискованы Казимиром.

Массовый характер переходы верховских князей на московскую службу приобретают, начиная с 1487 г. Чрезвычайно важным представляется явно не случайное совпадение этой даты с казанским взятием 9 июля 1487 г. Высвободив свои войска на востоке, Иван III усилил нажим на Литву, создавая прецеденты для вмешательства во внутренние дела этого государства. Одним из первых, разграбив город Мезецк, отъехал к Москве князь Иван Михайлович Воротынский. В начале октября 1487 г. к Ивану III прибыло литовское посольство с жалобами на действия князя Воротынского и помогавших ему князей Одоевских. Исходя из этой даты, А.А. Зимин предполагал, что Иван Михайлович перешел на московскую службу осенью 1487 г., а М.М. Кром относит его отъезд к первой половине этого года. Несомненно, литовское посольство князя Тимофея Владимировича Мезецкого прибыло в Москву вскоре после отъезда князя Воротынского, но, вряд ли осенью. Несмотря на чрезвычайный характер этой миссии, принятие решения об ее отправлении и дорога в Москву должны были занять не менее месяца. Вероятнее всего, мезецкие события произошли в августе 1487 г. Участие в них давно уже служивших Ивану III князей Ивана Сухого, Василия Швиха и Петра Семеновичей Одоевских, указывает на явную заинтересованность в таком развитии событий великого князя, а, между тем, он вряд ли мог решиться на эскалацию конфликта с Литвой до благополучного окончания войны с Казанью.

Давление Москвы на порубежных литовских владельцев возрастало и приобретало значительные размеры. Так, весной 1489 г. Воротынск осаждало московское войско под командованием одиннадцати воевод, во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым. Положение верховских князей становилось безвыходным, и многие из них вынуждены были следовать примеру Ивана Воротынского. В конце 1489 г. на службу к Ивану III отъехали со своими «отчинами»: Иван, Андрей и Василий Васильевичи Белевские, Дмитрий Федорович Воротынский и его племянник Иван Михайлович Воротынский, также захватившие часть земель князей, хранивших верность Литве. Протесты, заявленные польским королем и великим князем литовским Казимиром IV, были оставлены без внимания и отношения между двумя государствами продолжали обостряться. Однако до кончины Казимира IV дело ограничивалось локальными пограничными столкновениями и взаимными упреками в нарушении существующих соглашений. Ситуация резко изменилась после смерти старого короля, последовавшей 7 июня 1492 г. Сыновья Казимира разделили державу отца, значительно ослабив ее силы. Старший сын покойного Владислав II Ягеллон стал королем Чехии, а с 1490 г. королем Венгрии, где правил под именем Уласло II. Ян I Ольбрахт занял польский престол, а их брат Александр Казимирович стал великим князем литовским.

Реакция Ивана III была почти мгновенной. Уже в августе 1492 г. его войско («сила ратная») под командованием князя Федора Васильевича Телепня Оболенского вторгается на литовскую территорию и захватывает города Мценск и Любутск. Жалуясь на это нападение, в сентябре 1492 г. Александр Казимирович писал в Москву: «ино пришли к нам вести, што люди твои в головах княз Федор Оболенский приходил со многими людьми воиноу безвестной городы наши Мценск и Любтеск зжег и наместника нашего любуцкого и мценского Борыса Семеновича звел, и бояр мценских и любуцких з жонами, з детми и иных многих людей в полон повели, и животы и статки побрали». Захватом Мценска и Любутска дело не ограничилось. Тогда же, в августе 1492 г., отряды князей И.М. Воротынского и Одоевских выступили в поход на Мосальск и Серпейск, достаточно легко овладев ими. В августе-сентябре произошло вторжение и во владения вяземских князей. Отряд великокняжеских воевод Василия Лапина и Андрея Истома захватил города Хлепень и Рогачев. К этому времени надежного военного прикрытия восточных рубежей Великого княжества Литовского больше не существовало. Это стало следствием отъезда князей на московскую службу и перехода под власть Ивана III ряда пограничных крепостей: Одоева, Козельска, Перемышля, Серенска. Однако, уступать свои города без борьбы новый великий князь литовский Александр Казимирович не собирался. Он категорически отказался признать переход на московскую сторону русских князей, о чем чуть позже и сообщил Ивану III в послании от 20 февраля 1493 г., доставленном Федором Гавриловичем. К захваченным городам были посланы из Смоленска войска под командованием наместника Юрия Глебовича, князя Семена Ивановича Можайского и князей Друцких, которым ненадолго удалось вновь овладеть Серпейском и выжженным Мценском. Но это был лишь временный успех. 21 января 1493 г. против литовского войска выступила большая армия, включавшая не только великокняжеский полк воевод под командованием Михаила Ивановича Колышки (из рода Патрикеевых) и Александра Васильевича Оболенского, но и войска союзных Москве рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей. Литовские отряды были вынуждены отступить к Смоленску, оставив в занятых ими «градех» сильные гарнизоны. Тем не менее, московско-рязанская армия добилась важных успехов. Она вернула Мезецк, сдавшийся русским воеводам без боя, и Серпейск, взятый штурмом, несмотря на отчаянную защиту находившихся там «панов ... двора великого князя Александра» во главе с воеводой Иваном Федоровичем Плюсковым. Развивая успех войско М.И. Колышки-Патрикеева и А.В. Оболенского, заняло город Опаков, гарнизон которого также оказал сопротивление, и, подобно Серпейску был сожжен победителями. Такая же судьба постигла взятый штурмом город Городечно.

Неудачные действия литовских войск вынудили отъехать к Москве еще нескольких верховских князей Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого, Василия и Андрея Васильевичей Белевских и одного из вяземских князей - Андрея Юрьевича Вяземского. Массовый переход князей на московскую сторону еще больше ослабил литовскую оборону. Зимой 1492/1493 г. состоявшее из пяти полков московское войско, в состав которого входил и великокняжеский «двор», «град Вязьму взяша и людей к целованию приведоша. Князей же земских и панов в Москву приведоша». Ратью командовали воеводы Даниил Васильевич Щеня и Василий Иванович Кривой Патрикеев

Александр Казимирович пытался организовать отпор наступлению войск, получить помощь от Польского королевства или, хотя бы, нанять там небольшой пехотный отряд из 300 жолнеров, но ни от кого реальной помощи не получил и вынужден был рассчитывать лишь на свои силы.

Военные действия шли по всей линии русско-литовской границы, но формально войны между Московским государством и Великим княжеством Литовским не было. Иван III объяснял происходившее отторжение восточных территорий Литвы свободным выбором западнорусских князей, издавна «служивших на обе стороны» и имевших право выбирать себе государя. Произошедшему в 1492-1494 гг. вооруженному конфликту А.А. Зимин дал неудачное название «Странная война», которое, тем не менее, получило широкое распространение в исторической литературе. Никаких особых «странностей» в имевшем место противостоянии не наблюдалось. Со стороны Москвы военные действия велись по тщательно продуманному плану, в соответствии с которым захват спорных территорий производился, как правило, местными князьями, отъехавшими ранее на службу к московскому великому князю. Его воеводы вступали в бой лишь тогда, когда происходило «ущемление» прав того или иного князя, пожелавшего отъехать к Москве. Такое военное вмешательство понадобилось, например, в случае с решившим перейти на московскую сторону Андреем Юрьевичем Вяземским, ограбленным старшим из вяземских князей Михаилом Дмитриевичем, сохранившим верность Александру Казимировичу. Сообщая об отъезде Андрея Юрьевича великий князь московский писал в Вильну, что «князь Михаило Вяземский в *нашом имени* (т.е. Вязьме. –В.В.) его пограбил, отчину его отнял на Днепре, село его з деревнями, а в городе дворы и пошлины его за себе взял, да и казну его взял, и люди его переимал». Конфликт между двумя князьями и вызвал поход на Вязьму войска Д.В. Щени и В.И. Кривого Патрикеева, закончившийся насильственным присоединением города и уезда к Московскому государству. Иван III остался довольным исходом этой операции и всех плененных князей вяземских «пожаловал их же вотчиною, Вязмою, и повеле им служитьи себе». Обидчик Андрея Вяземского Михаил Дмитриевич в том же году был сослан на Двину, где содержался в великой строгости и вскоре умер. С нашей точки зрения происходивший в 1492-1494 гг. конфликт правильнее было бы именовать не «Странной», а скорее «Хитрой войной», принесшей московскому князю великие дивиденды. Уже в то время литовских дипломатов встревожило изменение титула Ивана III, начавшего именоваться в дипломатической переписке о мире «государем всея Руси». Они справедливо считали, что в дальнейшем великий князь московский и владимирский будет добиваться передачи ему остальных земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства.

После неудачных действий на границе, потеряв находившиеся там крепости, Александр Казимирович в поисках выхода из сложившейся ситуации начал переговоры о заключении «вечного мира» с Москвой. Он должен был остановить опасную экспансию заметно усилившегося Московского государства на западнорусские земли. Не случайно в текст договора литовская сторона планировала включить запись запрещающую Ивану III и Александру Казимировичу принимать к себе отъезжающих от своих государей служилых князей. Чтобы снять возможные возражения великого князя московского, который в отношениях с Литвой неизменно выступал защитником княжеских прав и привилегий, послы Александра Казимировича - воевода троцкий Петр Янович и староста жомойтский

Станислав Янович - привезли ему заманчивое предложение: мирное докончание должна была скрепить женитьба великого князя литовского на одной из дочерей Ивана III Алене (Елене) Ивановне.

В ходе начавшихся переговоров московской стороной были сразу же отвергнуты литовские требования о возвращении верховских и вяземских земель, а литовской - встречные московские претензии на Смоленск и Брянск. В итоге стороны договорились признать как состоявшийся факт переход на московскую службу со своими «отчинами» князей Одоевских, Воротынских, Белевских, Вяземских и части мезецких, однако некоторые из занятых войсками Ивана III городов пришлось вернуть. Так, на литовскую сторону были возвращены Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и некоторые другие верховские городки, признанные вотчиной Александра Казимировича. Московский государь обязался также не вступаться «ни в Смоленск, и во вся смоленская места», ни в Брянск («Добрянск») на которые первоначально претендовал. В качестве дополнительного условия Александр Казимирович должен был выдать будущему тестю грамоту с обязательством не принуждать супругу Елену Ивановну перейти католичество. Соответствующий документ был подписан великим князем литовским 26 октября 1494 г.

Несмотря на ряд уступок Ивана III своему будущему зятю, условия «вечного докончания», заключенного 5 февраля 1494 г., были для него выгодны. Русско-литовская граница отодвинулась далеко на запад к верховьям рек Угры, Жиздры и Оки. В военно-стратегическом отношении новые территории представляли очень удобный плацдарм для быстрого наступления вглубь Великого княжества Литовского в случае неизбежного в будущем обострения отношений между Москвой и Вильной.

Воспользовавшись возникшей на восточных и западных рубежах страны мирной паузой, великий князь московский Иван Васильевич решил защитить свои интересы на северной «украине».

3. РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1495-1497 ГГ.

Присоединив к своему государству Новгород, московский князь унаследовал от рухнувшей вечевой республики достаточно протяженную границу со Швецией, установленную Ореховским (Нотебургским) мирным договором, заключенным в 1323 г. В соответствии с его статьями, граница между двумя государствами прошла по р. Сестре. Тем самым русской стороной было признано присоединение Западной Карелии к Швеции.

Во время новгородских походов Ивана III шведы (выборгские фогты) попытались упрочить свою власть над Карелией, постоянно провоцируя столкновения на границе. Напряженность в отношениях с Большой Ордой, Казанью и Литвой вынуждали великого князя до поры до времени ограничивать ответные действия. В течение трех лет с 1479 по 1482 гг. на русско-шведских рубежах шла необъявленная война, сменившаяся временным затишьем после упрочения позиций Москвы в Северо-Западном крае.

Взяв под свою руку Новгород, Иван III задумал вернуть карельские погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволак), отошедшие в начале XIV в. к Швеции. Однако, планы его планы простирались гораздо дальше. Московский государь стремился захватить Выборг - мощную крепость, выстроенную шведами в 1293 г., в месте впадения старого русла р. Вуоксы в Финский залив. В середине XV в. выборгский наместник Карл Кнутсон перестроил город, значительно усилив его укрепления.

Именно походом на Выборг началась русско-шведская война 1495-1497 гг. Кампания была хорошо подготовлена. И дипломатически - еще в 1493 г. Иван III заключил союз с датским королем Хансом I (Иоанном I) Ольденбургским, острием своим направленный именно против Швеции. И непосредственно в военном отношении - великий князь усиливает московскую артиллерию и строит «на Девичьи горе противу города Ругодива Немецкого» крепость Ивангород. Новая русская цитадель была

поставлена «на слуде» (крутом берегу) реки Наровы в кратчайшие сроки – всего за 7 недель. Впоследствии ее планировали усилить новыми линиями укреплений, но не успели. Стены и башни Большого Бояршего города были построены здесь уже после окончания русско-шведской войны.

Весной 1495 г. московские дипломаты предъявили правителю Швеции Стену Стуре (Старшему) требование о возвращении Западной Карелии, которые были отвергнуты Стокгольмом. Война стала неизбежной и уже в июне 1495 г. первый русский отряд в количестве 400 человек перешел границу и вторгся на шведскую сторону с разведывательными целями. А в августе этого же года начался поход к Выборгу большого русского войска. По шведским данным оно насчитывало до 60 тыс. человек. В состав двинутой к границам армии вошли московские полки под командованием знаменитого воеводы Даниила Васильевича Щени, новгородская «сила» под началом Якова Захарьича Кошкина и псковская посошная рать во главе с князем Василием Федоровичем Шуйским. Осада шведской твердыни началась 8 сентября и длилась три месяца. Русские подвезли к Выборгу огромные пушки, длиной до 24 футов, огнем которых были разрушены две крепостные башни и сильно повреждена третья. В ней образовался большой пролом. Утром 30 ноября 1495 г. русские пошли на штурм замка. Но комендант Выборга Кнут Поссе, ожидавший атаки, приказал насыпать позади бреши высокий земляной вал. Атакующим, с помощью длинных лестниц, удалось взойти на стены крепости, но продвинуться дальше они так и не смогли. Комендант Поссе приказал закатить в подвалы захваченной противником полуразрушенной башни бочки со смолой и поджечь их. Большинство русских воинов, прорвавшихся в замок, погибло. Уцелевшие вынуждены были отступить и штурм, длившийся семь часов, завершился. 4 декабря осада крепости была снята. Понесшее значительные потери русское войско отступило к Новгороду. Среди погибших был один из видных московских воевод – Иван Андреевич Субота Плещеев, убитый под Выборгом «ис пищали».

Неудача этого похода вынудила московское командование изменить тактику. Отказавшись от безуспешных осад больших, хорошо укрепленных крепостей, русские войска приступили к опустошительным набегам на территорию противника, все дальше проникая в глубь Шведского государства. 17 января 1496 г. в новый поход выступило войско под командованием Василия Ивановича Косого Патрикеева и Андрея Федоровича Челяднина. На этот раз оно вступило в Гамскую землю в Южной Финляндии. Уничтожив небольшой шведский отряд, прикрывавший границу, войско достигло побережья Ботнического залива и сожгло Тавастгусту («Гамецкий город»). Русские отряды наводнили окрестности Улуфсборга и отступили назад лишь после приближения в район военных действий 40-тысячного шведского войска Стена Стуре, оставив позади себя совершенно разоренный край: «И приидоша к великому князю в Новгород, марта 6, все здравы с полоном многим».

В августе 1496 г. прорвавшимися за шведский рубеж войсками Д.В. Щени и Якова Захарьича был разбит 7-тысячный отряд противника. Но наиболее выдающимся предприятием этой кампании стал морской поход князей братьев Ивана Федоровича и Петра Федоровича Ушатых. Войско этих воевод было сформировано из отрядов опытных мореходов - устюжан, двинян, онежан и важан. Пройдя на кораблях по «акияну-моря» (Белому, а затем и Баренцеву морям), рать князей Ушатых обогнула «Мурманской нос» на Кольском полуострове и вторглась в земли, принадлежавшие Швеции. Русские воины захватили 3 шведских корабля и, пройдя через Лапландию, разорили «Каянскую землю» (Северную Финляндию). По словам летописца, они «извоевали Польну реку, да Торнову, да Снежну, добра поимали много, а полону безчисленно». Войско ушло из этих мест лишь вынудив финнов, живших на р. Лиминге послать в Москву своих старейшин бить челом «за великого князя», который их милостиво «пожаловал», приняв в русское подданство. В октябре 1496 г. полки князей Ушатых благополучно вернулись назад.

Шведы, оказались не в состоянии противостоять этим нападениям и ответили на них таким же рейдом на русскую территорию. 19 августа 1496 г. 70 кораблей («бусов») противника подошли к Ивангороду и высадили под его стенами 6-тысячное войско, которым командовал Стен Стуре. Его воины осадили русскую крепость и начали обстреливать цитадель из орудий. При постройке Ивангорода был допущен ряд просчетов - замок был возведен по абстрактной математической схеме в форме квадрата лишь на части возвышенности (Девичьей горы), что облегчало противнику ведение осадных работ. Фланкирующие бойницы, устроенные в нижних ярусах башен, обращенных к Нарове, отсутствовали с юго-восточной, напольной стороны крепости, где планировалось возведение новых укреплений. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться противник. Гарнизон крепости был немногочисленным и явно неготовым к обороне. Вскоре после начала обстрела замка шведами ивангородский наместник и воевода князь Юрий Бабич «убеже из града чрез стену». 26 августа осаждающие штурмом овладели Ивангородом, перебив всех взятых в плен жителей.

Почти сразу же последовали ответные действия русских войск. Против занявших Ивангород шведов был направлен 3-тысячный отряд воевод князя Ивана Федоровича Гундора и Михаила Кляпина, а затем рать псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского. При приближении русских войск шведы оставили разрушенный город и, не принимая боя, на своих кораблях ушли за море*. Через 12 недель укрепления Ивангорода были восстановлены и усилены постройкой т.н. Большого Бояршего города, строительство которого завершилось в 1599 г.

Вскоре к Ивану III с просьбой о прекращении военных действий против Швеции обратился союзник Москвы датский король Ханс I, решивший вступить в борьбу за шведский трон и вынужденный считаться с требованиями шведской знати, которые хотели видеть его во главе своего государства. Над Стеном Стуре нависла угроза вторжения датских войск и мятежа враждебной ему партии аристократов, ориентированных на восстановление унии Скандинавских стран. Вынужденный спешить с окончанием военных действий на востоке, он прислал в Новгород своих представителей с предложением мира. Со своей стороны Иван III также склонялся к заключению мирного докончания. Его тревожило обострение обстановки в Казани, где был свергнут его сторонник хан Мухаммед-Эмин и воцарился тюменский хан Мамук. Чтобы вернуть контроль над этим татарским ханством русскому государю требовалось срочно освободить свои лучшие войска, сосредоточенные на северо-западном фронте. 3 марта 1497 г. между Московским государством и Швецией было заключено перемирие, сохранившее старую границу. Несмотря на 6-летний срок этого соглашения, установившийся между двумя государствами мир, оказался долговечным. Условия перемирия 1497 г. впоследствии неоднократно продлялись (в 1524 и 1536 гг.) и были нарушены лишь в 1554 г. ничем не спровоцированным шведским нападением на Россию.

4. ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ЛИТОВСКИХ И РУССКО-ЛИВОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XV XVI вв. ВОЙНА 1500-1503 гг.

Несмотря на явно неудовлетворительный с точки зрения Ивана III, исход русско-шведской войны 1495-1497 гг. мир на северных рубежах оказался заключен как нельзя вовремя. Именно в эти годы, раздосадованный стремлением обратить свою дочь великую княгиню литовскую Елену в католичество, московский государь принимает решение, противоречащее условию «Вечного мира» 1494 г. с Литвой запрещающему отъезд князей.

---

* Бальтазар Рюссов писал, что, заняв Ивангород, шведы предлагали передать его Ливонскому ордену, но магистр Иоанн Фрейтаг фон Лоринговен, стремившийся сохранить мирные отношения с Россией, отверг коварное шведское предложение.

Он снова начал принимать на службу князей, оставляющих литовскую службу. В апреле 1500 г. под власть Москвы переходят Семен Иванович Бельский, Василий Иванович Шемячич и Семен Иванович Можайский, владевшие огромной территорией на восточных землях Великого княжества Литовского с городами Белая, Новгород-Северский, Рыльск, Радогощь, Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. Война становится неизбежной. В преддверии ее Александр Казимирович предпринял ряд шагов, по привлечению на свою сторону союзников. 24 июля 1499 г. состоялось заключение Городельской унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством. Также были упрочены связи Вильны с Ливонским орденом и ханом Большой (Заволжской) Орды Шейх-Ахметом (Шиг-Ахмадом). Однако немедленную военную помощь Литве ни Польша, ни Ливония, ни татары из Большой Орды оказать не могли. Пользуясь этим обстоятельством, великий князь московский Иван Васильевич поспешил с началом военных действий. Вместе с дьяком Иваном Ивановичем Телешовым, посланным в Вильну с сообщением об «отказе» князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича, туда поехал и Афанасий Шеенок, везший «складную» грамоту с объявлением войны Великому княжеству Литовскому.

Московский государь действовал по заранее продуманному и стратегически точному плану, основные положения которого были раскрыты Герберштейном. Накануне войны были сформированы три войска (у Герберштейна – «отряда»). «Первый отряд, - пишет имперский посол, - направляет он (Иван III – В.В.) к югу против Северной области, второй на запад против Торопца и Белой, третий помещает он посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет еще в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого замечено будет боевое движение литовцев». О продуманном характере действий Ивана Васильевича свидетельствует и сообщение «Хроники Быховца» о тайной «посылке» московского князя к Семену Бельскому с обещанием многих городов и волостей. Отъезд этого князя в Москву нарушил хрупкий русско-литовский мир.

Почти одновременно с гонцами И. Телешовым и А. Шеенком 3 мая 1500 г. из Москвы к литовской границе выступило войско под командованием служившего тогда Ивану III изгнанного казанского хана Мухаммед-Эмина и Якова Захарьича. Русская рать овладела Мценском, Серпейском, Брянском и вместе с войсками Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича, заняла Путивль (6 августа 1500 г.). Устрашившись московского нашествия, власть Ивана III поспешили признать князья Трубецкие и Мосальские.

Военные действия шли и на других направлениях. Успех везде сопутствовал русскому оружию. Так, составленная из новгородцев рать под командованием наместника Андрея Федоровича Челяднина, усиленная полками удельных князей Федора и Ивана Борисовичей Волоцких, овладела Торопцом. Другое войско, которым командовал родной брат Якова Захарьича Юрий Захарьич, заняло Дорогобуж - город, лежавший в двух днях пути от Смоленска. Успешное наступление русских войск не могло не встревожить Александра Казимировича и его советников. В Москву поступали сведения о больших военных сборах в Литве. Ответный удар ожидался со стороны Смоленска на Дорогобуж. К этому городу из Твери была срочно переброшена рать под командованием Д.В. Щени, который, соединившись с отрядом Юрия Захарьича, принял командование всем войском. Численность его составляла 40 тысяч человек. Как показали последующие события, решение усилить находившееся под Дорогобужем войско резервными полками было верным. Из Смоленска через Ельню навстречу нашей рати двигалось 40-тысячное войско великого гетмана литовского князя Константина Ивановича Острожского. Обе армии встретились в районе рек Тросны, Ведроши и Селии. 14 июля 1500 г. между ними произошло большое сражение. Ведрошская битва стала центральным событием второй русско-литовской войны.

Перед сражением московское войско находилось в своем лагере на Митьковом поле, расположенном в 5 км. к западу от Дорогобужа, за реками Ведрошь (Ведрошка), Селия и Тросна. Через Ведрошь был перекинут единственный в этих местах мост. Своевременно узнав о подходе литовской армии, русские воеводы, намеренно не уничтожая моста, выстроили для боя Большой полк под командованием Д.В. Щени. Правый фланг русской рати был обращен к Днепру, недалеко от места впадения в него Тросны, левый был прикрыт большим труднопроходимым лесом, в котором, за флангом Большого полка, укрылся в засаде Сторожевой полк воеводы Юрия Захарьича. На западный берег Ведроши выдвинулись передовые части, задачей которых было завязать бой и отойти затем на восточный берег реки, заманив туда литовцев.

В отличие от русских воевод гетман Острожский шел к месту будущего сражения, имея самые приблизительные сведения о противнике, сообщенные ему то ли пленным, то ли перебежчиком дьяком Германом. Доверяя его показаниям, литовский главнокомандующий был уверен, что под Дорогобужем стоит лишь небольшое русское войско.

Помимо летописного рассказа об этой битве, одной из крупнейших в истории русского средневековья, ее подробно описал и Сигизмунд Герберштейн, сообщивший о Ведрошском сражении ряд ценных сведений. Он упоминает о том, что «литовцы ... разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». «Несколько московитов» (передовой отряд, находившийся на левом берегу Ведроши), «вызвали на бой литовцев; те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку; вслед затем оба войска вступают в столкновение, и с той и другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет с боку в средину врагов. Литовцы разбегаются...»

Битва продолжалась почти шесть часов. Исход ее, как показано выше, решил удар полка Юрия Захарьича. Русские вышли в тыл литовцам и разрушили мост через реку, отрезав противнику все пути к отступлению. После этого началось избиение окруженного врага. Только убитыми литовцы потеряли около 8 тыс. человек. Победителями были захвачены литовский обоз и артиллерия. В плен попали гетман Острожский и другие именитые литовские военачальники воевода троцкий Григорий Остикович, маршалок «Лютавр» (Иван Литавор Богданович Хребтович), воеводы Николай Юрьевич Глебов, Николай Юрьевич Зиновьев и служившие Александру Казимировичу князя Друцкие, Мосальские и много «панов служивых».

Узнав о разгроме лучшего литовского войска (гонец прибыл в Москву 17 июля 1500 г.), Иван III пышно отпраздновал победу и послал к Д.В. Щене и другим воеводам «спросить о здоровье», воздав им «честь и дары и жалованья».

Потерпев жестокое поражение, литовцы вынуждены были перейти к обороне. Не замедлив воспользоваться этим, русские войска одержали еще одну важную победу. 9 августа 1500 г. полки псковского наместника князя Александра Владимировича Ростовского штурмом овладели городом Торопцом.

Победы Москвы, встревожили союзников Литвы. Больше всего возросшего русского могущества опасались власти Ливонского ордена, решившие в начавшемся конфликте встать на литовскую сторону*. Весной 1501 г. в Дерпте было арестовано более 200 русских купцов, товары которых были разграблены. Направленные в Ливонию псковские послы оказались задержаны. Отношения с Орденом стремительно ухудшались.

---

* Первые шаги к заключению антимосковского союза Великого княжества Литовского и Ливонского ордена были сделаны еще летом 1500 г., после прибытия к магистру Вальтеру Плеттенбергу с просьбой о военной помощи литовского посла Юрия Костевича. – См.: Lietuvos Metrika. Kn. 5 (1427-1506). № 89. S. 146-147

21 июня 1501 г. в Вендене магистром Вальтером фон Плеттенбергом и представителями Александра Казимировича был подписан договор о союзе с Литвой, направленный против России.

Война грозила северо-западному русскому пограничью, и в Псков были направлены войска из Новгорода под командованием новгородского наместника князя Василия Васильевича Немого Шуйского и Твери. Тверскую рать вел князь Даниил Александрович Пенко Ярославский. Соединившись с псковской ратью князя Ивана Ивановича Горбатого, русское войско под главным командованием князя Д.А. Пенко 22 августа 1501 г. выступило к ливонскому рубежу, где уже происходили стычки с немецкими отрядами. Орденское войско опередило русских. 26 августа 1501 г. армия магистра Вальтера фон Плеттенберга перешла границу и начала вторжение на псковскую землю. Встречное сражение между русскими и ливонскими войсками произошло 27 августа на реке Серице под Изборском, в 10 верстах от этого города. Передовой «стяг» (полк), состоявший из псковичей под командованием посадника Ивана Теншина, неожиданно обнаружив впереди себя немцев, атаковал их и, преследуя отходившего противника, подвергся обстрелу из полевых артиллерийских орудий. Псковичи, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Другие русские полки также начали отходить, бросив обоз. В сражении на Серице погибли московский воевода Иван Борисович Бороздин и псковский посадник Иван Теншин. Наличие у Плеттенберга многочисленной артиллерии и фактор неожиданности нападения ливонского войска на русскую рать на псковской территории решило исход этой битвы.

Потерпев поражение, русские полки поспешно отступили к Пскову. Плеттенберг отказался от преследования их, начав осаду Изборска, гарнизон которого, несмотря на сильный обстрел из пушек, сумел отразить нападение противника. Простояв день под Изборском и оценив прочность укреплений и мужество защитников, Плеттенберг снял осаду и двинулся к Пскову. 7 сентября на пути немецкой армии оказалась псковская крепость Остров. Окружив этот небольшой город, ливонцы обрушили на него огонь своих орудий, применив зажигательные снаряды: «начаша бити пушками городок Остров и огненные стрелы пушати». В ночь на 8 сентября начался штурм охваченной пожаром крепости. Отбить приступ не удалось, и город был захвачен ливонцами. Во время штурма погибло 4 тысячи местных жителей – все население Острова. Но, овладев крепостью, немецкое войско не смогло развить успех и поспешно отступило на свою территорию из-за начавшейся в орденской армии эпидемии. В числе заболевших оказался сам магистр. Некоторые исследователи связывают поспешное отступление ливонцев не столько с поразившими рыцарей болезнями, сколько с с позицией союзника Плеттенберга Александра Казимировича. Великий князь литовский обещал магистру помочь в походе на Псков, но из-за смерти брата польского короля Яна Ольбрахта, умершего 17 июня 1501 г., вынужден был присутствовать на заседавшем в Петракове сейме, избравшем Александра Казимировича новым польским королем. На помощь ливонцам послали небольшой отряд пана Черняка, который вступил на псковскую землю уже после отступления войск Вальтера Плеттенберга. После безуспешной осады крепости Опочки, он ушел обратно.

Несогласованностью действий своих противников воспользовался Иван III. В октябре 1501 г. в ответ на нападение ливонцев на Изборск и Остров и литовский рейд на Опочку, к северо-западным рубежам страны была направлена большая московская армия во главе с воеводами Даниилом Васильевичем Щеней и князем Александром Васильевичем Оболенским. В состав русской рати входил также татарский отряд хана Мухаммед-Эмина. Великокняжеские войска, соединившись с псковичами, в конце октября в районе города Мариенбурга перешли границу и вторглись в Ливонию. Восточные земли Ордена и особенно владения Дерптского епископства, подверглись страшному опустошению. Магистр Плеттенберг решил воспользоваться разделением русского войска (псковская рать действовала в трех днях пути от главных сил армии Щени) и в ночь на 24 ноября 1501 г. атаковал московские полки в их лагере под замком Гельмед, недалеко от

Дерпта. По-видимому, в результате внезапной атаки, которая произошла в 3 часа ночи, русские войска смешались, отступив назад. Только так можно объяснить гибель в самом начале сражения одного из великокняжеских воевод Александра Васильевича Оболенского. Но затем московская и татарская конница опрокинули немцев, и сражение закончилось большой русской победой. Преследование бегущих продолжалось почти 10 верст. В бою и во время бегства погибло значительное число рыцарей и их слуг, но, конечно, не «40 тысяч орденских братьев», как отмечено в одной из последних коллективных монографий по военной истории. Указывая, что Ливония лишилась 40 тысяч жителей убитыми и взятыми в плен русскими, Бальтазар Рюссов, имел в виду не погибших под Гельмедом рыцарей, а общее число потерь в результате русского вторжения, когда опустошены были восточные земли Ордена, а многие жители этих мест уведены в плен.

Зимой 1501/1502 гг. войско Д.В. Щени, переброшенное под Ивангород, совершило поход в Ливонию, на Ревель (русское название Колывань). Во время этой экспедиции московская рать «землю Немецкую учиниша пусту».

Лишь весной 1502 г., оправившись от прежних поражений, ливонцы вновь перешли русскую границу. На этот раз они атаковали на двух направлениях. Большой немецкий отряд напал на Ивангород, а другой - на небольшую псковскую крепость Красный городок. В сражении «на заставе» под Ивангородом, произошедшем 9 марта 1502 г., погиб новгородский наместник Иван Андреевич Лобан Колычев и еще 20 русских воинов (по немецким данным – 200), однако нападение рыцарей было отбито.

На Псковской земле немцев также преследовали неудачи. 17 марта рыцарское войско осадило Красный городок, но взять эту небольшую крепость так и не смогло. Узнав о приближении большого псковского войска, противник, не принимая сражения, поспешно снял осаду и отступил в свои замки.

В начале осени 1502 г., в разгар начатой русскими осады Смоленска, магистр Плеттенберг предпринял новое наступление на Псков, чтобы помочь своим литовским союзникам. 2 сентября его 15-тысячное войско подошло к Изборску и попыталось штурмом овладеть этой крепостью, но приступ был отбит. В ту же ночь ливонцы сняли осаду и выступили на Псков, осада которого началась 6 сентября. Хорошо укрепленный Псков упорно оборонялся. В двух местах – в Заволочье, а затем «на Полонище» - немцы пытались сокрушить его стены огнем своих орудий. Однако разрушить псковские укрепления им не удалось. Тем временем на помощь псковичам спешило из Новгорода войско под командованием воевод Д.В. Щени, И.В. и В.В. Шуйских. Немецкая армия стала отходить к своей границе, но 13 сентября 1502 г. у озера Смолина, в 30 верстах от Пскова, она было настигнуто русской ратью. Рыцарей спасла устроенная магистром Плеттенбергом военная хитрость. Покинув лагерь, ливонцы дождались нападения противника и, когда русские воины увлеклись захватом трофеев, контратаковали их. С большим трудом воеводам удалось навести порядок в своих полках, отбить нападение немцев и заставить их уйти на свою территорию. Потери, понесенные русскими войсками были значительными. Среди погибших оказалось несколько видных московских воевод: «И на том бою оубиша князя Федора Кропотича (по Воскресенской летописи Андрея Александровича Кропоткина – В.В.) да Григорья Дмитриева сына Давыдовича, да Юрья Тимофеева сына Юрлова и иных многих детей боярских».

В борьбе с Московским государством существенную помощь Александру Казимировичу помимо Ливонского ордена оказал татарский хан Шейх-Ахмет (Шиг-Ахмет, Шайх-Ахмад). С просьбой о помощи против России и Крыма к нему был направлен литовский посол Михаил Халецкий. В 1500 г. и первой половине 1501 г. Шейх-Ахмет воевал с Крымским ханством, но осенью 1501 г. его войска напали на Северскую землю и, разорив окрестности Стародуба, захватили Рыльск и Новгород-Северский. Отдельные татарские отряды во время этого похода достигли даже окрестностей Брянска.

Несмотря на вступление в войну на стороне Великого княжества Литовского Ливонского Ордена и Большой Орды, воеводы Ивана III уже осенью 1501 г. начали новое

наступление вглубь литовской территории. Войско перешедших на его сторону северских князей Василия Ивановича Шемячича и Семена Ивановича Можайского с приданной им ратью московских воевод Семен Иванович Воронцова и Григория Федоровича Давыдова, выступило к Мстиславлю, захватив который русская армия могла продолжить наступление на Смоленск. 4 ноября 1501 г. ее продвижение попыталось задержать литовское войско под командованием князя Михаила Ивановича Ижеславского и воеводы Евстафия Дашковича. Недалеко от Мстиславля произошло сражение, закончившееся победой русского оружия. Литовцы бежали, потеряв около 7 тыс. человек и все знамена. Однако овладеть Мстиславлем, где укрылись остатки войска князя Ижеславского, московским воеводам не удалось и они были вынуждены отойти, ограничившись разорением Мстиславльского уезда.

По-видимому, это отступление было связано с произошедшими тогда татарскими нападениями на северские города – вотчины Василия Ивановича Шемячича и Семена Ивановича Можайского. В наказе, данном послам, направленным в Крым и датированном 7 ноября 1501 г., Иван III писал: «Ших-Ахмет царь пришел на наших князей отчину к Рылску, и нынеча тот наш недруг Ших-Ахмет царь наших князей княж Семенову Ивановичу и княж Васильеву Шемячича вотчину воюет, а с нашим недругом с литовским ссылается. А наши князи и наши воеводы стоят против их, и мы ныне к своим князем послали воевод своих со многими людьми». Прибытие в северские города русских войск, переброшенных с западной границы, вынудило татар отступить. Остановившись «в Поле» между Черниговом и Киевом, Шейх-Ахмет ожидал соединения с литовскими войсками, чтобы возобновить нападения на русские земли. Однако его орда подверглась нападению союзника Москвы крымского хана Менгли-Гирея. В шедших зимой и летом 1502 г. в степи сражениях крымцы нанесли ряд поражений войскам Шейх-Ахмета. Особенно сокрушительным был июньский разгром Большой Орды, надолго устранивший опасность новых татарских набегов на южнорусские города и уезды. Шей-Ахмет бежал в Литву, где вскоре он был пленен вероломными союзниками и заточен в замке Ковно

Вынужденные действовать с оглядкой на происходившие в степи события, где завершалось противостояние Большой Орды и Крымского ханства, Иван III готовил новое наступление на западном рубеже. На этот раз целью русского похода должен был стать Смоленск. Военные действия начались летом 1502 г. Поставив во главе русской армии одного из своих сыновей, двадцатилетнего Дмитрия Ивановича Жилку, великий князь поставил под его начало опытных воевод князя Василия Даниловича Холмского и Яков Захарыча. Для действий на смоленском направлении были собраны значительные силы, включая поосу, но начатая в конце июля осада Смоленска оказалась безрезультатной. Единственным успехом кампании 1502 г. стал захват одним из русских отрядов города Орши. Но уже 14 сентября полки Дмитрия Жилки отступили от Смоленска. На выручку этой крепости спешило большое литовское войско под командованием старосты жемайтского Станислава Яновского, освободившего к тому времени Оршу.

После неудачного окончания первого смоленского похода характер военных действий изменился. Русские войска, не осаждая больше литовские крепости, совершали нападения на прифронтовые литовские волости и опустошали их. В результате этих вторжений ресурсы Великого княжества Литовского оказались подорванными и Александр Казимирович, предварительно договорившись с Плеттенбергом, при посредничестве венгерского короля Владислава Ягеллона и римского папы Александра VI, начал поиск мирного соглашения с Москвой. Уже 29 декабря 1502 г. в Москву прибыл венгерский посол Сигизмунд Сантай, которому удалось склонить Ивана III к началу переговоров. 4 марта 1503 г. в русскую столицу въехали литовское и ливонское посольство, которое возглавляли с литовской стороны Петр Мишковский и Станислав Глебович, со стороны Ордена – Иоганн Гильдорп и Клаус Гольствевер. Договориться о мире послам не удалось, и стороны ограничились перемирием, которое было заключено 25 марта 1503 г., в праздник Благовещенья, сроком на 6 лет. В результате этого соглашения к Москве

отходили 19 городов, в том числе: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгородок-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белая, Торопец. Великое княжество Литовское теряло также 70 волостей, 22 городища и 13 сел – в общей сложности 1/3 часть своих земель.

Условия Благовещенского перемирия свидетельствуют о замечательном успехе русского оружия и русской дипломатии. Помимо больших территориальных приобретений Москва получила важное стратегическое преимущество над своим главным противником. Новая русско-литовская граница стала проходить в 45-50 км. от Киева и в 100 км. от Смоленска, создавая удобный плацдарм для вторжения в пределы Великого княжества Литовского в случае возобновления борьбы за возвращение западнорусских земель.

В то же время Иван III осознавал неизбежность нового столкновения с Литвой и готовился к нему. Об этом свидетельствуют его указы отправляющемуся в Крым послу Ивану Ивановичу Ощерину, который должен был воспрепятствовать возможному крымско-литовскому сближению, прямо объявив союзнику московского государя хану Менгли-Гирею об угрозе новой войны. Прочитируем часть этого любопытного документа, раскрывающего далеко идущие планы Ивана Васильевича. **«А великому князю, господине, с ним (Александром Казимировичем – В.В.) прочного миру нет; он, господине, хочет у великого князя тех городов и земли, что у него взяты, а князь велики, господине, хочет у него своей отчины, всей Русские земли (выделено нами – В.В.). А ныне взял с ним перемирье того деля, чтобы ему те города укрепить, которые у него взял; кои города были пожжены, и он те зарубил да иные детям своим подавал, а в иных воевод своих посадил, а кои люди там были недобры, и он тех оттоле вывел, да те города все насадил своими людьми ...»**. Чуть раньше, в другом наказе тому же И.И. Ощерину о заключенных «перемирных летах» говорилось еще более пренебрежительно: **«Он (Александр Казимирович – В.В.), господине, уж с горя взял перемирье с государем нашим <...> ино, господине, какой межи их мир? Он хочет те земли и города у царя нашего взять, кои у него взяты; а государь наш хочет у него еще Киева и всей Русские земли своей отчины»** (выделено нами – В.В.).

Сделанный Иваном III прогноз о недолговечности Благовещенского перемирия оказался очень точным. Мир между Москвой и Литвой продержался до смерти Александра Казимировича (20 августа 1506 г.), лишь на год пережившего своего воинственного тестя, Впрочем, и Москва и Вильна стали активно готовиться к будущей войне едва ли после заключения докончания 1503 г. Она едва не грянула уже осенью 1505 г., когда польский король и великий князь литовский узнал о кончине московского государя (умершего 27 октября 1505 г.). И только отказ магистра Плеттенберга напасть на Россию раньше истечения перемирных лет, остановил уже готовую начаться войну.

5. РУССКО-ЛИТОВСКАЯ ВОЙНА 1507-1508 гг.

Международное положение Московского государства резко изменилось после поражения русской армии под Казанью летом 1506 г. и связанного с этим конфликтом ухудшения русско-крымских отношений. В том же году крымский хан Менгли-Гирей обратился к Александру Казимировичу с предложением начать совместные военные действия против Москвы. Его ярлык, присланный в Вильну с королевским послом Якубом Ивашенцевым сгласил: «ино на московского, на Иванова сына, с вами заодно, неприятелем хочем быти ему». Тогда же в Литву приехал казанский посол Аикимбердей, известивший Александра Казимировича о разгроме московской рати под стенами Казани и о желании своего хана Мухаммед-Эмина вести войну с Россией в союзе с Крымским ханством и польским королем. Казанский хан писал в переданном Аикимбердеем послании: «Как весна будет, вы бы есте войско свое на московского послали, а мы сами своею головою со всем своим войском на него поидем, бо я люди свои вси в готове держу».

Александр Казимирович не успел сам воспользоваться тяжелым положением нового московского государя Василия III. Реализовать планы реванша решил его брат и преемник Сигизмунд (Зыгмунт) I Старый, младший из пяти сыновей Казимира IV Ягеллончика. Он был коронован 20 января 1507 г. Заручившись обещанием помощи от крымского хана Менгли-Гирея и рассчитывая на поддержку казанского хана Мухаммед-Эмина*, не дожидаясь окончания срока действия Благовещенского перемирия 1503 г., Сигизмунд 2 февраля 1507 г. добился от литовского сейма решения начать войну с Россией. В Москву было отправлено посольство Яна Радзивилла и Богдана Сопежича от имени своего короля потребовавшее возвращения отторгнутых ранее земель. Однако литовский ультиматум не испугал русскую сторону. Василий III, начавший переговоры о мире с казанским ханом Мухаммед-Эмином, получил возможность перебросить освободившиеся войска с восточных на западные рубежи. Литовский ультиматум был отвергнут, война стала неизбежной**.

О выступлении в поход Сигизмунд I сообщил крымскому хану Менгли-Гирею в послании от 20 июля 1507 г., которое повез в Крым толмач Ромодан. Литовские войска были сосредоточены на 3 направлениях. В Смоленске собирались отряды гетмана Ольбрахта Мартыновича Гаштольда. В Полоцке сосредоточились полки гетмана пана Станислава Глебовича, а в Минске – великого гетмана Станислава Петровича Кишки.

Войска Сигизмунда, совершив ряд рейдов вглубь русской территории, сожгли Чернигов и разорили окрестности Брянска. В ответ на эти нападения летом 1507 г. в поход против Литвы выступили два русских войска. Федор Петрович Кривой Сицкий воевал южное литовское порубежье, а наступавшая со стороны Дорогобужа рать князя Ивана Михайловича Телятевского действовала на смоленском направлении.

Нападение на южнорусские уезды крымских татар, в июле 1507 г., пришедших под города Белев, Одоев, Козельск, Калугу, отвлекло туда значительную часть русских сил. Встревоженный новой опасностью Василий III немедленно направил против крымского войска, которым командовал «Зяньсеит-мурза, Янкуватов сын» своих воевод. Иван Иванович Холмский двинулся к подвергшемуся нападению Белеву, а Константин Федорович Ушатый - к Калуге. В боях с татарами участвовали и местные ополчения во главе с Василием Семеновичем Швихом Одоевским, Иваном Михайловичем Воротынским, козельским наместником Александром Ивановичем Стригиным. Объединившись, воеводы 9 августа 1507 г. настигли возвращающихся из набега татар на р. Оке, разбили их и преследовали до р. Рыбницы, правого притока Оки, впадающего в эту реку южнее современного г. Орла. Новых нападений не последовало, по-видимому, не только из-за осложнения крымско-ногайских отношений, как считал А.А. Зимин, но, главным образом из-за удачных действий русских воевод. Активность татар возобновилась только в 1512 г.

Отразив крымский набег 1507 г., русские войска вновь вторглись в Литву, оказавшейся в полной изоляции и не поддержанной ни одним из своих сторонников. Казанский хан Мухаммед-Эмин заключил мир с Россией, направленная Менгли-Гиреем к

---

* В послании Сигизмунда I в Казань, которое повез литовский посол Сорока, содержался четкий план действий против великого князя московского Василия III, предусматривающий одновременное нападения на Русь литовских, крымских и казанских войск: «И наперед тебе, брата нашего жадаем, абы еси сего пришлого лета со всеми людьми своими на конь вседши, землю его казил с одное стороны, а мы, Бога вземши на помочь, з братом нашим царем Мендли Кгиреем також вседши на кон[ь], хотим пойти на него з другое стороны и обиды брата нашего, короля и великого князя Александра мстити». - Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499-1514). № 23. S. 59

** Известен гордый ответ Василия III на литовские обвинения в захвате чужих территорий: «Ино мы городов и волостей, и земель, и вод его отчины за собою никоторих не держим, а з Божию волею держим города и волости, и земли, и воды, свою отчину, чем нас пожаловал и благословил наш отец наш князь великий и что нам Бог дал, а от прародители и вся русская земля наша отчина. - Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499-1514). № 31.1. S. 67.

русской границе орда под командованием его старшего сына Мухаммед-Гирея, тогда же была повернута против ногайцев, Ливония, несмотря на многочисленные просьбы и обращения литовской стороны, решительно отказалась вступать в войну с Московским государством. Вскоре своего посла прислал к Сигизмунду I крымский хан Менгли-Гирей. Забыв о прежних обещаниях, хан сообщал королю о намерении направить в Москву посла и предлагал своему союзнику сделать то же самое.

Литва оказалась в трудном положении. Москва поспешила воспользоваться этим и нанесла быстрый удар. 14 сентября начался поход на Мстиславль русской рати под командованием Василия Даниловича Холмского и Якова Захарьича. Овладеть этой крепостью московским воеводам вновь не удалось. Единственным заметным событием этой кампании стала гибель видного русского военачальника Михаила Васильевича Образцова, застреленного из пищали в бою с литовцами под Кричевом.

Резко обострил обстановку в Литве и на полях сражений русско-литовской войны мятеж князей Глинских. Самым видным представителем этого рода был князь Михаил Львович Глинский, прозванный «Дородным», один из наиболее доверенных советников Александра Казимировича, служивший в армии саксонского курфюрста Альбрехта, а позже прославившийся своими победами над татарами, особенно в сражении под Клецком в 1506 г. Он принял католичество, но втайне вынашивал планы по созданию под своей властью отдельного Русского государства со столицей в Киеве, образование которого планировалось на восточных и южных землях Великого княжества Литовского.

Сигизмунд I, осознавший, не без помощи недругов Михаила Львовича, исходящую от князей Глинских для своей власти угрозу, принял необходимые меры. В начале января 1507 г. он отобрал у старшего из братьев Ивана Львовича Мамай Глинского Киевское воеводство, дав ему взамен воеводство в Новгороде Литовском. Поднявшие голову враги Михаила Львовича и первый из них – воевода троцкий и наместник полоцкий Ян Юрьевич Заберезинский (Заберезынский, Забржезинский) – обвинили его в измене. Попытки оправдаться, предпринятые Глинскими, не имели успеха, поэтому они взялись за оружие. Во главе отряда из 700 человек Михаил Львович напал на владения Я. Заберезинского и убил его. Вслед за этим князь Глинский попытался захватить содержавшегося в Ковно хана Шейх-Ахмета (Шиг-Ахмада), но нападение его отрядов на этот замок было отбито.

В Москве внимательно следили за событиями в Литве и поспешили направить в Туров, где укрепились Глинские, своего гонца - коломенского сына боярского Дмитрия Губу Моклокова с предложением военной помощи. Глинские обнаружив, что их выступление не будет поддержано другими князьями, обратились к Василию III, «чтоб пожаловал их князь великий, взял их к себе на службу». Не дожидаясь подхода московских войск, армия Глинских выступила из Турова и начала занимать литовские города. Один из родственников Глинских воевода Якуб Ивашенцев сдал им Мозырь. Младший из братьев Василий Львович Слепой Глинский в конце марта осадил Житомир и Овруч, сам Михаил Львович в апреле 1508 г. овладел Клецком, жители которого еще не забыли спасительную для них победу Глинского над татарами, одержанную князем за полтора года до этого летом 1506 г.

Стараясь использовать сложившуюся ситуацию, московские войска перешли в наступление по всему фронту. 10 марта 1508 г. в поход в направлении Смоленска выступило войско воеводы Якова Захарьича. Из Великих Лук к Полоцку выступила новгородская рать во главе с Даниилом Васильевичем Щеней и Григорием Федоровичем Давыдовым. Оба войска соединились под Оршей, по-видимому, заново укрепленной литовцами после войны 1500-1503 г., ибо в отличие от легкого взятия ее русскими войсками в 1502 г., на этот раз осада города затянулась.

В мае 1508 г. «из Северы» на помощь князю Михаилу Львовичу Глинскому, осадившему Минск и Слуцк, выступили князья Василий Иванович Шемячич, Иван Семенович Сухорук Одоевский, Иван Михайлович Воротынский и Андрей Васильевич Сабуров. Несмотря на русскую помощь, овладеть этими городами Михаилу Львовичу не

удалось. Более успешным был поход Глинского и Шемячича на Друцк. Гарнизон крепости капитулировал, а друцкие князья присягнули Василию III. Сообщая о своих успехах в Москву Михаил Львович писал, что его отряды доходили почти до Вильны, действовали за Клецком и под Слонимом и везде «огонь пускали и шкоды чинили, и полону на колькодесять тысяч взяли».

Успехи Глинского и продолжающаяся осада Орши вынудили Сигизмунда I предпринять ответные действия. Собрал большую армию, в которой помимо литовского ополчения находились отряды наемных жолнеров под командованием гетмана Фирлея из Яновца, король двинулся на помощь Орше. 13 июля она подошла к месту расположения русских полков. Не вступая в сражение с литовцами, Д.В. Щеня (рать Якова Захарьича стояла под Дубровной и не могла подкрепить главные силы), с присоединившимися к его войску полками М.Л. Глинского и В.И. Шемячича, 22 июля отошел за Днепр к Дубровне. Посланные воеводами отряды начали опустошать окрестности Мстиславля и Кричева. Литовская армия, во главе с бежавшим из русского плена гетманом Константином Ивановичем Острожским, двинулась к границе и овладела городами Белая, Торопец и Дорогобуж. Но укрепиться здесь противнику не удалось. Д.В. Щеня, получивший повеление Василия III вернуть захваченные города, в начале сентября 1508 г. выбил литовцев из Торопца и занял превращенные в пепелище Белую и Дорогобуж*.

Несмотря на несомненный успех, достигнутый войсками Сигизмунда I на смоленском направлении, положение в Великом княжестве Литовском оставалось крайне сложным. Во всех ахваченных Глинским крепостях находились его гарнизоны. Союзник Литвы крымский хан Менгли-Гирей, после неудачного нападения 1507 г. так и не послал войска на русские «украины».

В этих условиях король решил начать мирные переговоры с Москвой, и 19 сентября 1508 г. в русскую столицу прибыло посольство во главе с полоцким воеводой Станиславом Глебовичем. Мир литовцам нужен был любой ценой, и они пошли на ряд важных уступок, признав все прежние завоевания Ивана III. Глинские, вынужденные отказаться от своих литовских владений, выехали в Москву, куда им и их сторонникам был гарантирован свободный проезд.

6. ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ РУССКО-ЛИТОВСКАЯ ВОЙНА 1512-1522 гг. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ.

«Вечный мир», заключенный 8 октября 1508 г. между Великим княжеством Литовским и Московским государством стал лишь временной передышкой и продлился всего два года. Поводом к открытию военных действий стали полученные Василием III сведения об аресте его сестры Алены (Елены) Ивановны, вдовы литовского князя Александра Казимировича, взятой под стражу после неудачной попытки отъехать в Москву. До предела обострили обстановку известия о враждебных действиях нового литовского князя Сигизмунда I, подстрекавшего крымского хана напасть на южные русские земли. По «накупке» короля в мае 1512 г. татарские отряды (командовали ими сыновья Менгли-Гирея «царевичи» Ахмет-Гирей и Бурнаш-Гирей «со многими людьми») пришли под города Белев, Одоев, Алексин, Коломну и, разорив земли за р. Окой, благополучно отступили в степь, уведя огромный полон. Сосредоточенные в порубежных городах и на Оке русские полки во главе с братьями великого князя Андреем и Юрием Ивановичами и лучшими московскими воеводами Даниилом Васильевичем Щеней,

---

* Дорогобуж был сожжен самими русскими при подходе врага, стоявший здесь смоленский воевода Станислав Кишка пытался вновь укрепить его, но едва успел бежать при подходе московского войска. Литовские мастера, строившие новую крепость были перебиты русскими. Их работа была закончена присланными из Москвы розмыслами под руководством Варфоломея и Матробана

Александром Владимировичем Ростовским, Григорием Федоровичем Давыдовым, Андреем Васильевичем Сабуровым, Иваном Ивановичем Палецким, Дмитрием Ивановичем Яновым не смогли помешать татарам, будучи связанными строгим наказом Василия III ограничиться обороной окского рубежа. Еще трижды в 1512 г. (в июне, июле и октябре) татары вторгались на русскую землю. В июне они напали на Северщину, но были разбиты, в июле от рязанских рубежей был обращен в бегство «царевич» Мухаммед-Гирей и только осеннее нападение крымцев на рязанские места оказалось для них успешным. Татары даже осаждали Переяславль-Рязанский и, хотя захватить город не смогли, но захватили в окрестных селениях большой полон.

Осенью в Москве получили сведения о том, что татарские нападения этого года были следствием направленного против России крымско-литовского договора. Сигизмунду I была отправлена складная (разметная) грамота с объявлением войны, а 14 ноября 1512 г. в поход к литовской границе выступила передовая рать вяземского наместника князя Ивана Михайловича Репни Оболенского и конюшего Ивана Андреевича Челяднина. Перед этим войском поставили задачу, не задерживаясь под Смоленском, двигаться дальше к Орше и Друцку. Там Оболенский и Челяднин должны были соединиться с войском князей Василия Семеновича Швиха Одоевского и Семена Федоровича Курбского, выступивших из Великих Лук к Бряславлю. 19 декабря вслед за этими полками в поход на Литву во главе большой армии двинулся сам Василий III. В январе 1513 г. русские войска, насчитывающие 60 тыс. человек при 140 орудиях, подошли к Смоленску и начали осаду крепости*. Как и прежде, владея стратегической инициативой, московское командование действовало на нескольких направлениях. Одновременно с нападением на Смоленск с Северы в поход на Киев двинулась рать Василия Ивановича Шемячича, которому удалось, пользуясь внезапностью нападения, сжечь киевские посады.

Тем временем на западном рубеже полки князя И.М. Репни Оболенского, И.А. Челяднина, князя В.С. Одоевского и князя С.Ф. Курбского, выполняя волю великого князя Василия Ивановича, огнем и мечом прошли по огромной территории, опустошив окрестности Орши, Друцка, Борисова, Бряславля, Витебска и Минска.

Однако Смоленск продолжал упорно обороняться. Осада крепости затянулась почти на 6 недель. В самом начале осады в январе 1513 г. смоленскому гарнизону удалось отбить штурм, в котором участвовали выставленные городами пешие воины, в том числе и псковские пищальники. Во время приступа с русской стороны погибло до 2 тыс. человек. Не дал результатов и артиллерийский обстрел города. Положение осадной армии осложняли трудности, связанные со снабжением ее продовольствием и фуражом. Когда ситуация стала критической командование приняло трудное решение уйти из-под Смоленска. В начале марта 1513 г. войска были уже в Москве, а 17 марта правительство приняло решение о подготовке нового похода к Смоленску, назначенного на лето этого года.

В новом наступлении на Литву участвовали значительные силы. Великий князь остановился в Боровске, направив под литовские города своих воевод. 80-тысячное войско Ивана Михайловича Репни Оболенского и Андрея Васильевича Сабурова вновь осадило Смоленск, 24-тысячный корпус князя М.Л. Глинского стоял под Полоцком, еще 8 тысяч русских воинов из его полков окружили Витебск, 14-тысячная рать была послана под Оршу.

Как и прежде основные бои происходили под Смоленском. Сосредоточенное в городе литовское войско под командованием наместника Юрия Глебовича, незадолго до начала осады пополненное отрядами наемников-жолнеров, встретило московских воевод «за валами» (под стенами города). В самом начале разгоревшегося сражения противнику удалось потеснить полк И.М. Репни Оболенского, но затем литовские отряды были

---

* Отдельно действовала новгородская рать, воеводы которой князь Василий Васильевич Шуйский и князь Борис Тебет Уланов ходили к Холмскому городку.

разбиты подоспевшими к месту боя свежими русскими силами. Понеся значительные потери, они отступили в крепость. В Смоленске, помимо разбитого литовского войска укрылось 10 тысяч местных жителей. Начав осаду, московская армия подвергла смоленские укрепления интенсивному обстрелу и начало подготовку к штурму города. Однако деревянные стены крепости, засыпанные камнями и землей, выдержали бомбардировку. Разбитыми оказались лишь башни и передовые укрепления. Несколько раз русские полки атаковали Смоленск, но гарнизону и местным жителям удалось отразить все приступы, потеряв в боях и от артиллерийского огня более тысячи человек. Позднее в крепости будет найдено свыше 700 русских ядер. Все же положение осажденных городов было крайне тяжелым и Сигизмунд I, собрав 40-тысячную армию, двинулся на выручку Витебску, Полоцку и Смоленску.

Василий III, находившийся при войске, осаждавшем Смоленск, решил отойти, не принимая сражения с приближающимся литовским войском. Вслед за главной армией на свою территорию отступили и другие русские полки. Однако завоевательные планы московского государя в отношении западнорусских городов остались неизменными. 30 мая 1514 г. он в третий раз двинул свои рати сначала к Дорогобужу, а затем дальше к Смоленску. Командовали ими Даниил Васильевич Щеня и Иван Андреевич Челяднин (в Большом полку) и Михаил Львович Глинский и Михаил Васильевич Горбатый (в Передовом полку). 8 июня 1514 г. в поход выступил сам Василий Иванович. С ним к литовскому рубежу выехали и два его младших брата – Юрий Дмитровский и Семен Калужский, еще один брат – Дмитрий Иванович Жилка стоял с войсками в Серпухове, прикрывая границу и фланг шедшей на Смоленск армии от внезапного нападения крымских татар.

Догадываясь о неизбежности новой русской атаки на Смоленск, Сигизмунд I поставил во главе гарнизона деятельного и опытного воеводу Юрия Андреевича Сологуба. Но силы сторон были неравными и город пал после трехмесячной осады. Подробный рассказ о Смоленском взятии, написанный, как считается, со слов разосланных по северным русским городам литовских пленных, содержится в обеих редакциях Устюжской летописи (списке Л.С. Мациевича и Архангелогородском летописце).

В начале летней кампании 1514 г., как и раньше русские загоны (высланные вперед отряды) ходили под Оршу, Мстиславль, Кричев и Полоцк, но главные силы (около 80 тыс. человек; 140 орудий) окружили Смоленск. Осада города началась 16 мая 1514 г. и продолжалась 12 недель. Участники событий вспоминали о метких выстрелах лучшего русского пушкаря Стефана, имя которого донес до нас Архангелогородский летописец: «И повеле князь великий пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день, в субботу (так в тексте – В.В.), на 3-м часу дни, из-за Днепра. И удари по городу болшею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженой ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску люди побило. Того же дни на 6-м часу дни тот же Степан ту же пушку пустил, и много ядер мелких собра, и окова свинцом, и удари в другои. И того боле в городе люди побило. И бысть в городе скорбь велика, и начаша мыслити: битися нечем, а передатся не смеют короля деля. И князь великий повеле ударити в третьеи, и того боле люди побило в городе».

О мощной бомбардировке Смоленска сообщают и другие источники. В Воскресенской летописи рассказывается, что русские воины «пушки и пищали болшие около города уставивши», а великий князь «повеле град бити с всех сторон, и приступы велики чинити без отдуха, и огненными пушками в град бити». Действие русской осадной артиллерии, когда, по сообщению того же источника, «земля колыбаться ... и весь град в пламени курения дыма мняшеса въздыматися ему», подорвала решимость литовского гарнизона. Начались переговоры приведшие к сдаче города, в который вступили русские полки.

* * *

Взятие Смоленска потрясло современников. Почти сразу же покорность московскому князю изъявили ближайшие города Мстиславль, Кричев и Дубровна. Воодушевленный этими известиями Василий III требовал от своих воевод продолжения наступательных действий и новых побед. На Оршу двинулось войско Михаила Львовича Глинского, на Борисов, Минск и Друцк - отряды Михаила Ивановича Голицы Булгакова, его брата Дмитрия Ивановича Булгакова и Ивана Андреевича Челяднина. Однако о планах русского командования стало известно противнику. Сообщил их Сигизмунду I сам князь Глинский, оставшийся недовольным отказом Василия III передать ему в наследственное владение Смоленское княжество. Об измене Михаила Львовича, готовившемся тайно отъехать в Литву, сообщил воеводе Михаилу Ивановичу Голице один из доверенных слуг Глинского. Изменник был схвачен, но, благодаря его сообщениям, русские планы уже стали известны в Литве. Узнав о численности, дислокации и маршруте движения 80-тысячного русского войска, Сигизмунд I оставив при себе в Борисове на «великой реце» Березине лишь 4 тыс. человек, остальное войско двинул навстречу полкам Михаила Голицы.

Командовал польско-литовской армией «великий воевода и славный и великоумный» гетман Константин Иванович Острожский. Под его началом было не более 35 тыс. человек. Внезапной атакой сбив два передовых русских отряда, стоявших на реках Бобре и Дрови, литовцы вышли к Орше. Накануне решающего сражения армии стояли по разные стороны Днепра. Имея численное превосходство, московские воеводы вели себя достаточно уверенно и, по-видимому, пытались воспроизвести обстановку, повторяющую детали победного для русского оружия Ведрошского сражения. Они не стали мешать литовцам наводить мост через Днепр и дали противнику возможность свободно переправиться на левый берег реки. По-видимому, русские воеводы уже в ходе сражения собирались обойти литовцев, разрушить мосты, отрезать противнику путь к отступлению, а затем прижать армию Острожского к Днепру и уничтожить. Но «славный и великоумный» гетман извлек урок из опыта прошлого поражения на Ведроши. Готовясь к сражению, литовцы подготовили артиллерийскую засаду и использовали эту ловушку во время одной из русских атак. Справедливости ради следует отметить, что успеху замысла гетмана Острожского способствовала вражда и соперничество московских воевод.

Сражение произошло 8 сентября 1514 г. Первым атаковал литовскую армию полк Михаила Ивановича Голицы, нанесший удар по левому флангу литовского войска. Противник устоял, вынудив нападавших отойти на исходные позиции. Тогда началась контратака литовской кавалерии и польской пехоты. М.И. Голице Булгакову срочно потребовалась помощь, «но Иван Андреевич (Челяднин – В.В.) в зависти не поможет князю Михаилу и не биясь с литвою в ту пору. И бившеся много и разступившесь розно. И вдругие литва пришла на Ивана Андреевича, и начать Иван Андреевич своим полком битися с литвою, а князь Михаило Ивану Андреевичю не поможет. И бившеся много и разступившеся, а силы паде на обоих ступех обоих стран много. И в третие наступиша литва на князя Михаила на Голицу, и биясь князь Михаило с ними своим полком много. И Иван Андреевич в ту пору князя Михаила выдал, а сам побеже, а литва начаша одолять князю Михаилу, и одолеша, и многих воивод и князеи и бояр поимаша, а иных на бою убиша...». Впрочем, бежавший И.А. Челяднин также был пойман и пленен. Позднее он умер в литовском заточении. Русскую конницу, в этот решительный момент сражения попытавшуюся атаковать правый фланг армии Острожского, противник встретил огнем расположенных в засаде артиллерийских орудий, стрелявших навесным огнем («Литовцы, отступив умышленно к тому месту, где они поместили воинские орудия, направляют их против преследующих врага московитов и поражают задний ряд их, расставленный для подания помощи, но слишком плотно друг к другу, приводят их в замешательство и разгоняют в разные стороны. Этот неожиданный способ войны наводит страх на московитов, которые считали, что в опасности находится только первый ряд, борющийся с врагом: придя от этого в смущение <...> они обращаются в бегство»). Понеся тяжелейшие

потери, русская конница была отброшена к реке Кропивне и почти вся уничтожена на ее крутых берегах.

По литовским данным под Оршей русские потеряли, в общей сложности, убитыми до 30 тысяч человек. Эти сведения, приведенные в послании Сигизмунда I магистру Ливонского ордена, призваны были произвести благоприятное впечатление на возможного союзника. Ряд обстоятельств заставляет усомниться в точности приведенной королем цифры. Так, в этом сообщении говорилось о пленении 8 главных воевод, 37 других военачальников и 1500 дворян. Но в других литовских источниках приводятся иные сведения о взятых в плен во время Оршинской битвы русских командирах и служилых людях. Достаточно информированный автор Летописи Рачинского отмечает, что под Оршей было захвачено помимо 35 воевод 380 детей боярских, но добавлено, что «простых людей, которых живых поймали, нельзя и выписать множества для». В «Именной росписи московских пленников» названы 8 русских дворян, но при сопоставлении их со списком, приведенным в Летописи Рачинского (и Евреиновской летописи) совпадают лишь имена военачальников Федора Кобца, Филиппа Ивановича Киселева и Ивана Андреевича Еропкина. При этом не упоминаются попавшие в плен главные русские воеводы: Михаил Иванович Голица Булгаков, Дмитрий Иванович Булгаков и Иван Андреевич Челяднин. По-видимому, «Именная роспись» представляет собой лишь один из списков захваченных в плен русских воевод и голов дворянских сотен.

Тем не менее, факт сокрушительного разгрома русской армии в сражении под Оршей очевиден, и результаты его не замедлили сказаться. Все три города, перешедшие под власть Василия III в начале августа 1514 г. после падения Смоленска – Мстиславль, Кричев и Дубровна - вновь отложились от Москвы. Заколебались и смоляне. В городе возник заговор, во главе которого встал уже упоминавшийся выше епископ Варсонофий. Он послал к Сигизмунду письмо, с обещанием сдать город. Но планы Варсонофия и его единомышленников были разрушены решительными действиями нового смоленского наместника и воеводы князя Василия Васильевича Немого Шуйского. С помощью местных жителей он раскрыл заговор и, не дожидаясь решения государя, находящегося тогда в Дорогобуже, велел казнить изменников, пощадив лишь самого смоленского владыку (позднее он был сослан в Каменский монастырь на Кубенском озере). Замешанные в заговоре «князи смоленские и паны» были повешены на крепостных стенах, на «ослядех», на виду подошедшего к городу литовского войска. К телам казненных привязали подарки, полученные от великого князя: «Которому князю смоленскому князь великий дал шубу соболью с камкою или з бархатом, того и в шубе повесил; а которому князю или пану дал ковш серебряной или чарку серебряну, и он, ему на шею связав, да и того повесил; которово князя смоленскаго или пана пожаловал, того с тем и повесил». Остальные горожане и гарнизон, руководимые энергичным Шуйским, бились твердо, отразив все литовские приступы. Острожский вынужден был отступить, оставив Смоленск в русских руках. Его действиям мешала начавшаяся зима и принявший массовый характер отъезд воинов из армии. Воспользовавшись неудачными действиями гетмана, московские воеводы нанесли удар на другом направлении. Псковский наместник Андрей Васильевич Сабуров 28 января 1515 г. назвавшись перебежчиком, бегущим от Василия III к Сигизмунду I захватил Рославль и, разграбив его, с большим «полоном» вернулся обратно.

В течение следующих двух лет Москва и Литва воздерживались от широкомасштабных действий. Хотя в 1515 г. русские полки ходили к Мстиславлю и Витебску, а в 1516 г. из Белой снова к Витебску, - это были небольшие рейды, не принесшие особых результатов. Московскому государству требовалось время, чтобы оправиться от тяжелого оршинского поражения. Кроме того, русскому правительству необходимо было определиться в отношениях с Крымом, где к власти после смерти хана Менгли-Гирея пришел его сын Мухаммед-Гирей, известный враждебным отношением к Москве. Внимание Москвы отвлекала и сложная ситуация в Казани, где тяжело заболел хан Мухаммед-Эмин. В свою очередь, нападение литовцев на Гомель в 1516 г.,

совершенное малыми силами, также легко отбили прикрывавшие рубеж русские войска. Сигизмунду Старому в эти годы было не до большой войны с Москвой, так как войско одного из крымских «царевичей» Али-Арслана, несмотря на союзнические отношения, установившиеся между королем и крымским ханом Мухаммед-Гиреем, напало на литовское пограничье, сорвав готовившийся поход к Смоленску.

Все же, спустя год Сигизмунд I решил перейти в решительное наступление, сосредоточив в Полоцке армию под командованием гетмана Константина Острожского. Действия литовцев и поляков поддержали крымские татары. Их согласие напасть на московские «украины» было щедро оплачено прибывшим в Бахчисарай литовским послом Ольбрахтом Мартыновичем Гаштольдом. Летом 1517 г. 20-тысячное крымское войско напало на тульские места, но русское командование, заранее извещенное о готовящемся вторжении, успело сосредоточить здесь многочисленные войска. Разошедшиеся по тульской земле татарские «загоны» были атакованы и разгромлены полками воевод Василия Семеновича Одоевского и Ивана Михайловича Воротынского. Пути отступления начавшему отходить в степь противнику перерезали «пешие люди украинные», которые «дороги засекали и многих татар побили». Неудачей закончился набег татар на Северскую землю, совершенный в ноябре 1517 г. Отряд Михаила Даниловича Янова, одного из воевод Василия Ивановича Шемячича, настиг и разгромил крымцев за рекой Сулой.

Стремясь использовать обострение обстановки на южной границе Московского государства король, в сентябре 1517 г. двинул свою армию из Полоцка к Пскову. В состав ее входила и наемная пехота (жолнеры) под командованием пана Свирцовского. Отправляя войска в поход, Сигизмунд попытался усыпить бдительность Василия Ивановича, начав с ним переговоры о мире. С этой целью в Москву были направлены маршалок могилевский Ян Щит и писарь Богуш, задержанные в Дорогомилове до конца литовского наступления. Очень скоро выяснилась ошибочность решения о наступлении на Псковщину. Под стенами первой же небольшой русской крепости Опочки польско-литовская армия вынуждена была надолго остановиться, не решаясь оставить этот, обнесенный деревянными укреплениями, псковский пригород в своем тылу. Оборонял Опочку небольшой гарнизон под командованием Василия Михайловича Салтыкова-Морозова. Осада города, презрительно названного литовцами «свиным хлебом», затянулась, уничтожив главное преимущество литовского вторжения – внезапность. Острожский подошел к крепости 6 октября 1517 г., и после бомбардировки двинул войска на штурм, рассчитывая легко овладеть городом. Однако защитники Опочки упорно оборонялись и отразили плохо подготовленную литовскую атаку. По-видимому, тогда и был убит «ляцкий большой воевода» Сокол. Понеся огромные потери, Острожский не решился на повторный штурм и приступил к осаде, ожидая прибытия подкреплений и проломных пушек. Войска гетмана попытались овладеть другими псковскими пригородами, но спешившие на помощь Опочке русские рати разбили несколько литовских отрядов. Князь Александр Владимирович Ростовский разгромил 4-тысячную неприятельскую заставу, Иван Андреевич Черный Колычев уничтожил 2-тысячный литовский полк, а Иван Васильевич Ляцкий разбил два еще более крупных отряда противника – 6-тысячную заставу, стоявшую в 5 верстах от главного лагеря Острожского, а затем войско воеводы Черкаса Хрептова, шедшего на соединение с гетманом под Опочку. Русские захватили все бывшие у противника пушки и пищали и взяли в числе пленных самого воеводу Хрептова, его брата Мисюря, Ивана Зелепугу «и иных» литовских воинов.

Удачные действия русских воевод вынудили Острожского 18 октября 1517 г. начать поспешное отступление к своему рубежу, оставив под Опочкой «воинское устройство», в том числе осадную артиллерию.

Провал завоевательных планов Сигизмунда стал очевидным, однако переговоры, возобновившиеся между русскими и литовскими дипломатами (после победы под Опочкой 29 октября 1517 г. миссия Яна Щита и Богуша все же была принята великим князем), также зашли в тупик. Уступать требованиям послов и присоединившегося к ним в качестве

посредника императорского посланника С. Герберштейна и возвращать Литве Смоленск Василий III не собирался. После провала переговоров возобновление войны оказалось неизбежным.

Первой нанесла удар русская сторона. В июне 1518 г. новгородские и псковские полки во главе с Василием Васильевичем Немым Шуйским и его младшим братом Иваном Васильевичем Шуйским выступили из Великих Лук. Перейдя границу русское войско начало наступление на Полоцк - один из крупнейших городов Великого княжества Литовского, важнейший опорный пункт на его северо-восточном рубеже. Этот поход был предпринят в ответ на прошлогоднее нападение литовских отрядов на псковские пригороды. На других направлениях действовали войска Михаила Васильевича Горбатого, совершившие набег на Молодечно и окрестности Вильны, Семена Федоровича Курбского, ходившего с ратью к Минску, Слуцку и Могилеву, Андрея Дмитриевича Курбского и Андрея Борисовича Горбатого, отряды которых опустошили окрестности Витебска.

Однако под Полоцком русскую рать ждала неудача. Осада и артиллерийский обстрел этой мощной крепости не дали результата. Укрепления, усиленные в начале XVI в. устояли. Немаловажную роль в успешной обороне города сыграла построенная в 1501 г. прочная бревенчатая стена, тянувшаяся от правого берега Западной Двины до левого берега Полоты и прикрывавшая Великий посад с востока. Осада затягивалась, у стоявших под Полоцком новгородцев и псковичей стали заканчиваться припасы. Кроме того, подоспевшее литовское войско воеводы Волынца (по-видимому, Яна Боратынского) уничтожило переправившийся через реку Полоту на фуражировку большой русский отряд, вынудив Василия Шуйского снять осаду и уйти к своей границе. О неудачном нападении новгородской и псковской рати на Полоцк упоминал и С. Герберштейн, сильно преувеличивший размеры русского поражения.

В 1519 г. русские развернули наступление вглубь Литвы, к Орше, Молодечно, Могилеву, Минску, дойдя до Вильны. Помешать этим действиям литовцы не могли. Почти одновременно в южные районы Великого княжества Литовского и Польши началось вторжение 40-тысячной татарской армии Богатыр-Салтана. 2 августа 1519 г. в сражении под Соколом ею было разбито 20-тысячное войско гетмана К.И. Острожского.

В полосе русского наступления крупных сил у литовцев не было, поэтому они довольствовались обороной хорошо укрепленных городов и замков. Штурмовать их московские воеводы не пытались, ограничившись разорением всей восточной части Литовского княжества. Нападения русских войск продолжались и в 1520 г. Эти успешные рейды, а также начавшаяся война Польши с Тевтонским орденом 1521-1522 гг., вынудили Сигизмунда I возобновить переговоры и согласиться уступить Руси Смоленскую землю. В мирной передышке нуждалась и Москва, пережившая в 1521 г. один из самых страшных татарских набегов. Присутствие войск требовалось на южных и восточных рубежах, которым продолжали угрожать новые крымские и казанские нападения, поэтому Василий III вынужден был заключить перемирие, отказавшись от части своих претензий к Литве. Это касалось, прежде всего, вопроса о возвращении пленных и требования присоединении к своему государству Киева, Полоцка и Витебска. Договор о пятилетнем перемирии между Московским государством и Великим княжеством Литовским был подписан 14 сентября 1522 г. литовскими послами полоцким воеводой Петром Станиславовичем Кишкой, подскарбием Богушем Боговитиновичем и писарем Иваном Горностаевым. Несомненным успехом русской дипломатии стало перечисление в перемирной грамоте среди русских городов Смоленска, завоеванного в 1514 г. Литва вынуждена была согласиться с потерей территории в 23 тыс. км² и населением в 100 тыс. человек. Но выволить из плена воевод, большинство которых попало к литовцам после битвы под Оршей, не удалось. Литовская сторона лишь пообещала избавить пленных от оков. Большинство узников окончили свои дни на чужбине, не выдержав суровых условий содержания в литовских замках. Тяжелее всего приходилось пленным, находившимся в Новгороде-Литовском («А оброку им ничего не дают, только что сами про Бога выпросят») и Берестье («о страву стоскнут велми: не

будет ли жалованья господарского? Не можем дей стрывати с голоду»). Чуть лучше содержались пленные в Киеве и Слониме, но в последнем городе узники были «все покованы». Содержавшиеся в оковах в Вильне Иван Челяднин и его товарищи принуждены были просить денежной помощи у имперского посла Сигизмунда Герберштейна, посетившего пленных по дороге в Москву. Согласно «Реестру вязней московских» (список русских пленных), составленном в 1538 г., в различных литовских замках и дворах находилось 166 человек, из которых больше половины (84 человека) – участники «Великой битвы» (Оршинского сражения) 1514 г. К этому времени умерло 163 пленных и в их числе именитые воеводы: И.А. Челяднин, И.Д. Пронский, Ф.М. Киселев, князь Б.В. Ромодановский, Д.В. Китаев, Д.А. Плещеев, С.И. Годунов и др. На переговорах 1542 г. Москва предлагала за возвращение своих пленных воевод уступить Литве город Дроков, однако королевские послы требовали более значительных территориальных. Из перечисленных в «Реестре» узников, на родину, помимо названных в документе 26 беглецов, посчастливилось вернуться лишь очень немногим. Одним из них был князь М.И. Голица Булгаков, командовавший русской ратью в Оршинской битве. Он был отпущен в Россию только в 1551 г. В литовском заточении воевода провел около 37 лет, пережив почти всех своих товарищей по плену.

7. РУССКО-ЛИТОВСКАЯ («СТАРОДУБСКАЯ») ВОЙНА 1534-1537 ГГ.

К настоящему времени в исторической науке сложилось две полярные точки зрения на отношения, существовавшие между Москвой и Литвой в 20-х гг. XVI в. А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич оценивали их как достаточно стабильные, особенно после продления в ноябре 1526 г. еще на 6 лет Московского перемирия 1522 г. Это событие якобы позволило обоим государствам переключить дипломатическую и военную активность на другие направления. Считалось, что несколько осложняли русско-литовские отношения лишь «мелкие пограничные споры». К сожалению, такие суждения затушевывают реально существовавшие между Москвой и Вильной противоречия, наличие которых подтверждают многие источники. Иная точка зрения на проблему была высказана М.М. Кромом, убежденным, что в конце 1520-х гг. Василий III готовил так и не состоявшийся поход в Литву, а в 1531-1532 гг. вынашивал план нападения на Киев, почему-то оставшийся нереализованным. Свои выводы исследователь подкрепляет данными источников. Среди них он выделил разрядную запись 1528 г. о действительно имевшей место посылке воевод на «литовские украины», подчеркивая, что «это – единственный разряд такого рода за целое десятилетие». Кроме того, им проанализированы собранные и опубликованные И.А. Малиновским в начале XX в. документы, сообщавшие о готовившемся в самом начале 1530-х гг. русском нападении на Киев. Несмотря на подтверждение своих доводов документальными свидетельствами, М.М. Кром дает им в первом случае явно расширительное толкование, так как посылка воевод на границу могла быть связана с одной из многочисленных литовских «шкод» в русских порубежных местах. Встречающиеся в документах противной стороны указания на подготовку захвата Киева, по нашему мнению, свидетельствуют лишь о гипертрофированных литовских страхах по случаю некоторых мероприятий московских воевод по укреплению своего пограничья, связанными со строительством нового замка в 7 милях от Киева «на Десне на горе Остры». Впрочем, историк прав в другом – все приведенные факты решительно опровергают предположения о стабилизации обстановки на западных московских рубежах. Взаимные территориальные претензии сторон продолжали осложнять отношения между Москвой и Литвой, порождая обстановку недоверия и вражды. Все же, из-за частых татарских нападений тех лет Московское государство вряд ли вело тогда подготовку большой войны с Литвой. Но для сохранения напряженных отношений между Москвой и Вильной вполне хватало непрекращающихся столкновений и конфликтов за сопредельные спорные земли,

которые, вопреки мнению А.А. Зимина и А.Л. Хорошкевич, вовсе не были «мелкими пограничными спорами». Источники сообщают о частых нападениях войск с той и другой стороны на порубежные волости. Особенно крупный размах они приняли в 1529 г., когда русские отряды, перешедшие литовскую границу на северском ее участке, увели с собой многих местных жителей. В сообщении о произошедшем весной 1531 г. русском нападении на Кричевскую волость, речь уже шла о вторжении большого войска из нескольких тысяч воинов.

Несмотря на столь напряженную обстановку на границах, стороны не были готовы к эскалации военных действий, а следовательно проявляли заинтересованность в продлении перемирных лет при постоянном обсуждении территориальных претензий друг к другу. В то же время удовлетворение их и полномасштабное урегулирование межгосударственных отношений было невозможно - Москва не собиравшись идти на уступку приобретенных в прежние годы городов, Литва – отказываться от них; компромисс в этом отношении был невозможен. Все попытки заключить сколько-нибудь длительное соглашение блокировалось, так как согласие одной из сторон подписать его подразумевало обязательный отказ другой стороны от прав на спорные «волости, земли и воды». При первом же удобном случае оба государства готовы были возобновить за них борьбу. 25 декабря 1532 г. истек срок шестилетнего перемирия, заключенного в ноябре 1526 г. в Можайске. В марте 1532 г. в Москву прибыли литовские послы Матвей Янович и Василий Чиж, предложившие русской стороне заключить «вечный мир» с условием возврата Смоленска. Требования литовцев были отвергнуты. После долгих посольских споров участники переговоров решили продлить перемирие, но всего лишь на год, до 25 декабря 1533 г. После истечения срока действия это временное соглашение, скорее всего, было бы также продлено, но неожиданное обстоятельство повлияло на дальнейшие планы Вильны. В ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. умер великий князь московский и владимирский Василий III. На престол вззошел Иван IV - старший сын покойного государя, которому к этому времени едва исполнилось 3 года.

В сложившейся ситуации московскую власть не могла не волновать судьба истекающего менее чем через месяц (25 декабря 1533 г.) перемирия с Литвой. Урегулировать возникшую проблему поручено было кн. Тимофею Васильевичу Бражникову-Заболоцкому, который 27 декабря отправился с важным посольским поручением в Литву. Он должен был известить Сигизмунда I о вступлении на престол нового великого князя, и предложить ему возобновить мирные отношения. Однако расчеты русских политиков не оправдались. Король узнал о начавшейся в Москве беспощадной борьбе за власть между различными придворными группировками, которая усугублялась стремлением части высшей знати вернуть себе бывшие уделы и привилегии. Следует отметить, что масштабы этой борьбы значительно преувеличивались литовскими информаторами. Сигизмунд I и его советники, стремясь использовать удобный случай, в конце января 1534 г. задумали силой вернуть потерянные ранее Смоленскую и Северскую земли. Спешно созванный в феврале 1534 г. сейм утвердил решение начать военные действия против Московского государства. Т.В. Бражникову-Заболоцкому были вручены ответные грамоты ультимативного содержания о том, что дальнейшие переговоры «о братстве и приязни» станут возможными лишь при условии возвращения к статьям и духу мирных dokonчаний Казимира IV с Василием II и молодым Иваном III. Москва проигнорировала литовские требования, и отношения между двумя государствами пресеклись.

В Литве началась спешная подготовка к войне, для ведения которой требовались значительные средства. Сейм, приняв решение о начале военных действий, ввел на три года специальный налог - «серебщину», призванный собрать необходимую сумму для найма жолнеров. На 23 мая 1534 г. в Минске был назначен сбор шляхетского ополчения, в дальнейшем неоднократно переносившийся. Это обстоятельство надолго задержало выступление литовского войска в поход.

Впрочем, и русские войска не выдвигались на западные рубежи. 8 мая крымские татары совершили набег «на рязанские места, на Проню», который был успешно отбит отрядом князя Семена Федоровича Хрипунова. Однако правительство, опасаясь нового большого вторжения степняков, держало свои главные силы именно на южной «украине». Любопытная картина распределения русских войск в начале лета 1534 г. вырисовывается из подробного рассказа бежавшего из плена польского жолнера Войтеха из Познани. По дороге в Литву он прошел сложным маршрутом: Москва – Коломна – Кашира – Серпухов – Таруса – Калуга – Воротыньск – Серенск – Мещовск – Мосальск – Дорогобуж и далее мимо Смоленска к границе. Из увиденного Войтехом становится ясно, что лучшая часть русской армии стояла опасаясь татарского набега «на берегу, на Коломне: князь Иван Бельский, [д]а князь Михайло Кислица, [д]а князь Федор Хованский, [д]а шурин князя Глинского, князя Ивана Немого сын; тех, поведает, своими очима видел, бо их добре знает. А на Кошири стоят: князь Микита Оболенский, [д]а два брата Хованские, князь Петр, [д]а князь Иван. В Серпухове стоит князь Семен Бельский, [д]а Иван Лядский. А в Боровску стоит князь Андрей, брат князя великого, а при нем сорок тысяч людей». Как видно из этого перечисления, южная граница была прикрыта надежно. Гораздо хуже обстояло дело с обороной границы на западе, где с опозданием, но заканчивалось формирование литовской армии. «А здеся от Литовского рубежу, - сообщал Войтех, - нигде людей не поведает, только в Дорогобуже семьсот детей боярских лежит. А на Вязме не ведает колько есть людей, а теж поведил, иж слышал, штож не великии люди».

Еще слабее была прикрыта граница с Литвой со стороны Пскова. Один из перебежчиков, «дьяк большой» наместника псковского Дмитрия Семеновича Воронцова Родион, подробно информировал новых хозяев о малочисленности находившихся здесь русских войск. Хуже всего дело обстояло в Опочке, прославившейся героической обороной в прошлую войну. В крепости находилось всего 15 детей боярских «старых, которые вжо не могут на службу ездити». С целью укрепления обороны этого участка границы, псковичи «наняли без ведома великого князя полтораста пищальников и до Опочки послали».

Однако поставленный во главе литовской армии гетман Юрий Николаевич Радзивилл не спешил выступать в поход и не воспользовался слабым прикрытием русской границы. Между тем ситуация на рубеже начала меняться. 22 июля 1534 г. стоявшее у Боровска войско Андрея Ивановича Старицкого, численность которых бежавший из московского плена жолнер Войтех определял в 40 тыс. человек, было переброшено к Вязме. Отдельные отряды из этой рати встали в Дорогобуже и Смоленске. Вскоре о дислокации русских войск и о планах командовавших ими воевод литовские власти получили самые точные и подробные сведения. В начале августа 1534 г. два видных русских военачальника Иван Васильевич Ляцкий и Семен Федорович Бельский, командовавшие полками расположенными в Серпухове, бежали из России в Литву с частью своих слуг (по сообщению Евреиновской летописи отряд перебежчиков насчитывал «400 коней»). Причины побега воевод ясны не до конца, но вскоре после этого временная опала обрушилась на Михаила Львовича Глинского, Михаила Юрьевича Захарьина (двоюродный брат Ивана Васильевича Ляцкого), Дмитрия и Ивана Федоровичей Бельских (родных братьев Семена Федоровича Бельского), Ивана Михайловича Воротыньского и его сына Ивана. Связь арестов в Москве и бегства двух родственников опальных князей и бояр (Михаил Юрьевич Захарьин был видным деятелем правления Василия III, по свидетельству наблюдательного Герберштейна, одним из его главных советников) несомненна. Арест вышеперечисленных лиц призван был продемонстрировать готовность московских властей в зародыше пресекать измену в своем государстве.

Тем временем литовское войско, командование которого было воодушевлено переходом на свою сторону хорошо известных прошлыми победами полководцев, готовилось нанести первый удар по русской территории. Местом сосредоточения главных сил противника стало село Дулебы Любошанской области. Армия, собранная здесь в

середине августа гетманом Радзивиллом, насчитывала 40 тыс. человек. Однако разделение ее на три корпуса, существенно ослабило боевые возможности литовских войск, так как два из этих корпусов должны были первоначально действовать на разных направлениях, а третий – прикрывать их наступление и собственную территорию. 19 августа 1534 г. в поход на Северскую землю выступило войско киевского воеводы гетмана дворного Андрея Немировича (в русских источниках Андрей Немиров) и Василия Чижа. Затем под Смоленск пошли полки Ивана Вишневецкого и Андрея Коверского. Отряд под командованием самого Ю. Радзивилла остался в Могилеве, выполняя функцию стратегического резерва.

В начале сентября 1534 г. литовскому нападению подвергся Стародуб, посады которого при получении известия о приближении противника были выжжены своими же городскими приказчиками. Столкновение, произошедшее здесь между литовцами и русскими войсками, закончилось победой отряда стародубского воеводы Федора Васильевича Овчины Телепнева. В плен к победителям попали около 50 наемных солдат и гетман жолнерский Суходольский. Более удачным для литовского войска стал набег на Радогощ, в окрестностях которого Немировичу удалось разгромить рать новгород-северского «загородного» наместника князя Ивана Ивановича Барбашина. Следствием литовской победы стал захват Радогоща, сожженного затем противником. Об упорном сопротивлении защитников крепости свидетельствует гибель в огне пожара местного воеводы Матвея Лыкова. Победа под Радогощем стала единственным успехом войска Немировича и Чижа в этом походе. Нападения, совершенные их отрядами на Почеп и Чернигов, были отбиты, после чего действовавшая на Северщине часть литовской армии ушла на соединение с корпусом Ивана Вишневецкого под Смоленск.

Войска князей И. Вишневецкого и А. Коверского вступили в русские пределы 13 сентября 1534 г. Подойдя к Смоленску, главной цели похода, они осадили город, приказав своим воинам поджечь посады. Именно в это время литовцев контратаковали войска смоленского наместника князя Никиты Васильевича Хромого Оболенского, которые «посаду им жечь не дали и отбили их от города». Вскоре противник, узнав о приближении «великого князя воевод», отступил. Оторвавшись от преследования литовские воеводы «в свою землю к Могилеву в целости пришли до домов своих».

По-видимому, у Сигизмунда I сложилось явно преувеличенное представление о результатах действий своих войск и он, не ожидая ответного русского нападения, 1 октября 1534 г. распустил армию, оставив лишь 3 тыс. человек для охраны пограничных крепостей.

Отступлением и роспуском литовского шляхетского ополчения немедленно воспользовались воеводы русских северо-западных пограничных городов, организовавшие ответный набег на вражескую территорию. Во главе выступившей в поход рати встали псковский и луцкий наместники Дмитрий Семенович Воронцов и Дмитрий Федорович Черета Палецкий. Пройдя вглубь Литвы на 300 верст до Долгинова и захватив большой полон, воеводы отошли назад; один из русских отрядов под командованием князя Ивана Шуйского доходил тогда даже до Витебска.

Этот наделавший много шума набег стал прелюдией готовившегося вторжения большой русской армии в пределы Великого княжества Литовского. Для похода русское командование собрало все наличные силы, пользуясь зимней передышкой на южных и юго-восточных рубежах. Как считали современники, в наступлении участвовало до 150 тысяч воинов. Операция была тщательно спланирована и получила одобрение высшего руководства страны на состоявшемся в ноябре 1534 г. заседании Боярской Думы. В нем принимал участие митрополит Даниил - один из наиболее доверенных советников правительницы Елены Васильевны Глинской. Уже 28 ноября 1534 г. главные силы армии под командованием князей Михаила Васильевича Горбатого Кислого и Никиты Васильевича Хромого Оболенского покинули Москву и направились на запад к Можайску.

Войска сосредоточивались и на других направлениях. В декабре в районе Опочки собрались полки новгородского наместника князя Бориса Ивановича Горбатого и Василия Андреевича Шереметева. Действуя на двух направлениях, русские воеводы должны были соединиться на неприятельской территории и одной ратью воевать владения Сигизмунда I. Северским воеводам, собранным в Стародубе под командованием князя Федора Васильевича Овчины Телепнева и князя Ивана Тимофеевича Глухого Тростенского предстояло действовать самостоятельно.

Под Смоленском и Опочкой наступление началось одновременно – 3 февраля 1535 г. Стародубская рать пошла «в литовскую землю на всеедной же неделе, февраля в 5 день». Синхронность действий трех русских армий свидетельствует не только о тщательной проработке всех деталей операции, но и о высокой мобилизационной готовности вооруженных сил Московского государства, их способности выполнять боевую задачу даже в самое суровое время года. Тщательно продуманы были условия предстоящего соединения смоленской и новгородско-псковской армий. Детали этого плана сохранились в наказе воеводе Михаилу Васильевичу Горбатову «с товарищи», привезенном в Можайск дьяком Афанасием Федоровичем Курицыным. Документ гласил: «нечто почаяют дела, и ноугородским воеводам и людям быти с ними вместе, большому полку быти з большим полком, передовому полку быти с передовым полком, правой руке воеводам быти с правою рукою, левой [руке] с левою, сторожевому полку с сторожевым полком; а царевичу и Канбар мурзину сыну и городецким татаром быти у передового полку на праве».

Литовцы ничем не могли помешать начавшемуся в первых числах февраля вторжению русских войск. Они предпочли укрепиться по городам и обороняться за стенами своих крепостей. Московские воеводы, не пытаясь ими овладеть, опустошая сельскую округу на сотни верст вокруг. 14 февраля 1535 г. войска Михаила Васильевича Горбатого Кислого, шедшие от смоленского рубежа через Дубровну, Оршу, Друцк и Борисов, соединились у Молодечно с полками Бориса Ивановича Горбатого, разорившими полоцкие, витебские и брянские места «и до Вилны за 40 верст не дошедше».

От Молодечно русская рать «поворотила» на север и пошла к своей границе, «жгучи и вьюючи и секучи и в плен емлючи; и вышли воеводы великого князя все на Опочку на Псковскую землю все здрави с великим полоном; а пришли из Литовские земли на Опочку марта 1».

Стародубская рать Ф.В. Овчины Телепнева и И.Т. Глухого Тростенского прошла по неприятельским землям до Новгорода Литовского и благополучно вышла на свою сторону к Чернигову 23 февраля 1535 г.

Ущерб, нанесенный экономике Литвы, был велик. Продолжать войну с Москвой без польской помощи Великое княжество Литовское было уже не в состоянии. Польский сейм с пониманием отнесся к призывам поддержать союзное государство. На помощь литовцам союзники направили 7-тысячное войско во главе с лучшим польским полководцем Яном Тарновским. Наняли воинов на литовские деньги, для чего Вильне пришлось значительно увеличить «серебщину». Всего было нанято 5000 жолнеров, 2000 жолнеров поляки выставили «за свои пенези».

Большие военные приготовления Литвы и Польши не остались незамеченными в Москве. Но русские воеводы, приняв ряд необходимых мер, все же не смогли предугадать направления главного удара армии гетманов Ю.Н. Радзивилла и Я. Тарновского*.

---

* Важные сведения о подготовке нового неприятельского похода в русские пределы сообщили московским властям люди из окружения беглых воевод И.В. Ляцкого и С.Ф. Бельского, вернувшиеся от них с повинной назад. По Воскресенской летописи: «прибежали из Литвы от великого князя изменников, от Семена от Белского да от Ивана от Ляцкого, их люди, а сказывали великому князю. Что король собрал свои люди многие да и понаймовал многих людей иных земель, а посылает великого князя вотчины воевать Смоленских мест». Упоминание о подготовке наступления на смоленском участке границы, по-видимому, и ввело в заблуждение русское командование.

Наступление противника ожидалось на западном рубеже под Смоленском. Поэтому армия под командованием князя Василия Васильевича Шуйского, князя Даниила Дмитриевича Пронского (в Большом полку) и князя Ивана Федоровича Овчины Телепнева и князя Федора Михайловича Курбского (в Передовом полку), выдвинулась из Можайска через Смоленск к литовскому Мстиславлю. Осада крепости, несмотря на успешное действие русской артиллерии («вежу над ворота и неколко городен [и]з дел (пушек – *В.В.*) збили»), закончилась безрезультатно. Отступив от Мстиславля, полки *В.В.* Шуйского повоевали окрестности Кричева, Могилева, Шклова, Оршы, Дубровны и других литовских городов.

Важная диверсия была задумана и осуществлена русскими на северо-западном рубеже. Новгородско-псковская рать воевод Бориса Ивановича Горбатого, Михаила Семеновича Воронцова, дворецкого Ивана Никитича Бутурлина, Михаила Ивановича Кубенского и Дмитрия Семеновича Воронцова пришла к Опочке. Войско заняло позицию у рубежа на реке Чернице. Дальше в «литовскую землю» пошел полк *И.Н.* Бутурлина, который в районе озера Себежа за три недели «поставил» город и «устроил его пушками, и пищальми, и всем нарядом и запасом хлебным, как ему мочно быти». В честь юного великого князя Ивана IV новую крепость назвали Ивангородом, однако впоследствии она была переименована в Себеж. В состав ее гарнизона вошли новгородские и псковские дети боярские, начальствовали над которыми воеводы *И.М.* Чулок Засекин и *А.Ф.* Тушин. Укрепив город, русское войско ушло к реке Чернице, где стояли главные силы.

Сигизмунд I, узнав об активности русских на западном и северо-западном участках границы, поспешил нанести главный удар в другом месте – на юго-западе, в направлении крепостей Гомель и Стародуб. На этот раз он тщательно рассчитал свои силы и добился значительного успеха.

16 июля 1535 г., на третий день осады, перешедшей границу литовско-польской армии удалось овладеть Гомелем, на помощь которому не успели подоспеть «прибылые люди». Город подвергся сокрушительному орудийному обстрелу, не выдержав которого местные «черные люди» потребовали от гомельского наместника князя Дмитрия Дмитриевича Щепина-Оболенского сдать крепость противнику. За исполнение этого требования в Москве князь был признан изменником и заточен в Свибловой стрельне (башне).

Воодушевленная первым успехом неприятельская армия продолжила наступление. 30 июля она подошла к Стародубу - крупному городу и хорошо укрепленной крепости. Многочисленный гарнизон под командованием опытного воеводы Федора Васильевича Овчины Оболенского, упорно сопротивлялся, отбивая атаки врага. Осада Стародуба литовцами и поляками затянулась почти на месяц: «и под Стародубом стояли четыре недели и не могли ево достати». В Москве было принято решение помочь осажденному городу. На помощь ему двинуты были войска с южной «украины», но 18 августа 1535 г. начался большой крымский набег на Рязанскую землю и «людей своих, которых послал к Стародубу против литовских людей, князь великий велел воротить на берег ко Оке-реке». Стародубский гарнизон мог рассчитывать только на свои силы, но складывать оружие русские воеводы и воины не собирались.

Чтобы разрушить городские укрепления, противник впервые за всю историю русско-литовских войн решил применить минное оружие. Работами руководил «разум Ербурд», под началом которого более 300 человек копали галерею длиной 200 сажен «под стену городовую, и когда подкопали и подложили зелия (порох – *В.В.*) под стену з бочками, а зажгли кнотом и выкинуло четыре городни в неделю на святого Ивана. В тот же час все ляхове кинулись с вороны к той дире, и москва начала боронитися, и была битва над тою дирию». Штурмующим не просто было проникнуть в город, несмотря на широкий пролом, образовавшийся в месте взрыва («городни» - фрагмента городской стены, состоящие из срубов, засыпанных землею с камнями). Им необходимо было преодолеть крепостные ров и вал. Именно для этого «ляхове» (поляки – *В.В.*) использовали «вороны», предположительно двух типов: ящичные (специальные подъемные механизмы в виде

колодезного журавля, на конце которого крепился ящик с воинами) и крюковые - для разрушения стены и расчистки завалов.

Воевода Ф.В. Овчина Оболенский дважды выбивал атакующих из города, затем попытался прорваться через вражеский лагерь и уйти, но у литовского обоза («телег кошевых»), противник окружил и уничтожил его отряд. Сам Федор Васильевич попал в плен. Город Стародуб был взят врагом и полностью разрушен. Пленных служилых людей победители перебили: «Детеи боярских гетман полский Торновский велел стинати (казнить – *В.В.*) из станов вывода и стинали их тот де[нь] целыи, и много трупов мертвых стиненых лежаще до тысяче»*. Жизнь сохранили только князю Ф.В. Овчине Оболенскому и еще некоторым пленникам. Согласно сведениям «Реестра московским вязням», в заточении в литовских замках находилось менее 20 узников, приведенных из Стародуба, в их числе - несколько детей боярских и слуг (владычных и самого князя Федора Васильевича Овчины Телепнева).

Потеря Стародуба вынудила русское командование очистить близлежащий Почеп. Находившийся там гарнизон и местные жители сожгли свой город и отступили к Брянску, где разворачивалась армия, срочно направленная сюда «по стародубским вестям» из Москвы. По инерции литовско-польские войска продвинулись вперед, заняли пепелища Почепа и Радогоща, но затем отступили на свою территорию.

Опасаясь неизбежных ответных действий русских воевод, в особенности страшившей их зимней войны, литовские власти уже в сентябре 1535 г. обращаются к Москве с предложением начать мирные переговоры. Действовали они осторожно, зондируя почву через пленного воеводу князя Ф.В. Овчину Оболенского, чей двоюродный брат Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский занял выдающееся положение при дворе вдовствующей великой княгини Елены Васильевны Глинской, правительницы Московского государства. Начавшиеся вскоре переговоры с определенными трудностями, но продвигались вперед.

Воспользовавшись наступившей в военных действиях паузой, литовцы, решили ликвидировать опасное для них изменение линии границы по псковскому рубежу, где в июле 1535 г. была выстроена новая русская крепость Ивангород (Себеж). 27 февраля 1536 г. 20-тысячное войско киевского воеводы Андрея Немировича и полоцкого воеводы Яна Глебовича осадило Себеж. Русские устроили вылазку и, отеснив часть литовского отряда на лед озера, уничтожили. Победители захватили богатые трофеи, в том числе знамена и «варганы» (по-видимому, сигнальные музыкальные инструменты). После поражения литовское войско сняло осаду и поспешно отошло от города. Во время боев под Себежем «из сороковые пищали» был убит один из литовских воевод «пан Воитек Николаев». В честь победы Елена Глинская велела заложить в Себеже церковь Живоначальной Троицы.

Несмотря на достигнутый в боях за Себеж успех, московская сторона, озабоченная угрозой нападения со стороны Казани и Крыма, не могла перейти к активным наступательным действиям. Значительная часть русского войска уже зимой 1535/1536 г. (сбор войска был закончен 20 февраля 1536 г.) была сосредоточена в Нижнем Новгороде, чтобы действовать против казанских татар, отряды которых доходили «от [этого] города за 10 верст».

Тем не менее, определенная активность русских сил отмечалась и на западных границах. Так, в январе 1536 г. «велел князь великий поставити во Ржевском [уезде] на Литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочие». Весной этого же года на прежнем месте восстанавливается разрушенный литовцами и поляками в 1535 г. «град Стародуб», а

---

* В Степенной книге содержится уникальная запись о том, что после взятия Стародуба литовцами «многие людие утекоша, инии же побиени быша, прочии же пленени» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 632). Однако, это сообщение вряд ли достоверно, в условиях штурма покинуть город большому числу людей вряд ли возможно. Воевода Ф.В. Оболенский с немногими, остававшимися при нем людьми, хотел прорваться из гибнущей в огне крепости, но отряд его был окружен и перебит, а сам он захвачен в плен.

19 апреля начинается строительство в Торопецком уезде крепости Велиж, законченное в июле 1536 г. Тогда же из отстроенного Стародуба ходил с войском в поход на Любеч воевода князь Иван Васильевич Горенский, а под Витебск выступили полки князя Ивана Ивановича Барбошина. Опустошив окрестности этих городов, воеводы вернулись на свою территорию.

Расчет литовских властей на быструю и победоносную войну не оправдался. Королевская казна была пуста, посполитое рушение собиралось плохо. Учитывая эти обстоятельства, Сигизмунд I принял трудное решение завершить затянувшуюся войну. В июле 1536 г. он прислал в Москву своего личного посланника кревского наместника Никодима Яновича Тихоновского, привезшего опасные грамоты для русских великих послов. В качестве ответного шага бояре отправили в Вильну своего посланника – сына боярского Тимофея Константиновича Хлуденева, с опасными грамотами для литовских великих послов. Король и его советники уступили первыми, и в ноябре 1536 г. Т.К. Хлуденев вернулся с сообщением о прибытии в Москву к Рождеству литовских великих послов полоцкого воеводы Яна Глебовича, витебского воеводы Матвея Яновича и писаря Венцеслава. Посольство несколько задержалось и вступило в русскую столицу 12 января 1537 г.

На начавшихся тогда в Москве мирных переговорах литовская сторона потребовала передачи Вильне Новгорода и Пскова, а также включения в условия мира статей старого dokonчания, заключенного еще в 1449 г. Василием II и Казимиром IV. Русская сторона выдвинула к Литве свои контрпретензии, требуя возвращения не только захваченного в ходе последней войны Гомеля, но и Киева, Полоцка, Витебска. Уступать в решении принципиальных вопросов стороны не захотели и, как обычно заключили перемирие. Оно было подписано 18 февраля 1537 г. сроком на 5 лет и вступало в силу 25 марта этого же года. Согласно статьям Московского перемирия 1537 г., Гомель и гомельские волости отошли к Литве; города Себеж и Заволочье, а также Долысская волость – к Московскому государству.

По истечении установленного в 1537 г. срока перемирия, в Москве вновь начались переговоры с литовскими послами воеводой полоцким Яном Юрьевичем Глебовым, старостой мельницким Николаем Яновичем Тихоновским и писарем Николаем Николаевичем Ондрущевым. Новое русско-литовское соглашение было подписано 25 марта 1542 г., возобновив перемирие еще на 7 лет. Вновь продлили его 13 февраля 1549 г. На этот раз ставший обычным спор из-за пограничных территорий был осложнен нежеланием литовских послов воеводы витебского Станислава Петровича Кишки, маршалка Яна Юрьевича Комаевского и писаря Глеба Ясманова признать новый «царский» титул московского государя.

8. БОРЬБА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРСКИМИ НАБЕГАМИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

После свержения Абдул-Латифа в Казань был возвращен его старший брат Мухаммед-Эмин, который, несмотря на явные симпатии к России, военным путем восстановил полную независимость своего государства, что подтвердил договор, заключенный между Московским государством и Казанским ханством в марте 1507 г. Тем не менее, мирные отношения, ненадолго омрачившиеся войной 1505-1507 гг., были восстановлены, а после смерти бездетного Мухаммед-Эмина 18 декабря 1518 г. была возобновлена политическая зависимость Казани от Москвы. 29 декабря к великому князю Василию III прибыло посольство Кул-Дербыша, сообщившее о смерти хана и просившее пожаловать их новым государем. Ближайшими родственниками умершего «царя» являлись его сводные братья. Но Худай-Кул (Куйдакул), 21 декабря 1505 г. принял православное крещение под именем Петра Ибрагимовича и поэтому потерял право на казанский

престол. Других сводных братьев покойного из династии крымских Гиреев видеть на Волге не желали московские власти, боявшиеся воплощения в жизнь мечты Мухаммед-Гирея об объединении всех татарских ханств под властью крымских «царей» и возникновения постоянной угрозы для Руси со стороны могучей степной державы. Выбор был сделан в пользу тринадцатилетнего касимовского царевича Шах-Али, внука Бахтияра, родного брата хана Большой Орды Ахмета. Отношения Москвы с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, настаивавшим на кандидатуре своего брата Сагиб-Гирея, были окончательно испорчены. Назревала большая война, грянувшая в 1521 г.

К этому времени обстановка на южных русских «украинах» стала накаленной. Крымские набеги начались здесь в 1507 г., в разгар очередной русско-литовской войны. Однако постигшая татар неудача, в результате которой их отряды бежали, преследуемые московскими воеводами до реки Рыбницы, вынудила крымцев на время отказаться от дальнейших нападений. Возобновились они только в 1512 г.

Именно тогда (в конце 1511 – начале 1512 гг.) стал формироваться чрезвычайно опасный для Московского государства союз Крымского ханства с Литвой и Польшей.

В мае 1512 г. сыновья Менгли-Гирея Ахмед-Гирей (Ахмат-Гирей) и Бурнаш-Гирей - «со многими людьми» предприняли первую настоящую попытку прорвать оборону южных границ и вторгнуться вглубь русской территории. 8 мая 1512 г. из Стародуба от князя Василия Ивановича Шемячича в Москву пришло сообщение о подготовке татарами нападения на его «отчины». Василий III направил на Северу, к реке Брыни на помощь В.И. Шемячичу войска под командованием князя Михаила Даниловича Щенятева. Однако по дороге их пришлось повернуть к реке Угре, так как отряды крымских царевичей, миновав стародубские земли, «пришли вборзе на украины, на белевские и на одоевские места». На помощь М.Д. Щенятеву был направлен с новыми войсками его отец Даниил Васильевич Щеня. Пытаясь воспрепятствовать дальнейшему продвижению татар, русские полки выдвинулись не только на Угру, но и к Кашире и Серпухову. Однако конные отряды противника постоянно меняли дислокацию, уходя из-под удара великокняжеских войск. 15 мая 1512 г. Д.В. Щеня, подтверждая прежние сообщения, писал великому князю, что «татарове на украину, на одоевские места и на белевские пришли», уточняя: «иные татаровя, отделяся, пошли вниз на олексинские места и на Коломну, и на Волкону». Отдельные крымские отряды достигли тогда окрестностей Алексина и Воротынска. Из Москвы к Тарусе были направлены новые полки во главе с удельным князем Андреем Ивановичем Старицким и окольным Константином Григорьевичем Заболоцким. Войска князя Юрия Ивановича Дмитровского усилили оборону Серпухова, а князя Ивана Васильевича Шуйского послали на Рязань. Все эти порядком запоздалые мероприятия оказались тщетными. Командовавшим крымским войском «царевичам» Ахмед-Гирею и Бурнаш-Гирею удалось благополучно уйти в степь, уведя огромный полон.

Этот урок не прошел даром. Отозвав в Москву Д.В. Щеню и М.Д. Щенятева, Василий III приказал организовать плотную оборону южной «украины», для чего на реке Угре сосредоточили войско князя Михаила Ивановича Голицы Булгакова и конюшего Ивана Андреевича Челяднина. Им был адресован наказ, интересный упоминанием пищальников и посошных людей, которых воеводы должны были «розделить по полком, сколько, где пригоже быти на берегу». В случае нового нападения воеводы, «посмотря по делу», должны были контратаковать противника на тульском и зарайском направлениях.

Сосредоточение войск на Угре и некоторых других «украинных» местах оказалось достаточно своевременным: еще трижды в 1512 г. татары вторгались в русские пределы.

В июне отряды царевича Ахмед-Гирея пытались совершить набег на окрестности северских городов Брянска, Путивля и Стародуба, но в произошедшем здесь столкновении с русскими войсками потерпели тяжело поражение, отступив «в малых людях». В июле 1512 г. к границам Рязанской земли подошло войско Мухаммед-Гирея. Однако, узнав, что на реке Осетр стоит с полками князь Александр Владимирович Ростовский, татары поспешили отступить. Русские воеводы преследовали их до реки «Сернавы» (р. Чернава,

приток р. Быстрая Сосна), а по другим сведениям даже «за Дон до Тихой Сосны», а затем возвратились к своим границам.

Еще одно нападение произошло осенью 1512 г., когда русские воеводы его уже не ждали. 6 октября войско крымского царевича Бурнаш-Гирея внезапно вышло к Рязани (Переяславлю-Рязанскому). Захватив острог и разграбив рязанский посад, татары осадили крепость, гарнизон которой упорно сопротивляясь, не мог помешать врагу опустошать окрестные волости. Через три дня с большим полоном крымские отряды ушли в степь.

Как выяснилось позднее все три татарских набега были совершены по тайным просьбам и наводам литовской стороны и привели к началу самой длительной русско-литовской войны 1512-1522 гг. Вести эту тяжелую десятилетнюю кампанию Москве приходилось с постоянной оглядкой на татарское порубежье. По-видимому, далеко неслучайно первый поход на Смоленск состоялся зимой 1512/1513 гг. Василий III пытался использовать затишье на крымской «украине» и добиться быстрой победы над Литвой. Его планы не оправдались, и в конце февраля московские рати отступили. 17 марта 1513 г. великий князь и бояре приняли решение о подготовке нового похода к Смоленску, который должен был состояться летом этого же года. На сей раз предстояло учесть фактор возможной татарской агрессии. Для «украинного береженья» на южной границе встали: в Туле (впервые в новь построенной здесь крепости) полки князя Александра Владимировича Ростовского, Михаила Юрьевича Захарьина и Ивана Михайловича Воротынского, на Угре - Михаила Ивановича Голицы Булгакова и Ивана Васильевича Овчины Телепнева (из состава этой рати был выделен большой отряд под командованием князей Ивана Федоровича Ушатого и Семена Дмитриевича Серебряного, направленный под Стародуб для прикрытия Северной земли). Несмотря на принятые меры, татарам все же удалось пройти цепью своих загонов по путивльским, брянским и стародубским местам. Это обстоятельство задержало Василия III в Боровске до 11 сентября 1513 г., когда им были получены достоверные сведения об отступлении крымцев в степь. Только после этого великий князь пошел под Смоленск, взять который опять не смог. Лишь во время третьего похода 29 июля 1514 г. русские смогли овладеть городом. Однако и во время третьего смоленского похода произошло отвлечение части московских сил для организации обороны южной границы. Войсками. Сосредоточенными на этом рубеже войсками командовал князь Дмитрий Иванович Углицкий. Русские полки стояли в Туле и на Угре. Северскую «украину» прикрывали вотчинные армии Василия Ивановича Шемячича и Василия Семеновича Стародубского, осенью 1514 г. отразившие нападение на свои земли царевича Мухаммед-Гирея, в войске которого были кроме татарских воинов «польского короля воеводы с людьми и пушками и пищалями».

В марте 1515 г. крымские и литовские войска повторили нападение на Северскую «украину». Вместе с татарами Мухаммед-Гирея действовали отряды киевского воеводы Андрея Немировича и Евстафия (Остафия) Дашкевича. Крымско-литовская армия безуспешно осаждала города Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, а затем отступила, захватив большой полон. В обстановке продолжающейся войны с Великим княжеством Литовским московское правительство попыталось урегулировать этот конфликт мирным путем. Однако смерть Менгли-Гирея, последовавшая 13 апреля 1515 г., еще более осложнила русско-крымские отношения. На ханский престол взошел Мухаммед-Гирей, хорошо известный своим враждебным отношением к России, на «украины» которой он не раз ходил походами. В Москве о смерти старого хана и вступлении на престол «сына его болшего», в старорусском произношении «Магмет Кирея», стало известно только 29 мая 1515 г. Встревоженный полученными известиями Василий III, уже через день выезжает со своими главными воеводами в Боровск, лежащий неподалеку от крымской «украины» и литовского рубежа. Там и нашел его крымский посол Янчура Дуван. 1 сентября 1515 г. он вручил великому князю ультиматум, в котором обещание «дружбы и братства» сопровождалось требованием передать крымскому «царю» северские города: Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Почеп, Карачев и Радогощ. Кроме этого,

московской стороне надлежало отпустить в Крым казанского царевича Абдул-Латифа и вернуть Литве Смоленск. Условия ханского «запроса» были неприемлемыми, поэтому Василий Иванович тянул с ответом на него. Только 14 ноября 1515 г. в Крым поехал Иван Григорьевич Мамонов. Почти все требования Мухаммед-Гирея были отвергнуты. Посол Василия III соглашался лишь на пожалование Абдул-Латифа одним из московских городов в кормление и предлагал хану совместные действия против Литвы.

Несмотря на достаточно твердо заявленный отказ подчиниться крымским требованиям, немедленного начала войны с Москвой не последовало. Мухаммед-Гирей попытался использовать русскую помощь в борьбе с Ногайской ордой, но и в этом случае Василий Иванович сумел уклониться от выполнения ханского требования. Отношения двух государств продолжали ухудшаться.

Умножилось число татарских набегов; на приграничные русские уезды нападали небольшие крымские отряды, спешившие поскорее захватить «полон» и уйти в степь, но приближение большой войны с Крымом чувствовалось во всем. Отстрочить нападение могла лишь постоянная демонстрация силы и воинского умения ратных сил, сосредоточенных на границе «Поля». С этой задачей до поры до времени русские воеводы справлялись успешно, преследуя и уничтожая не только небольшие татарские отряды, отгоняя более крупные из них. 13 сентября 1515 г. азовский отряд под предводительством Аидышки-мурзы и Айги-мурзы напал на мордовские места, в конце осени – начале зимы следующего года эти же татары снова объявились здесь, охотясь за «полоном» и добычей. Вслед за ними готовился выступить в поход к русским границам «бий Исуп» (видимо Юсуф) с 5-тысячным отрядом. В июне 1516 г. на рязанские и мещерские места обрушился сын Мухаммед-Гирея Богатырь-салтан, на действия которого Москва в резкой форме жаловалась его отцу. Все эти нападения осуществлялись небольшими силами и без официальной санкции хана.

Более масштабным стал поход 1517 г., оплаченный литовским золотом. Впрочем, оказать нажим на Москву вынуждали Крым события в Казани, где умирал хан Мухаммед-Эмин, наследовать которому, по мнению Бахчисарая, должен был его брат Абдул-Латиф, живший в русской столице под бдительным присмотром многочисленной «почетной» стражи. Выпустить царевича в Крым или Казань московские власти не соглашались, поэтому Мухаммед-Гирей, помимо малоэффективных дипломатических мер, решил оказать на несговорчивого Василия III военное давление. Однако в любом случае Москва не собиралась возвращать Абдул-Латифа живым^{*}. Крымское нападение лишь приблизило трагическую развязку этого дела.

О готовящемся вторжении русские власти знали заранее и сумели подготовиться к встрече татарского войска. Вел его Токузак-мурза (в летописи – Токузан-мурза – *В.В.*) и другие мурзы из влиятельных родов Ширин и Мангыт. Под их командованием находилось 20 тыс. конных воинов. Русские полки во главе с воеводами князем Василием Семеновичем Одоевским, Михаилом Юрьевичем Захарьиным, князем Иваном Михайловичем Воротыньским и князем Иваном Васильевичем Телепневым, стояли за Окой в Вошанской области («на Вошани»), под Алексиним.

В августе 1517 г. войско Токузак-мурзы перешло русскую границу и «около Тулы и Беспуты начаша вьевати». Узнав о нападении татар, воеводы В.С. Одоевский и И.М. Воротыньский направили против них отряд Ивана Тутыхина и князей Волконских «и велели им с всех сторон мешати татаром, да быша не вьевали, а сами вьеводы поидоша за ними на татар». Даже небольшой русский отряд представлял серьезную опасность для татарского войска, разделившегося на «загоны». Мурзы стали отходить в степь, но «наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украиные да им дороги засекоша и

---

^{*} Царевич Абдул-Латиф умер 19 ноября 1517 г. и только мертвым был отпущен из Москвы. Его останки отвезли в Казань и там захоронили. – ПСРЛ. Т. 30. С. 143. Герберштейн сообщал в своих мемуарах об отравлении Абдул-Латифа ближайшим советником Василия III Михаилом Юрьевичем Захарьиным.

многих татар побиша; а передние люди от воевод (отряд И. Тутыхина – *В.В.*) приспевше конные начаша татар топтати, а пешие люди украинные по лесом их бити, и Божиим поможением татар многих побиша, а иные многие татарове по рекам истопоша., а иных живых поимаша». В этом летописном сообщении чрезвычайно любопытным представляется участие в вооруженной борьбе местного населения («пеших людей украинских»), организованного в отряды, способные нанести серьезный урон многочисленному противнику, оказав тем самым существенную помощь великокняжеским воеводам. Русские полки настигли татар «на Глутне на лесу и по селом, и по крепостем, и на бродех» и атаковали их. Понеся тяжелые потери, крымцы все же смогли прорваться в степь. В этих боях русским отрядам удалось отбить весь алексинский «полон». Из 20-тысячного татарского войска в Крым вернулось около 5 тыс. воинов: «и те пеши и наги и боси». В ноябре 1517 г. какие-то крымские отряды пытались напасть на северские места, но были настигнуты и разбиты за рекою Сулою войсками князя В.И. Шемячича, приславшего всех захваченных пленных к великому князю в Москву

Поражение войска Токузак-мурзы вынудило Мухаммед-Гирея временно отказаться от планов подготовки крупного военного похода против Московской Руси. Он объявил, что мурзы ходили в набег на русские земли без его ведома, хотя сам недавно грозил Москве «быть с королем заодин на великого князя». Начать большую войну с Россией Мухаммед-Гирею мешали начавшиеся в ханстве усобицы. Против крымского «царя» выступил младший брат калга (наследник престола) Ахмат-Гирей, которого поддержал бейлик одного из самых знатных татарских княжеских родов - Ширин. Положение в Крыму стабилизировалось лишь в 1519 г., когда погиб мятежный калга, о чем Мухаммед-Гирей не замедлил известить Василия III.

Ослабление крымской угрозы позволило Москве провести серию удачных операций в Литве, однако в 1521 г. на Московскую Русь обрушилось одно из самых страшных татарских нашествий XVI в. Причиной очередного осложнения отношений между Россией и Крымом вновь стала ситуация в Казанском ханстве.

После смерти Мухаммед-Эмина русскому правительству удалось посадить на казанский престол касимовского царевича Шах-Али. 6 января 1519 г. в Казани побывали дворецкий Михаил Юрьевич Захарьин и дьяк Иван Телешов, добившиеся согласия мурз принять из рук Москвы нового хана. В Москву русское посольство вернулось в сопровождении мурзы Абибазея, князя Булата из рода Ширина, «князя земского» Шайсупа и бакшея Базюки. 1 марта 1519 г. Шах-Али и послы дали Василию III клятву верности «за всех людей Казанские земли», а 8 марта отправились в Казань в сопровождении князя Дмитрия Федоровича Бельского, Михаила Юрьевича Захарьина и дьяка Ивана Телешова. В апреле этого же года Шах-Али взошел на престол. Город и все ханство согласились принять избранника Москвы без войны. Новый хан стал править Казанской землей в полном согласии с находившимся при нем русским послом - сыном боярским Василием Юрьевичем Бушмой Поджогиным.

Восстановление русского протектората вызвало резкое неприятие у огланов и мурз, стремившихся к союзу с Крымом, власти которого законным наследником Казанского юрта считали Сагиб-Гирея, сводного брата умерших Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. На руку им сыграла явная непопулярность Шах-Али среди простого народа, отмеченная еще Сигизмундом Герберштейном. Имперский дипломат отметил, что на престоле Шах-Али пробыл лишь 4 года (в действительности – 3 года), «встречая в своих подданных сильную ненависть и отвращение к себе. Это усиливалось еще от безобразного и слабого телосложения, ибо он был человек с выдающимся брюхом, с редкой бородою и почти женским лицом; все это показывало, что он отнюдь не пригоден к войне. Вдобавок к тому же, он презрел и пренебрег расположением своих подданных, был более надлежащего предан государю Московскому и полагался на иноземцев более чем на своих». Таким образом, в Казани возник заговор, во главе которого встал оглан Сиди, отправивший в Бахчисарай царевичу Сагиб-Гирею приглашение занять казанский трон, выступив против

Шах-Али и русских. В апреле 1521 г. Сагиб-Гирей подошел к Казани с небольшим отрядом Мертек-мурзы, насчитывавшим всего 300 воинов. В городе вспыхнуло подготовленное «князьями коромольниками» восстание. Находившийся в Казани русский отряд был перебит, великокняжеский посол В.И. Бушма Поджогин и русские купцы задержаны, Шах-Али с гаремом и немногими слугами изгнан. В мае 1521 г. Шах-Али оказался в Москве, где ему устроили торжественную встречу.

Сагиб-Гирей являлся полной противоположностью Шах-Али, воплощая идеал казанцев о мужественном и воинственном правителе, непоколебимом враге «гяуров». Оказавшись на престоле, он объявил войну Московскому государству. Новый хан договорился о совместных действиях с братом, крымским «царем» Мухаммед-Гиреем, поднявшим свои войска в поход.

О приближении большой войны в Москве знали и срочно выдвинули к южным границам войска. Во главе полков, вставших в Серпухове, находились князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Василий Васильевич Шуйский, Иван Григорьевич Морозов-Поплевин. Каширской ратью командовали князь Иван Данилович Пенков и князь Федор Васильевич Лопата Оболенский. Тарусу прикрывало войско князя Михаила Даниловича Щенятева и Ивана Михайловича Воротынского. В Коломне стояли отряды князя Юрия Андреевича Хохолкова и Никиты Михайловича Кутузова-Клеопина. На Угре должны были обороняться полки князя Василия Семеновича Одоевского, князя Семена Дмитриевича Щепина Оболенского и Андрея Никитича Бутурлина. На восточном рубеже войска под командованием князя Петра Дмитриевича Ростовского и Михаила Семеновича Воронцова встали в Мещере. Неподалеку от них на реке Мокше находились с полками князь Иван Михайлович Троекуров и князь Василий Ковер Кривоборский. В Муроме - князь Юрий Дмитриевич Пронский, князь Иван Иванович Щетина Оболенский, окольничий Андрей Васильевич Сабуров), в Нижнем Новгороде - князь Андрей Дмитриевич Курбский и Федор Юрьевич Щука Кутузов. Войска, сосредоточенные в Рязани подчинялись рязанскому наместнику Ивану Васильевичу Хабару Симскому. Отряд Ивана Шамина был выдвинут к Стародубу.

Однако выбранная московскими воеводами тактика пассивной обороны на рубежах не помогла – слишком значительными были силы врагов. Наиболее опасным стало Московское направление, где наступал крымский хан Мухаммед-Гирей, к которому присоединился литовский воевода Евстафий Дашкевич. Пройдя Муравским шляхом между верховьями Ворсклы и Северского Донца, 100-тысячное крымско-литовское войско достигло Быстрой Сосны и, обходя Тулу, повернуло к границам Рязанской земли. Именно здесь неприятельская армия вторглась в русские пределы и, не останавливаясь, 28 июля 1521 г. подошла к реке Оке в окрестностях Коломны, где никто не ожидал их появления. Именно здесь татары «перелезли» Оку, вынудив находившийся в Коломне небольшой русский гарнизон, под командованием князя Юрия Андреевича Хохолкова, укрыться в своей крепости. Подоспевшие с большим опозданием к месту переправы от Серпухова и Каширы великокняжеские полки были разбиты, по-видимому, поодиночке, находившейся на московской стороне Оки огромной татарской армией. О тяжелых потерях, понесенных русскими войсками в этих боях, свидетельствует гибель великокняжеских воевод Ивана Андреевича Шереметева, князя Владимира Михайловича Карамышева Курбского, Якова Михайловича и Юрия Михайловича Замятниных и пленение князя Федора Васильевича Лопаты Оболенского. Главкомандующим выдвинутой в южные города армией был молодой князь Дмитрий Федорович Бельский, который не прислушивался к советам находившихся у него в подчинении старых опытных воевод и бросал полки в бой на переправы у Коломны без всякой надежды на успех.

После поражения русские войска отошли и укрепились в городах, а победители начали разорять коломенские места, не торопясь двигаться дальше. Мухаммед-Гирей дожидался подхода казанского войска Сагиб-Гирея, сумевшего прорваться через границу,

разорившего Нижний Новгород и окрестности Владимира и шедшего к назначенному пункту встречи – Коломне.

Соединившись, татарские войска стали выдвигаться в направлении Москвы. Василий III поспешил покинуть переполненную беженцами столицу и ушел в Волоколамск (возможно через село Микулино), оставив вместо себя шурина Петра Ибрагимовича, крещенного татарского царевича Худай-Кула, - получившего полномочия начать мирные переговоры с крымским ханом.

Войска противника появились в окрестностях Москвы 1 августа. Они не спешили начинать осаду хорошо укрепленного города. Ставка Мухаммед-Гирея находилась на реке Северке в 60 верстах от русской столицы. Сам хан не приближался к ней, однако его отряды широко разошлись по окрестным местам. Военными действиями в непосредственной близости от Москвы командовал «царевич» Богатырь-Салтан, ставший лагерем в княжеском селе Острове. Татарские отряды захватили Николо-Угрешский монастырь «и много сел и деревнь пожгли, и коширский посад пожгли. И людей много и скоту в полон поведоша безчисленно». Просьба московских бояр начать мирные переговоры была воспринята ханом как капитуляция. Поэтому и главное требование, предъявленное русской стороне, заключалось в даче Василием III грамоты с обязательством быть вечным данником крымского «царя». По сути, речь шла о возрождении системы внешнеполитической зависимости по «уставу древних времен», то есть по золотоордынскому образцу. Тем не менее, московские власти вынуждены были удовлетворить требования крымского хана и отослать к нему заверенный Василием III документ.

Получив грамоту, Мухаммед-Гирей, находившийся все дни, пока шли переговоры, в лагере между реками Северкой и Лопасней, 12 августа 1521 г. «пошел из земли назад». На обратном пути татарское войско подошло к Рязани. Хан, по совету литовского воеводы Евстафия Дашкевича решил хитростью овладеть этим городом. Став в окрестностях Рязани лагерем, крымский «царь» предложил горожанам выкупить часть полоняников*. Рязанскому наместнику Ивану Васильевичу Хабару Симскому был послан приказ явиться к хану с выражением покорности, как того требуют даннические обязательства его государя московского князя Василия III, признавшего зависимость от крымского «царя». Отказавшись покинуть крепость, Хабар Симский потребовал показать ему грамоту и действительно получил ее. Тем временем, татары и литовцы, решившие овладеть Рязанью во время очередного выкупа пленных, бросились к оставшимся открытыми городским воротам. К счастью, командовавший рязанской артиллерией немец Иоганн Иордан не потерял бдительности. Залп из поставленных за воротами орудий остановил атакующих и обратил их в бегство. После этой неудачи хан был вынужден отойти от Рязани, оставив в руках наместника выданную ему великокняжескую грамоту.

Несмотря на возвращение даннического обязательства, Московское государство находилось в крайне тяжелом положении. Земли к югу и востоку от Москвы были разорены, девятый год длилась трудная война с Литвой. В этих условиях повторение крымского и казанского нападений могло иметь катастрофические последствия для Руси. Необходимо было как можно быстрее завершить войну на западе и усилить оборону на юге и востоке страны. Одной из первых мер, призванных укрепить вооруженные силы, стало наказание допустивших «оплошку» воевод. При этом истинная степень вины, по-видимому, никого не интересовала. Опала, правда, достаточно легкая и непродолжительная, постигла наиболее опытных и заслуженных воевод. Более важной задачей стала организация надежной обороны южного рубежа. Ею занялся сам Василий III, в мае 1522 г. выступивший к расположенным в Коломне войскам. Ошибки прошлого были

---

* Тогда в числе других полоняников был выкуплен из татарской неволи раненный в сражении на Оке воевода кн. Ф.В. Лопата Оболенский

проанализированы и учтены. Великий князь увеличил количество войск, привлекаемых к защите южных «украин». Полки стали ставить не только по «берегу», а по всей южной границе, прикрывая самые опасные ее участки: Большой полк расположился под Девичем, Передовой полк – в устье реки Осетр, Полк правой руки – под Голутвиным, Полк левой руки – напротив Ростиславля, Сторожевой полк – на Кашире. Тогда же начата была организация сторожевых застав, выдвинутых в степь в направлении Азова и по южным границам Северской «украины», а также строительство укреплений по линии будущей Большой засечной черты.

Присутствие на границе большой армии, усиленной переброшенными из-под Вязьмы полками, вынудило Мухаммед-Гирея отказаться от попытки повторения удачного похода 1521 года. На его решение, несомненно, повлияло и заключенное 14 сентября 1522 г. перемирие между Москвой и Литвой. Изменив планы, крымский хан в декабре 1522 г. двинул собранное им войско на Хаджи-Тархан (Астрахань). Весной 1523 г. ему удалось захватить город, изгнав астраханского хана Хуссейна. На помощь астраханцам пришли ногаи (мангыты), подозревавшие Мухаммед-Гирея в желании подчинить своей власти все степные народы. В 1523 г. ногайское войско Мамай-мурзы и Агиш-мурзы напало на лагерь крымского хана, с которым оставалось 3 тыс. воинов. Во время сражения перекопский «царь» и его сын «царевич» Богатырь-Салтан погибли, опустошительному набегу Ногайской орды подвергся Крымский полуостров. Обстановка стабилизировалась лишь осенью 1523 г., когда новым ханом при поддержке турецкого султана Сулеймана I стал Саадет-Гирей. Новому владыке Бахчисарая пришлось восстанавливать разрушенное врагом государство, на время забыв о походах на Русь.

У Московского государства остался один очень упорный и опасный противник – казанский хан Сагиб-Гирей. В начале осени 1522 г. он направил отряды подвластных ему татар и луговых марийцев на Галицкую землю. 15 сентября войска противника напал на стоявшую в Парфеньеве русскую заставу и перебили ее, а 28 сентября другой неприятельский отряд захватил монастырь в Унже.

Начавшиеся после этого начались московско-казанские переговоры закончились неудачей. Раздосадованный Сагиб-Гирей весной 1523 г. приказал казнить захваченных во время переворота 1521 г. русских купцов и великокняжеского посланника Василия Юрьевича Бушму Поджогина. Однако время для этого было выбрано явно неудачно. Вскоре после расправы над представителем Москвы хан узнал о разгроме и гибели своего брата Мухаммед-Гирея и разорении Крыма ногайцами. Казанское ханство оказалось один на один с двумя сильными врагами - Московским государством и Ногайской Ордой.

Опыт неудачных казанских походов первых лет правления Василия III вынуждал его действовать наверняка. В августе 1523 г. в Нижнем Новгороде собрали большое войско, но прибывший туда великий князь не собирался рисковать и ограничился посылкой на Казань небольшой рати Шах-Али. По-видимому, поход призван был отвлечь силы татар от главного замысла русских воевод, заключавшегося в возведении на неприятельской территории нового опорного пункта, обезопасившего Нижегородский край от татарских вторжений.

Обе части великокняжеской армии действовали достаточно согласованно. В сентябре 1523 г. русские войска, перейдя пограничную реку Суру, вторглись на территорию Казанского ханства. Судовая рать, при которой находился Шах-Али, разорила черемисские и чувашские селения по обеим берегам Волги, дошла до предместий Казани, а затем, выполняя наказ великого князя, сразу же повернула назад. Конная рать, дойдя до реки Свияги, встретила на Итяковом поле с вражеским войском и атаковала его. Татары, не выдержав удара поместной конницы, бежали; многие из них утонули в реке. 1 сентября 1523 г. началось возведение русской крепости на правом, казанском берегу Суры, в месте впадения ее в Волгу. Согласно преданиям, крепость была построена на месте марийского поселения Цепель. Одновременно к присяге великому князю Василию III привели местных жителей - марийцев, мордву, чувашей; тысячи из них отправили в Россию в качестве

заложников и пленных. Новую крепость назвали именем правящего великого князя - Василь-городом (современный поселок Васильсурск). Там был оставлен сильный гарнизон. Тем временем, хан Сагиб-Гирей лихорадочно пытался перехватить инициативу в свои руки. 17 октября 1523 года он совершил новый большой поход на Галич. После неудачного штурма города и непродолжительной осады войско татар и подвластных им марийцев отступило, увозя множество пленных и разорив окрестные селения. Опасаясь ответного удара Сагиб-Гирей направил в Крым к брату Саадет-Гирею посла, просившего прислать в Казань пушек, пищалей и янычар.

Предположение казанского «царя» оказались верными. В ответ на дерзкое нападение на Галич московские власти стали готовить поход русских войск на Казань. Во главе армии был поставлен «царь Шигoley». При нем находились воеводы Иван Федорович Бельский, Михаил Васильевич Горбатый и Михаил Юрьевич Захарьин, которые возглавляли Большой полк судовой рати и командовали всем русским войском. Действовавшей самостоятельно конной ратью командовали воеводы Иван Васильевич Хабар и Михаил Семенович Воронцов. Вместе с ними в поход должны были идти особо доверенные лица великого князя Иван Юрьевич Шигона Поджогин - имевший скромный чин «сына боярского», но с весомым добавлением «который у государя в думе живет», брат казенного в Казани посланника В.И. Бушмы Поджогина и дьяк Афанасий Курицын.

В поход судовая рать выступила 8 мая 1524 г. (за неделю до Троицына дня). Конная рать – 15 мая (на Троицын день). Международная обстановка складывалась очень удачно для задуманного нападения на Казанский юрт. В это время уже началось наступление на Крым 80-тысячной польско-литовской армии, в ходе которого «литовская, деи, сила Очаков разорила, а взяли, деи, его в два дни». Узнав о затруднительном положении крымского хана Саадет-Гирея и начавшемся вторжении на территорию своего государства русских ратей, Сагиб-Гирей спешно покинул Казань и бежал в Крым, чтобы, пробравшись в Турцию, просить помощи у султана. Но Саадет-Гирей приказал арестовать бежавшего перед врагом брата, назначив на его место своего 13-летнего племянника Сафа-Гирея.

24 августа полки конной рати на том же Итяковом поле у реки Свияги вступили в сражение с казанской армией. В жестокой сече русские воины «многих князей, и мурз, и татар, и черемису, и чювашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша».

Судовая рать высадилась под Казанью 3 июля 1524 г. Полки «стали на Цареве лугу обострожився» и, не начиная осады, принялись ждать подхода конной рати. Казанцы, опасавшиеся соединения двух армий, 19 июля атаковали укрепившееся в остроге московское войско. Получив жестокий отпор, они продолжали блокировать не имевших конницы русских воинов в их лагере, время от времени, повторяя нападение. Обстановка осложнилась, так как в войске Шах-Али и князя И.Ф. Бельского стали заканчиваться продовольственные запасы. На помощь им из Нижнего Новгорода выступила вторая судовая рать князя Ивана Федоровича Палецкого, имевшего под своим командованием 90 речных кораблей. На каждом струге находилось по 30 русских воинов. По-видимому, резервная флотилия была приготовлена заранее с целью доставки продовольствия для стоявшей под Казанью армии в том случае если осада города затянется. По берегу судовую рать сопровождал конный отряд из 500 воинов. Узнав о движении русских кораблей, черемисы подготовили засаду. Первым был уничтожен конный отряд, из состава которого спаслось лишь 9 человек. Затем во время ночной остановки противник атаковал флотилию князя Палецкого. Большинство русских воинов погибло или попало в плен. Лишь немногие корабли и среди них струг воеводы Палецкого ушли и смогли добраться до лагеря Шах-Али под Казанью. Вскоре туда же подошла и конная рать И.В. Хабарова и М.С. Воронцова.

15 августа все русские полки соединились и начали осаду города. Однако заметных успехов воеводам добиться не удалось. Оставшиеся вне крепости казанские отряды совершали частые и неожиданные нападения на расположение русских войск. Московская армия находилась в постоянной, изматывающей простых воинов, готовности к отражению новых атак. Вскоре, осознав бесплодность своих усилий, воеводы начали переговоры с

татарами, согласившись снять осаду в обмен на обещание прислать казанских послов в Москву для заключения мира.

Поспешное отступление русских войск стало спасительным для Казанского ханства. Вскоре после их отхода на территорию этого государства вторглись ногайские отряды, разорившие южные пределы. Правительство юного хана Сафа-Гирея было остро заинтересовано в установлении мирных отношений с Россией. В ноябре 1524 г. в Москву прибыли казанские послы Аппай-улан и князь Бахты-Кият. Переговоры закончились успешно и стороны заключили договор, единственным условием которого стал перевод на русскую территорию Казанской ярмарки, проводившейся ежегодно 24 июня. В 1525 г. она открылась уже в Нижнем Новгороде. Торговый оборот главной волжской ярмарки значительно упал, что сказалось на прибылях русских и восточных купцов, однако еще больший урон понесло Казанское ханство, богатевшее на транзитной волжской торговле.

Отношения Москвы с Крымом оставались напряженными, но больших походов на Русь хан организовать не мог из-за постоянных усобиц в роду Гиреев. Сорванным оказался уже подготовленный поход 1525 г., когда Саадет-Гирей, двинувшийся к московским рубежам с 50-тысячной армией «царь», уже за Перекопом узнал о мятеже, вновь поднятом одним из его братьев Ислам-Гиреем, и принужден был прекратить поход и вернуться назад. Та же история повторилась в 1526 г.

В Москве постарались воспользоваться усобицами в стане врага и продолжали укреплять южную границу. Сначала в Коломне, а затем в Зарайске начинается строительство каменных крепостей, призванных стать надежным щитом против будущих татарских вторжений.

Первое, после трагического 1521 года испытание на прочность, русская оборона испытала осенью 1527 г., когда на Русь двинулся «царевич» Ислам-Гирей. К его войску со своими отрядами присоединились «Магмед-Киреев сын, да Юсюп царевич Епанчин сын, да два царевича Ахмата Хромого дети, да Бахтиязыр мурза, Кайдекеш мырза и иные многие мырзы». Всего в поход выступило 40 тыс. крымских татар. В Москве о начавшемся походе узнали 4 сентября из полученного достоверного донесения: «пришла весть прямая», что «Ислам идет к Ростиславлю и Оку реку хочет лести под Ростиславлем». На следующий день великий князь Василий III «отпустил» на Коломну передовые войска во главе с воеводами Федором Васильевичем Лопатой Телепневым и Иваном Федоровичем Овчиной Телепневым, вслед за которыми выступили другие военачальники. На этот раз русские воеводы не «оплошали» и в «Ысламов приход» под Ростиславлем уже стояли полки князя Василия Семеновича Одоевского, Ивана Ивановича Щетины Оболенского, уже упомянутых князей Ф.В. Лопаты Телепнева и И.Ф. Овчины Телепнева, князя Василия Ивановича Репнина-Оболенского, князя Никиты Дмитриевича Щепина. В сход к этим воеводам пришли с Каширы полки князя Федора Михайловича Мстиславского, князя Федора Васильевича Овчины Телепнева и князя Петра Федоровича Охлябинина. Сверхнадежно, от возможного нападения, была прикрыта казанская «украина» - войска стояли в Муроме (князь Василий Васильевич Шуйский), Нижнем Новгороде (князь Семен Федорович Курбский), Костроме (князь Михаил Данилович Щенятев) и Чухломе (князь Данила Васильевич Марамук Несвицкий). Население, жившее в окрестностях русских городов, расположенных на пути следования вражеских войск, было собрано в осаду. Спешно укреплялась Москва.

Великий князь с резервными войсками стал лагерем в селе Коломенском, затем также выступил к Оке. Впрочем, подкрепление не понадобилось - «перелезть» Оку Ислам-Гирею не дали. 9 сентября татары подошли к реке и попытались переправиться через нее. Однако русские войска «с Ысламом с царевичем билися и стрелялися об реку от утра и до вечера. И от берега татар отбили и многих татар в реце побили». Вслед начавшим отход крымцам были высланы конные полки, у Зарайска настигшие противника. В произошедшем на реке Осетр сражении татары были разбиты. В числе пленных оказался крымский «великий человек» мурза Янглич. 8 октября 1527 г. войска Ислам-Гирея,

преследуемые русскими и деморализованные поражением, стали поспешно уходить за Дон. Следствием победы над татарами стала показательная казнь находившегося в Москве посла Саадет-Гирея Чабыка, утопленного по приказу Василия III.

Положительный опыт кампании 1527 г. был использован в последующем. Полки продолжали ставить в Коломне, Кашире, Серпухове, Рязани, Туле, на опасном «Сенкином броде», усиливая их в момент наибольшей угрозы. Так, в июле 1529 г., помимо указанных городов, крепкие заставы поставили «против устья Осетрьскаго» (Иван Федорович и Семен Федорович Бельские), «против Ростиславля» (Михаил Иванович Кубенский-Заозерский), «под Бачмановым на Московском устье» (Василий Андреевич Шереметев). В 1530 г. к перечисленным местам дислокации русских войск прибавились военные лагеря «против Люблина», где стоял воевода Федор Семенович Воронцов, «под Окатовым» (князь Роман Иванович Одоевский), «против Колычевского острова» (князь Иван Федорович Тать Хрипунов-Ряполовский). В 1530-1531 гг. были построены новые деревянные крепости в Чернигове и Кашире, завершено строительство каменного кремля в Коломне. Столь надежного рубежа на южной границе Россия прежде не имела. Укрепив оборону на крымской «украине», Василий III вновь попытался разрешить продолжавший беспокоить его казанский вопрос.

9. ВОЙНЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С КАЗАНЬЮ И КРЫМОМ В 30 – 40-Х ГГ. XVI В.

Причиной нового обострения русско-казанских отношений стали «нечесть и срамота», учиненные ханом Сафа-Гиреем русскому послу Андрею Федоровичу Пильмову весной 1530 г. Нанесенное оскорбление (в чем оно состояло летописец не уточнил) окончательно переполнило чашу терпения московских властей, решивших предпринять еще одну попытку возвращения Казани под свою власть. Надежно прикрыв южную границу, Василий III в мае 1530 г., действуя по старому сценарию, двинул на Волгу две рати – судовую и конную. Судовой ратью командовали воеводы Иван Федорович Бельский и Михаил Васильевич Горбатый. Конную рать на Казань повели Михаил Львович Глинский и Василий Андреевич Шереметев.

По-видимому, оскорбление русского посла было тщательно спланировано, так как казанцы хорошо подготовились к войне. На помощь им пришли ногайское войско Мамай-мурзы и астраханские отряды князя Яглыча (Аглыша). Под Казанью на реке Булак был построен острог, призванный затруднить действия московских воинов в случае осады и возможного штурма города.

Судовая рать проделала путь до Казани без особых затруднений. Конные полки, разбив пытавшихся помешать им татар в нескольких небольших стычек, благополучно «перевезлись» через Волгу и 10 июля соединились на казанской стороне реки с войском И.Ф. Бельского и М.В. Горбатого. В ночь на 14 июля полк Ивана Федоровича Овчины Оболенского штурмом овладел построенным «на Булаке» острогом, где погибла большая часть его защитников, в том числе ханский аталык Талыш.

Первый успех русских и начавшаяся бомбардировка города встревожила горожан. Многие из них стали требовать прекращения борьбы и начала переговоров с Москвой. В этой обстановке хан Сафа-Гирей предпочел бежать из Казани. Но русские воеводы не спешили начинать решительный штурм крепости, где почти не осталось защитников, выясняя между собой, кому первому надлежит вступать в город. Неожиданно разразившаяся буря, спутала их планы. Воспользовавшись замешательством в неприятельском стане, казанцы устроили внезапную вылазку и нанесли поражение русскому войску. Летописец записал: «В те поры туча пришла грозна и дождь был необычен велик, и который был наряд пищали <...> привезен на телегах на обозных к граду, а из них было стрелять по городу, и посошные и стрельцы (в данном случае пушкари – В.В.) те пищали в тот дождь пометали, и казанцы, вышед из города, и поимали

тот весь наряд». Была захвачена часть артиллерии московской армии – 70 пушек-пищалей и «гуляй- город», где должны были установить эти орудия. В бою погибли 5 русских воевод, в их числе князь Федор Васильевич Лопата Оболенский.

Опомнившиеся русские воины под командованием князя И.Ф. Бельского возобновили обстрел города, но уже без особого успеха. 30 июля 1530 г. осада была снята. Московское войско отступило за Волгу и 15 августа ушло к своим границам. Виновным в неудачном исходе этого похода признали Ивана Федоровича Бельского. Он был приговорен к смертной казни, но затем помилован и ввергнут в тюрьму, где находился до смерти Василия III.

Еще до возвращения бежавшего в Астрахань Сафа-Гирея, казанские князья и мурзы были вынуждены начать переговоры с Россией о принесении ими шертной присяги Василию III. Осенью 1530 г. в Москву прибыло татарское посольство во главе с князьями Табаем и Тевекелем и бакшей Ибрагимом. От имени хана они просили, чтобы великий князь «пожаловал <...> Сафа Кирея царя братом и сыном его себе учинил, а царь хочет быти в государьской воле, и князи и всей земли Казанской люди <...> служити вперед хотят прямо и неотступными быти всею землею Казанскою до своих животов и их дети». Послы дали Василию Ивановичу шертную запись, обещая, что она будет подтверждена Сафа-Гиреем и всеми казанскими князьями и мурзами.

В Казань, срочно отправился русский посол Иван Васильевич Полев, который должен был привести власти ханства к присяге и потребовать возвращения пленных и захваченного во время последнего похода «наряда». Однако 26 марта в Москву прибыл посланный им сын боярский Сура Нехаев, сообщивший об отказе Сафа-Гирея утвердить данную Табаем и Тевекелем присягу. Переговоры возобновились. Не прекращая их, Сафа-Гирей затягивал время и выдвигал все новые требования к Москве. В то же время его послы в Крыму упорно добивались от Саадет-Гирея помощи в борьбе с Московским государством. Оказать действенную помощь племяннику «перекопский царь» не мог, но атмосфера на южной «украине» стала накаляться. В феврале 1531 г., по прямому указанию Саадет-Гирея, произошло нападение «крымских людей» на одоевские и тульские места.

В ходе продолжавшихся переговоров московские дипломаты сумели привлечь на свою сторону послов Табая и Тевекеля, с помощью которых русские власти наладили контакты с самыми влиятельными в Казани князьями Кичи-Али и Булатом. Осознавали бедственное положение Казанского ханства, разоренного десятилетием непрерывных войн с Москвой, они видели, что непримиримая и лукавая политика Сафа-Гирея, окружившего себя крымскими и ногайскими советниками, неизбежно влечет за собой новые русские вторжения. Чашу терпения партии сторонников мира с Россией переполнил задуманная ханом расправа с русским посольством. арест и казнь всего состава русского посольства во главе с Иваном Васильевичем Полевым. Воспротивившись решению Сафа-Гирея арестовать и казнить И.В. Полева, чреватому новой истребительной войной с Москвой, «Качигалей мурза, и Булат князь в головах, и уланы, и князи, и сеиты, и мурзы и всей земли Казанские люди съвокупишася в едино место и убити [московского посла] не дали, а Сафа Кирея царя по великого князя наказу ис Казани выслали, и царевых советнико Крымцов и Нагай, а иных побили».

Василий III планировал поставить на освободившийся престол известного своей верностью Москве хана Шах-Али. Однако новое казанское правительство, во главе с царевной Ковгар-Шад (по русским летописям - Горшедна – сестра умершего хана Мухаммед-Эмина) и князьями Кичи-Али и Булатом, отказалось принять непопулярного в татарской среде правителя, испросив себе ханом младшего брата Шах-Али пятнадцатилетнего Джан-Али (Яналея).

Таким образом, между Московским государством и Казанским ханством был установлен прочный мир и тесный союз, продержавшийся до смерти Василия III.

На крымской границе в начале XVI в. сохранялось относительное спокойствие, изредка нарушавшееся нападениями небольших татарских отрядов. Однако охране южной «украины» продолжало уделяться особое внимание. Малейшая тревога на границе вызывала быстрые ответные действия русских войск. Так случилось в 1532 г., когда «февраля в 20 день приходили крымские люди на одоевские места и на тульские». Набег возглавил «царевич» Бучак, он был направлен на Русь Саадет-Гиреем после обращения к нему за помощью казанского хана Сафа-Гирея. Неожиданным это нападение не стало - в Туле, была сосредоточена мощная группировка из 5 полков во главе с воеводами князем Иваном Михайловичем Воротынским и Иваном Васильевичем Ляцким, а затем князем Василием Андреевичем Микулинским и князем Александром Васильевичем Кашиным. Татары напали небольшими силами и, разорив несколько селений на границе, сразу же ушли обратно, не вступая в бой с московскими полками, многократно превосходившими их численностью.

В мае 1532 г. были получены сведения о подготовке нового нападения: «прииде к великому князю Василью весть ис Крыму, что крымской царь копитця со многими людьми с похвалою, хочет идти на великого князя украину». На защиту южного рубежа в дополнение к стоящим там полкам выслали новые войска. - «И князь великий, слышав то, послал на Коломну на берег воевод своих князя Ивана да князя Семена Федорочев Бельских, да бояр своих князя Михаила Васильевича Горбатого да Михаила Семеновича Воронцова, и иных воевод, а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских из многих городов безчислено много. А наряд был великой: пушки и пищали изставляны по берегу на вылазе от Коломны до Каширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добре было много, столько и не бывало». Однако в 1532 г. большого нападения на русские «украины» так и не произошло.

Ситуация осложнилась спустя год. Вражда двух братьев, Саадет-Гирея и Ислам-Гирея, неожиданно завершилась победой Сагиб-Гирея, который при поддержке турецкого султана стал новым крымским «царем». 12 или 14 августа в Москве было получено известие о начале похода на Русь 40-тысячного крымского войска, ведомого «царевичами» Ислам-Гиреем и Сафа-Гиреем, бывшим казанским «царем», в то время жившим в изгнании в Крыму. Московские власти не имели точных сведений о направлении их движения, но, сознавая опасность близящегося вторжения, начали принимать экстренные меры по защите своих приграничных владений.

Василий III встал с резервными войсками в селе Коломенском, направив к Коломне рать под командованием князя Дмитрия Федоровича Бельского, князя Василия Васильевича Шуйского и других воевод. 18 августа 1533 г. туда же выступили полки князя Федора Михайловича Мстиславского, князя Петра Ивановича Репнина и князя Петра Федоровича Охлябинина. Из Коломны против татар, бывших в «разгонех», послали отряды «лехких воевод» князя Ивана Федоровича Овчины Телепнева, князя Дмитрия Федоровича Щереды (Череды) Палецкого, князя Дмитрия Юрьевича Друцкого.

Опыт прошлого поражения и полученные от пленных сведения об укреплении «берега», вынудили крымских царевичей нанести удар в другом направлении. 15 августа 1533 г. великий князь получил известие о приходе татар под Рязань. Крымцы выжгли посады, «приступали» и к крепости, но «града не взяли». Рязанская земля подверглась страшному опустошению: татарские загоны частым бреднем прошли по окрестностям города, увозя в «полон» всех не успевших скрыться.

Первым в район действий татарских загонов вышел полк «лехкого воеводы» князя Дмитрия Федоровича Череды Палецкого. У села Беззубово, в 10 верстах от Коломны, он «потоптал» разбойничавший там татарский отряд, а пойманных «языков» отослал к великому князю. Затем к месту боев вышли другие легкоконные полки, атаковавшие крымские отряды. Встретив отпор, татарские загоны отошли к своим главным силам и, соединившись, нанесли ответный удар по русским полкам, командование над которыми

принял князь Иван Федорович Овчина Телепнев. Устояв в тяжелом бою, русские воины затем вынуждены были отступить. Предводители крымского войска, опасавшиеся подхода более многочисленного русского войска, не преследовали «лехких воевод» и начали поспешное отступление к границе, уводя захваченный в рязанской земле полон*. Один из татарских отрядов, отрезанный от своих главных сил, вынужден был отступать обходным путем, через засеченные рязанские леса, бросив коней и доспехи. «И резаньци мужики многих тотар побили на лесе».

Смерть Василия III (4 декабря 1533 г.) заметно осложнила внешнеполитическое положение Московского государства. В войну с Россией вступило Великое княжество Литовское, антирусские настроения возобладали в Казани. Зимой 1533/1534 гг. «приходили многие казанские люди к Нижнему Новгороду и новгородские места многие пустыми учинили, полону без числа много поимали, жен и детей боярских, да и черных людей с женами и с детьми многих поимали». Вскоре начались казанские набеги на вятские земли. Московские бояре пытались добиться их прекращения, но оставшийся верным клятвам хан Джан-Али уже не пользовался поддержкой казанских князей. В ханстве началось мощное движение за восстановление независимости. Окончательный разрыв между Москвой и Казанью произошел 25 сентября 1534 г., когда, в результате организованного царевной Ковгар-Шад переворота, были убиты хан Джан-Али и находившиеся при нем русские советники. На ханский престол вернулся Сафа-Гирей - давний и убежденный враг Москвы. Многим деятелям русской партии пришлось бежать в Россию. Самыми заметными из них были князья Шабан и Шах-Булат Епанчины и Карамыш и Евлуш Хурсуловы.

Воцарение Сафа-Гирея повлекло за собой начало большой войны на Волге. Первые столкновения произошли зимой 1535/1536 гг. В декабре казанские отряды небрежением мещерских воевод Семена Гундорова и Василия Замытского доходили до Нижнего Новгорода, Березополя и Гороховца. В январе татары сожгли Балахну, но затем отступили, уходя от переброшенных сюда из Мурома войск воевод Федора Михайловича Мстиславского и Михаила Михайловича Курбского. Настигнуть главные силы казанцев не удалось. Менее удачно для татар закончилось нападение их небольшого отряда на Коряково на реке Унже: большая часть нападавших была перебита в бою, пленных впоследствии казнили в Москве. В конце июля татары вторглись в костромские места, разгромив на реке Куси русскую заставу князя Петра Васильевича Пестрого Засекина. В бою погибли князь Засекин и воевода Меншик Полев. В Галицком летописце сохранились сведения, что татарские и черемисские отряды осенью 1536 г. приходили и в галицкие места.

В январе 1537 г. войско Сафа-Гирея начало новое наступление. 15 января казанцы «безвестно» дошли лесами до Мурома, и, пользуясь внезапностью нападения, попытались захватить его. Татары выжгли посады, но взять крепость не смогли. Через три дня, после безуспешной осады они поспешно отошли, получив известие о выступлении из Владимира и Мещеры русских воевод: князя Романа Ивановича Одоевского, Василия Андреевича Шереметева и князя Михаила Ивановича Кубенского.

Из-под Мурома казанское войско, с захваченным здесь большим полонем, двинулось к Нижнему Новгороду. Татары выжгли верхний посад, но были отбиты и ушли вниз по Волге к своим границам. В летописях отмечено появление татарских и черемисских отрядов в окрестностях Балахны, Городца, галицких и костромских местах.

---

* Точное число русских пленников, захваченных и увезенных в Крым во время похода 1533 г., не известно, но при продаже их хан Сагиб-Гирей, только в виде «тамги» получил 100 тыс. золотых. – См.: Сыроечковский В.К. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. Историч. серия. Т. 2. 1940. С. 15. Часть полоняников удалось выкупить на великокняжеские и собранные церковью деньги. Только новгородский и псковский архиепископ Макарий осенью 1534 г. переслал в Москву на выкуп пленных 700 рублей. – ПСРЛ. Т. 6. С. 293-294.

Правительство, встревоженное возросшей активностью «казанских людей» и слабым прикрытием восточных территорий, начинает укрепление волжской границы. В 1535 г. новая крепость основывается в Перми, в 1536-1537 гг. строятся города на реке Кореге (Буй-город), «у Соли на Балахне (Балахна), «град деревян в Мещере на реце на Мокше» (Мещера), на реке Обноре в устье р. Учи (Любим) перестраиваются укрепления в Устюге, Вологде. На новое место переносится Темников, после пожаров восстанавливаются укрепления Владимира и Ярославля. В 1539 г. на границе Галицкого уезда возводится город Жиланский, в том же году захваченный и уничтоженный войском казанского князя Чуры Нарыкова.

Разрядные записи 1537 г. впервые содержат роспись воеводам от казанской «украины». Главная рать под командованием «царя» Шах-Али и воеводы Юрия Дмитриевича Шеина встала во Владимире, в Муроме «за городом» находился князь Федор Михайлович Мстиславский, в Нижнем Новгороде («за городом») - Дмитрий Семенович Воронцов. В Костроме «за городом» войсками командовал князь Андрей Иванович Холмский, в Галиче – князь Иван Андреевич Прозоровский. Вскоре рать А.И. Холмского из-под Костромы передвинули на Плес. Примерно такая же расстановка сил на этом рубеже сохранялась в последующие годы.

Весной 1538 г. по полой воде планировался поход русских войск на Казань. Однако в марте, под давлением Крыма, московские власти начали с Казанью переговоры о мире, тянувшиеся до осени 1539 г., когда Сафа-Гирей неожиданно возобновил военные действия, напав на Муром. Его армия, усиленная крымскими и ногайскими отрядами, razорила муромские и нижегородские селенья, отступив затем на свою территорию. Одновременно войско князя Чуры Нарыкова опустошило окрестности Галича и, уничтожив Жиланский городок, двинулось на костромские места. Направленные под Кострому русские полки вступили на Плесе в упорное сражение с татарами. Ценой больших потерь (среди убитых были четыре московских воеводы), русские смогли обратить казанцев в бегство и освободить всех захваченных ими пленных. В 1540 г. 8-тысячное войско Чуры Нарыкова вновь воевало костромские места. «На Солдоге» татары были настигнуты ратью воевод А.И. Холмского и А.Б. Горбатого, однако смогли отбиться и уйти. В бою погибли русские воеводы - князь Борис Сисеев и Василий Кожин-Замытский.

18 декабря 1540 г. 30-тысячное казанское войско, усиленное крымскими и ногайскими отрядами во главе с Сафа-Гиреем, вновь появилось под стенами Мурома. Осада продолжалась два дня. Русский гарнизон в очередной раз отстоял город, но врагу удалось захватить большой полон, частично отбитый пришедшими на помощь касимовскими татарами Шах-Али. Узнав о приближении из Владимира стоявших там великокняжеских полков, Сафа-Гирей отступил, razорив все окрестные селения, и, частично, владимирские и нижегородские места.

Военные действия чередовались с мирными переговорами, в ходе которых лукавый Сафа-Гирей пытался избежать ответных ударов со стороны московских властей, а затем вновь совершал нападения на русские земли. Боярское правительство, разочаровавшись в малоэффективной борьбе с внезапными набегами казанских отрядов, преследование которых затрудняла огромная площадь лесных массивов, сделало ставку на устранение главной причины продолжающегося конфликта – крымского засилья в Казани - руками самих казанцев. С этой целью начался поиск контактов с внутренней казанской оппозицией, недовольной действиями хана, окружившего себя советниками исключительно из «крымских людей». Неудачный поход русского войска 1545 г. еще больше обострил ситуацию*. Сафа-Гирей «почал на князей неверку дрѣжжати», обвинил

---

* Поход 1546 г. примечателен лишь одним обстоятельством. Выступившая на Казань 9 апреля рать кн. С.И. Пункова (Микулинского) соединилась под Казанью с войском кн. В.С. Серебряного, пришедшим туда с Вятки «в един час, яко же из единого двора». Не смотря на такую точность и согласованность действий русских войск, большого успеха они не достигли, видимо, из-за отсутствия тяжелой артиллерии – воеводы были посланы в поход «легьхкым делом в струзах».

многих из них в пособничестве русским и начал казнить. Одной из первых была убита царица Ковгар-Шад, погибли другие видные князья и мурзы. Страх за свою жизнь вынудил казанскую знать выступить против хана. В январе 1546 г. в Казани вспыхнуло мощное антикрымское восстание. Сафа-Гирей был низложен и бежал в Ногайскую Орду. Временное правительство во главе с Чурой Нарыковым, Беурган-Сеитом и князем Кадышем пригласило на ханский престол московского ставленника Шах-Али, но отказались впустить в город прибывший с ним 4-тысячный русский отряд. Вместе с ханом в Казань было допущено всего 100 касимовских татар. Положение Шах-Али и поддержавших его князей было очень непрочным из-за непопулярности нового хана в среде простого народа. На престоле Шах-Али смог продержаться всего месяц. Воспользовавшись помощью ногайских мурз, Сафа-Гирей вновь захватил власть над Казанской землей. Немедленно возобновилась война с Россией, которую не прекратила даже смерть этого хана, последовавшая в марте 1549 г.

* * *

Военные действия шли и на крымском рубеже, где редкий год обходился без новых татарских нападений. В 1533 г. после опустошительного набега на Рязань войск Ислам-Гирея и Сафа-Гирея русское правительство попыталось использовать в своих интересах начавшиеся в Крыму раздоры между Сагиб-Гиреем и Ислам-Гиреем. Ставка была сделана на победу последнего. Действительно, победив в междоусобной борьбе, Ислам-Гирей заключил с Москвой союзное соглашение, однако нападения отдельных татарских отрядов на русские «украины» не прекращались. В 1534 г., еще до ссоры Сагиб-Гирея и Ислам-Гирея, «татары, азовцы и крымцы, многие люди» совершили нападение на рязанские земли лежавшие на реке Проне. Хорошо известная московским властям «шатость» Ислам-Гирея, охотно, за большие поминки обещавшего России дружбу и союз, но не смевшего останавливать крымских мурз, ходивших воевать русские земли, вынуждала бояр по-прежнему беречься неожиданного нападения с юга. В городах, расположенных по крымскому рубежу, стояли многочисленные московские войска, что негативным образом сказывалось на ходе шедшей тогда русско-литовской войны 1534-1537 гг. Длительная осада и захват Стародуба армией гетмана Юрия Радзивилла стали возможными из-за неожиданного крымского нападения. 18 августа 1535 г. начался большой набег на Рязанскую землю войска Чамаш-мурзы, разорившего русские селения «на Смедве и на Безпуте». Южная граница была прикрыта слабо, дозорная служба не смогла обнаружить приближения неприятельского войска и «великому князю вести не учинилось». Русскому командованию пришлось срочно возвращать назад полки, которых перед этим сняли с «берега» и направили осажденному польско-литовской армией Стародубу. С большим опозданием эта рать вновь вышла к Оке.

Сразу же, как и в 1533 г., за Оку были высланы «лехкие воеводы» Роман Иванович Одоевский, Иван Иванович Хабаров, Дмитрий Андреевич и Петр Андреевич Куракины, Михаил Друцкий. Их полки вынудили татар отойти в степь. Однако крымцы не ушли в свои улусы, а стали «на Поле». Копившиеся там неприятельские отряды насчитывали большое количество воинов. По летописным записям татары: «въевав, из украины великого князя пошли и, отошед от Рязани за три днища, стали на Поле», то князь великий воеводам своим не велел за ними ходить того ради, понеже множество людей татарских, а велел въеводам стояти у Оки-реки на берегу». Присутствие у русской границы большого крымского войска не только помешало оказать действительную помощь осажденному Стародубу, но и сорвало готовившийся поход к Вильне. Все свободные московские полки вынуждены были беречь южные рубежи страны. Вскоре после окончания военной тревоги этого лета, московское правительство поспешило восстановить на опасном месте старинный рязанский город Пронск. Решение о начале строительства здесь новой крепости было принято 10 сентября 1535 г.

Как бы ни был вероломен и непостоянен «союзник» Москвы Ислам-Гирей, но смерть, этого хана, погибшего во время нападения ногайского войска, действовавшего по указанию Сагиб-Гирея, несомненно, еще больше ухудшила русско-крымские отношения. Из года в год московские власти выводили на «берег» и в города «от Поля» многотысячные полки, находившиеся в постоянной готовности дать отпор вторгшимся в русские пределы татарским ордам.

Повышенное внимание правительства к защите южного рубежа дало положительные результаты. Неудачей закончились нападения крымцев на белевские и рязанские места в 1536 г., тульские и одоевские места в 1537 г. Это заставило вернувшего себе власть над Крымом хана Сагиб-Гирея начать переговоры с Москвой. Они завершились в сентябре 1539 г. подписанием мира между двумя государствами. Впрочем, крымские «царевичи» и мурзы не считались с принятыми ханом обязательствами и продолжали совершать набеги на Русь. Так, уже в октябре 1539 г. отряды «царевича» Эмин-Гирея (Амина) сына Сагиб-Гирея прорвались в окрестности Каширы. Дойдя до реки Оки восточнее этого города, татары захватили там большой полон и безнаказанно ушли назад.

Хрупкий мир продержался до осени 1540 г. Причиной начала новой войны стало обострение русско-казанских отношений. Узнав о выступлении московского войска в новый поход на Казань (об этом сообщил крымскому хану его гонец Азифергат, выехавший из русской столицы 8 мая 1541 г. и лично видевший отправлявшиеся на войну войска), Сагиб-Гирей решил воспользоваться удачным стечением обстоятельств и нанести решающий удар по Москве. Для участия в походе на Русь он испросил помощи у турецкого султана и получил ее в начале лета 1541 г. Так начали воплощаться в жизнь воинственные намерения крымского хана, о которых он еще в 1540 г. сообщал польскому королю через посредство Семена Бельского. Сигизмунд I не скрывал своей радости, узнав, что вместо задуманного вторжения на литовские земли, Сагиб-Гирей хочет напасть на Россию.

Поход начался 5 июля 1541 г. Однако внезапного удара по Москве у Сагиб-Гирея не получилось. О выступлении на Русь крымской армии, усиленной турецкими войсками, ногайскими и астраханскими отрядами, сообщили в Москву два беглых русских полонянника («Якимко Иванов человек Любучанинов с товарищем»). Они рассказали, что Сагиб-Гирей «всю орду с собою поведе, а оставил в орде стара да мала», что неприятельские войска собираются на Днепре у Ислам-Керменя.

Сведения беглецов подтвердила спешно посланная по великокняжескому приказу из Путивля «на Поле, поперек дорог» станица Гаврилы Толмача. В верховьях Северского Донца его отряд «наехал на поле сакмы великие, шли многие люди к Руси, тысяч со сто и более». Оставив в степи часть бывшего с ним отряда, станичный голова спешно, через Рыльск поскакал в Москву, куда прибыл 25 июля 1541 г. Вскоре туда же прибыл другой станичный голова Алексей Кутуков, сообщивший, что он видел татар и «на сей стороне Дону, на Сновах <...> шли черезо весь день полки, а конца им [он] не дождался».

Сведения, привезенные А. Кутуковым, содержали очень важную информацию. Татары двигались на Русь не Муравским шляхом, а путем Мухаммед-Гирея, в 1521 г. сумевшего прорвавшегося к Москве через коломенские места.

Угроза, нависшая над страной, вынудила московских бояр принять экстренные меры. Главные силы под командованием князя Д.Ф. Бельского сосредоточились у Коломны, встав «по берегу по полком», там, «где наперед того воеводы стояли против царей на берегу». Другие рати заняли позиции на правом берегу Оки. В Зарайске («у Николы Зараского») находились воеводы князь Семен Иванович Микулинский и князь Василий Семенович Серебряный. Под Рязанью – князь Михаил Андреевич Трубецкой, в Туле – князь Петр Андреевич Булгаков и князь Иван Михайлович Хворостинин, в Калуге – князь Роман Иванович Одоевский. В резерве, на случай неожиданного прорыва за Оку на реке Пахре разместилось войско под командованием князя Юрия Михайловича Булгакова

и «царевича Шигалея Шибанского», тезки изгнанного казанского «царя Шигалея» (Шах-Али), выступившего тогда с касимовским войском к Владимиру для охраны восточных рубежей Московского государства.

28 июля 1541 г. крымское войско вышло к русским границам. Первый удар обрушился на новую каменную крепость Зарайск (в летописях тогда именовавшуюся Осетром). Горожане, под командованием воеводы Назара Глебова, сумели отбиться в посадах «и к граду приступати не дали». В бою они захватили 9 пленных, которых немедленно переслали в Москву. Первая неудача не обескуражила Сагиб-Гирея, который ограничился уничтожением обезлюдевших окрестных селений. Отступив от Зарайска, он повел свою армию к Оке, куда с Пахры прибыло и русское резервное войско. На место ушедших к «берегу» полков на Пахру направили новые рати во главе с воеводами Василием Михайловичем Щенятевым и Иваном Ивановичем Челядниным. Великий князь Иван IV, номинально возглавлявший русскую армию, отпустил с ними «двора своего многих людей», тогда же было объявлено осадное положение в Москве, которую стали деятельно готовить к обороне.

К Оке «против Ростиславля» крымская армия вышла утром 30 июля. Все «перелазы» на противоположный берег оказались прочно прикрыты русскими полками и заставами. Сагиб-Гирей, тем не менее, решил прорываться, надеясь на прибывшую с ним турецкую артиллерию. Под прикрытием пушечного огня, татары начали переправляться через реку в своих «тарах», но прибытие новых русских полков вынудило крымского хана прекратить наступление и отойти в «станы своя».

Русская позиция на Оке еще более укрепилась после прибытия на «берег» в ночь с 30 на 31 июля большого «наряда». На следующее утро Сагиб-Гирей, не решаясь начинать чреватое гибелью всей армии сражение, отступил от Оки, решив изменить направление удара. Его войска двинулись на Пронск. 3 августа татары вышли к этому городу и начали штурм, подвергнув его сильному артиллерийскому обстрелу. В это время в Пронске находились воеводы Василий Жулебин и Александр Кобяков «не с многими людьми». Тем не менее, им удалось отстоять город. На следующую ночь, узнав о приближении русского войска, Сагиб-Гирей, бросил бесполезный «наряд» начал отходить в степь. Ему удалось переправиться за Дон до подхода больших московских воевод князя Юрия Андреевича Оболенского-Пенинского и князя Василия Семеновича Мезецкого. В отместку за неудачу Сагиб-Гирея, сын хана Эмин-Гирей «от отца своево отворотил со многими людьми» и попытался напасть на одоевские места, но настигнутый войском Владимира Ивановича Воротынского, был разбит и также бежал «в Поле». 45 пленных татар воевода Воротынский прислал в Москву.

Успешное отражение нашествия 1541 г. ознаменовало собой закрепление новой линии русской обороны на юге. Старый оборонительный рубеж по берегам рек Оки и Угры – надежный, но слишком удаленный от новых границ - с этих пор становится резервной, тыловой позицией. Новый фронт проходил теперь гораздо южнее по черте: Козельск – Одоев – Крапивна - Тула – Зарайск – Переяславль-Рязанский, с вынесенными вперед «в Поле» городом Пронском и «поставленным» позднее в 1551 г. городом Михайловым.

После «царева приходу» 1541 г. набеги крымских отрядов совершались в основном на менее укрепленные северские и рязанские места. В марте 1542 г. «царевич» Эмин-Гирей, воевал на Северщине, «с многими людьми» он приходил к Путивлю, Стародубу и Новгороду-Северскому. В августе того же года татарские мурзы во время внезапного нападения захватили большой полон в рязанских местах (между Переяславлем-Рязанским и Зарайском). Им удалось увести его в свои улусы, несмотря на энергичное преследование шедших за ними вдогонку, до реки Мечи, великокняжеских воевод. Набеги происходили и в последующие годы (так, в декабре 1544 г. напавший «безвестно» тот же Эмин-Гирей сумел «попленить многих людей» в белевских и одоевских местах), однако, большой угрозы русскому порубежью они уже не несли.

Изучение русских войн второй половины XV – начала XVI в. с Казанским и Крымским ханствами, Швецией, Ливонским орденом и Литвой показало, что в ходе этих вооруженных конфликтов Московское государство смогло добиться значительных успехов и укрепить свои международные позиции. Первоначальным успехам Москвы способствовало сближение с Крымом. В союзе с ханом Менгли-Гиреем великому князю Ивану III удалось разгромить враждебную им Большую Орду (Улуг Улус), в 1487 г. с помощью русских полков на казанский престол взошел союзник московского государя Мухаммед-Эмин, стабилизировались карельские, новгородские и псковские рубежи. Все это позволило Ивану III развернуть настоящее наступление на западном и юго-западном направлениях, присоединить к своему государству не только спорные земли князей Новосильских, но и верховские, черниговские, новгород-северские и некоторые другие порубежные волости и города (Вязьму, Белую, Торопец, Дорогобуж). Аннулированными оказались старые права литовских князей на Новгород, Великие Луки и Ржевские волости, на сторону усиливающейся Москвы, не взирая на подтвержденный обеими сторонами соответствующий запрет 1494 г., переходят со своими земельными владениями все новые представители литовско-русской знати. Василий III продолжил политику отца и открыто объявил, что Вильна «неправдоу» держит их «отчину» – Киев, Полоцк и другие города Русской земли. Требование о возвращении этих территорий становится неременным условием в «запросах» московских послов, парализующим встречные претензии литовской дипломатии.

Подкрепляя свои декларации военной силой московские государи во время частых военных столкновений этого периода отвоевали у Великого княжества Литовского почти все левобережье Днепра. Отряды русских воевод достигали окрестностей Орши, Витебска, Полоцка, Минска, во время мятежа Глинских 1507-1508 гг. войска этих князей, усиленные московскими полками доходили почти до Вильны, действовали за Клецком и под Слонимом. Разорение значительной части территории подрывало военный и экономический потенциал Великого княжества Литовского, вынуждая Ягеллонов искать союзников в непрерывающейся борьбе с Московским государством. Несомненным успехом их дипломатии стало вовлечение в это противостояние военных сил татарских ханств. Однако разрывая русско-крымский союз, власти этого государства руководствовались в первую очередь не литовскими, а своими собственными интересами.

В 1502 г. перестала существовать соперница Крымского ханства Большая Орда, в войне с которой хан Менгли-Гирей постоянно опирался на русскую помощь. Так исчезла главная объективная предпосылка к сохранению равноправного союза Москвы и Крыма. Более того, улусы Большой Орды, включенные в состав Крымского юрта, почти удвоили его численность и неизмеримо усилили боевые возможности перекопского «царя». Менгли-Гирей почувствовал себя властителем всей Татарии, а не только степей Причерноморья. В этой связи, его не могло не тревожить быстрое и зримое увеличение военного могущества России, проявившееся на рубеже XV и XVI вв. В остром противоборстве с Великим княжеством Литовским за западнорусские земли чаша весов явно клонилась на сторону Москвы, что вызывало сильные опасения в Киркоре (Кырк-Ере) и Бахчисарае, ставшем новой столицах Крымского ханства. Еще более осложнило отношения двух государств установление мягкой, но оскорбительной для других татарских юртов зависимости Казани от России, в особенности организованное Москвой устранение с казанского престола хана Абдул-Латифа, мать которого Нур-Салтан в третьем браке была замужем за Менгли-Гиреем. В отличие от Мухаммед-Эмина, выросшего в Москве, его брат Абдул-Латиф воспитанный в Крыму, остался тесно связан с его правителями и пытался вернуть независимость своему государству. Но в январь 1502 г. Абдул-Латиф свергли и выдали русскому послу князю Василию Ивановичу Ноздроватому Звенигородскому сами татары. Заподозренный в желании разорвать отношения с Москвой он был сослан на

Белоозеро. Лишь после многочисленных обращений Менгли-Гирея в феврале 1505 г. Абдул-Латиф, как почетный пленник был привезен в Москву, а в декабре 1508 г. освобожден и пожалован городом Юрьевцем. В дальнейшем бывший хан был заложником русско-крымских отношений и в 1512 г., после нападения татар на белевские, одоевские и алексинские места, он был вновь арестован. Из заточения Абдул-Латиф был выпущен только в 1516 г., по просьбе тяжело больного казанского хана Мухаммед-Эмина, хотевшего передать престол своему младшему брату. Абдул-Латиф получил в кормление Каширу, но не был отпущен в Казань. Перспектива его воцарения настолько встревожила московские власти, что они приняли необходимые меры и 19 ноября 1517 г. Абдул-Латиф внезапно умер, как писал Сигизмунд Герберштейн и полагают некоторые исследователи, насильственной смертью.

Устранение русской стороной Абдул-Латифа лишь ненадолго стабилизировало обстановку в Казанском ханстве. Здесь сохранялись силы, заинтересованные в разрыве отношений с Москвой и переориентации Казани на тесный союз с крымскими ханами.

Начало открытой конфронтации Русского государства с Крымским ханством и возобновление казанских и ногайских набегов существенно ослабили движение Москвы на западнорусские земли. В этих условиях русское командование вынуждено было усилить оборону южных границ, свернуть наступательные операции на литовском рубеже и даже смириться с потерей Гомеля, захваченного польско-литовскими войсками в июле 1535 г. и отошедшего Литве по Московскому договору 1537 г. В дальнейшем, временное затишье на западных рубежах страны, военные мероприятия Избранной рады, в ходе которых произошло укрепление русских вооруженных сил, усиление их за счет «приборных» войск, мобилизация всех свободных ресурсов страны для продолжения борьбы с Казанью и Крымом, позволили Москве перейти к более активным и решительным действиям в отношении враждебных ей татарских государств. Первым должно было подвергнуться русской атаке Казанское ханство, находившееся в непосредственной близости от границ Московской Руси.

Глава 2

ВОЙНЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

В середине XVI в. начинается второй этап развития вооруженных сил Русского государства вооруженных сил Русского государства, особенности которого определило осуществление разработанной Избранной радой большой военной программы. В эти годы был реформирован порядок службы поместного войска - главной ударной силы московской армии. Однако временный характер службы дворянского ополчения перестал устраивать правительство, поэтому оно начинает формирование «приборных» стрелецких и казачьих частей, размещенных в качестве постоянных гарнизонных войск по городам Московского государства. В военное время лучшие из них включались в состав полевых армий, усиливая огневое прикрытие дворянских сотен. Тогда же было упорядочено управление вооруженными силами, в дополнение к Разрядному и Поместному приказам, созданы Стрелецкий, Пушкарский, Бронный, Каменных дел и другие приказы. Располагая более многочисленной и лучше организованной армией, правительство приступило к покорению Северного и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Западной Сибири. Завоевательным планам Москвы пытались воспрепятствовать Крым и Турция, эти государства усилили военный нажим на Россию, не ограничиваясь обычными грабительскими набегами, но устраивая большие походы в глубь русской территории.

На северных и северо-западных границах Московского государства в первой половине XVI в. обстановка оставалась достаточно спокойной, выгодно отличаясь этим от

других рубежей Руси, где шли почти непрерывные войны, требовавшие привлечения всех военных ресурсов страны.

Причиной полувекового мирного развития отношений России с Ливонским орденом и Шведским королевством являлась взаимная заинтересованность сторон в сохранении устоявшейся пограничной линии, определенной предшествующими соглашениями. Среди других факторов, предопределивших миролюбивую политику сопредельных с Московской державой государств, выделяются: заметное ослабление немецкого рыцарского государства в Прибалтике, а также длительное военное противостояние Дании со сторонниками независимости Швеции, продолжавшееся до 1523 г., когда была расторгнута Кальмарская уния. С другой стороны, Россия, силы которой истощались частыми нападениями татар и войнами с Великим княжеством Литовским, до поры до времени, была заинтересована в развитии добрососедских отношений с Венденом и Стокгольмом. Отношений в целом достаточно спокойных, невзирая на раздражавшее Москву стремление ливонских и шведских властей прервать или ограничить крепнувшие контакты Руси с другими европейскими государствами.

Переломным в истории взаимоотношений наших стран стал 1554 г., когда разразилась новая русско-шведская война, начатая королем Густавом I Вазой. Ее локальный характер не должен вводить в заблуждение. Именно эта авантюра правителя Швеции привлекла внимание царя Ивана Васильевича к балтийской проблеме, а победа русского оружия вселила уверенность в слабости противостоящих ему немецких государств, в возможность их быстрого завоевания и подчинения. «Если бы не ваше злобное сопротивление, - корил позже Иван Грозный Андрея Михайловича Курбского и его единомышленников, - то, с божьей помощью, уже вся Германия была бы под православными».

Это убеждение русского самодержца ввергло Россию в один из самых затяжных и тяжелых в нашей истории конфликтов - Ливонскую войну. Поражение в ней сказывалось спустя много лет, и даже последующий реванш - отвоевание во время русско-шведской войны 1590-1595 гг. потерянных по Плюсскому перемирию городов (Ивангорода, Яма и Копорья) не смогло компенсировать понесенных во время Ливонской войны людских потерь и экономического разорения страны.

Таким образом во второй половине XVI в. России приходилось воевать на несколько фронтов: против Швеции, Крымского ханства и Речи Посполитой. Это обстоятельство ослабляло русскую военную силу, вынуждало правительство, сосредотачивая войска на главном направлении, прикрывать и другие границы. Изучение общего и особенного в войнах этого периода военной истории Московского государства предполагает подробное и систематическое рассмотрение происходивших тогда вооруженных конфликтов.

1. КАЗАНСКИЕ ПОХОДЫ ИВАНА IV. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

В середине 40-х гг. XVI в. в русской восточной политике наметился существенный перелом. Окончание эпохи боярского правления положило конец колебаниям Москвы в отношении Казанского ханства. Причина крылась в поведении Сафа-Гирея, упорно цеплявшегося за союз с Крымом и постоянно нарушавшего мирные соглашения с Россией, и казанских князей, обогащавшихся за счет набегов на приграничные русские земли. Игнорировать враждебные действия поволжских татар и мириться с ними в Москве уже не могли. В те годы определяющее влияние на политику Русского государства оказывал митрополит Макарий, являвшийся инициатором многих предприятий молодого Ивана IV в 1547 г., принявшего на себя бразды правления в стране. Постепенно в окружении

митрополита вызревала идея силового подчинения Казанского царства России как единственного средства прекращения татарских вторжений на свои восточные земли. При этом полного завоевания и подчинения Казани не предусматривалось. Гарантией лояльности по отношению к Русскому государству должно было стать утверждение на казанском престоле пользующегося доверием Москвы «царя» Шах-Али и введение в столицу ханства русского гарнизона. В ходе военных действий 1547-1552 гг. эти планы Москвы подверглись существенной корректировке.

Известно несколько казанских походов Ивана IV, в большинстве из которых он принимал личное участие. Это обстоятельство подчеркивало значение, придававшееся данным походам государем и его ближайшими советниками. Почти все кампании проходили зимой, когда становились безопасными южные рубежи страны, и можно было, без оглядки на Крым, выводить войска на Волгу. Первой пробой сил, предпринятой Иваном Васильевичем на восточном направлении, стала «посылка в казанские места» войска воевод князя Александра Борисовича Горбатого и князя Семена Ивановича Микулинского. Полки под их командованием были отправлены из Нижнего Новгорода в феврале 1547 г. в ответ на обращение о помощи черемисского сотника Атачика (по летописной версии Тугая) «с товарищи», заявивших о желании «великому князю служить». Сам царь в походе не участвовал из-за состоявшейся 3 февраля свадьбы с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой, но внимательно следил за ходом экспедиции. Русская рать дошла до Свияжского устья «и казанских мест многие повоевали», но затем вернулась в Нижний Новгород.

Во главе следующего похода на Казань встал сам царь. О принятом решении сообщалось необычайно торжественно: «Тоя же осени умыслил царь и великий князь Иван Василиевич всеа Русии с митрополитом и з братьею и з боляры идти на своего недруга на казаньского царя Сафа-Кирея и на клятвопреступников казанцов за их клятвопреступление». В ноябре 1547 г. из Москвы во Владимир направили войска во главе с воеводой Дмитрием Федоровичем Бельским, а 11 декабря туда же отбыл сам Иван Васильевич. Во Владимире были сосредоточены «для казанского дела» в основном пехотные полки и «наряд» - московская артиллерия. Войску предстояло выступить к Нижнему Новгороду, а затем на Казань. На Мещере готовилось к наступлению вторая армия под командованием Шах-Али и воеводы Федора Андреевича Прозоровского. В ее состав входили конные полки, которые должны были идти через степь к назначенному на устье реки Цивили месту встречи двух ратей. Из-за небывало теплой зимы 1547/1548 гг. выступление войск в поход затягивалось. «Наряд» прибыл во Владимир только после Крещения (6 декабря) «с великою нужею, понеже быша дожди многие, а снегов не беша ни мало». Главные силы достигли Нижнего Новгорода лишь в конце января, и только 2 февраля, армия вниз по Волге направилась к казанской границе

Однако уже через два дня из-за нового потепления полкам пришлось остановиться на острове Работка. «И неким смотрением Божиим, - читаем мы в летописи, - приде теплота велика и мокрота многая, и весь лед покры вода на Волзе и пушки многие проваляшеся в воду, многая бо вода речная на лед наступи, и никакоже по леду никому поступити невозможно, и многие люди в проушинах потонуша». Потеря большей части осадной артиллерии, утонувшей в Волге в самом начале похода, не сулила больших успехов задуманному предприятию. Несомненно, именно это обстоятельство вынудило царя вернуться в Нижний Новгород, а затем в Москву. Оставленная на Работке армия двинулась дальше и, соединившись 18 февраля на р. Цивиле с полками Шах-Али, достигла Казани. В битве на Арском поле воинам Передового полка князя С.И. Микулинского удалось разбить войско хана Сафа-Гирея и «втоптать» его остатки в город. Однако отсутствие осадного «наряда» вынудило русских военачальников, простоявших под стенами ханской столицы 7 дней, отступить к своему рубежу.

В ответ на этот поход произошло ответное нападение большого казанского отряда Арака-богатыря на галицкие места. Костромской наместник Захарий Петрович Яковлев,

своевременно извещенный о набеге, настиг и разгромил отягощенного полоном и добычей противника на Гусевом поле, на реке Езовке.

Второй казанский поход Ивана IV стал неизбежным после получения Москвой 25 марта 1549 г. известия о кончине хана Сафа-Гирея, «убившегося в своих хоробах»: хан случайно ударился головой об умывальный теремец. Казанцы попытались получить нового «царя» из Крыма, однако их послы не справились с возложенной на них миссией, В результате новым ханом был провозглашен двухлетний сын Сафа-Гирея - Утемыш-Гирей, именем которого стала править его мать ханша Сююн-Бике. Эту важнейшую новость сообщили в Москву «великого князя казаки Урачко с товарищи», перехватившие «на Поле» казанских послов. Русское правительство решило воспользоваться наступившим в Казани династическим кризисом и нанести мощный удар по татарскому ханству. Разряды упоминают о походе в казанские места в июне 1549 г. воевод Бориса Ивановича и Льва Андреевича Салтыковых, носивший, по-видимому, разведывательный и, отчасти, диверсионный характер. Направить на Волгу большие силы тогда не удалось – лучшие русские рати с апреля до начала осени 1549 г. стояли в городах «от Поля» и по «берегу», охраняя южную границу.

Зимний поход 1549/1550 гг. готовился более основательно. Полки собирались во Владимире, Суздале, Шуе, Муроме, Костроме, Ярославле, Ростове и Юрьеве. 20 декабря из Владимира в Нижний Новгород кратчайшей дорогой с осадной артиллерией отправились воеводы Василий Михайлович Юрьев и Федор Михайлович Нагой. В поход войско провожали специально прибывшие во Владимир митрополит Макарий и крутицкий владыка Сава. В послании митрополита есть чрезвычайно важный призыв, адресованный воеводам и детям боярским: идти в поход «без мест». Получив благословение митрополита, царь во главе собранных полков выступил «на свое дело и на земское» к Нижнему Новгороду, откуда 23 января 1550 г. русское войско вниз по Волге направилось в татарскую землю.

Под Казань полки пришли 12 февраля и начали готовиться к осаде хорошо укрепленной крепости. Однако погодные условия вновь оказались не на русской стороне. По свидетельству летописцев наступило «в то время аерное нестроение, ветры силние, и дожди великие, и мокрота немерная; и из пушек и ис пищалей стреляти не мощно, и к городу приступати не възможно за мокротою. Царь и великий князь стоял у города 11 ден, а дожди по вся дни быша и теплота и мокрота великие; речкы малые попортило, а иные многие прошли, а приступати к городу за мокротою не угодно. И царь великий князь, видевав такое нестроение, пошел от града Казани прочь во вторник <...> февраля 25».

Основная причина неудачных походов 1547-1550-х гг. скрывалась в невозможности наладить правильное снабжение войск, вынужденных действовать на вражеской территории, вдали от своих городов. С целью исправления положения дел было решено в будущем 1551 году в устье реки Свяги, на Круглой горе, «промеж Щучья озера и Свяги-реки» (в 20 верстах от Казани) построить новую крепость. Превратив ее в крупную базу, русские войска могли контролировать все правобережье («Горную сторону») Волги и ближние подступы к Казани. Основной набор стен и башен, а также жилых помещений и двух храмов будущей русской твердыни зимой 1550/1551 г. заготовили на Верхней Волге в Углицком уезде в вотчине князей Ушатых. Надзирал за ее строительством государев дьяк Иван Григорьевич Выродков, которому предстояло не только изготовить крепость, но затем, в разобранном виде, доставить ее к устью Свяги. Эту сложнейшую инженерную операцию сопровождал целый ряд мероприятий, призванных изменить ход военных действий против волжских татар.

Главная роль в акции прикрытия фортификационных работ на Круглой горе отводилась рейду князя Петра Семеновича Серебряного, получившему весной 1551 г. приказ идти с полками «изгоном на казаньской посад». Одновременно с этим Вятская рать Бахтеара Зюзина и волжские казаки должны были занять все перевозы по основным транспортным артериям ханства: Волге, Каме и Вятке. На помощь Б. Зюзину из Мещеры

выслали 2500 пеших казаков во главе с атаманами Севергой и Елкой. Им предстояло пройти «Подем» к Волге и «суды поделать да пойти вверх по Волге воевати казанских мест». Дальнейшая хроника этой войны упоминает атамана Севергу с связи с его действиями на Вятке в составе рати воеводы Б. Зюзиным, что свидетельствует о благополучном завершении казачьего похода из Мещеры на Волгу. Другие отряды служилых казаков действовали в Нижнем Поволжье. На них жаловался царю Ивану IV нурадин Ногайской орды Измаил, писавший, что его казаки «у Волги оба берега отняли и волю у нас отняли и наши улусы воюют».

Войско князя П.С. Серебряного выступило из Нижнего Новгорода на Казань 16 мая 1551 г. и уже 18 мая было под стенами города. Нападение русского войска оказалась для татар полной неожиданностью. Воинам князя Серебряного удалось ворваться в посад и, пользуясь внезапностью своей атаки, нанести противнику ощутимый урон. Однако казанцам удалось перехватить инициативу и потеснить русских, вынужденных отступить к своим кораблям. Во это время были окружены и взяты в плен 50 стрельцов вместе со стрелецким сотником Афанасием Скоблевым.

Отступив от Казани, войско князя Серебряного встало лагерем на реке Свияге, дожидаясь прибытия туда армии Шах-Али и доставки основных конструкций будущей крепости. Огромный речной караван вышел в путь в апреле, а подошел к Круглой горе только в конце мая 1551 г.

В апреле из Рязани «на Поле» двинулось войско воевод Михаила Ивановича Вороного и Григория Ивановича Филиппова-Наумова. Перед ними была поставлена задача прервать сообщение Казани с Крымом: «нечто пойдут ис Казани казанские люди в Крым по царевича или как царевич ис Крыму или крымские люди пойдут в Казань, и им над ними дела царева и великого князя беречи».

Активность русских войск ошеломила казанцев и отвлекла их внимание от начатого 24 мая строительства на Свияге. Крепость, была построена за четыре недели, несмотря на явный просчет строителей, неверно определивших общую длину стен будущего города. Об этом совершенно определенно говорится в летописи: «город же, которой сверху привезен, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярьские своими людьми тотчас зделали»*. Новая крепость, нареченная «во царское имя» Ивангородом Свияжским (Свияжском) и стала русским форпостом в Казанском ханстве. Возведение сильной крепости в самом сердце татарского государства продемонстрировало силу Москвы и способствовало началу перехода на русскую сторону ряда поволжских народов - чувашей и черемисов-марийцев. Полная блокада водных дорог ханства московскими отрядами усугубляла сложную ситуацию. В Казани назревало недовольство правительством, составленным из крымских князей во главе с уланом Кошцаком, главным советником ханши Сююн-Бике. «И крымцы видев то, что им от казанцов быти отданными государю, събрався все да пограбя, что възможно, побежали ис Казани». Однако уйти этому отряду, насчитывающему «триста человек уланов и князей и азеев и мурз и казаков добрых», не удалось. На всех перевозах стояли крепкие русские заставы, обойти которые было невозможно. В поисках безопасной переправы крымцам пришлось значительно отклониться от первоначального маршрута. Отряд Кошцака вышел «к Вятке-реке, а уже тут не почали великого князя людей, стояли бо утаяся по сторожам». Татары изготовили «тары» и стали переправляться через реку. В этот момент их атаковала находившаяся в засаде вятская рать Бахтеяра Зюзина, усиленная казаками атаманов Федора Павлова и Северги. Большую часть крымцев перебили, а 46 человек во главе с уланом Кошцаком попали в плен. Схваченных татар привезли в Москву, где «государь их за их жестосердие казнить велел смертию».

---

* ПСРЛ. Т. 13. С. 164. Крепостные стены Свияжска протянулись на 1200 саж. Прясла (участки стены между башнями) состояли из 420 городен; в крепости было 11 башен, 4 стрельницы и 6 ворот, стены и башни имели 2 яруса бойниц, предназначенных для ведения артиллерийского и ружейного огня.

Новое правительство, которое возглавили оглан Худай-Кул и князь Нур-Али Ширин, вынуждено было пойти на переговоры с русскими властями и согласиться принять ханом угодного Москве «царя Шигалея» (Шах-Али). 11 августа 1551 г. казанские послы князь Бибарс Растов, мулла Касим и ходжа Али-Мерден согласились выдать русской стороне хана Утемыша и «царицу» Сююн-Бике, признать присоединение к России горной (западной) стороны Волги, запретить христианское рабство и принять ханом Шах-Али. 14 августа 1551 г. на поле в устье реки Казанки (в 7 км от Казани) состоялся курултай, на котором татарская знать и духовенство одобрили заключенный с Москвой договор. 16 августа состоялся торжественный въезд нового хана в Казань. Вместе с ним «для полону и иных для управных дел» приехали русские представители: боярин Иван Иванович Хабаров и дьяк Иван Григорьевич Выродков, которым на следующий день казанские власти передали 2700 наиболее видных русских пленных.

Правление нового казанского «царя» продолжалось недолго. Обезопасить себя и немногих своих сторонников Шах-Али мог только одним способом – пополнив казанский гарнизон за счет русских войск. Но, несмотря на шаткость положения, хан согласился ввести в Казань лишь 300. касимовских «князей и мурз и казаков» и 200 стрельцов. Между тем, вынужденное согласие Шах-Али выполнить ряд требований московского царя, в том числе выдать русских пленных, окончательно подорвало авторитет казанского правительства. Отказа Москвы на просьбы Шах-Али о возвращении под власть Казани присягнувших России жителей «Горной» половины ханства вызвало еще большее недовольство татар. Хан попытался силой подавить оппозицию, но, начатые им репрессии лишь усугубили ситуацию. В связи с этим в Москве, где внимательно следили за развитием событий в Казани, стали склоняться к принятию предложения, высказанного ее сторонниками из числа казанской знати: об удалении Шах-Али и замене его русским наместником. Неожиданные действия хана, узнавшего о предстоящей передаче власти прямому представителю Москвы и решившего покинуть престол, не дожидаясь официального уведомления, спутало карты сторонников такой рокировки. 6 марта 1552 г. Шах-Али под предлогом поездки на рыбную ловлю покинул Казань. Захватив в качестве заложников сопровождавших его князей и мурз (всего 84 человека), он ушел под русскую защиту в Свияжск. Вскоре после этого в Казань были направлены московские воеводы, но вступить в город им не удалось. 9 марта 1552 г. подстрекаемые князем Исламом, князем Кебеком и мурзой Аликеем Нарыковым, горожане восстали. В ходе переворота к власти пришла партия сторонников возобновления войны с Россией во главе с князем Чапкуном Отучевым. Новым ханом стал астраханский царевич Едигер-Мухаммед, войска которого начали военные действия против русских отрядов, стараясь очистить от них Горную половину ханства. В одном из боев был взят в плен и казнен казачий атаман Северга., разделивший судьбу еще 180 русских воинов, большинство из которых оказались в плену во время переворота произошедшего в Казани 9 марта 1552 г. Москва не могла смириться с крахом планов в отношении Казани, и приступила к подготовке очередного похода на татар. Немедленно возобновилась блокада русскими отрядами-заставами казанских речных путей.

Подготовка нового похода на Казань началась ранней весной 1552 г. В конце марта - апреле в Свияжск из Нижнего Новгорода отправили осадную артиллерию, боевые припасы и продовольствие. В апреле-мае для участия в походе, в Москве и других городах собрали войско численностью 150 тысяч человек). К маю 1552 г. полки сосредоточились в Муроме (Ертоульный полк), Кашире (Правой руки полк), Коломне (Большой полк,левой руки полк, Передовой полк). Часть собранных в Кашире, Коломне и ее окрестностях ратей, выдвинувшись к Туле, отразили нападение на русские «украины» крымских татар хана Девлет-Гирея, старавшегося сорвать завоевательные замыслы московского командования. Перекопскому «царю» только на 4 дня удалось отсрочить выступление русской армии на Казань.

Поход начался 3 июля 1552 г. Войска двигались двумя колоннами. Сторожевой полк, Лево́й руки полк и Государев полк во главе с царем шли через Владимир, Муром на реку Суру, к устью реки Алатырь, где тогда же был заложен одноименный город. Большой полк, Право́й руки полк и Передовой полк, которыми командовал князь Михаил Иванович Воротынский двигались к Алатырю через Рязань и Мещеру. Соединение двух ратей произошло у Борончеева Городища за рекой Сурой. Проходя в среднем по 25 км. в день, 13 августа русское войско достигло Свияжска, а 16 августа начало переправу через Волгу, занявшую 3 дня. 23 августа огромная армия подошла к столице Казанского ханства.

Противник успел хорошо подготовиться к новой войне и будущей осаде и укрепил расположенный на господствовавших над окружающей местностью возвышенностях город. Казанский кремль был обнесен двойной дубовой стеной, заполненной щебнем и глинистым илом, с 14 каменными башнями-«стрельницами», находившиеся одна от другой на расстоянии не превышавшем двойного полета стрелы (ок. 500 м.). Подступы к городу прикрывали русла рек Казанки - с севера и Булака - с запада. С других сторон, особенно со стороны Арского поля, наиболее удобной для организации осадных работ, Казань окружал большой ров, достигавший 3 сажень (6,5 м.) в ширину и 7 сажень (15 м.) в глубину. Наиболее уязвимым местом крепости были 11 ворот, хотя они были прикрыты башнями и дополнительными укреплениями из тарас. На городских стенах, для защиты воинов от обстрела со стороны противника, были устроены парапеты высотой в 140 см., над которыми была возведена деревянная кровля. Помимо внешних укреплений Казани в самом городе была устроена внутренняя цитадель, которая находилась в северо-западной части города, на естественной возвышенности. Там стояли «палаты царские и мечети, зело высокие мурованные». От остального города дворец был отделен глубокими оврагами и внутрикрепостной каменной стеной.

На этот раз татары не ограничились укреплением своего главного города. В 15 верстах к северо-востоку от Казани, на Высокой горе в верховьях реки Казанки, был сооружен острог, подступы к которому надежно прикрывали топкие болота и засеки. Острог служил оперативной базой 20-тысячной конной рати царевича Япанчи, Шунакмурзы и арского (удмуртского) князя Евуша. Это войско готовилось совершать внезапные нападения на тылы и фланги русской армии, в случае начала осады Казани. Однако, достаточно продуманные меры борьбы с русскими, оказались на этот раз мало эффективными, прежде всего из-за неравенства сил. 150-тысячной армии московского царя противостояло 60-тысячное татарское войско, разделенное на два отряда: 20-тысячный отряд Япанчи и 40-тысячный казанский гарнизон, в состав которого вошло не только все мужское население Казани, но и 5 тысяч мобилизованных восточных купцов. Успеху предприятия способствовало использование русским командованием новейшего для того времени средства разрушения оборонительных сооружений - устройства подземных минных галерей. Опасности таких методов борьбы совсем не знали казанцы.

Сражение за Казань началось, как только русские войска приблизились к городу. Начали его татары, атаковав шедший впереди армии Ертоульный полк. Момент для нападения был выбран очень удачно. Ертоул только что переправился через реку Булак и поднимался по крутому склону Арского поля, а другие русские полки находились на другом берегу и не могли оказать немедленной помощи своему авангарду.

Вышедшие из крепости татарские отряды с двух сторон (от Ногайских и Царевых ворот) ударили по русскому полку. Казанское войско насчитывало 10 тыс. пеших и 5 тыс. конных воинов. Нападающие действовали быстро и решительно и едва не добились победы. Положение спасли находившиеся при Ертоуле казаки и стрельцы. Растянувшись в линию с левой стороны двигавшегося к Казани полка, они открыли по противнику огонь из своих длинных пищалей. Татарские отряды смешались, тем временем к месту боя подоспели новые стрелецкие приказы, также начавшие обстреливать находившуюся в первых рядах казанского войска конницу. Не выдержав меткого огня русских стрелков, конные татары обратились в бегство, смяв оказавшиеся у них на пути отряды пеших

воинов. Первое столкновение закончилось победой русского оружия. Вслед за Ертоулом на Арское поле вступили и другие полки.

Начав осаду Казани, русские окружили крепость траншеями и окопами («закопами») и турами*, а в некоторых местах и тыном. 27 августа «повеле государь ... наряд большей прикатити к турам ... и начали безыпрестани по граду бити стенобитным боем и верхними пушками (мортирами – В.В.) огненными побиваху многих людей; также и стрелцы пред турами в закопах не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побиваша». В числе орудий, из которых велся артиллерийский обстрел города были и «великие» пушки, по обычаю того времени имевшие собственные имена: «Кольцо», «Ушатая», «Змей сверстой», «Змей летучий», «Соловей».

Первоначально действия русских войск под Казанью серьезно осложнились нападениями отрядов царевича Япанчи, совершавшимися по особому сигналу – поднятому на одной из башен Казани «хоругви большой басурманской». Увидев поднятое знамя, татары атаковали русские полки «со всех стран с лесов, зело грозно и прытко». Первый такой налет произошел 28 августа, когда погиб один из русских воевод Третьяк Иванович Лошаков. На следующий день нападение Япанчи повторилось и сопровождалось вылазкой части войск казанского гарнизона.

Ущерб, наносимый ударами Япанчи, был слишком серьезен, чтобы пренебречь ответными действиями против его отрядов. Русское командование собралось на военный совет: «царь же наш со всеми сигклиты и стратилаты вниде в совет». На нем воеводы решили направить против татар войско князя Александра Борисовича Горбатого и Петра Семеновича Серебряного, включающее 30 тыс. конных и 15 тыс. пеших воинов.

30 августа воеводы А.Б. Горбатый и П.С. Серебряный сумели притворным отступлением выманить неприятельскую конницу из лесного укрытия на Арское поле и окружили отряды «злых татар». Бегущих врагов преследовали до реки Киндери, находящейся в 10 км. от соврем. Казани. После боя, по словам Андрея Михайловича Курбского на полторы мили «трупия басурманского множество лежаще». В плен попало по разным сведениям от 140 до 1000 воинов Япанчи, в основном «черемисов и чювашей». Все они были казнены перед стенами Казани. Только части татарского войска, атаковавшего русские полки на Арском поле, удалось вырваться из окружения и уйти в свой острог.

6 сентября рать А.Б. Горбатого и П.С. Серебряного выступила в поход к Каме, получив приказ «жечь казанские земли и деревни их разорять до основания». Воеводы с боем взяли острог на Высокой горе и уничтожили большую часть его защитников. Летописный рассказ об этом сражении отмечает, что при штурме татарских укреплений спешили не только дети боярские, но и «головы же царева полку и сами с коней соидоша». В плен попало всего 200 татарских воинов, которых, по-видимому, ожидала участь чувашей и марийцев, захваченных в бою на Арском поле. После уничтожения главной базы противника войско князя А.Б. Горбатого прошло, сжигая татарские селения, более 150 верст. Дойдя до реки Камы, оно с победой вернулось к Казани. За 10 дней похода воеводы овладели 30 острогами, захватив, по одним сведениям 2, по другим - 5 тыс. пленных и множество скота, пригнанного в русский лагерь.

После разгрома войска Япанчи осадным работам под Казанью уже ничто не могло помешать. Русские батареи все ближе приближались к стенам города, огонь их с каждым днем становился все губительней для осажденных.

Помимо традиционных осадных средств были задействованы и не встречавшиеся ранее приспособления. Напротив Царевых ворот построили подвижную, высотой в 6 сажень (13 метровая) осадную башню, которая поднялась «выше града Казани». На ней установили 10 больших и 50 малых орудий – полуторных и затинных пищалей. С высоты

---

* Плетенными щитами, высотой 2,7 м. Они устанавливались в два ряда, на расстоянии ок. 2 м. Промежуток между ними засыпался землей.

этого сооружения, подвинутого к стенам крепости, русские стрельцы простреливали стены и улицы Казани, нанося защитникам города ощутимый урон. 31 августа находившийся на русской службе «немчин» Розмысел* и его русские ученики, обученные «градскому разорению» начали вести подкопы под крепостные стены для установки пороховых мин. Первый подкоп был подведен под казанский водяной тайник учениками иноземного мастера. 4 сентября в галерею, сделанную под Дауровой башней Казанского Кремля, заложили 11 бочек с порохом. Взрыв не только уничтожил тайный ход к воде, но и серьезно повредил городские укрепления: «И в неделю (воскресенье – В.В.) на ранней заре взорвало тайник и с людьми казаньскими, которые по воду ходили и стена городная оплела и обрушилася».

4 сентября 1552 г. новым подземным взрывом царские горокопы разрушили «Муравлевы ворота» - ворота Нур-Али. С большим трудом, выстроив новую линию укреплений, татары смогли отбить начавшуюся русскую атаку.

Эффективность таких ударов была очевидной. В борьбе за Казань русское командование решило продолжить разрушение крепостных стен подведенными под них пороховыми минами. В последних числах сентября закончилось изготовление новых подкопов, взрыв которых должен был стать сигналом к взятию города.

Накануне общего штурма окруженной со всех сторон Казани, русское командование 1 октября 1552 г. направило в город парламентаря – мурзу Камая с последним предложением покориться Москве. Оно было отвергнуто, казанцы решили защищаться до конца, ответив: «Не бьем челом! На стенах и на башне Русь, мы иную стену поставим, да все помрем или отсидимся».

На рассвете следующего дня, 2 октября 1552 г., русские войска с 7 сторон начали подготовку к штурму крепости. Около 6 часов утра («на первом часу дня») полки были расставлены на заранее определенных местах. Отряды касимовских татар отвели на Арское поле, чтобы прикрыть тыл атакующих войск. Большие конные отряды выслали на Галицкую и Ногайскую дороги, против черемисов и ногайцев, небольшие отряды которых, по-видимому, еще действовали в окрестностях Казани.

Сигналом к штурму послужили взрывы двух мин, подведенных под стены города при помощи подкопов. В горнах (подземных выработках, где размещаются заряды) заложили 48 бочек «зелья» - около 240 пудов пороха, а затем подорвали их с помощью свечей, догоревших и воспламенивших ведущие к минам пороховые дорожки. Взрывы прогремели ровно в 7 час. утра.

Царь Иван IV, присутствовавший на торжественной литургии в походной церкви, услышав два страшных взрыва, прогремевших с интервалом в 1 минуту, вышел из шатра и увидел летящие в разные стороны остатки крепостных укреплений. Взорванными оказались участки стен между Аталыковыми воротами и Безымянной башней, между Царевыми и Арскими воротами. Крепостные стены со стороны Арского поля оказались почти полностью разрушенными, и русские отряды ворвались в крепость. В первом эшелоне атакующих шла пехота - 45 тысяч стрельцов, казаков и «боярских людей».

Колонны штурмующих сравнительно легко проникли в город, но основная битва разгорелась на кривых улочках татарской столицы. Казанцы отказывались сдаваться и бились насмерть. Одним из наиболее прочных очагов обороны стали главная казанская мечеть на Тезицком овраге и царский дворец, который по словам А.М. Курского «бо зело крепок, между полат и мечетеи каменных, оплотом великим обтечен». Поначалу все попытки штурмующих прорываться за Тезицкий овраг, отделявший внутреннюю цитадель от городских кварталов, заканчивались неудачей. Русскому командованию пришлось вводить в бой свежие резервы, прибытие которых решило исход битвы за Казань. Прорваться удалось именно у здания мечети. Все защитники ее во главе с верховным

---

* По сохранявшемуся до XIX в. в Казани преданию «розмыслом» был англичанин Бутлер – Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани. С. 1037

сеидом Кол-Шерифом погибли. Последний бой произошел на площади перед ханским дворцом, где собрались около 6 тыс. татарских воинов.

В плен были взяты казанский хан Едигер-Мухаммед, два его молочных брата и князь Зениет. Других пленных не брали. От русской сабли и бердыша спаслись немногие воины, бросившиеся со стен и бежавшие под обстрелом русской артиллерии. Но лишь некоторым из них удалось спастись, перейдя мелководную речку Казанку и достигнув лесов на Галицкой дороге. Посланная с большим опозданием погоня настигла и уничтожила почти всех последних защитников Казани.

Во время штурма погибло до 20 тысяч татар, всех прочих, как отметил автор одной из псковских летописей, победители «расплениша». По окончании уличных боев все пленные были немедленно выведены из Казани. В городе вспыхнули пожары, угрожавшие ему окончательным уничтожением.

После подавления последних очагов сопротивления в Казань, через ворота Нур-Али (русское название «Муравлевы ворота»), вступил царь Иван Васильевич. Он осмотрел ханский дворец и казанские мечети, распорядился потушить бушевавшие в городе пожары и «взял на себя» пленного Едигер-Мухаммеда, захваченные знамена, пушки и оставшиеся в городе пороховые запасы, «а иного ничего не велел имати». Все остальные ханское достояние, равно как и уцелевшее имущество казанцев досталось рядовым русским ратникам. По благосклонному соизволению царя воевода Михаил Иванович Воротынский водрузил на Царских воротах православный крест. 12 октября 1552 г. Иван IV покинул завоеванный город, оставив наместником князя А.Б. Горбатого, в подчинении которого находились воеводы Василий Семенович Серебряный, Алексей Данилович Плещеев, Фома Петрович Головин, Иван Яковлевич Чеботов и дьяк Иван Бессонов.

* * *

По соседству с Казанским ханством, в низовьях Волги находилось еще одно татарское государство - Астраханское ханство. Оно возникло в начале XVI в. после окончательного разгрома войском крымского хана Менгли-Гирея Большой Орды (1502 г.). Столицей ханства являлся город Хаджи-Тархан (русское название - Астрахань). Пользуясь исключительно благоприятным положением своих владений в дельте Волги, астраханские ханы контролировали торговлю Руси и Казани со странами Востока. Вплоть до завоевания Россией здесь сохранялось рабство и работорговля. Астраханские татары не раз участвовали в походах Крымской и других татарских орд на русские земли.

После постройки крепости Свияжск и вынужденного согласия казанских беков принять вассальную зависимость от Московского государства, астраханский хан Емгурчей предложил союз и дружбу Ивану IV. Но в 1554 г. Емгурчей нарушил договор с Россией, ограбил русское посольство и напал на ногайские кочевья. Ногайские мурзы обратились за помощью к Москве, выдвинув претендентом на ханский престол жившего в России в Звенигороде царевича Дервиш-Али, в 1537 - 1540 гг. уже занимавшего астраханский престол.

Ранней весной 1554 г., едва сошел лед на Волге, в поход к Астрахани выступило 30-тысячное русское войско князя Юрия Ивановича Шемякина Пронского. 29 июня московские отряды, придя на Переволоку, между Доном и Волгой, выслали вперед отряд под командованием князя Александра Святыни Вяземского и Даниила Чулкова, «а сними детей боярских и атаманов с казаки, азстороханьских людей поискать и языков подобить». Около Черного острова отряд Вяземского и Чулкова (Передовой полк) столкнулся с астраханским отрядом Сакмака, шедшим вверх по Волге в «ушкулах проведывати про рать царя и великого князя». Атаковав астраханцев, русские воины разбили неприятельский отряд «на голову; и не утек у тех ни один человек, а самого Сакмака жива взяли и иных многих».

Захваченные в сражении у Черного острова пленные были приведены к князю Шемякину Пронскому и в расспросе рассказали, «что их послал Емгурчей-царь про рать Московскую проведати, а сам Емгурчей царь стоит ниже города Азсторохани пять верст, а в городе, сказали, люди немногие, а все люди сидят по островам». Получив точные сведения о расположении противника, Передовой полк, усиленный отрядами князя Давида Гундорова, князя Тимофея Кропоткина и Григория Желобова, выступил на «царев стан», а главные русские воеводы поспешили к оставленной Емгурчеем столице ханства.

2 июля 1554 г. войско князя Ю.И. Шемякина Пронского подошло к Хаджи-Тархану, защищать который было некому: в городе оставались «люди немногие». Русские отряды высадились выше и ниже крепости и взяли ее в плотное кольцо. «И азстороханцы из города побежали, и всеилного Бога помощью, и пречистыя его Богоматери и великих чудотворцев молением, и царя благочестивого и великого князя Ивана Васильевича вся Руси благородством и твердым с крепостию разума его науком и его царьским счастьем, воеводы его князь Юрьи Иванович Пронской с товарищи Астороханское царство и город взяли, и людей пеших поугоняли и многих побили, а иных живых поймали». Не менее успешно действовали воеводы, посланные на «царев стан», находившийся на острове в одном из рукавов дельты Волги (по-видимому, на Царевой протоке). Впрочем сопротивления русским войскам оказано не было. По словам летописца, «царь того дни перед ними побежал на конех, уведав про рать на Асторохань». Русским удалось настигнуть и захватить ханский гарем, «набаты» и пищали, но Емгурчей ускользнул. Погоня искала его на дорогах ведущих в Тюмень, на самом деле он бежал в Азов, где принял покровительство турецкого султана.

Новым ханом стал Дервиш-Али, власть которого первоначально признали 500 князей и мурз и 7000 «черных людей», оставшихся на своих кочевьях. Вскоре обратно вернулся Енгуват-азей, «а с ним многы моллы и азеи и всяких 3000 человек, и правду царю и великому князю и царю Дербышу учинили». Новый хан выполнил главное требование Москвы, освободив из неволи всех находившихся в его стране русских пленников. Он также обязался ежегодно выплачивать московскому царю дань: 40 тысяч алтын (1200 рублей серебром) и 3 тысячи волжских рыб («осетров в сажень»).

Через месяц русские полки ушли из Астрахани, оставив в городе отряд под командованием воеводы Петра Никитича Тургенева.

Весной 1555 г. хан Емгурчей, заручившись поддержкой Крыма и Турции, предпринял попытку вернуть престол, дважды нападая на Астрахань. В его войске были не только астраханские и ногайские мурзы, но и турецкие янычары. В апреле 1555 г., во время первого приступа, русским стрельцам и казакам удалось отразить нападение, обратив противника в бегство. В погоню за Емгурчеем ходил сын Дервиш-Али – «царевич» Ентимир, известивший об этом русские власти. В мае произошло новое нападение Емгурчегя. Подробные сведения о нем сохранились в сообщении в Москву воеводы Тургенева. На этот раз события приняли неожиданный поворот. Дервиш-Али смог договориться с находившимися в войске противника мятежными ногайскими мурзами, которые помогли новому астраханскому хану разбить отряды Емгурчегя. В благодарность за эту помощь Дервиш-Али «перевез» ногайцев через Волгу, где они начали военные действия против союзника Москвы - ногайского бия (князя) Измаила. На помощь Петру Тургеневу из Москвы был отправлен отряд стрелецкого головы Григория Кафтырева и казачьего атамана Федора Павлова. Однако астраханского воеводу они встретили на Волге, по дороге к Москве. Тургенев сообщил Кафтыреву о том, что Дервиш-Али ищет поддержки у крымского хана Девлет-Гирея. Поспешив в Астрахань, Кафтырев нашел город покинутым жителями. Он сумел переслать Дервиш-Али известие о готовности восстановить добрососедские отношения между Москвой и Астраханью и частичном удовлетворении его просьб московским царем. Астраханцы вернулись в город, но в марте следующего 1556 года ногайский князь Измаил известил русское правительство, что Дервиш-Али окончательно изменил России: «А приказывал Исмаил-князь и все мурзы

царю великому князю бити челом и жаловатца на Дербыша-царя, что он царю и великому князю не примет и им поделал нужи великие, чтобы их государь от Дербыша оборонил и учинил бы своих людей на Асторохани так же, как и в Казани».

Действительно, подстрекаемый новыми союзниками из числа ногайских «Юсуфовых детей» и астраханскими советниками, Дервиш-Али напал на стоявший в Астрахани русский отряд Мансурова и вынудил его покинуть территорию ханства. Опасаясь ответных действий со стороны московского правительства, он тогда же обратился за помощью к крымскому хану Девлет-Гирею, поспешившему прислать в Хаджи-Тархан небольшой отряд (700 крымских татар, 300 янычар). Этих сил оказалось недостаточно, чтобы успешно противостоять русскому войску, в которое входили стрелецкие приказы Ивана Черемесинова и Тимофея Тетерина, вятская рать воеводы Писемского и отряды казаков Михаила Колупаева и волжского атамана Ляпуна Филимонова. Казачий отряд Л. Филимонова первым подошел к Хаджи-Тархану, ворвался в город и нанес тяжелое поражение астраханскому войску. Дервиш-Али бежал, рассчитывая на поддержку союзных ему ногайских мурз. Но «Юсуфовы дети» сумели договориться с князем Измаилом и, повинившись перед русскими воеводами, напали на Дервиш-Али. В бою они отбили у него все крымские пушки. С остатками своего войска последний астраханский хан бежал к Азову. После этой победы Астраханское ханство было ликвидировано, а земли в дельте Волги включены в состав Российского государства. В 1557 г. вассальную зависимость от Москвы признал бий Измаил.

2. РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1554-1557 ГГ.

Король Швеции Густав I Ваза, пришедший к власти в 1523 г., в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. взял курс на военную конфронтацию с Россией. Однако его попытки организовать антимосковскую коалицию в составе Швеции, Ливонского ордена, Дании и Литвы, провалились. По интересному сообщению Балтазара Рюссова, власти Ордена подталкивали шведского короля к войне с Московским государством, обещав ему помощь и содействие, но затем отказались от своих обязательств: «В 1554 году Беренда Шмертена, орденсфохта и владельца Витгенштейна (Вейсенштейна – В.В.) послали к Густаву, королю шведскому просить короля начать серьезную войну с московитами. То же самое хотел сделать и магистр ливонский. Когда же в 1555 г. король шведский начал войну с московитами, и был уверен, что магистр по обещанию также поможет ему против русских, то магистр и не подумал идти на войну». Несмотря на то, что к началу войны Швеция оказалась в полной изоляции, она все же выступила против Московского государства. В 1554 г. «немецкие люди» начали нападать на русские порубежные места и погосты, вызвав резкий протест русских властей. Позднее, в ходе завершивших войну переговоров, царь упрекал короля Густава в том, что его «люди, перелезчи за старой рубеж за Саю реку и за Сестрею реку и за иные записные рубежи в перемирных грамотах, земли пашут, и сена косят, и рыбы ловят, а людей наших бьют и грабят, а называют наши земли твоими землями, а рубеж называют в наших погостех, речку Руеть Саею рекою <...> А Мурманской наш данщик Васюнок Конин нам бил челом, что твои люди Нарбатцкие земли сына его до смерти убили и дань нашу взяли с дватцати погостов и вперед нашим данным людям наши дани давати не велят.. А игумен наш Святого Чюдотворца Николы, что на Печенге против Варгана и тот нам бил челом, что твои подовластные люди на него ся хвалят убивством и хотят монастырь наш разорити».

Полный разрыв отношений между двумя странами связан с задержанием в Выборге и арестом в Стокгольме русских купцов и «земца» Никиты Кузьмина - посланника новгородского наместника князя Дмитрия Федоровича Палецкого, отправленного в Швецию с жалобами на участвовавшие нападения «немецких людей» на

русские владения. Перешедшие границу шведские отряды начали «нашим порубежным людем многие насилства учали делати розбои и татбами и бои и грабежи, и многие села и деревни и хлебы пожгли и многих людеи до смерти побили, и через Саю реку и через Сестрею реку и через иные старинные рубежи, которые писаны во княж Юрьеве грамоте и во княж Магнушеве грамоте, через те все старинные рубежи перелезчи в наши во многие земли и в воды вступались, а назвали те наши земли и воды твоими землями». Сообщив о произошедшем в Москву, Д.Ф. Палицын в январе 1555 г. получил царскую грамоту, содержащую повеление направить за рубеж, в Выборский уезд войска, усилив их земцами и «обидными людьми», «а велети им над немцы учинити по тому ж, како они над нашими людьми чинили, а за грабежи бы свои взяли гораздо, вдвое и втрое». Однако противник ожидал ответных действий с русской стороны и сумел подготовиться к отражению готовящегося нападения. В боях на границе шведы смогли разбить русский отряд Ивана Бибикова, в который входили, как того потребовал царь, преимущественно местные ополченцы - «земцы и черные люди». Несмотря на эту победу, начинать широкомасштабные военные действия противник не спешил, сосредоточивая силы в г. Або (Турку). Только в конце лета – начале осени 1555 г. части шведской армии и флота под командованием адмирала Якоба Багге выступили в поход. Шведы намеревались, воспользовавшись внезапностью нападения, захватить русскую крепость Орешек, развернув затем наступление на новгородском направлении.

Однако начатая шведами подготовка к нападению на Орешек не осталась незамеченной русскими воеводами. Еще 14 августа 1555 г. новгородский наместник князь Д.Ф. Палецкий сообщил царю, что «збираются свийского короля немецкие люди в Выборе, а хотят быти на цареви и великого князя украины». На русско-шведскую границу немедленно двинулись крупные силы. К Орешку выступило войско князя Андрея Ивановича Ногтева и Петра Петровича Головина. Большая часть этой рати должна была встать в Кипенском погосте, а отдельный отряд под командованием П.П. Головина предназначался для усиления гарнизона Орешка. Рать во главе с Захарием Ивановичем Очиным-Плещеевым направили к Кореле. Новгородское ополчение во главе с самим князем Д.Ф. Палецким должно было стоять на левом берегу Невы, прикрывая подступы к своему городу от возможного нападения шведских отрядов.

Вскоре начались военные действия. Русские войска успели усилить гарнизон Орешка, перебросив туда значительные подкрепления. В источниках сохранилось упоминание находившегося в крепости во время осады воеводы «Петра Петрова» - несомненно Петра Петровича Головина, направленного туда из состава Большого полка А.И. Ногтева. В сентябре 1555 г. шведские войска, поддержанные флотом, начали осаду Орешка: «пришед Яков (адмирал Якоб Багге. – В.В.) от Выбора сухим путем на конех, и пешие с ним люди были многие, а в бусех с моря Невою пришли в то же время с нарядом многие же люди к Орешку же; и по городу из наряду били, и землю воевал, а стоял под городом три недели; а в городе был тогда Петр Петров». Другие неприятельские отряды «приходили х Кореле и многие села и деревни жгли и людеи многих до смерти побили, а иных в полон имали, и в церквах образом божиим поругались, кресты с церквей снимали и образы кололи, а иные жгли». Один из таких отрядов, пытавшийся переправиться через Неву «на Ноугородскую сторону», был разбит Сторожевым полком С.В. Шереметева.

Начавшееся в октябре контрнаступление войска князя А.И. Ногтева и З.И. Плещеева, к которому присоединилась часть новгородского гарнизона под командованием С.В. Шереметева, вынудила шведское командование снять осаду Орешка и отойти к своей границе. Во время преследования отступающего противника русские «загоны» смогли захватить шведский корабль: «И воеводы на них приходили, князь Андрей да Захарьи, в загоных у них людеи побивали да взяли у них бусу одну, - на ней было полтора ста человек да четыре пушки, и людеи всех побили и поймали, а не утек у них никто ис той бусы». Вблизи рубежа произошло столкновение шведских арьергардов и русского Передового полка, закончившееся неудачно для русских. Московским и новгородским воинам

пришлось отступить, так как «не в меру были им [немецкие] люди». Однако число погибших в этом бою было невелико. Как отмечено в летописи, «на обе стороны мертвых от стрел и от пищалей человек по пяти, по шти».

Ответные действия русского командования не заставили себя долго ждать. В Новгороде сосредотачивалась армия под командованием князя Петра Михайловича Щенятева. Мобилизации подлежали и служилые люди Новгородского уезда. 1 ноября 1555 г. царь направил Д.Ф. Палецкому требование собрать на службу помещиков и земцев со всех пятин и городов Корелы, Орешка и Ямы «на Николин день осенний» (6 декабря). Согласно разработанному в Москве плану предстоящей операции поход против Швеции должен был осуществиться зимой 1555/1556 гг.

20 января 1556 г. войско П.М. Щенятева и Д.Ф. Палецкого, насчитывавшее не менее 20-25 тыс. человек, перейдя шведский рубеж у Смолина и Лебежья, начало наступление на Выборг. Несмотря на то, что под этим городом русская рать простояла всего 3 дня, поход можно признать удачным. Отступив от Выборга, царские войска прошли вдоль реки Вуоксы, сжигая расположенные по ее берегам селения и только потом вернулись на свою сторону границы. Сохранился подробный рассказ об этом походе, закончившемся полным разорением всего порубежного края: «Того же году, месяцу февраля 7 день, приехал от воевод из немецкие земли Шемяка князь Дмитрий Гагарин, а от царевича Уразлый-мырза Конбаров, и сказывали: как воеводы пришли за рубежь в Смолино и в Лебежье, и послали воевати по обе стороны, и к городу х Киновепи послали же, и из города немцы побежали, а город зажгли, и воеводы за ними послали и многих». В ходе преследования погибло много шведов, а в Киновепи (Кивинеббе) победители захватили семь пушек. Кроме артиллерии русским достались и другие трофеи: «рухлядь всякую многую имали, и город до основания сожгли, а сами пошли к Выбору, воюючи по обе стороны». Новое столкновение произошло в окрестностях Выборга – «И не доходя до Выбора за 5 верст, встретили немцы конные и пешие и пришли на яртоульской полк, - а в ertoулах были князь Никита Примков-Ростовской да Федор Пушкин, - и Федора с коня збили и ранили добре, а князя Никиту ранили же, и полк яртоульской потоптали». На выручку разбитым авангардным частям поспешили другие русские войска. Первым к месту боя подоспел Передовой полк С.В. и Н.В. Шереметевых, составленный из новгородского и ивангородского ополчений. Он контратаковал увлекшихся преследованием шведов и опрокинул их. Противник поспешно отступил назад, соединившись с основным своим силам. «И которые пришли на яртоульской полк, - записал летописец, - тех побили немцов и гонили их с версту по гору; а тут у них конные и пешие многие с пищалми стоять в камене, приезд к ним тесен; и тут ранили воеводу Никиту Васильевича Шереметева». В разгоравшееся сражение втягивались все новые и новые отряды и полки. С фронта позиции ожесточенно сопротивляющихся шведов атаковала татарская конница царевича Кайбулы, с фланга позицию противника обошел Полк правой руки воевода Иван Меньшой Васильевич Шереметев, который «пришел на них от города от Выбора; и побили их тут на голову и гоняли по самой Выбор и многих живых поймали королевьских дворян». В этом сражении, по одним сведениям погибло 5 дворян и 80 кнехтов, по другим – 4 офицера и 111 кнехтов.

Одержав победу, «воеводы пришли всеми полки к Выбору и велели князю Григорью Путятину по городу из наряду бить да голове стрелецкому Тимофею Тетерину с стрелцы; и стояли под городом воеводы три дни, из города вылазити прямо на полки не дали, побивали из наряду и ис пищалей». Начиная осаду, большие воеводы направили «за Выбор верст со сто в Лавретцкой погост» отряды под командованием голов Богдана Юрьевича и Василия Юрьевича Сабуровых, Ивана Шарапова Замыцкого и Василия Васильевича Разладина «и иных многих голов». Им предстояло встретить большой шведский отряд (800 человек), шедший из Стокгольма («Стеколни») к Выбору «от

---

* Русское название шведского города Кивинебба.

короля». Обнаружив противника, русские атаковали его у Лаврецкого погоста и разбили. Разорив все окрестные места рать Б.Ю. и В.Ю. Сабуровых, И. Шарапова Замыцкого и В.В. Разладина разделилась на «загоны, которые «полону поимали безчислено и пришли к воеводам здорово». На третий день осады Выборга московское войско отступило от крепости и пошло «на реку Воксу (Вуоксу – В.В.) и к городу к Дошаному посылали головы Семейку Вешнякова да Никиту Новокрещенова и иных многих голов, и немцы вышли из города. И тут воевали по обе стороны Воксы -реки и посылали воеводы головы з детми з боярскими и атаманов с казаки и головы с татары и сотники от голов с стрелцы, и воевали, многое множество поимали полону: купили полон в гривну немчин, а девка в пять алтын; и вышли на Корельской рубеж, дал Бог, здорово со всеми людми». Разорение, постигшее Западную Карелию и Южную Финляндию вынудило шведские власти начать поиск мирных решений конфликта, инициаторами которого они являлись.

В июне 1556 г., опасаясь нового опустошительного вторжения московских войск, Густав I Ваза направил в Россию посланника Кнута Кнутсона (Кнуита Иванова). В русскую столицу он прибыл 27 июля, доставив Ивану IV послание своего короля, с предложением начать переговоры о мире. Царь согласился принять шведских послов, направив им «опасные» грамоты. В феврале 1557 г. посольство, возглавляемое Стеном Эрикссоном и архиепископом стокгольмский Ларса, прибыло в Москву. С русской стороны в переговорах участвовали окольный Алексей Федорович Адашев и дьяк Иван Михайлов. По условиям мирного договора, заключенного 21 марта 1557 г., между Швецией и Московским государством устанавливалось перемирие на 40 лет - от Благовещеньева дни лета 7065-го до Благовещеньева ж дни 7000 сто пятого». Русско-шведская граница восстанавливалась по старому ореховскому рубежу, определенному еще в 1323 г.: «А земли бы и воды велел розъехати по старым докончальным грамотам князь Юрьевым с Магнушем королем». Шведы вернули все захваченные ими приграничные территории и русских пленных, шведские пленные подлежали освобождению за выкуп.

С результатами войны 1554-1557 гг. связано начатое вскоре шведами большое крепостное строительство в пограничных городах. Серьезной реконструкции подверглись даже укрепления Выборга. Вместо деревянных стен с восточной и северной стороны здесь были построены каменные стены, затем шведы надстроили башню Св. Олафа, ставшую главным артиллерийским сооружением города, державшим под прицелом своих орудий оба пролива и подходы к Выборгу с северо-западной и приморской сторон. Своевременность этих мер подтвердили последующие события.

3. ВОЙНЫ РОССИИ С КРЫМОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Успешные действия Московского государства против Казанского и Астраханского ханств, упрочение русского влияния в Ногайской Орде, не могли не встревожить правителей Крыма и Турции, видевших в завоевательных планах царя Ивана Васильевича несомненную угрозу своему господству в южнорусских степях. Начало войны несколько задержала очередная усобица в Крыму, хотя летом 1550 г. русским воеводам дважды - в июле и в августе - приходилось выходить в Поле, чтобы предотвратить нападения крымцев на северские, рязанские и мещерские места. Осенью 1550 г. крымское войско, опередив действовавшие с ним заодно ногайские отряды, напало на русское пограничье (на белевские места и «карачевское подлесье»), стремясь ослабить военное давление Москвы на Казань. Нападение было отбито, но в декабре 1550 г. к подвергшемуся нападению участку границы спешно перебросили воевод с отрядами детей боярских из Мещевска, Серпейска и Мощина, усилив стоявшие здесь полки. Русскому командованию удалось в этот период контролировать ситуацию на «украине», предотвращая даже крупные нападения. Так, в августе 1550 г. на рязанские и мещерские места шло войной 30 тысяч крымских татар, против которых «на Поля» выступило войско под командованием Семена

Ивановича Микулинского. Не принимая боя, противник ушел обратно в степь. Положение резко ухудшилось после прихода к власти в Бахчисарае Девлет-Гирей, при помощи турок овладевшего Крымским ханством в 1551 г.

Несмотря на тяжелую войну с Казанью, постоянная угроза нападения крымских отрядов, вынуждала русское правительство крепить южную границу, чтобы сделать ее недоступной для врага. С этой целью в апреле 1551 г. на реке Проне было начато строительство нового города Михайлова, ставшего важным звеном в линии русских укреплений. Крепость на Проне строили рязанский наместник князь Александр Иванович Воротынский и Михаил Петрович Головин.

Последующие события показали, что опасения московского правительства были не напрасными. Летом 1552 г. началось вторжение крымских войск – в свой первый поход на Русь двинулся хан Девлет-Гирей. Победа в Казани партии враждебной Москве, влекла за собой неизбежный ответный удар русских войск. Стараясь предотвратить завоевание Казанского юрта Россией, крымский хан направил войска к ее границам.

Русские власти получили несколько предупреждений о готовящемся нападении и успели подготовиться к отражению нападения. Вражеская армия первоначально шла Изюмским шляхом к рязанским местам, чтобы прорваться уже хорошо известным татарам путем к Коломне. Именно об этих замыслах и сообщили русские разведчики (Иван Стрельник, Айдар Волжин и Василий Александров). Однако Девлет-Гирей, узнав что Иван IV с большей частью своих войск, ожидая его, стоит под Коломной, резко изменил свои планы и повернул к Туле. Впрочем особого значения это изменение обстановке на театре военных действий не имело. Собранную для похода на Казань рать развернули для встречи Девлет-Гирей, граница была перекрыта по всей ее длине, русские полки были готовы помочь любому из южнорусских городов, подвергшемуся нападению.

Первое сообщение о вступлении крымских войск в русские пределы пришло в Коломну, где находился царь и главные воеводы 21 июня. В этот день к Туле подошли передовые татарские отряды, численность которых не превышала 5 тысяч человек. На помощь находившемуся в Туле воеводе Григорию Ивановичу Темкину-Ростовскому немедленно были двинуты полки из Каширы (кн. П.М. Щенятев и кн. А.М. Курбский), Ростиславля (кн. И.И. Пронский и кн. Д.И. Хилков) и села Колычева (кн. М.И. Воротынский). В общей сложности они насчитывали 15 тыс. человек. Тем временем в Коломне стало известно, что к Туле в ночь с 21 на 22 июня подошли еще 7 тысяч татар, а 22 июня «пригнал с Тулы гонец», который сообщил о подходе к городу самого Девлет-Гирей, в войске которого был «наряд многий» и «янычане» (турецкие янычары).

По этим вестям Иван Васильевич направил за Оку войска под командованием князя Ивана Федоровича Мстиславского, а сам во главе Царского полка и новгородской рати перешел к Кашире.

Тем временем татары начали штурм Тулы, стараясь захватить город до подхода к нему русской армии. «Июня 22, в среду, в первом часу ночи – писал летописец, - пришел царь (Девлет-Гирей – *В.В.*) к городу х Туле с всеми людьми и с нарядом да приступал день весь и из пушек бил по городу и огненными ядры и стрелами стрелял на город, и в многих местах в городе дворы загорелися, и в те поры царь велел янычаном турецкого салтана приступати многим людям». Обороняющиеся с большим трудом отбили неприятельский приступ. На утро бой должен был возобновиться. Однако защитники Тулы, узнав о приближении посланных им на помощь полков, утром 23 июня внезапно атаковали крымский стан. В сражении под стенами города пал шурин «крымского царя» князь Камбирдей, в руки русских воинов попала вся турецкая артиллерия. «И в тот час, - писал, славя победу тулян, летописец, - нечестивый царь Девлет-Гирей крымской побеже от града с великим срамом».

Неудачное для крымцев нападение на Тулу во многом предрешило судьбу Казани, павшей 2 октября 1552 г. Однако частые мятежи и восстания в Казанской земле вынуждали московское правительство держать там значительную военную группировку. Это

ослабляло боевые возможности русской армии, вынужденной в борьбе с крымскими татарами ограничиваться стратегической обороной южных рубежей. В эти годы к югу от Оки строятся новые города. В 1553 г. в мещерских местах на реке Шача (приток р. Цны) Борисом Ивановичем Сукиным был поставлен город Шацк. Он закрыл врагу проход на Русь к мещерским и рязанским местам через так называемые «Шацкие ворота». В 1554 г. на реке Шивороне, на месте древнего Дедославля, князь Дмитрий Михайлович Жижемский построил город Дедилов, призванный оберегать тульские места от приходивших по Муравской дороге татарских отрядов. Весной 1555 г. Михаил Петрович Репнин и Григорий Иванович Нагой возводят на реке Нугрь город Болхов, прикрывший подвергавшиеся частым неприятельским вторжениям белевские, козельские и мценские места. Летом-осенью 1557 г. на речке Хупте у Рясского поля строится еще один город, первоначально получивший название «Ватман», но затем переименованный в Рязск. Возведением этой крепости руководил Михаил Иванович Колычев. Постройкой Рязска русское правительство надеялось более надежно прикрыть Рязанскую землю. Постепенно граница Руси с «Подем» отодвигалась дальше на юг, высвобождая для хозяйственной деятельности обширные черноземные пространства. Здесь, вдали от укреплений «берега» и старых приокских городов, тактика предупреждения татарских нападений была иная. При сохранении старого рубежа обороны, служившего для защиты центральных уездов страны, отныне предполагались решительные действия воевод на «Поде», для перехвата шедших на Русь крымских отрядов. Теперь более важная роль в борьбе с татарским «загонами» отводилась казакам - непримиримым врагам татар. О движении крупных войск противника казачьи атаманы старались как можно быстрее сообщить русским воеводам, встречавшим врага на подходе к границе. В 1557 г. воеводы доходят уже до «усть Ливен» и «усть Ельца», правда, затем поспешно возвращаясь к Туле и Михайлову.

Заслуживает внимания предпринятая в 1555 г. попытка атаковать противника на его территории, после срыва мирных переговоров с Девлет-Гиреем, в мае этого года. Иван IV послал на Мамай-луг на «крымские стада» войско под командованием боярина Ивана Васильевича Шереметева и окольного Льва Андреевича Салтыкова. В поход выступили большие силы, включающие «московских городов выбор», отряд из двора удельного князя Владимира Андреевича Старицкого, всех северских помещиков и смоленский «выбор» лучших людей и слуг. При обозе находился небольшой стрелецкий отряд и служилые казаки. От участия в походе освободили только детей боярских «казанские стороны». Власти не хотели ослаблять свои вооруженные силы на востоке: на территории завоеванного ханства продолжалось восстание «луговых людей», отряды которых нападали на русские гарнизоны в казанских городах, на нижегородские и муромские места. В 1555 г. в Поволжье против мятежников было отправлено войско боярина Ивана Федоровича Мстиславского.

Собранное в Белеве 13-тысячное русское войско И.В. Шереметева и Л.А. Салтыкова выступило в поход на крымские владения 2 июня 1555 г.

Составленная из трех полков рать шла на юг Муравским шляхом. В верховьях рек Мжи и Коломака (приток р. Ворсклы), где войско должно было соединиться с отрядом почапского наместника Игнатия Борисовича Блудова, воеводы узнали, что «царь крымской Донец перелез со многими людьми, а идет к резаньским и х тульским украинам». В войске Девлет-Гирея находились подразделения янычар (по словам А.М. Курбского они насчитывали 10 тыс. человек) и турецкие «дель» - пушки.

Определив маршрут движения татарского войска, русские воеводы разделили свою рать на две части. Отряд, численностью 6 тыс. воинов под командованием голов Ширия Кобякова и Григория Желобова атаковал и захватил «царев кош» (крымский обоз)*.

---

* В захваченном русскими «коше» было 60 тысяч лошадей, 200 аргамаков, 80 верблюдов. В плен попало 20 татар. Взятый «кош» был отведен в Рязань и Мценск. Из состава этого отряда лишь 500 человек успели присоединиться к главным силам своего войска и принять участи в битве «на Судьбищах»

Второй отряд, в котором насчитывалось 7 тыс. служилых людей во главе с самим Иваном Васильевичем Шереметевым пошел прямо на главные силы противника, несмотря на подавляющее численное превосходство татар: крымский «царь» вел 60 тысяч воинов. Русские воеводы рассчитывали застать врага в «войне», но Девлет-Гирей, узнавший о сосредоточении на границе крупных русских сил, не стал распускать свои отряды для разграбления пограничных селений, а повернул обратно в степь. Таким образом, русской рати пришлось встретиться в открытом бою со всей крымской армией, озлобленной неудачей и потерей «коша». 3 июля 1555 г. «на Судьбищах» началось тяжелое двухдневное сражение, в ходе которого войско Ивана Васильевича Шереметева потерпело поражение. Однако часть русских отрядов, которыми командовали воеводы Алексей Данилович Басманов и Степан Григорьевич Сидоров (остатки Передового и Сторожевого полков, численностью ок. 2 тыс. человек) устояла и, отступив в дубраву, где находился войсковой обоз, укрепились («осекошася») в ней. К ним пробились уцелевшие воины из других отрядов и полков. Они успешно отразили все крымские атаки, продолжавшиеся до глубокого вечера. Опасаясь подхода русских войск, шедших к месту боя от Тулы, Девлет-Гирей прекратил сражение и ушел за реку Сосну.

Несмотря на поражение русских войск в сражении «на Судьбищах» в Крыму и в Москве поход Девлет-Гирея на Русь считали неудачным. Основанием для этого служила не только обидная для ханской чести потеря «коша», но, главным образом, отступление татарского войска от русских границ без добычи и «полона».

В 1556 г. русские войска нанесли по Крымскому юрту ряд небольших, но болезненных ударов. Первым отличился отряд служилых казаков атамана Михаила Грошева. Посланный в «Поле», он наголову разгромил встреченный там крымский отряд. Затем на Днепр было направлено войско во главе с головой Матвеем Ивановичем Дьяком Ржевским, к которому присоединился отряд запорожских казаков из Канева, численностью в 300 человек. На легких речных кораблях, изготовленных на реке Псел, московские и запорожские воины спустились вниз по Днепру, разорили окрестности турецких крепостей Ислам-Кермена и Очакова. На обратном пути они отбили нападение преследовавшего их крымского войска и благополучно вернулись назад, пройдя к своим границам по литовской стороне Днепра.

Одновременно с войском Ржевского на Дон были посланы Данила Чулков и Иван Мальцев. Спустившись к Азову, русские воеводы уничтожили небольшой, насчитывавший 200 человек, крымский отряд и, захватив «языков», с важными сведениями вернулись обратно. В том же году, впервые атаковали Крымское ханство донские казаки. Их походное войско во главе с атаманом Михаилом Черкашенином на стругах пересекло Азовское море и разорило окрестности Керчи. Двух захваченных во время похода «языков» (татарина и турка) вернувшись на Дон, казаки прислали в Москву.

Неожиданное продолжение имел союз Москвы с запорожскими казаками, образовавшийся во время похода М.И. Дьяка Ржевского к Ислам-Кермену и Очакову. В 1556 г. к царю Ивану IV был прислан участвовавший в этом походе атаман Михаил Ескович. От имени каневского старосты князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, оставившего литовскую службу, он просил московского государя принять под свою руку устроенное им казачье поселение на острове Хортица.

На Днепр были срочно отправлены дети боярские Андрей Щепотев, Нечай Ртищев и принятый на государеву службу атаман Михаил Черкашенин. Они везли запорожским казакам щедрое царское жалованье и «опасную» грамоту их предводителю, которого московские власти звали к себе на службу. 16 октября 1556 г. русские посланцы вернулись с обнадеживающим сообщением о том, что Вишневецкий «пошел воевать крымские улусы <...> служа царю и великому князю». Во время этого похода кн. Д.И. Вишневецкому удалось захватить Ислам-Кермен, уничтожить гарнизон и, захватив все находившиеся там турецкие пушки, вывезти их на Хортицу

Бои шли и в «Поле». Там продолжал действовать Матвей Иванович Дьяк Ржевский и казачий голова Юрий Михайлович Булгаков, отряд которого доходил до реки Айдар, удаляясь от своих границ на расстояние более 300 верст. Оба воеводы вели активную разведку, сообщая в Москву точные и свежие сведения о противнике. В октябре 1556 г. именно от присланных М.И. Дьяком Ржевским и Ю.М. Булгаковым крымских языков Иван IV узнал, что «царь» Девлет-Гирей «людей всех распустил, а самому царю и большим людям не бывать никуда». В «войну» на Русь пошли за «полоном» из улусов лишь небольшие загоны «человек по сту и по полтора, а с ыными двесте, а с ыными по пятидесяти». Большой опасности такие нападения не представляли, поэтому, получив донесения Ржевского и Булгакова, царь приказал отвести полки из Калуги, Воротынска и Козельска и «из украинских городов болших воевод», оставив на рубеже «для малых людей прихода» небольшие заградительные отряды в Калуге, Болхове, Мценске, Корачеве, Дедалове, Пронске и Михайлове.

Девлет-Гирей был встревожен активностью русских воевод в «Поле» и наметившимся союзом Москвы с запорожцами, а также нападением донских казаков на восточное побережье Крыма. Через русского посла Дмитрия Давыдовича Загряжского он сообщил Ивану Васильевичу о намерении возобновить мирные переговоры с Россией, отпустив пленных, захваченных в Судьбищенской битве.

Однако мирные предложения крымского хана не распространялись на запорожцев. Весной 1557 г. Девлет-Гирей, не прекращая пересылки о мире с Москвой, с большим войском атаковал казачий городок на Хортице. 24 дня татары пытались овладеть островом, но, потерпев поражение, отошли «с великим срамом». Дмитрий Вишневецкий, рассчитывая на помощь и поддержку, поспешил сообщить о победе русскому правительству. Однако московский царь, потеряв интерес к продолжению военных действий против Крыма, уже начал подготовку к войне за Ливонию. Д.И. Вишневецкому пришлось очистить Хортицу, передать Черкасы и Канев литовцам и уйти в Москву, где он был щедро пожалован, получив во владение город Белев «с пригородками и со всеми вотчинами и волостми, да и во иных градах дал ему [государь] многие села подклетные».

Начавшаяся Ливонская война отвлекла силы Московского государства на прибалтийский театр военных действий. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться крымский хан, в январе 1558 г. пославший на Русь войско под командованием «царевича» Мухаммед-Гирея. Набег произошел в то время, когда московские полки пересекали немецкие рубежи.

Вероломное нападение крымцев вынудило русское правительство принять ответные меры. На реке Псел в месте впадения ее в Днепр строится русская крепость («Псельский город»), ставшая опорным пунктом в возобновившихся военных действиях против Крыма. Тогда же в Москве вспомнили об отозванном с Днепра на Русь князе Вишневецком. В январе 1558 г. его вновь отправили на Днепр «на Хартушу» (Хортицу), поставив задачу вновь укрепиться в Запорожье и атаковать татарские и турецкие владения. Войско Вишневецкого усилили отрядами испытанных русских «полевых» командиров Игнатия Ушакова Заболоцкого, Даниила Чулкова, Ширяя Кобякова, Матвея Ивановича Дьяка Ржевского, Андрея Щепотева, Михаила Павлова, и несколькими приказами московских стрельцов, а также, по-видимому, служилыми казаками. Позднее к Д.И. Вишневецкому присоединился воевода князь Андрей Зайцев-Вяземский.

Русские и черкасские (запорожские) полки, уничтожая татарские поселения и отряды, вновь прошли вниз по Днепру вглубь неприятельских владений и, на считанные версты не дойдя до Перекопа, вернулись к Монастырскому острову, превращенному Дмитрием Вишневецким в новую запорожскую крепость. 12 июня 1558 г. (по другим сведениям 12 июля 1558 г.), находясь в походе под Ислам-Керменом, Вишневецкий и

Вяземский направили в Москву бежавшего из плена касимовского татарина Кочеулая Бастановца, сообщившего о готовящемся крымском походе на русские «украины»^{*}.

Военные действия продолжались и в 1559 г. В поход, «промышляти крымские улусы» было отправлено 8-тысячное войско Даниила Федоровича Адашева, а Д.И. Вишневецкий во главе 5-тысячной рати ходил к Азову. Он должен был на построенных для него кораблях выйти в Азовское море и нанести удар по восточному побережью Крыма, облегчая действия второй русской рати, выступившей вниз по Днепру для нападения на западный Крым. В низовьях Дона Вишневецкому приказали соединиться с отрядом царского постельничего Игнатия Михайловича Вешнякова. Главной целью этой экспедиции являлось так и не осуществившееся строительство на Дону русской крепости. Вместе с казаками Михаила Черкашенина воевода разгромил на реке Айдар, татарский отряд в 250 человек, шедший в Казанскую землю, но, по неизвестным причинам, на Керчь не пошел и вернулся в Москву. Вместе с Вишневецким к царю приехал черкесский князь Ичурук, просивший Ивана IV взять Черкессию под свою руку.

Главным событием 1559 г. стал Крымский поход окольного Даниила Адашева. В нем приняли участие опытные военачальники: Ширяй Кобяков, стрелецкий голова Яков Бундов (в Большом полку), Игнатий Ушаков Заболоцкий и М.И. Дьяк Ржевский (в Передовом полку), почапский наместник Темка (Артемий) Федорович Игнатьев и стрелецкий голова Василий Пивов (в Сторожевом полку). Рать была сосредоточена в новом Псельском городе, откуда, спустившись вниз по Днепру, вышла в Черное море. Внезапной атакой московским воеводам удалось захватить под Очаковым большой турецкий корабль, еще один был взят на «Чюлю-острове». Нападение русской речной флотилии застало врасплох крымского хана. Высадившись на западном побережье Крыма, Адашев разгромил посланные против него татарские отряды и, освободив множество русских и литовских пленников, благополучно вернулся к Монастырскому острову.

Нападения татар на приграничные места не прекращались не в этот, не в последующие годы. Крымские набеги серьезно затрудняли действия русских войск в Прибалтике, оттягивая значительные силы на южные рубежи, которые не удавалось надежно прикрыть. Не удалось отвлечь врага и несколькими ударами, нанесенными по его территории князем Д.И. Вишневецким со стороны Черкессии, вступившей в союз с Россией. Отдельные татарские отряды прорывались через русские границы в 1559 и 1560 гг. Руководил этими нападениями на русскую «украину» мурза Дивей. Первый свой удар он направил на город Рыльск, уничтожив посад, но городом, где отбивались от татар рыльский наместник князь Василий Иванович Елецкий и воевода Петр Дмитриевич Тургенев, овладеть не смог. В августе того же года отряды Дивей-мурзы (ок. 3 тыс. человек) прорвались «на Потегу» - через Потезский лес, тянувшийся между Тулой и Зарайском по левому берегу реки Осетра. Русские войска, вышедшие в погоню за уходившим в степь врагом, настигли татар на Дону, но Дивей-мурза приказал перебить «полон» и сумел оторваться от погони. В июле 1562 г. 15-тысячное войско Девлет-Гирея выжгло посады и разорило окрестности Мценска, Одоева, Новосила, Болхова, Черни и Белева. В июле этого года изменив Москве, вернулся на службу польскому королю предводитель запорожских казаков князь Д.И. Вишневецкий, послушавшийся уговоров своего брата князя Михаила Ивановича Вишневецкого.

В 1563 г. 10-тысячное татарское войско приходило к Михайлову. Командовали им «царевичи» Мухаммед-Гирей и Алды-Гирей и Дивей-мурза. Их загоны приходили на делиловские, пронские и рязанские места. В том же году Иван IV приказал оставить и разорить Псельский город, существование которого беспокоило не только крымского хана,

---

^{*} Это нападение не состоялось. Войско крымского «царевича» Мухаммед-Гирея действительно собиралось «разделясь» на три отряда напасть на рязанские, тульские и каширские места, но, узнав от пленных рыбаков о том, что Иван Шереметев и Дмитрий Вишневецкий находятся на границе, от р. Мечи (в 100 верстах от русского рубежа) повернуло обратно в Крым.

но и литовскую и польскую сторону. Поражает обоснование этого решения, сделанное для Бахчисарая: «А государю нашему города новые не нужны. Божьим милосердием и старые города емлет». Разорение Псельского города стало вынужденным действием. Война в Ливонии затягивалась, поэтому московский царь решил без особой необходимости не раздражать Девлет-Гирея. Оборона южной границы принимала пассивный характер. Хотя новые города здесь, вопреки процитированному выше громкому заявлению царя, продолжали строиться, но полностью защитить страну от вражеских нашествий небольшие порубежные крепости не могли. Очень скоро обстановка здесь резко обострилась.

Настоящее нашествие, ставшее неприятной неожиданностью для русского правительства, обрушилось на Рязанскую землю осенью 1564 г. 60-тысячная крымская армия во главе с самим Девлет-Гиреем и двумя его сыновьями три дня (по другим сведениям четыре дня) «приступала» к Рязани (Переяславлю Рязанскому). И, хотя горожанам удалось отбиться с помощью оказавшихся в своих рязанских поместьях и севших в осаду воевод Алексея Даниловича Басманова и его сыном Федора, однако татары сильно разорили окрестные места: «многие волости и села повоевали меж Проньска и Рязани по реку по Вожу, а за город до Оки-реки до села Кузминского».

Пробыв в Рязанской земле 6 дней, крымцы отошли в степи. Позже один из татарских отрядов, численностью ок. 4 тыс. человек, под командованием «ширинского князя» Мамайя от рубежа вернулся, но был разбит войсками А.Д. Басманова и пришедшего к нему на помощь из Михайлова князя Федора Ивановича Татеева. Большинство крымцев погибло, а 500 человек вместе со своим предводителем попали в плен.

Осенью 1565 г. войско Девлет-Гирея приходило под Болхов. Действия направленной против татар русской рати оказались неудачными, из-за местнического спора произошедшего между воеводами Передового полка Петром Михайловичем Щенятевым и Иваном Васильевичем Шереметевым. Царю пришлось отправлять к Болхову опричное войско во главе с Андреем Петровичем Телятевским, Дмитрием и Андреем Ивановичами Хворостиниными. Узнав о приближении свежих русских сил, 9 октября 1565 г. Девлет-Гирей ушел из-под Болхова. Выявленные в ходе этого набега недостатки в организации обороны южных «украин» вынудили правительство осенью 1566 г. начать строительство на опасном болховском рубеже новой крепости, получившей название Орел..

Нехватка войск на южном порубежье вынуждала правительство форсировать завершение грандиозных оборонительных работ по всей пограничной линии, начатых еще в начале 20-х гг. XVI в. Ежегодно там трудились тысячи пососных людей, собранных из различных городов, возводя засеки от северских городов до мещерских лесов, стараясь управиться до той поры, «когда лес листом оденется». После этого работы прекращались, чтобы возобновиться весной следующего года. Возводились новые укрепления и регулярно возобновлялись старые фортификационные сооружения по «берегу» - второго рубежа русской обороны. Их грандиозные размеры поразили Генриха Штадена, сохранившего подробное описание существовавшей здесь укрепленной линии. По его словам, Ока была «укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землею, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми (knechten) князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами, или шанцами, и стрелять [из-за них] по татарам, когда те переплывали реку».

Вопреки всем затраченным усилиям, остановить татарские набеги не удавалось. Тактика пассивной обороны на хорошо укрепленных, но недостаточно прикрытых войсками рубежах, позволяла татарам, используя малейшие ошибки русских воевод, прорываться в приграничные уезды, разоряя их и угоняя в плен местное население. За 25 лет Ливонской войны лишь в 1566, 1575 и 1579 гг. источники не зафиксировали сообщений о нападениях крымских татар. Таким образом, тяжелая война на два фронта – в

Прибалтике и на южных границах стала реальностью, во многом предопределившей неудачный исход начатой Иваном IV в 1558 г. борьбы за Ливонию.

Первоначально крымцам не удавались глубокие рейды в глубь русской территории. Осенью 1568 г. отряды Шифир-мурзы Сулешова приходили на одоевские, чернские и белевские места, однако поспешно отступили, узнав о приближении русских войск. В том же году на южной границе в верховьях Дона был восстановлен город Данков.

Полным провалом завершилась предпринятая турками попытка захвата Астрахани. Подготовка к этому походу началась еще в 1568 г. а весной следующего 1569 г. султан Селим II перебросил в Кафу 17-тысячное турецкое войско, которое должно было подняться Доном до Переволоки, а затем, проложить канал между Доном и Волгой. Затем, проведя на Волгу корабли с артиллерией, ему предстояло спуститься к Астрахани и захватить ее. Новым астраханским ханом должен был стать Крым-Гирей, сын хана Сагиб-Гирея. Вместе с турецкими войсками должна была действовать Крымская орда хана Девлет-Гирея. Возглавить поход султан поручил кафинскому паше беклербеку Касиму.

Астраханский поход начался в начале июля 1569 г. От Кафы до Переволоки более 100 турецких галеры, с погруженными на них пушками, шли 5 недель. 15 августа они достигли места, где ближе всего сходятся реки Дон и Волга. На Переволоке к турецкой армии присоединилось 50-тысячное татарское войско. Однако осуществить задуманный в Стамбуле проект постройки канала Дон - Волга не удалось. Попытка перетащить «каторги» на Волгу волоком также провалилась. Очевидец рассказывал потом русскому послу в Турции Ивану Петровичу Новосильцеву, что турки «шли половину дни, и стали ся у них волоки и колеса портити». Касиму пришлось вернуть корабли и тяжелую артиллерию в Азов и идти к Волге походным порядком.

К Астрахани, к тому времени перенесенной на новое, более защищенное место, турецко-татарская армия вышла 16 сентября*. Несмотря на помощь астраханских татар и ногайцев, паша не решился без поддержки артиллерии штурмовать расположенную на Заячьем острове хорошо укрепленную крепость, гарнизон которой в начале 1569 г. пополнил отряд окольного Долмата Федоровича Карпова. Огонь русских пушек и удобное расположение крепости не позволили туркам начать осадные работы и блокировать город.

Убедившись в бесплодности своих действий, турецкий паша отвел войска от неприступной крепости и встал лагерем на старом городище, готовясь по повелению султана зимовать под Астраханью. Татарское войско должно было вернуться в Крым, однако известие об этом всколыхнуло всю турецкую армию, измученную тяжелым походом и ожиданием новых испытаний. Тем временем, пришедшая с севера русская «плавная рать» князя Петра Семеновича Серебряного и Замятни Ивановича Сабурова смогла перерезать пути снабжения турецкой армии из астраханских и ногайских кочевий, обрекая ее на полуголодное существование. 26 сентября 1569 г. Касим приказал начать отступление на Дон самым коротким путем - по Кабардинской дороге. Вскоре оно превратилось в настоящее паническое бегство. Во время труднейшего пути, проходившего через безводные степи, турецкая армия потеряла умершими едва ли не три четверти своих воинов. Остатки армии, добравшейся 24 октября 1569 г. до Азова попытались эвакуировать море, но часть кораблей погибла во время бушевавших тогда осенних штормов. Из 3000 участвовавших в походе янычар в Турцию вернулось всего 700 пехотинцев.

Неудача Астраханского похода беклербека Касим-паши не отбила у Девлет-Гирея желания воевать с Россией. Уже в мае следующего года его орда выступила в поход. Движение крымских войск не осталось незамеченным. Путивльский наместник Петр Татев прислал в Москву с сообщением о готовящемся нападении обнаружившего врага

---

* Вскоре после покорения Астрахани был начат поиск места для строительства укрепленной крепости. В результате новый город решили строить на Шабан-бугре (Саинчий бугор, русские называли его Заячьим), который находился на 12-13 км ниже по течению Волги, при впадении в Волгу р. Кутум.

«донецкого сторожа» Абрама Алексеева, но он лишь ненамного опередил врага, вторгшегося в Рязанскую землю. Весь приграничный край подвергся страшному опустошению. Часть татарских «загонов» проникла и в Каширский уезд. Русским воеводам князю Дмитрию Ивановичу Хворостинину и Федору Львову 21 мая 1570 г. за Зарайском удалось разгромить один из таких «загонов» и освободить многих пленников, но опасность повторных татарских нападений сохранялась до конца лета – начала осени 1570 г.

Обстановка на границе оставалась очень напряженной. Русские разведчики сообщали, что в степи «стоят люди многие крымские», а от табунов их «прыск и ржание великое», что «месечных сторожей на Обыкшенской да на Балыклейском громили татар человек с пятьсот и голову их Капусту Жидовинова взяли да товарищев их дву человек убили», писали и о других приготовлениях «крымских людей» к походу на Русь. Сообщения становились все тревожнее. Некоторые разведчики приносили вести, что видели огромное 30-тысячное татарское войско, идущее к границе 30 дорогами. Дважды в это лето царь выдвигал на «берег» новые подкрепления, сам выезжал туда «искати прямого дела» с врагом. Но крымского нападения не произошло. Тревога, поднятая паническими сообщениями дозорных улеглась только после приезда из Путивля в Серпухов станичного головы Ширия Сумороцкого. Он сообщил царю, что проехал всю степь до устья Айдара, но не обнаружил ни одной татарской сакмы. Выявившиеся недостатки в организации станичной и сторожевой службы встревожили русское командование и вынудили его принять должные меры. Реорганизацией дозорной службы «на Поле» зимой 1570/1571 гг. займется известный военачальник Михаил Иванович Воротынский.

Девлет-Гирей отложил большой поход на Русь до весны следующего года. Между тем, проведенные Иваном IV репрессии в армии самым негативным образом отразились на боеспособности вооруженных сил страны, лишившихся многих выдающихся военачальников, имевших богатый опыт действий против татарской конницы. Не пошло на пользу делу искусственное разделение вооруженных сил страны на опричные и земские войска. Начавшееся в 1571 г. восстание в Казанской земле и возобновление ногайских нападений на русские границы значительно ухудшили положение Московского государства и ослабили его войско.

Одно из самых страшных татарских нашествий на Россию произошло в 1571 г. С весны на Оке, в районе Коломны стояли немногочисленные земские полки во главе с воеводами Иваном Дмитриевичем Бельским и Михаилом Яковлевичем Морозовым (в Большом полку), Иваном Федоровичем Мстиславским (в полку Правой руки), Иваном Петровичем Шуйским (в полкулевой руки), Михаилом Ивановичем Воротынским (в Передовом полку) и Иваном Андреевичем Шуйским (в Сторожевом полку). Под их командованием находилось не более 6 тыс. воинов. Получив достоверные известия о готовящемся татарском нападении на Русь 16 мая 1571 г. из Александровской слободы к «берегу» выступило опричное войско во главе с Иваном Грозным и его доверенными воеводами Дмитрием Андреевичем Бутурлиным, Василием Федоровичем Ошаниным, Федором Михайловичем Трубецким и Федором Ивановичем Хворостининым. Царь со своими полками собирался стать в Серпухове.

Девлет-Гирей, знавший от пленных и перебежчиков о бедствиях, обрушившихся на Московское государство: море и «меженине» (засухе), о продолжающейся войне в Ливонии, о сосредоточении немногочисленных русских полков лишь на «перелазах» (переправах) через Оку в районе Коломны и Серпухова, выступил в свой самый успешный поход на Русь. Первоначально он собирался ограничиться набегом на козельские земли и повел войско к верховьям Оки. Форсировав эту реку через Быстрый брод татарская армия стала продвигаться к Болхову и Козельску. Но на «Злынском поле» хан принял предложение одного из перебежчиков белевского сына боярского Кудеяра Тишенкова идти к Москве. Изменник обещал хану провести крымское войско через неохранные «перелазы» в верховьях реки Жиздры, там, где еще не ходило крымское войско. Этот обходной маневр стал для русских воевод полной неожиданностью. В середине мая 1571 г.

40-тысячная татарская армия в районе Перемышля перешла Жиздру и начала обходить расположение опричного войска с тыла, выдвигаясь в направлении Москвы¹. Внезапной атакой противник разгромил отряд царского кошевого воеводы Якова Федоровича Волинского. Только тогда Иван IV узнал об опасном прорыве вражеского войска и приближении татар к его стану. Опасаясь за свою жизнь, царь бежал с «берега» мимо Москвы в Ростов, собираясь ехать далее в Ярославль.

Земские воеводы, получив сообщение о начавшемся вторжении, быстрым маршем двинулись из Коломны к Москве, стараясь опередить направляющуюся туда крымскую армию. 23 мая русские войска подошли к столице, на один день опередив орды Девлет-Гирея. Полки И.Д. Бельского и И.Ф. Мстиславского встали в Замоскворечье и за Москвой-рекой и приняли бой с подошедшим татарским войском. Кроме земской армии в обороне Москвы принял участие опричный полк Василия Ивановича Темкина-Ростовского.

После первых стычек, закончившихся в пользу русских, Девлет-Гирей, остановившийся в селе Коломенском, послал 20 тыс. татар к стенам Москвы, приказав поджечь городские предместья. Благодаря поднявшемуся сильному ветру пламя из пригородных слобод перекинулось на город, за три часа выгоревший почти целиком. От взрыва складированных в башнях Кремля и Китай-города запасов пороха сильно пострадали крепостные укрепления: «Да в ту же пору вырвало две стены городовых: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против Земского двора; а было под ними зелия; ино и досталь людей побило многих».

Во время пожара погибло множество москвичей. В числе задохнувшихся от дыма был большой воевода земской рати князь Иван Дмитриевич Бельский, - раненный в предыдущих боях он находился на своем дворе, попытался найти укрытие от огня в каменном погребе, где и погиб. Однако русские отряды, находившиеся «на лугах», прежде всего Передовой полк М.И. Воротынского, сохранили свою боеспособность. Поэтому 25 мая 1571 г., Девлет-Гирей повернул свои войска в направлении Каширы и Рязани, распустив часть отрядов в «войну», для захвата «полона». Вскоре, отягощенные добычей и огромным числом пленных, крымцы двинулись обратно. Возвращаясь в свои улусы, татары прошли через Рязанскую землю. Следовавший за отступающим неприятелем полк князя Михаила Ивановича Воротынского в силу своей малочисленности, не смог помешать противнику опустошить и разорить весь край, о чем вспоминал позднее в своих записках Генрих Штаден. Во время отступления татар из Руси был уничтожен город Кашира.

15 июня 1571 г. к вернувшемуся из Ростова в подмосковское село Братошино царю Ивану Грозному прибыли крымские послы. Они угрожали ему новым вторжением, требуя вернуть Девлет-Гирею его «юрты» - Казань и Астрахань. Царь серьезно отнесся к этим угрозам и согласился передать крымскому хану Астрахань, ясно сознавая опасность воссоздания мусульманских ханств на Волге. Однако Девлет-Гирей отказался пойти на компромисс, поэтому возобновление войны между Москвой и Крымом стало неизбежным.

Для нового похода на Русь крымский хан собрал более мощную группировку, доведя численность своих войск до 120 тыс. человек. Его армия состояла из татар, ногайцев и 7 тыс. турецких янычар. Похоже, хан нисколько не сомневался в успехе нового похода, самоуверенно расписав и разделив русские города и уезды между находившимися при нем мурзами.

---

¹ В отечественной науке сложилось несколько устойчивых мифов об этом татарском нашествии. Так, А.А. Зимин, вслед за автором Пискаревского летописца, спутавшего маршруты движения крымского войска в 1571 и 1572 гг., полагал, что татарское войско в мае 1571 г. наступало на Москву через тульские места. – См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 452. Б.Н. Флоря утверждает, что К. Тишенков, явившийся с другими перебежчиками к стоявшему на «Злынском поле» хану, предложил ему перевести татарское войско через р. Оку (Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 264). Злынское поле находится южнее Болхова уже за Окой, понятно, что изменник мог обещать провести татар лишь через лежавшую у них на пути Жиздру.

В Москве также готовились к новым сражениям. В апреле в Коломне был проведен смотр собранным войскам, во главе которых царь поставил князя М.И. Воротынского, прославившегося участием во многих походах и битвах того времени. В 1571 г. он руководил составлением первого русского воинского устава – «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе», реорганизовавшего службу охраны южнорусских рубежей.

С весны 1572 г. «от Поля по украинам» были поставлены новые воеводы, начавшие готовить свои крепости к возможному приходу татарских полчищ. Разрядные книги упоминают следующих воевод: Ю.К. Курлятева и В.И. Коробьина в Данкове, кн. А.Д. Палецкого и М. Назарьева на Дедилове, М.Ю. Лыкова в Новосили (на реке Зуше), Д. А. Замыцкого в Мценске, В.Г. Колычева и Д. Ивашкина на Орле, Л.З. Новосильцева в Рязске, И.И. Лыкова в Болхове, Г. Кульнева в Карачеве, Г.И. Рыжкова Долгорукого в Шацке, Б.В. Серебряного в Брянске, М.В. Тюфякина в Стародубе, Ф.Ф. Нагого в Чернигове, И. Щербатого в Новгороде-Северском, Г.И. Коркодинова в Путивле, Д.В. Гундорова в Рыльске, Я.И. Судимонтова в Рославле.

Армия М.И. Воротынского, насчитывала, по заранее составленным спискам, 20 034 человек, а с боевыми холопами - до 50 тыс. человек. Вместе с казаками и другими формированиями, привлеченными к обороне «берега», ее количественный состав можно определить в 73 тыс. человек. Полки размещались в городах по Оке, вдоль которой были восстановлены старые укрепления.

Предваряя перечень полковых воевод армии Воротынского, следует отметить важное обстоятельство: впервые под единым командованием военачальника из «земщины» находились и земские, и опричные войска. Большой полк под командованием М.И. Воротынского и И.В. Шереметева встал в Серпухове; полк Правой руки Н.Р. Одоевского и Ф.В. Шереметева – в Тарусе; полклевой руки А.В. Репнина и П.И. Хворостинина – на Лопасне; Передовой полк А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина – в Калуге; Сторожевой полк И.П. Шуйского и В.И. Умногo-Колычева – на Кашире. Воеводы «украинных» городов (Дедилова, Данкова, Орла, Новосили, Рязска, Елифани, Шацка, Пловы и Соловы) получили приказ: при появлении врага с частью своих сил немедленно отойти назад, к Оке и соединиться здесь с главными силами, усилив их перед решающей схваткой с татарами. В полном составе остались лишь гарнизоны Михайлова, Зарайска и Одоева, находившиеся на самом опасном направлении.

Несмотря на принятые меры, у царя Ивана Васильевича не было полной уверенности в возможности русской армии остановить вторжение татар на Окском рубеже. Поэтому после апрельского смотра сосредоточенных в Коломне войск, он уехал в Новгород, куда зимой 1571/1572 гг. отправил 450 возов с государственной казной. В Новгороде Иван Грозный написал духовную грамоту – завещание, отметив факт своего «скитания по странам» и изгнанничества «от бояр», которых он обвинял не только в самовольстве, но и в тайном пособничестве татарам.

К счастью, страхи царя оказались напрасными – нападение врага удалось отбить, несмотря на то, что и в этом году русские сторожи не смогли своевременно и точно сообщить своему командованию о приближении к рубежам крымских войск, узнать их численность и направление движения.

В этом году Девлет-Гирей, полагаясь на многочисленность своей армии, шел прямо к главным «перелазам» через Оку. В ночь на 27 июля 1572 г. ногайский отряд мурзы Теребердея, шедший в авангарде крымских войск стремительным ударом сбил немногочисленную русскую заставу, прикрывавшую «Сенькин перевоз». Находившиеся на «берегу» 200 детей боярских отступили, а татары стали разрушать укрепления на московской стороне реки: «плетни ис подкопов выняли да перешли на сю сторону Оки реки». Другой неприятельский отряд, которым командовал Дивей-мурза овладел окским «перелазом» рядом с устьем реки Протвы, «против Дракина». Несмотря на захват второго плацдарма, главные силы татарской армии начали переправляться через «Сенькин брод».

Русские воеводы, находившиеся в Кашире (Сторожевой полк И.П. Шуйского и В.И. Умного-Колычева) и Тарусе (полк Правой руки Никиты Романовича Одоевского и Федора Васильевича Шереметева) не успели прикрыть эти переправы и помешать сосредоточению врага для решающего броска к Москве.

В ночь на 28 июля 1572 г., прорвавшаяся через окский рубеж, армия Девлет-Гирея по серпуховской дороге двинулась к Москве. В этот роковой час самым решительным образом действовал М.И. Воротынский. Находившийся под его командованием Большой полк, оставив позиции на «берегу» под Серпуховом, пошел к Москве, вслед за крымской армией, отрезая ей пути отступления. С флангов от Калуги, наперерез татарам шли Передовой полк А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина, от Каширы - Сторожевой полк И.П. Шуйского и В.И. Умного-Колычева.

30 июля на реке Пахре у деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы, Передовой полк А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина настиг арьергардные отряды армии Девлет-Гирея и, атаковав, разгромил их. Встревоженный ударом русской конницы, крымский хан остановил наступление и начал отвод своих войск из-за Пахры. Пока же он направил против войск Хованского и Хворостинина находившийся при нем 12-тысячный отряд, вступивший в сражение с русскими дворянскими сотнями. Умело маневрирующий Передовой полк, отступая, подвел противника под удар подошедшего к месту боев Большого полка, укрепившего свои позиции спешно поставленным «гуляй-городом». Начавшись небольшими стычками, столкновение у Молодей перерастало в большое сражение, от исхода которого зависела судьба всей войны.

Под прикрытием ружейного и артиллерийского огня засевших в «гуляй-городе» стрельцов и немецких наемников, дворянские конные сотни контратаковали татар, затем снова отходили за линию щитовых укреплений, и вновь устремлялись на врага. Во время одной из атак суздальский сын боярский Иван Шибаяев сын Алалыкин пленил видного татарского военачальника Дивея-мурзу, неосторожно приблизившегося к русским позициям. Тогда же погиб ногайский мурза Теребердей. Вскоре сражение начало стихать, возобновившись через два дня, в течение которых происходили короткие столкновения конных разъездов. Получив известие о шедших к русским воеводам подкреплениях, Девлет-Гирей решил использовать последний шанс и повел свои войска в решительную атаку. 2 августа крымская армия штурмовала «гуляй-город», стремясь разгромить русских и отбить Дивея-мурзу. Во время ожесточенного сражения под стенами деревянной крепости Большой полк под командованием М.И. Воротынского смог обойти неприятельскую армию, нанеся мощный удар с тыла. Одновременно противник был атакован находившимися в «гуляй-городе» отрядами русской и наемной немецкой пехоты, оставшимися там под командованием князя Дмитрия Ивановича Хворостинина.

Не выдержав двойного удара русских войск, татары отступили, понеся в последних боях колоссальные потери. Среди погибших оказались сыновья хана Девлет-Гирея; при штурме «гуляй-города» полегла турецкая янычарская пехота. В ночь на 3 августа крымская армия поспешно отступила на юг, преследуемая русскими отрядами. Стараясь оторваться от погони, Девлет-Гирей выставил несколько заслонов, которые были уничтожены русскими. Из огромной армии, перешедшей в июле 1572 г. русскую границу, в Крым вернулось около 20 тыс. человек.

Успех сопутствовал русским войскам и на других фронтах. В 1573 г. волжскими казаками был разгромлен город Сарайчик - столица Большой Ногайской Орды. Против восставших в Казанской земле марийцев Луговой и Горной стороны царь направил войско князя Никиты Романовича Одоевского и князя Ивана Петровича Охлябинина, нанесшее ряд тяжелых поражений мятежникам. Новый поход в Поволжье планировался осенью 1573 г., однако, узнав о сосредоточении в Муроме крупных русских сил, черемисы прислали туда с повинной своих представителей, и поход был отменен. Капитуляция была принята с условием постройки на марийской территории новой крепости - «Царева города» на Волге

между устьями рек Большой и Малой Кокшаги (Царевококшайска). Строительство деревянной крепости здесь началось в апреле 1574 г.

Победа при Молодях, и возникшая вскоре война между Османской империей и Персией на время приостановили крымскую и турецкую агрессию. Русскую границу продолжали тревожить лишь небольшие татарские набеги. Такие нападения произошли и в 1573, и в 1574 гг. Совершены они были исключительно с грабительскими целями. По своим масштабам эти набеги не шли ни в какое сравнение с нападениями прошлых лет.

Воспользовавшись затишьем на южных границах и заручившись поддержкой германского императора Максимилиана II, претендовавшего на вакантный королевский престол Речи Посполитой и обещавшего Ивану Грозному заключить с ним почетный мир при условии совместных военных действия против Турции и Крыма, московский царь начал подготовку к широкомасштабным военным действиям на юге. На организацию будущего похода была выделена огромная по тем временам сумма – 40 тыс. рублей. В ожидании, казалось бы, неизбежного избрания Максимилиана II новым польским королем Иван IV в мае 1576 г. встал с войсками в Калуге, распределив полки на «берегу» и «по украинным городом». На реках бассейна верхнего Дона готовилась «судовая рать», в которую вошли опытные корабли с Вятки, Двины и Волги. На Днепр к запорожскому гетману Богдану Ружинскому царь послал большую денежную казну, запасы пороха и свинца. На помощь ему выступили отряды московских служилых казаков во главе с атаманами Андреем Веревкиным, Яковом Прончищевым и Федором Шахом. Летом 1576 г. войско Б. Ружинского, усиленное отрядами русских служилых людей, ходило на Ислам-Кермен. В произошедшем под стенами этой крепости сражении татары были разбиты и бежали, очистив город. О взятии Ислам-Кермена атаманы А. Веревкин, Я. Прончищев и Ф. Шах 15 августа сообщили царю Ивану Васильевичу. К этому времени Иван IV знал об избрании польским королем турецкого ставленника 1576 г. Стефана Батория и понимал, что в этих условиях возобновление борьбы за Прибалтику между Речью Посполитой и Россией становится неизбежным. Сообщение о победе русско-запорожского войска под Ислам-Керменом не смогло убедить царя в необходимости начала большой войны с Крымом и Турцией. Разочарованный крушением своих планов, Иван Васильевич «приговорил со всеми бояры итти к Москве», оставив на «берегу» войска под командованием князя Ивана Юрьевича Булгакова.

Военные действия на Днепре были свернуты. Возобновившиеся набеги крымских татар носили грабительский характер и ограничивались, как правило, нападениями на приграничные места. Ущерб от этих набегов, с точки зрения царя, был невелик и он, даже в обычно очень напряженное летнее время, продолжал перебрасывать полки с южной границы на литовскую «украину», где Стефан Баторий один за другим захватывал русские города. Гораздо больше тревожили Ивана Грозного начавшееся весной 1581 г. новое восстание в Казанской земле и непрекращающиеся нападения ногайцев на приграничные русские земли. В том же 1581 г. пришедшее на помощь марийцам 25-тысячное ногайское войско князя Уруса разорило белевские, алатырские и коломенские места. В Поволжье шли тяжелые сражения. Несколько облегчила положение русских ратей постройка в 1583 г. на правом берегу Волги напротив устья р. Ветлуги Козьмодемьянского острога. Только после окончания Ливонской войны московское правительство смогло сосредоточить на охваченной мятежом территории достаточное число войск, подавивших последние очаги сопротивления в марийских землях. Это произошло уже после смерти Ивана Грозного. Покорителем мятежного Черемисского края стал князь Иван Андреевич Ноготков, войско которого выступило в поход 11 ноября 1584 г. и нанесло ряд поражений восставшим, вынудив их сложить оружие и покориться русской власти. Укрепляя свои позиции в Поволжье правительство царя Федора Ивановича спешно возводит здесь новые крепости: в 1584/1585 гг. - Новый Царев город на Санчюрине озере (Царевосанчурск), в 1585/1586 гг. – Самару и Уфу, в 1589 г. – Царицын, в 1590 г. – Саратов, Цивильск и Ядринск.

Тем временем, вновь осложнилась обстановка на крымской «украине». Весной 1584 г. 52-тысячное татарское войско под командованием Араслан-мурзы, в составе которого находились татарские и ногайские отряды, прорвалось через Оку. В течение двух недель противник безнаказанно разорял белевские, козельские, воротынские, мешцовские, мосальские, можайские, дорогобужские и вяземские места, захватив «полону бесчисленно много русского народу». 7 мая войско под командование думного дворянина Михаила Андреевича Безнина настигло противника у слободы Монастырской, в устье реки Высы, в 8 верстах от Калуги. В упорном сражении русским полкам удалось разбить врага, «отполонив» около 70 тыс. человек. В тот же день к «берегу» выступило войско князя Федора Михайловича Трубецкого и князя Михаила Самсоновича Туренина, усилившее оборону южного рубежа. Однако битвой у Монастырской слободы военные действия не завершились. М.А. Безнин, узнав от захваченных татарских «языков» об осаде войском мурзы Есинея города Белева, где оборонялся князь Тимофей Романович Трубецкой, направил ему на помощь отряд головы Матвея Проестева. Узнав о приближении русского отряда, противник, не принимая сражения, ушел из русской «украины».

Поражение татарских войск улучшило обстановку на границе, однако она продолжала оставаться крайне сложной. В начале лета крымские и ногайские отряды вновь приходили к русскому рубежу и воевали ряжские места. Однако именно в это время в степь начинают проникать запорожцы, поступившие на службу польской короне. Именно тогда с польской стороны строятся города Переяславль, Лубны, Прилуки, чуть позже Полтава. В июле 1585 г. «черкасы» (так на Руси называли всех днепровских казаков – и вольных запорожцев, и реестровых воинов) внезапно вторглись в донские степи. Их отряды разгромили сторожу стоялого головы Романа Вердеревского располагавшуюся в Богатом затоне на восточном берегу Дона. Ответом на это нападение стал поход в «Поле» войска Фомы Бутурлина и Юрия Булгакова, вслед за которым вниз по Дону из Данкова ходила судовая рать головы Гуры Вердеревского. Перед выступившими на «Поле» войсками была поставлена задача обнаружить «черкас» и «их с Дону сгонить». Продолжались и крымские набеги. В следующем 1585 г. татарские отряды вновь приходили на рязанское пограничье.

Накал противоборства с Крымской Ордой несколько снизился после вспыхнувших в роду Гиреев междоусобиц. В 1584 г. хан Мухаммед-Гирей II Жирный был убит своим братом «царевичем» Алп-Гиреем. Новым ханом стал Ислам-Гирей II, калгою – Алп-Гирей. Другие братья, спасая жизнь, бежали из Крыма. Сеадет-Гирей и Сафа-Гирей укрылись в Ногайской Орде, Мурат-Гирей ушел на Русь, где ему была устроена пышная встреча. Благодаря посредничеству принятого в Москве «царевича» в 1586 г. были нормализованы отношения России с Большой Ногайской Ордой, князь которой Урус дал шертную клятву на верность царю Федору Ивановичу и направил своих сыновей заложниками в Астрахань. 18 июля, по просьбе Сеадет-Гирея, Мурат-Гирея отправили в пожалованную ему Астрахань, откуда он должен был готовить нападение на Крым. На всякий случай правительство царя Федора Ивановича поспешило укрепить свою южную границу постройкой двух новых крепостей. 1 марта 1585 г. было принято решение о строительстве городов Ливны и Воронеж, в том же году они были поставлены.

Враждебное отношение Москвы к правящему в Бахчисарае хану и открытая поддержка изгнанных им мятежных братьев, вызвала в 1587 г. серию набегов на русские «украины» крымских татар и ногайцев из Казыевского улуса*. В 1587 г. 40-тысячная орда под командованием «царевичей» Алп-Гирея и Соломат-Гирея вошла в русские пределы Кальмиусским шляхом, восточнее реки Оскол. Врага ждали под Тулой, но татары остались на «украине» и ударили по городу Крапивне, захватили острог, а затем сожгли и сам город. Татарские отряды вынудило отступить выдвижение к границе большого

---

* Казыева Орда – такое название получила изначально враждебная России Малая Ногайская Орда, откочевавшая к Азову после признания в 1557 г. мурзами Большой Ногайской Орды русского протектората

русского войска во главе с воеводами боярином Иваном Васильевичем Годуновым, Иваном Львовичем Салтыковым и Андреем Яковлевичем Измайловым. Кроме дворянских полков, в состав русской рати вошли 5 тыс. «вогненова бою стрелцов», выступивших в поход на конях. В ходе преследования, армия Годунова настигла и уничтожила большая часть татарских «загонов», не успевших соединиться со своими главными силами. В шедших в степи жарких боях погибло около 30 тыс. крымцев и ногайцев, 2 тыс. степняков взяты в плен.

В 1588-1590 гг. крупных татарских набегов на порубежные места в источниках не отмечено. Но настоящей трагедией обернулся приход в апреле 1590 г. к новому городу Воронежу большого запорожского отряда (600 человек) под командованием атаманов Дениса Селенского, Барана и Гусак. Посланцы этих атаманов сообщили, что идут на Дон для нападения на Азов и Крым. Воронежцы неосмотрительно пустили запорожцев на ночевку в острог и в ту же ночь «черкасы» напали на русских людей, многих из них убили или захватили в плен, а город Воронеж сожгли. В ночном бою с запорожцами погиб воронежский воевода князь Иван Андреевич Шебановский Долгоруков.

Серьезное вторжение крымских войск произошло в 1591 г. Татарскую армию повел на Москву новый хан Гази-Гирей II, по прозвищу Бора (Буря), в русских летописях именовавшийся «Казы-Гиреем». Московские власти были твердо уверены, что новое крымское нападение было неслучайным и согласованным со шведским королем Юханом III, который воевал тогда с Россией. Действия крымского хана полностью поддержал турецкий султан, направивший вместе с ним свои войска.

150-тысячное войско Гази-Гирея выступило в поход летом 1591 г. Скрыть передвижение огромной массы войск не удалось. Впрочем, фактор времени имел очень важное значение. На этот раз он оказался на русской стороне. На Ливны «прибежал» татарин-перебежчик, который и сообщил о готовящемся нападении. Едва эти вести дошли до русских воевод, как в степь были посланы разъезды станичных голов - детей боярских Мешки (Михаила) Зыбина и Алексея Сухотина. Они получили наказ «ехать на поля под царевы полки» и «сметить сколко с крымским царем воинских людей идет и на которые места приход будет крымского царя». Станичные головы обнаружили татар уже «по сю сторону Ливен в Судбищах» и поспешили вернуться в Дедилов и Тулу, к городам, на которые шло крымское войско. По предварительным расчетам Михаила Зыбина и Алексея Сухотина татарская армия насчитывала 100 тыс. воинов и должна была подойти к Туле и Дедилову 27 июня 1591 г. Позднее оказалось, что Гази-Гирей вел на Русь 150-тысячную армию

Узнав о появлении вблизи границы огромной крымской армии, тульский воевода князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский и дедиловский воевода князь Василий Васильевич Голицын сообщили об этих тревожных вестях в Москву. Власти самым серьезным образом отнеслись к полученным из южных городов известиям. Всем «украинным» воеводам было приказано немедленно собраться в Серпухове, а затем выступить к Москве, оставив на «берегу» небольшой сборный отряд головы Степана Борисовича Колтовского с 300 «детей боярских добрых одвуконь изо всех полков». Его отряду предстояло узнать и сообщить в Москву сведения о времени и месте перехода татар через Оку, по возможности атакуя их авангарды: «а будет мочна Степану Колтовскому над резвыми передовыми людьми, которые вскоре Оку перелезут поиск учинить».

Отряд С. Колтовского прибыл в Москву на рассвете 3 июля 1591 г. с грозными вестями, гласившими, что «идет крымской царь прямо к Москве, а войны от себя нигде не ропустил». 2 июля татары вышли к Оке и, переправившись через нее у деревни Тешилово (между Каширой и Серпуховом), двинулись по Московской дороге мимо Серпухова. Повидимому, Гази-Гирей встревожило быстрое отступление к Москве всех стоявших на рубеже русских войск. Он опасался неожиданного нападения и так же как Девлет-Гирей в 1571 г. не хотел расплывать свои силы накануне решающего сражения.

Хан не ошибся. Русское командование решило главный бой дать татарам под стенами Москвы. Собранные под стенами столицы войска возглавили большие воеводы боярин князь Федор Иванович Мстиславский и конюший боярин Борис Федорович Годунов. Они сделали попытку задержать наступление крымских войск и выслали к реке Пахре, навстречу наступающей татарской орде, небольшой отряд. Командовал им «сходный воевода» из полка Правой руки князь Владимир Иванович Бахтиаров-Ростовский. В подчинении у него находилось всего 250 детей боярских «смолян, олексинцев, тулян». В особом наказе, данном В.И. Бахтиарову-Ростовскому, его отряду предписывалось «идти и стати на Похре на реке, промышлять над крымскими полки передовыми». Однако силы сторон были слишком неравными, противник шел на Москву большими силами. В произошедшем столкновении русская застава сразу же была разгромлена татарами: «И крымские люди пришли на Похру тово же числа и князя Володимера с Похры реки збили, и гоняли с Похры до Отбитца (соврем. река Битца, левый приток р. Пахры), и князя Володимера ранили, а детей боярских много побили и поимали».

Однако даже небольшая задержка огромной татарской армии сыграла важную роль. Русские воеводы успели собрать все наличные силы и поставить «за Москвою за рекою, за Деревянным городом» между Серпуховской и Калужской дорогами большой «обоз» - полевое укрепление, типа хорошо известного, но отчасти модернизированного «гуляй-города». В обозе расположился с частью московского гарнизона конюший боярин Б.Ф. Годунов. Там же были размещены и отведенные с Оки «береговые полки» князя Ф.И. Мстиславского, назначенного главным воеводой собранной под стенами Москвы русской армии.

Утром 4 июля 1591 г. «в третьем часу дни» (около 5 час. утра по современному времяисчислению – *В.В.*) крымская армия подошла к Москве. Остановившись в селе Котлах, «в оврагах в крепости», хан немедленно бросил свои передовые войска в бой, но сам с главными силами «на прямое дело не пошел». Крымцы атаковали стоявшие в «обозе» русские полки со стороны села Воробьева и «курганов», но без особого успеха. Приближавшаяся к укреплениям конница врага рассеивалась артиллерийским и ружейным огнем, затем, из-за открывавшихся щитовых ворот «обоза», противника атаковали конные дворянские сотни. Они «травились» с татарами, а затем быстро отступали назад, подводя крымцев под залпы своих пушек и пищалей. Инициатива в сражении полностью была на стороне русского войска, продолжавшего контратаки до самого вечера.

С закатом солнца бои прекратились, но ночью в русском лагере подняли тревогу, сопровождавшуюся предупредительной артиллерийской канонадой. А.А. Зимин полностью приняв объяснение Пискаревского летописца, описавшего эту тревогу как ложную, писал, что «в ночь на 5 июля вновь вспыхнула беспорядочная стрельба», напугавшая крымского хана и вынудившая его отступить из-под Москвы). Более убедительной представляется версия разрядных записей, в которых сообщается, что русские «тое ночи пошли из обозу со всеми людьми и с нарядом на крымского царя на Казы-Гирея, на ево станы, где он стоит, и на походе блиско крымского царя полков учили из наряду стрелять». Об атаке крымского лагеря упоминает и Московский летописец: «а в ночи послали на царевы станы в Коломенское Василья Янова и 3000 человек. И царь послыша приход, пошел назад...». Встревоженный русским нападением и пушечной стрельбой, Гази-Гирей поверил ложному сообщению пленного московского лазутчика (по свидениям Нового летописца – целой группе русских пленных) о прибытии из Новгорода свежих государевых полков. В связи с этим на рассвете 6 июля он начал поспешное отступление от Москвы, «пометав коши» и приказав оставить в лагере зажженные костры, пытаясь ввести в заблуждение царских воевод.

Сообщение Пискаревского и Московского летописцев о том, что, отступая, хан потерпел неудачу, пытаясь овладеть Дедиловым, вряд ли можно считать достоверным. Согласно разрядным книгам, «бежал крымской царь Казы-Гирей до Серпухова всеми полки, а ни на одну сторону в войну никаких людей не роспустил, услыша за собою

государевых царевых и великого князя Федора Ивановича всеа Руси воевод передовые полки. И того же дни в понедельник в осмом часу дни (около 10 час. утра по современному времяисчислению – В.В.) крымской царь Казы-Гирей со всеми людьми реку Оку перелез и, перелезши Оку реку, того же дни начовал, отошодчи от реки верст с пять, и на украину пошел по тому же наскоро». Впрочем, в одной из неопубликованных разрядных книг сообщается, что посланные вдогонку за уходящим крымским ханом головы Третьяк Вельяминов, Даниило Исленьев и Тимофей Грязной настигли и разгромили один из татарских отрядов «в Тульском уезде, в Лукьянове поместье Хрущова в деревне в Лобынску» (а не под Дедиловым, как считалось раньше). Это, несомненно, был «загон», отделившийся от главного войска, чтобы захватить полоняников и увести их в Крым. Именно этот отряд настигли «скорые» русские полки, захватившие 98 татарских «языков» (по летописным свидетельствам – 400), приведенных затем в Серпухов. Другие татарские «загоны» начали «войну» в окрестностях Михайлова и Пронска, но там их атаковали Иван Полев и Василий Биркин. После этих неудач Гази-Гирей, понимая опасность промедления, повел армию, уже полностью деморализованную стремительным бегством и новыми русскими атаками, в свои улусы.

Преследование арьергардных отрядов разбитой орды велось и в «Поле». В последних боях этого крайне неудачного для татар похода был ранен Гази-Гирей, сумевший, однако, сохранить и привести назад часть своего разбитого войска. По сообщению русского гонца Ивана Бибикова в Бахчисарай крымский хан прибыл 2 августа 1591 г., въехав в город ночью в телеге с подвязанной рукой. Назад с ним вернулась лишь треть ушедших на войну татар.

Поражение вынудило крымского хана быть более осторожным. Отказавшись от повторения похода на Москву, он вернулся к старой тактике быстрых опустошительных набегов на приграничные русские области. Весной 1592 г. 40-тысячное войско «царевичей» Фети-Гирея и Бахты-Гирея обрушилось на михайловские, тульские, дедиловские, каширские, веневские и рязанские места. Пользуясь внезапностью своего нападения, татары разорили ближайшие к рубежу волости, захватив большой полон: «и воеваху те места и разоряху и многих людей побиша и села и деревни многие пожгоша; дворян и детей боярских з женам и з детми и многих православных крестьян в полон поимали и сведоша, а полону много множество, яко и старые люди не помнят такие войны от поганых».

Из Тулы против татарских царевичей выступило войско, составленное из полков «украинного разряда» под командованием боярина князя Бориса Камбулатовича Черкасского. «И мая в 18 день приходили к государевым украинным воеводам к боярину ко князю Борису Конбулатовичю Черкасскому с товарищи с крымскими людьми Араслане мурза на Потегу на Осетр реку». В бой были брошены передовые отряды «голов письменных» Ивана Писемского и Федора Колтовского. Исход схватки остался неопределенным, после чего русские и татарские отряды «розошлись, а урону на обе стороны мало было».

Все же сражение с отрядом Араслан-мурзы и приближение русского войска к зоне действия татарских «загонов» встревожили Фети-Гирея и Бахты-Гирея суволока которых находилась под Михайловым. 19 мая 1592 г. они повели свои отягощенные добычей и «полоном» войска обратно к границе. Русские воеводы шли за татарами до Епифани, а затем вернулись «по своим местом в украинные городы».

Правительство тогда же попыталось по горячим следам организовать поход в степь, направив из Ливен в погоню за уходящими с «полоном» татарами войско под командованием воевод Ивана Михайловича Бутурлина, Артемия Ивановича Колтовского и Афанасия Федоровича Зиновьева. Они получили наказ «над крымскими царевичами поискать государева дела». Помимо отрядов детей боярских «на поля» с этими воеводами были посланы служилые иноземцы («литва и немцы») из состава вернувшегося на Тулу и стоявшего там «украинного» Большого полка князя Б.К. Черкасского. В поход собранное в

Ливнах войско выступило лишь 1 июня 1592 г., через 12 дней после отступления татар и, не настигнув их, вынуждено было ни с чем вернуться обратно.

Встревоженное крайней неэффективностью обороны границы, правительство тогда же, в июне 1592 г. выдвигает «украинный» Большой полк из Тулы в Одоев, соответственно Сторожевой полк переводится из Одоева в Белев. Лишь Передовой полк остался на прежнем месте в Крапивне. Дислокация «береговых» полков в этом году не изменилась.

В середине июля 1592 г. «по полоняничным вестям» все украинные полки были выведены «на поля» и стояли на рубеже в полной боевой готовности 9 недель (до 24 сентября), но нового татарского нападения не последовало.

Только следующий, 1593 год принес России долгожданную стабилизацию обстановки на южной границе. Начавшаяся война между Оттоманской Портой и империей Габсбургов, продолжавшаяся до 1606 г., отвлекла крымские войска на другой театр военных действий, предоставив Московскому государству необходимую передышку. Успокоенное правительство в 1593 г. возвращает «украинный» Большой полк на старое место в Тулу, но Сторожевой полк выдвигается в Крапивну, а Передовой – в Дедилов. Московское командование явно опасалось крымского вероломства, несмотря на то, что Гази-Гирей принес шертную клятву перед русским посланником князем Меркурием (Меркулом) Александровичем Щербатовым. Однако тревога на этот раз оказалась напрасною - крымские нападения на Русь действительно прекратились. Набеги на границы России продолжали совершать лишь ногайские отряды из Казыевского улуса, которыми предводительствовал азовский ага Дос-Мухаммед (Дос-Магмет; Дос-Бахмет). Особенно встревожило московские власти нападение 1594 г. 17 мая этого года 8-тысячный ногайский отряд под командованием мурз Казыева улуса Баран-Гази-мурзы Шейдякова и Ислам-мурзы, и азовского аги Дос-Мухаммеда приходил к Шацку. «И у Шацкого города у острогу те все мурзы с ногайскими и озовскими людьми были и к острогу приступали и не доспели острогу шкоты никокой и пошли от Шацкого острогу на поля». Однако, успешно отбивший неприятельское нападение шацкой воевода князь Владимир Иванович Клубков-Мосальский, спешно направил в Москву просьбу о помощи. По сведениям, поступившим к нему от пришедших с «Поля» станичников, противник, получив в степи подкрепление (к Дос-Мухаммеду присоединился 12-тысячный крымский отряд «царевича» Араслана), готовился к новому нападению на шацкие и рязанские места.

Правительство чрезвычайно серьезно отнеслось к этой угрозе, значительно усилив оборону ближайших к месту сосредоточения татарских сил южных городов (в Зарайск, Шацк, Арзамас, Алатырь были посланы дополнительные войска, в состав которых входили дворяне и дети боярские из Вязьмы, Ржева, Дорогобужа, Зубцова и других городов). Находившаяся в Туле, Дедилове и Крапивне рать князя Василия Васильевича Голицына была срочно переброшена к Епифани и стала в 5 верстах от этого города под Метениным лесом. Устрашенные русскими приготовлениями ногаи и азовцы так и не решились на повторное нападение и, отступив от границы, ушли в свои улусы. Только в 1596 г. последовало новое нападение Дос-Мухаммеда, на этот раз на рязанские места.

Это нападение, по-видимому, было связано с предпринятой русским правительством в 1593-1594 гг. попыткой утвердиться на Северном Кавказе и проникнуть в Закавказье. Активность Москвы на этом направлении вызывали неоднократные просьбы о помощи правителя Кахетинского царства Александра II, искавшего у России защиты от участвовавших горских нападений. На Кавказ было направлено войско под командованием окольничего князя Андрея Ивановича Хворостинина и Ивана Васильевича Большого Измайлова. Воеводы получили наказ «в Торках город ставить и, поставя город, <...> быть в войне, воевать черкас и шевкалы». Младшими воеводами в этом походе были Василий Кузьмин, Лука Новосильцев и стрелецкий голова Григорий Вердеревский. Русские отряды заняли Тарки и продвинулись до реки Сунжи, но, так и не дождались подхода союзного грузинского войска и понесли большие потери. В боях с «шевкальскими людьми» на Сунже был убит воевода Иван Измайлов. А.И. Хворостинин вынужден был отступить к Тереку,

лишившись в этом безрезультатном походе не менее 3 тыс. воинов. Чтобы подкрепить свои вооруженные силы на Северном Кавказе русскому правительству пришлось срочно направлять в Тарки новые войска. Возглавили их воевода Александр Федорович Жировой-Засекин и головы Семен Иванович Чередов и Иван Петрович Федоров.

Несмотря на прекращение крымских вторжений, внимание правительства к укреплению южной границы не ослабевало. Выражалось оно, прежде всего, в сооружении новых крепостей. В эти годы города возводятся «на Поле», «по сакмам татарским»: вскоре после возведения уже упоминавшихся Воронежа и Ливен, в 1589 г. строится Царицын, в 1591-1592 гг. восстанавливается разрушенный в начале XV в. Елец (летом 1592 г. там уже упоминается находившийся на воеводстве его строитель кн. А.Д. Звенигородский), в 1594 г. возводятся Кромы, в 1596 г. – Белгород, Оскол (на Волдаеве городище) и Курск, в 1599 г. – Валуйки и в 1600 г. – «новой город Борисов на Донце на Северском у Бахтина колодезя» (Царев-Борисов).

Правительство попыталось упрочить свои позиции в Заволжских степях и Приуралье. С этой целью, по просьбе ногайских мурз, в устье реки Яика был возведен городок, вскоре, однако, эвакуированный русскими властями. Укрепления его были разрушены.

Постройка этих крепостей позволила отказаться от необходимости ставить резервную линию полков по «берегу», выдвинув ее за Оку к Туле. Это обстоятельство осталось незамеченным А.А. Новосельским. В своей фундаментальной работе, посвященной борьбе Московского государства с татарами, он отметил, что с 1599 г. русские войска занимали позиции только в «украинных» городах, как правило, в Мценске (Большой полк), Новосили (Передовой полк), Орле (Сторожевой полк). Между тем, в одной из разрядных книг (РК 1598-1638 гг.) имеется подробная роспись полков 7107 (1599) года, из которой видно, что помимо «украинного разряда» сохранялся и состоявший из 5 полков «большой разряд», выдвинутый теперь в Тулу, Крапивну, Епифань, Дедилов и Венев. Составитель этой записи прекрасно сознавал и подчеркивал небывалое значение факта выдвижения полков с «берега» в дальние приграничные города. Процитируем упомянутую разрядную запись, выделив наиболее примечательные ее места:

«Лета 7107-го апреля в 1 день государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии указал, как ему, государю, своего дела и земскова беречи от крымские украины и которым бояром и воеводом и головам велел быти по украинным городам и на Туле. А что наперед тово Большой разряд был на берегу, болшие бояре и воеводы стояли по полком: Большой полк в Серпухове, Правая рука в Олексине, Передовой полк в Колуге, Сторожевой полк на Коломне, Левая рука на Кошире. А Украинной розряд был: Большой полк на Туле, Передовой полк на Дедилове, Сторожевой полк на Кропивне; а иные воеводы стояли по украинным городом по росписи. И государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии указал Большому разряду быть на Туле, а на берегу вперед розряду не быть; а бояром и воеводам по берегу не стоять, а стоять болшим бояром и воеводам на украине по полком Большому полку стоять на Туле, Правой руке стоять на Кропивне, Передовому полку стоять на Дедилове, Сторожевому полку стоять на Епифани,левой руке стоять на Веневе. А украинному разряду государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии указал быти по украинным городом по полком: Большому полку стоять во Мценску, Передовому полку стоять в Новосили, Сторожевому полку стоять на Орле».

Подобное расположение полков Большого и Украинного разрядов отвечало реалиям нового времени. Войска были передвинуты к южному рубежу и в случае нападений небольших татарских и ногайских отрядов могли действовать более оперативно, встречая врага в пограничных местах. Почти весь бассейн реки Оки оказался надежно прикрытым русскими ратями, стоявшими не в трех, как полагал А.А. Новосельский, а в восьми (!) городах, что способствовало началу активного хозяйственного освоения края.

4. ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1558-1583 ГГ.

История Ливонской войны, несмотря на изученность целей конфликта, характера действий противоборствующих сторон, итогов произошедшего военного столкновения, остается в числе ключевых проблем российской истории. Свидетельство тому - калейдоскоп мнений исследователей, пытавшихся определить значение этой войны среди других важнейших внешнеполитических акций Московского государства второй половины XVI в.

Среди работ, посвященных изучению Ливонской войны, остается актуальным исследование Г.В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648 гг.)», первый том которого посвящен начатой Россией в 1558 г. войне за Прибалтику. Написанная по ливонским источникам работа Форстена дает широкую панораму событий, происходивших в то время на орденских землях. Единственным серьезным упущением автора является заявление о неправомерности русского требования о возобновлении уплаты «юрьевской дани», высказанное им на основе немецких документов. За Россией Г.В. Форстен признает лишь право Пскова на получение с ливонцев мизерной дани в 5 пудов меда, подчеркивая тем самым несправедливость выдвинутого царем Иваном IV ультиматума выплатить ему по одной марке с каждого дома в Дерпте (Юрьеве Ливонском).

В советское время вышла всего одна монографическая работа, посвященная борьбе за Прибалтику, начатой русским царем. Речь идет о выпущенной в 1954 г. книге В.Д. Королюка «Ливонская война». Многие положения монографии устарели, ряд утверждений автора подвергнут критике. Однако, как это часто бывает, оспаривались как раз его очень точные наблюдения о принципиально разном видении Иваном IV и Алексеем Адашевым стоящих перед Россией внешнеполитических задач. С другой стороны, неотмеченными остались действительно существенные недостатки работы Королюка: слабое освещение хода военных действий, отсутствие всякого упоминания о военной реформе Стефана Батория (!), объяснение причин поражения не только действительными факторами (экономическим истощением страны), но и изменническими действиями бояр-заговорщиков.. Героическая оборона Пскова, сыгравшая исключительно важную роль в срыве дальнейших завоевательных планов польского короля и, как итог, приведшая к окончанию войны, воспроизведена автором недостаточно полно.

Основные направления внешней политики России второй половины XVI в., через призму борьбы с татарскими нападениями рассмотрены были А.А. Новосельским. Исходя из общего для большинства советских историков тезиса о невозможности Московского государства вести в то время борьбу с Крымом и Турцией, он полагал, что в сложившейся обстановке более перспективным являлось включение России в борьбу за выход к Балтийскому морю. При этом исследователь утверждал, что «Ливонская война была задумана царем Иваном IV задолго до ее начала...», не подкрепляя свое заявление доказательной ссылкой на источники. Более убедительными представляются выводы А.А. Новосельского о тесной связи татарских нападений с событиями Ливонской войны и невозможности сосредоточения всех русских войск в Прибалтике из-за опасения вторжения крымских и ногайских орд. Угроза татарского нападения оставалась реальной: лишь в течение трех из 24 лет войны на южных рубежах набегов не было зафиксировано.

Среди исследователей, изучавших причины Ливонской войны, есть несколько историков, справедливо полагавших, что произошедшее в конце 1550-х гг. изменение внешнеполитического курса русского правительства было ошибкой. Еще Н.И. Костомаров писал: «Время показало все неблагоприятие поведения царя Ивана Васильевича по отношению к Крыму». Он «не воспользовался удобным временем - эпохой крайнего ослабления врага, а только раздражил его, дал ему время оправиться и впоследствии возможность отомстить вдесятеро Москве за походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева». Точку зрения Н.И. Костомарова вполне разделяет Г.В. Вернадский,

подчеркнувший, что борьба с татарами была «подлинно национальной задачей» и, несмотря на сложность покорения Крыма (по сравнению с завоеванием Казани и Астрахани), она была вполне выполнимой. Помешала ее решению начатая в январе 1558 г. Ливонская война. «Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, - писал Г.В. Вернадский, - состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими». Исследователь высказал интересное предположение о том, что направленная в Ливонию русская армия первоначально предназначалась для военных действий против Крымского ханства. Во главе войск стояли служилые татарские царевичи - Шах-Али, Кайбула и Тохтамыш - московский претендент на ханский трон, вверенные им части по преимуществу состояли из соединений касимовских и казанских татар. Лишь в последний момент армия, предназначенная для вторжения в Крым, была направлена на границы с Ливонским орденом. Решив начать борьбу за Прибалтику, царь потерял интерес к проблеме Крыма. Все силы и ресурсы страны были переброшены на северо-запад, но непосредственно перед началом войны. В этой связи следует очень осторожно отнестись к отмеченным Л.А. Дербовым обстоятельствам обнаружения в 1554 г. возвращавшимися из Москвы ливонскими послами русских военных приготовлений на границах. Тот факт, что они «встречали на дороге через каждые 4-5 миль новые ямские дворы с множеством лошадей и видели огромные обозы с оружием, порохом и свинцом, направлявшиеся к ливонскому рубежу», на тот момент, следует воспринимать как демонстрацию силы и средство психологического давления на власти Ордена, с целью заставить их отказаться от поддержки Швеции, собиравшейся начать войну с Россией и искавшей союзников среди соседних государств. Расчет русских властей оказался точным. Ливония, первоначально поддерживавшая военные приготовления шведского короля Густава I так и не решилась на открытую конфронтацию с Московским государством.

Слабая изученность многих обстоятельств Ливонской войны порождает досадные ошибки даже в работах маститых ученых. Примером этого может служить известная монография А.А. Зимина и А.Л. Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного». Так, вопреки давно известным фактам, авторы определили численность оборонявшего в 1581 г. Псков русского гарнизона в 50 тыс. пехоты и почти 7 тыс. конницы (на 10 тыс. воинов больше, чем у Батория, пришедшего под стены Пскова с 47-тысячной армией - !). Грубой ошибкой является утверждение о заключении перемирия между Россией и Швецией в *Плюссе* (в действительности же *на реке Плюссе*)

Можно привести целый ряд подобных примеров, однако и упомянутые выше свидетельства о запутанности и неизученности многих аспектов и деталей одного из ключевых событий средневековой русской истории.

* * *

Добившись больших успехов в борьбе с татарскими ханствами, два из которых - Казанское и Астраханское - были завоеваны в 1550-х годах Россией, правительство царя Ивана IV решило подчинить себе еще одно соседнее государство - Ливонский орден (полное название, принятое в документах того времени - «Кавалерский Тевтонский орден в Ливонии»). При этом задача сокрушения степных татарских орд осталась незавершенной: в причерноморских степях сохранилось Крымское ханство, в 1475 г. ставшее вассалом грозной и могущественной Османской (Турецкой) империи. Этот резкий поворот во внешней политике Московского государства, инициатором которого стал думный дьяк Иван Михайлович Висковатый, привел Россию к тяжелому поражению, отрицательно сказавшемуся на дальнейшем развитии страны.

Момент, выбранный для начала военных действий (кон. 1557 – нач. 1558 гг.) действительно, мог показаться благоприятным. Последовательные противники выхода

России к берегам Балтики по ряду причин были не в состоянии оказать Ливонскому ордену экстренной военной помощи. Швеция, проигравшая начатую в 1554 г войну с Россией, крайне нуждалась в мирной передышке. Литва и Польша, процесс слияния которых в единое государство еще не завершился, рассчитывали на устойчивость рыцарского государства. На первых порах они не планировали вмешательства в длительную и тяжелую войну с Московским государством, все выгоды от которой получало Шведское королевство. Крымский хан («царь» в терминологии русских официальных бумаг того времени), уstraшенный предыдущими победами Ивана IV не собирался тогда возобновлять войны на русских границах, ограничиваясь обычными набегами. Однако, кажущиеся выгоды выбранного момента обернулись важнейшим стратегическим просчетом московского царя. Поражение в Ливонской войне было predeterminedo заранее. На смену дрогнувшему под русскими ударами Ордену двинулись войска Швеции, Литвы, а затем и Польши, власти которых боялись и не хотели победы России. Быстрой и сокрушительной для врага войны в Ливонии у Ивана IV не получилось. Мнение о военной слабости Ордена, сложившееся в нашей исторической науке, представляется сильно преувеличенным. Несмотря на ряд крупных успехов, полностью овладеть этой небольшой страной, в которой было более 150 замков, не считая больших городов-крепостей, русским войскам в первые годы войны так и не удалось. С вступлением в борьбу за Ливонское наследство Великого княжества Литовского, вскоре объединившегося с Польшей, а затем и Шведского королевства война для России стала бессмысленной, чреватой полным истощением ее сил и ресурсов.

* * *

Поводом к началу военных действий в Прибалтике стал факт невыплаты Ливонией старинной «юрьевской дани» - издавна установленной денежной компенсации осевших в Прибалтике немцев за право селиться на землях, лежащих вдоль Западной Двины и принадлежавших полоцким князьям. Позднее эти выплаты трансформировались в весьма значительную дань за захваченный рыцарями-меченосцами русский город Юрьев (Дерпт), построенный в 1030 г. киевским князем Ярославом Мудрым, в крещении носившем имя Георгий (Юрий). Справедливость русских требований признавала и ливонская сторона в договорах 1474, 1509 и 1550 гг. На переговорах 1554 г. в Москве, согласившись с доводами действовавших тогда солидарно А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого, дипломаты Ордена (Иоганн Бокгорст, Отто фон Гротхузен) и дерптского епископа (Вальдемар Врангель, Дидерик Ковер) обязались выплатить дань русскому царю с недоимками за три года по 1 марке «с каждой головы». Однако собрать столь значительную сумму (60 тысяч марок) ливонцы не смогли даже после начала военных действий. К маю 1558 г. в их распоряжении имелось около 30 тысяч марок. Невыполненными оказались и другие требования московского правительства: восстановление в ливонских городах (Ревеле, Риге и Дерпте) русских «концов» (кварталов) и православных церквей в них, обеспечение свободной торговли для русских купцов и отказ орденских властей от союзнических отношений с Литвой и Швецией. Страхась гнева московского царя, ливонские власти нарушили еще один пункт соглашения с Россией - в сентябре 1554 г. они заключили союз с Великим княжеством Литовским, направленный против Москвы. Узнав об этом, русское правительство направило магистру Фюрстенбергу грамоту с объявлением войны. Однако полномасштабные военные действия тогда не начались – Иван IV надеялся добиться своих целей дипломатическим путем. Очень важная роль в этих расчетах отводилась переговорам, которые велись в Москве вплоть до июня 1558 г.

Тем не менее, нарушение ливонской стороной достигнутых в 1554 г. договоренностей, дало московскому правительству удобный повод усилить нажим на власти Ордена. Помимо прочего было решено провести военную акцию, чтобы уstraшить ливонцев и сделать их более сговорчивыми на предстоящих переговорах. Главной целью

первого похода русской армии в Ливонию, состоявшегося зимой 1558 г. стало стремление добиться от Ордена добровольной уступки Нарвы (Ругодива). Для начала воеводам царя предстояло провести в Прибалтике акцию устрашения, для чего к восточным границам Ливонии была переброшена отоброшенная и хорошо подготовленная конная армия, ранее предназначавшаяся для покорения крымских улусов.

Военные действия начались в январе 1558 г. Московские конные рати во главе с касимовским «царем» Шах-Али и князем Михаилом Васильевичем Глинским вступили на землю Ордена, сравнительно легко пройдя через восточные пределы страны. Во время зимней кампании русские и татарские отряды, насчитывавшие 40 тыс. воинов, доходили до балтийского побережья, разорив окрестности многих ливонских городов и замков. Описывая первый поход московского войска, летописец отметил: «Да пошли царь (Шах-Али. – *В.В.*) и воеводы направо к морю, а войну послали по Ризской дороге и по Колыванской и воевали до Риги за пятьдесят верст, а до Колывани за тридцать». Этот рейд стал откровенной демонстрацией сил Московского государства, призванной оказать силовое давление на нарушившие прежние договоренности и задержавшиеся с выплатой дани орденские власти. Позднее участник похода Андрей Михайлович Курбский писал, что царь послал воевод своих в Ливонию «не градов и мест добывати, но землю их воевати». Действительно русские военачальники в ходе этого похода дважды, по прямому указанию царя посылали магистру грамоты о присылке послов и возобновлении мирных переговоров. Устрашенные нападением, ливонские власти пошли на уступки: начали сбор дани, договорились с русской стороной о временном прекращении военных действий и направили в Москву своих представителей, в ходе тяжелейших переговоров вынужденных согласиться на передачу России Нарвы. Но установившееся перемирие продолжалось недолго. Нарушили его сторонники имевшейся в Ордене военной партии. В марте 1558 г. нарвский фогт Эрнст фон Шленненберг приказал обстрелять русскую крепость Ивангород, спровоцировав тем самым новое вторжение московских войск в Ливонию. Во время второго похода в Прибалтику в мае-июле 1558 г. русские воеводы захватили более 20 крепостей, в том числе важнейшие - Нарву, Нейшлосс, Нейгауз, Кирнпе и Дерпт. В последнем победителями было захвачено 552 больших и малых орудия. Дерпт (Юрьев Ливонский) обороняли не только местные жители но и отряды наемников – 2 тыс. «заморских немец». При осаде города впервые в годы Ливонской войны русские артиллеристы применили зажигательные снаряды («огнистые кули»). Во время летнего похода 1558 г. войска московского царя вплотную приблизились к Ревелю и Риге, разорив их окрестности.

После одержанных побед русские рати ушли из Ливонии, оставив в занятых городах свои гарнизоны. Этим обстоятельством решил воспользоваться коадьютор (заместитель магистра), бывший феллинский командор Готтард Кетлер, командовавший войсками Ордена. Собрав 19-тысячную армию (2 тыс. конницы, 7 тыс. кнехтов, 10 тыс. вооруженных крестьян), в составе которой находились и наемные войска («заморския люди»), он попытался вернуть утраченные восточные замки, прежде всего в Дерптском епископстве. В конце 1558 г. войска Кетлера подступили к крепости Ринген (русское название Рынгола или Рындек), защищаемую гарнизоном, насчитывающим всего «сорок сынов боярских» и 50 стрельцов во главе с воеводой Русином Даниловичем Игнатьевым. Русские мужественно сопротивлялись, продержавшись пять недель (по другим сведениям - шесть недель), отразив два приступа. На помощь осажденным выступил 2-тысячный отряд воеводы Михаила Петровича Репнина. Его воинам удалось разбить передовую ливонскую заставу под командованием Иоганна (Ягана) Кетлера, брата коадьютора, взятого в плен с 230 другими воинами. Однако затем русский отряд был атакован главными силами Кетлера и разбит. Неудача не смогла поколебать мужества защитников Рынголы, которые продолжали отчаянно сопротивляться. Немцы овладели крепостью в ходе третьего штурма, продолжавшегося три дня, после того, как у осажденных закончился порох. Последние, попавшие в плен защитники Рингена, были уничтожены.

Потеряв в боях под Рингеном пятую часть своего войска (почти 2 тыс. человек) и потратив на осаду около полутора месяцев, Кетлер попытался развить успех. В конце октября его войско совершило набег на псковские порубежные места. Ливонские отряды «обожгли» посады городка Красного и разорили Святоニコльский монастырь под Себежем. Затем войско Кетлера отступило к Риге (по другим сведениям - в Кесь (Венден).

Победа орденского войска под Рынголой (Рингеном) и разорение псковских мест разгневали русского царя и обернулись для ливонцев новой большой бедой. В ответ на действия Кетлера и его людей уже через два месяца в Ливонию вступило московское войско князя Семена Ивановича Микулинского и Петра Васильевича Морозова, в течение месяца опустошавшее южную Ливонию.

Решающее сражение зимней кампании 1558/1559 гг. произошло при городе Тирзене, где 17 января 1559 г. встретились большой ливонский отряд рижского домprobста Фридриха Фелькерзама и русский Передовой полк во главе с воеводой князем Василием Семеновичем Серебряным. В упорном бою немцы потерпели поражение. Фелькерзам и 400 рыцарей погибли, остальные попали в плен или разбежались. После этого русское войско беспрепятственно совершило зимний рейд по землям Ордена «по обе стороны Двины», дойдя до самой Риги. Здесь московские рати простояли три дня, далее вышли к границе Пруссии, а в феврале вернулись назад, выйдя к Опочке. Во время похода в окрестностях Дюнамюнде был сожжен рижский флот.

В марте 1559 г. русское правительство, посчитав свое положение в новозавоеванных прибалтийских городах достаточно прочным, при посредничестве датчан пошло на заключение шестимесячного перемирия с магистром Вильгельмом Фюрстенбергом – с мая по ноябрь 1559 г. Мнение ряда историков о решающей роли в этом перемирии Алексея Федоровича Адашева, может быть оспорено. Инициатива заключения соглашения о приостановке военных действий исходила от представителей нового датского короля Фридрика II, на союз с которым рассчитывал Иван IV. Именно царь решал вопросы войны и мира. Адашев очевидно лишь воспользовался сложившейся ситуацией, пытаясь военным путем разрешить крымскую проблему. В правильности этих предположений убеждает факт заключения после успешной зимней кампании русских войск 1563 г. аналогичного, дважды продляемого перемирия между Россией и Великим княжеством Литовским. Перемирия позволившего противнику собраться с силой и в 1564 г. нанести русской армии ряд ощутимых поражений. Отметим, что перемирие 1563 г. было заключено через два года после смерти Адашева.

Получив в 1559 г. крайне необходимую передышку, орденские власти во главе с отличившемся в походе 1558 г. на Рынголу (Ринген) Готтардом Кетлером, ставшим 17 сентября 1559 г. новым магистром, призвали на помощь войска соседних государств: Великого княжества Литовского (вскоре объединившегося с Польшей)^{*}, Дании и Швеции, которые поспешили разделить между собой незанятые русскими войсками прибалтийские земли.

Заручившись поддержкой литовцев и шведов, Г. Кетлер в октябре 1559 г., «не дождавсь сроку, на колко их государь пожаловал, за месяц до ноября первого числа», наняв новые отряды «заморских немец», разорвал перемирие с Москвой. Война вспыхнула с новой силой. Новому магистру удалось неожиданным нападением разбить близ Дерпта отряд воеводы Захария Ивановича Очина-Плещеева. В битве пало более тысячи русских

---

^{*} В 1569 г. представители ослабленного войной с Россией Великого княжества Литовского заключили в Люблине унию с делегатами польского сейма. Это был уже не просто политический союз двух самостоятельных политических образований, подкрепленный династическим единством, а настоящее государство с шестимиллионным населением, вполне сопоставимым в то время с населением России. Сохранение в Литве самостоятельных органов управления, войска и финансов не заслоняет факта установившейся полной политической зависимости этой страны от Польши. Новое государство тогда же получило официальное название «Речь Посполитая» («Республика») и просуществовало под ним до 1795 г.

воинов. Тем не менее, начальник юрьевского (дерптского) гарнизона – воевода Катыврев-Ростовский успел принять меры к обороне города. Когда Кетлер осадил Юрьев Ливонский (Дерпт), русские встретили его войско орудийным огнем и атаками конницы, выходявшей на вылазки. В течение 10 дней ливонцы безуспешно пытались разрушить стены огнем своих пушек. Не решившись на долгую зимнюю осаду или приступ, магистр был вынужден отступить. Арьергард рыцарского войска разбил отряд князя Глеба Оболенского и стрелецкого головы Тимофея Тетерина. В бою были захвачены 23 пленных, сообщивших о намерении Кетлера напасть на крепость Лаис (Лаус).

В этом замке стоял небольшой русский гарнизон под командованием князя Андрея Семеновича Бабичева и Андрея Соловцова, с которыми находились 100 детей боярских и 200 стрельцов. На помощь им был срочно направлена стрелецкая сотня головы Андрея Кашкарова, успевшая войти в Лаис накануне подхода к этой крепости ливонских войск. Осада крепости началась в ноябре 1559 г. В ходе бомбардировки городских укреплений противнику удалось разрушить стену на протяжении 15 сажень, однако стрельцы успели заделать пролом деревянными щитами. Тем не менее, понадеявшись на многочисленность своего войска, рыцари предприняли двухдневный штурм, успешно отраженный осажденным гарнизоном. Во время осады Лаиса метким огнем русской артиллерии были разбиты две неприятельские пушки. Кетлер, потерявший в боях за Лаис 400 воинов, снял осаду и отступил к Вендену (Кеси).

Одной из причин неудачных действий нового магистра стала несогласованность действий и откровенно враждебные отношения между государствами, на помощь которых рассчитывал Кетлер - между Швецией и Данией, воевавших до 1570 г., Швецией и Литвой, даже между Литвой и Польшей до их объединения в 1569 г. Именно это обстоятельство позволило русским войскам до поры до времени вести успешные военные действия в Прибалтике. 9 февраля (по другим сведениям - 14 февраля) 1560 г. войско во главе с воеводами князем И.Ф. Мстиславским и князем П.И. Шуйским заняло Мариенбург (Алыст). Летом того же года началось новое большое русское наступление. На этот раз целью московских воевод была крепость Феллин (Вильян). Несмотря на неравенство сил, ливонское рыцарское войско двинулось навстречу 60-тысячной русской армии, которой командовали воеводы И.Ф. Мстиславский, М.Я. Морозов и А.Ф. Адашев. Вперед был выслан 12-тысячный отряд князя Василия Ивановича Барбашина, перед которым была поставлена задача перерезать дорогу, по которой шло сообщение Феелина с приморской крепостью Гапсаль.

Передовую рать и атаковали ливонцы. Но в столкновении с русскими войсками, произошедшем 2 августа 1560 г. под Эрмесом главные силы ордена были разбиты. В бою конница Барбашина разгромила и уничтожила отряд немецких рыцарей во главе с ландмаршалом Филиппом Беллем (около 1 тыс. человек), пытавшемся внезапно атаковать отдыхавших на краю леса русских всадников. Среди убитых в сражении и взятых в плен ливонцев оказался 261 рыцарь. В плен сдалось 120 рыцарей и 11 командиров, в том числе и сам ландмаршал Белль – лучший военачальник Ливонии, позднее казненный по приказу царя Ивана IV.

Победа при Эрмесе открыла русским путь на Феллин – в то время одну из сильнейших крепостей Ливонии, где проживал бывший магистр Вильгельм Фюрстенберг. Там же была сосредоточена большая часть ливонской артиллерии - «кортуны великие», закупленные в немецком Любеке. Осадив замок, который обороняло 300 наемных кнехтов, армия Мстиславского, Морозова и Адашева подвергла его трехнедельному непрерывному орудийному обстрелу. Здесь, под Вильяном русские войска впервые с начала войны вели правильную осаду, окружив замок шанцами. В результате бомбардировки крепости «огненными кулями» (зажигательными) ядрами, в ней не осталось ни одного целого здания. 30 августа 1560 г. после разрушения городской стены немцы-наемники из

крепостного гарнизона, вопреки уговорам Фюрстенберга, сдали город русским воеводам. Среди пленных, захваченных в этой крепости, оказался и сам бывший магистр.

В завоеванном Вильяне были оставлены на воеводстве Иван Иванович Очин-Плещеев, Осип Данилович Меншиков-Полев и Роман Васильевич Олферьев. Однако царь, которому сообщили о взятии города и сделанных военачальниками распоряжениях, приказал переменить воевод. Вместо И.И. Очина-Плещеева в Вильяне был оставлен впавший в немилость Алексей Федорович Адашев, во время этого похода командовавший «нарядом» - русской артиллерией.

Овладев Феллиным, большой воевода князь И.Ф. Мстиславский, вопреки царскому наказу о немедленном выступлении на Колывань (Ревель), двинул войска на замок Вейсенштейн (эст. название Пайде, русское название Белый Камень). Но, выступая в поход, он не взял с собой стенобитный «наряд» и потому так и не смог взять хорошо укрепленный Вейсенштейн. Простояв под «Пайдой-городком» 6 недель (до 18 октября 1560 г.) русские воеводы вынуждены были отступить в свои крепости, потеряв на приступах много пососных людей. Оборону Вейсенштейна возглавил рыцарь Каспар фон Ольденбокен, впоследствии выступивший против шведов, начавших оккупацию Северной Эстляндии

* * *

Успехи русского оружия ускорили начавшийся распад «Кавалерского Тевтонского ордена в Ливонии». В июне 1561 г. на верность шведскому королю Эрику XIV присягнули города Северной Эстляндии, в том числе Ревель (Таллинн). В том же году на Ригу двинулись литовские войска под командованием гетмана Николая Юрьевича Радзивилла (Рыжего). По вильненскому соглашению 28 ноября 1561 г., Ливонское государство прекращало существование, передав свои города, замки и земли под совместную власть Литвы и Польши. Магистр Готтард Кетлер получил в личное ленное владение вновь созданное на части земель бывшего Ордена герцогство Курляндское и Земгальское, став вассалом польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа. В декабре в Ливонию были направлены литовские войска, занявшие города Пернау (Пернов), Вейсенштейн (Пайде), Венден (Кесь), Эрмес, Гельм, Вольмар (Владимирец Ливонский), Трикатен (Трикат), Шванебург (Гольбин), Мариенгаузен (Влех), Резекне (Режица), Люцин (Лужа), Динабург (Невгин) и Кокенгаузен (Куконос). Отряд из 300 драбов под командованием ротмистров Вавринца Таминского и Якуба Мондревского был направлен к Ревелю, однако этим городом литовцы овладеть не смогли – Северная Эстляндия к тому времени перешла под власть Швеции.

Так, в военные действия в Прибалтике оказались втянуты новые силы. И если с захватившим Ревель Шведским королевством московской стороне первоначально удалось достичь согласия (20 августа 1561 г. в Новгороде с представителями шведского короля Эрика XIV было заключено перемирие на 20 лет), то вооруженный конфликт с Великим княжеством Литовским, начавшийся отдельными приграничными столкновениями, вскоре перерос в настоящую войну. Борьба за ливонское наследство привела к резкому обострению отношений между Москвой и Вильной. В июле 1561 г. в листах, направленных старостам и державцам Сигизмунд II Август приказывал им объявить на торгах, о сборе литовского шляхетского ополчения на войну с Московским государством.. Обстановку осложнила начавшаяся борьба за город Тарваст (литовское название Таурус, русское - Тарвас). 20 сентября король Сигизмунд II Август оповещал украинских старост и державцев о взятии московскими войсками Тауруса, который, по его словам, неприятель «несправедливе посел». Однако литовская шляхта не спешила на сборные пункты. В 1562 г., накануне истечения срока перемирия с Русским государством, встревоженный состоянием военных сил Великого княжества Литовского король изменил свои планы. Он

попытался продлить перемирие, направив в Москву дворянина Боркулаба Ивановича Корсака, до той поры запретив украинным воеводам и старостам чинить «зачепки» на границе. Но оттянуть начало военных действий ему не удалось. В марте 1562 г., сразу же после окончания срока перемирия с Литвой, Иван IV приказал своим воеводам начать войну против этого государства.

Выполняя волю московского государя, ранней весной 1562 г., сосредоточенное в Смоленске войско во главе с Иваном Васильевичем Большим Шереметевым, Иваном Михайловичем Воронцовым и татарскими царевичами Ибаком и Тохтамышем ходило воевать «литовские места» к Орше, Мстиславлю, Дубровне, Копыси и Шклову. Двумя месяцами позже в набег на Витебск, совершил из Великих Лук князь Андрей Михайлович Курбский; летом из Смоленска под Мстиславль и на Двину ходили полки князей Петра Семеновича и Василия Семеновича Серебряных, а из Великих Лук – рать князя Михаила Федоровича Прозоровского и Михаила Матвеевича Денисьева. В Ливонии русские войска князя Ивана Федоровича Мстиславского и Петра Ивановича Шуйского захватили города Тарваст (Таурис) и Верпель (Полчев).

Противник не оставался в долгу. Получив известие о первых русских нападениях, Сигизмунд II призвал каждого из своих воевод подняться на войну и «оземши Бога на помочь, замкам, местам, волостям и селам того неприятеля нашего московского к тамошнему краю прилегалым и где досягнути можешь, такеж плен, пустошенье и шкodu мечом и огнем и всяким способом и обычаем неприятельским чинил, колько тебе Бог поможет». В тех же разосланных по стране листах король сообщал о выступлении в поход гетмана Николая Юрьевича Радзивилла.

Весной 1562 г. литовские войска произвели ответные рейды на русскую территорию – на смоленские места и псковские волости, после чего бои развернулись по всей линии русско-литовской границы. В августе 1562 г. произошло новое большое нападение «литовских людей» - на этот раз на русскую пограничную крепость Невель. Воевода кн. А.М. Курбский, находившийся тогда в Великих Луках, «ходил за ними», сумел настичнуть, но разбить не сумел и сам был ранен в том бою. По русским сведениям, у Курбского было 15 тыс. человек, у противника – 4 тыс. человек; по польским, явно преувеличенным, сведениям – 45 тыс. у русских и 1,5 тыс. человек у литовцев.

Нападения продолжались и осенью 1562 г. В Ливонии гетман Николай (Миколай) Юрьевич Радзивилл вновь овладел Тарвастом (Тарвасом), пленив находившихся там русских воевод Тимофея Матьяса Кропоткина, князя Неклюда Путятина и Григория Еремеевича Большого Трусова. Другое литовское войско в сентябре 1562 г. разорило порубежные псковские волости вплоть до крепости Влех (Мариенгаузен).

В декабре 1562 г. в поход против Литвы выступил с 80-тысячным войском сам Иван IV. Московские полки, сосредоточенные в Великих Луках, в январе 1563 г. двинулись на Полоцк, давно привлекавший внимание русского командования своим выгодным стратегическим положением в верхнем течении реки Западная Двина на стыке русских, литовских и ливонских границ. Сохранить в тайне подготовку экспедиции и направление движения войск не удалось. Во время похода из полков в Полоцк бежал Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, предупредивший полоцкого воеводу Станислава Станиславовича Довойну о приближении русского войска*. Впрочем, скрыть движение большой массы вооруженных людей было невозможно. Не скрывал своих планов и царь, отправивший в Полоцк грамоты в которых он предлагал воеводе Довойне и епископу Арсению Шишке, чтобы они «похотели к себе государьского жалования и государю служить».

Поход проходил в тяжелой обстановке. Войска вынуждены были двигаться по единственной дороге, на которой постоянно возникали заторы, останавливающие и без того медленное движение полков, среднего и легкого «наряда», обозов. Летописец

---

* По литовским документам известно имя еще одного перебежчика – сына боярского Семена Ивановича Буйко, который «поведил» о выступлении Ивана IV в поход на Полоцк. – Lietuvos Metrika. Kn. 7 (1553-1567). Vilnius, 1996. № 148. S. 138

воспроизводит яркую картину зимнего похода русской армии: «Путное же цареве и великого князя к Полотцску шествие [было] нужно и тихо, потому что царь и великий князь всеми полки шел к Полотцску одною дорогою и заповедь великую положил: перешед за рубеж, изо всех полков никакова человека по корм, ни на иную ни на какую добычу отпущати не велел, чтобы теми малыми делы болшого дела не теряли. От множества ж воиньского собрания полковые люди и коши в заторех на лесех сметались, в тесных местех иных полков с кошевными людьми не познати. Царь же и великий князь много о том скорбя, что путное его шествие медленно, и того для по многим станом дневал. Ездя же царь и великий князь со избранными своими по всем воеводским полком сам и в заторех людеи бояром своим и дворяном своего полку велел розбирати и пропускати коегождо в которой в свои его полк, да не смешаются полковые люди в ыных полках, чтобы путному его шествию и делу его в том мотчаяния не было».

С большим трудом войско достигло Полоцка, осада которого началась 31 января 1563 г. Город был хорошо укреплен, его защищало целое войско, насчитывающее не только 1000 наемных солдат местного гарнизона, но и ополченцев из числа взрослого мужского населения (всего в Полоцке в указанное время проживало не менее 12 тыс. жителей; по польским сведениям – 20 тыс.). Внутри города находились две мощные цитадели – Верхний и Нижний замки, возведенные на высоких холмах и обнесенные каменными стенами и башнями. (Верхний замок насчитывал 7 двухъярусными башнями, Нижний – 5-ю башнями). Невзирая на грозный вид полоцких укреплений русские войска, завершившие тяжелое и длинное «путное шествие», действовали слаженно и решительно. Уже на следующий день двумя стрелецкими приказами (Василия Пивова и Ивана Мячкова) был занят важный в стратегическом отношении Ивановский остров на реке Полоте.

Первый удар осаждающих пришелся на полоцкий острог, окружавший посад и две внутренние каменные цитадели – Верхний и Нижний замки. Русские источники подчеркивали надежность его укреплений, тянувшихся от реки Полоты до Западной Двины. Овладеть крепостью можно было только правильной осадой. 4 февраля вокруг Полоцка были поставлены туры, а утром произошел первый приступ, в ходе которого «голова стрелецкой Иван Голохвастов с стрельцами зажгли у литовских людей у острогу башню над Двиною рекою, и стрельцы было влезли в башню и в острог». Однако русское командование посчитало, что продолжение штурма чревато большими потерями и отозвало стрельцов. Ситуация изменилась 7 февраля, когда из Великих Лук был наконец-то доставлен «большой наряд». Его надлежало установить на батареях под городом, но, осаждающие, воодушевленные прибытием артиллерии, удвоили усилия, которые были вознаграждены 9 февраля 1563 г. В этот день русскими был взят острог. В нем и на посаде было пленено по польским сведениям 20 тыс., по русским - 12060 полочан.

Через день началась бомбардировка замка пушками «большого наряда». Огонь вели поставленные за Двиной тяжелые орудия «Кортуна», «Орел», «Медведь» «и инья пищали [и] ис тово наряду многих людей в городе в Полоцку побило». 11 февраля в непосредственной близости от городской цитадели установили еще одну батарею – «две пушки ушатые» и «стеновое» орудие. Город обстреливали и «верховые пушки» (мортиры), поставленные «круг города по всем местом». 13 февраля по Полоцку со стороны «Великих ворот» открыли стрельбу пушки «Кашпирова» (в документе – «Шашпирова»), «Степанова» и «Павлин». Бомбардировка продолжалась до 14 февраля, причем в последние два дня «изо всего наряду били без опочивания день и ночь». Меткий огонь русских пушкарей наносил осажденным ощутимый урон. В ночь на 15 февраля московские стрельцы выжгли часть крепостной стены. Укрепления замка сильно пострадали: из 240 городень внешней деревянной стены было выбито 40, ощутимые потери понес и полоцкий гарнизон, численность которого сократилась до 500 человек.

Полоцк был взят после трехнедельной осады на рассвете, «как ношные часы отдало» 15 февраля 1563 г. Его укрепления оказались почти полностью разрушенными

русской артиллерией. Не дожидаясь неминуемого штурма, полоцкий воевода С. Довойна сдал крепость русскому командованию. Незадолго до рассвета «прислали ко царю и великому князю бояре и воеводы князь Василей Серебряной да князь Михаило Репнин Оболенские Шарапа Федцова с тем, что з города кличют, и владыка и воевода полотцкой Довоина город государю здают да и знамя городцкое з города здали. А то знамя прислали воеводы ко государю с Ываном с Кобылиным». В плен попал весь полоцкий гарнизон. Оставив себе захваченный в крепости «наряд» (20 орудий) и казну, царь все прочие богатства отдал воинству, как и при взятии Казани в 1552 г. В течение двухнедельной осады Полоцка русское войско потеряло убитыми 86 человек: «убили пеших четырех детеи молодых да голову казатскую, а стрелцов 66 человек, да боярских людеи 15 человек».

Полоцкая крепость сильно пострадала во время осады, поэтому оставленные в городе воеводы П.И. Шуйский, В.С. и П.С. Серебряные получили наказ возобновить старые укрепления, разрушенные русской артиллерией. Помимо ремонтных работ, они должны были возвести дополнительные оборонительные сооружения в наиболее уязвимых местах, обнаруженных в ходе боев за Полоцк: «да которые места будет пригоже поделати, и бояром и воеводам те места нужные велети поделати, и покрепити, и землю насыпати, в котором месте как пригоже, чтоб было безсташно; да и ров около города изсмотреть, и внутри города; да где будет надобе с приступных мест рвов старых почистити и новые покопати, посмотри по местом <...> да и в остроге за Полотою, бояром и воеводам изьездити, и изсмотреть, и посментити которое место выгорело, и то место велети заделати <...> накрепко, стены в три, или в четыре, как будет пригоже, и землю насыпати, и подошвенные бои и башни поделати, для стенного бою, и рвы старые около стен поделати, а будет в котором месте пригоже, рвы и новые покопати».

Одновременно с этим, началась подготовка к новым операциям против Литвы. Однако, вскоре после блестящей победы под Полоцком, русские рати стали терпеть поражения. Литовцы, встревоженные потерей одной из лучших своих крепостей, прикрывавшей северо-восточные рубежи своей страны, собрали все наличные силы, направив их к московской границе. Командовавший литовской армией гетман Николай (Миколай) Радзивилл хорошо подготовился к новому русскому наступлению и нанес царским воеводам неожиданный контрудар.

Сражение на реке Уле (у деревни Овлялицы), обернулось тяжелым поражением для русской армии прежде всего из-за полной неожиданности неприятельского нападения. Войско воевод П.И. Шуйского, князя Федора Ивановича Татеева и Ивана Петровича Охлябинина, насчитывавшее около 18 тыс. человек, в январе 1564 г. двинулась из Полоцка к Орше. У села Барань «на Друцких полях» оно должно было соединиться с войском князей П.С. и В.С. Серебряных, которое, почти одновременно с полоцкой ратью выступило из Вязьмы.

В походе русские воеводы, успокоенные прошлыми победами, не приняли необходимых мер предосторожности. Не велась разведка, отряды служилых людей двигались по узким лесным дорогам нестройными толпами без оружия и доспехов, которые везли за ними следом на санях. Никто даже не подумал о возможном нападении литовцев. Тем временем, находившиеся первоначально в Лукомле, гетман Николай Радзивилл Рыжий и польный гетман литовский Григорий Ходкевич, получив через лазутчиков точные сведения о русском войске, двинулись ему навстречу.

В глухих чащобах близ реки Улы (соврем. Улла) литовцы подстерегли московскую рать. 26 января 1564 г. у деревни Овлялицы противник неожиданно атаковал ее на тесной лесной дороге. Войско противника было сравнительно немногочисленно (4 тыс. человек), но его неожиданному удару сопутствовал полный успех. Не успев принять боевой порядок и вооружиться, русские воины поддались панике и начали спасаться бегством, бросив обоз - 5 тыс. саней. Главный воевода князь Петр Иванович Шуйский за свою поразительную беспечность заплатил собственной жизнью. Один из лучших русских полководцев, знаменитый покоритель Нейгауза (Новгородка), Кирнпе (Керепети), Дерпта (Юрьева

Ливонского), Лаиса (Лаюса) и других ливонских крепостей и замков погиб, по одним сведениям, в начавшемся избиении своих почти безоружных воинов, по другим – был убит местными крестьянами.

В числе павших на Уле москвичей были и другие русские военачальники князя Семен Дмитриевич и Федор Дмитриевич Палецкие. В плен попали командовавший Передовым русским полком воевода Захарий Иванович Очин-Плещеев, третий воевода Большого полка И.П. Охлябинин и 700 человек дворян и детей боярских. Узнав о разгроме войска Шуйского литовцами, вторая русская рать князей П.С. и В.С. Серебряных отступила от Орши к Смоленску, по дороге разорив окрестности Могилева, Мстиславля и Кричева. 9 февраля 1564 г. войско, перейдя смоленский рубеж, благополучно вернулось на свою сторону.

Вскоре после поражения под Улой (в апреле 1564 г.) из Юрьева (Дерпта), в Литву, спасаясь от царской немилости, бежал известный русский военачальник, когда-то пользовавшийся особым расположением царя, боярин и воевода князь Андрей Михайлович Курбский, имевший подробную информацию о численности, местах сосредоточения и планах русского командования.

Военные действия, шедшие летом 1564 г., представляли собой обмен ударами на разных направлениях, которые отвлекали силы противника с одного участка фронта на другой. В этих условиях сведения о расположении главных сил московской армии, полученные в Вильне от А.М. Курбского, приобрели исключительно важное значение. Раньше других началось контрнаступление литовских войск в Ливонии. В июне 1564 г. (по псковской летописи в июле) гетман Александр Полубенский напал на «юрьевские волости». В ответ на этот набег юрьевский воевода Михаил Яковлевич Русалка Морозов послал отряд Дмитрия Кропоткина на «немецкие пригороды». В августе псковское ополчение Василия Вишнякова отбило несколько нападений литовских отрядов на порубежные места. В сентябре черниговские воеводы князь Василий Иванович Прозоровский и Фома Иванович Третьяков нанесли поражение пришедшему на Северскую «украину» войску Петра Сапеги. В бою русские ратники «знамя Сапегино взяли». Тогда же большая рать Николая (Миколая) Юрьевича Радзивилла приходила к Полоцку, но после трех недель безуспешной осады заново укрепленного города, отряды противника отступили, «а городу ничего не учинили».

Неудачей закончился предпринятый русскими воеводами поход к находившейся на псковском рубеже литовской крепости Озерище (ныне Езерище, недалеко от одноименного озера), в 56 верстах севернее Витебска. Здесь 26 июля 1564 г. произошло сражение между осаждавшей крепость 13-тысячной русской ратью воеводы Юрия Ивановича Токмакова Ноздроватого и 12-тысячным литовским отрядом витебского воеводы Станислава Паца. Русскому военачальнику удалось отойти, избежав разгрома, но осуществить главную цель похода, взяв стратегически важную литовскую крепость, не удалось.

В поход на Озерище невельские воеводы Ю.И. Токмаков и Федор Борисович Шафер Чеглоков выступили 22 июля и в этот же день осадили крепость. Русское войско состояло из «конных людей и пеших» и из «судовых людей». В то же время летописец отметил, что «наряд» у русских воевод был лишь «лехкий». Осада продолжалась всего 4 дня. Взять город при помощи полевых орудий не удалось. Ожидая прихода из Витебска «литовских людей», Ю.И. Токмаков «все дороги позасек, которые были к Озерищам». Тем не менее, войску С. Паца, шедшему на помощь осажденному гарнизону удалось пройти русские засеки. Токмаков, сняв осаду и отправив «наряд» и пехотные отряды в Невель, с одной лишь конницей атаковал литовцев. Русским воинам удалось смять передовой литовский отряд и захватить в плен 50 неприятельских воинов. Не вступая в бой с подошедшими к Озерищу основными силами литовского войска, конница Токмакова ушла, перед отступлением перебив всех взятых в плен литовцев.

25 июля 1564 г. начался поход в Литву конной рати воеводы Василия Андреевича Бутурлина, выступившей из Смоленска под Мстиславль. Составившие его войско татарские, ногайские и мордовские отряды «воевали мстиславские места и кричевские и радомысльские и могилевские и многих людей побили и в полон взяли». Во время похода было захвачено 4787 пленников.

Положение России серьезно осложнилось возобновившимися набегами отрядов крымских татар и ногайцев на южное порубежье Московского государства. В связи с этим русское правительство осенью 1564 г. решило заключить перемирие со Швецией, согласившись признать переход под власть короля Эрика XIV Ревеля (Колывани), Пернау (Пернова), Вейсенштейна (Пайде) и некоторых других городов и крепостей на севере бывшей ливонской Эстляндии. Перемирие было подписано в сентябре 1564 г. в Юрьеве Ливонском (Дерпте), вступив в силу 21 ноября того же года.

Нормализация отношений со Швецией позволила русскому командованию усилить натиск на Великое княжество Литовское. Успешно выдержав трехнедельную осаду Полоцка, в сентябре 1564 г. осажденного Григорием Ходкевичем, царские воеводы перешли в наступление. Выступив в октябре 1564 г. из Великих Лук, русское войско осадило пограничную литовскую крепость Озерище и 6 ноября 1564 г. «взяша городок огнем». Во время штурма был захвачен ротмистр Мартын Островецкий. Пленил его «сын боярский юрьевец Карп Иванов сын Жеребятичев».

Вскоре после этого, закрепляя свое присутствие на Полоцкой земле, русские власти начинают возводить на ее западных рубежах новые крепости. В 1566-1567 гг. были построены Козьян, Красный, Ситно, Сокол, Суша, Туровля, Ула и Усвят.

Стремясь укрепить свои позиции в тяжелой войне с Россией, власти Великого княжества Литовского пошли на объединение с Польским королевством. Решение об этом было принято на Люблинском сейме 1 июля 1569 г. Объединение военных потенциалов Литвы и «Корун Польской» оказало в итоге решающее влияние на исход войны. Однако перелом в ходе боевых действий произошел далеко не сразу. Великое княжество Литовское, все предшествующие годы в одиночку воевавшее с Московским государством, нуждалось в мирной передышке. В июле 1570 г. было заключено трехлетнее перемирие между Московским государством и Речью Посполитой, по условиям которого за обеими сторонами сохранялись занятые ими территории. Иван Грозный решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы нанести решительный удар по Швеции, где в сентябре 1568 г. был свергнут его союзник Эрик XIV. Новым королем стал младший брат свергнутого государя Юхан III, женатый на сестре польского короля Сигизмунда II Августа Екатерине Ягеллонке. Шведский король разорвал союзный договор с Россией, заключенный его предшественником незадолго в феврале 1567 г. В Стокгольме были ограблены прибывшие на ратификацию договора московские послы. Война между Московским государством и Швецией стала неизбежна. В этих условиях Иван IV решил принять мирные предложения польского короля. В начале июня 1570 г. в Москве было заключено трехлетнее перемирие, позволявшее русскому царю перебросить войска к шведскому рубежу.

Готовясь к наступлению на Ревель, Иван Грозный решил заручиться поддержкой части осевшего в Прибалтике немецкого дворянства и Дании, враждовавшей со Швецией. С этой целью на занятых Москвой землях Ливонии создается вассальное королевство, правителем которого стал младший брат датского короля Фредерика II - принц Магнус Гольштейнский, в русских документах именовавшийся «Арцимагнусом Крестьяновичем». Переговоры с датчанами начались в ноябре 1569 г., но лишь в июне 1570 г. принц прибыл в Москву. Осыпанный дарами, Магнус принял предложение Ивана Грозного стать его «голдовником» (вассалом) и был провозглашен «королем Ливонским». «В честь и в удовольствие» новому союзнику царь отпустил на свободу всех пленных немцев.

21 августа 1570 г. большое русско-ливонское войско во главе с «королем» Магнусом и воеводами Иваном Петровичем Яковлевым и Василием Ивановичем Умным-Колычевым, подошло к Ревельской крепости. Оно насчитывало не менее 25 тыс. человек.

Но горожане, в июне 1561 г. принявшие подданство и покровительство Швеции, ответили решительным отказом на предложение сдаться, направленное им Магнусом. Началась долгая и трудная осада хорошо укрепленного города. Русские, к тому времени уже имевшие достаточный опыт осады ливонских замков, соорудили напротив крепостных ворот деревянные башни, с которых вели интенсивный обстрел города. Однако на этот раз он не принес успеха. Защитники Ревеля не только оборонялись, но и совершали частые вылазки, разрушая осадные сооружения. Численность русского войска была явно недостаточна для взятия столь крупного портового города с мощными фортификационными сооружениями, перестроенными в соответствии с новейшими достижениями европейской фортификации. Тем не менее, русские воеводы настояли на решении продолжать осаду. Они надеялись добиться успеха зимой, когда море будет сковано льдом и шведский флот не сможет поставлять в город подкрепления. Не предпринимая активных действий, русские войска и их ливонские союзники занимались опустошением окрестных селений, восстановив против себя местное население. Между тем шведский флот успел до холодов доставить ревельцам подкрепление, запасы продовольствия, дров и боеприпасов, значительно облегчив положение осажденных. Осада затягивалась. Не принес успеха и начавшийся 16 января 1571 г. обстрел Ревеля «огненными ядрами». Продолжение борьбы за ожесточенно сопротивляющуюся крепость становилось бессмысленным. 16 марта 1571 г., простояв под городом «30 недель без трех дней», Магнус Гольштейнский и его русские союзники вынуждены были снять осаду и отступить.

В том же 1571 г. враги попытались атаковать России с севера – летом этого года неприятельский флот впервые вошел в Белое море.. Вблизи Соловецких островов появилась эскадра из кораблей Швеции, Голландии и Гамбурга, но, по неизвестной причине, не решилась штурмовать еще не имевшую укреплений обитель и без боя ушла восвояси. Несмотря на благополучный исход вражеского морского похода, он не мог не встревожить русские власти.

Участившиеся военные неудачи и действия шведов и их союзников в Беломорье вынудили Ивана Грозного изменить тактику. Воспользовавшись развязавшим ему руки «бескорольем» в Речи Посполитой, наступившим после смерти польского короля Сигизмунда II Августа (19 июля 1572 г.), царь решил на время оставить Ревель в покое. Новый план военных действий предусматривал полное вытеснение шведов из Северной Эстляндии. Иван Васильевич рассчитывал, что, захватив все находившиеся здесь города, он заставит покориться и Ревель. В конце 1572 г. он возглавил новый большой поход своих войск в Прибалтику.

В декабре 1572 г. во главе 80-тысячной армии Иван Грозный осадил опорный пункт шведов в центральной Эстляндии - замок Вейсенштейн (Пайде), в котором оставалось всего 50 воинов под командованием коменданта Ганса Бойе. Крепость подверглась мощному артобстрелу. На шестой день осады 1 января 1573 г. начался приступ, во время которого город был взят. В бою за Вейсенштейн погиб царский любимец, известный опричник думный дворянин Григорий Лукьянович Малюта Скуратов-Бельский. По сообщению русских и ливонских источников, сопротивление ливонцев разгневало царя. В ярости он приказал сжечь пленных немцев и шведов («И взя Пайду не во многи дни и немец исече всех, и на огне жгоша»). После взятия Вейсенштейна Иван IV вернулся в Новгород.

Военные действия в Прибалтике продолжались и весной 1573 г. Однако находившаяся здесь группировка русских войск была ослаблена переброской лучших сил на южный фронт. Тем не менее, остававшиеся в Прибалтике войска воеводы Мстиславского (16 тыс. человек) перешли в наступление и атаковали в окрестностях замка Лоде (русское название Коловер) в Западной Эстляндии шведский отряд генерала Клауса Тотта (600 кавалеристов, 1000 кнехтов). Несмотря на значительное численное превосходство, русские были разбиты, понеся ощутимые потери. В бою под Коловером

погиб командовавший полком Правой руки опричный боярин Иван Андреевич Шуйский - отец будущего русского царя Василия Ивановича Шуйского. Тем не менее, несмотря на это поражение, в 1575-1576 гг. русские войска при поддержке сторонников Магнуса сумели овладеть всей Западной Эстляндией. Центральным событием этой кампании стало взятие русскими 9 апреля 1575 г. крепости Пернов (Пярну). Победа досталась дорогой ценой - по некоторым сведениям людские потери доходили до 7 тыс. человек. Капитуляция этого города и милостивое обращение победителей с побежденными предопределило судьбу других городов Западной Эстляндии. В январе-феврале сравнительно небольшому русскому отряду, насчитывавшему не более 6 тыс. воинов, сдались почти без сопротивления крепости Лоде (Коловер), Гапсаль и Падис (Падца, соврем. Палдиски). «Голдовник» царя «король» Магнус тогда же овладел замком Лемзель. Таким образом, в 1576 г. русские заняли всю Эстляндию, за исключением Ревеля.

Ответные действия шведов закончились неудачей. Настоящей катастрофой для них обернулась попытка неожиданной атакой захватить Нарву, предпринятая в 1574 г. Шведские корабли были застигнуты бурей и большей частью прибиты к берегу, где стали легкой добычей русских воинов.

Однако, несмотря на широкий размах русских операций и гибель шведской эскадры успехи русского оружия были достаточно эфемерными. До поры, до времени, используя противоречия, существовавшие между противостоящими России балтийскими государствами, Ивану Грозному удавалось избегать крупных поражений, сосредоточивая свои войска против одного из противников. Решительный перелом в ходе военных действий, приведший к крайне неблагоприятному для Московского государства развитию событий, связан с появлением во главе Польско-Литовского государства опытного военачальника Стефана Батория, чья кандидатура при избрании его на вакантный польский трон была выдвинута и поддержана Турцией и Крымом.

С. Баторий (1533-1586) - сын семиградского воеводы Стефана и Екатерины Телегди, пятнадцатилетним юношей поступил на военную службу в армию венгерского и чешского короля Фердинанда, затем учился в Италии, в университете города Падуи. Три года провел в немецком плену. В 1575 г. Батория избрали польским королем с условием женитьбы на пятидесятилетней Анне Ягеллонке, сестре умершего короля Сигизмунда-Августа. Став правителем Речи Посполитой, Баторий начал деятельную подготовку к войне с русским царем, войска которого за время бескоролья в Польше овладели почти всей Ливонией. Однако его первой заботой стала борьба с мятежным Данцигом (Гданьском), в котором агенты Габсбургов, проигравших борьбу за польский трон, спровоцировали восстание. Лишь подавив его и проведя значительные военные реформы, качественно изменившие состояние вооруженных сил Речи Посполитой, Баторий перешел в решительное наступление на Московское государство. До этого момента польский король всячески затягивал мирные переговоры с Москвой. Не спешил прерывать их и русский царь, стремившийся до начала большой войны с Речью Посполитой овладеть всей Эстляндией, где в руках шведов оставался непокоренный Ревель.

23 октября 1576 г. в новый поход на Колывань (Ревель) выступила 50-тысячная армия князя Ф.И. Мстиславского и Ивана Васильевича Меньшого Шереметева. 23 января 1577 г. русские полки подошли к городу и осадили его. Ревель защищал гарнизон во главе с генералом Г.К. Горном. Шведы основательно подготовились к защите своей основной твердыни. Защитники крепости имели в пять раз больше пушек, чем осаждавшие. В течение шести недель русские обстреливали Ревель, надеясь зажечь его огненными ядрами. Однако горожане применяли успешные меры борьбы против пожаров, создав специальную команду (400 чел.), следившую за полетом и падением русских снарядов. Обнаруженные «огненные ядра» немедленно гасили мокрыми воловьими шкурами. Со своей стороны, ревальская артиллерия отвечала мощным огнем, нанося жестокий урон осаждающим. От пушечного ядра погиб один из главных предводителей русского войска - боярин и воевода И.В. Меньшой Шереметев, обещавший царю взять Ревель или умереть.

Русские трижды безуспешно атаковали крепостные укрепления. В ответ ревельский гарнизон делал смелые и частые вылазки, мешая вести серьезные осадные работы и уничтожая небольшие русские отряды. Попытка взорвать городские стены порохowymi минами также потерпела неудачу. Узнав о начале минных работ, осажденные проложили встречные ходы и сумели разрушить русские подземные галереи.

Активная оборона ревельцев, а также холод и болезни привели к значительным потерям в русском войске. Бомбардировки хорошо укрепленной крепости оказались безрезультатны, хотя по Ревелю было выпущено около 4 тыс. обычных и огненных ядер. 13 марта 1577 г. князь Ф.И. Мстиславский был вынужден снять осаду, продолжавшуюся 7 недель. Уходя, русские сожгли свой стан и передали горожанам, что прощаются ненадолго, пообещав вернуться и овладеть Колыванью.

После снятия осады и отступления московского войска, отряды, составленные из воинов ревельского гарнизона и добровольцев из местных жителей, совершили ответное нападение на русские крепости в Эстляндии. Вскоре их отряды были вынуждены поспешно отступить к Ревелю – в Ливонию вступило большое войско под командованием Ивана Грозного. 9 июля 1577 г. он выступил из Пскова «очищать свою отчину Лифлянскую землю». Однако русские войска двинулись не на Ревель, а на польские города Ливонии.

Пользуясь временными затруднениями нового польского короля Стефана Батория, продолжавшего осаждать Гданьск, русское командование начало решительное наступление на территории, расположенные на реке Западная Двина (Даугава). Завоевав их, московский царь и его воеводы намеревались рассечь территорию Ливонии на две части. Успеху этого плана способствовала малочисленность находившихся в этом районе неприятельских войск. Командовавший польско-литовской группировкой в Прибалтике гетман Ходкевич, имел под своим командованием лишь 4 тыс. человек и не мог помешать действиям русской армии и отрядам ливонских союзников Москвы.

Перед началом похода, еще во Пскове Иван Васильевич заключил новое соглашение с Магнусом, по которому под власть «ливонского короля» передавались земли к северу от реки Аа (Говья) и замок Венден (Кесь) к югу от этой реки. Остальные, отвоеванные у Речи Посполитой прибалтийские территории, согласно условиям Псковского договора, переходили под власть русского царя. Несоблюдение этого соглашения привело впоследствии к тяжелым последствиям, окончательно разрушившим хрупкий русско-ливонский союз.

Несмотря на отмеченное выше неравенство сил, польский отряд полковника Матвея Дембинского атаковал шедшие перед московской армией татарские «загоны», но был разбит и отступил к литовской границе.

30-тысячная русская армия и действовавшие отдельно от нее отряды «ливонского короля» Магнуса заняли города Мариенгаузен (Влех), Люцин (Лужа), Резекне (Режица), Лаудон (Левдун городище), Динабург (Невгин), Крейцбург (Круциборх), Зессвеген (Чиствин), Шванебург (Гольбин), Берзон (Борзун), Венден (Кесь) и Кокенгаузен (Куконос), Вольмар (Владимирец Ливонский), Трикатен (Триката) и несколько других небольших замков и отдельных укреплений. Во время похода царь, убежденный в скорой победе, выразил возмущение поступком Магнуса, издавшего воззвание, в котором тот призывал ливонцев изгнать из своих городов польско-литовские гарнизоны и признать его власть. Пользуясь русскими победами, «ливонский король» овладел городами, находившимися за пределами территории, выделенной ему по Псковскому договору, в том числе Вольмаром и Кокенгаузеном, пытался овладеть крепостью Пибалгом (Пиболдою). Иван Грозный жестко пресек своеволие «голдовника». По приказу царя воеводы Петр Иванович Татев и Даниил Борисович Салтыков выступили на Кокенгаузен, Богдан Яковлевич Бельский и Дементий Иванович Черемесинов – на Вольмар. Сам Иван IV находился с войсками, двинувшимися на Венден. Магнус был вызван к царю, не посмел отвергнуть его приказ,

явился в русский лагерь, где подвергся кратковременному аресту. Через 5 дней «короля», согласившегося выполнить все требования московского самодержца, отпустили.

Гнев царя обрушился на города, признавшие власть Магнуса, осмелившиеся сопротивляться его воеводам. Массовые казни были проведены в захваченном Кокенгаузене, призванные устрашить защитников других ливонских крепостей. В Вольмаре, осажденном отрядом Б.Я. Бельского и Д.И. Черемесинова, насчитывавшим 2,5 тыс. человек, по наказу царя, все, выступившие из города немцы были окружены, разоружены и перебиты. В плен взяли лишь коменданта Вольмара «Юрия Вилкова» (позднее посаженного на кол для устрашения венденцев) и еще 20 «лутчих немец».

2 сентября 1577 г. войско во главе с воеводами князем Иваном Ивановичем Голицыным и Василием Львовичем Салтыковым выступило на Венден. Жители этого города, узнав о расправе с населением крепостей, признавших власть Магнуса, отступили в «Вышгород» (внутренний замок) и отказались впустить туда русское войско. В начавшейся перестрелке защитники цитадели ранили воеводу В.Л. Салтыкова. Разгневанный царь приказал казнить под стенами цитадели всех захваченных в Вольмаре пленных. К Вендену подвзли тяжелую артиллерию, огнем которой укрепления «Вышгорода» были разрушены. Предчувствуя неминуемую гибель, венденцы предпочли взорвать себя сами, дабы избежать страшного для них гнева московского царя.

Репрессии в отношении непокорных устроили ливонцев, не имевших возможности защищаться от русских войск. 29 августа покорность Ивану IV поспешили высказать жители Леневарда, ранее перешедшие на сторону Магнуса, а теперь признавшие власть Москвы.

10 сентября 1577 г. один из самых победоносных русских походов в Ливонию закончился. Торжествуя, Иван Васильевич отправил к Стефану Баторию захваченного Магнусом в Вольмаре, а затем переданного русским пленного литовского военачальника Александра Полубенского, который должен был передать польскому королю мирные предложения московского царя.

Не желая мириться с русскими завоеваниями в Прибалтике, Баторий, по-видимому, еще до окончания Данцигского восстания (декабрь 1577 г.), попытался направить на войну литовское шляхетское ополчение («посполитое рушение»), но собранные отряды оказались немногочисленными. Все же в ноябре 1577 г., используя военную хитрость и силу, поляки и литовцы отвоевали Невгин (Динабург), Кесь (Венден) и еще несколько небольших крепостей и замков: Бутен, Лемзель, Буртник, Зонцель, Эрлю, Роге, Нитов. В тайные переговоры с польским королем вступил и «ливонский король» Магнус, в начале 1578 г. изменивший России и передавший свои владения под покровительство Речи Посполитой.

Встревоженный неожиданными успехами противника и потерей важных крепостей, Иван IV направляет в Ливонию войска, но вновь его воеводы из-за массового уклонения служилых людей от исполнения своих обязанностей не смогли выполнить царский приказ. Прибывшие к Режице князь Семен Дмитриевич Куракин, князь Андрей Васильевич Репнин и Игнатий Петрович Татищев вопреки полученным распоряжениям на Невгин (Динабург) не выступили, так как «дети боярские с ними по росписи не сошлись и затем поход у них не стался».

Действуя по собственному, четко продуманному плану, не заблуждаясь относительно военной слабости России, Баторий, задумал нанести серию решительных ударов по русской территории, стремясь отрезать от России занятые ее войсками территории в Прибалтике. Накануне похода король говорил папскому нунцию Викентию Лаурео о необходимости сражаться не в Ливонии, а добиваться завоевания Москвы, подчеркивая, что эта задача не так трудна, как кажется. Для разрешения ее следует лишь овладеть Полоцком и Смоленском. Польский сейм, собравшийся в Варшаве в марте 1578 г., принял решение о возобновлении войны с Московским государством.

Со своей стороны Иван IV, не желая уступать противнику Венден, начал упорную борьбу за этот замок. В 1578 г. русские войска дважды осаждали Венден (Кесь) и оба раза

безрезультатно. Во время начатой в феврале первой осады крепость окружило войско боярина князя И.Ф. Мстиславского и боярина князя Василия Юрьевича Голицына. Воеводы простояли под Венденом 4 недели, «пролом пробили великой, а, Кеси не взяв, пошли от города». Более удачным был русский приступ к Полчеву (Верполю). Овладев крепостью, победители «немец живых взяли и прислали к государю двесте человек, а иных побили». Вскоре после полчевской победы в октябре 1578 г. началась вторая осада Кеси 18-тысячной московской ратью Ивана Юрьевича Булгакова Голицына. Впрочем он лишь номинально возглавлял войско, всеми действиями которого руководили присланные царем доверенные лица: думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и «дворянин из Слободы» Даниил Борисович Салтыков. Русские полки трижды штурмовали венденские укрепления, но до подхода неприятельских войск так и не смогли овладеть ими. Узнав о приближении к Вендену объединившейся польской и шведской армии гетмана Андрея Сапеги и генерала Йерана (Юргена) Нильссона Бойе, русские воеводы приняли решение не отступать, «так как не осмеливались покинуть артиллерии и орудий великого князя». Однако вскоре после начала боя, четверо военачальников: князь Иван Юрьевич Булгаков Голицын, Федор Васильевич Шереметев, князь Андрей Дмитриевич Палецкий и присланный царем надзирать за воеводами дьяк А.Я. Щелкалов («канцлер великого князя и его знатнейший советник», как его именует Б. Рюссон) покинули свои позиции и увели свои полки к Юрьеву Ливонскому (Дерпту). Под Венденом в укрепленном стане остались лишь отряды воевод боярина Василия Андреевича Сицкого, Петра Ивановича Татова, Петра Ивановича Хворостинина и Михаила Васильевича Тюфякина, решивших защищать доставленный сюда «большой наряд», которым после гибели окольного Василия Федоровича Воронцова командовали князь Михаил Федорович Гвоздев-Ростовский и дьяк Андрей Клобуков.

21 октября 1578 г. под Венденом произошло сражение, закончившееся тяжелым поражением русской пехоты. Расстреляв по неприятельской коннице все заряды, московские пушкеры, чтобы избежать плена, повесились на собственных орудиях. По другим сведениям, они бились до конца и были перебиты ворвавшимся в стан противником. По ливонским источникам, в бою под Венденом русская рать потеряла 6 тыс. человек, 14 орудий большого калибра («картаун» и «шланг»), 6 мортир, несколько полевых орудий и обоз. По русским сведениям в Венденском сражении было потеряно 16 орудий: 3 больших пушки - «Волк», «Две девки», «Змей перновский», 3 верховых пушки (мортиры), 7 «полуторных» и 3 «скорострельные» пищали.

В бою погибли воеводы В.А. Сицкий и М.В. Тюфякин. П.И. Татов, кн. П.И. Хворостинин, М.Ф. Гвоздев-Ростовский и дьяк А. Клобуков попали в плен и были отправлены к королю Стефану Баторию, находившемуся в Гродно. Захваченные в сражении под Венденом русские орудия увезли в Польшу. Действия бежавших с поля боя военачальников получили суровую оценку в разрядных записях: «А иные воеводы тогда з дела побежали, а товарищов своих бояр и воевод выдали и наряд покинули. А побежали боярин князь Иван Голицын да окольный Федор Шереметев, да князь Ондрей Палецкой, да дьяк Ондрей Щелкалов».

Воодушевленные победой шведы в сентябре 1578 г. поспешили начать осаду Нарвы, но из-за начавшихся перебоев в снабжении продовольствием и частых нападений татарских отрядов, вынуждены были отступить от города, потеряв не менее 1500 кнехтов. В Москве имелись сведения и о готовящемся нападении шведских войск на русское Поморье. Встревоженный Иван Грозный поспешил обезопасить северные рубежи. 2 августа 1578 г. он направил в Соловецкий монастырь большую партию оружия: «сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две пищали полуторные да две девятипядных, <...> а зелья ко всему наряду и к пищалем и к ручницам сто пятнадцать пуд». Однако войска туда царь направить не смог – они необходимы были в Ливонии и на южной «украине». На Соловки с головою Михаилом Озеровым было прислано всего 18 человек: 4 московских, 4 вологодских пушкарей и 10 стрельцов. Чтобы компенсировать

малочисленность этого отряда, игумену Варламу с братией разрешили «прибрать девяносто человек в стрелцы да пять человек в затинщики». Упрочить присутствие России на Белом море должна была постройка нового острога вокруг неукрепленной до того Соловецкой обители. Ходом работ поручили руководить Михаилу Озерову. Все присланные с ним служилые люди и вновь набранные из монастырских крестьян стрельцы были взяты на содержание монастырем и поступили под начальство игумена Варлаама, с той поры и на долгие годы ставшего главным военным администратором в Поморье.

В 1579 г., получив новые сведения о готовящемся шведском нападении на северные русские земли, царь направил на Соловки еще 4 затинных пищали и свыше 10 пудов пороху. Своевременность, но недостаточность принятых мер подтвердили события лета 1579 г., когда вторгшийся в Кемскую область неприятельское войско разгромило отряд Михаила Озерова, погибшего в этом столкновении. Павшего военачальника заменил Андрей Загряжский. Пополнив поредевшую соловецкую стрелецкую сотню, он главное внимание уделил боевой подготовке своих воинов к новым боям. На случай новых нападений укреплялись и другие пограничные места. Принятые меры позволили остановить вражескую агрессию. В декабре того же года 3-тысячный шведский отряд напал на порубежную «волость в Ринозеро», осадив построенный на границе русский острог, в котором три дня отбивался воевода Киприан Аничков. Понеся на штурмах большие потери, в том числе двух военачальников, шведы отступили от Риноозерского острога.

* * *

Серьезное поражение под Венденом, где для борьбы с русскими впервые объединились шведская и польская армии, заставило Ивана Грозного, отбросив старые обиды и амбиции, искать мира с Баторием. Передышка нужна была русскому царю, чтобы сосредоточиться на войне со Швецией, являвшейся, по его мнению, более слабым противником. В начале января 1579 г. он отправил в Польшу гонца Андрея Михалкова, с поручением передать королю предложение прислать в Москву «великих послов». Рассчитывая на мирную паузу в войне с Речью Посполитой, Иван IV решил летом 1579 г. нанести удар по шведам и взять, наконец, Ревель. Для похода в Новгород стали пребывать войска, насчитывавшие не менее 30 тыс. человек. Сюда же доставили тяжелую осадную артиллерию. Но Стефан Баторий не хотел мира на русских условиях и готовился к продолжению войны с Россией. В этом его полностью поддерживали союзники: шведский король Юхан III, саксонский курфюрст Август и бранденбургский курфюрст Иоганн-Георг.

Определяя направление главного удара, Баторий отверг предложение советников идти в Ливонию, где находилось много русских войск и хорошо укрепленных крепостей (по явно завышенным сведениям Рейнгольда Гейденштейна численность русских гарнизонов и полевых войск в Прибалтике доходила до 100 тыс. человек). Борьба в таких условиях могла стоить польской армии больших и невосполнимых потерь. Кроме того, Баторий резонно полагал, что в разоренной многолетней войной Ливонии он вряд ли сможет найти достаточное количество продовольствия и добычи для своих наемников. Поэтому польский король решил нанести удар там, где московские воеводы его совсем не ждали, и овладеть имевшей важнейшее стратегическое значение Полоцкой крепостью и построенными на рубеже новыми русскими замками. Возвращение этого города под власть Польско-Литовского государства обеспечивало безопасность действий польских войск в юго-восточной Ливонии, и давало Баторию важный плацдарм для развертывания дальнейшего наступления против России.

26 июня 1579 г. Стефан Баторий направил московскому царю гонца Вацлава Лопатинского, доставившего Ивану IV королевскую «разметную» грамоту с объявлением войны Московскому государству. В этом документе польский король объявил себя

освободителем русского народа от тирании Ивана Грозного, против которого он и собирается выступить в поход. 30 июня 1579 г. польско-литовская армия начала выдвигаться к русским границам. На следующий день шедшие в авангарде «литовские казаки» захватили небольшие пограничные крепости Козьян и Красный, а 4 августа венгерские наемники овладели городом Ситно. Дорога на Полоцк была открыта.

Встревоженный вторжением польской армии в пределы Московского государства, Иван Грозный пытался укрепить гарнизон Полоцка и его боевые возможности. Однако эти действия явно запоздали. В Полоцк из Пскова была направлена крупнокалиберная пищаль «Свиток», но до начала осады ее смогли довести лишь до Себежа. Сопровождавшие орудие головы князь Василий Иванович Мещерский и Константин Дмитриевич Поливанов вынуждены были оставить «Свиток» в этом псковском пригороде. Между тем, наличие такой пушки в осажденной крепости могло серьезно повлиять на исход борьбы за Полоцк - нельзя забывать какую роль в позднейшей обороне Пскова сыграли подобные «Свитку» крупнокалиберные орудия «Барс» и «Трескотуха». Не смогло пробиться в Полоцк направленное туда в большой спешке войско под командованием Бориса Васильевича Шеина, Федора Васильевича Шереметева и подчиненных им младших воевод: князя Михаила Юрьевича Лыкова, князя Андрея Дмитриевича Палецкого и князя Василия Ивановича Кривоборского. Эта рать, усиленная отрядами донских казаков Юрия Булгакова и Василия Кузьмина Караваева, выступила из Пскова 1 августа 1579 г. Воеводам был вручен царский наказ пройти в Полоцк и укрепить его гарнизон. Иван IV не доверял полоцким воеводам, считая что они «худы и глупы». Его также беспокоила нехватка в Полоцке воинских людей. Вступив в Полоцкую землю, воеводы узнали о начавшейся осаде и полной блокаде Полоцка и, выполняя данные им на этот случай указания, укрепились в ближайшей к городу крепости Сокол.

Осада Полоцка поляками продолжалась три недели. В самом начале ее, оставив Стрелецкий острог, защитники города отошли в господствующий над ним Высокий замок, где войска Батория встретили серьезное сопротивление. Численность польской армии к тому времени не превышала 16 тыс. человек. Первоначально осаждающие пытались зажечь деревянную крепость артиллерийским огнем, обстреливая ее калеными ядрами. Но защитники города, возглавляемые воеводами князем Василием Ивановичем Телятевским, Петром Ивановичем Волынским, князем Дмитрием Михайловичем Щербатым, Иваном Григорьевичем Зюзиным, Матвеем Ивановичем Дьяком Ржевским и дьяком Лукой (в других документах - Лукьяном) Раковым успешно ликвидировали возникавшие пожары: рискуя жизнью, русские воины на веревках спускались со стен и тушили зажженные неприятелем участки стен. Именно в связи с этим Стефан Баторий сказал, что «в деле защиты крепостей они («москвитяне» – В.В.) превосходят все прочие народы». Распространению огня мешала установившаяся дождливая погода, поэтому польский король обещанием высоких наград и добычи уговорил служивших ему венгерских наемников пойти на штурм крепости. 29 августа 1579 г., воспользовавшись ясным и ветреным днем, венгерская пехота бросилась к стенам Полоцка и с помощью смоляных факелов сумела их поджечь. Затем венгры, поддержанные поляками, ринулись на штурм через пылающие стены крепости. Но защитники крепости сумели насыпать вал там, где прогорела ее стена, вырыть перед ним ров, а за ним установить орудия. Когда нападавшие ворвались в крепость, прямо у рва их остановил залповый огонь русских пушек. Понеся большие потери, пехотинцы Батория поспешно отступили в свой лагерь. Неудача ненадолго остановила наемников. Возбужденные рассказами об огромных богатствах, хранящихся в крепости, венгерские солдаты, подкрепленные немецкой пехотой, вновь ринулись на приступ Верхнего замка. И на этот раз ожесточенный штурм был отбит с большими потерями для штурмующих.

Тяжелые потери понес и полоцкий гарнизон. Утратив веру в помощь русских войск, осажденные не полагались уже на защиту своих полуразрушенных укреплений. Тогда часть русских воинов во главе с воеводой Петром Волынским вступила с королем в

переговоры, завершившиеся сдачей Полоцка на условии свободного выхода из него всем ратным людям. Отказавшиеся участвовать в переговорах воеводы укрылись в соборе Святой Софии и были пленены поляками после упорного сопротивления. Некоторые из добровольно сдавшихся в плен русских воинов позже перешли на службу к Баторию, получив во владение самые бесплодные в Литве земли. Но большинство служилых людей, несмотря на страх перед казавшейся неминуемой расправой со стороны Ивана Грозного, предпочло вернуться домой в Россию. Вопреки их опасениям славившийся свирепостью царь не тронул провинившихся воинов, ограничившись удалением на службу в пограничные города: Великие Луки, Заволочье, Невель и Усвят, защищая которые они могли искупить свой проступок.

1 сентября 1579 г. польский король вступил в Полоцк. Однако этот триумф не удовлетворил Стефана Батория, и военные действия были продолжены.

После взятия Полоцка, литовские отряды из состава войска Батория под командованием гетмана Константина Ивановича Острожского совершили набег на северские земли, дойдя до Стародуба и Почапа. Еще один литовский отряд оршанского старосты Филона Кмиты ходил на смоленский рубеж. 4 сентября польскими войсками была без боя взята крепость Туровля, лежащая в 4-х милях (18-19 км.) к юго-западу от Полоцка. 19 сентября 1579 г. другой военачальник Батория Николай (Миколай) Юрьевич Радзивилл во главе венгерских, немецких и польских наемных войск осадил крепость Сокол. Число ее защитников к тому времени значительно уменьшилось, поскольку отряды донских казаков, посланные вместе с Борисом Васильевичем Шеиным к Полоцку, самовольно ушли на Дон, «без отпуску ... не дожидаясь литовских людей».

В ходе тяжелых боев под Соколом неприятельские войска сумели разгромить оборонявшие крепость русские полки и взять город, подожженный огнем польскими артиллеристами, вновь использовавшими здесь каленые ядра. В одной из разрядных книг сохранилась выразительная запись о взятии крепости: «И грех ради наших город Сокол взяли месяца сентября в 25 день, а воевод царя и великого князя в городе в Соколе побили, а иных живых поймали». Оставив пылающую крепость, ее защитники сделали отчаянную попытку пробиться из города, но были оттеснены назад в Сокол. За ними туда ворвался отряд немецких наемников. Но русские воины успели захлопнуть за ними ворота. Опустив железную решетку, они отрезали вражеский отряд от основных сил. Внутри крепости, в огне и дыму, началась ужасная битва. Поляки и литовцы бросились на помощь своим находившимся в крепости товарищам, опасаясь, что им достанется вся добыча. Атаковавшие разломали ворота и ворвались в горящий Сокол. В безжалостной схватке его гарнизон вновь попытался пробиться из города, но был почти полностью уничтожен. В плен попал воевода окольный Ф.В. Шереметев с немногими уцелевшими в страшной резне людьми. Другие русские военачальники: главный воевода окольный Б.В. Шеин, князь А.Д. Палецкий, князь М.Ю. Лыков и князь В.И. Кривоборский погибли в битве за город. По свидетельству очевидца, старого наемника полковника Вейера, ни в одной из битв он не видел такого числа трупов, лежащих на столь ограниченном пространстве. После боя их насчитали до 4 тысяч. Большие потери понесла и польская армия. Только наемных немецких солдат погибло более 500 человек. Сохранились рассказы очевидцев о страшных надругательствах над телами павших в сражении за Сокол русских людей. Так, немки-маркитантки вырезали из мертвых тел жир для составления целебной мази. После взятия Сокола польская армия осадила и крепостью Суша, где находилась артиллерия русской армии. Крепость была сдана 6 октября 1579 г. потерявшим мужество воеводой Петром Федоровичем Колычевым. В Суше противник захватил 21 большое орудие, 136 гаковниц, 123 длинных ручницы и 100 бочек пороха. После этого успеха Баторий вернулся в столицу Литвы Вильну, откуда направил Ивану Грозному послание (по определению С.М. Соловьева – «гордую грамоту») с сообщением о победах и требованием уступки Ливонии и признания прав Речи Посполитой на Курляндию.

Осенью 1579 г. под влиянием успешно развивавшегося польского наступления на Полоцк, началось шведское наступление на Ругодив (Нарву). Первую диверсию на этом направлении противник предпринял еще летом, когда к русским крепостям на реке Нарове был направлен шведский флот. 18 июля неприятельские корабли обстреляли Ругодив и Ивангород, однако ущерб от этой бомбардировки был невелик. Полномасштабное наступление началось позднее. В начале осени русскую границу перешла шведская армия генерала Генриха Классена Горна, 27 сентября осадившая Ругодив. Бои под крепостью шли две недели, но закончились безрезультатно. Потеряв на штурмах около 4 тыс. человек, шведы вынуждены были отступить, так как из Пскова на помощь Ругодиву выступило состоявшее из трех полков войско князя Тимофея Романовича Трубецкого и Романа Дмитриевича Бутурлина, а из Юрьева Ливонского (Дерпта) – войско князя Василия Дмитриевича Хилкова и Игнатия Александровича Кобякова.

Однако победа под Ругодивом не могла восполнить потери Полоцка и гибели войска Бориса Васильевича Шеина под Соколом. Упоенный победами, польский король отверг мирные предложения русского царя, переданные с гонцами Леонтием Стремоуховым, Елизарием Ивановичем Благово и Григорием Афанасьевичем Злобиным Нащокиным, готовясь возобновить военные действия в следующем году. Как и раньше, Стефан Баторий предполагал наступать не в Ливонии, а на северо-восточном направлении. На этот раз он собирался овладеть крепостью Великие Луки, прикрывавшей с юга новгородские земли. Таким образом польский король стремился отрезать сообщение русских с Юрьевом (Дерптом) и другими ливонскими городами. И вновь планы Батория оказались неразгаданными московским командованием. Русские полки оказались растянутыми по всей линии фронта от ливонского города Кокенгаузена (русское название Куконас, после рождения у Ивана Грозного сына Дмитрия этот город переименовали в Царевичев Димитриев) до Смоленска. Опасаясь нового крымского вторжения, Иван Грозный вынужден был направить часть войск на южную «украину», откуда позднее пришлось срочно перебрасывать на западную границу полки князя Ф.И. Мстиславского и других «береговых» воевод. Царь и его воеводы считали наиболее вероятным направлением удара польской армии Куконас (Кокенгаузен), именно здесь сосредоточив главные русские силы. Эта ошибка самым негативным образом сказалась на исходе главной кампании 1580 г.

Начиная второй поход в Россию, король делал ставку на недовольство части общества репрессивной политикой Ивана Грозного, однако русские люди не откликнулись на призывы Батория поднять восстание против царя-тирана. В конце августа 1580 г. войско польского короля (48-50 тыс. человек, из них 21 тыс. – пехота) перешло русскую границу. Выступившая в поход королевская армия имела первоклассную артиллерию, в составе которой находилось 30 осадных пушек. На этот раз поляки наступали в направлении Великих Лук. Эта крепость издревле охраняла сообщение Новгорода с югом Псковской земли, а также с Полоцком. Сообщая о решении Батория атаковать Великие Луки, Р. Гейденштейн обосновывал его тем, что эта крепость находится «в предсердии Московского государства». Город защищал гарнизон во главе с воеводами князем Федором Ивановичем Лыковым, князем Михаилом Федоровичем Кашиным, Юрием Ивановичем Аксаковым, Василием Ивановичем Бобрищевым-Пушкиным и Василием Петровичем Измайловым, действия которых контролировал присланный царем наблюдать за ними Иван Васильевич Большой Воейков. Численность русских войск в Великих Луках составляла около 6-7 тыс. человек. В 60 верстах восточнее, в районе города Торопца, стояло 10-тысячное русское войско под командованием воевод князя Василия Дмитриевича Хилкова и Игнатия Александровича Кобякова. Из-за явного превосходства осадившего Великие Луки противника они не решались идти на помощь осажденному городу. Поджидая подкреплений и служилых людей-нетчиков, Хилков и Кобяков ограничивались посылкой разведывательных отрядов для захвата «языков», а также небольшими диверсиями против действовавших на русской территории польских отрядов.

Верный своему правилу не оставлять в тылу неприятельских крепостей, Баторий, начавший в конце лета 1580 г. второй поход в Россию, старался овладеть всеми русскими городами, лежавшими в полосе наступления его армии. Для захвата их были выделены крупные отряды. Еще 6 августа 1580 г. 6-тысячное войско гетмана Яна Замойского осадило пограничный Велиж. Не выдержав обстрела этой небольшой деревянной крепости калеными ядрами, местные воеводы Павлин Братцев и Василий Башмаков уже на следующий день сдали город неприятелю. В Велиже находилось 200 детей боярских, 400 стрельцов, 1000 «простых ратников», по условиям капитуляции полякам было передано 14 пушек, 4 «большие переносные пушки», 80 гаковниц (затинных пищалей). Согласно условиям капитуляции защитники Велижа сами должны были выбрать свою судьбу – перейти ли на польскую службу или уйти на русскую сторону. Большинство из них, по свидетельству Луки Дзялынського, вернулись в Московское государство. Заняв Велиж, королевская армия двинулась на вторую русскую крепость Усвят. Передовые польские войска, которыми командовал Христофор Радзивилл подошли к этому городу 15 августа, а уже на следующий день крепость пала. В Усвяте противник захватил 8 литых пушек, 50 гаковниц и 130 пищалей. Захваченных в плен воевод Михаила Ивановича Вельяминова и Ивана Кошкарева, а также стрелецкого голову Ивана Пушечного отправили в Витебск «за крепким караулом». Остальные пленные, за исключением пожелавших перейти на польскую сторону (таковых оказалось 64 человека) были отпущены на родину. Овладев Усвятом, армия Батория двинулась к Великим Лукам.

Осада Великих Лук началась 26 августа 1580 г. Опасаясь страшного действия каленых ядер, защитники города попытались укрепить его деревянные стены, обложив их сверху донизу слоем земли и дерна. Поначалу земляная насыпь действительно оправдала свое предназначение, но затем она была сбита огнем вражеской артиллерии, а в наиболее опасных местах снята гайдуками, поджигавшими деревянное основание стен с помощью смолистых факелов, серы и пороха.

Через день после начала осадных работ к Баторию прибыло русское «великое посольство» во главе с наместником нижегородским князем Иваном Ивановичем Сицким, думным дворянином Романом Михайловичем Пивовым и дьяком Фомой Пантелеевичем Дружиной Петелиным. Встревоженный успехами противника и осознавший опасность дальнейших походов польского короля, Иван Грозный предложил ему мир, согласившись на очень значительные уступки, прежде всего передачу Речи Посполитой 24 городов в Ливонии. Также царь выразил готовность отказаться от претензий на Полоцк и Полоцкую землю. Однако Стефан Баторий посчитал предложения Москвы недостаточными, требуя всей Ливонии. По-видимому, уже тогда в его окружении вырабатывались планы завоевания Северной земли, Смоленска, Великого Новгорода и Пскова. Неслучайно присланные на встречу московским послам люди оршанского старосты Филона Кмиты тогда именовали своего господина «воеводой смоленским», что вызвало резкие протесты русских дипломатов.

Отказавшись на время переговоров прервать осаду Великих Лук, Баторий начал приступ крепости. Осажденные отвечали смелыми вылазками, во время одной из которых захватили королевское знамя. Наконец, польской артиллерии удалось зажечь крепость калеными ядрами. Но и в этих условиях ее защитники продолжали доблестно сражаться, оборачиваясь мокрыми кожами для защиты от огня. Пожары удалось потушить, но деревянные конструкции стен, уходящие основанием в землю, продолжали тлеть, грозя новыми возгораниями. Гарнизон Великих Лук ожесточенно сопротивлялся. Только за один день 2 сентября в королевской армии погибло 2 ротмистра, было убито и ранено около 200 воинов. Тем не менее, вновь и вновь поджигаемый врагом город был обречен. 5 сентября пожар охватил значительную часть крепости, после чего ее защитники вынуждены были согласиться на капитуляцию. Однако, разъяренное большими потерями польское воинство, а главное «толпа обозной челяди», начала жестокую расправу с побежденными. Некоторый стыд, от невозможности остановить избиение безоружных людей испытывали

даже польские командиры. Прочитируем относящиеся к этому позорному событию слова из дневника Луки Дзялынского, старосты Ковальского и Бродницкого: «Наши учинили позорное и великое убийство, желая отомстить за своих павших товарищей. Они не обращали ни на кого внимания и убивали как старых, так и молодых, женщин и детей. Начальники, не будучи в состоянии удерживать их, отъезжали прочь, а имевшие сострадательное сердце не допускали убивать тех, которых наша кавалерия захватила в плен, в особенности женщин и детей». Так как поляки «заняты были убийствами и грабежами», то никто не тушил пожар и вскоре огонь достиг крепостного арсенала, где находились пороховые запасы. Мощный взрыв разрушил крепость, погубив и 200 польских солдат, начавших грабить город. В безжалостной резне пали практически все защитники и все население Великих Лук (около 7 тыс. человек), в том числе и воевода И.В. Воейков.

Вскоре после этой победы поляками были взяты крепости Невель (29 сентября), Озерище (12 октября) и Заволочье (23 октября). Героически защищавшийся в Заволочье в течение 3-х недель воевода Василий Юрьевич Сабуров во время штурма смертельно раненным попал в плен и умер в польском лагере.

Овладев Великими Луками и близлежащими городами, король послал конное войско воеводы брацлавского Филипповского против 10-тысячной русской рати, которой командовал князь В.Д. Хилков. Его полки стояли под Торпцом и совершали оттуда частые нападения на королевскую армию. 21 сентября 1580 г. входившие в войско Филипповского польские, венгерские и немецкие конные роты атаковали русское войско. Первоначально воинам Хилкова сопутствовал успех – им удалось заманить противника на подрубленный мост и, после того как он обрушился, расстрелять оказавшихся в воде врагов. Но затем московская армия была опрокинута ударом тяжелой польской кавалерии и бежала. В сражении под Торпцом было убито около 300 русских воинов, в плен попало 24 человека, но среди них оказались и московские воеводы Григорий Афанасьевич Нащокин и Дементий Иванович Черемесин. В числе убитых был один из младших воевод Большого полка Иван Елизарьевич Ельчанинов. В захваченном русском лагере неприятелю достались важные документы разрядного шатра В.Д. Хилкова, из которых польское командование смогло узнать точные сведения о планах московского царя, о дислокации русских войск, об их тяжелом положении, связанном с массовой неявкой служилых людей в полки.

Поражение войска В.Д. Хилкова лишило защиты южные пределы новгородской земли и позволило оставленным на рубеже польско-литовским отрядам продолжить военные действия в этом районе и зимой. В декабре-марте 1581 г. противник совершил глубокий рейд в глубь русской территории, дойдя до озера Ильмень. Во время этого похода «скрадом», то есть в результате внезапного нападения, отряд Вацлава Жабки захватил город Холм (по одним сведениям, в конце декабря 1580 г., по другим - 10 февраля 1581 г.). В плен попали воевода князь Петр Иванович Бярятинский, осадный голова Меньшой Панкратович Панин и стрелецкий голова Михаил Александрович Зыбин. В марте 1581 г. «литовскими людьми» была сожжена Старая Русса. Находившиеся в городе воеводы Владимир Иванович Бахтеаров, Иван Федорович Крюк Колычев и князь Федор Иванович Кривоборский, оборонять его не стали, действуя по полученным из Москвы инструкциям, так как в Старой Руссе тогда не было никаких укреплений. Все население заранее вывели из города, который был сожжен пришедшими в эти места литовцами. Вскоре, однако, произошел второй набег на Старую Руссу. Литовские отряды вышли к городу после прибытия туда новых воевод из Москвы (князя Василия Петровича Мусы Туренина, Дмитрия Борисовича Салтыкова, Ивана Львовича Салтыкова и Дмитрия Андреевича Замыцкого). На этот раз вражеское нападение оказалось неожиданным. В городе был захвачен старший из воевод князь Василий Петрович Туренин. Другие русские воеводы «Дмитрей Салтыков да Иван Салтыков, да Дмитрей Замытцкой побежали, а князя

Василья выдали». Тогда же противник овладел псковской крепостью Воронеч. В Ливонии польскими войсками был захвачен замок Шмильтен.

Осенью 1580 г. литовские отряды попытались начать наступление и на смоленском направлении. Вскоре после падения Великих Лук, из Орши к Днепру выступил 9-тысячный отряд оршанского старосты Филона Кмиты, провозглашенного «воеводой смоленским». Он намеревался сжечь смоленские посады, а затем пройти по смоленским дорогобужским и белевским волостям и соединиться с польским королем, после взятия Великих Лук ожидавшего результатов Смоленского похода Кмиты. В октябре 1580 г. отряд Филона подошел к деревне Настасьино, находившейся в 7 верстах от Смоленска и «учал ставитца» там лагерем. Внезапно противника атаковали полки Ивана Михайловича Бутурлина и других русских воевод. Под их натиском польско-литовское войско было «сбито с станов» и отступило к обозу, где укрепились. По-видимому, надежды удержаться в этом укреплении у Филона Кмиты не было, так как той же ночью он покинул лагерь под Настасьино и начал поспешное отступление. Действуя энергично и настойчиво, Бутурлин организовал преследование уходящего неприятеля. Отряды Филона были настигнуты в 40 верстах от Смоленска, на Спасских Лугах. Русские полки вновь решительно атаковали литовское войско и нанесли ему полное поражение. В разрядной записи о результатах сражения отмечено: «да Филона побили и наряд и знамена поимали, а взяли десять пушак да пятьдесят затинных пищалей и шатры поимали, да триста восемьдесят языков литвы и кош весь взяли». Потери были и с русской стороны. В числе убитых оказался один из смоленских воевод Игнатий Борисович Блудов.

Однако, эта первая после многих неудач победа русского оружия уже не могла переломить ход военных действий. Тем не менее, разбивший неприятельское войско и изгнавший его остатки из Смоленской земли воевода Иван Михайлович Бутурлин защитил свой город и его окрестности от разорения польско-литовскими отрядами, вынудив противника искать более уязвимые места на русском рубеже.

Тем временем шведы возобновили натиск на русские владения в Прибалтике. В октябре-декабре 1580 г. шведская армия осадила замок Падис (русское название Падца)*, который защищал небольшой русский гарнизон во главе с воеводой Даниилом Чихачевым. Решив защищаться до последнего, Чихачев приказал убить шведского парламентаря, явившегося к нему с требованием капитуляции. Не имея продовольственных запасов, защитники Падиса терпели страшный голод: поев всех собак и кошек, в конце осады они питались соломой и кожами. Тем не менее, русский гарнизон 13 недель мужественно сдерживал натиск шведского войска. Лишь по истечении этого срока шведам удалось взять приступом крепость, которую упорно обороняли едва живые русские воины. После падения Падцы все уцелевшие в последнем бою защитники города были перебиты. Взятие шведами Падиса положило конец русскому присутствию в западной части Эстляндии. 4 ноября 1580 г. Понтус Делагарди занял город Корелу, переименованный в Кексгольм, где его солдаты перебили около 2 тыс. жителей.

Исход войны призван был решить третий, решающий удар Стефана Батория по ослабленному прежними неудачами Московскому государству**. К этому времени Иван Грозный направил к польскому королю уже несколько русских гонцов и посольств: Репчука Климентьева, Ефстафия Михайловича Пушкина и Федора Андреевича Писемского. От имени царя они предлагали Баторию заключить мир с Россией на все

---

* Современ. г. Палдиски.

** О тяжелом состоянии Московского государства свидетельствует следующий факт, который приводит в своих записках каштелян гнездинский Ян Зборовский. По его сообщению, посланные в русскую землю казаки Ф. Кмиты не смогли захватить добычу и пленников, так как в деревнях «оставались только старые, да слабые; все годные были уже взяты в войска или в города для осады. Всюду говорили о больших потерях в московских людях». - Дневник Второго похода Стефана Батория на Россию. С. 7

более выгодных для поляков условиях. Решение о необходимости прекращения войны было подтверждено на состоявшемся конце 1580 г. Земском соборе.

Измена царского стольника Давыда Нежданова Бельского (племянника Малюты Скуратова), бежавшего в Литву в мае 1581 г., склонила Батория к решению продолжить войну и нанести удар по Пскову. Д.Н. Бельский сообщил полякам о слабости оборонительных сооружений Пскова, о недостаточности находящихся там оборонительных средств, о том, что откуда, якобы, был вывезен весь «наряд», о нежелании дворян воевать и т.п. Впрочем, еще до приезда беглого московского стольника Баторий осуществил крупный денежный заем у немецких владетельных князей. Таким образом, он получил возможность нанять новые воинские отряды, необходимые для осуществления его завоевательных планов.

20 июня 1581 г. польская армия выступила в третий поход. На этот раз скрыть его подготовку и направление главного удара королю не удалось. Русским воеводам удалось опередив врага, нанести предупреждающий удар, разорив окрестности Дубровны, Орши, Шклова и Могилева. Это нападение не только замедлило продвижение польской армии (по-видимому, именно из-за него Баторий вынужден был на две недели задержаться в лагере на реке Дриссе), но и ослабило силы выступившей на Псков армии. Королю пришлось направить к восточным границам Литвы сильный отряд троцкого воеводы Христофора Радзивилла, насчитывающий около 3 тыс. человек. Благодаря временной остановке польского наступления, русскому командованию удалось перебросить в Псков дополнительные воинские контингенты из ливонских замков.

С конца лета 1581 г., узнав о приближении большой польской армии (47 тыс. человек, в том числе 27 тыс. наемников из европейских стран), псковские воеводы князь Василий Федорович Скопин-Шуйский и князь Иван Петрович Шуйский стали готовить крепость к обороне. Всего в городе находилось около 16 тыс. человек, но в это число входили 12 тыс. вооруженных жителей Пскова и его пригородов. Гарнизон Пскова, без учета привлеченных к его защите горожан, насчитывал 1000 дворян и детей боярских, 2500 стрельцов и 500 казаков. Ожидая приближения неприятельской армии, псковичи спешно исправили крепостные укрепления, дополнили их деревянными и земляными сооружениями, при возведении которых использовались новейшие фортификационные приемы*. На башнях, раскатах и стенах города были установлены многочисленные пушки. Наличие у обороняющихся двух больших орудий – «Барса» и «Трескотухи», стрелявших на дистанцию около 1 версты, сыграло в защите Псковской крепости решающую роль, так как у поляков не было ни одной, равной им пушки.

18 августа 1581 г. польское войско, разбив на берегах реки Черехи отряд русской конницы, вышло на ближние подступы к Пскову. 21 августа, не выдержав ожесточенной бомбардировки, сдалась врагу небольшая крепость Остров. За день до этого передовые отряды Батория подошли к Пскову, остановились на расстоянии трех пушечных выстрелов от крепостных стен. Русские воеводы, узнав о приближении врага, велели зажечь предместья и бить в осадный колокол. Так началась знаменитая Псковская оборона. Но

---

* Город Псков имел четыре линии укреплений – Кром, Довмонтов город, Средний город и Окольный город. Внешняя стена Окольного города протянулась почти на 10 верст, имела 37 башен и 48 ворот. Западная часть Пскова выходила к реке Великой, поэтому только здесь стены города были деревянными, со всех других сторон – каменными. Накануне осады Псковская крепость была дополнена постройкой целого ряда новых фортификационных сооружений. Снаружи и внутри стен были возведены новые бревенчатые башни, а также сооружены широкие башенные платформы – раскаты, предназначенные для установки крупнокалиберных орудий. Постройка дополнительных башен устранила главный недостаток старых укреплений – недостаточную фланговую оборону. Стены новых наружных башен были прикрыты дерном, хорошо предохранявшим от зажигательных ядер, и были снабжены большим количеством бойниц. – Кирпичников А.Н. Оборона Пскова в 1581-1582 гг. и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 201

только спустя неделю, 26 августа, после подхода главных сил, поляки попытались вплотную подойти к городским укреплениям, чтобы начать осадные работы. Однако защитники Пскова встретили неприятеля орудийным огнем со стен и башен псковского Окольного города и вынудили его отойти от крепостных укреплений.

1 сентября, убедившись в прочности русской обороны, Баторий приказал своим войскам начать траншейные работы, чтобы приблизить свою осадную артиллерию к укреплениям Пскова. Штурмовать крепость Баторий решил с южной стороны Окольного города, где находились Покровская и Свиноорская башни (последняя в ряде источников именуется и как Свиноусская башня). В непосредственной близости от этих башен осаждающими были заложены шанцы. Работы закончились в ночь с 4 на 5 сентября. Установив батарею из 20 орудий, противник начал бомбардировку псковских укреплений, длившуюся два дня. В результате обстрела Покровская и Свиноорская башни были полуразрушены, в стене между ними образовался большой пролом.

Штурм крепости польский король назначил на 8 сентября 1581 г. В нем участвовали лучшие войска Батория. Несмотря на значительные разрушения укреплений Окольного города, находившихся на направлении вражеской атаки, штурмовые колонны были встречены сильным заградительным огнем. С большим трудом наемная польская, венгерская и немецкая пехота смогла овладеть сильно пострадавшими при бомбардировке Покровской и Свиноорской башнями, однако продвинуться дальше или закрепиться в захваченных стрельницах противнику не удалось. Путь в город преграждала деревянная стена с несколькими рядами бойниц, через которые псковичи в упор расстреливали неприятельских солдат. Вскоре защитники города смогли разрушить занятые неприятельскими солдатами верхние ярусы Свиноорской башни. Для этого понадобилось сделать один единственный выстрел из «великой пушки» «Барс», установленной на Похвальском раскате. Затем, подкатив под основание полуразрушенной башни, где еще оставались враги бочки с порохом, псковичи взорвали ее. С помощью подкопа была разрушена Покровская башня.

После этого немногие еще оставшиеся в живых польские и венгерские солдаты оставили захваченный участок стены и отступили в свои шанцы. Во время штурма атакующие потеряли до 5 тыс. человек убитыми. Ощутимыми были потери защитников Пскова: погибло 863 человека и ранено 1623 человека. Разрушенные в ходе бомбардировки и штурма городские укрепления восстановили и усилили дополнительными защитными сооружениями – прочной деревянной стеной и рвом с частоколом из заостренных дубовых кольев.

Несмотря на неудачу, поляки не сняли осаду города. Установив у Мирожского монастыря на левом берегу реки Великой и в Завеличье тяжелые орудия, 24 октября противник начал обстрел города калеными ядрами, но начавшиеся в крепости пожары псковичи быстро потушили псковичами.

Осенью и зимой 1581-1582 гг. поляки 31 раз поднимались на штурм русской твердыни, но безрезультатно. Каждый раз с большими потерями они откатывались назад, теряя веру в успех. Во время вражеских атак псковичи отчаянно сопротивлялись и неизменно побеждали. Решив, что самым слабым местом в обороне Пскова является его стена, выходящая к реке Великой, противник именно здесь решил нанести очередной удар. 28 октября венгерские гайдуки, пройдя вдоль реки к откосу, на котором стояла городская стена между угловой башней и Покровскими воротами, стали ломать и кирками подкапывать ее подошву. Вскоре часть укреплений обрушилась. Но за подрубленной стеной открылась еще одна, перед которой был вырыт ров. Вражеские солдаты попытались штурмом овладеть второй линией укреплений, но защитники Пскова забросали их кувшинами с зельем (порохом). На атакующих лили кипятком и горячую смолу, кидали камни, в упор расстреливали из ручниц. Понеся большие потери, противник прекратил штурм и отступил.

Военные неудачи польской армии усугублялись наступившими холодами, болезнями, трудностями связанными со снабжением войск провиантом и боеприпасами. Последнюю попытку взять город противник предпринял в начале ноября, после новой 5-дневной бомбардировки Пскова. Городская стена была во многих местах разрушена и не представляла серьезной преграды для атакующих. Но поляков, перешедших по льду замерзшую реку Великую, встретил настолько плотный огонь, что они вынуждены были остановиться, а затем отойти обратно.

Не удалось врагу попытки разрушить укрепления Пскова с помощью пороховых мин. Защитники города обнаружили их с помощью специальных колодцев «слухов», служивших для определения направления и глубины подземных работ противника. Большинство тайных подкопов поляков обнаружили, два из них псковичи взорвали с помощью подведенных под эти подкопы встречных галерей, остальные завалились сами.

Последним аккордом кампании этого года стала неудачная попытка польской армии захватить Псково-Печерский монастырь, который защищал небольшой отряд стрельцов (ок. 300 человек) под командованием стрелецкого головы Нечаева. Артиллерийским огнем была разрушена часть монастырской стены, но 28 октября во время штурма обители противник понес ощутимые потери и отступил. Среди попавших в плен воинов Батория оказался Вильгельм Кетлер - племянник курляндского герцога Готгарда Кетлера.

6 ноября Стефан Баторий приказал остановить осадные работы под Псковом, прекратить бомбардировку и отвести с батареей орудия. Польской армии предстояла трудная военная зима в славящейся морозами и снегами России. Это решение означало полный крах завоевательных планов польского короля и едва не привело к фатальным результатам. Еще более осложнил обстановку отъезд Батория в Литву. 1 декабря он оставил лагерь под Псковом, передав командование армией гетману Яну Замоискому.

Единственным, кроме захвата в начале похода небольшой крепости Острова, успехом армии Батория в походе 1581 г. стал рейд, совершенный конным 3-тысячным войском Христофора Радзивилла и Филона Кмиты вглубь русской территории. Перейдя границу неприятельские отряды достигли окрестностей Ржевы Володимеровой и верхневолжских городов Зубцова и Старицы. Иван Грозный, находившийся тогда с главной русской армией в Старице, мог видеть зарево пожаров, поднимающихся над сожженными литовцами русскими селениями, но никаких ответных действий не предпринял. По-видимому, именно нападение Х. Радзивилла и Ф. Кмиты окончательно убедило русского царя в безнадежности дальнейшей войны с Речью Посполитой. Несмотря на поражение главной польской армии под Псковом, Иван Васильевич принял решение любой ценой заключить мир со Стефаном Баторием.

Такое же решение принял и польский король. Пойти на мирные переговоры с Россией его вынудили героическая оборона Пскова и настойчивое посредничество иезуита Антония Поссевино (представителя римского папы Григория XIII), стремившегося убедить московского царя пойти на унию с римско-католической церковью. Начались переговоры в середине декабря 1581 г. в Яме Запольском, расположенном в деревне Киверова Гора на Луцкой дороге между Порховом и захваченном поляками псковским пригородом Заволочьем. Съезды послов завершились 5 января 1582 г. заключением десятилетнего перемирия. Польские комиссары согласились уступить Московскому государству захваченные ранее их армией Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Ржеву Пустую и псковские пригороды Остров, Красный (в списке Поссевино «Красный Городок»), Воронеч, Велью. Особо оговаривалось, что возвращению подлежали русские крепости, осаждавшиеся на тот момент войсками польского короля, в случае захвата их неприятелем: Врев, Владимирец, Дубков, Вышгород, Выборец, Изборск, Опочка, Гдов, Кобылье городище и Себеж. Предусмотрительность русских послов оказалась нелишней: согласно этому пункту поляки возвратили захваченный город Себеж. Со своей стороны Московское государство согласилось на передачу Речи Посполитой всех занятых русскими войсками городов и замков в Ливонии, каковых оказалось 41. Так, Стефан Баторий

закрепил за своим королевством большую часть Прибалтики. Ему также удалось добиться признания своих прав на Полоцкую землю, на города Велиж, Усвят, Озерище, Сокол. В июне 1582 г. условия Ям-Запольского перемирия были подтверждены на переговорах в Москве, которые вели польские послы Януш Збаражский, Николай Тавлош и писарь Михаил Гарабурда. Стороны договорились датой окончания действия заключенного в Яме Запольском перемирия считать не «Крещение Христово» (6 января) 1592 г., а день св. Петра и Павла (29 июня) 1592 г.

4 февраля 1582 г., через месяц после заключения Ям-Запольского перемирия, последние польские отряды ушли из-под Пскова.

Однако, Ям-Запольским и «Петропавловским» мирным соглашением 1582 г. Ливонская война не закончилась. Окончательный удар по русским планам сохранения части завоеванных в Прибалтике городов (прежде всего Нарвы) нанесла шведская армия под командованием фельдмаршала Понтуса Делагарди. 4 сентября 1581 г. его войска овладели Ругодивом (Нарвой). Укрепления крепости были разрушены огнем 24 шведских осадных картаун. Во время штурма погибли не только находившиеся в Нарве 300 детей боярских и 2 тыс. стрельцов, но и 7 тыс. «русских бюргеров, жителей и их жен и детей и всякой челяди. На этом рубеже война также переместилась на русскую территорию. 17 сентября 1581 г. шведы овладели Ивангородом, оборону которого возглавлял воевода Афанасий Бельский, сдавший крепость неприятелю.

Закрепившись в Ивангороде, шведы вскоре вновь перешли в наступление и вскоре заняли пограничные Ям-город (28 сентября 1581 г.) и Копорье (14 октября) с их уездами. Однако в феврале 1582 г. противника ждала первая крупная неудача. - Передовой полк русской рати под командованием окольного князя Д.И. Хворостинина и думного дворянина М.А. Безнина у села Лямыцы в Вотской пятине атаковал начавшие новое наступление шведские войска. Потерпев тяжелое поражение, противник, вынужден был поспешно отойти в Нарву. Развить этот успех русским воеводам не удалось. По требованию польского гонца Петра Визгерда Иван Грозный вернул двинутые к Нарве войска в Новгород. Тем не менее, пора громких успехов шведов миновала. Несмотря на все усилия, им так и не удалось захватить хорошо укрепленный Орешек. Вскоре начались мирные переговоры и 10 августа 1583 г. между Московским государством и Швецией, их представителями, съехавшимися на реке Плюссе, было заключено перемирие на три года, считая от Петрова дня (29 июня) 1583 г. За Швецией остались все занятые ею русские города.

Продолжавшаяся почти 25 лет Ливонская война закончилась. Россия потерпела тяжелое поражение, лишившись не только всех своих завоеваний в Прибалтике, но и части собственных территорий с тремя важнейшими пограничными городами-крепостями. На побережье Финского залива за Московским государством остались лишь небольшая крепость Орешек на реке Неве и узкий коридор вдоль этой водной артерии от р. Стрелки до р. Сестры, общей протяженностью 31,5 км

5. РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1590-1595 ГГ.

Причиной нового конфликта между Московским государством и Швецией стало стремление России вернуть потерянные в годы Ливонской войны крепости Ругодив (Нарву), Ивангород, Ям и Копорье с их уездами. Первоначально русское правительство стремилось добиться возвращения прибалтийских территорий мирным путем, но король Юхан III, не собиравшись уступать и стремился к заключению мирного договора, в котором де-юре признавались бы новые восточные границы его королевства. В противном случае он излишне самоуверенно угрожал Москве возобновлением войны. По-видимому, Юхан III рассчитывал на помощь своего старшего сына Сигизмунда Вазы, ставшего после смерти Стефана Батория (2 декабря 1586 г.) польским королем. При этом его не смущало 15-

летнее Варшавское перемирие, заключенное между Россией и Речью Посполитой 26 августа 1587 г. Стремясь запугать русские власти, шведы организовали ряд нападений на пограничные волости. В июле 1589 г. их отряд пришел в Кандалакшскую волость, где сжег несколько поселений, уничтожив 450 человек. Осенью другой шведский отряд, численностью до 400 человек, разорил Керетьскую и Кемскую волости. Война со Швецией становилась неизбежной и начинать ее надо было немедленно, пока в Польше и Литве не упрочилось положение новоизбранного короля Сигизмунда III. В июне 1590 г. в Новгород «по швейским вестям» была перебросена с «берега» из Алексина часть полка Правой руки под командованием кн. И.И. Голицына.

10 августа 1590 г. в поход к шведским границам выступило войско кн. Б.К. Черкасского и кн. Д.И. Хворостинина, состоявшее из 5 полков. В Новгороде два полка из состава этой рати перебросили в Псков, на усиление границы со шведской Эстляндией, а Б.К. Черкасскому и Д.И. Хворостинину велено было быть «на три полки».

Выдвинутые к северо-западному рубежу войска прикрыли границу и обеспечили ее надежную оборону в условиях намеченного вторжения на вражескую территорию главной русской армии во главе с царем Федором Ивановичем. Передовые части этой армии во главе с окольным П.С. Лобановым-Ростовским и думным дворянином Р.М. Пивовым выступили из Москвы 1 октября 1589 г. Через день, 3 декабря царь «отпустил перед собой» второй отряд кн. М.Ф. Кашина и Д.А. Замыцкого. 14 декабря во главе главных сил «на непослушника своего на швейского короля на Ягана к городом к Ругодиву и к Иванюгороду, да к Копорье, да к Яме» выступил сам русский государь. Цель похода была сформулирована предельно конкретно: Москва силой собиралась вернуть завоеванные шведами во время Ливонской войны города.

4 января 1590 г. собранная для вторжения армия сосредоточилась в Новгороде, где состоялось распределение воевод по полкам, вызвавшее ставшие обычными местнические счеты между военачальниками. 6 января, разобравшись с обидами и претензиями своих еомандиров, царь направил «для языков» к Ям-городу отряды во главе с головами А.И. Колтовским и И. Бибиковым. 11 января «в войну» (разорять и жечь неприятельские селения) выступили конные сотни Ж. Сабурова, И. Милюкова и Т. Грязнова. Остальное 35-тысячное войско двинулось к Яму 18 января. На следующий день от армии отделился отряд А. Писемского и Л. Хрущова, которому приказано было начать осаду Копорья.

26 января 1590 г. главное русское войско прибыло к Яму (Ямбургу). На следующий день шведский гарнизон, насчитывавший 500 человек, сдал город и по условиям капитуляции был выпущен на свою сторону. Часть немецких наемников перешла на русскую службу. Оставив в Ям-городе отряд воеводы Л.И. Аксакова и стрелецкого головы Ф. Папина, царь Федор Иванович с главными силами выступил к Ивангороду и Нарве, куда повелел доставить следовавший из Пскова стенобитный «наряд».

Передовой русский полк под командованием кн. М.П. Катырева-Ростовского и Д.И. Хворостинина 30 января вышел к Ивангороду. Под его стенами русские войска были атакованы прикрывавшим границу 4-тысячным шведским корпусом. В тяжелом бою шведы потерпели поражение и отошли к городу Раквере. 2 февраля к Ивангороду и Нарве подтянулись остальные полки русской армии, начав осадные работы. В ночь с 4 на 5 февраля установленные на батареях орудия приступили к бомбардировке крепостей. Отряды русской конницы были посланы разорять селения в окрестностях Раквере, где находились главные шведские силы во главе с командующим королевскими войсками в Эстляндии генералом Г. Банером.

Предпринятый 19 февраля штурм Нарвы и Ивангорода шведы отбили с большими потерями для русской стороны. На приступе под Нарвой погиб кн. И.Ю.Токмаков, получили ранения М.Г. Салтыков и кн. И.П. и Г.П. Ромодановские. Число убитых, по явно преувеличенному сообщению Псковской 3-й летописи, достигало 5 тыс. человек. В штурме участвовало немногим более 5730 человек и маловероятна гибель 87 % всех атакующих во рвах и под стенами Нарвы. Отступив, русские возобновили бомбардировку.

Не выдержав интенсивного обстрела, 20 февраля, на следующий день после штурма, шведы запросили перемирия для переговоров. «Кликали» они об этом «из Ругодива <...> от проломного места, где стоял с нарядом околничей и воевода И.И. Сабуров, а просили толмача». Так, по инициативе штатгальтера Нарвы К.Х. Горна были начаты мирные переговоры. Съезды парламентариев проходили на р. Нарове, и каждый раз, когда переговоры заходили в тупик русская артиллерия возобновляла обстрел крепости. Московцы представляли на этих съездах сначала думный дворянин И.П. Татищев, а затем дьяк Ф.П. Дружина Петелин. Они заняли твердую позицию, требуя от противоположной стороны уступки «государевых вотчин»: Ругодива, Ивангорода, Копорья и Корелы (Ям русские войска к тому времени уже заняли и его судьба на переговорах даже не обсуждалась). Однако приближение весны сделало русских сговорчивее, и они согласились ограничиться передачей на московскую сторону трех городов: Яма, Ивангорода и Копорья. 25 февраля 1590 г. в русском лагере близ Нарвы (у Ивангорода) сроком на 1 год было подписано предварительное перемирие, согласно которому России передавались указанные выше города. В случае согласия короля Юхана III завершить войну миром возвращению подлежали Нарва (Ругодив) и Корела (Кексгольм).

Однако перемирие не было признано шведским королем. В результате фельдмаршала К.Х. Горна приговорили к смертной казни. Г. Банера за то, что он не пришел вовремя на помощь гарнизону Нарвы отправили в отставку, заменив его фельдмаршалом К. Флемингом, вступившим в командование направленной к восточным границам королевства армией, численность которой довели до 18 тыс. солдат.

В начале октября стороны предприняли попытку начать мирные переговоры, но устроенный «сход» на мосту, переброшенном от Ивангорода к Ругодиву (Нарве), закончился безрезультатно. По русским источникам «мирного постановленья послы тогда не учинили никоторого»).

В ноябре 1590 г. шведское командование решило нарушить перемирие с Россией и, пользуясь внезапностью нападения, захватить Ивангород. Атака была отбита. Преследуя отступающих, русские войска обложили Нарву, но по приказу из Москвы, сняли осаду и отошли за свой рубеж. В декабре 1590 г. шведы совершили нападение на порубежные псковские места, разорив окрестности Ямгорода и Копорья.

10 января 1591 г. перебежчик сообщил стоявшим в селе Тесово воеводам о наступлении на Копорье 14-тысячного войска наместника Эстляндии генерала Ю.Н. Бойе. Навстречу шведам из Тесово к границе выступила рать под командованием кн. Д.А. Ногтева Суздальского и М.М. Кривого Салтыкова, состоявшая из 3 полков. На соединение («в сход») с ними из Орешка подошел отряд кн. Ф.А. Звенигородского. Бои в Копорском уезде продолжались 3 недели. В результате шведские отряды Ю. Бойе и, подоспевшего к нему на помощь, М.Грина не смогли продвинуться дальше Дударовского погоста, а в феврале 1591 г. «пошли из земли вон».

Новое нападение последовало летом 1591 г. Оно было приурочено к согласованному со шведской стороной походу Гази-Гирея на Москву. Противник напал на новгородские и гдовские места. После получения известия об этом вторжении «свейских немцев» из Великого Новгорода в поход выступило войско под командованием воеводы П.Н. Шереметева (в Большом полку) и кн. В.Т. Долгорукова (в Передовом полку). В произошедшем в Гдовском уезде «у Пречистая Богородицы в полях» сражении русский Передовой полк неожиданным ударом шведов был разбит, а воевода Долгоруков попал в плен. В числе убитых воинов Передового полка находился голова Ф. Наумов. В разрядной книге князей Пожарских это сообщение дополнено любопытным пояснением: русские потерпели поражение «потому, что князь Володимир Долгорукой от Болшова и Сторожевого полку от Петра Шереметева отшел вперед далеча верст за десять и пособить было некому и нельзя».

Ответные меры с русской стороны были предприняты после поражения союзника шведского короля крымского хана Гази-Гирея, огромная армия которого в июне-июле 1591

г. совершила нападение на Москву, но затем бежала из-под русской столицы. 29 августа 1591 г. из Москвы в Новгород с подкреплениями выступил кн. С.М. Лобанов-Ростовский, который должен был заменить взятого в плен кн. В.Т. Долгорукова. Вскоре (1 сентября 1591 г.) туда же направили рать из 3 полков под командованием боярина кн. Т.Р. Трубецкого и кн. И.В. Великого Гагина. В Новгороде полки Трубецкого и Шереметева соединились. Армию из 5 полков возглавили воеводы кн. Т.Р. Трубецкой и кн. И.В. Великий Гагин. П.Н. Шереметев стал первым воеводой Передового полка. Тогда же были пополнены гарнизоны пограничных крепостей Ладоги и Орешка. Эти мероприятия усилили прикрытие русских рубежей, затруднив возможные ответные действия противника на карельском направлении.

* * *

Характерной особенностью войны 1590-1595 гг. стало существование, помимо карельского и эстляндского, третьего фронта борьбы – на Русском Севере и в Поморье, куда рвались шведские отряды. Активизация противника в этом районе была связана, безусловно, с установлением регулярного морского сообщения между Россией и Западной Европой вокруг Скандинавии. Шведы стремились овладеть побережьем Белого моря и окончательно изолировать Московское государство. Первые сведения о действиях «свейских немцев» в Лапландии и Поморье относятся к лету 1590 г. Главкомандующим шведскими войсками на этом направлении стал губернатор Остерботнии П. Багге. 18 июля 1590 г. в направленной ему инструкции, Юхан III предлагал подготовить и осуществить нападение на северорусские земли, разорить их, а всех пленных и всю добычу доставить в Кексгольмский уезд.

В грамоте от 17 апреля царь Федор Иванович освободил находившиеся «в Дикой Лопи, на Студеном море» волости Кереть и Ковда, пострадавшие от нападения шведов. Из этого документа видно, что, придя на русский Север по р. Ковде, неприятельский отряд разорил «церкви Божьи и всякое церковное строенье выжгли, и двory их и варницы и црены выжгли, и крестьян и детей их пересекли, а иных в полон поймали, и животы их все пограбили».

Зимой 1590/1591 г. произошел новый набег. На этот раз границу перешло северошведское крестьянское ополчение под предводительством Везайнена. Шведы совершили поход через Кольский полуостров за Лапландские горы и дошли до Белого моря. Выйдя на побережье, ополченцы осадили и захватили Печенгский монастырь. В числе убитых оказался 51 инок и 65 мирян, пытавшихся укрыться от врага за монастырскими стенами.

Затем «немецкие люди» безуспешно осаждали Кольский острог, разорили окрестности крепости, после чего вернулись на свою территорию. Нападения неприятельских отрядов продолжались и впоследствии. Так, в августе 1591 г. «немецкие люди» во главе с Х Ларсоном опустошали Кемскую волость, приходили к Сумскому острогу, осаждали Колу. В шедших на русском Севере жарких боях шведское войско, насчитывавшее 1200 человек, понесло ощутимые потери и вынуждено было прекратить поход. В сентябре 1591 г. русскую границу перешло войско С Петерсона. Целью его похода стала принадлежавшая Соловецкому монастырю Сумская волость. Сохранилось донесение С. Петерсона, в котором он сообщает об уничтожении Сумского острога, выжженного его воинами «до почвы», захвате 14 селитрянных майданов, столько же «амбаров, наполненных белой солью до самой крыши, 2 кораблей, груженных семгой и т.п. В действительности овладеть Сумским острогом противнику так и не удалось. Шведы выжгли лишь неукрепленный посад, а затем разграбили побережье Белого моря.

Возможно, противник действовал по единому плану, так как одновременно начала наступление развернутая в Карелии главная шведская армия фельдмаршала К. Флеминга. Его войска перешли псковский рубеж и разорили окрестности Пскова.

В Москве возросшая активность неприятеля вызывала тревогу. В Соловецкий монастырь были посланы «со многою ратию воеводы князь Андрей и князь Григорий Волконские, а с ними головы Второй Акинфиев и Елизарий Протопопов». Прибытие этих войск позволило русскому правительству обезопасить вытеснить со своей территории шведские отряды, а в дальнейшем перейти к решительному контрнаступлению против шведов и разорить порубежные неприятельские волости Олой, Лиинелу, Сиг и др. «Тово же году зимою, - отмечено в разрядных книгах, - ходили государевы воеводы князь Ондрей князь Романов сын Волконской да князь Григорей князь Константинов сын Волконской с Соловецкого острова воевать каинских немец свисково короля земли, а с ними были государевы люди, стрельцы и казаки, и воевали Каинской земли немец, и вышли со всеми людьми, дал Бог, здорово».

Ответом на летние экспедиции шведов в новгородские и псковские места, их нападения на северные волости, стал Выборгский поход русского войска под командованием воевод кн. Ф.И. Мстиславского и кн. Ф.М. Трубецкого. 15 декабря 1591 г. армия, состоявшая из 6 полков, выступила из Москвы к Новгороду, куда прибыла к Рождеству (25 декабря 1591 г.). 6 января полки Мстиславского и Трубецкого двинулись к шведскому рубежу, и перешли его под крепостью Орешком. Уже 30 января 1592 г. московская армия подошла к Выборгу. Здесь передовые русские части были атакованы выступившими из крепости гарнизонными войсками. Но, после недолгого боя, шведы не выдержали удара Ертоульного полка, усиленного казацкими и конными стрелецкими сотнями и поспешно отступили. Преследуя противника, русские воины «немецких людей в город всех втоптали и многих побили и языки поимали».

Обстреляв городские ворота из полкового «наряда», русские воеводы к концу дня сняли осаду. Отказавшись от бессмысленного стояния под стенами хорошо укрепленной Выборгской крепости, московские воеводы по Гаменской дороге «тое же ночи пошли мимо на Лаврицы и стали воевати без числа, велика война была. И многия городки на реке поимали, и немцев побили, и в полон поимали без числа». Это краткое сообщение уточняет разрядная книга князей Пожарских. В Лаврицкий погост «государевы бояре и воеводы» пришли 4 февраля 1592 г. За день до этого, 3 февраля голова Третьяк Вельяминов с татарскими отрядами был послан воевать «гаменские места», «и та посылка сходила в войну дал Бог здорова». Разорив всю округу «загоны» уже 7 февраля соединились с главным войском, выступившим к Кексгольму (Кореле). Корельские места также были разорены отрядами под командованием Ж.С. Сабурова, после чего 14 февраля 1592 г. русская армия, следуя вдоль Ладожского озера вышла на свою сторону границы, остановившись на два дня в Орешке. Оттуда к царю Федору Ивановичу «с сеунчем и с речью и с перечневой грамотой» был направлен М.Б. Сабуров, «а з большою подлинною грамотою послали из Орешка к государю февраля в 15 день Нелюба Огарева».

Военные действия зимы 1591/1592 гг. не могли не затронуть Русского Севера, где бои шли с особой интенсивностью. В январе 1592 г. в поход из Сумского острога выступил большой отряд воеводы кн. Г. К. Волконского, усиленный артиллерией. Перейдя рубеж, русские разорили шведские пограничные места и благополучно вернулись: «Князь же Григорей Волконской собрався с ратными людми и поиде в Каинскую землю воева и многие места разори и в полон многих людей поима и в Соловецкой монастырь прииде с великим богатеством». Ответное нападение шведов на Сумской острог произошло в конце лета 1592 г. Однако на этот раз противник был разбит подоспевшим сюда войском Г.К. Волконского.

20 января 1593 г. Россия и Швеция заключили двухлетнее перемирие, в период действия которого продолжались нападения шведов на сопредельные русские территории. Обстановка накалилась весной 1594 г. В марте шведские войска вторглись в новгородские места, в апреле – в лопские погосты и волости. Однако, московское правительство стремилось к нормализации отношений со Шведским государством и не стало предпринимать ответных действий.

В этих условиях в деревне Тязвине в окрестностях Ивангорода начались переговоры. Русские представители (окольничий и наместник калужский кн. И.С. Туренин, стольник и наместник елатомский боярин Е.М. Пушкин, дьяки Г.И. Клобуков и П.Д. Лодыгин) имели четкие инструкции - заключить мир при условии возвращения шведами городов Ругодива (Нарвы) и Корелы (Кексгольма). В крайнем случае, послам разрешили обещать представителям возглавлявшего тогда Шведское государство герцога Карла Зюдерманландского наместнику Эстляндии Ю.Н. Бойе, коменданту Нарвы А. Э. Столарму, государственному советнику Эстляндии Ю. Берндесу, секретарю Х. Э. Крану в качестве компенсации за Нарву до 50 тыс. венгерских золотых дукатов. Лишь в случае угрозы разрыва переговоров и возобновления войны (в Москве больше всего боялись выступления на стороне Швеции войск польского короля Сигизмунда III, сохранявшего права на шведский престол и пытавшегося влиять на ход переговоров начавшихся в Тязвине), послам дозволялось уступить Корелу и обещать за это шведам перемирие на 12 лет. Но и в этом случае Россия не отказывалась от своих прав на Нарву. Со своей стороны, шведские представители соглашались уступить России лишь г. Кексгольм (Корелу), за фантастическую сумму в 400 тыс. рублей. Переговоры затягивались. Стороны нехотя шли на уступки, приближаясь к компромиссному решению, которое могло устроить и Россию и Швецию.

Тязвинский «вечный» мир был подписан только 18 мая 1595 г. Русская сторона признала права Шведского королевства на княжество Эстляндское со всеми городами и замками: Нарвой, Ревелем, Вейсенштейном, Везенбергом, Падисом, Тольсборгом, Нейшлотом, Боркгольмом, Гапсалем, Лоде, Леалем, Фикелем, уступив также часть карельской территории до Топ-озера и Выг-озера. Шведские представители, со своей стороны, согласились вернуть России крепость Кексгольм (Корелу) с уездом и признали отошедшими к Московскому государству города, взятые русскими войсками в начале войны во время похода 1590 г.: Ивангород, Ям, Копорье. Принадлежащими России были признаны города Орешек (Нотебург) и Ладога. Шведы обязались не нападать на Псков, Холмогоры, Двинскую землю, Кольский «замок», Свинск, Каргополь и Соловецкий монастырь, другие пограничные крепости «со всеми своими урочищи и с морскими береги и никакой военной силы ни много, ни мало, ни водою, ни землею против оных не посылать». Стороны договорились «свободить без всякого окупу или размены» всех захваченных во время войны пленных.

* * *

В середине XVI в. Московское государство располагало армией, способной сокрушать иррегулярные татарские войска и противостоять вооруженным силам своих западных соседей. Ухудшение русско-крымских и русско-казанских отношений в начале XVII в. привело к возобновлению военных действий на южных и восточных границах Московского государства. Усилив оборону рубежей постройкой новых крепостей и засек, умножив рати, прикрывавшие опасные пограничные места, правительство стало наращивать нажим на татарские ханства. Особенно он усилился в середине 1540-х гг., когда в Москве в окружении митрополита Макария была выдвинута идея силового подчинения Казанского царства России как единственного средства прекращения татарских вторжений на свои восточные земли. В ходе реализации этого плана произошло завоевание Среднего и Нижнего Поволжья, серия ударов была нанесена по Крымскому ханству. Однако начало Ливонской войны 1558-1583 гг., вовлечение в этот конфликт других северных стран вынудили московские власти свернуть наступательные действия на юге, ограничившись стратегической обороной степной «украины». В 1563 г. Иван IV приказал оставить и разорить Псельский город, являвшийся опорным пунктом для русских отрядов, выступавших в поход на Крым. Сокращением сил на московском рубеже не замедлил воспользоваться крымский хан Девлет-Гирей. Татарские набеги осложняли операции русских войск в Прибалтике, оттягивая значительные силы на южные границы,

которые также не удавалось надежно прикрыть. Серьезные изъяны в деле защиты этих «украин» продемонстрировало нашествие 1571 г., когда армии Девлет-Гирея удалось прорваться к Москве, разорив окрестности русской столицы. Несколько улучшило ситуацию на крымском рубеже только Молодинская победа 1572 г., хотя опасные вторжения и набеги татарских «царевичей» и мурз продолжались вплоть до начала 90-х гг. XVI в.

Обстановка на южной границе Московского государства стабилизировалась только в 1593 г., когда началась война между Оттоманской Портой и империей Габсбургов. Крымская конница была переброшена на Дунай, до 1606 г. прекратив нападения на русские земли. К сожалению, период относительно мирного сосуществования Москвы и Крыма оказался непродолжительным. Новое резкое обострение ситуации на южном побережье произошло уже в годы Смутного времени.

Военные действия шли и на северо-западном рубеже Московского государства. Развязал их в 1554 г. шведский король Густав I, однако русские войска смогли остановить вражеское наступление и нанести неприятелю ряд ответных чувствительных ударов, после чего в марте 1557 гг. шведы поспешили прекратить войну на выгодных для русской стороны условиях. Однако во время Ливонской войны 1558-1583 гг. выдержать длительную борьбу с объединенными силами Польши, Литвы, а затем и Шведского королевства Русское государство не смогло. В ходе военных действий произошло перевооружение польско-литовских и шведских армий, они были усилены отрядами милиционной и наемной («кварцанной») пехоты, обученными маневрировать в строю на поле боя. Результаты не замедлили сказаться. С середины 60-х гг. XVI в. русские войска начали терпеть поражения в полевых сражениях, применение польскими артиллеристами нового типа боеприпасов - каленых ядер - позволило Стефану Баторию овладеть стратегически важными городами: Полоцком (1579), Великими Луками (1580) и близлежащими к ним крепостями. Помимо чисто военных причин положение на фронтах Ливонской войны серьезно осложняли неразумная внутренняя политика Ивана Грозного, нападения крымских и ногайских татар, восстания в Казанской земле. В этой обстановке русский царь предпочел прекратить военные действия, заключив договоры о перемирии с Речью Посполитой и Швецией.

Русско-шведская война 1590-1595 гг. была спровоцирована нападениями шведов на пограничные новгородские волости. Защищая порубежные земли, московские власти смогли вернуть свои северо-западные крепости Ивангород, Ям и Копорье, потерянные на последнем этапе Ливонской войны. Безуспешными оказались попытки шведов прорваться в Поморье, чтобы прервать морское сообщение России с Западной Европой вокруг Скандинавии.

Глава 3

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ ПЕРИОДА СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1632-1634 гг.

Войны и военные действия, которые шли на территории России в 1604-1618 гг., в эпоху так называемого «Смутного времени», заслуживают тщательного рассмотрения. Внутренние усобицы и выступления социальных низов ослабили государство и его военную организацию. Снизилась численность русского войска и его реальные возможности. Это подтверждается данными о численности московских стрельцов. Если в конце XVI века, по свидетельству Д. Флетчера, их было 5 тысяч (не считая стреляющих

стрельцов, несших личную охрану государя), то в 1610 г. к моменту захвата Москвы поляками, русские источники фиксируют в столичном городе всего 2500 человек: «А на Москве безотступно живут пять приказов стрелцов, а в приказе по пять сот человек; у них головы стрелетцкие, сотники, пятидесятники, десятники». После Великого голода 1601-1603 гг., одним из последствий которого стало значительное сокращение числа боевых холопов, правительство вынуждено было сократить действовавшую со времени принятия Уложения 1555/1556 г. норму служебной повинности. В соответствии с Соборным приговором 1604 г. в полки стали брать ратных людей не со 100, а с 200 четвертей земли. В боях со сторонниками самозванцев и интервентами большое число дворян и детей боярских погибло, у многих из уцелевших оказались разоренными вотчины и поместья, на доходы с которых они «поднимались» на службу. Сокращение численности русского разрядного войска не могло не сказаться на ходе военных действий. Умножившиеся военные поражения вынуждали правительство и земские власти искать новые пути пополнения армии и повышения уровня ее боеготовности. Дошедшие до нас сведения об этих мероприятиях, в контексте происходивших в стране событий, необходимо изучить как можно подробнее.

Поиски новых путей строительства русских вооруженных сил продолжались и в последующие годы. Правительство царя Михаила Федоровича Романова в ходе подготовки войны за возвращение отторгнутых в годы «Великого московского разорения» смоленских и северских земель, задумало дополнить русские вооруженные силы полками, вооруженными и обученными по западноевропейскому образцу. Это потребовало огромных финансовых затрат, которые не оправдали себя в условиях борьбы с армией Речи Посполитой, перешедшей к новым формам войсковой организации еще во времена Стефана Батория. Не очень удачный результат использования европейского военного опыта в годы Смоленской войны 1632-1634 гг., не изменил выбранного правительством курса, направленного на создание мощной регулярной армии. Процесс перестройки вооруженных сил России затянулся до конца XVII столетия. Первую половину этого века можно охарактеризовать как подготовительный этап формирования регулярной армии. Новые регименты – полки солдатского, драгунского и рейтарского строя – в этот период еще уступали в численном отношении старой поместно-земской армии. Большинство из них несло временную службу, солдат и рейтар собирали лишь на опасное летнее время, а осенью отпускали по домам. Исключение составляли лишь поселенные солдаты и драгуны, набранные из числа дворцовых и чернососных крестьян ряда приграничных волостей. Ситуация начала изменяться лишь во второй половине XVII в., когда в ходе тяжелой войны с Речью Посполитой 1654-1667 гг. русскому командованию потребовалось укрепить армию за счет создания новых солдатских и рейтарских полков. Тогда началось меняться соотношение кавалерийских и пехотных частей, которые в итоге превратились в главную и решающую силу. Если в 1680 г. пехота составляла 49 %, а конница – 51 % русского войска, то во время Крымских походов в армии В.В Голицына военнслужащие пехотных полков уже составляли 53,7 %, а кавалерийских – 46,3 %.

Чтобы оценить значение изменений, происходивших на третьем этапе развития вооруженных сил Московского государства, историю русских войн этого периода следует рассмотреть, начиная с вторжения в октябре 1604 г. в русские пределы армии пожалуй самого знаменитого из московских самозванцев – Лжедмитрия I.

1. МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1604 – 1610 гг. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ САМОЗВАНЦЕВ И ВОССТАВШИХ КАЗАКОВ. НАЧАЛО ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ.

В конце XVI в. на Русское государство обрушился ряд бедствий, ставших следствием жестокого правления Ивана Грозного и неудачной Ливонской войны. Русская земля была страшно разорена. Английского посла Джильса Флетчера, проехавшего в 1588-1589 гг. по России, поразила увиденная им картина: «...По дороге к Москве, между Вологдою Ярославлем (на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного более ста английских миль) встречается, по крайней мере, до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели дозволили мне...».

Уходя от непосильных поборов, бросая разоренные города и опустошенные села, станы и деревни, русские люди бежали на окраины страны, превращаясь в вольных людей - казаков. Именно в эти годы заселялись степные пространства на юге страны, начиналось освоение Урала и Сибири. Правительство, обеспокоенное массовым бегством тяглого населения, отчего неуклонно сокращались поступающие в казну подати, начало ограничивать личную свободу сельского населения. В 90-е годы XVI в. власти запретили («заповедали») переход крестьян от одного владельца к другому в Юрьев день (указ 1592/1593 г.) и установили пятилетний срок («урок») розыска и возврата беглых тяглов на прежнее место (указ 1597 г.). Введением «заповедных» и «урочных лет» был сделан первый и решительный шаг к будущему закреплению русского крестьянства.

Вскоре старые беды усугубились новыми испытаниями. Начало XVII в. ознаменовалось начавшимся в 1601 г. трехлетним голодом и массовым мором, погубившим до трети населения страны. В одной только Москве, куда в надежде на царскую милость толпами стекались жители соседних уездов, на 3 братских кладбищах («скудельницах») было захоронено более 127 тысяч умерших от голода 1601-1603 годов русских людей.

Повсеместно помещики, оказавшиеся не в состоянии кормить холопов и дворовых слуг, выгоняли их из своих усадеб. Обреченные на голодную смерть люди объединялись в разбойничьи отряды, грабившие и разорявшие целые округа. По самым приблизительным подсчетам это стихийное разбойничье движение охватило 19 западных, центральных и южных районов страны. В 1603 г. правительству пришлось направить войска для борьбы с одним из таких отрядов, насчитывавшим, по некоторым сведениям, до 500 человек. Предводителем его был повстанческий атаман Хлопка, превративший свой отряд в небольшое, но хорошо организованное войско. Действовало оно под Москвой на Смоленской, Волоколамской и Тверской дорогах. Недооценив боевые возможности холопьяго войска правительство послано против него сотню московских стрельцов во главе с окольным Иваном Федоровичем Басмановым. В середине сентября 1603 г. между правительственным отрядом и повстанческим войском произошло настоящее сражение. Ватаги Хлопка были разбиты, но в бою погиб командовавший стрельцами воевода Басманов, его отряд понес тяжелые потери. С большим трудом правительственным силам удалось рассеять восставших холопов, а их раненого предводителя взяли в плен и повесили в Москве вместе с другими захваченными разбойниками. Эти казни, как отметил Р.Г. Скрынников, стали первыми массовыми экзекуциями со времени воцарения Бориса Годунова.

Все перечисленное самым отрицательным образом сказалось на авторитете Бориса Годунова, не имевшего в глазах современников того сакраментального значения, которой было у прежних «прирожденных» государей. В подобных условиях появление царей-

самозванцев оказалось неизбежным. В стране началось **СМУТНОЕ ВРЕМЯ** - грандиозный кризис, потрясший до основания Московское государство и общество в начале XVII в.

* * *

В 1601 г. в Польше объявился человек, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича, спасшегося от подосланных Борисом Годуновым убийц. В русскую историю этот самозванец вошел под именем Лжедмитрия I. По версии московских властей, им был беглый монах Григорий (Юрий) Богданович Отрепьев, в 1602 г. бежавший в Литву, где объявил себя чудесно спасшимся царевичем Дмитрием, сыном царя Ивана IV. Это предположение официальных лиц давно уже вызвало обоснованные сомнения. Даже современникам бросалась в глаза искусственность «беглого монаха» в военном деле, в тонкостях европейской политики. Интерес к этой проблеме усилило утверждение Конрада Буссова о том, что первым из знаменитых московских самозванцев был незаконнорожденный сын польского короля Стефана Батория: «Многие знатные люди, - писал Буссов, - сообщали, что он (Лжедмитрий I –В.В.) будто бы был незаконным сыном покойного короля Польши Стефана Батория». Спустя почти 300 лет, на рубеже XIX-XX вв. версию Буссова принял польский исследователь Ф.Ф. Вержбовский, отметивший портретное сходство Стефана Батория и «названного Димитрия». Следует обратить внимание и на другой весьма примечательный факт, до сего дня не использованный сторонниками этой версии: во время рокоша краковского воеводы Миколая (Николая) Зебжидовского (1606-1609 гг.), участники этого шляхетского выступления, протестовавшие против планов установления в Речи Посполитой наследственной королевской власти, требовали свержения Сигизмунда III, предполагая возвести на польский престол Лжедмитрия I или князя Габора (Габриэля) Батория, в 1608-1613 гг. правившего в Трансильвании. Вряд ли простой московский монах-расстрига мог рассчитывать на столь пристальное внимание рокошан. Интересно упоминание «названного Димитрия» в одном ряду с Г. Баторием, представителем прославленного в польской истории рода.

Красивую гипотезу опроверг историк-иезуит П. Пирлинг, нашедший в архивах Ватикана письмо Лжедмитрия I папе Клименту VIII, написанное сразу после отречения самозванца от православия и перехода в католическую веру. Исследование документа, проведенное И.А. Бодуэном де Куртене и С.Л. Пташицким, позволило установить, что человек, переписавший набело написанное по-польски письмо, «не был ни малоруссом, ни литвином, ни трансильванцем, что он не только проходил русскую школу, но что и в самом деле был великорусского происхождения». Эти выводы не объясняют, а еще более запутывают дело, так как бытовавшее у поляков стойкое убеждение в королевском происхождении Лжедмитрия I вряд ли можно объяснить ложными слухами. В то же время Жак Маржерет, командовавший ротой стрелков из охраны Лжедмитрия, сообщал в своих записках о небольших, но заметных ошибках, которые самозванец делал в произношении некоторых русских слов. Впрочем, Маржерет, считавший нового царя настоящим сыном Ивана Грозного, связывал эти ошибки с тем, что спасенный от подосланных Годуновым убийц, царевич был вывезен в Польшу еще ребенком и воспитывался вдали от родной земли.

Неслучайно С.Ф. Платонов так написал об этой загадке русской истории: «нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта». Скрытой она остается и по сегодняшний день. Как бы то ни было, самозванец, воспользовавшись тайной помощью польского короля Сигизмунда III, набрал небольшое войско (около 4 тысяч человек) и 13 октября 1604 г. перешел границу Московского государства, вскоре овладев первой крепостью – Монастыревским острогом. Многие русские люди уверовали в чудесное спасение царевича

Дмитрия, встав под знаменами «законного государя» чтобы сражаться за его права с войсками Годунова. Пользуясь поддержкой населения южнорусских городов, Лжедмитрий I смог добиться значительных успехов - овладеть Черниговом и Путивлем, в лагерь самозванца бежал с казной, посланной Борисом Годуновым в северские города, дьяк Богдан Сутопов. Упорное сопротивление войскам Лжедмитрия оказал лишь Новгород-Северский, в котором укрепился воевода Петр Федорович Басманов. В ночь с 17 на 18 ноября 1604 г. гарнизону осажденной крепости удалось отразить штурм, предпринятый наемными отрядами самозванца, понесшими ощутимы потери. Однако территория, подконтрольная Лжедмитрию I, продолжала стремительно расширяться: в конце ноября его власть признали города Рыльск и Курск, Комарицкая волость, в начале декабря – город Кромы и Околенская волость. Встревоженный успехами самозванца, Борис Годунов усилил гарнизон ближайшего к восставшим волостям города Орла. На помощь Басманову он направил большую армию под командованием князя Ф.И. Мстиславского, сосредоточившуюся в Брянске. Несмотря на численное превосходство правительственных войск – у Мстиславского было 25336 служилых людей (с боевыми холопами, по-видимому, около 40000), у Лжедмитрия I не более 15000, инициатива принадлежала самозванному «царевичу». 21 декабря 1604 г. в сражении, произошедшем в урочище Узруй, недалеко от Новгорода-Северского, польские гусарские роты опрокинули правый фланг московской армии, а затем, обойдя центр русской позиции, атаковали ставку воеводы Мстиславского, который был ранен в голову, но спасен подоспевшими стрельцами. Участник битвы Жак Маржерет высоко оценил действия Лжедмитрия, вставшего во главе кавалерии, ударившей на русские полки: «вступив в схватку, он повел три польских отряда в атаку на один из батальонов столь яростно, что сказанный батальон опрокинулся на правое крыло и также на основную армию в таком беспорядке и смятении, что вся армия, кроме левого крыла, смешалась и обратила врагам тыл». Управление войсками было нарушено и московские полки поспешно отступили к своему обозу, стоявшему у леса. От окончательного разгрома рать Мстиславского спасла несогласованность действий польских командиров, не поддержавших атаку главных сил. В результате контрудара одного из стрелецких приказов, поляки вынуждены были прекратить преследование отступающей и укрепившейся в своем обозе московской армии. Благодаря этому русские воеводы смогли избежать больших потерь. В войске Мстиславского, даже по преувеличенным польским данным, погибло не более 4 тыс. человек.

В январе 1605 г., получив подкрепление, русская армия снова перешла к активным действиям. Московскую ратью, помимо оправлявшегося от ран Ф.И. Мстиславского, командовал князь Василий Иванович Шуйский. Доведя численность войск до 50 тысяч человек (по сильно завышенным польским сведениям московская армия насчитывала 130 тыс. человек), русские воеводы выдвинулись к городу Севску, неподалеку от которого, в Чемлыжском острожке, находилось войско самозванца. 20 января полки Мстиславского и Шуйского заняли село Добрыничи (в 20 верстах от города Севска), где расположились лагерем.

В ночь с 20 на 21 января 23-тысячное польско-казацкое войско Лжедмитрия I выступило из Севска, чтобы, воспользовавшись преимуществом внезапного нападения, атаковать русскую рать. Однако эта попытка была пресечена бдительностью сторожевого охранения. На рассвете 21 января московские воеводы расположили свое войско перед Добрыничами, учитывая опасность фланговых ударов конницы, решивших исход сражения под Новгородом-Северским (на р. Узруй). Стоявшая в центре позиции стрелецкая пехота, с фронта и флангов была прикрыта возами с сеном, между которыми установили 14 орудий. Конные полки разместились на флангах, чуть впереди основной позиции.

Атаку на русские полки возглавил сам Лжедмитрий. По свидетельству Георга Паерле он, «с обнаженным палахом в руках, на карем аргамаке, поскакал прямо в толпы врагов, в надежде увлечь за собою дружину». Вслед за своим предводителем поскакали

400 поляков и 2000 «москвитян». Первому удару польской и казачьей конницы способствовал успех - ей удалось обратить в бегство наемные конные роты капитанов Вальтера Розена и Жака Маржерета, стоявшие на правом фланге русской позиции, и потеснить Полк правой руки воеводы В.И. Шуйского.

Однако, когда поляки, развернувшись, попытались с фронта и правого фланга обрушиться на русскую пехоту, в полной мере проявилась предусмотрительность московских воевод, прикрывших стрелецкий строй возами с сеном и артиллерией. Польские роты были встречены сокрушительным ружейно-пушечным залповым огнем и обратились в бегство. Казацкая пехота Лжедмитрия I, лишившись конного прикрытия, была окружена и уничтожена. Остатки войска самозванца бежали к границе. От окончательного разгрома «названного Димитрия» спасла героическая оборона казачьего гарнизона небольшой крепости Кромы, под стенами которой надолго задержалось главное русское войско. Это позволило Лжедмитрию оправиться от поражения и пополнить свои войска, поредевшие в боях на Северщине. В конце января - начале февраля на сторону самозванца перешли «польские» города Белгород и Царев-Борисов, в марте – Елец и Ливны.

После неожиданной смерти Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) обстановка в стране резко изменилась. К осаждавшему Кромы войску послали новых воевод - князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского, и Петра Федоровича Басманова. Обстановка неуверенности и в стране, и в военном лагере под Кромами способствовала возникновению разветвленного заговора в пользу «царевича Димитрия», душой которого стал князь Василий Васильевич Голицын. Поворотным моментом в судьбе страны явилось предательство второго воеводы Петра Федоровича Басманова, примкнувшего к заговорщикам, главой которых был его сводный брат В.В. Голицын. 7 мая 1605 г. начался мятеж под Кромами. На сторону самозванца перешла часть стоявшего здесь войска: дворянские сотни из Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, северских городов, немецкая рота капитана Вальтера Розена. Остальные, вместе с сохранившими верность Годуновым воеводами М.П. Катыревым-Ростовским, А.А. Телятевским, В.П. Морозовым, В.Б. Сукиным и М.Ф. Кашиным поспешно отошли к Москве, встревоженные слухами о приближении 40-тысячной армии Лжедмитрия.

Войска самозванца двинулись к Москве, где 1 июля 1605 г. вспыхнуло восстание, поднятое его эмиссарами Гаврилой Пушкиным и Наумом Плещеевым, зачитавшими сначала в подмосковном Красном Селе, а затем на Красной площади пространную грамоту «царевича Димитрия». Объявив народу о чудесном спасении и правах на изменнически похищенный престол он требовал, чтобы москвичи били ему челом, обещая всем «тишину, покой и благоденственное житье», а также значительное снижение податей. Щедрое посулы самозванца всколыхнули московский посад. Федор Борисович Годунов, унаследовавший царство после смерти отца, был сведен с престола и заключен под стражу на старом боярском дворе Годуновых. Участь свергнутого царя была предрешена. Из Серпухова, где стоял тогда с войском Лжедмитрий, прибыл дворянин М.А. Молчанов, который 10 июня с другими подручными самозванцами задушил Федора Борисовича и его мать царицу Марию Григорьевну. Официально народу объявили, что Годуновы умерли, приняв «зелье».

20 июня 1605 г. Лжедмитрий I торжественно вступил в Москву и занял царский трон. Правление самозванца было недолгим. При походе на Москву «царевич» сулил всем поддержавшим его небывалые милости. Став царем он сдержал часть этих обещаний: даровал податные льготы южнорусским городам, одарил казаков, настоял на восстановлении в новой редакции Судебника права крестьянского выхода в Юрьев день (март 1606 г.). Но далеко не все прежние обязательства были выполнены, многие из них, отвечая интересам одних слоев русского общества, серьезно ущемляли права других. Кроме того, повседневная деятельность царя и его ближайшего окружения, выказанное ими явное пренебрежение старорусскими обычаями, вызывала резкое неприятие церкви,

боярства и большинства посадских людей. Действительно, в глазах православного люда многие поступки государя выглядели не соответствующими традиционному царскому обиходу, даже нехристианскими. Вопреки русским обычаям Лжедмитрий I не спал после обеда, не соблюдал постов, ел запрещенную церковью пищу (жареную телятину), ходил в баню в воскресные дни, что осуждалось, как неподобающий поступок, вел разгульную и распутную жизнь. Особенно недовольны были москвичи, страдавшие от произвола казачьего и шляхетского окружения царя. Еще более накалила обстановку его женитьба на знатной полячке Марине Мнишек, дочери сandomирского воеводы Ежи (Юрия) Мнишка. С невестой-шляхтенкой и ее родственниками в Москву прибыла не свита, но целая армия (по русским сведениям «6000 избранного воинства», по польским – около 1000 телохранителей), наводнившая русскую столицу. Пышная свадьба «царя Дмитрия Ивановича и Марины Юрьевны» состоялась 8 мая 1606 года. Вооруженную стражу новой царицы после бракосочетания не распустили, а разместили на дворах бояр, купцов и посадских людей, изгнав из них хозяев.

К этому времени в Москве уже был составлен заговор, во главе которого встал знатный князь Василий Иванович Шуйский. После смерти Бориса Годунова он оказался единственным московским боярином, не поехавшим навстречу Лжедмитрию. В июне 1605 г. он предпринял попытку свержения самозванца, был разоблачен, приговорен к казни, но затем помилован и отправлен в ссылку. Вернувшись в конце 1605 г. в Москву, Шуйский возглавил новый заговор, завершившийся гибелью самозванца. Восстание началось 17 мая 1606 г. Заговорщикам удалось ворваться во дворец и разоружить стражу Лжедмитрия. Все приближенные его разбежались. Один лишь Петр Басманов пытался защищать самозванца, но был убит. Царь попробовал бежать, но, выпрыгнув из окна дворца с высоты 20 локтей, сломал ногу и был убит - застрелен из пищали сыном боярским Григорием Валуевым. Труп самозванца волоком притащили на Красную площадь и бросили в грязь посреди рыночных рядов. Через три дня его тело закопали в поле за Серпуховскими воротами. Некоторое время спустя, боясь колдовской силы мертвого самозванца, - над местом погребения которого ночью горели странные голубые огни, его труп вырыли, сожгли на костре, пепел смешали с порохом и выстрелили из пушки в том направлении, откуда Лжедмитрий I пришел в Москву.

В день восстания 17 мая москвичи расправились не только с самозванцем, но и многими поляками, служившими в его войске и приехавшими на Русь в свите его невесты. Бояре с трудом смогли остановить эти стихийные расправы народа со своими обидчиками. Встревоженные действиями посадских людей власти поспешили с избранием нового государя, не дожидаясь созыва правильного Земского собора с участием выборных представителей всей земли. 19 мая 1606 г. собравшимся на Красной площади народом новым царем был «выкрикнут» главный герой произошедшего в столице переворота пятидесятичетырехлетний боярин Василий Иванович Шуйский.

Четыре года его правления стали временем тяжелейших потрясений и испытаний для русского народа. Прекратить начавшуюся при Борисе Годунове и Лжедмитрии I «междоусобную брань» в Московском государстве новый властитель не смог. В своих действиях, направленных на стабилизацию обстановки в стране, он пытался опереться на дворянство и посадские общества северных и центральных районов страны, наиболее пострадавших от социальных катаклизмов прошлых лет и поэтому заинтересованных в ужесточении политического режима в стране. В угоду их требованиям В.И. Шуйский еще более ограничил личную свободу крестьян, увеличив срок сыска беглых до 15 лет. Подобная политика царя дала прямо противоположный его ожиданиям результат, еще больше накалила обстановку в стране и привела к обострению противоречий между консервативным Севером и радикальным Югом, где даже помещики выступали противниками ограничения крестьянского выхода и продолжали укрывать беглых, селившихся на их землях.

Итогом противостояния стало возникновение на Юге страны мощного антиправительственного движения. Еще во время майского восстания 1606 г. из Москвы в Путивль, а затем в Польшу бежал один из ближайших сподвижников погибшего Лжедмитрия I Михаил Андреевич Молчанов, прихвативший с собой одну из государственных печатей. После воцарения Василия Шуйского по многим русским городам были разосланы грамоты, скрепленные украденной печатью. В них утверждалось, что царь Дмитрий Иванович вновь чудесным образом спасся и вскоре вернется, чтобы покарать изменивших ему московских людей. Выглядели такие послания вполне достоверно, ведь в силу установившейся традиции в то время царские грамоты не скреплялись личной подписью государя, но в обязательном порядке заверялись его печатью.

Одну из таких грамот получил возвращавшийся из турецкого плена донской казак Иван Исаевич Болотников, бывший боевой холоп князя А.А. Телятевского. Проезжая через Польшу, в Самборе, в замке Мнишков, его представили некоему лицу, назвавшемуся «царем Дмитрием Ивановичем», возможно, М.А. Молчанову. «Самборский самозванец» пожаловал Болотникову чин «большого воеводы», выдав ему 60 дукатов и саблю, и направил в Путивль к воеводе князю Григорию Петровичу Шаховскому, начавшему поднимать Северскую землю против царя Василия Шуйского.

Болотников и еще один самозванец – Лжепетр (беглый холоп Илейка Коровин, назвавшийся «царевичем Петром Федоровичем», мифическим сыном царя Федора Ивановича) оказались во главе одного из самых мощных в российской истории народных восстаний. В нем приняли участие не только крестьяне и холопы, но и многие служилые люди, отряды которых возглавили авторитетные в их среде вожди: П.П. Ляпунов, Г.Ф. Сумбулов и И.И. Пашков. Одержав победы над правительственными войсками под Кромами, Ельцом, потерпев неудачу в столкновении в устье реки Угры, но затем взяв реванш в бою на реке Лопасне, восставшие вышли к реке Пахре. Здесь после жаркого боя отряда Пашкова с войском М.В. Скопина-Шуйского, мятежники были остановлены. Отступив к Коломне, Пашков соединился с рязанским войском Г.Ф. Сунбулова и П.П. Ляпунова и овладел этой важной крепостью. Затем повстанческие отряды начали новое наступление на Москву. Встревоженный успехами мятежников Василий Шуйский направил против них армию под командованием Ф.И. Мстиславского и Д.И. Шуйского. 25 октября 1606 г. в 50 верстах от столицы, у села Троицкого, произошло большое сражение закончившееся тяжелейшим поражением московских «бояр и воевод». Взятых в плен 9 тыс. простых ратников Пашков распустил по домам, а знатных пленников отправил в Путивль. 28 октября 1606 г. войска Пашкова подошли к Москве, куда вскоре прибыл и Болотников, принявший на себя командование всей повстанческой армией. Основные позиции мятежников находились у села Коломенского и у деревни Заборье (у Серпуховских ворот), а рать Пашкова отошла к Николо-Угрешскому монастырю. Осада столицы длилась более месяца - до 2 декабря. Это был период наивысшего подъема восстания, охватившего тогда огромную территорию: под контролем мятежников находилось более 70 городов юга и центра России.

В критический момент борьбы московские власти проявили максимум решимости и организованности, тогда как действия повстанческих вождей оказались неэффективными. Искушенный в политических интригах Василий Шуйский и поддержавшие его церковные иерархи сумели убедить москвичей, в неизбежности жестокой мести за свержение Лжедмитрия I. Решимости столичного посада стоять до конца против мятежной рати не смогли поколебать ни проникающие в город вражеские лазутчики, ни распространяемые восставшими прокламации - «воровские листы», как называл их патриарх Гермоген.

Посадские люди, участвовавшие в начавшихся в повстанческом лагере у села Коломенского переговорах, также говорили с мятежниками твердо и убедительно. На все утверждения Болотникова о том, что он видел в Польше «царя Димитрия» москвичи

отвечали: «Это несомненно другой, мы того Димитрия убили». Подобная уверенность не могла не произвести определенного впечатления на соратников Болотникова, особенно из числа рязанских и тульских служилых людей. Вскоре монолитное антиправительственное движение окончательно распалось.

Воспользовавшись установившейся на период переговоров мирной передышкой, московское правительство сумело собрать войска. В столицу прибыли дворянские ополчения из Смоленска, Дорогобужа, Белой и Вязьмы. Армия Шуйского росла, армия Болотникова слабела - 15 ноября 1606 г. на сторону московского царя перешли дворянские отряды П.П. Ляпунова и Г.Ф. Сумбулова.

Решающее сражение под Москвой началось 30 ноября. Длившаяся с перерывами в течение трех дней, упорная битва завершилась лишь 2 декабря разгромом главных сил повстанческой армии. Решающую роль в поражении мятежников сыграло два фактора: во-первых, недюжинное полководческое дарование, выказанное молодым московским воеводой Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, во-вторых, переход на сторону правительственных войск отряда И.И. Пашкова.

После поражения остатки армии Болотникова отступили в Калугу, а затем в Тулу, под защиту крепких стен здешнего Кремля. Наступил последний этап восстания. 21 мая 1607 г. во главе большой армии на Тулу, «на свое государево и земское дело», выступил царь Василий Иванович. Четыре месяца отряды Болотникова и Лжепетра обороняли город. Лишь реализация смелого замысла сына боярского Ивана Кровкова, предложившего запрудить р. Упу и затопить Тулу, помогла сломить сопротивление повстанцев. 10 октября 1607 г. они сдались, выдав царю вождей восстания. Некоторые участники этого движения - И.М. Заруцкий, А.З. Просовецкий, многие рядовые повстанцы, уцелевшие после его разгрома - продолжали борьбу с правительством В.И. Шуйского в рядах польско-казачьего войска Лжедмитрия II.

Новый самозванец появился весной 1607 г. в беспокойной Северной земле в городе Стародубе. В его войско стали стекаться не только казаки (и в их числе уцелевшие болотниковцы), но и поляки, и литовцы, участвовавшие в подавленном властями Речи Посполитой «рокоше» против короля Сигизмунда III. В начале сентября 1607 г. собравшееся под знаменами Лжедмитрия II войско выступило в поход. Командовал его армией польский полковник Мацей Меховецкий, приведший к самозванцу отряд из 700 кавалеристов. 15 сентября Лжедмитрий II занял Почеп, 20 сентября – Брянск. После этого войско самозванца направилось к Карачеву, где соединилось с запорожским отрядом. 8 октября произошло первое сражение с русскими правительственными войсками, осаждавшими город Козельск. Командовавший ими воевода Василий Федорович Литвин-Мосальский был застигнут врасплох и вынужден был отступить, бросив обоз. В бою под Козельском в плен попал находившийся на московской службе литовец Матьяш Мизинов. Победа воодушевила сторонников самозванца и на его сторону перешли города Дедилов, Крапивна, Епифань и Белев. Заняв эти крепости отряды Лжедмитрия II стали выдвигаться в направлении Тулы, где защищались Лжепетр и И.И. Болотников. Армия самозванца росла и к концу первого похода составила, по подсчетам И.С. Шепелева, 8 тыс. человек (3 тыс. русских и 5 тыс. поляков). Такой численности войска было явно недостаточно для серьезных операций, поэтому, узнав о падении Тулы, и, не представляя куда двинется стоявшая там большая армия Шуйского, Лжедмитрий II прекратил наступление. Его авангарды, находившиеся уже у Епифани отошли на соединение с главными силами. Затем самозванец очистил Белев и Козельск и ушел в Карачев. Тревога не покидала его, поэтому, оставив и этот город, он направился к северским крепостям. Но, на пути в Трубчевск, 22 октября в селе Лабушеве Комарицкой волости к нему пришли новые отряды польских и литовских рокошан под началом Валентина Валавского и Самуила Тышкевича. Получив подкрепление, Лжедмитрий II вернулся к Брянску, который оказался занятым и заново укрепленным правительственными войсками. 9 ноября началась осада города, на выручку которому пришли полки из Мещовска (кн. В.Ф. Литвин-Масальский) и Москвы (кн. И.С.

Куракин). 15 ноября произошло ожесточенное сражение под Брянском. Форсировав Десну, русские воеводы атаковали противника, и хотя разбить его не смогли, но доставили в город продовольствие и боевые припасы. Потерпев неудачу, самозванец ушел на зимовку в Орел, где его армия продолжала пополняться литовскими и польскими шляхетскими дружинами. Зимой 1607/1608 гг к Лжедмитрию II пришли полки А. Вишневецкого, С. Хруслинского, С. Тышкевича, В. Валавского и др. польских и литовских военачальников. Настоящее войско привел в Орел князь Роман Рожинский. Оно насчитывало 4 тыс. человек. По праву сильного Рожинский сверг М. Меховецкого и стал новым военным вождем армии Лжедмитрия II. Его войска дополнили и казаки. Зимой 1607/1608 гг. в Орел прибыло 5000 донских и 3000 запорожских казаков, приведенных атаманом И.М. Заруцким. К весне 1608 г. численность находившегося под командованием гетмана Рожинского войска достигла 27 тыс. человек.

После Тульской победы царь Василий Иванович недооценил нависшей над страной угрозы. Лишь в апреле 1608 г. он двинул против самозванца 40-тысячную армию под командованием князя Дмитрия Ивановича Шуйского. Решающее сражение произошло 30 апреля – 1 мая (10-11 мая) 1608 г. в 10 верстах от Болхова на реке Каменке. Началось оно ударом авангарда армии Лжедмитрия II, состоявшего из шляхетских гусарских рот панов Рудского, Велегловского и казачьих сотен. Атака разбилась о встречный натиск полков русской дворянской конницы и наемных немецких рот. От поражения сторонников самозванца спасло прибытие главных сил. Полки Адама Рожинского (племянника главнокомандующего) и В. Валавского опрокинули русский Передовой полк князя Василия Васильевича Голицына. Однако развить этот успех противнику не удалось. На выручку разбитому Передовому полку пришел воевода Иван Сергеевич Куракин, один из лучших полководцев своего времени, в сражении под Болховым командовавший Сторожевым полком. Противник был остановлен, после чего измотанные маршем и трудным боем поляки прекратили свои атаки. Возобновилось сражение на рассвете следующего дня. Русские воеводы удачно разместили свое войско в укрепленном обозе, подступы к которому с фронта прикрывало большое болото. Лобовые атаки польско-казацкого войска закончились неудачей. Тогда, извещенный изменником Никитой Лихаревым о силах русского войска и расположении его полков, гетман Рожинский двинул свои резервы во фланг армии Д.И. Шуйского. Чтобы устроить русских воевод он приказал включить в этот отряд обозные телеги, укрепив на них боевые знамена. Встревоженный приближением нового неприятельского войска, Шуйский начал поспешно отводить «наряд» к Болхову. Почувствовав замешательство в действиях правительственных войск, противник перешел в решительное наступление и в нескольких местах прорвал фронт русских полков. Разгромленная армия Дмитрия Шуйского бежала. Поляки преследовали ее на протяжении 25 верст до расположенной за Болховым засеки. 2 мая началась осада Болхова, где оборонялся 5-тысячный русский гарнизон во главе с Федором Гедройцем, а 4 мая, после начала бомбардировки города осажденные сдались, признав самозванца своим государем и присоединившись к его армии.

После победы под Болховым путь к Москве был открыт и Лжедмитрий II, а точнее польские и литовские предводители его войска не замедлили воспользоваться открывшейся перед ними возможностью. Козельск и Калуга добровольно приняли «царя Димитрия», Борисов был оставлен своими жителями. Только под Можайском войско самозванца встретило первое сопротивление, но быстро овладело городом, по-видимому, с помощью захваченного в Болхове «наряда». Встревоженный сложившейся ситуацией, Василий Шуйский отстранил своего бесталанного брата от командования армией и, поставив во главе ее молодого полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, направил ее навстречу самозванцу - к реке Незнань. Однако битвы не произошло. М.В. Скопин-Шуйский раскрыл в своих полках антиправительственный заговор, арестовав и отослав в Москву его главных участников: кн. И.М. Катарева-Ростовского, кн. Ю.Н. Трубецкого и И.Ф. Троекурова. Озабоченный этим обстоятельством, царь срочно отозвал

стоявшую на Незнани армию в столицу, решив обороняться под прикрытием ее крепких стен.

Самозванец вышел к Москве 24 июня 1608 г., однако овладеть городом так и не смог. Почти сразу же под стенами столицы начались бои. 25 июня Рожинский, внезапно атаковав царскую армию с фронта и обоих флангов на реке Ходынке, нанес ей ощутимое поражение. Хорошо укрепленный город упорно сопротивлялся, надеясь на помощь северорусских городов. Вместо царских палат в Кремле Лжедмитрию пришлось довольствоваться наскоро срубленными бревенчатыми хоромами в селе Тушино, расположенном в нескольких верстах к северо-западу от столицы в месте впадения в Москву-реку небольшой реки Сходни. Здесь же заседала его «Боярская дума», работали «приказы», отсюда его отряды уходили воевать и грабить непокорившиеся русские города и земли. В Тушино привезли к самозванцу отбитую у московского отряда жену Лжедмитрия I Марину Мнишек. Она на удивление быстро поладила с тушинским «царем» и публично признала его своим мужем.

Почти полтора года продолжалась осада Москвы «тушинцами». Между столицей и Тушинским станом установились странные отношения. Оба царя, Василий Шуйский и «названный Димитрий», не препятствовали боярам и приказным людям отъезжать к своему противнику, в свою очередь, стараясь щедрыми посулами и наградами переманить бояр и дьяков из вражеского лагеря. В поисках чинов, поместий и вотчин многие видные в государстве люди по несколько раз переезжали из столярного града в «столярное» село и обратно, заслужив в народе меткое прозвище «тушинских перелетов».

Оказавшись в безвыходной ситуации, Василий Шуйский обратился за помощью к Швеции, находившейся тогда в состоянии перманентной войны с Речью Посполитой. 28 февраля 1609 г., по поручению кн. М.В. Скопина-Шуйского, его послы стольник и воевода С.В. Головин и дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, подписали со шведскими представителями Выборгский договор. По этому соглашению Карл IX обязался направить в Россию наемное войско (первоначально 5 тыс. человек – 2 тыс. «конных збруйных» и 3 тыс. – «пеших добрых оружейников»), получив твердое обязательство Скопина передать шведам г. Корелу с уездом (Кексгольмскую область).

Вскоре численность вспомогательного шведского корпуса была доведена до 15 тыс. человек. Начальником его был назначен командовавший шведскими войсками в Финляндии генерал-лейтенант Якоб Делагарди. Расходы по содержанию выступавших в поход наемников легли на плечи московского правительства. Кавалеристам полагалось выплачивать 25 талеров (ефимков), пехотинцам – 12 талеров, «большим воеводам» - 5000 талеров, воеводам – 4000 талеров. Первые шведские отряды прибыли на русскую территорию (в Дудоровский погост) в начале марта, а в Новгород - 14 апреля 1609 г. Весной 1609 г. союзная армия, под общим командованием Скопина, начала успешные действия против тушинских отрядов, действовавших даже на Русском Севере. 2 мая перешел в наступление большой русско-шведский отряд Эверта Горна и Семена Васильевича Головина, 9 или 10 мая занявший Старую Руссу. 11 мая небольшой отряд тушинцев (300 человек) попытался вернуть этот город, но был разбит. Тогда же рать под командованием Никиты Васильевича Вышеславцева при поддержке местного населения выбила тушинцев из Ярославля. 15 мая 1609 г. произошло первое большое сражение у села Каменка под Торопцом. Союзное войско, в состав которого вошли шведский отряд Э. Горна и полки русских воевод Д. Чулкова и К. Чоглокова, разбило и обратило в бегство действовавшую в Новгородской земле армию польского шляхтича Кернозицкого. Противник оставил на поле боя все знамена, 5 медных и 4 железных орудия, множество других трофеев.

* * *

Используя в качестве предлога заключение русско-шведского союза против «тушинцев», польский король Сигизмунд III, претендовавший на корону Швеции, узурпированную его младшим братом Карлом IX, объявил войну России. Поход против Московского государства был задуман польским королем еще до заключения между русскими и шведскими представителями Выборгского договора о помощи против тушинских войск. Еще в январе 1609 г. сенаторы дали Сигизмунду III согласие на подготовку интервенции в пределы Московского государства. 9 сентября 22-тысячная армия короля Сигизмунда III перешла русскую границу. 13 сентября был взят Красный, а 16 сентября началась осада Смоленска.

Польской интервенции против России придавала исключительное значение римская курия. Не случайно папа Павел V, по обычаю первых крестоносцев, благословил присланные в Рим перед началом похода меч и шлем польского короля.

Однако с хода овладеть Смоленском королевской армии не удалось. Оборону крепости от врага возглавил воевода Михаил Борисович Шеин, сумевший задержать поляков под смоленскими стенами почти на два года. Тем временем армия Скопина и Деллагарди вела успешное наступление, освобождая от тушинцев северные уезды. Командовавший польскими войсками на верхней Волге полковник Александр Зборовский потерпел ощутимые поражения под Торжком и Тверью и просил у Рожинского все новых подкреплений. Но Тушинский лагерь переживал трудные времена. Большая часть польских и казачьих отрядов ушла на север, чтобы остановить наступление войск Скопина и Деллагарди, численность стоявшей под Москвой армии Рожинского заметно сократилась. Русское командование решило воспользоваться этим и атаковать противника. 5 июня 1609 г. произошла вторая битва на реке Ходынке, едва не закончившаяся поражением тушинских войск.

На этот раз московская армия вела наступление под прикрытием «гуляй-города». Поляки атаковали это подвижное укрепление и захватили его, но не подверглись неожиданному удару дворянской конницы, в значительном числе сосредоточившейся на правом фланге. Понеся тяжелые потери, тушинцы бежали. От окончательного разгрома Рожинского спас Заруцкий, с несколькими сотнями казаков занявший удобную позицию на реке Химке и остановивший наступление русской конницы.

Тесня противника, войска Скопина-Шуйского все ближе и ближе подходили к осажденной врагом русской столице. С боями были освобождены Переяславль-Залесский, Александровская слобода. Под Дмитровым был разбит действовавший автономно от тушинской армии староста усвятский Ян Сапега. В начале марта 1610 г. польский воевода Вильчек сдал русским город Можайск, получив за это от Василия Шуйского награду в 100 руб.

С началом открытой польско-литовской интервенции часть служивших самозванцу шляхтичей ушла в королевский лагерь под Смоленск. Оставшиеся требовали от Лжедмитрия II обещанного им жалованья и держали его под строгим надзором. С трудом ускользнув от их караулов тушинский «царь» 27 декабря 1609 г., переодевшись в крестьянское платье, в навозных санях бежал в Калугу. Лишившись «вождя» подмосковный стан рассыпался. Воспользовавшись трудным положением врага, Скопин удвоил усилия и 12 марта 1610 г. вступил в Москву, восторженно встреченный ее жителями.

Ликвидировав тушинскую угрозу, Скопин-Шуйский стал готовить поход к осажденному поляками Смоленску. Однако 23 апреля 1610 г. молодой воевода неожиданно умер. Смерть его имела для страны катастрофические последствия. Рать, двинувшуюся на Смоленск, возглавил самый неудачливый из всех русских воевод - князь Дмитрий Иванович Шуйский. По польским данным, под его командованием находилось более 40 тыс. русских воинов и 8 тыс. наемников из вспомогательного шведского корпуса Я. Деллагарди (по свидетельству Й. Будило у русских под Клушино было 16 тыс., у шведского генерала - 7 тыс. человек; Н. Мархоцкий считает, что под общим командованием Д.И.

Шуйского находилось 6-7 тыс. немцев и 20 тыс. «москвитян»). 24 июня 1610 г. у деревни Клушино, в 19 верстах от Гжатска, войска Шуйского были атакованы армией гетмана Станислава Жолкевского. В 5-часовом сражении сравнительно немногочисленная, почти не имеющая артиллерии, польская армия (11,5 тыс. кавалерии, 1 тыс. пехотинцев, 2 фальконета) разгромила численно превосходящее ее русско-шведское войско Д.И. Шуйского и Я. Делагарди. Одной из главных причин поражения стали фатальные ошибки русского командующего, расположившего пехотные части за полками дворянской конницы, но без прикрытия полевыми укреплениями. Свою роль сыграла и неожиданность польской атаки – Шуйский не успел подтянуть к месту начавшегося сражения имеющиеся у него 18 орудий. Однако, вопреки ожиданиям Жолкевского, первые удары польской гусарии не достигли своей цели. Только после 10 кавалерийских атак поляки прорвали линию русских войск. Опрокинутая противником московская кавалерия обратилась в бегство и потоптала свою пехоту. Сражение было окончательно проиграно после измены части наемников (французских и немецких полков) из состава шведского вспомогательного корпуса Я. Делагарди. В плен к полякам попали воевода В.И. Бутурлин и дьяк Яков Демидов. В числе павших был воевода Яков Барятинский.

Узнав о поражении главной армии, блокированная в Царевом Займище еще до Клушинской битвы, другая часть русского войска (отряды Ф.А. Елецкого и Г.Л. Валуева, насчитывающие 8 тыс. человек) сложила оружие, перейдя на сторону поляков.

После Клушинского поражения Делагарди с небольшим отрядом (400 человек) ушел к Погорелому Городищу, а затем дальше на север. Там, получив подкрепление, он начал захват русских территорий, постепенно приближаясь к Новгороду. Шведский генерал действовал в полном соответствии с инструкцией, данной ему 30 июня 1609 г. Карлом IX. В этом документе король сообщал Делагарди, что в случае, если поляки станут одерживать победы «в войне с русскими, то ему надо всего ревностнее стараться об удержании Новгорода в своей власти – приятно ли то русским, или нет». Овладев приграничной крепостью Ладогой (вскоре занявший город полковник Пьер Делавилль был выбит оттуда отрядом И.М. Салтыкова) и осадив Корелу (крепость была захвачена Ларсом Андерссоном 2 марта 1611 г.) и Орешек, войско Делагарди в начале июня 1611 г. подошло к Новгороду (со стороны Хутынского монастыря). Город был не готов к осаде. Произведенный воеводами осмотр городских укреплений показал их полную негодность. Во многих местах из-за отсутствия лестниц защитники не имели возможности взойти на крепостную стену. В этих условиях находившийся в городе многочисленный гарнизон (в Новгороде тогда было не менее 2 тыс. служилых людей) не смог бы оборонять крепость в случае неожиданной атаки противника. Немедленно были начаты ремонтные работы, благодаря которым положение частично удалось исправить и первый шведский приступ, произошедший 8 июля, был отбит. Только 16 июля 1611 г., с помощью изменника - Ивашки Шваля, дворового человека Ивана Лутохина, колонны штурмующих сумели через Чудинцевы ворота ворваться в Новгород.

После тяжелых боев на улицах городах и поспешного отступления за его пределы войск В.И. Бутурлина, новгородские власти в лице митрополита Исидора и воеводы Ивана Никитича Одоевского пошли на заключение сепаратного договора с Делагарди. Соглашение предусматривало сдачу крепости и признание права на русский престол одного из шведских принцев. В текст договора была включена следующая запись: «Этот договор и вышеупомянутые пункты будут нерушимо, с полной верностью и безо всякого злого умысла и обмана вечно соблюдаться могущественным моим королем, Карлом IX, королем Швеции и прочее, его наследниками и преемниками мужского пола, Короной Шведской и светлейшим сыном Его королевского величества, будущим государем и царем здешней области, и его наследниками мужского пола, по отношению к городу и княжеству Новгородскому, даже если владимирское и московское правительства, вопреки ожиданиям, не пожелают с ними согласиться». Это зафиксированное в договоре условие свидетельствовало о намерении шведской стороны, в случае отказа всероссийских властей

призвать на московский престол шведского королевича, приступить к созданию марионеточного Новгородского государства, находящегося под шведским протекторатом. Так была создана реальная угроза отделения от Московского государства всей его северо-западной области.

МОСКВА В ПЛЕНУ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМСКИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ОПОЛЧЕНИЙ

Политическая ситуация, сложившаяся в России в 1610 г., означала наступление нового этапа в истории Смутного времени. 17 июля после известия о гибели армии у села Клушино был сведен с престола и пострижен в монахи царь Василий Иванович Шуйский. К власти пришло правительство находившихся в то время в Москве семи бояр - князя Ф.И. Мстиславского, князя И.М. Воротынского, князя А.В. Трубецкого, князя А.В. Голицына, князя Б.М. Лыкова, И.Н. Романова и Ф.И. Шереметева. Новое правительство получило название «Семибоярщины» («боярское державство»). Изначально действия московских бояр были направлены на создание легитимный орган, способный управлять государством в условиях осуществленного группой заговощиков в июле 1610 г. свержения царя В.И. Шуйского. Однако в обстановке чрезмерной политизации жизни в русской столице, к которой приближалась польская армия гетмана Станислава Жолкевского, очень скоро боярское правительство вынуждено было занять если не пропольскую, то все же достаточно конформистскую позицию.

Военно-политическое поражение и угроза повторения социального взрыва, подобного восстанию Болотникова и Лжепетра, принудили правящие московские круги пойти на прямой сговор с польско-литовскими интервентами, войско которых в августе 1610 г. подошло к Москве. Командовавший польской армией гетман С. Жолкевский поспешил воспользоваться произошедшими изменениями в русской столице, предложив московским боярам вступить с ним в переговоры. Кажущаяся безвыходность ситуации толкнула Ф.И. Мстиславского и его товарищей на ряд опрометчивых поступков. Первым шагом на пути, приведшим новое русское правительство к полной капитуляции перед поляками и их сторонниками, стало знаменитое постановление «Семибоярщины» не избирать царем представителей русских родов, следствием чего стало признание государем сына польского короля Сигизмунда III Владислава. Проводимая правительством «седми московских бояр» политика уступок и соглашений с поляками закономерно привела к сдаче Москвы: в ночь на 21 сентября 1610 г. в нее были введены войска гетмана Жолкевского. Как отмечал в своих мемуарах сам польский военачальник, «бояре опасались [мятежа] и желали, чтобы под защитой войска короля, они могли быть безопасны от ярости народа». По словам А. Палицына для них предпочтительней было «государичю (польскому королевичу Владиславу. - В.В.) служить, нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучиться». С этого момента и в столице, и в стране возникает оппозиция политике московских олигархов. Широкая, хотя и вынужденная, опора на военную силу Польско-Литовского государства, на авторитет его верховной власти, требования, посланные смоленским воеводам Михаилу Борисовичу Шеину и князю Петру Ивановичу Горчакову продолжающий героически сопротивляться город полякам не создали и не могли создать «Семибоярщине» прочной опоры в русском обществе. Разочарованными оказались даже те, кто в августе 1610 г. поддержал компромиссное соглашение с поляками, надеясь на обещанное гетманом Жолкевским от имени короля сохранение государственного и национального суверенитета, гарантированного статьями трех русско-польских договоров: Смоленского, Царево-Займищенского и Московского. Полковник Александр Гонсевский, сменивший гетмана Станислава Жолкевского на посту командующего польскими войсками в русской столице, не склонен был считаться с

договорами, подписанными его предшественником, так как они существенно ограничивали степень вмешательства польских властей в русские дела. Стремясь к полному подчинению Московского государства Речи Посполитой, он являлся проводником достаточно последовательной политики, определяемой польским королем. Из дошедшей до нас переписки Сигизмунда III с папой римским Павлом V и генеральным провинциалом Ордена иезуитов Клавдием Аквавивой видно, что сам король и его ближайшее окружение не собирались ограничивать свою власть в русских землях никакими условиями и обязательствами, что являлось нарушением прочно укоренившейся здесь политической традиции.

Разложение центрального аппарата власти, подпавшего с конца сентября 1610 г. под полный контроль польских ставленников, способствовало активизации местного земского и губного управления, игравшего все более важную роль в организации военного отпора интервентам. Роль земского самоуправления начала изменяться в 1606 г., во время восстания И.И. Болотникова, вызвавшего заметное оживление деятельности различных сословных групп на территории, охваченной антиправительственным повстанческим движением. Болотниковцы широко использовали в своей борьбе авторитет сословного и земского представительства. Именно в это время на местах начинают складываться всесословные органы местного управления - городские и уездные советы. Необходимо отметить, что подчинялись на первых порах они исключительно военным руководителям восстания и прежде всего «большому воеводе царя Димитрия» Ивану Болотникову. Лишь позднее, в ноябре 1606 г. с приходом в Путивль отряда «царевича Петра Федоровича» в повстанческом лагере складываются органы власти, аналогичные правительственным. Р.Г. Скрынников, первым обративший внимание на это обстоятельство, связал его с отсутствием в болотниковской рати носителя титула царя или царевича, олицетворявшего в силу вековых русских традиций верховную власть в стране. С появлением в Путивле Лжепетра и его казачьего войска ситуация радикально изменилась, несмотря на явное самозванство этого «царевича». При нем создаются Боярская дума и Двор - необходимые политические институты того времени. Главой Боярской думы в Путивле, а затем и в Туле, становится боярин князь Андрей Андреевич Телятевский. О существовании при дворе «царевича Петра Федоровича» некоего подобия московской приказной администрации известно по документам более позднего времени. В 1613 г. во главе вновь созданного на Москве Казачьего приказа (Казачьего разряда) наряду с дворянином И.А. Колтовским, был поставлен дьяк Матвей Сомов, в назначении которого именно на эту должность сыграла его служба в 1607 г. у «царевича Петра». Несмотря на быстрое складывание в Путивле традиционной для Московского государства системы управления подконтрольной территорией, реальная власть в повстанческом войске оставалась в руках казачьей старшины и казачьего круга, а все важные решения принимались в повстанческом лагере на общем войсковом сходе. Таким именно образом решилась, в конце концов и судьба самого восстания - осажденные в Туле болотниковцы сдались правительственным войскам после решения войскового круга прекратить сопротивление и сложить оружие.

С земской (выборной) организацией было тесно связано повстанческое движение и в других местностях Русского государства. По сообщению Лобковского хронографа, осадившими Нижний Новгород в 1606 г. «ворами» начальствовали «за воеводы место Ивашко Борисов Доможиров нижегородец, да с ним выбраны два мордвина Варгадин да Москов».

В условиях развязанной Польшей и Литвой интервенции органы местного самоуправления еще больше упрочили свое положение. Общая задача освобождения страны укрепляла выявившуюся к 1611 г. тенденцию воссоединения земель, обособившихся во время Смуты. Земское освободительное движение зародилось и получило распространение на севере страны в 1608-1609 гг. Оно проявилось в отпоре наводнившим страну отрядам самого одиозного из самозванцев - Лжедмитрия II, ставшего

марионеткой возглавлявших его войско литовских магнатов и в массовой поддержке населением освободительной рати двигавшегося к Москве князя М.В. Скопина-Шуйского.

Дальний родственник царя Василия Ивановича Шуйского, несмотря на молодость (в ноябре 1608 г. ему исполнилось всего 22 года), Михаил Скопин-Шуйский был хорошо известным всей стране воеводой. В конце 1608 г. его направили в Новгород - один из незанятых «тушинцами» больших русских городов. В его задачу входило заключение союзного соглашения со Швецией о военной помощи, формирования и обучения в северных и поморских городах новых войсковых контингентов, способных вытеснить противника из северорусских уездов, а затем прийти на помощь Москве. К этому времени в центре страны в распоряжении правительства не оставалось достаточных сил, чтобы противостоять агрессии. Военные успехи самозванца привели к тому, что территория, контролируемая правительством Василия Шуйского, уменьшилась до критического минимума. К маю 1609 г. (дата выступления М.В. Скопина-Шуйского с русскими и союзными шведскими войсками из Новгорода к Москве) Лжедмитрию II присягнули города Псков, Владимир, Тверь, Ярославль, Углич, Кострома, Ростов, Галич, Шуя, Кинешма, Белозерск, не говоря о южных уездах страны, служивших в Смутное время базой для любого антиправительственного движения. Преданные Москве воеводы оставались лишь в Смоленске, Новгороде, Коломне, Переяславле-Рязанском, Нижнем Новгороде, Саратове, Казани и малонаселенных тогда сибирских городках и острогах. Мужественно сопротивлялись «тушинцам» немногочисленные защитники Троице-Сергиева монастыря. В этой сложнейшей обстановке и пришлось действовать воеводе Скопину-Шуйскому, в полной мере проявившему блестящие дарования не только военного, но и государственного деятеля.

Находясь в Новгороде, Скопин-Шуйский через восставшие против «тушинцев» Вологду и Каргополь, поддерживал связь с северорусскими городами не только для организации ратных сил, но и для «устроения земли», управления отрезанными от Москвы войной поморскими и североволжскими уездами и волостями. Вынужденный действовать самостоятельно, воевода Скопин получил от правительства небывалый доселе объем полномочий, на что обратил внимание Г.В. Абрамович, отметивший, что, судя по распорядительной деятельности Скопина-Шуйского в вопросах земельных пожалований, права молодого воеводы были схожи с прерогативами царской власти. Новгород того времени стал северной русской столицей, заменив осажденную Москву как центр, организующий борьбу с отрядами Лжедмитрия II, а М.В. Скопин-Шуйский становится главным и весьма авторитетным представителем верховной власти в государстве. «Писания» Скопина приобрели силу царских указов, которым повиновались не только городские миры, земские и губные старосты, но и государевы воеводы и наместники. Соглашаясь с Г.В. Абрамовичем по основному содержанию его выводов, необходимо подчеркнуть существенную ошибку историка: властные прерогативы Скопина ограничивались определенной территорией; он являлся представителем верховной власти на русском Севере и в Поморье. В Среднем и Нижнем Поволжье аналогичными полномочиями был наделен воевода Ф.И. Шереметев, в иных же городах и уездах подобную государеву службу выполняли другие уполномоченные царем лица.

В.И. Корецкий обратил внимание на происходившее в то время известное развитие форм участия населения северорусских городов в местном военном управлении. Когда в декабре 1608 г. к Устюжне Железопольской приблизился польский отряд, в городе не оказалось ни воеводы, ни ратных людей, ни надежных укреплений. Тогда горожане создали выборное управление, избрав три головы и городской совет из 20 человек, в котором посадские и служилые люди получили равное представительство. Власть в городе перешла в руки этого совета. Деятельность его не прекратилась даже после прибытия в Устюжну воеводы А.П. Ртищева, отстоявшего город от осадивших его «тушинских» отрядов. Несмотря на эту победу, новый воевода смог приступить к исполнению своих обязанностей лишь после утверждения городским советом его полномочий.

Тогда же в Сольвычегодске мирские органы создают «мужицкие отряды», вооружением и снабжением которых ведали знаменитые купцы и промышленники Строгановы.

Благодаря широкому подъему народной борьбы на Севере и в Верхневолжских городах, М.В. Скопину-Шуйскому удалось одержать ряд важных побед над «тушинцами», к ноябрю 1609 г. вытеснив их отряды из Верхнего Поволжья. В ходе дальнейших действий его войска освободили от осады Троице-Сергиев монастырь, а затем и Москву.

Схожие процессы шли и в других регионах страны. Несколько ранее восстания на Севере поднялись земские люди в Среднем Поволжье: в Балахне, Юрьевце Волжском, на Решме, в Гороховце, где собравшиеся ополчения и рати «все вкуче соединились в Луху, и литву побиваху, а дворян воровских, поймав, и в Нижний отсылаху ...». Как и в Устюжне Железопольской, возглавили эти формирования не государевы воеводы, а выборные земские «начальники».

В специфических условиях Смутного времени земское освободительное движение приобретало различные организационные формы на землях, занятых крупными соединениями польско-литовских войск и в тех городах и уездах, власти и население которых выступали против пропольской политики московского правительства. Безусловно, фактор присутствия на значительной части русской территории отрядов иноземцев оказывал определяющее значение на характер и масштабы борьбы в этих местах с интервенцией, заставляя местных жителей шире использовать методы партизанской войны (тактику засад и налетов), сплачиваясь в отряды так называемых «шишей», военная организация которых напоминала казацкую. О действиях «шишей» против поляков сохранились любопытные сообщения в дневнике С. Маскевича, служившего в гарнизоне Кремля и принимавшего участие в походах интервентов за провиантом в Рогачево и на Волгу. «Москвитяне («шиши» - *В.В.*) нас стерегли, - писал Маскевич, - узнав через лазутчиков, что товарищи разъехались в коло, и что мы стоим без стражи, они нагрянули на нас среди белого дня, частью на конях, частью на лыжах ...». Ниже он добавляет: «Едва отошли мы на милю или на две от гетманского лагеря, напали на нас шиши и без труда одержали победу: ибо находившиеся при возах наших москвитяне тотчас передались к своим; а другие загородили путь повозками ...». В примечаниях к этому изданию «Дневника» Самуила Маскевича, написанных Н.Г. Устряловым, о «шишах» сказано следующее – «вольница, не признающая ничьего начальства, кроме своих атаманов». Это мнение нам представляется ошибочным. «Шишами» становились в основном крестьяне разоренных поляками русских сел и деревень, испытывающие вполне понятную ненависть ко всякому иноземцу. Организация же повстанческих сил, подобных казацкой, была отличительной особенностью всех народных движений XVII в.

Иначе складывалась обстановка в той части страны, где с самого начала власть правительства королевича Владислава носила чисто номинальный характер. В рязанских и замосковных городах началось формирование местных ратных сил, призванных освободить от поляков столицу Русского государства. Высшая форма проявления освободительного народного движения в Смутное время - земское ополчение. Осознание значительной частью населения страны необходимости ведения жестокой, бескомпромиссной борьбы с польской угрозой вылилось в мобилизацию имеющихся наличных средств и сил для отпора агрессии. Вместе с тем, отсутствие единого политического (правительственного) центра осложняло задачу. Обстановка требовала скорейшего слияния разрозненных очагов сопротивления натиску внешнего врага. К 1611 г. центр освободительной борьбы перемещается с севера страны в Рязанские земли. Значительное распространение получает практика прямых сношений между городами, не признавшими правительства королевича Владислава. Выражением этого стала посылка и пересылка прочетных грамот, авторы которых, изображая бедственное состояние Московского государства, призывали восставших против поляков города составить земское ополчение для скорейшего «очищения» от врага Москвы и всей Русской земли. На

основе взаимных договоренностей там начали формироваться земские рати, в феврале следующего, 1611 года, двинувшиеся к Москве. Об организации власти в них, из-за крайней скудости дошедших до нас сведений, можно судить лишь с известной долей предположения. Во главе сформированных в различных г и уездах местных ополчений стояли земские воеводы, при которых, видимо, существовали своего рода полковые канцелярии, ведавшие сбором денег и различных припасов для обеспечения ратных людей. Так известно, что 29 февраля 1611 г. войсковой подьячий одного из местных ополчений, по-видимому, Суздальского Василий Луговинин получил в с шуйского кабацкого целовальника деньги «земскую казну»! С другой стороны, вполне вероятным представляется наличие во многих, если не во всех земских ратях органов, аналогичных «Совету всей земли», существовавшему в Рязанском ополчении задолго до его прихода к Москве (с 4 марта 1611 г.), о чем есть точное упоминание в одной из грамот П.П. Ляпунова.

В начале марта 1611 г. основные силы местных ополчений собрались в трех сборных пунктах: Рязани, Серпухове и Коломне. Наиболее организованным было Рязанское ополчение - настоящее войско, с многочисленной артиллерией («нарядом») и «гуляй-городом». Возглавлял его признанный вождь и воевода думный дворянин Прокопий Петрович Ляпунов. Он заключил союз с «боярами» из распавшегося лагеря Лжедмитрия II - Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким, послал посольство стряпчего И.И. Биркина в Нижний Новгород поднимать на борьбу с поляками жителей Среднего Поволжья, пытался нейтрализовать или привлечь на свою сторону гетмана Я. Сапегу, предводителя польских наемников в войске Лжедмитрия II. Кроме Рязанского ополчения, в которое влились отряды с Северной Украины, под Москву шли земские войска из Владимира, Нижнего Новгорода, Муромы, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича, Суздаля, Вологды, Галича, Костромы и Романова (Романова-Борисоглебска). К Владимирскому и Суздальскому ополчению присоединились отряды волжских казаков и черкасов (днепровских казаков), возвращавшихся из-под Пскова. Союзник П.П. Ляпунова - князь Д.Т. Трубецкой - привел к столице остатки «тушинского» войска из Калуги, атаман И.М. Заруцкий, пожалованный Лжедмитрием II боярским чином - из Тулы.

Собирая все силы для освобождения занятой врагом русской столицы, Ляпунов стремился подготовить антипольское восстание в самой Москве, успех которого, в случае поддержки земскими полками, привел бы к очищению столицы от врага. В дневниковых записях поляка М. Стадницкого сохранилось упоминание о том, что, узнав о «мятеже» Ляпунова и его единомышленников, москвичи «стали искать поводов к ссоре с польским гарнизоном». О стихийном протесте московского люда, недовольного хозяйничаньем врага в родном городе, говорить не приходится. Об этом свидетельствует другое наблюдение того же мемуариста, прямо записавшего: «В столицу сходились из деревень и местечек люди, под предлогом искания защиты, тайно принося с собой оружие; приходили и солдаты Ляпунова, тайно переодевшись в городское платье; их никто не узнавал, так как они смешивались с городской чернью». Ясно, что подобная подготовка вооруженного выступления в занятом неприятельским гарнизоном городе требовала серьезной организаторской работы.

Городовые ополчения пришли к Москве в конце марта - начале апреля 1611 г. Первые же земские отряды прибыли в столицу 19 марта, приняв активное участие в начавшемся восстании против интервентов, подавленном ими с невероятной жестокостью*. 24-25 марта к Симонову монастырю с казаками и Суздальским ополчением

---

* Недовольство москвичей польской властью привело к преждевременному выступлению, начавшемуся во в Вербное воскресенье 17 марта 1611г. Поляки попытались силой заставить русских возниц помочь им поднять пушки на Львиные (Неглинные или Воскресенские) ворота Китай-города, но получили резкий отпор. На помощь полякам из Кремля вышло 8 тыс. немецких наемников, вступивших в бой с москвичами. В схватке погибло около 7 тысяч находившихся в Китай-городе русских людей. Спасаясь от гибели, народ бежал в Белый город и слободы, где

подошел бывший «тушинский стольник» - атаман А.З. Просовецкий. Гонсевский бросил против него полки Зборовского и Струся, но русские укрылись в «гуляй-городе» и отбили все польские атаки. Вслед за суздальским войском, прибыли отряды И.Ф. Еропкина и серпуховского воеводы Ф.К. Плещеева, а 27 марта 1611 г. «с большим и многочисленным войском» пришел из Рязани сам Прокопий Петрович Ляпунов. К захваченной врагом русской столице один за другим подходили отряды из верхневолжских городов. Сбор ратных сил под Москвой закончился 1 апреля 1611 г. Началась длительная и трудная осада хорошо укрепленного города.

В сложившемся под Москвой весной 1611 г. новом военно-политическом образовании, единство, необходимое для успешного ведения освободительной войны с поляками, на первых порах отсутствовало. У стен сожженной врагом столицы ополчения расположились в нескольких, враждебно настроенных по отношению друг к другу лагерях: у Яузских, Покровских, Сретенских, Тверских ворот Белого города и против Воронцовского поля. Следует признать, что разногласия в среде ополченцев были порождены социальной разнородностью самого освободительного движения. Важнейшим условием успешной борьбы с интервенцией являлось объединение земских сил, координация действий местных ополчений и отрядов, централизованное снабжение их необходимым довольствием и припасами, что требовало создания государственного аппарата политического и хозяйственного управления страной, способного взять на себя функции центрального правительства. Уже тогда это сознавали многие воеводы и атаманы, служилые люди и казаки. Мощным объединительным стимулом было общее стремление различных политических и социальных группировок земского освободительного движения к скорейшему освобождению «царственного града» Москвы от засевших в ней поляков и «русских воров-изменников». После занятия 7 апреля 1611 г. земскими отрядами Белого города в ополчении создается общий «Совет всей земли» - высший орган власти на освобожденной от интервентов территории, ставший единым руководящим центром всего освободительного движения в стране. Тогда же были избраны «начальники» земской рати - П.П. Ляпунов, кн. Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий. Пробраз «Совета» существовал в Рязанском ополчении еще до прихода его к Москве в начале марта 1611 г.

В конце июня 1611 г. произошла коренная реорганизация сложившейся в «таборах» (подмосковном лагере Первого ополчения) политической власти. Ратные люди и казаки, выступившие против участвовавших случаев произвола ополченских властей, подали Ляпунову, Заруцкому и Трубецкому челобитную, в которой требовали от своих «начальников» детальной регламентации и упорядочения деятельности земского правительства, ополченского «Совета всей земли» и сложившейся в «таборах» приказной администрации. Выработанный на основе этих требований и одобренный 30 июня 1611 г. всем ополчением Приговор подтвердил и оформил сословно-представительную организацию власти и порядок управления страной. В Приговоре перечисляется круг лиц, принявших участие в разработке этого документа. В нем упоминаются: «царевичи» (татарские - В.В.) и бояре, окольные и чашники, стольники и дворяне, стряпчие и жильцы, приказные люди и дети боярские, князья и мурзы, атаманы и казаки, а также служилые и дворовые люди. Были учтены пожелания представителей 25 городов, участвовавших в деятельности подмосковного «Совета всей земли», в том числе таких важнейших, как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др. Л.В. Черепнин высказал предположение о том, что данное представительство было выделено из состава участников Первого ополчения. Подобное объяснение нам представляется ошибочным - в число упоминаемых 25 городов, чьи выборные участвовали

начались настоящие бои. На помощь москвичам подоспели передовые отряды земского ополчения с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и поляки были отброшены назад и вынуждены были укрепиться в Кремле и Китай-городе. Для борьбы с восставшим народом интервенты применили последнее средство и подожгли Москву, вынудив уцелевших жителей покинуть город и уйти навстречу подходившим земским ратям.

в деятельности подмосковного «Совета всей земли», не вошли представители Рязани, Углича и Суздаля - городов, пославших свои ополчения к Москве уже в марте-апреле 1611 г. Некоторые сомнения возможны лишь в отношении Суздальской рати - посланное из этого города ополчение состояло, по-видимому, в большинстве своем из большого казачьего отряда братьев Просовецких. Наоборот, в отношении Рязани, высланной к Москве большое земское войско во главе с одним из главных ополченских воевод - П.П. Ляпуновым, сомневаться не приходится, так как в случае формирования общеземского представительного органа по принципу, предложенному Л.В. Черепниным, представители Рязани не могли не войти в его состав в весьма представительном числе. Это объяснение, на наш взгляд, указывает на действительное наличие в «Совете всей земли» Первого ополчения выборных «делегатов», всех упоминаемых в земском Приговоре городов.

Текст Приговора 30 июня 1611 г. состоит из преамбулы и 24 статей, важнейшими из которых считаются те, которые определяли государственное устройство России и регулировали поземельные отношения - определявшие правовой статус служилых людей, владевших вотчинами и поместьями. Исследователи, изучавшие текст принятого «Советом всей земли» Приговора справедливо отмечали, что документ был выработан прежде всего в интересах провинциального, городского дворянства, чьи представители оказались в большинстве на соборных заседаниях, происходивших в подмосковном лагере ополчения в июне 1611 г. и несшего основное бремя в борьбе с вражеским нашествием.

Большинство статей Приговора касались вопроса о землевладении и размерах земельных пожалований служилым людям. Социальная неоднородность движения, существенные расхождения в целях и задачах освободительной борьбы, разъединявшие ополчение, диктовали необходимость выработки компромиссного решения этой проблемы, способного удовлетворить притязания всех собравшихся в земском лагере под Москвой ополченцев: бывших «тушинцев», непоколебимых сторонников Василия Шуйского и тех, кто, подобно И.М. Заруцкому, недавно еще служил польскому королю Сигизмунду III. Таким компромиссом в решении вопроса о земельных пожалованиях стало правовое закрепление принципа руководства нормами, сложившимися «при прежних прирожденных государях». Тем самым, законными признавались любые земельные пожалования (по мнению ряда историков права, даже польского правительства), если они не нарушали сложившуюся норму верстания служилых людей.

С 30 июня 1611 г. во главе ополчения встало реорганизованное на основе Приговора временное земское правительство - своеобразный триумvirат П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и Д.Т. Трубецкого, избранных «начальниками» еще в апреле 1611 г. Однако права и привилегии триумvirов были существенно ограничены статьями Приговора . «Бояре и воеводы», обязанные «будучи в правительстве, земскими и всякими ратными делами промышляти», в своих действиях контролировались избравшим их «Советом всей земли». При общем стремлении ратников Первого ополчения восстановить разрушенную врагом русскую государственность в таком именно виде, «как было при прежних российских прирожденных государях», условия и обстоятельства Смутного времени вынуждали составителей земского Приговора в ряде случаев существенно изменять сложившиеся в Московском государстве традиции взаимоотношения власти и соборного большинства. Так, «избранных всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство» вождей ополчения, в случае обнаружения их несоответствия своему высокому положению «Совету всей земли», было «вольно ... переменить и в то место выбрати иных ... хто будет болю к земскому делу пригодится».

В Приговоре детально оговаривалось устройство центрального административного аппарата. В ополчении были организованы Разрядный, Поместный, Земский и ряд других приказов (Большой Приход, Дворец, четверти, Разбойный приказ), деятельность которых также контролировалась «Советом всей земли». Приговором предусматривались определенные изменения в сложившемся к этому времени местном управлении. С

«приставства» из городов, дворовых сел и черных волостей снимались бывшие там атаманы и казаки, вместо которых назначались «дворяне добрые». На основании этой статьи Приговора большинство исследователей делало вывод о всемерном и сознательном ослаблении дворянским большинством ополчения позиций своих весьма ненадежных соратников по освободительной борьбе. Между тем в стороне осталось важное обстоятельство, проливающее свет на истинную подоплеку продекларированного в Приговоре смещения атаманов и казаков с «приставства» - замене подлежали не только они, но и все годные к ратной службе воеводы-дворяне (См. ст. 15 Приговора: «А которые дворяне и дети боярские посланные по городом в воеводы и на всякие посылки в збор, а на службе им быти мочно, и тех из городов и из посылок переменить и велети им быти в полки тот час, а на их место послать дворян сверстных и раненых, которым на службе быти не мочно»).

С 1604 г. в Русском государстве происходит значительное расширение территории, находящейся в воеводском управлении. Новая система местного управления появляется в России во второй половине XVI в., наряду с введением в уездах и волостях Московского государства губных и земских учреждений. Однако первоначально воеводы посылались лишь в пограничные уезды, где необходимо было усиление военно-административной власти, напрямую подчиненной правительству. Во внутренние же уезды воевод начали назначать именно в Смутное время, в связи с резким обострением социальной борьбы в стране и началом польско-литовской, а затем и шведской интервенции. В эти годы рассылка по городам воевод стала практиковаться все шире. В царствование Михаила Федоровича Романова была составлена особая «Роспись воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты», в которой подробно перечислялись города и уезды, перешедшие под контроль правительственных эмиссаров - городских воевод. Будучи специальными представителями московского правительства на местах, они сосредоточили в своих руках административные, судебные, полицейские функции, отчасти подчинив себе деятельность губных старост, ведавших делами, связанными с разбоями, убийствами, грабежами и воровством. Наблюдая этот процесс со стороны, без учета конкретно-исторической обстановки, сложившейся в стране в начале XVII в., можно было бы сделать вывод о дальнейшей и весьма значительной централизации местного управления, о существенном ослаблении системы земского и губного самоуправления, ограничении и сведении на нет их политической деятельности. Тем не менее, в начале XVII в. учреждение в стране воеводского управления свидетельствовало скорее не об усилении контрольных функций государства в местном управлении, а о реальном их ослаблении. Нельзя переоценивать роль городских воевод в организации власти на местах, - в Смутное время они зачастую лишь номинально возглавляли управление в том или ином городе и уезде. Часто воеводы входили в общесословные городские советы (как в Нижнем Новгороде) или дублировали деятельность органов местного общесословного управления, подтверждением чему служит сложившаяся в Курмыше практика одновременной посылки идентичных по содержанию отписок воеводе и «дворянам и детям боярским, и всяким служилым людям, и земским старостам, и целовальникам, и всем посадским людям, и волостным крестьянам». В таких условиях курмышане смогли запретить новоназначенному в их город воеводе Жедринскому «без земского совета» въезжать в Курмыш. Характерен и отмеченный выше факт нахождения во многих городах «на приставстве» казачьих атаманов и даже простых казаков. Известное решение «Совета всей земли» Первого ополчения о повсеместной замене местных начальников негодными к ратной службе «дворянами добрыми» не выполнялось.

Пытаясь усилить контроль над казачеством, земские воеводы вынуждены были заботиться о притоке новых людей в свои полки. Даже Ляпунов, испытывая большую нужду в ратниках, продолжал пополнять ряды ополченцев за счет холопов и крепостных крестьян. В июне 1611 г. он писал в Казань: «А которые боярские люди крепостные и

старинные и те бы шли безо всякого сумленья и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам».

Приговор 30 июня 1611 г., несомненно, сыграл важную роль в упрочении объединительной тенденции в освободительном движении, однако после его принятия в подмосковном лагере продолжали сохраняться серьезные противоречия. Особое недовольство в «таборах» вызывали антиказацкие мероприятия Прокопия Ляпунова и внешнеполитическая ориентация ополченского правительства на Швецию, с которой велись переговоры о возможном избрании на российский престол одного из шведских принцев - Густава-Адольфа или Карла-Филиппа). Компромиссное соглашение, заключенное между различными группировками движения в июне 1611 г., воплотившее объединительные тенденции освободительной борьбы, на практике оказалось недолговечным. В конце июля произошло открытое столкновение конфликтующих сторон, в котором у Ляпунова не оказалось надежной опоры. Назревавшим в ополченской (точнее, казачьей) среде социальным взрывом не преминули воспользоваться осажденные в Кремле и Китай-городе поляки. Им удалось спровоцировать радикально настроенную часть «таборов» на открытое выступление против Ляпунова. Гонимый переправил казакам сфабрикованные в Москве грамоты, в которых от имени главного земского воеводы местные власти призывались к истреблению «злого народа» (казаков). Вызванный 22 июля в казачий круг, вождь ополчения был убит (зарублен казачьим атаманом С. Карамышевым), репрессиям подверглись и некоторые его сторонники.

Несмотря на последовавший после этих событий отъезд из подмосковного лагеря части служилых людей замосковных городов, авторитет «Совета всей земли» Первого ополчения продолжал сохраняться на всей освобожденной от интервентов территории вплоть до 2 марта 1612 г. (т.е. до дня присяги ополченцев из «таборов» объявившемуся в Пскове новому самозванцу - Лжедмитрию III). Продолжал функционировать созданный в июне 1611 г. аппарат центрального управления. Современники отмечали, что «Разряд и Поместный приказ, и Печатной, и иные приказы под Москвою были и в Поместном приказе и в иных приказах сидели дьяки и подьячие, и с волостей на казаков кормы собирали». С течением времени происходит увеличение числа подмосковных приказов. В июле 1611 г. ядринскому воеводе М.И. Соловцову предписывалось ссылаться «о всяких делех» с думным дьяком Другим Тимофеевичем Рындиным и дьяком Алексеем Шапиловым, сидевшими в приказе Казанского и Мещерского двора. В ноябре 1611 г. (в публикации ошибочно 1612 г.) в грамоте «бояр и воевод» Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого пронскому воеводе Р.П. Федорову указывалось, чтобы выборные поручные записи, взятые с ямских охотников, он «прислал бы еси в полки к нам к Москве и велел отдать в Ямском приказе диаку Филиппу Ларионову». Продолжалось верстание в «таборах» служилых людей поместными, в том числе четвертными окладами, подтверждались ополченскими властями пропавшие жалованные грамоты на вотчины, данные за службу прежними государями, в том числе царем Василием Ивановичем Шуйским - непримиримым врагом бывших «тушинцев», ставших теперь главными воеводами земской рати. «По боярскому приговору» в «таборах» выдавались жалованные грамоты монастырям. Однако во всех официальных документах, земские власти обязательно подчеркивали временный характер своих полномочий, опечатавая данные в «таборах» жалованные грамоты желтой восковой печатью. При этом в тексте делалась специальная приписка: «А как на Московское государство Бог даст государя и тогда велит государь ему (П.Ф. Кикину - В.В.) на ту его вотчину по книгам и по дачам дати вотчинную жалованную грамоту **за красною печатью**».

Приказная администрация занимала особое положение в Первом ополчении. Число дьяков, находившихся в земском лагере под Москвой, достигало 25-30 человек; из них 6 были думными дьяками. Их роль в сложившейся в «таборах» политической организации отнюдь не сводилась к деятельности в ополченских приказах; дьяки принимали активнейшее участие в выработке правительственного курса подмосковного «Совета всей

земли». При этом следует учесть, что в Нижегородском ополчении К. Минина и Д.М. Пожарского приказных дельцов оказалось гораздо меньше, а их политическое влияние было ничтожно. Даже после гибели Ляпунова Первое ополчение и его руководители получали полное признание и поддержку Троице-Сергиевской обители - весьма авторитетного в русском обществе вдохновителя борьбы с польскими интервентами и католической опасностью. Однако, нельзя не отметить и того, что после 22 июля роль и значение ополченского «Совета всей земли» изменяется. Он, не теряет статуса верховного распорядительного органа, но в практической деятельности решающее значение отводится теперь «приговору бояр», а не «приговору всей земли». В ополчении и в «Совете всей земли» неизмеримо усиливаются позиции И.М. Заруцкого. Ни в одном из исследований, посвященных политической истории России эпохи Смутного времени, не отмечен очень важный и примечательный факт: в сентябре 1611 г. шенкурские тиуны рассылали по станам наказную память о выборе заказных старост по единоличному «указу государя нашего боярина Ивана Мартыновича [Заруцкого]». Падение авторитета подмосковного правительственного центра, а с ним и влияния «боярина» Ивана Заруцкого произошло после организации Нижегородского ополчения, вожди которого провозгласили его одним из главных "заводчиков казачьего воровства", обличая старого болотниковца и «тушинца» в рассылаемых по стране грамотах.

Вышесказанное подтверждает правоту русских историков, оспаривавших утверждение о произошедшем в конце июля развале центральной власти, сложившейся в Первом ополчении под Москвой после 30 июня 1611 г. Вместе с тем, нельзя отрицать и того очевидного факта, что произошедшее в земском лагере 22 июля открытое выступление радикально настроенного по отношению к действиям Ляпунова казачества, привело к неминуемому расколу столь разнородного по своему составу освободительного движения. В нем зарождается и крепнет оппозиционное течение, то с подозрением относящееся к «казачьему воровству». Зажиточная часть посадского населения северорусских и поволжских городов, разоренное Смутой дворянство воспринимали перемены, произошедшие в земском лагере после гибели Прокопия Ляпунова именно как новое «воровство» вчерашних болотниковцев и «тушинцев». Возникшим во многих городах и уездах недоверием к казакам не преминули воспользоваться находившиеся в Москве интервенты и русские изменники. В рассылаемых по стране грамотах (в Кострому, Ярославль, Переяславль-Залесский) они натравливали посадских людей на казаков, запугивали горожан новой вспышкой междоусобной войны. Вот как изображали происходившие в «таборах» события служившие полякам московские думцы: «... которой был большой завогца Прокофей Ляпунов, от которого большая крестьянская кровь началась литися и Московское государство до конца пустошится, и того те воры, которые с ним были в том воровском заводе, Ивашка Заруцкой с товарищи убили, и тело его держали собакам на снаденье на площади 3 дни; и вы видите, за его к государю (королевичу Владиславу - В.В.) крестное преступление и за зачатие невинные крестьянские крови какову месть ему Бог воздал по его делом от его же воровских товарищей, и совет их всеу стал. И ныне князь Дмитрий Трубетцкой да Иван Заруцкой с товарищи стоят под Москвою на большое крестьянское кровопролитье, и Московскому государству и городом всем на конечное разоренье, а не на покой крестьянской, и беспрестани езда по городом от них ис табор ис-под Москвы, казаки грабят и розбивают и невинную кровь крестьянскую проливают...» Определенную роль в падении авторитета подмосковного правительства на части российской территории, помимо «казачьего воровства» и подстрекательств московских изменников, сыграла бесплодность двухгодичной осады Москвы отрядами Первого ополчения. Затягивание же борьбы с интервенцией чревато было гибельными последствиями для страны и всего освободительного движения. Недовольные таким развитием событий земские люди, во всех неудачах винили руководителей «таборов» и искали выход в создании нового земского ополчения, вожди которого, подобно погибшему Прокопию Ляпунову, могли держать под контролем подмосковное казачество -

политически нестабильную участь или неучастия которой в освободительной борьбе зависел в немалой степени успех земского дела под стенами Москвы.

* * *

Новый этап в истории освободительной борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией в начале XVII в. был связан с начавшейся в октябре-ноябре 1611 г. организацией в Нижнем Новгороде нового (Второго) ополчения, с деятельностью его знаменитых выборных вождей: воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского и земского старосты Кузьмы Минина, бывшего начальником «в то время судных дел во братии своей рекше посадских людей в Нижнем Новгороде».

В конце XVI - начале XVII вв. Нижний Новгород являлся одним из крупнейших городов Русского государства. Лишь Старая Русса, Москва, Псков, Казань и Смоленск, в годы предшествовавшие «Великому московскому разорению» давали казне больше таможенных пошлин, чем Нижний Новгород, не подвергавшийся к тому же в Смутное время прямому разграблению, подобно другим, в том числе и перечисленным выше русским городам. Значительным было в этом поволжском городе и влияние нижегородского посада, возглавляли который земские старосты и целовальники, избиравшиеся 1 сентября сроком на один год и ведавшие всем мирским хозяйством и управлением, собиравшие государственные подати и различные казенные пошлины. Однако с 1608 г. самоуправление в Нижнем Новгороде, равно как и во многих других русских городах, не ограничивалось посадским. Осенью этого года там создали общесословный орган местного управления - городской совет. Неоспоримое свидетельство (первое упоминание) о существовании совета приводится в отписке архимандрита нижегородского Вознесенского монастыря Иоиля игумену Луховской пустыни Ионе: «Да ноября же в 21 день писали мы, я архимандрит Иоиль, игумены и протопопы, и попы и диаконы всего освященного собору и церковного причета, и воеводы князь Александр Андреевич Репнин, Андрей Семенович Алябьев, диак Василий Семенов, и дворяне и дети боярские, и старосты и целовальники, и все земские люди, и литва, и немцы, и всякие иноземцы, и стрелцы, с нижегородцем с посадским человеком с Петрушкою Макаровым с Шишкою, чтобы хрестьянская неповинная кровь не лилась, а были бы балахонцы («заворовавшие» по терминологии того времени жители Балахны. - *В.В.*) и всякие люди, по прежнему во единой мысли с нижегородцы...». Подробное перечисление представителей нижегородского населения, наряду с местными воеводами принявшими участие в составлении цитированной грамоты, и позволяет сделать вывод о создании в городе общесословного совета, ибо подобное представительство в масштабах государства признается неоспоримым свидетельством созыва земского собора.

Решения Нижегородского городского совета были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались земскими людьми. Осенью 1611 г. совет (в документах зачастую именовавшийся как «нижегородские власти») собирался на воеводском дворе. В это время в него входили архимандрит Печерского монастыря Феодосий, спасский протопоп Савва, «да иные попы», стряпчий И.И. Биркин, дьяк В. Юдин, нижегородские «дворяне и дети боярские, и головы, и старосты, от них же и Кузьма Минин».

Нижний Новгород был одним из 50 русских городов, принявших участие в Первом ополчении. Для координации военных действий против интервентов («доброе совету») в начале февраля 1611 г., в Нижний прибыли посланные П.П. Ляпуновым его личные представители - стряпчий И.И. Биркин, в 1612 г. бывший вторым воеводою Нижегородского ополчения) и дьяк С. Пустошкин. В марте 1611 г. под Москву в составе земской рати пришел большой отряд из Нижнего Новгорода. Представители этого города подписали Приговор 30 июня 1611 г., участвовали в работе «Совета всей земли» Первого ополчения. После гибели Ляпунова под казачьими саблями началась новая страница во

взаимоотношениях нижегородцев с вождями подмосковных «таборов». Но лишь после присяги, принесенной ополченцами Трубецкого и Заруцкого Лжедмитрию III (2 марта 1612 г.), произошел окончательный их отход от скомпрометировавших себя этим поступком «бояр и воевод» Первого ополчения.

Изменения, произошедшие в земском освободительном движении после смерти П.П. Ляпунова и кажущееся бездействие отрядов Трубецкого, Заруцкого и Просовецкого под стенами Москвы, привели к образованию осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде независимого организационно-политического центра борьбы с интервенцией. Сначала ряд поволжских, а затем и многие северорусские города приняли участие в формировании нового земского ополчения, противопоставив его безуспешно осаждавшим Москву казакам и ополченцам из «таборов». Отказавшись от сотрудничества с продолжавшим существовать под Москвой правительственным центром, Нижегородский городской совет, тем не менее, взял курс на создание политической организации, тождественной существовавшей в Первом ополчении в 1611 г. В феврале 1612 г. в Нижнем Новгороде, при формирующемся новом ополчении уже существовал и действовал свой Нижегородский «Совет всей земли», делопроизводством которого заведовал бывший нижегородский дьяк Василий Юдин. Различия же между ополчениями predeterminedены были, прежде всего, социальной неоднородностью самого освободительного движения, распавшегося впоследствии на два самостоятельных течения.

Подготовительный период в истории Нижегородского ополчения, начало которого совпадает со знаменитой речью-призывом Кузьмы Минина к землякам (сентябрь 1611 г.), закончился в ноябре 1611 г. К этому времени был начат сбор денежных средств с населения, подтвержденный приговором «всего града за руками», было избрано руководство ополчения: «стольник и воевода» князь Д.М. Пожарский, «выборный от всей земли человек» К. Минин, к этому времени сложивший с себя обязанности нижегородского земского старосты, второй воевода И.И. Биркин, дьяк В. Юдин. Тогда же пришли в Нижний Новгород отряды служилых людей из захваченных поляками Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, которые вместе с нижегородскими стрельцами и служилыми людьми составили костяк нового земского ополчения. У иногородних купцов был произведен заем, давший ополченской казне 5206 рублей.

На втором этапе формирования ополчения в ноябре 1611 - феврале 1612 гг. в Нижнем Новгороде провели верстание служилых людей, присоединившихся к земской рати. Разделенные воеводами на несколько статей, они получили денежное жалованье соответственно 50, 45 и 40 рублей. К февралю 1612 г. в Нижнем Новгороде создан был, как это уже отмечалось выше, свой войсковой «Совет всей земли». Закончился второй этап организации нового ополчения в феврале 1612 г. после получения известия о занятии Ярославля казачьими отрядами посланными на север Заруцким. Немедленно на верхнюю Волгу выступили передовые нижегородские отряды. 5-10 марта 1612 г. (дата, к сожалению, устанавливается лишь приблизительно) к Ярославлю выступили главные силы земской рати.

Этот крупный верхневолжский город стал местом окончательного сосредоточения сил ополчения Пожарского и Минина. Отбив Ярославль, находившийся на пересечении важнейших торговых путей, нижегородцы получили доступ к крайне необходимым им экономическим ресурсам земель, мало или совсем не затронутых военными действиями. Но вступление отрядов Нижегородского ополчения в этот регион привело их к открытой конфронтации с уже действовавшими там казаками из стана Трубецкого и Заруцкого. Преодолеть сопротивление сторонников Первого ополчения, старавшихся не допустить появления иной, неподконтрольной «таборам» военно-политической организации, грозившей отторгнуть значительную территорию, снабжавшую подмосковные полки, нижегородские вожди могли, заручившись поддержкой местных земских сил. Для этого требовалось создать орган народного представительства, более авторитетный чем в «таборах», подобный существовавшему под Москвой до 22 июля 1611 г. После вступления

в Ярославль руководители Второго ополчения начали реорганизацию Нижегородского войскового (ополченского) «Совета всей земли» и учреждение органов центрального государственного управления - приказов. От имени князя Пожарского по городам, поддержавшим почин Нижнего Новгорода, разослали грамоты, призывавшие органы местного самоуправления прислать в Ярославль «изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками».

При созванном в Ярославле «Совете всей земли», как и в земском лагере под Москвой, создаются органы центрального административного управления - приказы. Важнейшими из них являлись: Разрядный (дьяки А. Вареев и М. Данилов), Поместный (Г. Мартемьянов и Ф. Лихачев), Дворец (С. Головин), Дворцовый (Большой Дворец - Н. Емельянов и П. Насонов), Монастырский (судья Т. Витовтов и дьяк Н. Дмитриев), Галицкая и Новгородская четь (В. Юдин, затем А. Иванов). Учреждением приказного типа стал созданный при ярославских ополченских властях Денежный двор. П.Г. Любомиров высказал в свое время интересное предположение о существовании в Ярославле Посольского приказа, дьяком которого он называет С. Романчукова, возглавившего летом 1612 г. переговоры с Джекобом Шоу (Яковом Шавом) - предводителем отряда воинов-наемников, просившихся в русскую службу. Тем не менее, документального подтверждения о существовании в Ярославле такого приказа нет. Тот факт, что с конца 1612 г. С. Романчуков числился в общегосударственном Посольском приказе может свидетельствовать лишь об имеющемся у этого дьяка достаточном опыте работы в учреждении подобного типа. Возможно, раньше он действительно состоял при дипломатическом ведомстве, функционировавшем при Ярославском «Совете всей земли», но, скорее всего все же вел посольские дела в составе другого земского приказа.

Ополченские власти предприняли попытку наладить работу органов местного управления. Во время «Ярославского стояния» земского войска были назначены воеводы в Устюжну, Белоозеро, Владимир, Касимов, Клин, Тверь, Кострому, Ростов, Суздаль, Переяславль, Тобольск и другие города Московского государства. Они должны были, помимо прочего, привести в порядок расстроенную в предшествующие годы военную организацию государства. С целью восстановления финансовой системы в это же время, по распоряжению ярославского правительства, местная администрация провела новые дозоры и составлены новые платежные книги. Власти Нижегородского ополчения возобновили начатые еще П.П. Ляпуновым переговоры о призвании на российский престол брата шведского короля принца Карла-Филиппа, признанного в те годы государем в оккупированной шведами Новгородской земле, но так и не прибывшего туда. В июльских грамотах (отписках) руководителей Второго ополчения в Новгород указывалось достаточно категорично: «... и мы того приговору (приговора «Совета всей земли» Первого ополчения об избрании шведского принца на российский престол - *В.В.*) держимся ...».

В самом Ярославле, действуя через местную Земскую избу, власти ополчения обложили население города чрезвычайным налогом, подобном собранному в Нижнем Новгороде и ряде других поволжских городов, собирали продовольствие, фураж и другие припасы, необходимые для насущных нужд земской рати. В примкнувших к движению уездах формировались и обучались новые отряды и местные ополчения.

Вражда и соперничество двух ополчений и двух правительственных центров особенно обострилась весной - летом 1612 г. Стремясь максимально расширить территорию, подконтрольную ярославскому «Совету всей земли», правительство Пожарского и Минина сделало ставку на военный разгром действовавших в Замосковье отрядов Первого ополчения, на скорейшее вытеснение их из этого района. Сужение сферы влияния подмосковного правительства, тревожившие подмосковные «таборы» известия об антиказачьих настроениях руководителей нового, формировавшегося тогда в Нижнем Новгороде ополчения, реальная угроза прорыва блокады Москвы поляками, а затем и тяжелые поражения, нанесенные ярославскими ратями казачьим отрядам Просовецкого и Толстого в Верхнем Поволжье и Замосковье вызвали серьезный социально-политический

кризис в той части освободительного движения, которую возглавляли Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий. Воспользовавшись благоприятным моментом, в «таборах» под Москвой активизировали свою деятельность сторонники объявившегося 23 марта 1611 г. в Ивангороде, а затем принятого псковичами нового самозванца - Лжедмитрия III. Во главе заговорщиков встали И.В. Плещеев, князь Г.П. Шаховской и И.В. Засекин. 2 марта 1612 г. они организовали в подмосковном стане присягу псковскому самозванцу, принудив вождей ополчения согласиться с решением казачьего круга. Следствием произошедших в начале марта 1612 г. перемен явилось крайнее размежевание сил, как в самих «таборах», так и в стране. Многие служилые люди и даже казаки покинули ополчение, часть из них ушла в Ярославль.

Перспектива подчинения подмосковного ополченческого правительства воцарившемуся в далеком Пскове новому самозванному государю не устраивала его главных «начальников». Присягой Лжедмитрию III остались недовольными сторонники не только Д.Т. Трубецкого, но и И.М. Заруцкого. Честолюбивые планы последнего были связаны с другим претендентом на вакантный российский престол - Иваном Дмитриевичем, годовалым сыном Лжедмитрия II и Марины Мнишек. Оба соправителя, втайне друг от друга, занялись организацией выступления против псковского самозванца. Князь Трубецкой, воспользовавшись посредничеством властей Троице-Сергиева монастыря, начал секретные переговоры с ярославским правительством. Послы князя, братья Пушкины, от имени своего предводителя предложили Пожарскому и Минину объединиться для совместной борьбы с интервентами и с «врагами, которые нынеча завели смуту».

И.М. Заруцкий на примирение с ярославцами рассчитывать не мог, а, возможно, и не хотел. Его отрицательное отношение к событиям 2 марта объяснялось, иными причинами: бывший казачий атаман, а ныне земский «боярин и воевода», поддерживал кандидатуру малолетнего «царевича» Ивана Дмитриевича. Воцарение «воренка» возвело бы Заруцкого, вступившего в интимную связь с «паньей Мариною», в ранг полновластного правителя Московского государства. Интрига приехавшего из Пскова атамана Герасима Попова создала реальную угрозу этим честолюбивым замыслам. Заруцкий, используя все свое немалое влияние на казаков сделал ставку на устранение воскресшего в третий раз «царя Димитрия». Вместе с посольством И. Плещеева и К. Бегичева в Псков отправились наиболее доверенные сторонники Заруцкого, принявшие активное участие в организованном местным воеводой князем И.Ф. Хованским свержении самозванца: «... собравшись с народом, того самозванца, поймав и связав, к Москве скована отвезли, где его и повесили, а его сообщников по тюрьмам посадили».

Устранив опасность, угрожающую их интересам и устремлениям, Трубецкой и Заруцкий попытались нормализовать отношения с руководителями Нижегородского ополчения, стоявшего в Ярославле. В этот верхневолжский город из-под Москвы было отправлено большое посольство К.Н. Чеглокова и дьяка А. Витовтова, в которое входили также атаманы А. Коломна, И. Немов, С. Ташлыков и Б. Власьев «с товарищами». Послы прибыли в Ярославль 6 июня 1612 г. и привезли от Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого «повинную грамоту за своими руками», в которой «бояре и воеводы» Первого ополчения писали, что они от псковского «вора» отстали, так как это «прямой вор, не тот, который был в Тушине и в Калуге». В той же грамоте руководители подмосковного ополчения заявляли, что желают быть с нижегородцами «во всемирном совете и соединенье». В русских источниках сообщения о реакции ярославских ополченских властей на мирные предложения Трубецкого и Заруцкого не сохранилось. Однако в одном из писем Я.П. Делгарди сообщал шведскому королю, что ему и боярину И.Н. Одоевскому из Ярославля прислали грамоту, в которой новгородские власти извещались о приезде к Д.М. Пожарскому из-под Москвы казачьих атаманов, просивших нижегородцев о скорейшем объединении ратных сил. Пожарский выдвинул следующие неперемные условия возможного объединения двух ополчений: выдача ярославцам «воренка» (сына

Лжедмитрия II Ивана Дмитриевича); приведение подмосковных ополченцев и казаков к присяге (кресту), содержащей обязательство быть в единении с нижегородцами; объявление об их «пожелании» вместе с приверженцами Пожарского и «Новгородским государством» избрать царем и великим князем шведского принца Карла-Филиппа. Последний пункт условий являлся основным и важнейшим. Переговоры об избрании шведского принца были начаты руководителями Второго ополчения вскоре после прибытия земской рати в Ярославль. В Новгород выехало соборное посольство С. Татищева, вместе с которым отправлено было «со всех городов ото всех чинов по человеку» - свидетельство исключительной важности, которую придавали в Ярославле этой дипломатической миссии.

Выдвинутые князем Пожарским условия объединения земских сил в июле 1612 г. не были приняты руководителями Первого ополчения, противостояние ополчений и ополченских правительств продолжалось. Вместе с тем, ярославские власти не могли игнорировать призывы прибывших из «таборов» дворян и казаков «идти к Москве не мешкая». К русской столице приближались отряды гетмана Ходкевича, имевшего намерение разгромить последних защитников Руси поодиночке и снять затянувшуюся осаду Москвы, выручив державший там польский гарнизон. Четырехмесячное пребывание Нижегородского ополчения в Ярославле подошло к концу. 27 июля 1612 г. с основными силами земского войска Дмитрий Михайлович Пожарский выступил к Москве.

С приближением отрядов Нижегородского ополчения к Москве в «таборах» возобладала группировка князя Д.Т. Трубецкого, выступавшая за скорейшее примирение с ярославскими земскими воеводами. Оказавшись в меньшинстве, Заруцкий со своими приверженцами покинул «таборы» и ушел к Коломне. В лагере Первого ополчения остались в основном те, кто надеялся на достижение взаимоприемлемого компромисса с ярославцами. Но и на этот раз руководители Второго ополчения наотрез отказались от соединения с отрядами Трубецкого, расположив свои войска у Арбатских ворот Белого города. Между ополчениями сразу же начались раздоры и вражда. Ратники и казаки Трубецкого, которые, по словам современника, - «все от гладу изнемогающе», неприязненно встретили сытых и хорошо экипированных дворян и казаков Пожарского. Возникшая рознь грозила обернуться катастрофой для всего освободительного движения и всей страны, на защиту которой поднялись воистину «последние люди» Русской земли. Ни Первое, ни Второе ополчения не могли в одиночку противостоять регулярной польской армии гетмана Ходкевича, стремившегося доставить продовольствие голодающему гарнизону Кремля и Китай-города и разбить войска Пожарского и Трубецкого. В развернувшемся 22 и 24 августа 1613 г. сражении у стен Москвы победа русского оружия достигнута была в результате совместных, хотя и не скоординированных общим командованием действий ратников Подмосковного и Нижегородского ополчений. Решающую роль в битве сыграл неожиданный для поляков, надеявшихся на противостояние двух земских ополчений, удар «нагих и гладных» казаков Трубецкого, отбросивших наемные отряды Ходкевича от стен Кремля и Китай-города.

Поспешное отступление остатков разбитой польско-литовской армии, не сумевшей восполнить запасы продовольствия и фуража, в чем так нуждался осажденный в Кремле и Китай-городе гарнизон, предопределило исход осады Москвы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ВОССОЗДАНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ШВЕДОВ И ПОЛЯКОВ В 1613-1618 гг.

Наметившееся в конце августа во время боев с поляками Ходкевича сближение двух ополчений завершилось их объединением лишь в октябре 1612 г. До этого момента земские ратные воеводы, по точному выражению летописца, «в несоветии быти». Преодолев, мешавшую успеху земского дела преграду, Трубецкой и Д.М. Пожарский в

разосланных по городам в октябре 1612 г. грамотах Д.Т. извещали местные власти о «прекращении между ними всех распри, о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым освободить государство от врагов». Факт примирения земских вождей зафиксирован подписями В. Бутурлина, Д. Головина, кн. А. Сицкого, кн. В. Туренина, И.И. Шереметева, кн. В.Т. Долгорукова, Н. Плещеева, И. Зыбина, М. Дмитриева, Л. Новокшенова, Б. Блудова, М. Бутурлина, Ф. Плещеева, И.В. Измайлова, Д. Микулина, М. Плещеева, И. Ефанова, И. Козлов, а П. Соковнина. По-видимому, это произошло на переговорах, в которых участвовали представители сторон, уполномоченные начальниками двух ратей, иначе трудно понять отсутствие на этой посланной в Белоозеро грамоте сообщения о примирении Д.М. Пожарского и Д.Т. Трубецкого подписей самих ополченских «начальников». В образовавшемся из двух полков освободительном подмосковном войске воссоздавались общеземские, фактически общегосударственные органы власти – центральное приказное управление. Было образовано коалиционное правительство с участием «начальников» и приказных дельцов обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нем: князь Д.Т. Трубецкой, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Нижегородского ополчения в Земское правительство вошли: князь Д.М. Пожарский, «выборный человек» К. Минин, князь Д.М. Черкасский, В.И. Бутурлин, И.И. Шереметев, И.В. Измайлов.

Во внешней политике новое Земское временное правительство продолжало ориентироваться на Швецию, связывая с кандидатурой шведского принца решение династического вопроса. Непременными условиями окончательного принятия на Москве Карла-Филиппа (младшего брата нового шведского короля Густава-Адольфа) руководители ополчения считали его скорейшее прибытие в Новгород и избрание государем на Земском соборе. «А как королевич князь Карло Филипп Карлович придет в Великий Новгород: и мы тогда со всеми государствами Российского царствия совет учиня, пошлем к королевичю Карлу Филиппу Карлусовичю послов, с полным договором (!) о государственных и о земских делах». В связи с последним условием отметим, что с 1584 г. все русские цари (за исключением первого из самозванцев - Лжедмитрия I), в том числе и сын Ивана Грозного Федор Иванович, не «выкрикнутый», но «прирожденный государь», избирались на московский престол не иначе, как Земским собором - волей «всей земли».

Прошведская ориентация руководителей войскового правительства сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 г. Объяснялось это, на наш взгляд, не только стремлением Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского приобрести поддержку соседней северной державы, давно уже враждебной Польско-Литовскому государству, но и сугубо внутренними причинами - глубоким убеждением вождей земского дела в том, что избрание новым государем кого-то из московских великих бояр приведет лишь к углублению кризиса, к «умножению вражды», к «конечному разорению» и гибели государства.

Объединение двух ополченских армий в октябре 1612 г. позволило земским воеводам добиться решающего перелома в ходе освободительной борьбы. 26 октября русским войскам сдался польский гарнизон Кремля, а на следующий день отряды ополчения вступили в Москву. Вопрос о будущем политическом устройстве Русского государства должен был решиться на Земском соборе, о созыве которого объявили руководители Земского правительства в ноябре 1612 г.

Несмотря на разгром лучшей польской армии гетмана К. Ходкевича и освобождение Москвы от поляков, - в столице и в стране в целом продолжала сохраняться напряженная обстановка. Значительные территории Московского государства оставались во власти интервентов, военные действия не прекращались во многих даже центральных, удаленных от пограничных рубежей уездах. В конце ноября - начале декабря 1612 г. подошедший к Москве с новой армией польский король Сигизмунд III предпринял попытку штурмом

овладеть освобожденной русской столицей, отойдя от стен разрушенного и выжженного города после неудачного приступа к городу.

Сохранялась в ополчении и известная социальная напряженность - незаживающий след междоусобий первых лет XVII века и тесно связанного с ним противостояния в среде участников антипольского освободительного движения 1610-1612 гг. Летописец отмечал, что «в то время паки воздвижеса и бы[ст]ь во всей России мятеж велик и нестроение злейши первого. Боляре же не ведущие, что сотворити за не множество их зело и в самовластии блудяху». Заключенный в октябре 1612 г. компромисс не устранил противоречий, разъединявших разнородные группировки освободительного движения. Существенно осложняло ситуацию и то, что после одержанных под Москвой побед в общественно-политической жизни Московского государства многократно возросло значение казачества, наиболее радикальной силы русского общества того времени. В этих условиях перед Земским правительством и руководителями ополчения со всей остротой встал вопрос о будущем Московского государства, о скорейшем «устроении» земли.

Восстановление государственной власти мыслилось правительством Трубецкого, Пожарского и Минина в привычной для людей XVII столетия форме монархического правления. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора становилось избрание («обирание» - по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми политическими группировками освободительного движения. Неслучайно в своих грамотах «начальники» ополчения писали: «И приходили к нам, к Дмитрею Трубецкому, да к Дмитрею Пожарскому бояре и окольные, и чашники, и стольники, и дворяне большие, и стряпчие, и жильцы, и дворяне из городов и всяких чинов люди, и говорили и с нами советовали, чтоб нам всем сослатца во все города с вами воеводами и всякими людьми от мала и до велика и обрати б на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царствия государя и царя, и великого князя, ково нам государя Бог даст». Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый «Общий великий соборный совет», определивший в ходе своих заседаний порядок выборов представителей-участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий.

В отличие от предшествовавших земских советов, Избирательный собор 1613 г., как неоднократно отмечалось и подчеркивалось исследователями, был беспрецедентно широк по своему социальному составу. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городского дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян («уездных людей»). Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек. Они представляли не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте упомянуто лишь о 277 таких представителях, а подписали ее всего 238 участников «обирания» Михаила Федоровича.

Первоначальную дату начала работы Собора - 6 декабря 1612 г. (осенний Николин день) из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал в праздник Крещения - 6 января 1613 г. Соборные заседания происходили в обстановке обострившегося ожесточенного соперничества оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием собственного претендента на царский престол. «Снидошася изо всех градов власти и бояре, - записал летописец, - митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...».

Участники собора выдвинули более десяти претендентов на российский престол. Среди них были: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «воренок» (Иван Дмитриевич - сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек) и ряд русских

князей и бояр, не все из которых соглашались на свое избрание и в ряде случаев вставали на сторону других кандидатов. В разных источниках в числе кандидатов называются: Федор Иванович Мстиславский, Иван Михайлович Воротынский, Федор Иванович Шереметев, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович Черкасские, Иван Васильевич Голицын, Иван Никитич и Михаил Федорович Романовы, Петр Иванович Пронский и Дмитрий Михайлович Пожарский. Неверным и упрощенным представляется нам предположение И.О. Тюменцева о том, что претендентами на российский престол были выдвинуты на пропорциональной основе как участники боярского правительства («Семибоярщины»), так и руководители земского освободительного движения 1611-1612 гг. В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование многочисленных, но деятельных и убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского «воренка». Сомнительным выглядит вывод И.О. Тюменцева о противостоянии двух группировок - стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и сторонников князя Д.Т. Трубецкого, в котором исследователь без должного на наш взгляд основания видит основного соперника будущего государя в борьбе за престол.

Общие заседания собравшихся в Москве представителей «земли» происходили в Успенском соборе Кремля, а предварительные заседания проводились по сословиям: в отдельных палатах собирались духовенство, бояре, служилые, посадские и уездные люди. Необходимым условием решения любого обсуждавшегося вопроса являлось достижение единогласия. Только после этого принятое решение могло быть вынесено на рассмотрение всего собора.

Как отмечалось выше, в Москве в тот период самой влиятельной общественной силой становится казачество. Это объяснялось как численным превосходством казаков, связанным с массовым отъездом из освобожденной столицы служилых людей, так и сохранением у них многих черт войсковой казачьей организации, сложившейся в «таборах». Противники казачества группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с его руководителями склонялась к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа. В этой связи уместно будет отметить, что, вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова, вся полнота власти в государстве принадлежала ополченским «боярам и воеводам» - временному Земскому правительству, возглавляемому Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским. Об этом достаточно образно писал архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князя, - князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им». Взятый в плен поляками 27 ноября 1612 г. сын боярский Иван Философов в расспросе говорил об этом же, добавляя к числу московских правителей К. Минина: «А делает всякие дела князь Дмитрей Трубецкой, да князь Дмитрей Пожарской, да Куземка Минин». Поддержка, оказанная кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа авторитетными в казачьей и в земской среде лицами, в то время - руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, казалось, могла обеспечить ему реальное, решающее преимущество перед другими кандидатами. Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настояв на принятии решения об избрании царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничавшими группировками избирательная деятельность собора зашла в тупик.

В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникает движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало московское подворье Троице-Сергиева монастыря, а его деятельным вдохновителем -

келарь этой обители Авраамий Палицын, лицо весьма влиятельное среди ополченцев и москвичей. Упоминание о происходивших на монастырском подворье совещаниях сохранилось в одном из русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоша ж и писание о избрании царском». На них решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета, тесно связанного в прошлом и с антигодуновской оппозицией, и с «тушинцами».

К романовской партии примкнули многие бояре и приказные дельцы: князь И.В. Голицын, И.Н. Романов, князь Б.М. Лыков, князь И.Б. Черкасский, Б.М. Салтыков, М.Г. Салтыков, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков и Г. Мартемьянов. Сына ростовского митрополита поддержало высшее православное духовенство - Освященный собор. Против планов сторонников дома Романовых выступила сильная правительственная партия, влияния которой на развитие событий недооценивать нельзя. К ней принадлежали: князь Д.Т. Трубецкой, князь Д.М. Пожарский, князь Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины»), князь И.С. Куракин (знаменитый воевода, но известный полонофил) и некоторые другие князья и бояре. Находившийся в Новгороде шведский полководец Я.П. Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора и весьма бурно протекавшей избирательной кампанией в Москве, отмечал драматический характер происходивших в русской столице событий, где вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс - московских «простых людей» и казаков. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя».

О происходивших в те дни в Москве событиях говорится также в «Листе земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу Филиппу»: «... Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим воровством поставили государем Московского государства Михаила Романова».

На фоне этих драматических событий 21 февраля 1613 г. Земский избирательный собор, уступая энергичному нажиму снизу, провозгласил царем и великим князем Михаила Федоровича Романова-Юрьева, после освобождения Москвы от поляков проживавшего с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре. Согласно сложившейся в Смутное время традиции, новому российскому государю пришлось согласиться с известным ограничением своих прав и привилегий, в том числе и в военной области. Так, первый царь из дома Романовых обязался следовать традиционным формам управления государством: не вводить новых законов без согласия Боярской думы и Земского собора, охранять права русской православной церкви и не помнить «ни о какой частной вражде», а также «ни войны, ни мира с соседями одному и по собственному усмотрению не предпринимать».

Новоизбранному московскому государю досталось тяжелое наследие десятилетней Смуты, войны и интервенции. Безусловно этим объясняется и компромиссность политики молодого российского государя, правительство которого стремилось привлечь к себе не только бывших участников земского освободительного движения, но и недавних «тушинцев», и даже тех, кто был в милости у Сигизмунда III и Александра Гонсевского. Летописец специально подчеркивал, что «и московских бояр, и всяких чинов людей, которые сидели в Москве в осаде с литовскими людьми и которые были в Литве у Короля и в Тушине, и в Колуге при воре лживом Дмитреи и тех государь всех для своего царского венца пожаловал наипаче свыше первого по их достоинству честию и пожитком. И совокупись вся земля русская ему государю служить». Ярким примером подобного использования в правительственной деятельности скомпрометировавших себя в Смутное

время русских людей является возвращение к своим обязанностям думного дьяка И.Т. Грамотина, верой и правдой служившего польскому королю Сигизмунду III и в одной из грамот об избрании царем Михаила Федоровича Романова прямо названного изменником. Спустя несколько месяцев он получает полное прощение, долгие годы затем возглавляя Посольский и Новгородский приказы.

* * *

Разорение и упадок хозяйства, сложность социально-классовых противоречий, когда разбойничали и грабили даже служилые люди из земских полков, о чем сохранились точные документальные свидетельства, связанная с этим общая слабость политической системы вынуждали правительство избранного «всею землею» царя опираться на авторитет Земских соборов и сложившуюся практику местного губного и земского самоуправления, обращаться к выработанным в Смутное время формам организации взаимодействия правительственной власти и власти на местах. Эффективность подобного взаимодействия отчетливо проявилась во время Московского похода польского королевича Владислава (1617-1618 гг.), войску которого удалось прорваться к русской столице. Во время этого нашествия снова были парализованы основные, подконтрольные правительству, механизмы управления страной. По городам вновь послали бояр и воевод «с товарищи»: в Ярославль – боярина и воеводу князя И.Б. Черкасского, дьяка М. Данилова, стольника и воеводу князя Г.В. Тюфякина; в Нижний Новгород боярина и воеводу князя Б.М. Лыкова, второго воеводу И.А. Колтовского, стольника и воеводу князя Ф.А. Елецкого, дьяка Д. Образцова. Они ссылались с местными властями и выборными людьми, собирая силы для организации отпора врагу.

Восстановление разрушенного в годы Смутного лихолетья государственного управления, несмотря на благоприятное разрешение в феврале 1613 г. династического вопроса было затруднено продолжающейся интервенцией со стороны Польско-Литовского государства и Швеции. После освобождения Москвы и избрания на российский престол Михаила Федоровича Романова последовала еще большая эскалация военного конфликта с этими государствами, которых считали себя обманутыми в надеждах на подчинение Московской Руси.

Продолжающаяся война требовала восстановления военной организации страны, больших финансовых и материальных издержек со стороны нового правительства. Вскоре после воцарения М.Ф. Романова была осуществлена массовая рассылка воевод по городам (в 1614-1615 гг. воеводы были назначены в 120 городов, включая и города Центральной России, где раньше их не было). Все они получили письменные указы, согласно которыми вместе с назначенными им в помощь осадными и стрелецкими головами должны были осмотреть и исправить укрепления своих крепостей, переписать военное имущество и годных к военной службе ратных людей, собрать тех из них, которые «в разорение» разбежались из своих городов, сформировав из них новые воинские подразделения.

Для обеспечения регулярной выплаты денежного жалования военным правительству пришлось пойти на введение чрезвычайных налогов – сбора с населения т.н. «пятой деньги». Санкцию на это давали оставшиеся в Москве участники действующего на постоянной основе Земского собора 1613-1615 гг. Уже в 1614 г. избранные «всею землей» люди принимают приговор о сборе в стране «пятой деньги» (первой «пятины»); в 1615 г. - о сборе второй «пятины». Материальное обеспечение находящихся на государственной службе ратных людей было особой заботой следующего Собора (1616-1618 гг.). С этой целью в марте 1616 г. соборные люди принимают решение о сборе третьей «пятины» (в отличие от чрезвычайных сборов 1614 и 1615 гг. взимавшейся уже не представителями центральной власти, а выборными с мест - тем самым правительство пыталось избежать злоупотреблений, совершаемых приезжими сборщиками; с этой же целью в каждом уезде заранее определялась подлежащая сбору сумма денег), в июне 1617

г. - четвертой, а в апреле 1617 г. - пятой, хотя в царской грамоте в Тотьму от 11 апреля 1617 г. не было ссылок на соборное решение, а указывалось лишь на боярский приговор. Чрезвычайные налоги собирались и впоследствии. Именно с помощью этих мероприятий правительству удалось сравнительно быстро восстановить почти полностью разрушенную в Смутное время военную организацию государства.

* * *

После освобождения Москвы, несмотря на тяжелое состояние русского войска, русское правительство попыталось освободить захваченные врагом западные города, используя имевшиеся в его распоряжении земские ополченские и казацкие войска. Первоначально военные действия складывались для русского оружия удачно. На северо-западе страны в июне 1613 г. отряд князя С.В. Прозоровского и Л.А. Вельяминова освободил Тихвин. Но предпринятое в конце 1613 – начале 1614 г. русским войском под командованием Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Даниила Ивановича Мезецкого наступление на Новгород закончилось тяжелым поражением под селом Бронницы, расположенным в 30 верстах от Новгорода на реке Мсте. Подошедшее сюда в апреле 1614 г. войско Трубецкого устроило рядом с Бронницами, в месте впадения в р. Мста речки Глушница, острожек, другое такое же укрепление было воздвигнуто за Мстой. Московская рать, составленная в основном из ополченцев, в полной мере унаследовала достоинства и главные недостатки земской рати: прежде всего слабую дисциплину, настороженность в отношениях между дворянами и казаками и порочную практику удовлетворения своих потребностей в припасах за счет местного населения («Бяше же у них в рати нестроение великое и грабеж от казаков и ото всяких людей»). «Нестроением» в русском войске не замедлил воспользоваться Делагарди. 14 июля 1614 г. шведы атаковали полки Трубецкого, разбили их и блокировали русский лагерь, в котором вскоре начался голод. Узнав о поражении, царь Михаил Федорович велел Трубецкому отступить к Торжку. При прорыве из окружения русские понесли большие потери. Среди попавших в плен оказались казацкие атаманы Чаадай Степанов, Данила Мальцев, Степан Беляев, Семен Балака. После поражения под Бронницами русские гарнизоны оставили города Старую Руссу и Порхов.

Воодушевленные победой шведы 10 сентября 1614 г. взяли Гдов и предприняли ряд попыток взять Псков, осаду которого возглавил сам шведский король Густав II Адольф. В составе шведского войска в военных действиях участвовали отряды новгородских дворян: Никиты Калитина (при шведах находившегося на воеводстве в г. Ямбурге) и И.А. Мещерского (получившего назначение воеводой в Порхов). Во время псковской осады 1615 г. при короле находились также С. Муравьев, И.И. Одоевский (сын новгородского воеводы) и другие русские служилые люди.

В центральной части России моментом наивысшей опасности для очень слабого в военном и экономическом отношении Московского государства стала осень 1618 г., когда польское войско, ведомое королевичем Владиславом и гетманом Карлом Ходкевичем, подошло к Москве, вновь заняв село Тушино, некогда бывшее резиденцией Лжедмитрия II. Однако ни шведам короля Густава-Адольфа под Псковом, ни полякам Владислава и Ходкевича под Москвой не удалось достичь поставленных целей. Разбитые на приступах, интервенты вынуждены были, отвести свои войска, понесшие большие потери и начать переговоры о мире, в котором Московское государство нуждалось гораздо больше своих противников. Заключенные с огромными для России территориальными потерями - Столбовский мир со Швецией и Деулинское перемирие с Речью Посполитой - дали Московскому государству столь необходимую ему мирную передышку для восстановления разрушенной и опустошенной страшной междоусобицей страны.

По Столбовскому миру, подписанному 27 февраля 1617 года в деревне Столбово, недалеко от города Тихвина, Швеция возвратила Московскому государству захваченные ее войсками, начиная с 1610 г., города Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов и

Сумерскую волость. Однако русское правительство вынуждено было пойти на значительные уступки, признав переход к Швеции Карелии и Ижорской земли с городами Корелой, Ям-городом, Копорьем, Орешком и Ивангородом. Проживавшие в на этих территориях русские люди, кроме крестьян и приходских священников, получили право в течении двух недель покинуть родные места и переехать на земли оставшиеся за Московским государством. Кроме того, представлявшие Россию послы - суздальский наместник князь Даниил Иванович Мезецкий и шацкий наместник Алексей Иванович Зюзин - обязались выплатить Густаву II Адольфу 20 тысяч рублей «доброй ходовой, не фальшивой монетой».

Деулинское перемирие было подписано 1 декабря 1618 года в селе Деулино, недалеко от Троице-Сергиева монастыря, осажденного тогда войском польского королевича Владислава. Представители Польши и России условились прекратить военные действия и заключили перемирие сроком на 14,5 лет. Русские послы наместник псковский боярин Федор Иванович Шереметев, наместник суздальский боярин Даниил Иванович Мезецкий, наместник калужский окольный Артемий Васильевич Измайлов и дьяки Иван Болотников и Матвей Сомов вынуждены были согласиться на уступку Речи Посполитой смоленских и черниговских земель с городами: Смоленском, Белой, Дорогобужем, Рославлем, Монастыревском, Моровском, Черниговым, Стародубом, Поповой горой, Новгород-Северским, Почепом, Трубчевском, Серпейском, Невелем, Себежем, Красным, и Велижской волостью. Москве возвращались захваченные поляками города Вязьма, Козельск, Мещовск, Мосальск и село Борисово в Можайском уезде. К 25 февраля 1619 г. их должны были передать русским властям. Королевич Владислав, ссылаясь на свое избрание москвичами в августе 1610 года русским государем, продолжал именовать себя царским титулом и претендовать на российский престол. Деулинское перемирие 1618 г. сделало возможным возвращение из польского плена отца нового русского царя Михаила Федоровича Романова ростовского митрополита Филарета, вскоре после этого ставшего патриархом. Освобождены были прославившийся героической обороной Смоленска боярин Михаил Борисович Шеин, а также все русские «вязни» (пленники), содержащиеся в Полоцке, Дорогобуже, Белой «и на иных ближних городех и в государских пулках и у пулковников и в которых-нибудь литовских пулках». Всех их, согласно условиям договора, следовало отпустить «без всякое хитрости к Москве, и корм и подводы им дать». Русские власти в ответ должны были отпустить всех польских пленных.

СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 1632-1634 ГГ.

В исторической науке события Смоленской войны, как правило, соотносятся с Тридцатилетней войной 1618-1648 гг. - первым масштабным всеевропейским вооруженным конфликтом. Однако, при очевидном антипольском, а в итоге и антигабсбургском курсе Московского государства, включение России в группировку стран, борющихся с Католической лигой и Империей Габсбургов, стало бы большой и серьезной ошибкой. Русское правительство, используя благоприятную международную обстановку, стремилось решить свои территориальные проблемы, порожденные крайне неудачным исходом войны с Польско-Литовским государством в начале XVII в., по завершении которой согласно условиям Деулинского перемирия 1618 г., Россия потеряла Смоленскую и Северскую земли. Совпадение дат -заключения русско-польского соглашения в селе Деулино и начала Тридцатилетней войны примечательно. Империя, нанося удар по протестантским государствам Германии, теперь могла рассчитывать на значительно упрочившую свои позиции Речь Посполитую, ставшую своеобразным форпостом католического мира против серьезно ослабленного в Смутное время Московского государства, значительно окрепшей в военном отношении Швеции и все еще грозной Турции. Союзнические отношения между державой Габсбургов и Польско-

Литовским государством были оформлены в 1621 г. договором о взаимопомощи, подписанном соответственно императором Фердинандом II и польским королем Сигизмундом III.

К началу 1630-х гг. Россия, смогла оправиться от удара нанесенного ей в начале XVII в. интервентами, что стало неприятным сюрпризом для руководителей мощного объединения католических государств, полагавших, что в момент решительного столкновения с коалицией протестантских стран и Францией, ослабленная прошлыми поражениями Россия окажется вне начавшейся в Европе большой войны. С целью нейтрализации быстро крепнувшего Московского государства, финансовая стабилизация которого была достигнута благодаря жестко контролируемой царской монополии на продажу хлеба и других важнейших экспортных товаров, Империя на долгие годы отказалась от помощи одного из первейших и надежных своих союзников - Польско-Литовского государства, действия которого были связаны нависшей над его восточными границами русской угрозой.

Для антигабсбургской коалиции, и прежде всего для Швеции, произошедшее быстрое государственное возрождение России и нескрываемая враждебность, выказанная ее правительством к Польше, открывали заманчивые перспективы для использования русской финансовой и военной поддержки. Ожидания и расчеты шведского короля Густава II Адольфа, стремившегося втянуть Московское государство в орбиту своей политики, вполне оправдались. Несмотря на заключение им 26 сентября 1629 г. Альтмаркского перемирия с Польшей, оставившего Россию по сути наедине с Речью Посполитой, правительство Михаила Федоровича и Филарета Никитича, продолжило согласованную ранее со Швецией подготовку к войне с Польско-Литовским государством. Москва не скрывала намерения вернуть Смоленщину и Черниговщину, а при успешном развитии событий отвоевать белорусские и украинские земли. Свою роль сыграла не только не оправдавшаяся надежда на турецкую помощь, но и обещание военно-технического содействия со стороны Швеции. Об этом недвусмысленно говорили в Москве представители Стокгольма Жак Руссель, Иоганн Меллер и Антон Мониер, разъяснившие русским властям причины прекращения польско-шведской войны, начатой еще при его отце Карле IX в 1598 г. Шведские дипломаты, оправдывая действия своего короля, ссылались на необходимость начала военных действий против войск союзной Польше Католической лиги, теснившей слабые армии немецких протестантов. Определенная помощь России была действительно оказана. Необходимо отметить факт передачи шведами, по прямому распоряжению Густава II Адольфа, секретной технологии отливки легких (полевых) пушек, использование которых в военных действиях давало в то время шведам решающее преимущество перед вражескими армиями. В январе 1630 г. в Москву приехал пушечный мастер Юлиус Коет, наладивший производство артиллерийских орудий нового образца. В 1632 г. под техническим руководством другого посланца шведского короля Андрея Винууса основаны тульский и каширский оружейные заводы. Впрочем, содействие Густава II Адольфа в техническом переоснащении русской армии и пополнении ее нанятыми в Германии военными специалистами, было щедро оплачено поставками русского хлеба. Швеция, испытывавшая серьезные финансовые трудности, могла содержать огромную армию, насчитывавшую в 1632 г. 147 тысяч человек, лишь за счет французских субсидий и хлебных спекуляций русским зерном, перепродававшимся затем в Голландии. За шесть лет (1628-1633 гг.) санкционированный властями вывоз из России дешевого хлеба принес королевской казне чистого дохода 2 408 788 рейхсталеров. На это обстоятельство первым из исследователей обратил внимание К.И. Якубов, позднее его расчеты были подтверждены Б.Ф. Поршневым.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Россия, не участвуя в Тридцатилетней войне, поддерживала те воюющие государства, на помощь которых она могла рассчитывать в предстоящей борьбе с Речью Посполитой. Отсутствие формального договора о взаимодействии русских, шведских и турецких войск спасло Польшу от

неминуемого разгрома. В решающий момент военного столкновения Московское царство оказалось один на один с Польско-Литовским государством, еще в 1628 г. проинформированном французским правительством о начатой в России подготовке к войне с поляками. Благодаря своевременному предупреждению, Речь Посполитая спешно заключила мир со Швецией и сумела подготовиться к отражению русской атаки на Смоленск.

* * *

Подготовка к войне потребовала от московского правительства чрезвычайных усилий и огромных денежных затрат. Основное внимание было уделено улучшению организации и вооружения русской армии. К 1630 г. общая численность московского войска достигла 92 555 человек. Однако использовать в военных операциях командование могло менее четверти всех наличных боевых сил. Из названного числа ратных людей на городской службе находилось около 72 тыс. человек. Оставшихся 20 тыс. человек полковой службы не хватало даже для обороны границ. Необходимость реорганизации вооруженных сил была очевидной.

В начале 1630 г. в города Ярославль, Кострому, Углич, Вологду, Великий Новгород прибыли распоряжения о наборе на государеву службу оставшихся беспоместными детей боярских, которым предписывалось быть в «ратном наученье» в Москве у нанятых за границей «кормовых немцев» - Александра Лесли и Франца Цецнера. Предполагалось сформировать два полка «солдатского строя», по 1000 человек в каждом. Всем записавшимся в солдаты детям боярским было обещано «для их бедности» жалованье в размере 5 рублей на человека в год и кормовые деньги по алтыну в день. Каждый из них получал казенную пищаль, порох и свинец. Этим царским указом было положено начало созданию в России полков «нового строя».

Как видно из текста грамоты костромскому воеводе князю Петру Федоровичу Волконскому, первоначально власти планировали укомплектовать новые полки лишь беспоместными служилыми людьми, неспособными из-за бедности нести полковую службу «со своим городом», сформировав таким образом в дополнение к дворянской коннице дворянскую пехоту нового строя. Весьма показательно, что дворяне-солдаты не лишались сословных прав и продолжали числиться в Разрядном приказе «в списках ... с их братьею в детех боярских с города по прежнему».

Однако попытка сформировать солдатские полки лишь из обедневших служилых людей «по отечеству» не удалась. Общее число записавшихся в солдатскую службу детей боярских не превышало 60 человек. Власти вынуждены были допустить также к записи в солдаты вольных людей недворянского происхождения: казаков, татар и их родственников. К декабрю 1631 г. в полках А. Лесли и Ф. Цецнера числилось уже 3323 человека. Каждый полк делился на 8 рот во главе с полковником, полковым большим поручиком (подполковником), майором (сторожеставцем) и пятью капитанами. Под началом ротных капитанов находились: поручик, прапорщик, три сержанта (пятидесятника), квартирмейстер (окольничий), каптенармус (дозорщик над ружьем), шесть капралов (есаулов), лекарь, подъячий, два толмача, три барабанщика и 200 рядовых солдат, из них 120 пищальников (мушкетеров) и 80 копейщиков.

Призывом русских служилых людей дело не ограничилось. В 1630 г. в Россию начинают прибывать, нанятые при шведском посредничестве, иностранные офицеры и солдаты. Их принимали в Великом Новгороде князь Василий Романович Барятинской, Ефим Самарин и дьяк Никифор Спиридонов.

В начале 1632 г., незадолго до начала русско-польской войны, число солдатских полков было увеличено до шести. Четыре таких регимента, полностью укомплектованные офицерами и рядовыми приняли участие в походе на Смоленск; пятый и шестой были направлены в армию М.Б. Шеина в июне 1633 г.

Успешный опыт создания пехотных солдатских полков московское правительство распространило и на конницу. С середины 1632 г. началось формирование первого рейтарского полка, первоначальная численность которого была определена в 2000 человек.

Служба в кавалерии являлась более привычной и почетной для служилых людей и, в отличие от солдатских полков, в новый рейтарский полк охотно записывались обедневшие дворяне, неспособные собраться в поход собственными силами. К декабрю 1632 г. в нем состоял на довольствии 1721 рядовой рейтар из дворян и детей боярских. Командование решило увеличить численность полка до 2400 человек, сформировав в рейтарской части особую драгунскую роту. Процессу быстрого комплектования полка способствовали два обстоятельства. Привлекательность рейтарской службы объяснялась, помимо вышеуказанной причины, более щедрой ее оплатой - рядовые рейтары получали ежемесячно по 3 рубля денежного жалования и по 2 рубля на содержание строевых коней.

Рейтарский полк состоял из 14 рот во главе с ротмистрами и полковыми командирами. Во время Смоленской войны правительство сформировало драгунский полк, два солдатских полка и отдельную солдатскую роту. Эти части были укомплектованы даточными людьми, взятыми с монастырей и поместий, владельцы которых сами не могли выступить в поход (отставных дворян и детей боярских, вдов служилых людей, недорослей). На войну брали по одному конному человеку с 300 четвертей земли «добрых и оружных», сроком на один год или до тех пор «пока Смоленск не очистят».

Драгунский полк состоял из 1600 человек (в том числе 1440 рядовых драгун), разделенных на 12 рот, по 120 рядовых в каждой. Драгуны получали из казны лошадей, оружие, денежное довольствие по 4 рубля в год на одежду и седло, и месячный корм. Вооружение драгун состояло из пищали (или мушкета) и пики. Полк имел артиллерию в составе 12 малых пушек с пушкарями и боезапасом 24 ядра на пушку.

Таким образом, за три с половиной года до войны и во время ее правительство сформировало 10 полков нового строя, общей численностью до 17 тыс. человек; из которых к началу войны были готовы 6 солдатских полков (9000 человек). Не довольствуясь, первым опытом формирования полков нового строя, московские власти приняли решение использовать в предстоящей войне с Польшей войска, нанятые за границей. Набор 4 полков ландскнехтов был осуществлен уже упоминавшимся выше полковником шведской службы Александром Лесли, направленным в Россию лично Густавом II Адольфом. Получив в русской армии чин «старшего полковника», соответствующий тогда чину генерала, Лесли отправился в протестантские княжества Германии, где набрал около 5 тыс. солдат и переправил их в Россию. Попытка использовать в войне с поляками европейский военный опыт закончилась неудачей. Видимо сказалось обстоятельство, вскрытое А.В. Бородиным, автором рецензии на нашумевшую в свое время монографию Е.Д. Сташевского, посвященную организации и состоянию русской армии в годы Смоленской войны. Исследователь пришел к выводу, что «момент для найма оказался неблагоприятным, так как он совпадал с самым разгаром Тридцатилетней войны, когда спрос на ландскнехтов непрерывно увеличивался, так что Лесли с трудом удалось нанять четыре полка, отличавшихся не только плохими военными качествами нанятых банд, но и своею национальною разношерстностью...». Впрочем, в 1632 г. московское правительство, считало сформированные из иноземцев и русских людей части вполне боеспособными. Полагаясь на их выучку и надеясь на поддержку своих военных усилий со стороны Швеции и Турции, оно вступило в решительное вооруженное противоборство с Польско-Литовским государством. Русская военная активность вызвала горячее одобрение у короля Густава. Более реалистично смотрел на состояние московского войска шведский резидент И. Меллер, накануне войны отметивший в своем донесении королю, написанном в июле-августе 1632 г., что Россия к этой войне еще не готова.

* * *

Событием, ускорившим начало военных действий, стала кончина польского короля Сигизмунда III, последовавшая 30 апреля 1632 г. Стремясь использовать сложившуюся ситуацию, русское правительство пошло на демонстративное нарушение условий Деулинского перемирия, заключенного 1 декабря 1618 г. сроком на 14,5 лет. (Формально действие его заканчивалось 1 июня 1633 г.). Решение властей о начале войны с Польшей до истечения перемирных лет поддержал Земский собор, состоявшийся в Москве в июне 1632 г. Военных планов русского правительства не изменило даже произошедшее в те же июньские дни неожиданное нападение крымских татар на южные «украины» Русского государства. Примечательно, что хан Джанибек-Гирей нарушил строжайший запрет своего сюзерена турецкого султана Мурада IV, заинтересованного в сохранении добрососедских и даже союзнических отношений с Россией. Сделанный А.А. Новосельцевым анализ причин этого первого за многие годы большого похода крымцев, не объясняет главного - избранного татарскими и ногайскими мурзами направления своего удара. Исследователь связывал нападение на русские земли с неудачным походом Джанибек-Гирей и Кантемир-мурзы на польские владения на правобережной Украине, состоявшимся в 1629 г. С нашей точки зрения, подобное объяснение лишь запутывает проблему - в условиях разгоравшегося между Москвой и Варшавой конфликта Джанибек-Гирей, наоборот, получил шанс отыгаться за упомянутое тяжелое поражение. Тот факт, что вместо польских пределов вся мощь крымских атак обрушилась на русскую границу, ослабленную уходом донских казаков и лучших воинских контингентов в армию М.Б. Шеина, вынуждает более пристально рассмотреть сообщения о происходивших тогда польско-крымских контактах. Ранее считалось, что первое обращение «литовских» властей о помощи против «москвитов» было получено (и благосклонно принято) Джанибек-Гиреем лишь ранней осенью 1632 г. Однако в показаниях, взятых во время этого набега татарских «языков» содержится любопытное упоминание о том, что еще весной 1632 г. «приехал в Казлев (Гезлев – В.В.) рекою Днестром в судне из Литвы литвин, да с ним крымский татарин, который был взят в полон тому года с три, а привез де тот литвин к крымскому царю грамоты, а говорят де, что тот литвин прислан из Литвы к царю о мире, а они де, после того литвина приезда в Крым, пошли на Русь в войну месяц спустя».

Татарское нападение задержало выступление главных русских сил к Смоленску. Только 3 августа 1632 г. передовые части армии, верховное командование которой было вручено боярину Михаилу Борисовичу Шеину и окольникему Артемию Васильевичу Измайлову, выступили в поход. Разрядным делопроизводством при больших воеводах ведали дьяки Александр Дуров и Дмитрий Карпов.

9 августа Москву покинули главные силы армии М.Б. Шеина, двинувшиеся к приграничному Можайску, где было продолжено комплектование походного войска. Из-за сохраняющейся военной опасности на южных границах сбор полков затягивался, поэтому воеводы вынуждены были задержаться в Можайске до начала осени. Лишь 10 сентября Шеин получил долгожданный указ с повелением начать военные действия против Польши. Несмотря на осеннее ненастье, задержавшее продвижение обозов и артиллерии, поход русской армии начался успешно. В октябре-декабре 1632 г. русскими войсками были заняты Кричев, Серпейск, Дорогобуж, Белая, Рославль, Трубчевск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Батурин, Невель, Себеж, Красный и некоторые другие города.

5 декабря 1632 года русское командование начало наступление на Смоленск. К тому времени численность армии Шеина достигла 32 тыс. человек. Ей были приданы 151 орудие и 7 «верховых» пушек-мортир, при которых состояло 184 пушкаря. В числе этих орудий были огромные пищали «Инрог» (стрелявшая ядром весом в 1 пуд 30 гривенок), «Пасынок» (1 пуд 15 гривенок), «Волк» (1 пуд), две «верховые» пушки, вес ядра которых достигал 2 пуда и несколько-mortир, стрелявших ядрами в 2 пуда и меньше. Однако транспортировка «стенобитного наряда» затянулась на долгие месяцы. «Великие» пушки были доставлены к армии лишь в марте 1633 г.

Осада Смоленска началась 17 сентября 1632 г. Русские не торопились штурмовать первоклассную крепость, но окружили город, «поделав сильные блокаузы, острожки, рвы, перекопы, шанцы и проч.».

Смоленский гарнизон насчитывал, по сообщению перебежчика («выезжего немчина») поручика Ричарда Стивенса, 2090 человек. Оборону города возглавил подвоеводе капитан Самойло Соколинский, помощником его был поручик Якуб Воеводский. Осажденные имели достаточные запасы продовольствия и испытывали нужду лишь в боеприпасах. В направленном в Москву донесении воеводы, со слов Р. Стивенса, сообщали: «А зельем де в Смоленску незапасно, только ныне в Смоленску пушечного и ручного зелья 90 бочек, и те бочки небольшие, потому де и стрельбы из города живет мало, что поблюдают зелья». Однако, несмотря на это затруднение, о котором стало известно русским властям, полякам удалось продержаться в осажденном городе 8 месяцев, дождавшись подхода к Смоленску польской армии во главе с избранным 13 ноября 1632 г. королем Владиславом IV.

Мощную крепость, укрепленную в свое время лучшими военными инженерами, можно было взять лишь долгой правильной осадой. Время года, избранное русским командованием для начала военных действий под Смоленском, не способствовало их благополучному завершению. С началом осеннего ненастья, полевые армии отводились на зимние квартиры. Редкие отступления от этого правила, при отсутствии регулярного снабжения войск заканчивались обычно тяжелыми поражениями отрядов и армий, действовавших на вражеской территории вдали от основных своих баз. Осада Смоленска подтвердила эту истину.. Зимние месяцы 1632-1633 гг. русские ограничивались блокадой крепости и лишь в ночь на Рождество Христово «стали в первый раз пробовать счастья», атаковав крепость со стороны «Сарлового» (Сигизмундова -?) укрепления. По-видимому, при недостатке осадной техники, ставка была сделана на внезапность атаки, но противник был настороже и осаждающие прекратили штурм. Только в марте 1633 г. из Москвы доставили осадную артиллерию и начали бомбардировку города. Орудийным огнем и минами, подведенными под стены Смоленска, была разрушена часть городских укреплений. Тем не менее, осажденные успели сделать насыпной вал за разрушенными участками стены и отбить два русских приступа, произошедшие 26 мая и 10 июня 1633 г. Неудачные штурмы крепости парализовали армию Шеина, войска которого более не предпринимали активных действий под Смоленском.

Активность русских сил сдерживала группировка литовских войск под командованием Александра Гонсевского и Христофора Радзивилла, расквартированная в 40 верстах от Смоленска под селами Красным и Баево. Несмотря на малочисленность находившихся в их распоряжении отрядов (по польским сведениям в войске гетмана Х. Радзивилла было всего 4580 человек), литовцы постоянно тревожили русскую армию, 17 марта 1633 г. им удалось перебросить в Смоленск подкрепление (сначала 500 человек, а затем еще 400 с поручиком гетманским паном Медеянским) и необходимые припасы, поддержав боеспособность защищавшего город польского гарнизона. Вопреки настойчивым требованиям воеводы Передового полка окольного князя Семена Васильевича Прозоровского атаковать войско гетмана, «покамест он нам в силу», главнокомандующий Шеин занял выжидательную, пассивную позицию, предоставив инициативу противнику. В итоге это привело его армию к поражению.

Военные действия не ограничились операциями на смоленском направлении. Русские воеводы попытались атаковать противника и на других направлениях, поляки и литовцы наносили ответные удары.

Передовые неприятельские отряды приходили в Себежский уезд и под Путивль уже в конце декабря 1632 – начале января 1633 г. Эти авангарды были сравнительно легко отражены. Особенно тяжелые потери понес пришедший в себежские места отряд пана Корсака (200 чел.). Он был настигнут и разбит русскими стрельцами и конными казаками на реке Орлее в 20 верстах от Себежа. В бою погиб и сам Корсак. В конце января 1633 г.

под Себежем был разбит еще один литовский отряд, которым командовали полковник Комар и ротмистры Кирик и Озеричкий. По их следам русскую границу перешли более значительные силы. 27 февраля 1632 г. Путивль штурмовал 5-тысячный отряд полковника А. Пясочинского, но возглавлявшие оборону города воеводы князь Андрей Федорович Мосальский и Андрей Усов отразили вражеское нападение. Устроив вылазку, русские воины сражались «с теми литовскими людьми <...> во весь день и, Божиею милостию, а государя <...> счастием, польских и литовских людей побили, а в языцах взяли 32 человека». В марте 1633 г. 2-тысячный отряд полковника Волка напал на Стародуб, но не смог овладеть хорошо укрепленным городом и отступил. В апреле противник также безуспешно штурмовал Новгород-Северский, в мае – Путивль. Но в июне 1633 г. на южную русскую границу обрушилось 5-тысячное запорожское войско полковника Яцка (Якова) Острянина. Казаки взяли и разорили город Валуйки, а затем осадили Белгород. Противнику удалось захватить острог, но 22 июля 1633 г. при штурме Белгорода черкасы понесли тяжелые потери (только убитыми 400 человек) и вынуждены были отступить. Совершенно неожиданной для противника стала вылазка, организованная защитниками Разуменских ворот. Оборонявшийся здесь отряд под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого, численностью 214 человек (24 станичных головы, 86 дворян и полковых детей боярских, 28 станичных детей боярских, 9 стрельцов, 63 донских и два верстанных казака, а также стрелецкий сотник и подьячий съезжей избы Потап Степанов), внезапно атаковал запорожцев. Белгородцы не только разрушили установленные под стенами крепости туры, щиты, приметы и лестницы, но и уничтожили 78 казаков, остальных обратив в бегство, а одного из них взял в плен.

На северо-западном (псковском) участке фронта русские войска продолжали атаковать литовское пограничье. В конце мая 1633 г. войско Петра Лукомского и Семена Мякинина ходило из Великих Лук на Полоцк. 2 июня оно овладело полоцким острогом, но затем вынуждено было отступить, так как подвоеводе Я. Лисовский с оставшимися у него «немногими» людьми смог удержаться во внутреннем замке. Однако Полоцк был страшно разорен. Как доносил в Москву луцкий воевода Петр Александрович Репнин его подчиненные в этом походе «многих полских и литовских людей побили и ротмистра гайдутцкого убили и острог и в остроге посадки и за Полотою рекою посадки ж выжгли и высекли без остатков. И многие де литовские люди во дворех заперлись и погорели и в Двине многие потонули. И наряд и знамена и барабаны и языки литовские поимали». На обратном пути войско П. Лукомского и С. Мякинина довершили разорение Полоцкого повета. Летом 1633 г. другие русские отряды совершили нападение на велижские, усвятские и витебские места.

События лета - начала осени 1633 г. стали переломными в ходе военных действий. Определенное воздействие на утрату Россией стратегической инициативы оказало новое нападение крымцев. В мае-июне 1633 г. большое татарское войско царевича Мубарек-Гирея, «по закупке» польского короля, вторглось в южнорусские уезды. Прорвавшись через Оку, крымские и ногайские отряды дошли до Каширы, опустошив значительные территории Московского, Серпуховского, Тарусского, Рязанского, Пронского и других уездов.

Очевидно, что польско-литовские, запорожские и татарские атаки на южнорусские города и псковское пограничье призваны были отвлечь внимание московского командования от Смоленска и, по-видимому, достигли своей цели.

В августе 1633 г. начался поход нового польского короля Владислава IV, стремившегося одним ударом решить исход войны. 9 мая гнездинский епископ освятил королевскую рапиру и знамя. В тот же день польская армия выступила из Варшавы на помощь Смоленску. 25 августа его 15-тысячное войско подошло к осажденному городу. В этой ситуации Шеин занял выжидательную позицию, что и предопределило поражение его армии. Бездействие русских воевод было отмечено даже в польских документах. Автор «Дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королевичем Владиславом 1632-

1634 г.» писал, что при приближении польской армии «неприятель смотрел на это и ни разу не выстрелил и не двинулся из своих острожков». Воспользовавшись пассивностью русского командования, Владислав в тот же день «ударил на передовые неприятельские острожки и <...> вытеснил неприятеля из острожка, защищавшего мост, перекинутый через Днепр». Окончательно судьбу кампании сражение у Покровской горы 11-13 сентября. Оно завершилось поражением русской армии, блокированной в своем лагере под Смоленском. Узнав о тяжелом положении Шеина, из Москвы были срочно направлены подкрепления: рать князя Василия Ахамашуковича Черкасского и князя Ефима Федоровича Мышецкого, состоявшая в основном из даточных людей. Однако соединиться с главной армией резервные войска не смогли – к этому времени «король под Смоленским острожки поимал и в город прошел». Полки Черкасского и Мышецкого вынуждены были стать в Дорогобуже, в спешно построенном острожке на реке Пнева.

Королевское войско, подошедшее к местам боев в августе 1633 г., окружило русский лагерь под Смоленском линией своих укреплений. Позже оно было усилено приходом 20-тысячной запорожской армии под командованием гетмана Тимофея Арандоренко. Полякам и запорожцам не удалось с ходу разбить стоявшую под городом армию Шеина, однако она оказалась полностью блокированной поляками. В течении четырех месяцев, будучи отрезанными от своих баз снабжения, русские войска отбивали атаки королевских войск. 15 февраля 1634 года, не имея никакой связи с Москвой, под нажимом немцев-полковников, М.Б. Шеин вынужден был согласиться начать переговоры с поляками об условиях «почетной» капитуляции. По условиям заключенного между русскими воеводами и гетманом Христофором (Криштофом) Радзивиллом договора, подписанного в королевском лагере 21 февраля 1634 г., русские войска с личным оружием, но без артиллерии, запасов и снаряжения, беспрепятственно отступили к границе. Самым тяжелым условием соглашения стало вынужденное согласие Шеина выдать полякам всех перешедших на его сторону перебежчиков. В дальнейшем именно этот пункт договора, заключенного главным русским воеводой без согласия Москвы, сыграл решающую роль в его судьбе*.

О потерях армии Шеина, свидетельствуют следующие данные: численность ушедших с ним из под Смоленска воинов равнялась 8056 человек, оставшихся на излечении в русском лагере больных и раненных воинов оказалось 2004 человека. По условиям соглашения, после излечения они должны были вернуться в Россию. Из 2140 иностранных солдат, оставшихся в составе русского войска, около половины тогда же перешло на службу к полякам.

Тяжелое положение главной русской армии под Смоленском вынудило московское правительство срочно приступить к формированию резервной рати, во главе которой были поставлены известные военачальники князь Д.М. Черкасский и князь Д.М. Пожарский. Костяк войска составил государев «двор» и отряды городских дворян, спешно переброшенные в Можайск. Однако в боях с поляками эта армия не участвовала. По-видимому, правительство просто побоялось лишиться своей последней защиты. Русские войска на других участках фронта также были скованы наступлением значительных сил неприятельской армии. Так, в январе 1634 г. под Себеж пришли полковники Лузгиня и Муравицкий, имевшие под своей командой 2300 гусар и черкас. По сообщению языков, противник собирался продолжить наступление в направлении Опочки, Великих Лук и Невля. Действительно, в начале весны 1634 г. отряды полковника Муравицкого приходили

---

* 28 апреля 1634 г. Михаил Борисович Шеин, Артемий Васильевич Измайлов и его сын Василий Артемьевич Измайлов были казнены в Москве по приговору Боярской думы, вынесенному 18 апреля. Имущество их было конфисковано, а члены семей сосланы. Младшие воеводы осаждавшей Смоленск армии кн. Семен Васильевич Прозоровский и кн. Михаил Васильевич Белосельский были приговорены к ссылке в Сибирь, но участь их была несколько смягчена. С.В. Прозоровский был сослан в Нижний Новгород, а тяжело больной М.В. Белосельский оставлен под домашним арестом в Москве.

под Великие Луки. 29 марта русские войска атаковали неприятеля. Бой продолжался «с ута до раннего вечера». Потерпев поражение, «польские и литовские люди бежали». Преследовали их на протяжении 5 верст. После этой неудачи полковник Муравицкий прорвался в Невельский уезд, был настигнут там, «бою не дал» и ушел «за рубеж к Озерищам». В мае невеликий воевода Никифор Плещеев посылал свои отряды на Озерище. В бою под этим городом литовцы потерпели поражение, укрылись в городе, победители захватили «стада конские и всякую животину» и «отогнали» их на свою сторону.

Ситуация на западном направлении также стабилизировалась. После победы под Смоленском главная польская армия попыталась двинуться на территорию Московского государства, но была остановлена героической защитой гарнизона города-крепости Белая, численностью немногим более 1000 человек. Поляки попытались взорвать укрепления Белой с помощью подземной мины, однако горокопы не смогли точно проложить галлерею и при взрыве фугаса, нисколько не повредившего крепостных сооружений, погибло 100 польских пехотинцев. Вслед за этим, во время вылазки русским удалось ранить самого короля. Всего в боях под городом противник потерял не менее 4 тыс. человек. Неожиданная неудача королевских войск, сказавшаяся на военной славе короля Владислава, вынудила польское правительство прекратить военные действия и начать мирные переговоры с Россией.

В феврале из Москвы под Смоленск был направлен гонец Артемий Агибалов с предложением «съехотца о миру и полониками розменитца на обе стороны». Польская сторона достаточно благосклонно встретила русские предложения. Вместе с Артемием Агибаловым в Москву был направлен пан Миколай Воронец (Вороновский). В ходе предварительных консультаций стороны договорились начать переговоры, на которых Московское государство представляли боярин Федор Иванович Шереметев, окольный князь Алексей Михайлович Львов, окольный Степан Матвеевич Проестев и дьяки Григорий Нечаев и Василий Сергеев. Первые посольские съезды произошли в начале весны 1634 г., к началу июня польским и русским представителям удалось согласовать наиболее спорные условия будущего договора.

4 июня 1634 года между представителями Московского государства и польскими комиссарами - коронным канцлером Якубом Задзиком (Жадзиком) и литовским гетманом Христофором Радзивиллом - был подписан Поляновский мир. Согласно условиям этого соглашения, заключенного в селе Семлево на пограничной реке Поляновке (между Вязмою и Дорогобужем), России возвращался город Серпейск с небольшой округой, границы которой были определены на межевом съезде 1637 г. Поляки обязались передать Москве крестоцеловальную запись русских бояр избранному в 1610 году царем польскому королевичу Владиславу, ставшему теперь королем Речи Посполитой. Нуждаясь в деньгах, он за 20 тысяч рублей отказался от титула «государя всея Руси». Уступая настойчивым требованиям русских послов, поляки согласились вернуть в Россию тело плененного и замученного ими московского царя Василия Ивановича Шуйского.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНЫХ «УКРАЙНАХ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1630-1640-х ГГ.

После произошедшего в 1618-1630-х гг. непродолжительного спада напряженности в отношениях Москвы и Крыма, когда силы ханства были отвлечены участием в экспедициях Турции против Польско-Литовского государства, южнорусская граница вновь стала объектом ожесточенных крымских и ногайских нападений. Между тем, затишье на степных «украинах» усыпило бдительность московского правительства, усилия которого были направлены на подготовку военной кампании против Речи Посполитой, с целью

возвращения потерянных в годы Смутного времени смоленских и северских земель. Издавна существовавшая на юге система оборонительных укреплений (Большая засечная черта; чаще именуемая просто «Черта») оказалась разрушенной во время татарских нашествий 1607-1617 гг. К сожалению, правительство не использовало наступившей затем мирной передышки для восстановления засек и других укреплений вдоль южных границ. Эпизодическое восстановление отдельных участков Черты, происходивший, как правило, после внезапных набегов татарских охотников за полонем, серьезно улучшить оборону границы не могло. До середины 30-х гг. XVII в. на крымской «украине» не было поставлено ни одного нового «жилого» города, для немногочисленных отрядов, выступавших в конце весны в степь строились лишь небольшие «стоялые» остроги. Происходило сокращение числа высылавшихся в степь сторож, маршруты их следования ограничивались ближними подступами к русской границе. Восстановление Белгородской крепости, сожженной черкасами под командованием князя Лыки Лубенского в 1612 г. произошло в 1613 г., когда татарские и ногайские отряды продолжали разорять русские уезды и укрепление границы считалось

одним из первостепенных дел. В 1630 г. была отремонтирована и усилена Белгородская крепость, благодаря чему ее гарнизон в июне 1633 г. смог отразить нападение 5-тысячного черкасского войска полковника Якова Острянина, взявшего и уничтожившего до этого город Валуйку. Служилых людей на южном рубеже не хватало. Многие из находящихся здесь крепостей подверглись в Смутное время разорению и запустели. В Туле в 1616 г. находилось всего 50 стрельцов, в Калуге их не осталось вовсе. Чтобы укрепить оборону этих крупных крепостей правительству пришлось срочно направлять туда московских стрельцов (300 в Калугу и 200 в Тулу). В 1622 г. власти пытались вернуть «всяких жилецких людей, стрельцов и казаков, пушкарей и затинщиков» в Рязьск, покинутый своими защитниками после нападения Лисовского еще при царе Василии Шуйском.

Первые татарские и ногайские атаки, начавшиеся в апреле 1631 г. показали слабость обороны русской степной границы. Еще более опасным стало крымское нападение, совершенное летом 1632 г., вопреки воле султана Мурада IV, в 1627 г. заключившего с Россией направленный против Польши союз. Серьезность положения усугублялась уходом значительной части донского, яицкого и терского казачества в Смоленский поход. В конце апреля – начале мая передовые татарские отряды вступили в русские пределы сразу с трех направлений – Калмиусским, Изюмским и Муравским шляхами. Основное крымское войско мурз Салмаша и Девлет-Гази, под командой которых находилось 20 тыс. человек, в июле 1632 г. перешло реку Северский Донец и начало воевать Ливенский, Карачевский, Курский, Елецкий, Белгородский, Оскольский, Орловский, Мценский, Донковский, Сапожковский, Веневский, Воронежский, Лебедянский, Пронский, Михайловский, Рязьский, Каширский, Печерниковский уезды и Верхоценскую волость. Бои с татарскими отрядами шли под Новосилем, Мценском, Лебедянью и другими русскими городами. Противник настолько осмелел, что, вопреки обычной тактике обхода русских крепостей, в конце августа 1632 г. попытался овладеть городом Лебедянью. По донесению местного воеводы Ивана Скорнякова-Писарева, «Августа ж в 28 д[ень] <...> пришли воинские люди татарове к Лебедяни и розделясь со всех сторон, человек с тысячу, и приступали к посаду и бой был со второго часа и до вечерни <...> татар от посада отбили, и посада и слобод жечь не дали; и на том бою взяли татарина жива, а иных татар перебили и переранили, и бежь, которые бежали из Елецкого и из Лебедянского уездов к городу к Лебедяни многих людей отбили ж».

В 1633 г. татарское нападение повторилось по несомненной «накупке» польского короля, впоследствии приславшего в Крым обещанные им «за московскую войну» 20 телег богатой казны. Польский король имел все основания для столь щедрого дара крымскому хану. Летом 1633 г. 30-тысячное татарское войско под предводительством сына хана Джанибек-Гирея «царевича» Мубарек-Гирея Изюмским шляхом вышло к Ливнам (17 июля

1633 г. «в полдни») и, опустошив пограничные волости, разделилось на «загоны». Как и в прошлом году эти отряды осмеливались нападать даже на посады и пригородные слободы находившихся на их пути городов-крепостей. 1 августа 1633 г. 2-тысячный татарский отряд пытался захватить посады города Пронска и был отбит только после тяжелого многочасового боя. «Комуник» Мубарек-Гирея еще 24 июля вышел под Серпуховым к Оке. В этот день между высланным из города отрядом и татарами произошел жестокий бой в селе Березне за 3 версты от Серпухова. 22 июля войско крымского царевича подошло к Туле Его отряды «к слободам тульским приступали и хотели жечь». Высланные из города ратные люди вступили с татарами в бой «на лугу у Червленной горы». Туляне отбросили противника от города «и слободы уберегли и жечь не дали». Местами отряды Мубарек-Гирея даже «перелезли» реку Оку и достигли окраин Московского уезда. Татарские «загоны» прошли через рязанские, каширские, коломенские, пронские, зарайские, серпуховские, тарусские, оболенские, калужские, алексинские, воротынские, болховские, белевские и ливенские места. Только в этих уездах было захвачено ок. 6 тыс. пленников. Отряды противника воевали и другие южнорусские уезды и волости, но сведений о захваченном в этих землях «полоне» не сохранилось.

Обстановка на границе оставалась напряженной и в последующие годы, что вынуждало правительство и местных воевод принимать чрезвычайные меры по организации обороны южных городов. В 1635-1636 гг. здесь начались крупные работы, которые должны были обеспечить надежную защиту страны от новых татарских нашествий. Но эпизодическая починка отдельных сегментов южных засек не смогла исправить ситуацию. Тогда, в апреле-августе 1638 г., организовав широкое строительство, правительство восстанавливает Большую засечную черту, прикрывавшую ближние подступы к Оке и состоявшую из 12 линий-засек: Шацкой, Ряжских, Рязанских, Каширских, Веневской Веркушинской или Княжей, Тульских, Крапивенских, Одоевских, Лихвинских, Перемышльской, Белевских, Козельских.

Еще раньше начала работ по реконструкции старой линии обороны, в 1635 г. развернулось строительство укреплений Белгородской засечной черты, выдвинутой на юг и состоявшей из 5 больших земляных валов по 35-30 верст каждый (Карповско-Белгородский, Яблоновский, Новоскольский, Усманский, Козловский) и более 20 малых валов. Работы здесь велись до 1653 г. Линия новых укреплений протянулась от реки Ворсклы до реки Челновой почти на 800 верст. В 1647 г. в Среднем Поволжье начинается строительство Корсунской, Атемарской, Потишской, Инсарской и Засурской засеки, позднее составивших Симбирскую черту, строительство которой завершилось в 1654 г.

Продолжающиеся набеги татар, а также новое крепостное и засечное строительство потребовало более надежного прикрытия границы войсками, особенно в местах проведения работ. Иначе могла повториться история со строительством жилого острога на реке Короче, уничтоженного татарами в сентябре 1637 г.

Была заметно увеличена численность «украинных полков» - с 5 тыс. человек в 1631 г. до 12 тыс. (по другим сведениям, до 13 тыс.) в 1635 г. и 17 тыс. в 1636 г. Эта мера сразу улучшила обстановку на южной границе. Задуманный в 1636 г. большой татарский набег оказался сорванным. Крымские и ногайские отряды были встречены войсками, прикрывавшими строительство городов Тамбова, Козлова, Верхнего и Нижнего Ломова, и поспешно отступили в степь.

Отвлекали татар возобновившиеся нападения запорожских и донских казаков на ногайские улусы и азовские места. В августе 1634 г. запорожцы осадили Азов, а в октябре под этой крепостью действовали объединившиеся донские и запорожские отряды, штурмовавшие городские укрепления и едва не овладевшие ими. Однако, захваченная казаками наугольная башня обвалилась, засыпав проход в город. При этом был ранен казачий атаман Епиха Радиллов. Приближение к Азову ногайских отрядов вынудило казаков снять осаду и отступить.

Весной 1635 г. 2 казачьих флотилии разорили окрестности Керчи и захватили в Азовском море 4 турецких купеческих корабля, сожгли город Кают в Турции и благополучно вернулись обратно. Была установлена почти полная блокада Азова. В степи стояли конные казачьи заставы, в устье Дона находились донские и запорожские струги, стерегущие движения вражеских кораблей.

Попытку овладеть Азовом казаки повторили в 1637 г. На этот раз они действовали большими силами и гораздо удачнее. Воспользовавшись начавшейся войной между Турцией и Персией, а также уходом войска крымского хана в поход на Молдавию (в составе этой орды ушли в набег ногаи, улусы которых прикрывали ближние подступы к Азову), казаки задумали напасть на турецкую крепость. 9 апреля 1637 г. в Монастырском городке собрался войсковой круг. На нем было решено «Идти посечь басурман, взять Азов и утвердить в нем веру православную». 20 апреля в поход на Азов выступило войско под командованием походного атамана Михаила Ивановича Татаринова. В его составе было 4 тыс. запорожских казаков атамана Петра Матьяша, которым за участие в этом набеге была обещана половина будущей добычи.

21 апреля 1637 г. крепость была осаждена. Взятие Азова отвечало интересам Русского государства и из Москвы с дворянином Степаном Чириковым в помощь казакам очень своевременно была прислана денежная и хлебная казна, а также большие запасы пороха. На 49 стругах на Дон доставили порох, ядра, 2 тыс. рублей, 400 четвертей сухарей, толокна, круп, 16 бочек вина, 40 поставов сукна, 100 пудов пороха, 50 пудов селитры, 40 пудов серы, 100 пудов свинца и 4200 пушечных ядер, к 84 бывшим у казаков пушкам-пищалам.

Воодушевленные поддержкой донцы начали вести осадные работы, сделав подкоп под стены крепости. Подземные работы возглавил запорожский казак Иван Арадов. На рассвете 18 июня 1637 г. в результате взрыва пороховой мины крепостная стена была взорвана и через образовавшийся в ней большой пролом (ок. 10 саженей) казаки ворвались в город. Тяжелые уличные бои продолжались еще три дня. В ходе штурма донцы и запорожцы потеряли более тысячи человек убитыми и около 2 тысяч ранеными. 4-х тысячный турецкий гарнизон был уничтожен (за исключением укрепившихся в одной из башен последних защитников города, оборонявшихся там почти две недели и только потом заключивших с казаками соглашение, по которому их выпустили в Крым). При штурме Азова истреблению подверглась и большая часть его жителей, промышлявших торговлей русскими пленниками. В руки победителей попали большие трофеи, в том числе вся азовская крепостная артиллерия - на стенах и башнях захваченного города находилось 200 больших и малых орудий.

Победа казаков не осталась незамеченной. Первыми о ней узнали в Москве – 15 июля 1637 г. с донесением туда отправилась легкая станица атамана Потапа Петрова, давшего русскому правительству подробный отчет о последних событиях на Дону. В 1638 г. в Азов русским правительством было прислано царское знамя, «зеленая» и свинцовая казна - 300 пудов пороху и 200 пудов свинца, большие хлебные запасы. Поставки продовольствия и боеприпасов продолжались и в дальнейшем, увеличиваясь, год от года. Воеводы южнорусских городов получили приказ не препятствовать отправке жителей своих уездов на помощь казакам в Азов. Помощь людьми была своевременна – большая часть запорожцев ушла в Приднепровье, где разгоралось восстание под руководством Я. Острянина, К. Скидана и Д. Гуни.

В Стамбуле, несомненно, догадывались о причастности русского правительства к захвату Азова. В отместку за оскорбительную для султана победу казаков хан Бегадыр-Гирей, по воле «турского царя», в начале осени 1637 г. послал в большой набег на Русь «царевича» Сафат-Гирея.

Весной 1638 г. крымский хан попытался урегулировать проблему Азова дипломатическим путем и направил на Дон своего парламентаря ногайского мурзу Салтана Аксак Кальмаметева. 19 апреля посол прибыл к Азову и потребовал возвращения города

Турции. Ответ казаков хорошо передает ту гордость, которую они испытывали от своей победы, плодов которой донцы не собирались уступать без большой войны: «Дотоле у нас казаки место искивали в камышах. Подо всякою камышинкою жило по казаку, а ныне де нам Бог дал такой город с каменными палатами, да с чердаками, а вы де велите его покинуть. Нам еще де, прося у Бога милости, хотим прибавить к себе город Темрюк, да Табань, да и Керчь, да либо де нам даст Бог и Кафу вашу».

В 1638 г. году бои шли и на Азовском море, где действовал турецкий флот Пиал-паши, которому удалось разгромить несколько казачьих флотилий, пытавшихся прорваться в Черное море. Самое страшное поражение потерпели донцы в сражении в Адахунском лимане под Анапой. Однако подошедшие к устью Дона османские корабли ограничились лишь морской блокадой Азова. Главные силы турецкой армии по-прежнему участвовали в войне с Персией, а крымский хан не решался осаждать и штурмовать большую каменную крепость, в которой сумели укрепиться страшные для татар казаки.

Овладев Азовом, донцы приступили к восстановительным работам, стараясь не столько возобновить старые укрепления, сколько еще более усилить их. Превратив город в свою базу, казаки уже в следующем, 1640 г. направили в море к крымским берегам флотилию из 37 стругов, которая была встречена большим османским флотом, насчитывавшим 80 галер - «каторг» и 100 малых судов - «ушкулов». Бои между казачьими и турецкими кораблями шли три недели (!). Казаки повредили 5 галер противника, но, преследуемые турецкими кораблями, вынуждены были высадиться на берег и по суше возвратиться в Азов.

Намерение турок любой ценой вернуть себе Азовскую крепость не являлось тайной для донских атаманов. Об этом сообщали взятые в плен «языки». Ожидая прихода неприятельской армии, казаки продолжали укреплять свою новую столицу, готовили воинские припасы и провиант. Им вновь помогло русское правительство, накануне вражеского нападения направившее в Азов 4 тыс. четвертей ржаной муки, 350 четвертей овсяной крупы, 350 четвертей толокна, 300 четвертей сухарей и большую денежную казну (8 тыс. рублей). Помимо малых пищалей в крепости находилось 7 больших пушек, для которых еще в 1639 г. из Москвы было доставлено 350 железных ядер.

В конце 1640 – начале 1641 г. обстановка в Приазовье начала сгущаться. Закончив войну с Ираном новый султан Ибрагим I решил нанести мощный удар по донским казакам. Повинуясь его приказу, войско крымского хана Бегадыр-Гирея в начале января 1641 г. начало нападать на стоявшие под Азовом казачьи отряды. В пятидневном сражении донцы были разбиты, после чего противнику удалось прервать сообщение донцов с Воронежем, откуда к ним поступали хлебные запасы. По этой причине в 1640 и 1641 гг. на Дон не было прислано царского «зелеяного» и «хлебного» жалованья. В канун вражеского нашествия казакам удалось переправить лишь денежную казну – 6000 руб. в 1640 г. и 8000 руб. в 1641 г.

Крымская блокада Азова предшествовала большому походу турецкой армии и флота. Весной 1641 г. султан Ибрагим направил к устью Дона флот, состоявший из 70 «каторг» и 90 «ушкулов» (по другим, по-видимому, преувеличенным сведениям у противника было 100 галер, 80 больших и 90 малых «ушкулов») и 30-тысячную турецкую армию Дели-Гуссейн-паши». Подошедшая туда 40-тысячная крымская орда участия в осаде не принимала. Лишь на минных работах были задействованы крымские сеймены (стрельцы). Почти все они погибли при взрыве осажденными турецких подземных работ.

Осада началась 7 июня 1641 г. и продолжалась почти 4 месяца. Укрепления Азова обстреливало 129 больших «проломных» пушек, стрелявших ядрами весом не менее пуда, и 32 «верховые» пушки (мортиры), на случай вылазки осаждающие установили в своих траншеях 674 небольших орудия, скрепленных между собою цепями. Казаки под командованием атамана Осипа Петрова и Наума Васильева (5367 мужчин и 800 женщин) отбили 24 приступа врага. Во время первого штурма осажденные использовали заранее установленные на вероятном направлении атак противника пороховые мины, с помощью

которых был взорван Топраков город (Земляной город) – предместье Азова. Турки попытались подвести к стенам крепости земляной вал, подобный тому, с помощью которого они незадолго до этого взяли Багдад. Но и эти работы были взорваны осажденными. Неудачей закончилась и многодневная бомбардировка Азова. Казаки достаточно легко перенесли продолжавшийся 16 суток обстрел крепости из тяжелых орудий, отсидевшись «в четвертом земляном городе и в земляных избах». Встревоженный неудачным ходом осады и большими потерями своей армии Дели-Гуссейн-паша направил султану послание с просьбой прекратить осаду и отвести войска, чтобы лучше подготовиться к новому нападению. Начать его турецкий командующий предлагал следующей весной. Однако Ибрагим отверг его доводы и прислал военачальнику краткий ответ с решительным приказом: «Паша, возьми Азов или отдай свою голову». Все же в ночь с 25 на 26 сентября 1641 г. Дели-Гуссейн-паша был вынужден нарушить повеление султана и снять осаду, продолжавшуюся 93 дня. В боях и на штурмах его войска понесли тяжелые потери: погибло 15 тыс. турецких пехотинцев, 3 тыс. моряков, 7 тыс. татар. Но и казакам победа досталась дорогой ценой - около половины их (3 тыс. человек) погибла, а почти все оставшиеся в живых были ранены.

Отстояв Азов, казаки предложили правительству царя Михаила Федоровича принять город под свою власть и прислать в него воевод и войско. Для изучения обстановки на месте в Азов послали дворянина Афанасия Желябужского и подьячего Арефия (Арефу) Башмакова, которые на месте тщательно изучили обстановку и доложили о ней царю и боярам после своего возвращения 8 марта 1642 г. Доставленные сведения были неблагоприятными - выяснилось, что большая часть азовских укреплений разрушена, из 11 башен осталось только 3 и то поврежденные. По этой причине Желябужскому даже не удалось изготовить «чертеж» Азова, о чем они сообщили по возвращении в Москву. Тогда же царем Михаилом и его советниками были получены явно встревожившие их вести из Турции, в которых сообщалось о решимости султана любой ценой добиваться возвращения захваченной казаками крепости. Правительству пришлось срочно пересматривать решение Земского собора, состоявшегося в январе 1642 г. в Москве, на котором большинство участников высказались за присоединение Азова к Русскому государству, даже ценой неизбежной войны с Турцией. (Предложение казаков оказалось очень привлекательным для многих представителей служилого сословия, но финансовое положение страны оставалось сложным, поэтому правительство решило не принимать Азова и уговорить донцов вернуть город турецкому султану). 30 апреля 1642 г. на Дон выехал дворянин Михаил Засецкий с царской грамотой казакам, в которой им предлагалось уйти из Азовской крепости. 28 мая грамота была прочитана на войсковом круге и принята собравшимися донцами. Вскоре после решения круга в начале лета 1642 г. казаки ушли из Азова на Махин остров, взорвав его укрепления и увезя с собой в качестве трофеев крепостные ворота и городские весы.

Турки, восстановившие укрепления Азова, попытались нанести ответный удар по донским казакам и весной 1643 г. напали на их поселения. Вверх по Дону двинулась большая армия во главе с Реджеп-агой, усиленная таборами янычар. 22 апреля в результате неожиданной атаки был захвачен городок Маныч, затем – Черкасск и Монастырский городок. Однако нападение на Раздоры, где находились вывезенные из Азова пушки, оказалось неудачным. Казаки отбили турецкий штурм. Противник, понесший большие потери был вынужден отступить, но военные действия на Дону продолжались и позднее. В 1644 г. были разгромлены городки Голубые и Кагальник; в 1645 г. нападению подверглись верховые казачьи поселения. В результате турецкой агрессии на Дону казаки заявили московскому правительству о своем решении отступить на Яик. Чтобы не допустить такого развития событий, чреватого ослаблением обороны южных границ. Русское командование вынуждено было оказать срочную военную помощь донскому казачеству.

В годы «Азовского сидения» казаков крымские набеги на Русь почти прекратились. Воспользовавшись этим обстоятельством, московское правительство продолжало укреплять южную границу. В 1635-1637 гг. помимо упоминавшихся выше Тамбова, Козлова, Верхнего и Нижнего Ломова здесь строятся города Чернавск, Усерд, Яблонов, Ефремов, Талицкий острог, на старом «Орловском городище» восстанавливается город Орел, уничтоженный в 1611 г. во время «литовского разорения». В 1638 г. на реке Короча строится Корочинский острог, первоначально именовавшийся «Красным городом». Еще более упрочило оборону крымской «украины» возведение в 1639 г. на Северском Донце небольшой русской крепости Чугуев. Новый город, будучи расположен южнее Белгорода, оказался вне системы засечных укреплений, занимая исключительно важное положение на степной границе Московского государства между «Царевой дорогой» (Изюмским шляхом, вдоль которого двигались основные волны татарских нападений в 1630-е гг.) и Муравским шляхом, где татары стали действовать в 1640-е гг..

Служба на степном пограничье была беспокойной. Неслучайно в 1640 г. присланные в Чугуев командиры московских стрелецких сотен жаловались на то, что их заставляют «ночным временем» обходить выставленные по острогу заставами «сторожи», вспоминая, что они «де и в Литве по сторожам не хаживали». Порядки, сложившиеся в далеком «украинном городе», стали для них обременительней походной службы во время Смоленской войны 1632-1634 гг. Впрочем, такую строгость в организации службы можно объяснить сложностью положения на границе. Строительство новых крепостей на речных «перелазгах» не могло остановить татар, которые лишь в крайнем случае штурмовали русские города и пригородные укрепления. Поэтому, чтобы остановить противника строящаяся Белгородская черта представляла собой сплошную линию укреплений – валов, рвов и надолбов, вдоль которых планировалось устроить небольшие земляные острожки. Из-за большого объема работ строительство новой Черты затягивалось и в сентябре 1637 г. 40-тысячное войско царевича Сафат-Гирея, с тяжелыми боями, но все же прорвалось через пограничную линию, построенную под городом Яблоновым на Изюмской «сакме». Были разорены Ливенский, Орловский, Карачевский, Болховский, Кромский, Новосильский уезды и Комарицкая волость. Татарские «загоны» захватили 2281 пленника.

В последующие годы татары, внимание которых было отвлечено войной с казаками под Азовом, совершили несколько небольших разведывательных рейдов, стараясь нащупать самое слабое звено в русской обороне. Однако, укрепления на границе год от года становились все надежнее. Укрепив рубеж на Изюмской сакме, московские градодельцы начали строить крепости на Муравском шляхе. В 1640 г. начинается строительство городов Хотмышка и Вольного, в 1641-1642 неподалеку от них возводится Лосицкий острог, в 1642 г. на Дону под Воронежем на месте села Костенки заложен город Костенск. В 1644 г. на Калмиусском шляхе, на впадающей в Тихую Сосну реке Ольшанке, строится крепость Ольшанск, а в 1644 г. на Муравской сакме, на Карповском сторожевье в верховьях р. Восклы - город Карпов.

Почти сразу же после ухода казаков из Азова возобновляются крымские набеги на русские земли. Особенно большой размах принявшие в 1644-1645 гг.

В июле-сентябре 1644 г. татарские отряды, численностью ок. 40 тыс. человек, воевали сопредельные территории Московского государства и Речи Посполитой. На русском участке границы противник сумел прорваться в Тамбовский, Курский, Новгород-Северский, Рыльский, Севский и Карачевский уезды и Комарицкую волость.

В 1645 г. основным удар татары нанесли зимой. Пришедшим на Русь 30-тысячным крымским войском командовал царевич Гази-Гирей. Используя фактор внезапности, 18 декабря его отряды прорвались через границу в Рыльский и Курский уезды. Застигнутое врасплох местное население не успело уйти в остроги и противник захватил там большой «полон». Получив сообщение о татарском вторжении, навстречу противнику с отрядом в 1500 воинов выступил воевода князь Семен Романович Пожарский. Он разгромил несколько крымских «загонов», а затем в сражении у села Городенки 28 декабря разбил

атаковавшие его крымские войска, «отполонив» 2700 человек. Отступившие после этого поражения в степь татары все же смогли увести с собой 6200-6300 пленников.

Обнаруженные противником слабые места в системе пограничных укреплений были быстро исправлены и дополнены постройкой новых городов: Усмань – 1645, Валки – 1646, Орлов – 1646, Коротояк – 1647, Царев Алексеев (Новый Оскол) – 1647, Верхсосенск, – 1647, Сокольск – 1647, Добрый – 1647, Белоколодск – 1648, Болховой – 1648, Урыв – 1648 и Обоянь – 1649 гг. Они оказались связанными между собой и ранее построенными городами и острогами сплошными линиями валов и надолбов. Таким образом, весь русский рубеж был превращен в сплошную крепость. Попытки татар прорваться через границу, предпринятые в последующие годы закончились неудачей. Их последний большой набег произошел в 1647 г. Пришедшее к русской границе 10-тысячное войско Караш-мурзы 11 июля 1647 г. было разбито в верховьях реки Тихой Сосны. Уходя от преследования, раненый Караш-мурза бежал «с невеликими людьми».

Впоследствии крымские отряды, оказались вовлеченными в шедшую на Украине освободительную войну и вместе с казаками Богдана Хмельницкого начали совершать нападения на приднепровские земли, оставив в покое московские «украины».

В победе над татарской агрессией немалую роль сыграло изменение мест ежегодной расстановки полков на южной границе. До 1637 г. они ставились по традиционной схеме в городах Одоеве – Крапивне – Туле – Дедилове – Мценске, примерно там же где «Большой разряд» стоял в 1599 г. и при Годунове, - на значительном расстоянии от новых границ страны, отодвинувшихся к этому времени далеко на юг. В 1638-1645 гг. места размещения полков несколько меняются, но они остаются еще в пределах старой границы (Одоев – Крапивна – Тула – Венев – Мценск). Лишь в 1646 г. происходит настоящий перелом в ходе обеспечения войскового прикрытия новых южных рубежей. Полки оказались выдвинуты на линию Белгород – Карпов – Яблонов; в 1648 г. вместо Карпова Передовой полк направили в Царев Алексеев (Новый Оскол).

С целью предупреждения нападений степняков на свои границы, где достраивались новые крепости, русское правительство организовало первый за многие годы поход на Крым и ногайские улусы. Во главе экспедиции поставили воеводу князя Семена Романовича Пожарского. Решение о походе было принято в январе 1646 г., о чем сообщили донским казакам, которым предстояло принять в нем активное участие. На помощь к ним двинулся воронежский воевода Ждан Васильевич Кондырев и его помощники дворянин Михаил Шишкин и подьячий Кирилл Афиногенов. По царскому указу они набрали в украинских городах 3 тыс. решивших показаться вольных людей и выступили с ними на Дон. Каждый из добровольцев получил щедрое жалованье: имевшие пищаль - 5 руб. 50 коп., безоружные – 4 руб. и казенную пищаль. Вместе с Ж.В. Кондыревым на Дон казакам направили царское жалование: 5 тыс. руб., 100 поставов сукна, 3 тыс. четвертей «хлебных запасов», 300 ведер вина, 200 пудов пороха «ручного», 100 пудов пороха пушечного, 200 пудов свинца, 10 тыс. аршин холста на паруса и материалы «на судовые поделки».

Местом сосредоточения войска стал Черкасский городок. Шедший из Астрахани с отрядами больших ногаев и юртовских татар князь С.Р. Пожарский достиг Черкаска в середине июня. В его войске насчитывалось 1700 русских воинов, в том числе 700 конных астраханских стрельцов, а также 2350 ногайских и юртовских татар под командованием Султан-мурзы Аксакова. Соединившись с донскими казаками и отрядом Кондырева, а также с отрядами горских черкас, гребенских и терских казаков, воевода Пожарский пошел на Азов. Русская конница разорила улусы азовских татар и малых ногаев, а донские казаки и ратные люди из отряда Кондырева, выйдя на стругах в море захватили 2 турецких корабля (с артиллерией, грузом пшеницы и давленого винограда), а 3 «каторги» потопили.

6 июля 1646 г. на азовской стороне Дона произошло большое сражение, в ходе которого было разбито пришедшее на помощь Азову войско крымского царевича Ният-

Гирея, насчитывавшее 6500 воинов. Потерпев поражение, противник поспешно отступил к реке Кагальнику, но казаки преследовали его и там. От окончательного разгрома татар спасло прибытие 10-тысячного азовского войска, после чего казачьи сотни вышли из боя.

Воодушевленные этой победой, русские воеводы решили совершить нападение на Крым, но из-за начавшейся на море бури вернулись назад. Азовский гарнизон пытался преградить казачьим стругам обратную дорогу, установив на берегу Дона «тарасы», а за ними пушки. Река оказалась под перекрестным огнем, однако казаки высадились на берег и, атаковали противника. Разгромив оборонявшиеся здесь турецкие отряды они благополучно прорвались в донские казачьи городки.

В целом поход 1646 г. показал возросшую силу русского войска, его способность вести полномасштабные боевые действия вдали от своих границ.

Турецкое правительство, считая главным виновником похода 1646 г. донских казаков решило начать большое наступление на казачьи юрты. В 1647 г. на них двинулась армия азовского бея Мустафы, действовавшего решительно и смело. События на Дону приняли настолько опасный для казаков оборот, что русское правительство вынуждено было, откликнуться на обращение донских атаманов. В мае 1648 г. на помощь им были направлены регулярные войска под командованием дворянина А.Т. Лазарева (1000 солдат и драгун). При этом московские власти едва ли не впервые нарушили постоянно декларируемый перед османским правительством нейтралитет в казачьих делах. Решительный демарш Москвы вынудил противника остановить удачно начатую войну. Узнав о прибытии на Дон русских солдат, турецкое командование, готовившее новое наступление на Черкасск, не принимая боя, отвело свои войска обратно в Азов. Весной 1649 г. Мустафа, узнавший об отъезде Лазарева в Москву (вскоре вернувшегося на Дон), предпринял новое наступление на Черкасск, вновь против него выходили русские солдаты, и вновь, прервав поход, турки были вынуждены отступить.

Вспыхнувшее весной 1648 г. антипольское восстание на Украине радикальным образом изменило ситуацию на южной границе России. Ее основные противники – Речь Посполитая и Крымское ханство - оказались втянутыми в длительную и тяжелую войну между собой. Полученная Москвой мирная передышка позволила ей завершить создание системы оборонительных рубежей и приступить к осуществлению серии мероприятий, направленных на подготовку новой войны с Польско-Литовским государством. В ходе начавшегося в 1654 г. вооруженного конфликта с Речью Посполитой Россия не только вернула себе потерянные в Смутное время смоленские и черниговские земли, но и добилась присоединения к своим владениям территории Левобережной Украины и части Киевского воеводства с самим городом Киевом.

* * *

В годы Смутного времени внутренние усобицы и выступления социальных низов ослабили Московское государство и русскую разрядную армию. Политическая и социальная история XVII столетия полна компромиссов, на которые приходилось идти правительству, дабы удержать под контролем собственные войска. Необходимость надежного устройства вооруженных сил стала особенно актуальной в условиях частых военных поражений того периода. Разгром лучших войск и потеря важнейших крепостей на западных и северо-западных рубежах, разрушение засек на южных границах вынуждали московское правительство приступить к поиску новых путей развития вооруженных сил страны. К сожалению, в начале XVII в. из-за трагического развития событий, все осуществлявшиеся тогда мероприятия не получили своего завершения. Среди наиболее значительных попыток реформировать русскую армию следует назвать действия М.В. Скопина-Шуйского, в 1609 г. с помощью шведского «маршалка» Х. Сомме обучившего свои войска «полевым упражнениям по бельгийскому обычаю». Падение Василия Шуйского и капитуляция временного боярского правительства («Семибоярщины») не только уничтожили эти зачатки новой армии, но и разрушили традиционную систему

военной организации государства. Для спасения гибнущей под натиском интервентов страны всеобщие земские советы, почти повсеместно возникшие на территории остававшейся вне зоны польской и шведской оккупации, взяли на себя дело формирования и снабжения военных отрядов. Командовали ими выборные воеводы, отличившиеся в боевых действиях против интервентов и их русских пособников. Впоследствии эти отряды слились в мощные ополчения, сумевшие освободить Москву и основную территорию страны от наводнивших ее вражеских войск.

Казалось бы успешные действия земских вооруженных сил, их приверженность традиционным для России устоям и ценностям, должны были побудить правительство Михаила Романова к использованию важнейших элементов ополченской военной организации при создании новой армии. По понятным причинам этого не произошло. Привлечение к участию в борьбе с внешним и внутренним врагом народных ополчений, носило чрезвычайный, вынужденный характер. Правительство во все времена с большой настороженностью относилось к факту существования в стране земских вооруженных сил, особенно опасных в моменты частых народных возмущений, приобретших значительный размах в XVII в.. Поставив отряды самообороны под контроль воевод, власти отчасти смогли обезопасить себя. Ведь мощных восстаниях «Бунташного века» участвовали не только казаки, крестьяне, вооруженные посадские люди, но и стрелецкие, и даже солдатские полки.

Предельно обострившееся в годы Смутного времени противостояние Земли и Власти в деле организации вооруженных сил влекло за собой стремление правительства с одной стороны до конца использовать потенциал земских ополчений, с другой – поставить их под жесткий контроль своих воевод и сформировать регулярные части, способные подавить любое выступление вооруженного народа. На протяжении всего XVII столетия земские отряды играли важную роль в организации обороны страны. Но, обращаясь в случае необходимости за содействием к вооруженному народу, власти все же отдавали предпочтение разрядным войскам, стараясь усилить их выучку и оснащение различными видами военной техники. Использование европейского опыта в связи с этим стало вполне закономерным. Рассчитывая получить надежную в социальном плане армию, власти шли на любые материальные издержки, усиливая размеры государственных податей. Первые полки нового строя создавались на время ведения военных действий, но с 40-х гг. XVII в.. для обороны рубежей стали использоваться поселенные солдатские и драгунские полки из черносошных и дворцовых крестьян. Важным стимулом ускорить перестройку русских вооруженных сил стала подготовка к войне с Речью Посполитой, начатой в 1654 г. Постепенно полки солдатского, рейтарского и драгунского строя стали ядром вооруженных сил Московского государства, но даже во второй половине XVII в. правительство использовало местные ополчения и отряды уездных людей в боевых действиях на западных и южных границах. В случае частых неприятельских вторжений для борьбы с ними продолжали использоваться все наличные силы: солдатские и рейтарские полки, поместная конница, стрелецкие и казачьи части, находящиеся в постоянной военной готовности отряды посадских и уездных людей, вооруженные не только холодным, но и огнестрельным оружием.

Первым испытанием для полков иноземного строя стала Смоленская война 1632-1634 гг., однако прямого столкновения с армией Речи Посполитой, перешедшей к новым формам войсковой организации еще во времена Стефана Батория, русские войска не выдержали. Однако эта неудача не изменила выбранного правительством курса, направленного на создание мощной регулярной армии.

Борьбу Московского государства с Речью Посполитой в годы Смоленской войны серьезно осложняли татарские нападения. Для отражения их в 1630-1640-х гг. на крымской «украине» восстанавливаются старые и строятся новые засечные укрепления, охрана оборонительных черт усиливается присылкой солдат, московских и городских стрельцов и пушкарей. Ближе к опасным степным местам ставятся дворянские полки прикрытия. В

конце 1640-х гг. они выдвигаются на линию Белгород – Карпов (иногда Новый Оскол) – Яблонев. Более эффективными стали действия степных караулов (сторожевых застав и станиц), которые размещали теперь в местах, имевших не только естественные, но и искусственные преграды, как правило, в виде надолобов, что способствовало безопасности постов в случае внезапного нападения неприятеля. Все эти меры упрочили южный фланг Московского государства и позволили правительству вновь сосредоточиться на решении своей главной задачи – отвоевании у Речи Посполитой западнорусских земель.

Часть 2

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Вся история Московского государства показывает, что со дня своего образования оно либо воевало с кем-либо из соседей, либо готовилось к новым войнам с ними, выбирая удобный момент для нанесения удара по слабейшему из противников. Военные действия часто ограничивались локальными пограничными столкновениями, но иногда перерастали в настоящую войну. Особенно напряженными оставались отношения у Москвы с Великим княжеством Литовским, а затем с Речью Посполитой. Их осложняли старые территориальные и конфессиональные конфликты. Важной составной частью русской политики была необходимость обороны страны от грабительских татарских набегов и нашествий. Постоянная борьба с внешними врагами на нескольких фронтах, зачастую смыкавшихся в единую дугу, тянущуюся от Белого моря до Волги, требовала создания многочисленных, мобильных, хорошо вооруженных и обученных вооруженных сил, организации надежной обороны рубежей, возведения на них крепостей и засечных укрепленных линий.

Одна из задач данного исследования предполагает всестороннее рассмотрение организации русской армии и ее отдельных частей, сложившейся в вооруженных силах системы военного управления, порядка комплектования, обучения, снабжения и вооружения войск, характера осуществлявшихся на границах страны оборонительных мероприятий. Комплексное изучение этих вопросов позволит объективно оценить военный потенциал Московского государства, который обеспечивал безопасность и развитие страны на протяжении всего изучаемого периода.

Анализ особенностей организации вооруженных сил России и осуществлявшихся с конца XV и до середины XVII вв. оборонительных мероприятий предусматривает разделение второй книги на 3 части:

1-я часть – «Состав и внутреннее устройство вооруженных сил России в конце XV – первой половине XVII вв.» предусматривает изучение различных разрядов ратных людей, новых военных структур, появившихся в русской армии в середине XVI и второй трети XVII в., практики использования в боевых действиях тяглого населения. Здесь же будет сделана попытка определить примерную численность русского войска.

2-я часть – «Военное управление. Комплектование, вооружение и снабжение русского войска. Обучение ратных людей» предусматривает исследование сложившейся в Московском государстве системы руководства вооруженными силами, особенностей их подготовки и обеспечения. Одним из важнейших направлений работы является разбор сведений, касающихся вооружения русского войска, прежде всего развития артиллерии и ручного огнестрельного оружия. Появление новой военной техники и приемов ведения боя изменило отношение командного состава московской армии к проблеме обучения ратных людей и потребовало создания соответствующих рукописных и печатных уставов и руководств.

3-я часть – «Организация охраны и обороны русских границ» предусматривает изучение правительственных мероприятий по фортификационной защите рубежей страны и созданию на них надежной станичной и сторожевой службы. В центре внимания – определение специфики обороны различных «украин», сил и средств, имевшихся для этого в распоряжении московских властей. Помимо прочего в этой главе представляется необходимым рассмотреть уровень развития русского военно-инженерного искусства и его соответствие задачам, стоявшим перед вооруженными силами Русского государства.

Глава 1

СОСТАВ И ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

В войнах XV – начала XVII вв. определилась внутренняя структура вооруженных сил Московского государства. В случае необходимости на защиту страны поднималось почти все боеспособное население, однако костяк русской армии составляли так называемые «служилые люди», делившиеся на «служилых людей по отечеству» и «служилых людей по прибору». К первой категории относились служилые князья и татарские «царевичи», бояре, окольные, жильцы, дворяне и дети боярские. В разряд «приборных служилых людей» входили стрельцы, полковые и городовые казаки, пушкарники и другие военнослужащие «пушкарского чина».

На первых порах организация московского войска осуществлялась двумя способами. Во-первых, путем запрещения отъезда служилых людей от московских князей в Литву и к другим владетельным князьям и привлечения землевладельцев к несению военной службы со своих вотчин. Во-вторых, путем расширения великокняжеского «двора» за счет постоянных военных отрядов тех удельных князей, владения которых включались в состав Московского государства. Уже тогда остро встал вопрос материального обеспечения службы великокняжеских воинов. Для решения этой проблемы правительство Ивана III, получившее в ходе подчинения Новгородской вечевой республики и Тверского княжества большой фонд населенных земель, приступило к массовой раздаче части их служилым людям. Таким образом были заложены основы организации поместного войска, являвшегося ядром московской армии, его главной ударной силой на протяжении всего изучаемого периода.

Все остальные ратные люди (пищальники, а позднее стрельцы, отряды служилых иноземцев, полковые казаки, пушкарники) и мобилизуемые в помощь им пососные и даточные люди в походах и сражениях распределялись по полкам дворянской рати, усиливая ее боевые возможности. Такое устройство вооруженных сил подверглось реорганизации лишь в середине XVII в., когда русское войско пополнилось полками «нового строя» (солдатскими, рейтарскими и драгунскими), действовавшими в составе полевых армий достаточно автономно.

В настоящее время в исторической литературе утвердилось мнение, что по роду службы все группы ратных людей относились к четырем основным разрядам: коннице, пехоте, артиллерии и вспомогательным (военно-инженерным) отрядам. К первому разряду принадлежало дворянское ополчение, служилые иноземцы, конные стрельцы и городовые казаки, конные даточные (сборные) люди, как правило, из монастырских волостей, выступавшие в поход на конях. Пехотные части состояли из стрельцов, городских казаков, военнослужащих солдатских полков (с XVII в.), даточных людей, а в случае острой необходимости спешенных дворян и их боевых холопов. Артиллерийские расчеты составляли в основном пушкарники и затынщики, хотя при необходимости к орудиям становились и другие приборные люди. В противном случае непонятно, каким образом

могли действовать из крепостных орудий 45 белгородских пушкарей и затинщиков, когда только затинных пищалей в Белгороде было 142. В Кольском остроге в 1608 г. находилось 21 орудие, а пушкарей было всего 5; в середине и второй половине XVI в. число пушек в этой крепости увеличилось до 54, а число артиллеристов – до 9 человек. Вопреки распространенному мнению о привлечении к инженерным работам лишь посошных людей следует отметить, что множество документов XVII в. подтверждает участие в фортификационных работах стрельцов, в том числе и московских. Приведем два примера. Так, в 1592 г., при постройке Ельца, назначенные к «городовому делу» посошные люди бежали и крепостные укрепления строили новоприборные елецкие стрельцы и казаки. При схожих обстоятельствах в 1637 г. московские стрельцы «поставили» город Яблонов, о чем сообщал в Москву Андрей Васильевич Бутурлин, ведавший строительством: «И я, холоп твой, <...> велел московским стрельцам под Яблоновым лесом острог ставить от Яблоново лесу до реки до Корочи. И колодези копать и погреб дубовой на твою государеву зелейную казну делать <...> А острог сделали и совсем укрепили и колодези выкопали и надолбы поставлены апреля в 30 день. А стоялых государь острожков послал я, холоп твой, ставить для [пос]пешенья московских стрельцов до приходу воинских людей. Где довелись острошки поставить того ж числа. А как, государь, стоялые острошки устроятца и совсем укрепятца, и о том к тебе, государю, я, холоп твой отпишу. А осколеня, государь, к надолбному делу не едут. И надолбы не доведены до Халанского лесу версты з две...». Проанализируем приведенные в этой воеводской отписке сведения. С А.В. Бутурлиным в 1637 г. под Яблоновым лесом было 2000 стрельцов. Кирки, лопаты и топоры доставили к месту строительства лишь 15 апреля, а 30 апреля основной фронт работ был уже выполнен, причем именно руками служилых людей, так как назначенные стрельцам в помощь осколяне постарались уклониться от обременительной повинности.

Стрельцы принимали активное участие не только в охране работ на засеках, развернувшихся летом 1638 г., но и в сооружении новых оборонительных сооружений на Черте. Они копали рвы, насыпали валы, ставили надолбы и другие укрепления на Завитае и на Щегловской засеке. На возведенных здесь валах московские и тульские стрельцы сделали 3354 плетенных щитов-туров.

Для целей нашего исследования первостепенный интерес представляет изучение не только состава и структуры московского войска, его вооружения, но и организации прохождения службы (походной, городской, засечной и станичной) различными категориями служилых людей.

1. ПОМЕСТНОЕ ВОЙСКО.

В первые годы княжения Ивана III ядром московского войска оставался великокняжеский «двор», «дворы» удельных князей и бояр, состоявшие из «слуг вольных», «слуг под дворским» и боярских «послужильцев». С присоединением к Московскому государству новых территорий росло число дружин, переходящих на службу великому князю и пополнявших ряды его конного войска. Необходимость упорядочения этой массы военного люда, установления единых правил службы и материального обеспечения вынудила власти начать реорганизацию вооруженных сил, в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земельные дачи.

Так было создано конное поместное войско – ядро и главная ударная сила вооруженных сил Московского государства. Основную массу нового войска составляли дворяне и дети боярские. Только некоторым из них выпадало счастье служить при великом князе в составе «Государева двора», воины которого получали более щедрое земельное и денежное жалованье. Большая часть детей боярских, переходя на московскую службу,

оставалась на прежнем месте жительства или переселялась правительством в другие города. Будучи причисленными к служилым людям какого-либо города, воины-помещики именовались городскими детьми боярскими, организуясь в уездные корпорации новгородских, костромских, тверских, ярославских, тульских, рязанских, свияжских и других детей боярских.

Наметившееся в XV в. различие в служебном и материальном положении двух основных подразделений самого многочисленного разряда служилых людей - дворовых и городских детей боярских сохранялось в XVI и первой половине XVII в. Даже во время Смоленской войны 1632-1634 гг. дворовые и городские поместные воины в разрядных записях фиксировались как совершенно разные служилые люди. Так, в войске князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского, собиравшемуся на помощь окруженной под Смоленском армии воеводы М.Б. Шеина, находились не только «города», но и посланный в поход «двор», с перечислением входивших в него «столников и стряпчих, и дворян московских, и жилцов». Собравшись в Можайске с этими ратными людьми воеводы должны были идти под Смоленск. Однако, в «Смете всяких служилых людей» 1650/1651 г. дворовые и городские дворяне и дети боярские разных уездов, пятин и станов были указаны одной статьей. В данном случае ссылка на принадлежность ко «двору» превратилась в почетное наименование помещиков, несущих службу вместе со своим «городом». Выделены были лишь выборные дворяне и дети боярские, которые действительно привлекавшиеся к службе в Москве в порядке очередности.

В середине XVI в. из числа служилых людей Государева двора как особый разряд войска выделяются дворяне. До этого их служебное значение оценивалось невысоко, хотя дворяне всегда были тесно связаны с московским княжеским двором, веди свое происхождение от придворной челяди и даже холопов. Дворяне наравне с детьми боярскими получали от великого князя во временное владение поместья, а в военное время выступали с ним или его воеводами в походы, являясь его ближайшими военными слугами. Стремясь сохранить кадры дворянского ополчения правительство ограничивало их уход со службы. В первую очередь было пресечено похолопление служилых людей: статья 81 Судебника 1550 г. запретила принимать в холопы «детей боарских служилых и их детей, которые не служивали», кроме тех, «которых государь от службы отставит».

* * *

При организации поместного войска, кроме великокняжеских слуг на службу были приняты послужильцы из распущенных по разным причинам московских боярских дворов (в том числе холопы и дворня). Их наделили землей, перешедшей к ним на правах условного держания. Такие испомещения приобрели массовый характер вскоре после присоединения к Московскому государству Новгородской земли и вывода оттуда местных землевладельцев. Они, в свою очередь, получили поместья во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Переяславле, Юрьеве-Польском, Ростове, Костроме «и в иных городех». По подсчетам К.В. Базилевича, из 1310 человек, получивших поместья в новгородских пятинах, не менее 280 принадлежали к боярским послужильцам. Повидимому, правительство осталось довольно результатами этой акции, в дальнейшем повторяя ее при завоевании уездов, принадлежавших ранее Великому княжеству Литовскому. Из центральных районов страны туда переводились служилые люди, получавших поместья на землях, конфискованных у местной знати, выславшейся, как правило, из своих владений в другие уезды Московского государства.

В Новгороде в конце 1470-х – начале 1480-х гг. включили в поместную раздачу фонд земель, составленный из обеж, конфискованных у Софийского дома, монастырей и арестованных новгородских бояр. Еще большее количество новгородской земли отошло к великому князю после новой волны репрессий, пришедшейся на зиму 1483/1484 гг., когда «поимал князь велики б[о]льших бояр новгородцких и боярынь, а казны их и села все

велел отписать на себя, а им подавал поместья на Москве по городом, а иных бояр, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом». Выселения новгородцев из их земельных владений продолжалась и впоследствии. Имения их в обязательном порядке отписывались на государя. Завершились конфискационные мероприятия властей изъятием в 1499 г. значительной части владычных и монастырских вотчин, поступившим, «по благословению Симона митрополита», в поместную раздачу. К середине XVI в. в новгородских пятинах более 90% всех пахотных земель находилась в поместном держании.

С.Б. Веселовский, изучая проводившиеся в Новгороде в начале 80-х гг. XV в. испомещения служилых людей, пришел к выводу, что уже на первом этапе ведавшие отводом земли лица придерживались определенных норм и правил. В то время поместные дачи «колебались в пределах от 20 до 60 оберж», что в более позднее время составляло 200-600 четвертей (четей) пахотной земли. Аналогичные стандарты, по-видимому, действовали и в других уездах, где также началась раздача земли в поместья. Поздней, с увеличением численности служилых людей, поместные оклады сократились.

За верную службу часть поместья могла быть пожалована служилому человеку в вотчину. Д.Ф. Масловский считал, что вотчиной жаловались лишь за «осадное сидение». Однако, сохранившиеся документы позволяют говорить о том, что основанием для такого пожалования могло стать любое доказанное отличие по службе. Самый известный случай массового пожалования поместных владений в вотчины отличившимся служилым людям произошел после благополучного окончания осады Москвы поляками в 1618 г. По-видимому, это и ввело в заблуждение Д.Ф. Масловского, однако сохранился интересный документ – челобитье князя Алексея Михайловича Львова с просьбой пожаловать его за «астраханскую службу», переведя часть поместного оклада в вотчинный. К челобитной была приложена любопытная справка с указанием аналогичных случаев. В качестве примера приведен И.В. Измайлов, который в 1624 г. получил в вотчину 200 четвертей земли с 1000 четвертей поместного жалованья, «со ста четей по двадцать четей <...> за службы, что он был послан в Арзамас, и в Арзамасе город поставил и всякие крепости поделал». Именно этот случай дал основание для удовлетворения ходатайства князя Львова и выделения ему в вотчину 200 четвертей земли из 1000 четвертей его поместного оклада. Однако князь остался недоволен и, ссылаясь на пример других царедворцев (Ивана Федоровича Троекурова и Льва Карпова), награжденных ранее вотчинами, просил увеличить пожалование. Правительство согласилось с доводами князя Львова и он получил в вотчину 600 четвертей земли.

Показателен и другой случай пожалования в вотчину поместных владений. Служилые иноземцы «спитарщики» Юрий Бессонов и Яков Без 30 сентября 1618 г. во время осады Москвы войском польского королевича Владислава, перешли на русскую сторону и раскрыли неприятельские планы. Благодаря этому сообщению ночной штурм Арбатских ворот Белого города поляками был отбит. «Спитарщики» приняты на русскую службу, получили поместья, но впоследствии подали челобитные о переводе их в вотчины. Ходатайства Ю. Бессонова и Я. Бежа были удовлетворены.

* * *

Образование поместного ополчения, стало важной вехой в развитии вооруженных сил Московского государства. Их численность значительно возросла, а военное устройство государства получило наконец четкую организацию.

А.В. Чернов, один из самых авторитетных в отечественной науке специалистов по истории вооруженных сил России был склонен к преувеличению недостатков поместного ополчения, которые, по его мнению, были присущи дворянскому войску с момента его возникновения. В частности он отмечал, что поместная рать, как и всякое ополчение, собиралась только при возникновении военной опасности. Сбор войска, которым

занимался весь центральный и местный государственный аппарат, проходил крайне медленно, а к военным действиям ополчение успевало подготовиться лишь в течение несколько месяцев. С устранением военной опасности дворянские полки распускались по домам, прекращая службу до нового сбора. Ополчение не подвергалось систематическому военному обучению. Практиковалась самостоятельная подготовка каждого служилого человека к выступлению в поход, вооружение и снаряжение воинов дворянского ополчения отличалось большим разнообразием, не всегда соответствуя требованиям командования. В приведенном перечне недостатков в организации поместной конницы много справедливого. Однако исследователь не проецирует их на условия построения новой (поместной) военной системы, при которых правительству необходимо было как можно быстрее заменить существовавшее сборное войско, представлявшее собой плохо организованное соединение княжеских дружин, боярских отрядов и городских полков, более действенной военной силой. В этой связи следует согласиться с выводом Н.С. Борисова, отмечавшего, что, «наряду с широким использованием отрядов служилых татарских «царевичей», создание дворянской конницы открывало путь к немислимым доселе военным предприятиям». В полной мере боевые возможности поместного войска раскрылись в войнах XVI в. Это позволило А.А. Строкову, знакомого с выводами А.В. Чернова, не согласиться с ним в этом вопросе. «Дворяне, служившие в коннице, - писал он, - были заинтересованы в военной службе и с детства готовились к ней. Русская конница в XVI в. имела хорошее вооружение, отличалась быстрыми действиями и стремительными атаками на поле боя».

Говоря о достоинствах и недостатках дворянского ополчения, нельзя не упомянуть, что схожую систему организации войска имел в то время и главный противник Московского государства - Великое княжество Литовское. В 1561 г. польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август вынужден был при сборе войска требовать, чтобы «князи, панове, бояре, шляхта во всех местах и именьях мают то брати на себе, абы тым можнен и способнен на службу Речи Посполитое выправовали ся и абы каждыи на воину ехал в одинаковой барве слуги маючи и кони рослые. А на каждом пахолку зброя, тарч, древо с прапорцом водле Статуту». Показательно, что перечень вооружения военных слуг не содержит огнестрельного оружия. Литовское посполитое рушение вынужден был созывать и Стефан Баторий, скептически отзывавшийся о боевых качествах шляхетского ополчения, собиравшегося, как правило, в незначительном количестве, но с большим промедлением. Мнение самого воинственного из польских королей целиком и полностью разделял Андрей Михайлович Курбский, познакомившийся с устройством литовского войска во время своей изгнаннической жизни в Речи Посполитой. Прочитируем его полный сарказма отзыв: «Яко послышат варварское нахождение, так забьются в претвердые грады; и воистину смеху достойно: вооружившись в зброи, сядут за столом с кубками, да бают фабулы с пьяными бабами своими, а ни из врат градских изыти хотяще, аще и пред самым местом, або под градом, сеча от басурман на христиан была». Однако в самые тяжелые для страны минуты и в России, и в Речи Посполитой дворянская конница совершала замечательные подвиги, о которых и подумать не могли наемные войска. Так, презираемая Баторием литовская конница в период, когда король безуспешно осаждал Псков, едва не погубив под его стенами свою армию, совершил рейд вглубь русской территории 3-тысячный отряд Христофора Радзивилла и Филона Кмиты. Литовцы достигли окрестностей Зубцова и Старицы, устранив находившегося в Старице Ивана Грозного. Именно тогда царь принял решение отказаться от завоеванных в Прибалтике городов и замков, чтобы любой ценой прекратить войну с Речью Посполитой.

Впрочем, рейд Х. Радзивилла и Ф. Кмиты очень напоминает частые русские вторжения на территорию Литвы во время русско-литовских войн первой половины XVI в., когда московская конница доходила не только до Орши, Полоцка, Витебска и Друцка, но и до окрестностей Вильны.

Настоящей бедой русского поместного войска стало «нетство» дворян и детей боярских (неявка на службу), а также бегство их из полков. Во время затяжных войн владелец поместья, вынужденный бросать хозяйство по первому же приказу властей, поднимался на службу, как правило, без большой охоты, а при первом же удобном случае старался уклониться от выполнения своего долга. «Нетство» не только сокращало вооруженные силы государства, но и оказывало отрицательное влияние на воинскую дисциплину, вынуждая тратить много сил для возвращения «нетчиков» в строй. Однако массовый характер «нетство» приняло лишь в последние годы Ливонской войны и носило вынужденный характер, так как было связано с разорением хозяйств служилых людей, многие из которых не могли «подняться» на службу. Правительство пыталось бороться с «нетчиками» и организовало систему розыска, наказания и возвращения их в строй. Позже оно ввело обязательное поручительство третьих лиц за исправное несение службы каждым дворянином или сыном боярским.

«Нетство» усилилось в годы Смутного времени, сохраняясь как явление и впоследствии. В условиях действительного разорения многих служилых людей правительство было вынуждено тщательно разбирать причину неявки помещиков в войско, привлекая к ответственности лишь тех дворян и детей боярских, которым «на службе быти мочно». Так, в 1625 г. к назначенному месту сбора в Деделове из Коломны не прибыло 16 служилых людей (из 70 воинов, которым приказали выступить в поход). Из них «на службе не бывали» четверо, «а по сказке на службе [им] быти мочно». Другие двенадцать помещиков из числа неявившихся – «беспомесны и бедны, на службе быти не мочно». Рязанских дворян и детей боярских в полки прибыло 326. В «нетех» значилось 54 человека, из них «на службе не бывали» два рязанца, «а по сказке дворян и детей боярских на службе быти мочно <...> 25 человека беспомесны и бедны, а иные бродят меж двор, на службу им быти не мочно». Остальные отсутствующие помещики были больны, находились на засечной службе, по вызову в Москве или получили другие назначения. Интересно соотношение числа служилых людей, отсутствующих в полках по объективным причинам и действительно уклоняющихся от исполнения воинского долга – таковых оказалось соответственно 12 к 4 по коломенскому и 54 к 2 по рязанскому спискам.

Царский указ был учинен лишь о последних. В Коломну и Рязань отправили распоряжение: убавить «нетчикам», которым «на службе быти мочно», но которых не было в полках, из их поместного оклада по 100 четей, «да из денежного окладу из четвертных и из городовых денег четверть окладу». Наказание было не очень строгим. В военное время у бежавших со службы или не прибывших в полки служилых людей могли конфисковать все поместье «бесповоротно», а с учетом существенных смягчающих обстоятельств – «убавити из окладу поместного по пятидесяти чети, денег по два рубли, для того, чтоб им воровать и бегать с службы [было] не повадно». Лишенные поместий «нетчики» могли вновь получить земельное жалование, но должны были добиваться его усердной и исправной службой. Вновь испомещали их из выморочных, порозжих и конфискованных утаенных земель.

В частых войнах и походах того времени поместная конница, несмотря на существенные недостатки, в целом демонстрировала неплохую выучку и умение побеждать в самых сложных обстоятельствах. Поражения были вызваны, как правило, ошибками и некомпетентностью воевод (например, кн. М.И. Голицы Булгакова и И.А. Челяднина в Оршинской битве 8 сентября 1514 г., кн. Д.Ф. Бельского в сражении на реке Оке 28 июля 1521 г., кн. Д.И. Шуйского в Клушинской битве 24 июня 1610 г.), неожиданностью вражеского нападения (сражение на реке Уле 26 января 1564), численным превосходством противника, изменой в своем лагере (события под Кромами 7 мая 1605 г.). Даже в этих боях многие из участвовавших в них служилых людей «по отечеству» выказывали истинное мужество и верность долгу. Чрезвычайно похвально о боевых качествах русской поместной конницы отзывался Андрей Михайлович Курбский, писавший, что во время Казанского похода 1552 г. лучшими русскими воинами являлась

«шляхта Муромского повету». В летописях и документах сохранились упоминания о подвигах, совершенных служилыми людьми в сражениях с врагом. Одним из самых известных героев стал суздальский сын боярский Иван Шибаев сын Алалыкин, пленивший 30 июля 1572 г. в сражении у деревни Молоди Дивея-мурзу – виднейшего татарского военачальника. Отвагу и воинское умение русских дворян признавали и враги. Так, о сыне боярском Ульяне Износкове, захваченном в плен в 1580 г. во время второго похода Стефана Батория, Ян Зборовский написал: «Он хорошо защищался и сильно изранен».

* * *

В целях проверки боеготовности воинов-помещиков в Москве и городах часто проводились общие смотры («разборы») записанных в службу дворян и детей боярских.. На разборах происходило верстание подросших и уже годных к службе детей помещиков. При этом им назначалось соответствующее их «версте» «новичное» земельное и денежное жалованье. Сведения о таких назначениях записывались в «десятни» - списки уездных служилых людей. Помимо верстальных существовали «десятни» «разборные» и «раздаточные», призванные фиксировать отношение помещиков к исполнению своих служебных обязанностей. Кроме имен и окладов, в них вносились сведения о вооружении каждого служилого человека, о числе выставляемых им боевых холопов и кошевых людей, о количестве детей мужского пола, о находившихся в их владении поместьях и вотчинах, сведения о прежней службе, причины его неявки на «разбор», при необходимости – указания на раны, увечья и общее состояние здоровья. В зависимости от результатов смотра выказавшим усердие и готовность к службе дворянам и детям боярским поместное и денежное жалованье могло быть увеличено, и, наоборот, помещикам, уличенным в плохой военной подготовке земельный и денежный оклады могли быть значительно убавлены. Первые смотры дворян и детей боярских были проведены в 1556 г., вскоре после принятия Уложения о службе 1555/1556 гг. Тогда же в обиход вводится и сам термин «десятня». Необходимость составления таких документов стала очевидной в ходе широкомасштабных военных реформ «Избранной Рады». Все разборные, раздаточные и верстальные «десятни» должны были высылаться в Москву и храниться в Разрядном приказе, на них делались пометы о служебных назначениях, дипломатических и воинских поручениях, посылках с сеунчем, участии в походах, сражениях, боях и осадах; фиксировались отличия и награждения, придачи к поместному и денежному жалованью, мешающие службе ранения и увечья, пленение, смерть и ее причины. Списки с «десятен» подавались в Поместный приказ для обеспечения перечислявшихся в них служилых людей земельными окладами.

Выделяемые на основании «разборов» земельные пожалования назывались «дачами», размеры которых зачастую значительно отличались от оклада и зависели от поступающего в раздачу земельного фонда. Первоначально размеры «дач» были значительными, но, с увеличением численности служилых людей «по отечеству» они стали заметно сокращаться. В конце XVI получили распространение случаи, когда помещик владел землей в несколько раз меньше своего оклада (иногда в 5 раз меньше). В раздачу также поступали и нежилые поместья (не обеспеченные крестьянами). Таким образом, иным служилым людям, чтобы прокормить себя, приходилось заниматься крестьянским трудом. Появляются дробные поместья, состоявшие из нескольких владений, разбросанных по разным местам. С увеличением их числа связан знаменитый указ Симеона Бекбулатовича, содержащий предписание о верстании детей боярских землями только в тех уездах в которых они служат, однако это распоряжение не выполнялось. В 1627 г. правительство вновь вернулось к этому вопросу, запретив новгородским служилым людям иметь поместья в «иных городах». Тем не менее, попытки ограничения поместного землевладения границами одного уезда осуществить не удавалось – Поместный приказ, в условиях постоянной нехватки порожней земли, постоянных споров из-за положенных по

окладу, но неполученных дач, был не в состоянии выполнить такие предписания. В документах описываются случаи, когда поверстанный в службу дворянин или сын боярский вообще не получал поместной дачи. Так, в писцовой книге Звенигородского уезда 1592-1593 г. отмечено, что из 11 дворовых детей боярских 3-ей статьи, которым при верстании определили оклад в 100 четвертей земли, 1 человек получил дачу больше определенной нормы – 125 четвертей, четверо получили поместья «не сполна», а 6 детей боярских не получили ничего, хотя полагалось им «800 четьи доброй земли». В Казанском уезде некоторые служилые люди имели в поместье лишь по 4-5 четвертей земли, а Байбек Исламов, невзирая на строгий запрет, даже вынужден был «пахать ясачную землю». В 1577 г. при проверке челобитья детей боярских из Путивля и Рыльска выяснилось, что поместьями в этих уездах владели лишь 69 служилых людей, к тому же испомещены они были «по окладом несполна, иные в полы, а иные в третьей и в четвертой жеребей, а иным дано на усадища непомногу». Тогда же обнаружилось, что в Путивльском и Рыльском уезде «неиспомещено 99 человек». Поскольку все они несли службу, правительство выплатило им денежное жалованье «в их оклады» - 877 руб., но наделить поместьями не смогло. Такое положение дел сохранялось и впоследствии. В 1621 г. в одной из «разборных» книг, сохранившейся лишь фрагментарно, отмечалось, что у Я.Ф. Воротынцева, поместный оклад которого составлял 150 четвертей земли, а денежный – 5 руб., «поместья за ним в дачах нет ни одной чети». Тем не менее, на смотр беспоместный воин прибыл, хотя и без коня, но с самопалом и рогатиной.

В том случае, если поместная дача была меньше назначенного оклада, то действовало правило по которому «не сполна» испомещенный дворянин или сын боярский не освобождался от воинской повинности, а получал некоторое послабление в условиях несения службы: малопоместных служилых людей не назначали в дальние походы, старались освободить от сторожевой и станичной службы. Их уделом было несение осадной (гарнизонной), иногда даже «пешей» службы. В 1597 г. в Рязске на «осадную службу» были переведены 78 (из 759) служилых людей, получивших по 20 четвертей земли, но лишенных денежного жалованья. Совсем обедневшие из них автоматически выбывали со службы. Такие случаи зафиксированы в документах. Так, в 1597 г., при разборе муромских дворян и детей боярских, было установлено, что «Меншичко Иванов сын Лопатин <...> худ и вперед служить ему нечем, да и поруки по нем не держат, а к Москве к смотру не бывал». За этим сыном боярским значилось всего 12 четвертей вотчины, такой крошечное землевладение равнялось далеко не самому крупному крестьянскому наделу. Еще меньше земли имели «Ивашко да Трофимко Семеновы дети Мещериновы». Такая же «вотчинишка» в 12 четвертей у них была на двоих. Естественно, что братья Мещериновы также служить не могли и «к Москве к смотру не бывали».

Число поверстанных в службу городских дворян и детей боярских по каждому уезду зависело от количества земли, освобождавшегося в этой местности для поместной раздачи. Так, в 1577 г. в Коломенском уезде числилось 310 дворян и детей боярских (в 1651 г. в Коломне было 256 выборных, дворовых и городских детей боярских, 99 из которых записались в рейтарскую службу), в 1590 г. в Переяславле-Залесском – 107 служилых людей «по отечеству» (в 1651 г. – 198 человек; из них 46 – в «райтарех»), в 1597 г. в славившемся воинами Муроме – 154 помещика (в 1651 г. – 180; из них 12 – рейтар). Наибольшее число служилых дворян и детей боярских имели такие крупные города, как Новгород, где в пяти пятинах в службу было поверстано более 2000 человек (в 1651 г. – 1534 дворянина и 21 поместный новокрещен), Псков - более 479 человек (в 1651 г. – 333 человека, включая испомещенных в Псковском уезде 91 пусторжевца и 44 невлян, потерявших старые поместья после передачи Невеля Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. и оставшегося за Польско-Литовским государством после неудачной Смоленской войны 1632- 1634 г.).

Оклады поместного и денежного жалованья дворовых и городских дворян и детей боярских колебались от 20 до 700 четвертей и от 4 до 14 руб. в год. Наиболее заслуженные

люди «московского списка» получали земельного жалованья: стольники до 1500 четвертей, стряпчие до 950 четвертей, дворяне московские до 900 четвертей, жильцы до 400 четвертей. Размер денежного жалованья у них колебался в пределах : 90-200 руб. у стольников, 15-65 руб. у стряпчих, 10-25 руб. у дворян московских и 10 руб. у жильцов.

Правильное установление окладов вновь призываемым на службу дворянам и детям боярским было важнейшей задачей проводивших смотры официальных лиц. Как правило, «новики» верстались поместным и денежным жалованьем на три статьи, однако известны и исключения. Приведем несколько примеров определения поместных и денежных окладов вновь поверстанным в службу дворянам и детям боярским:

В 1577 г. коломенские «новики» по «дворовому списку» делились всего на 2 статьи:

1-я статья - 300 четвертей земли, денег по 8 рублей.

2-я статья - 250 четвертей земли, денег по 7 рублей.

Но в той же Коломне «новики», числившиеся «с городом», были поверстаны на 4 статьи с несколько меньшими окладами:

1-я статья - 250 четвертей земли, денег по 7 рублей.

2-я статья - 200 четвертей земли, денег по 6 рублей.

3-я статья - 150 четвертей земли, денег по 5 рублей.

4-я статья – 100 четвертей земли, денег по 4 рубля.

В Муроме в 1597 г. «новики» по «дворовому списку» 3 статей получили земельного жалованья еще больше коломенцев, но денежными окладами все они были поверстаны одинаково:

1-я статья - 400 четвертей земли, денег по 7 рублей.

2-я статья - 300 четвертей земли, денег по 7 рублей.

3-я статья - 250 четвертей земли, денег по 7 рублей.

Муромские «городовые» «новики» были разделены на 4 статьи, первая из которых имела, по сравнению с коломенскими «новиками» повышенный земельный оклад, но уменьшенный денежный:

1-я статья - 300 четвертей земли, денег по 6 рублей.

2-я статья - 250 четвертей земли, денег по 6 рублей.

3-я статья - 200 четвертей земли, денег по 5 рублей.

4-я статья – 100 четвертей земли, денег по 5 рублей.

В 1590 г. в Великом Новгороде при верстании «новики», многие из которых служили неверстанными «лет по пяти и по шти», боярин кн. Никита Романович Трубецкой и дьяк Посник Дмитриев разделили служилых людей на 3 статьи:

1-я статья - 250 четвертей земли, денег по 7 рублей.

2-я статья - 200 четвертей земли, денег по 6 рублей.

3-я статья - 150 четвертей земли, денег по 5 рублей.

Такие размеры верстания следует признать очень высокими, ибо в южных городах даже при верстании «новики» в станичную и сторожевую службу, считавшейся более почетной и опасной в сравнении с полковой, поместные оклады были значительно ниже, хотя денежное жалованье соответствовало новгородскому. Например, в 1576 г. при разборе служилых людей в Путивле и Рьльске, «новики», разделенные на три статьи, получили в Путивле:

1-я статья - 160 четвертей земли, денег по 7 рублей.

2-я статья - 130 четвертей земли, денег по 6 рублей.

3-я статья - 100 четвертей земли, денег по 5 рублей.

В писцовой книге Звенигородского уезда 1592-1593 г. земельные «новичные» оклады были ниже почти в три раза:

1-я статья - 70 четвертей земли.

2-я статья - 60 четвертей земли.

3-я статья - 50 четвертей земли.

В данном случае указаны были лишь поместные оклады, денежное жалованье не учитывалось, возможно и не выплачивалось. Часть «новиков» получила землю в поместье «не сполна», часть осталась беспоместной. Получить полагающуюся ему земельную дачу и прибавки к ней служилый человек мог исправной службой, выказанными отличиями при исполнении возложенных на него обязанностей и поручений.

В 1604 г. при верстании на службу детей боярских рязанского архиепископа их разделили на шесть статей, со следующими поместными и денежными окладами:

1-я статья - 300 четвертей земли, денег по 10 рублей.

2-я статья - 250 четвертей земли, денег по 9 рублей.

3-я статья - 200 четвертей земли, денег по 8 рублей.

4-я статья - 150 четвертей земли, денег по 7 рублей.

5-я статья - 120 четвертей земли, денег по 6 рублей.

6-я статья - 100 четвертей земли, денег по 5 рублей.

В том же 1604 г. при верстании окольных Степаном Степановичем «новиков» из Суздаля, Владимира, Юрьева Польского, Переяславля-Звалесского, Можайска, Медыни, Ярославля, Звенигорода, Гороховца и др. городов они также делились на 5 и даже 6 статей.

Приведенные данные весьма красноречивы. Они свидетельствуют об ошибочности утверждения П.П. Епифанова об установлении «определенного законом окладе поместий». Как показывают данные десяти и писцовых книг, в каждом уезде оклады имели свои пределы, весьма разнившиеся между собой. Определяющим в каждом конкретном случае был размер фонда земель, шедших в поместную роздачу. Власти старались не опускать оклад ниже определенного уровня (50 четвертей земли), предпочитая оставлять часть служилых людей без поместных дач.

После великого «разоренья» начала XVII в. правительство, испытывавшее серьезные финансовые трудности, на время прекратило выплату денежного жалованья городovým детям боярским. В составленной в 1622 г. кн. И.Ф. Хованским и дьяком В. Юдиным «Десятне разных городов» о «разобранных» служилых людях сделаны характерные записи: «На службу де ему мочно быти без жалованья», с обязательным добавлением «а только де государь пожалует ему денежное жалованье и он службы прибавит». Вышесказанное относилось и к выборному дворянину Ивану Ивановичу Полтеву, имевшему по окладу 900 четвертей, в поместной даче 340 четвертей (из них 180 были пожалованы в вотчину). На службу без денежного жалованья он выходил на коне, в саадаке и с саблей, в сопровождении холопа «на мерине с пищалью». В случае выплаты ему положенных 40 руб. Полтев обещал «службы прибавить» и облачиться в «бехтерец да шишак» и привести еще одного слугу «на коне в саадаке с саблею». Подобные обещания давали и другие служилые люди, заинтересованные в получении денежного жалованья. Некоторые из них, например Андрей Степанович Неелов, без денежного жалованья на службу подняться не могли.

В связи с ограниченностью земельного фонда, Наиболее регламентировано было поместное землевладение в Московском уезде. В октябре 1550 г., при определении нормы верстания здесь 1000 «лутчих слуг», правительство определило разделить их на три статьи с окладами в 200, 150 и 100 четвертей земли. По сравнению с поместными окладами детей боярских других городов, для первой и второй статьи они были меньше почти в два раза. Однако вскоре правительству удалось увеличить оклады дворян «большой статьи» Московского уезда. Уже в 1578 г. поместное жалованье определялось им в 250, 300 и даже 400 четвертей. Для служилых людей второй и третьей статей оклады остались неизменными. Однако испомещенные под Москвой дети боярские получали повышенный денежный оклад – 12 руб. помещики 1-й статьи, 10 руб. – 2-й статьи и 8 руб. – 3-й статьи.

Впоследствии нормы поместных раздач в Московском уезде вновь были сокращены. В соответствии с Указом 1586/1587 г. и Соборным Уложением 1649 г. бояре получали под Москвой не более 200 четвертей на человека, окольные и думные дьяки – 150 четвертей, стольники, стряпчие, дворяне московские, головы московских стрельцов, степенные и путные ключники – 100 четвертей, «дворяны из городов, которые служат по выбору» - 50 четвертей по Указу 1586/1587 г. и 70 четвертей по Уложению, жильцы, стремянные конюхи, сотники московских стрельцов – 50 четвертей, дворовые стряпчие, сытники и дети боярские «царицына чину» - 10 четвертей, с каждых 100 четвертей их поместного оклада, подьячие «которые сидят у дел по приказом» - 8 четвертей. Остальное земельное жалованье, превышавшее норму поместных раздач под Москвой, выделялось им в других уездах.

Во второй половине XVI в. военная служба дворян и детей боярских разделялась на городовую (осадную) и полковую. Осадную службу несли или мелкопоместные лица с окладов в 20 четей или неспособные по состоянию здоровья к полковой (походной) службе; в последнем случае у детей боярских отбиралась часть поместных владений. Осадная служба выполнялась в пешем строю, ее могли нести только «с земли», с поместных владений; денежное жалованье воинам, находившимся в осадной службе не выплачивалось. За исправное исполнение обязанностей малоземельные дворяне и дети боярские могли быть переведены из осадной в полковую службу с повышением поместного оклада и выдачей денежного жалованья. В городской (осадной) службе продолжали числиться и отставные дворяне и дети боярские, которые не могли нести полковую службу по старости, болезни или из-за тяжелых увечий. Так, в разборной «десятне» 1622 г. среди касимовских помещиков значился «выборный» дворянин Василий Григорьевич Чихачев, имевший 150 четвертей земли, на которых проживало 18 крестьян и 5 бобылей. По сказке окладчиков, проводившие разбор князь Иван Федорович Хованский и дьяк Василий Юдин отметили, что «Василий стар и от ран увечен, без руки и болен нутреною болезнью – черева выплывают». Признав, что Чихачеву «за старостью и за болезнью полковые и ближние службы за увечье служить не мочно», составители документа окончательной отставки однорукому ветерану не дали, записав, что «мочно де ему московская или городовая служба». Среди записанных в 1626 г. в городовую службу 27 калужан у 4 не было поместий, еще у 12 - крестьян. В 1651 г. в Рязанском уезде значился в городской службе 71 отставной помещик. Всего же по составленной в том году «Смете всяких служилых людей» отставных (старых, увечных и больных) и малоимущих детей боярских, «написанных в городовую службу», оказалось по всем уездам 203 человека. Окончательную отставку получали лишь совсем старые и увечные ветераны. Такие как Богдан Семенович Губарев, после 43 лет ратной службы потерявший остатки здоровья и в 1614 г. обратившийся с челобитной на имя царя Михаила Федоровича. Старый воин просил об отставке его «за старостию и увечьем» от службы и о пожаловании помещьем его малолетних детей. При осмотре Богдана Губарева в Разряде было обнаружено, что он «стар и от ран увечен, левая рука ниже локтя пересечена саблею и рукой не владеет, левая щека и с ухом отсечена, да он пробит из пищали насквозь в щеки и зубы выбиты». Только тогда его освободили от службы, обязав до совершеннолетия сыновей (7, 5 и 4 лет) выставлять на войну даточного человека.

Полковая служба была дальней (походной) и ближней (украинной, береговой). В мирное время она сводилась к постоянной охране границ, главным образом южных. В случае необходимости городских дворян и детей боярских «меньших статей» привлекали к засечной службе, более состоятельных (имевших от 10 до 300 четвертей земли), «которые б люди были конны, и собою молоды, и резвы, и просужи», привлекали к станичной службе, назначая старшими над ними самых обеспеченных – имевших оклады по 400-500 четвертей. Повышенный оклад в данном случае подразумевал и максимальную меру ответственности – назначенные станичными головами дворяне должны были добросовестно выполнять возложенные на них обязанности.

Московские служилые люди (наиболее видная часть дворянства - стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы*, головы и сотники московских стрельцов) находились в более привилегированном положении, по сравнению с городскими детьми боярскими. Поместные оклады воинов Государева полка составляли от 500 до 1000 четвертей, а денежные от 20 до 100 руб.; многие из них имели крупные вотчины.

В полках московские служилые люди занимали командные должности воевод, их товарищей, сотенных голов и т.п. Общее число стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов было невелико - не более 2-3 тыс. человек в XVI в., 3700 – в середине XVII в. Они выводили на службу значительное количество военных слуг (боевых холопов), благодаря чему численность Царского полка достигала 20 тыс. человек (в Казанском походе 1552 г.), а с участием «выборных» дворян и детей боярских и более.

Вызванные на службу помещики одного уезда формировались на сборных пунктах в сотни; из остатков уездных сотен создавались смешанные сотни; все они распределялись по полкам. После окончания службы дворяне и дети боярские распускались по домам, сотни распадались и при следующем призыве на службу, формировались вновь. Таким образом, сотни, как и полки, являлись лишь временными войсковыми единицами поместного ополчения.

Наиболее ранние сведения о составе и вооружении дворян и детей боярских относятся к 1556 г., когда в Кашире был произведен смотр боярами Курлятевым и Юрьевым и дьяком Вылузгой. При подведении его итогов рассмотрим только тех дворян и детей боярских, у которых показаны поместные оклады; таких в каширской «десятне» насчитывается 222 человека. Указанные лица по своему имущественному положению принадлежали в основном к среднепоместному дворянству: имели поместья в 100-250 четвертей (в среднем - 165 четвертей). На смотр они явились на конях (без исключения), а многие даже «одвуконь» - с двумя конями. О вооружении каширян в «десятне» сообщалось: саадак имели 41 воин, копьё - 19, рогатину - 9, топор - 1; без всякого оружия на смотр прибыли 152 служилых человека. Составители документа отметили, что 49 помещиков имели защитное вооружение (доспехи).

На смотре присутствовало 224 дворянских людей - холопов (кроме кошевых - обозных), в том числе 129 человек безоружных. Остальные 95 военных слуг имели следующее оружие: саадак и саблю - 15 человек, саадак и рогатину - 5, саадак и копьё - 2, саадак - 41, рогатину - 15, копьё - 16 и пищаль - 1 человек. Из 224 боевых холопов в защитном снаряжении находилось 45, все имели коней. Следовательно, дворянских слуг было не меньше, чем самих помещиков, и они были вооружены не хуже помещиков.

Как изменилась дворянская конница в конце XVI в., показывает «десятня» по городу Коломне 1577 г. Коломенские дворяне и дети боярские (283 человек) принадлежали к среднепоместным владельцам, но явились на смотр вооруженные лучше каширян. Почти все имели одинаковое оружие: саадак и саблю. У многих из них было хорошее защитное вооружение, большая часть коломенских детей боярских выступила в поход в сопровождении боевых холопов или хотя бы конных «людей с юком (вьюком)».

В конце XVI в. правительство делало попытки усиления боеспособности поместной конницы. Так, в 1594 г. при смотре детей боярских города Рязьса большинству из них было велено служить с пищалами. Вооруженные огнестрельным оружием рязские помещики были распределены по 6 сотням которыми командовали С.А. Хириин (50 детей боярских, включая «новиков»), Р.Г. Батуриин (47 детей боярских), Г.С. Лыков (51 сын боярский), А.Н. Щетинин (49 детей боярских), В.Р. Озеров (50 детей боярских) и Т.С.

---

* Жильцы – служилые люди «московского чина», несшие службу в царских палатах, обеспечивая тем самым безопасность государя и его семьи. Набирались обычно из «выборных» дворян и детей боярских по их челобитью и поступали «в житье» к государю после принесения особой присяги на кресте.

Шевригин (47 детей боярских). Всего в подразделениях конных пищальников служило 294 помещиков, не считая их сотников.

Относительно общей численности поместного ополчения конца XVI в. имеются указания в специальной работе С.М. Середонина о вооруженных силах Русского государства. Автор пришел к выводу, что общее число дворян и детей боярских в конце XVI в. не превышало 25 тыс. человек. Середонин подсчитал, что указанные помещики, имея в среднем по 200 четвертей поместий или вотчин, должны были приводить с собой по 2 человека. Таким образом, общая численность конницы из дворян и детей боярских с их людьми составляла около 75 тыс. человек. Эти расчеты автора для XVI в. достаточно убедительно уточнил А.В. Чернов, отметивший, что с 200 четвертей земли помещик должен был приводить, по Уложению 1555/1556 г., не двух, а одного вооруженного человека, так как с половины указанной земли (100 четвертей) он нес службу сам. Следовательно, в XVI в. общее число дворянского ополчения составляло не 75, а 50 тыс. человек. Более того, сохранившиеся «десятни» за вторую половину XVI в. показывают, что дворяне и дети боярские очень неаккуратно приводили с собой вооруженных людей, причитающихся с них по Уложению 1555/1556 г. (сказывалось разорение служилого сословия в годы опричнины и Ливонской войны), поэтому поместная конница в эти годы насчитывала значительно меньше 50 тыс. человек. После голода начала XVII в., вынудившего служилых землевладельцев избавляться от боевых холопов, ставших лишними нахлебниками, численность военных слуг, сопровождавших своих «государей» на войну, сократилась. Невозможность соблюдения старых норм несения военной службы, определенных Уложением 1555/1556 г., признало и правительство. В 1604 г. Соборным Приговором предписывалось выставлять в поход холопа не со 100, а с 200 четвертей земли.

В середине XVII в., несмотря на потерю западных и северо-западных территорий, численность служилых людей «по отечеству» несколько возросла. Это произошло за счет испомещения «новиков» и выведенных с земель, отданных Речи Посполитой дворян и детей боярских, получивших новые дачи в южных уездах и поступивших в поместную раздачу черносошных волостях. По «Смете всяких служилых людей» 1650/1651 г. во всех городах, пятинах и станах Московского государства находилось 37 763 дворян и детей боярских. В Москве значилось «по списку» 420 стольников, 314 стряпчих, 1248 дворян московских, 57 иноземцев «которые служат с московскими дворяны» 1661 жилец – всего 3700 человек. К сожалению, составители «Сметы» не указали количества боевых холопов, выставляемых служилыми людьми, однако по самым минимальным расчетам их было тогда не менее 40-50 тыс. человек.

Боярскими людьми или боевыми холопами назывались военные слуги, которых помещики и вотчинники приводили с земли по норме, определенной Уложением 1555/1556 г., вооруженными и на конях. А.В. Чернов, говоря о боярских людях, писал о самостоятельном боевом значении военных слуг в русском войске. В качестве примера он использовал осаду Казани 1552 г., во время которой, по утверждению историка, «боярские люди вместе со стрельцами и казаками вынесли на своих плечах всю тяжесть осады и овладения городом». Более того, продолжает Чернов, в военных действиях под стенами татарской столицы боевые холопы действовали отдельно от дворян. Как и другие ратные люди, они формировались в особые отряды (сотни) со своими головами, а в ряде случаев имели самостоятельную полковую организацию. Предположения историка неубедительны. Основу походного русского войска, как было показано выше, составляли полки дворянской конницы, по которым распределялись стрелецкие и казацкие приказы, приборы и сотни; в *достоверных* документальных источниках не встречается упоминаний о «холопных» полках и сотнях. Иногда военных слуг использовали в сборных частях, назначенных штурмовать вражеские крепости, но в составе пехотных колонн, основой которых являлись стрельцы и казаки, под командованием голов и сотников из дворян. Именно так обстояло дело под Казанью в 1552 г. и под Нарвой в 1590 г.

2. ПИЩАЛЬНИКИ И СТРЕЛЬЦЫ

Первое упоминание о существовании в русском войске отрядов «пищальников» (стрелков из пищалей) относятся к началу XV в. В писцовых книгах этот термин упоминается в записях, относящихся к 1505-1506 гг. Более подробные сведения о существовании подразделений воинов, вооруженных ручным огнестрельным оружием, относятся к 1510 г., когда было осуществлено подчинение Москвой Пскова. По свидетельству псковских летописцев, это были достаточно большие отряды, составленные из воинов, вооруженных за государственный счет. В составе прибывшего тогда с великим князем в Псков войска находились 1000 «пищальников казенных и воротников». Покидая город, Василий III оставил в нем гарнизон, состоявший из 1000 детей боярских и 500 новгородских пищальников.

После присоединения к Москве уже Псков должен был высылать на службу к великому князю своих земских даточных (сошных) людей и в их числе пищальников. Они принимали участие в многочисленных войнах Москвы с Великим княжеством Литовским. Так, зимой 1512/1513 гг., выступая в поход на Смоленск, Василий III взял из Пскова 1000 стрелков, сыгравших заметную роль во время этой неудачной осады. Именно псковские пищальники были посланы на штурм Смоленска, но, встреченные неприятельским огнем, не смогли овладеть городом и отступили с большими потерями.

Пищальники в составе отрядов даточных людей принимали участие в военных действиях на восточных и южных рубежах Московского государства. Начиная с 1512 г. отряды пищальников и посошных людей участвуют в охране и обороне южной границы. Воеводы, командовавшие сосредоточенной там армией, должны были их «розделить по полком, сколько, где пригоже быти на берегу». Сохранились точные свидетельства об участии пищальников в походах русского войска против Казанского ханства.

Важные сведения о имевших место мобилизациях даточных людей и пищальников для войны с волжскими татарами содержат «Разрядный и разметный списки, о сборе с Новгорода и Новгородских пятин ратных людей и пороха, по случаю похода Казанского». Названный документ датирован сентябрем 1545 г. Наряду с конными ратниками, выставляемыми жителями Новгорода и его пригородов, по воину с 3 «белых с нетяглых дворов» (таковых было 1111 дворов, «наряжавших» 370 человек) и по воину с 5 тяглых дворов (8013 дворов; 1603 человека). Позднее норма сбора даточных людей увеличилась в отношении состоятельных новгородцев. Наместники и гости, должны были выставлять по 1 человеку со двора, купцы-суконники – по 1 человеку с двух дворов. Помимо воинов с обычным вооружением власти предписали собрать в поход с того же числа дворов «2000 человек пищальников, половина их 1000 человек на конех, а другая половина 1000 человек пеших». Все собранные в поход пищальники должны были иметь с собой крашенные (возможно одноцветные) однорядки или сермяги, по ручной пищали, запасы пороха («по 12 гривенок безменных зелья»), свинца («да по 12 гривенок безменных же свинцу на ядра»). Другие города Новгородской земли (Старая Русса, Порхов и др.) также выставляли воинов, вооруженных ручными пищалами. Отправленные в Нижний Новгород отряды пищальников делились на сотни, командовали которыми сотники, назначаемые, по-видимому, из числа детей боярских.

В нашей исторической литературе до сих пор остается не опровергнутым ошибочное утверждение А.А. Зимина о том, что пищальники «образовали войско, составлявшееся главным образом из людей по прибору, посадских по своему происхождению». Отсутствие единого командования (отряды пищальников подчинялись городовым приказчикам), централизованного снабжения (пищальники из городов вооружались за свой счет, исключение составляли казенные пищальники, вооружавшиеся за счет собиравшегося с монастырей «пищального наряда»), обеспечение их службы в военное время путем расклада соответствующей земской повинности на определенное

число посадских дворов, не позволяет согласиться с выводами Зимина. Несмотря на вооружение и, несомненно, более высокое боевое значение по сравнению с посошными людьми, даже очень крупные отряды пищальников продолжали оставаться вспомогательными подразделениями.

Сложность изучения времени и обстоятельств появления в составе русского войска пищальников, неоднократно отмеченная в литературе, связана не только с поразительно малым количеством источников, в которых упоминаются пищальники, но и с тем, что в документах того времени термином «пищальники» зачастую обозначались и артиллеристы - пушкари и затинщики.

Пищальники набирались преимущественно из городского населения и в отличие от «посохи» выставлялись на службу не с сохи, а с посадского двора. Население обязано было снабжать пищальников оружием, боевыми запасами, одеждой и продовольствием. Существовали и «казенные» пищальники, получавшие огнестрельное оружие от правительства. Вряд ли они получали какое-то денежное или продовольственное содержание из казны, хотя Павел Иовий записал в свое время, что Василий III «учредил отряд конных стрельцов», однако никаких других свидетельств существования этого подразделения не обнаружено. Между тем именно этот фрагмент «Книги о московитском посольстве» Павла Иовия содержит много погрешностей в описании русского войска. Так, по ошибочному мнению Павла Новокомского, русские продолжали использовать в это время щиты, и лишь немногие из них имели сабли, сражаясь обычно копьями, булавами и стрелами.

Как отмечалось, включавшиеся в состав походного войска отряды пищальников, как и другие отряды даточных людей, предназначались для непосредственного участия в военных действиях, заметно отличаясь от отрядов «посохи», выполнявших по преимуществу инженерные работы, лишь в крайнем случае вводившиеся в сражение или посылавшиеся на штурм. В боевых действиях пищальники участвовали в конном и пешем строю, в последнем случае их доставляли на войну на телегах или судах.

Появление отрядов пищальников позволило правительству впервые широко применить ручное огнестрельное оружие, усилив конницу, вооруженную, по преимуществу луками со стрелами и сулицами (дротиками).

Главным недостатком ополченской организации службы пищальников был ее временный характер, необходимость подниматься в поход со своим оружием и за свой счет. Основная тяжесть этой повинности ложилась на «черных людей», неоднократно протестовавших против ее обременительных условий. Летом 1546 г., во время подготовки очередного похода на Казань, вспыхнул мятеж новгородских пищальников. По сообщению летописца, воспользовавшись выездом Ивана IV из Коломны со свитой дворян «на прохлад потешиться», за городом «начаша государю бити челом пищальники ноугородские, а их было человек с пятьдесят». Иван IV не захотел принять их челобитья и приказал отогнать новгородцев, но обиженные люди начали в государевых дворян «грязью шибати», а затем под Коломной «пищальники все стали на бой и почяли битися ослопы и ис пищалей стреляти, а дворяне из луков и саблями, и бысть бой велик», с убитыми и ранеными с обеих сторон. Пищальники «государя не пропустили тем же местом к своему стану проехати», и ему пришлось возвращаться в Коломну другой дорогой. Разгневанный Иван IV приказал дьяку Василию Захаровичу Гнильевскому расследовать произошедший инцидент и установить, «по чьему науку бысть сие супротивство». Виновными были признаны трое бояр: князь Иван Иванович Кубенской, Федор Семенович и Василий Михайлович Воронцовы, по-видимому переадресовавшие жалобу пищальников более высокой инстанции, за что и были казнены. Впрочем, из «супротивства» пищальников великий князь и его советники сделали важные выводы.

В 1550 г. на смену пищальникам-ополченцам пришло царское стрелецкое войско, первоначально состоявшее из 3 тыс. человек. Стрельцы были разделены на 6 «статей» (приказов), по 500 человек в каждом подразделении. Командовали стрелецкими «статьями» головы из детей боярских: Григорий Желобов-Пушешников, Дмитрий Дьяк Ржевский, Иван Семенович Черемесинов, Василий Фуников-Прончищев Федор Иванович Дурасов и Яков Степанович Бундов. Дети боярскими были и сотники стрелецких «статей». Расквартировали стрельцов в пригородной Воробьевой слободе. Жалованье им определили по 4 руб. в год, стрелецкие головы и сотники получили большие поместья. Стрельцы составили постоянный московский гарнизон, участвовали в военных действиях, приняв боевое крещение под Казанью в 1552 г.

На источник комплектования новой категории служилых людей «по прибору» проливает свет упоминание о них как «выборных стрельцах ис пищалей». По-видимому, в стрельцы были отобраны лучшие из пищальников-ополченцев, выходцев из тяглых посадских общин, участвовавшие в походах, где они на практике осваивали военное дело. Поэтому, категоричное заявление Е.А. Разина, что «стрельцы набирались из вольных людей» должно с большой натяжкой отнести лишь к последующим «приборам» в стрелецкую службу. По сути, на этой же позиции стоят и авторы коллективной монографии «На пути к регулярной армии», отметившие, что первый стрелецкий «отряд комплектовался путем набора вольных «охочих» людей, свободных крестьян и посадских». А.В. Чернов, отмечавший, что «стрельцы набирались преимущественно из местного населения», что «это были беднейшие представители посадского населения», вслед за этим начинает утверждать прямо противоположное: «Наибольшее распространение получило привлечение на стрелецкую службу «вольных охочих людей». В стрельцы принимались только свободные люди (не холопы и не крестьяне), вообще не тяглые. Требовалось, чтобы они поступали на службу по своему желанию, были собой «добры», т.е. здоровы и умели стрелять».

Вольные люди, как правило, «прибирались» не в стрелецкие «приказы», а в отряды городских казаков, да и степень добровольности будущих стрельцов вряд ли соответствует четкому понятию «выбор» как специальной акции властей по отбору лучших воинов-пищальников. Тем не менее, не исключено, что позднее, при комплектовании отрядов городских стрельцов, на службу «прибирались» и вольные люди, что позволяло властям не трогать тяглые посадские общины. Особенно распространена была практика «прибора» на службу вольных людей в южных городах, где их было достаточно много, что позволяло быстро и в большом количестве набирать гарнизоны для строившихся «в Поле» русских крепостей. В одном лишь 1637 г. для городов Усерда, Корочи и Яблонова было указано «прибрать» из вольных людей 600 стрельцов (по 200 человек в каждый город). О «приборе» на службу вольных людей, в тех случаях когда стрельцов «убудет на Москве или на службе» сообщал Григорий Котошихин. По-видимому, подобное практиковалось во время тяжелых, затяжных войн. Точно также комплектовалась стрелецкая сотня Соловецкого монастыря. «Звания своих отцов» занимали, как правило, стрелецкие дети, лишь в крайнем случае в строй зачислялись крестьяне монастырских сел или вольные люди.

В Москве и других городах стрельцов старались размещать в особых слободах, расположенных, как правило, в наиболее безопасных местах. Это объяснялось спецификой непрерывной службы, требовавшей повышенной мобильности стрелецких сотен и приказов. Приборных людей селили либо в самой крепости (остроге), либо на посаде, в непосредственной близости от городских валов и стен и под их прикрытием, как правило, за разного рода естественными преградами. Так в Севске, при возобновлении города в 1623 г. стрелецкая Кобылья слобода (вместе с Казачьей и Пушкарской) была устроена на возвышенном месте, на левом берегу реки Марицы, напротив Малого и Большого

«городов». С восточной стороны доступ в слободы преграждал Авилов ручей. Иногда подступы к стрелецким слободам укрепляли валами и надолбами.

Получая усадебное (дворовое) место, каждый стрелец обязан был построить дом, дворовые и хозяйственные постройки, разбить на приусадебном участке огород и сад. Как и другие «приборные» люди (пушкари, затинщики, казаки), стрельцы получали на «дворовую селитьбу» известное вспомоществование от казны - 1 руб. в XVI в и 2 руб. в первой половине XVII в. В середине 1630-х гг. после устройства гарнизонов в новых крепостях на южных «украинах», где не хватало необходимого строительного материала (прежде всего «хоромного леса»), деньги на «селитьбу» были увеличены до 5 руб.. Стрелец владел своим двором до тех пор, пока нес службу. После его кончины двор сохранялся за семьей. В таком случае кто-либо из взрослых его братьев, сыновей и племянников мог быть «прибран» на стрелецкую службу. Продать свой двор приборным людям разрешалось лишь в случае перевода на новое место, при этом вырученные от продажи недвижимого имущества деньги входили в сумму, выдаваемую стрельцу на переселение.

* * *

С течением времени регулярным источником пополнения стрелецкого войска стали подросшие сыновья и другие родственники приборных людей. Постепенно служба в стрельцах превратилась в наследственную повинность, которую можно было, сложив с себя, передать кому-либо из близких. «И бывают в стрелцах вечно, - записал эту норму Котошихин, - и по них дети и внучата, и племянники, стрелецкие ж дети, бывают вечно ж».

Вскоре после учреждения шести московских стрелецких приказов был осуществлен «прибор» стрельцов и в других городах. Как предположил П.П. Епифанов, в данном случае на постоянную службу переводили «старых, «гораздых» стрелять из ружей, пищальников». Уже в ноябре 1555 г., во время русско-шведской войны 1554-1557 гг. в походе к Выборгу должны были принять участие не только сводный приказ московских стрельцов Тимофея Тетерина, но и стрелецкие отряды из «Белые, с Опочек, с Лук с Великих, с Пупович, с Себежа, с Заволочья, с Торопца, с Велижа». Всем им по распоряжению московских властей выдать «по полтине денег человеку, для <...> неметцкие службы».

При поступлении на службу, стрельцы, как и другие «приборные» люди, представляли поручителей, в присутствии «послусей» (послухов) заверявших власти в должном исполнении каждым воином своих обязанностей. В науке существует две полярные точки зрения на организацию поручительства. И.Д. Беляев полагал, что новоприборных служилых людей принимали в службу по круговой поруке всех слобожан. Возражая ему, И.Н. Миклашевский утверждал, что при наборе новых стрельцов достаточно было поручительства 6-7 старых стрельцов, так как слободы только возникали и интересами службы могли быть связаны лишь отдельные лица. Сохранившиеся поручные записи позволяют говорить о существовании обеих форм. Хорошо известны случаи, когда при образовании новых гарнизонов действовала круговая порука. Так, в 1593 г. в сибирском городе Таборах стрелецкий десяток Тимофея Евстихеева ручались своему сотнику Климу Шакурову «промеж себя друг на друга, в верной службе в новом городе Таборах». В XVII в. в таких случаях стрельцов-сведенцев делили на две половины, после чего каждая ручалась за другую половину. Так обстояло дело в 1650 г. при формировании стрелецкого гарнизона в новопостроенном г. Цареве-Алексееве. К одной половине были отнесены стрельцы, переведенные из Ельца и Лебедяни, к другой – из Оскола, Михайлова, Ливен, Черни и Ростова. В то же время в других городах правительство разрешало «прибирать» стрельцов за порукой старослужащих воинов. «Поручные записи» требовали при зачислении на стрелецкую службу власти Соловецкого монастыря. В этом случае необходимым условием являлось поручительство всей содержавшейся монастырем стрелецкой сотни.

Стрельцы участвовали во многих сражениях Ливонской войны. После победоносного похода 1577 г., когда русские войска овладели почти всей Прибалтикой, именно они, наряду с детьми боярскими, составили гарнизоны вновь завоеванных городов и замков. Так, в Вольмаре (Владимирце Ливонском) было оставлено 100 ореховских, 100 ивангородских и 100 ругодивских стрельцов, в Вендене (Кеси) – 100 оскольских, 100 «перконских», 30 великолуцких стрельцов и т.д. Большинство их полегло в сражениях со шведскими и польскими войсками, часть была выведена обратно в Россию после заключения Ям-Запольского перемирия 1582 г. и Плюсского перемирия 1583 г.

И в XVI, и в XVII вв. наиболее привилегированной частью стрельцов были московские приборные люди, а среди них - стремянные стрельцы. («И ис тех [московских] приказов один приказ выборной, первой, словет Стремянной, потому что бывает всегда с царем и с царицею во всяких походах для оберегания»). Пытаясь определить их численность, А.В. Чернов писал, что сведения о них ««есьма скудны и ограничиваются сообщениями иностранцев, посещавших Россию». Действительно, по отношению к XVI в. это высказывание соответствует истине. По утверждению Флетчера, московских стрельцов насчитывалось в конце этого столетия ок. 7000 человек, из которых 2000 были стремянными (конными). Всего же в России, по его мнению, было 12 тыс. стрельцов. Джером Горсей полагал, что в 1571 г., во время нашествия Девлет-Гирея, в личной охране Ивана Грозного их было не менее 20 тыс. и, похоже, в своих расчетах он был близок к истине. По Маржерету, в конце XVI – начале XVII в. московских стрельцов (аркебузир) было 10 тыс. человек. Кроме того, как писал Маржерет, аркебузиры были «в каждом городе, приближенном на сто верст к татарским границам, смотря по величине имеющихся там замков». Несомненно, что к концу XVI в. стрелецкое войско увеличилось, насчитывая около 20 тыс. человек. По сообщению С. Маскевича, в начале XVII в. только в Москве было 20 тыс. стрельцов; 18 тыс. из них польский комендант А. Гонсевский разослал по отдаленным городам. Указанная численность московских стрельцов выглядит явно завышенной – даже в середине XVII в. в столице несли службу не более 8 тысяч стрельцов. По-видимому, ожидая прихода к Москве польской армии, Василий Шуйский сосредоточил здесь стрелецкие части и из других городов. Они и были впоследствии выведены из столицы по приказу Гонсевского. Московских стрельцов в то время оставалось немного. В 1610-1611 гг. в столице их насчитывалось всего 2500 человек. – «А на Москве безотступно, - отмечали составители «Записки о царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах, приказах, войске, городах и проч.», - живут пять приказов стрелцов, а в приказе по пять сот человек; у них головы стрелетцкие, сотники, пятидесятники, десятники». После Московского восстания 1611 г. и осады города земскими войсками столичный гарнизон сократился и его пришлось формировать заново. В 1616 г. в Москве было 2000 стрельцов. После окончания военных действий против шведских и польских войск в 1617-1618 гг. стрелецкий столичный гарнизон стал быстро увеличиваться. В 1629 г. в Москве несли службу 8 стрелецких голов, 40 сотников и 4 тысячи стрельцов. Однако из этого числа 35 стрельцов было послано в Галич, 15 – к Соли Вычегодской, 20 – на заставу в Великом Устюге, 400 – в Путивль и Брянск. В Москве оставалось 3535 стрельцов. Спустя всего лишь год численность московских стрельцов увеличилась в полтора раза. По росписи Стрелецкого приказа в столице находилось 12 голов, 61 сотник и 6100 стрельцов. 500 из них находилось в Вязьме, по 400 – в Путивле и Валуйке, 300 – в Брянске. В 1638 г. в Москве по спискам значилось уже 15 человек стрелецких голов, 76 сотников и 8100 рядовых стрельцов. Из этого числа 4 головы, 20 сотников и 2000 стрельцов были высланы на южную границу к Яблоновому лесу, где шло строительство новой крепости. В 1651 г. численность стрелецких полков возросла до 44 486 человек, в московской службе в этом году находилось 18 приказов, 18 голов, 74 сотника и 8030 рядовых стрельцов. Однако, из этого числа приборных людей 6 приказов были выведены в другие города: 3 приказа находилось в Казани, еще 3 в Астрахани, Яблонове и Путивле. В Москве оставалось 12 голов, 50 сотников и 5556 стрельцов в 12 приказах.

Как и раньше, стрельцы делились на приказы, по 500 человек в каждом. Стрелецкие головы со своими приказами были вполне самостоятельны, подчиняясь непосредственно центральному учреждению - Стрелецкому приказу, известному, по крайней мере, с 1571 г., но возникшему, вероятно, вскоре после учреждения первых стрелецких приказов. Приказ ведал комплектованием, снабжением, вооружением и, по-видимому, обучением, стрельцов на территории всего Московского государства, осуществляя также административно-военные и судебные функции в отношении стрельцов.

Особое положение московских конных и пеших стрельцов определяли их служебные обязанности. Стремянные стрельцы несли ежедневно охрану царского дворца, самого государя и членов его семьи. Пешие стрельцы из состава расквартированных в столичном городе приказов, переменяясь по неделям, несли в Москве караульную службу. Как было показано выше, московские стрельцы часто посылались в другие города для временного, а иногда и постоянного усиления гарнизонов находившихся в пограничных крепостях. В начале 1640-х гг. правительство приняло решение об устройстве на житье в южных городах Яблонец, Усерд, Короче, Чугуеве, Вольном и Хотмышке 1200 московских стрельцов. В.А. Александров пытался обнаружить архивные свидетельства о выполнении этого решения, но отыскал лишь документы о переводе в 1647 г. 200 московских стрельцов в Усерд. Поэтому исследователь усомнился в реализации правительственного решения и, перепутав Усерд с Карповым отметил в своей диссертации: «Кроме Карпова, куда было переведено, как нам известно, 200 стрельцов из Москвы, никаких сведений о переводе московских стрельцов на юг нам не встречалось». Между тем, в другом московском архиве (ОР РГБ) сохранились материалы о том, что в 1642 г. на «вечное житье» в город Чугуев были переведены 200 московских стрельцов. Это обстоятельство свидетельствует о том, что распоряжение правительства об усилении гарнизонов южных городов московскими приборными людьми было исполнено.

В военное время стрельцы принимали участие в походах и боевых действиях в составе войска, во время штурмов городов первыми шли на приступ, в полевых сражениях с татарскими армиями стрельцы, как правило, размещались в «гуляй-городе» (обозе).

Московские стрельцы получали за службу большое денежное и хлебное жалованье. В XVI в. оно составляло: ежегодно по 4 руб., 12 четвертей (72 пуда или 1 т. 152 кг.) ржи и столько же овса. Старший командный состав назначался исключительно из числа служилых людей «по отечеству» - дворян и детей боярских. Стрелецкому голове, командовавшему приказом (полком), платили ежегодно 30-60 руб., он имел большой поместный оклад, как правило, 300-500 четвертей земли. Стрелецкие сотники, помимо земли, получали 12-20 руб., пятидесятники - 6 руб., десятники - 5 руб. денежного жалованья. В отличие от других приборных людей московским стрельцам выдавалась из казны соль (пятидесятникам - по 5 пудов; рядовым - по 2 пуда) и ежегодно сукно «на платье». В середине XVII в. денежное жалованье московским стрельцам несколько увеличилось: рядовым выплачивалось по 5 руб., десятникам - по 6 руб. и пятидесятникам - по 7 руб. Хлебного жалованья они получали соответственно $7\frac{3}{4}$, $8\frac{3}{8}$ и 9 четвертей ржи и столько же овса.

В 1616 г. жалованье городским стрельцам было увеличено «перед прежним с прибавкою». Рядовым стали платить по 3 руб. и выдавать хлебного жалованья по 6-7 четвертей ржи и овса на год. Стрелецкие сотники получали по 10 руб. Пятидесятники - по 3 р. 50 коп, десятники - по 3 р. 25 коп. Примерно такое же жалование установили для стрельцов, нанятых на службу Соловецкой обители. В XVII в. соловецкие стрельцы получали 3 руб. деньгами, 3 четверти ржи и 3 четверти овса. Как и государевым приборным людям, жалованье им выдавалось два раза в год. Вооружались соловецкие стрельцы за счет монастыря. Командовали ими два пятидесятника. Половина соловецкой стрелецкой сотни несла службу в монастыре, другая половина - в Сумском и Кемском острогах. Всего на содержание стрельцов монастырь тратил 380 рублей в год.

Городовые стрельцы располагались гарнизонами, численностью от 20 до 1000 и более человек, преимущественно в пограничных городах. Значительное число стрельцов находилось на северо-западной границе, особенно в Пскове и Новгороде. Стрелецкие сотни и приказы стояли в южных и «понизовых» пограничных крепостях, где многие из них несли конную службу. Однако, там они были менее заметны – на этих «украинах» имелись другие ратные люди, особенно казаки, несшие не только «полевую», но и «городовую» службу. Как и московские стрельцы, городовые служилые люди «по прибору» обеспечивались из казны денежным, хлебным и земельным жалованьем. Земельные угодья отводились им сразу на все подразделение (приказ, сотню). Единых окладов земельного жалованья для стрельцов, по-видимому, не существовало. Денежное жалованье рядовых городских стрельцов было в несколько раз меньше московского оклада, в XVI в. составляя, как правило, 2 руб. Десятники в городах получали по 2 руб. 25 коп., пятидесятники – 2 руб. 50 коп., а сотни – 10 руб., не считая хлебного жалованья, равнявшегося 6 - 7 четвертям (36-42 пуда или 576-672 кг.) ржи, «овса по тому ж». Однако, в 1623 г. денежное жалованье городовым стрельцам начали повышать. В грамоте, присланной из Москвы в Псков воеводам князю Андрею Васильевичу Хилкову и Ивану Федоровичу Наумову, в отношении гдовских стрельцов предписывалось: «Учинить прибавку пятидесятником – три рубли с полтиною, десятником по три рубли с четью, рядовым по три рубли человеку, а хлеб по прежнему». В середине XVII в. в Кольском остроге стрелецкое денежное жалованье составляло:

Голове – 25 руб.
Сотникам – 12 руб.
Пятидесятникам – 4 руб.
Десятникам – 3 руб. 75 коп.
Рядовым стрельцам – 3 руб. 50 коп..

Хлебное жалование на Коле составляло 2 четверти ржи, 4 четверти овса и 1 четверть ячменя.

Стрелецкие войска были достаточно мобильны, поэтому их часто перебрасывали для усиления того или иного участка границы. Так, в XVII в. в летнее время на южную «украину» перебрасывалось большое число стрельцов из Москвы и пограничных северо-западных русских городов: Великого Новгорода, Пскова, Вязьмы, Торопца, Острова, Гдова, Ладоги, Изборска, Опочки, Старой Руссы, Заволочья. Эти части призваны были усилить оборону рубежей, подвергавшихся татарским и ногайским нападениям. В 1630 г. в поход на Дон были направлены стрельцы и казаки из состава гарнизонов южнорусских крепостей. Всего 1960 человек. Из некоторых городов взяли более половины имевшихся там приборных людей. Так, Воронеж, где находилось 182 стрельца и 310 казаков, выставил в армию 100 стрельцов и 180 казаков. В том же году 30 тульских и михайловских стрельцов и казаков были отправлены в Мещовск, 50 дедиловских и лебедянских – в Масальск. Иногда стрельцы из пограничных городов, наиболее опытные в военном деле, направлялись на «годовую» службу в другую, менее защищенную пограничную крепость. В этом случае их старались заменить в своем городе служилыми людьми, переброшенными из более спокойных в военном отношении уездов. Так, в 1629, и в 1638 гг. в Терках несли годовую службу 500 астраханских пеших стрельцов, а в Астрахани несли службу: в 1629 г. – 500 стрельцов-«годовальщиков» из Казани, а 1638 г. - 1325 «казанских и пригородных, и нижегородских стрельцов».

В мирное и в военное время городовые стрельцы несли гарнизонную службу. Они охраняли крепость и острог (стояли на караулах по стенам, башням, у городских и острожных ворот), правительственные учреждения (съезжую избу, таможеню, «наряд», «зелейную» (пороховую) казну и т.п.). В обороне городов им отводилась главная роль. Неслучайно в 1617 г. новый углицкий воевода Петр Дашков, обнаруживший во вверенном ему городе, из ранее находившихся там приборных людей 6 пушкарей, написал в

направленном в Москву донесении следующую характерную фразу: «а во всех твоих государевых городех без стрелцов <...> осада крепка не живет».

Стрельцов посылали в качестве стражников в уезды за нетчиками, на селитряные промыслы; для сопровождения послов, различных припасов, денежной казны, преступников; их привлекали к исполнению судебных приговоров. Во время войны городовые стрельцы целыми приказами или сотнями назначались в разные полки войска. Почти все стрельцы, за некоторым исключением, несли службу в пешем строю. В дальние походы они, как правило, отправлялись на подводах. Конную службу несли московские «стремянные» стрельцы, стрельцы в Осколе (в 1638 г. помимо 70 пеших здесь было 100 конных стрельцов), Епифани (в 1637 г. в городе находилось 37 конных и 70 пеших стрельцов) и так называемых «Понизовых городках» - Астрахани (в 1635 г. там было 573 конных стрельца; в 1638 г. «по окладу» - 1000, в наличии - 772 человека), Терках (по списку – 500 конных стрельцов, в наличии – 347), Казани, Черном Яре, Царицыне, Самаре, Уфе (по 100 конных стрельцов), Саратове (150 конных стрельцов). Несущие конную службу стрельцы получали казенных лошадей или деньги на их покупку.

Вооружение стрельцов состояло из ручной пищали (ручницы, самопала), бердыша и сабли. Конные стрельцы даже в начале XVII в. имели на вооружение луки со стрелами. Кроме оружия, стрельцы получали из казны необходимое снаряжение: пороховницы, свинец и порох (в военное время 1-2 фунта на человека). Перед выступлением в поход или служебную «посылку» стрельцам и городовым казакам выдавалось необходимое количество пороха и свинца. В воеводских наказах содержалось строгое требование о выдаче боеприпасов «при головах и при сотниках, и при атаманах», призванных следить, чтобы стрельцы и казаки «без дела зелья и свинцу не теряли», а по возвращении «будет стрелбы не будет», воеводы должны были порох и свинец «у стрелцов и у казаков имати в государеву казну».

Власти добивались от стрельцов профессионального владения оружием, особенно огнестрельным. В сочинении английского путешественника Энтони (Антонио) Дженкинсона сохранилось подробное описание стрелкового смотра, произошедшего в Москве в 1557 г. Более детально этот источник будет рассмотрен в следующей главе, в разделе, посвященном обучению ратных людей.

В отличие от дворянской конницы стрельцы обучались не только стрельбе, но и военному строю, носили особую форменную одежду. В XVI в. у московских стрельцов она была двух видов – повседневная (так называемый «носильный кафтан») из сермяжной ткани серого, черного или коричневого цвета и парадная – длинные красные кафтаны и высокие шапки с меховыми отворотами. Городовые стрельцы также имели суконные кафтаны и шапки, но материал на пошив обмундирования выдавался им гораздо реже, чем московским стрельцам.

С нашей точки зрения, уже в первой половине XVII в. стрелецкие части носили характер регулярного войска. Следует обратить внимание, что несмотря на занятие торгово-промышленной деятельностью, значительная часть стрельцов призывалась на службу не только в военное время, но почти ежегодно высылались на службу в города, расположенные на южных границах страны. Этому сохранились документальные подтверждения. Так, в 1638 г. в Одоев перебросили 300 вяземских стрельцов (из 500 числившихся в этом городе), 200 стрельцов из Опочки (из 300); в Крапивне стояло 500 псковских стрельцов (из 1300) и т.п. Тогда же на юг к Веневу, были переброшены 500 новгородских стрельцов (50% общего числа). В Понизовых городках отправка стрельцов в порубежные крепости стала обычным делом. В 1638 г. 500 астраханских пеших казаков находились в Терках, 200 казанских стрельцов направили «для городского дела» в Уфу, где опасались калмыцкого нападения, 500 казанских стрельцов находились в Астрахани; из 50 тетюшских стрельцов - 10 были в Черном Яру, там же несли службу 10 из 20 лаишевских и 10 из 40 арских стрельцов, 20 алатских «приборных» людей из 49 служили в Астрахани, вместе с ними были 180 стрельцов из Свяжска, 50 из Чебоксар, 50 из

Козмодемьянска, 40 из Ядрина, 20 из Цывильска, 30 из Царева-Кокшайска. Из Царева-Санчурска, где числилось 200 стрельцов, 30 было послано в Черный Яр для временной службы, а 40 переведено туда «на житье». Из Кокшайска отправили 40 воинов: 20 стрельцов - на время, 20 – «на житье». Из Уржума «на годовой службе» в Астрахани находилось 60 стрельцов, «на житье» - 50 уржумских стрельцов. Курмышские приборные люди служили в Царицыне, Саратове и Астрахани. К дальней пограничной службе не привлекались лишь стрельцы из Алатыря, Ломова и Васильгорода. В отношении последнего исключение сделали из-за малочисленности гарнизона и явной неспособности находившихся там служилых людей «по прибору» выступить в поход. В Васильгороде, где должно было быть «по окладу» 50 стрельцов, на деле их было всего 17, да и те – «стары и увечны».

Известно, что массовое вооружение пехоты огнестрельным оружием в сочетании с новыми приемами взаимодействия в полевом бою пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей, привело к появлению линейной тактики, окончательно сложившейся в годы Тридцатилетней войны. В нашей литературе неоднократно высказывалось утверждение, что впервые в военной истории линейные боевые порядки применило русское войско в сражении под Добрыничами 21 января 1605 г., именно этим объясняя победу армии Ф.И. Мстиславского и В.В. Шуйского. Описание хода битвы под Добрыничами полностью опровергает данное предположение. Во время сражения стрельцы обстреливали поляков залпами из-за возов с сеном, заранее выстроившись в несколько шеренг. В бою пехотные части (стрелецкие приказы) не совершали никаких перестроений, оставаясь на своем месте до конца битвы. Единственным отличием сражения под Добрыничами от более раннего боя на реке Узруй (21 декабря 1604 г.), является наличие упомянутых возов с сеном, прикрывших центр русской позиции с фронта и фланга. Внутри этого полевого укрепления находились стрельцы, привыкшие в полевом бою действовать под защитой «гуляй-города» или «обоза».

В то время стрелецкие части еще не могли маневрировать на поле боя. Главной ударной силой оставалась дворянская конница, чьи действия прикрывали стрельцы, не менявшие своей позиции, фланги или тыл которой, как правило, опирались на обоз или на острожки, устройство которых было усвоено русскими воинами из опыта нидерландских и шведских военных инженеров. Отсутствием подобного прикрытия объясняется поражение войска Ф.И. Шереметева под Суздалем осенью 1609 г. Неудачное расположение пехотных частей под селом Клушино предопределило гибель армии Д.И. Шуйского в сражении 24 июня 1610 г. Однако, как показывает исход битвы под Бронницами летом 1614 г., в столкновениях с хорошо обученными иностранными наемниками, острожки не всегда выручали русских воинов. Впрочем, атакованная шведами 14 июля 1614 г. в острожке под Бронницами и разбитая ими армия Д.Т. Трубецкого в основном состояла не из стрельцов, а из ополченцев и казаков, по уровню боевой подготовки и вооружению на тот момент практически не отличавшихся друг от друга.

Учитывая вышесказанное, необходимо отвергнуть известный тезис А.В. Чернова о якобы имевшем место превосходстве русских стрельцов над западно-европейскими шкетерами, которым приходилось в бою прикрываться копейщиками, тогда как русские воины «могли одновременно вести огневой бой и бой холодным оружием, то есть были пригодны к самостоятельным действиям». Вряд ли дело обстояло столь благополучно. Иначе непонятно стремление московского правительства учредить в России полки солдатского, рейтарского и драгунского строя, преобразовав одни стрелецкие части исключительно в гарнизонные войска, другие же, за счет систематического обучения, поднять до уровня региментов «нового строя». Процесс перестройки московской армии не был быстрым и простым, однако желание создать боеспособные вооруженные силы достаточно четко просматривается в действиях всех русских царей XVII в.

3. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ «ПУШКАРСКОГО ЧИНА»

Развитие русской артиллерии привело к значительному увеличению служилых людей при «наряде» (артиллерийской прислуги). Постепенно обособившись от других воинских разрядов, они образовали особый разряд военнослужащих – служилых людей «пушкарского чина». Кроме пушкарей и затинщиков (действовавших в бою из малокалиберных орудий - затинных пищалей) к этому воинскому разряду относились мастера, изготовлявшие и чинившие «наряд», а также крепостные служители – воротники, рассыльщики и сторожа.

О численности и положении пушкарей и других служилых людей у «наряда» можно судить по записям писцовой книги города Торопца. В 1540 г. здесь имелось 5 пушкарей, 24 пищальника и вдова пищальника с сыном; все они жили на посаде в 30 дворах. Один пушкарь и два пищальника имели каждый по лавке в большом ряду. Писцовая книга отождествляет тех и других служилых людей: «и всех дворов пищальников и пушкарей 30, а пищальников в них 30 человек». В некоторых городах пищальники жили особыми слободами. Так, писцовая книга упоминает о слободке Пищальниковой в Серпухове; здесь дворы были, по всей видимости, казенные.

Во второй половине XVI в. число пушкарей и затинщиков в отдельных городах колебалось от 2-3 человек в Можайске и Кореле, до 33-34 человек в Казани и Опочке. В 1556 г. в Ивангороде было 46 пушкарей и затинщиков, но правительство стремилось довести их численность до 82 человек, так как в крепости «наряду городского много». Там, где имелись малокалиберные орудия - затинные пищали (главным образом в южных крепостях) пищальников-затинщиков было от 5 человек в Веневе до 48 человек в Туле. В 1545-1546 гг. в Новгороде насчитывалось 45 людей «пушкарского чина». Общее число пушкарей и затинщиков для XVI в. неизвестно. По предположению П.П. Епифанова общая численность пушкарей и затинщиков в XVI в. достигала не менее двух тысяч человек.

В то время круг обязанностей людей «пушкарского чина» был широк. Все они делились на два больших разряда – строевые чины (пушкарки и затинщики) и нестроевые чины (воротники, казенные кузнецы, казенные плотники, казенные сторожа и рассыльщики, зелейные, колокольные, шорные мастера, пушечные литцы, горододельцы, колодезники, чертежники; их ученики). В городах строевые пушкарки и затинщики разделялись на две половины, которые попеременно несли полковую и городовую (гарнизонную) службу. В военное время, по распоряжению Разрядного приказа, часть из них направлялась в армию, в составе которой пушкарки находились в ведении воеводы у «наряда», командовавшего войсковой артиллерией. Оставшиеся в своих городах служилые люди «пушкарского чина» в случае нападения неприятеля должны были участвовать в их обороне. В мирное время они посменно дежурили у своих орудий, следили за их исправным состоянием. Кроме того, люди «пушкарского чина» выполняли различные поручения, связанные с обеспечением своей службы. Их посылали для работы на пушечные дворы, они получали в арсеналах (чаще всего в Москве) новые орудия и осуществляли их доставку в город. Пушкарки направлялись на заготовку и развозку пороха, следили за ремонтом пришедших в негодность пушек и лафетов, изготовлением ядер и боеприпасов. В тех городах, где не было воротников, кузнецов и плотников, пушкарки выполняли их обязанности: запирали городские ворота, производили ремонт орудий и т.п. Как и другие «приборные люди», пушкарки и затинщики участвовали в строительстве и починке крепостей. Русские артиллеристы хорошо знали не только основы баллистики, но и инженерное дело. Их познания не раз использовало правительство. В 1599 г. при строительстве Царева Борисова для устройства в городе тайника и колодцев были направлены немецкий мастер «Юшко Аммон» и русский пушкарь Пospel Неклюдов. При исполнении служебных обязанностей пушкарки и их помощники-поддатни вооружались ручницами (пищальями).

В осадное время «штатным» пушкарям должны были помогать те горожане, крестьяне и монастырские служки, которым это вменялось в обязанность специально составленными росписями. Все они, несомненно, обучались артиллерийскому делу и в случае необходимости могли заменить выбывших из строя пушкарей и затинщиков. Учитывая такую организацию службы «у наряда», становится понятным наличие в некоторых русских городах орудий, превышающих число находившихся там пушкарей и затинщиков. Так, во второй половине XVI в. в Пронске при 98 орудиях (из них 42 – затинные пищали) состояло 12 пушкарей и 21 затинщик; в Деделове при 40 орудиях - 15 пушкарей, 25 затинщиков. Такая же картина наблюдается и в XVII в. В Белгороде в 1638 г. на службе находилось 45 пушкарей и затинщиков, 6 кузнецов и воротников, в то время как одних затинных пищалей там было 142, не считая пушек, верховых пищалей и тюфяков. В 1652 г. в Путивле при 63 орудиях, поставленных «по городу и по острогу» состояло 57 пушкарей. Обслуживать «наряд» во время сражений за город пушкари могли лишь с помощью «поддатней» из числа родственников и посадских людей. Это обстоятельство позволяет утверждать, что в России, в отличие от Европы, артиллерийское искусство не было монополией узкого круга профессионалов, ревниво следивших за сохранением тайны своего воинского мастерства.

Интересные и подробные сведения о числе людей пушкарского чина в русских городах относятся к первой половине XVII в. и содержатся в составленных в 1638 г.: 1) Росписи Новгородской четверти; 2) Росписи Устюжской четверти; 3) Ведомости пушкарей, затинщиков, воротников, казенных кузнецов, плотников и рассыльщиков, находившихся в ведении Пушкарского приказа; 4) Ведомости московских людей «пушкарского чина»; 5) Перечневом списке служилых людей сибирских городов. Обобщенные данные этих документов представлены в помещенной ниже таблице, с разбивкой на разделы по следующему порядку:

I. Количество людей «пушкарского чина» в Москве.

II. Количество людей «пушкарского чина» в городах и пригородах Новгородской четверти.

III. Количество людей «пушкарского чина» в городах Устюжской четверти.

IV. Количество людей «пушкарского чина» в замосковных, западнорусских и южных городах.

V. Количество людей «пушкарского чина» в сибирских городах.

Город	Численность пушкарей и затинщиков	Численность воротников	Численность казенных кузнецов и плотников	Численность рассыльщиков и казенных сторожей
I. Москва	248 пушкарей	68 чел.	14 чел.	-
II. Великий Новгород	30 пушкарей	6 чел.	-	-
Ладога	6 пушкарей	2 чел.	-	-
Псков	84 пушкаря	35 чел.	-	-
Изборск	15 пушкарей	-	-	-
Остров	15 пушкарей	-	-	-
Опочка	8 пушкарей	4 чел.	-	-
Гдов	15 пушкарей	6 чел.	-	-
Вологда	20 пушкарей	8 чел.	-	-
Нижний Новгород	19 пушкарей и затинщиков	11 чел.	-	-
На Двине	11 пушкарей, 20 затинщиков	3 чел.	-	-

Арзамас	30 пушкарей и затинщиков	3 чел.	-	-
Кольский острог	9 пушкарей	-	-	-
III. Великий Устюг	2 пушкаря			
Устюжна Железопольская	4 пушкаря			
IV. Серпухов	45 пушкарей и затинщиков	8 чел.	9 кузнецов	1 рассыльщик
Гремячий	40 пушкарей и затинщиков	4 чел.	2 кузнеца	-
Переяславль-Рязанский	55 пушкарей и затинщиков	13 чел.	2 кузнеца, 2 плотника	8 рассыльщиков, 9 сторожей
Венев	23 пушкаря и затинщика	-	-	-
Переяславль-Залесский	2 пушкаря	3 чел.	-	10 рассыльщиков
Борисово городище	6 пушкарей	-	-	-
Можайск	22 пушкаря	8 чел.	-	2 рассыльщика
Тверь	2 пушкаря	-	-	9 рассыльщиков
Данков	40 пушкарей и затинщиков	-	2 кузнеца	-
Лебедянь	39 пушкарей и затинщиков	-	3 кузнеца, 1 плотник	-
Епифань	20 затинщиков	1 чел.	-	-
Тула	63 пушкаря и затинщика	22 чел.	1 кузнец, 1 плотник	2 рассыльщика
Алексин	32 пушкаря и затинщика	-	3 кузнеца	1 рассыльщик
Зарайск	35 пушкарей и затинщиков	-	-	4 рассыльщика
Кострома	9 пушкарей	-	-	-
Михайлов	27 пушкарей и затинщиков	4 чел.	1 кузнец	5 рассыльщиков, 2 сторожа
Коломна	32 пушкаря и затинщика	8 чел.	2 кузнеца, 1 плотник	-
Мосальск	10 пушкарей	-	-	-
Путивль	69 пушкарей и затинщиков	6 чел.	6 кузнецов, 14 плотников	4 рассыльщика
Болхов	34 пушкаря и затинщика	-	-	-
Крапивна	36 пушкарей и затинщиков	2 чел.	1 кузнец	2 рассыльщика
Карачев	22 пушкаря и затинщика	1 чел.	1 кузнец	-
Калуга	18 пушкарей	16 чел.	2 кузнеца, 2 плотника	-
Брянск	85 пушкарей и затинщиков	6 чел.	1 кузнец, 4 плотника	-
Печерники	25 пушкарей и затинщиков	2 чел.	-	10 рассыльщиков, 2

				сторожа.
Воронеж	47 пушкарей и затынщиков	7 чел.	-	2 сторожа
Чернь	15 пушкарей и затынщиков	1 чел.	1 кузнец	-
Великие Луки	46 пушкарей и затынщиков	26 чел.	1 кузнец, 3 плотника	8 рассыльщиков
Лихнев (Лихвин)	9 пушкарей и затынщиков	2 чел.	-	2 рассыльщика
Торжок	7 пушкарей	1 чел.	-	10 рассыльщиков
Торопец	41 пушкарь и затынщик	16 чел.	4 кузнеца, 2 плотника	-
Волок Ламский (Волоколамск)	15 пушкарей	4 чел.	1 кузнец, 1 плотник	1 рассыльщик
Сапожок	32 пушкаря и затынщика (включая половинщиков)	4 чел.	-	-
Дедилов	35 пушкарей и затынщиков	6 чел.	1 кузнец, 3 плотника	-
Севск	73 пушкаря и затынщика	7 чел.	2 кузнеца, 1 плотник	1 рассыльщик
Ливны	42 пушкаря и затынщика	-	-	-
Оскол	50 пушкарей и затынщиков	8 чел.	1 кузнец, 1 плотник	-
Ярославль	18 пушкарей	-	-	9 рассыльщиков
Новосиль	21 пушкарь и затынщик	6 чел.	2 кузнеца, 2 плотника	-
Арзамас	20 пушкарей и затынщиков ²	2 чел.	-	-
Кашира	25 пушкарей и затынщиков	6 чел.	1 кузнец	-
Белгород	45 пушкарей и затынщиков	3 чел.	3 кузнеца	-
Владимир	13 пушкарей	13 чел.	-	5 рассыльщиков
Одоев	23 пушкаря и затынщика	4 чел.	1 кузнец	8 рассыльщиков
Белев	28 пушкарей и затынщиков	6 чел.	2 кузнеца	6 рассыльщиков
Перемышль	12 пушкарей и затынщиков	6 чел.	-	-
Козельск	16 пушкарей и затынщиков	3 чел.	2 кузнеца, 2 плотника	6 рассыльщиков
Суздаль	6 пушкарей	3 чел.	-	4 рассыльщика
Мценск	29 пушкарей и	7 чел.	1 кузнец, 1	10

² Выше, в Росписи Новгородской чети в Арзамасе значилось 30 пушкарей и затынщиков и 3 воротника. Всего в этом городе было 50 пушкарей и затынщиков и 5 воротников, которые находились в ведении разных приказов (соответственно, Пушкарского и Новгородской чети).

	затинщиков		плотник	рассыльщиков
Муром	9 пушкарей	-	-	-
Белоозерск	11 пушкарей	-	-	-
Пронск	35 пушкарей и затинщиков	5 чел.	2 плотника	-
Бежецкий Верх	-	-	-	5 рассыльщиков
Боровск	8 пушкарей	4 чел.	-	-
Вязьма	18 пушкарей	5 чел.	2 кузнеца	-
Кашин	5 пушкарей	-	-	2 рассыльщика
Рыльск	52 пушкаря и затинщика	18 чел. (включая кузнецов и плотников)	-	2 рассыльщика
Мещерск	6 пушкарей	2 чел.	2 кузнеца	-
Ржева Володимерова	12 пушкарей	2 чел.	-	-
Валуйка	100 пушкарей и затинщиков	-	1 кузнец	-
Старица	8 пушкарей	-	-	1 рассыльщик
Орел	29 пушкарей и затинщиков	1 чел.	1 кузнец	-
V. Тобольск	8 пушкарей и затинщиков	4 чел.	1 кузнец, 1 «самопальной» мастер.	4 сторожа
Верхотурье	5 пушкарей	-	-	-
Пелым	2 пушкаря	1 чел.	-	1 сторож
Туринский острог	5 пушкарей	1 чел.	-	-
Тюмень	5 пушкарей	2 чел.	-	-
Тарский город	10 пушкарей	2 чел.	-	-
Сургут	3 пушкаря	2 чел.	-	-
Березов	2 пушкаря	-	-	-
Томский город	7 пушкарей и затинщиков	3 чел.	-	-
Енисейский острог	1 пушкарь	-	-	-
Кузнецкий острог	1 пушкарь	1 чел.	-	-
Нарымский острог	2 пушкаря	1 чел.	-	-
Кецкий острог	-	-	-	1 сторож

Кроме того, в Москве в ведении Пушкарского приказа значилось 11 иноземных зелейных (пороховых) мастеров и подмастерий, зелейной мельницы мельник и бочар, 4 русских зелейных мастера и 18 учеников, русские бочар и мельник, 5 пушечных «литцов» и 37 их учеников.

Приведенные данные, в сравнении с отрывочными сведениями о количестве пушкарей в XVI в., позволяют сделать важный вывод: заметно сокращается число людей «пушкарского чина» в городах, удаленных от границ или находящихся на менее опасном направлении. Так, в Великом Новгороде, где в 1545-1546 гг. насчитывалось 45 пушкарей и пищальников-затинщиков, в 1555 г. оказалось 40 пушкарей, а в 1638 г. было уже только 30 пушкарей. (Для сравнения в Пскове - 84 пушкаря) Не может не обратить на себя внимания достаточно большое число артиллеристов, находившихся на Русском Севере, на Двине (11 пушкарей и 20 затинщиков, больше чем в Новгороде), в Вологде и Кольском остроге. По-видимому, правительство, таким образом, старалось обезопасить торговлю с европейцами

на Белом море. И все же большинство русских пушкарей и затинщиков было сосредоточено в западнорусских и южных порубежных городах – там, где постоянно зрели новые военные конфликты. Поразительный факт - на втором месте после Москвы по количеству артиллеристов стоял небольшой южный город Валуйки, построенный в 1599 г. на реке Валуй, недалеко от места ее впадения в р. Оскол. В этой крепости в 1638 г. числилось 100 пушкарей и затинщиков. Таким образом, в число 5 наиболее значительных в отношении обеспечения кадрами артиллеристов городов входили (без воротников, казенных кузнецов и плотников, рассыльщиков и сторожей):

Москва – 248 чел.

Валуйки – 100 чел.

Брянск – 85 чел.

Псков – 84 чел.

Севск – 73 чел.

Данный факт свидетельствует не только об исключительном значении перечисленных городов в обеспечении обороноспособности страны, но и о наиболее опасных, с точки зрения русского правительства, участках границы, где необходимо было иметь большой штат пушкарей и затинщиков.

Как видно из приведенных выше данных, только пушкарники, пищальники (затинщики) и воротнички составляли постоянную часть гарнизона в каждом городе или жилом остроге, другие категории людей «пушкарского чина» имелись лишь в наиболее крупных городах, являвшихся военно-административными центрами. Из всех перечисленных укрепленных пунктов пушкарей и затинщиков не было лишь в городе Бежецкий Верх и Кецом остроге. В первом из них из нестроевых людей «пушкарского чина» находилось лишь 5 рассыльщиков, во втором – 1 казенный сторож. Существовали в Московском государстве города, где людей «пушкарского чина» не было. Среди них оказались достаточно крупные и важные в экономическом отношении Соль Вычегодская, Тотьма, Чаронда (Устюжская четверть), Пермь Великая, Вятка, Каргополь, Кеврол, Пустозерск, Гороховец, «Еренский город на Высме» (Новгородская четверть). Удаленность этих мест от опасных границ позволяло правительству не держать там воинских гарнизонов и, соответственно, людей «пушкарского чина».

* * *

Освобожденные от некоторых налогов и повинностей пушкарники должны были пребывать в готовности к походу, неся в мирное время караульную службу у крепостных орудий и выполняя различные поручения по укреплению городов.

Как отмечалось выше, пушкарники и затинщики в русской армии составляли особую группу ратных людей. Подобно стрельцам, они делились на две категории – московских и городских пушкарей и затинщиков. В случае совместной службы лучшие городские пушкарники («которые бы стреляти умели и собою резвы») служили в «поддатнях» (помощниках) у артиллеристов, присылавшихся из Москвы. Московские пушкарники получали более высокое содержание. По-видимому, уже с середины XVI в. существовала практика перевода «добрых» пушкарей из городов в Москву.

Пушкарники и затинщики первоначально верстались на службу из посадских людей и городских ремесленников, ведавших городским «нарядом». Позднее в «старых» городах пушкарская служба стала наследственной: каждый пушкарь и затинщик готовил себе смену из подрастающих детей или племянников. Прием на службу производился на определенных условиях, с поручительством уже состоявших на службе пушкарей. Каждый новоприборный пушкарь или затинщик принимал на себя обязательства: выполнять всякую службу при «наряде» в мирное время и в походах, быть преданным Русскому государству, не воровать государевой казны, не пить, не выдавать тайн пушкарского дела и

т.п. Поручители отвечали за нового пушкаря головами, давая за него особую поручную запись.

Впрочем, и в более позднее время, в случае необходимости в пушкари «прибирались» выходцы и из торгово-посадской среды, из стрельцов и казаков, и даже, иногда, из неверстанных поместным жалованьем детей боярских. Именно к такому выводу приводит анализ «сказок», сообщенных о себе новоприборными пушкарями, поступившими в 1635 г. на службу в Чернавский острог. Из 10 человек лишь двое (десятник Панкрат Кузнец и Василий Винников) были в прошлом елецкими пушкарями, сдавшими свою службу родственникам. Трое оказались братьями стрельцов. Один (Давид Борисов) - неверстанным сыном боярским из Ельца, другой новоприборный пушкарь – Федор Харин ранее служил казаком в Новосили. Кроме них в пушкари записались мелкий торговец из Мценска, отпущенные на свободу оброчный крестьянин и слуга елецкого сына боярского

Несмотря на разницу в происхождении будущих пушкарей, все же, по всей видимости, на службу к «наряду» прибирали тех, кто был знаком с артиллерийским делом или в осадное время прислуживал у орудий. Успешные действия русской артиллерии во время осады Смоленска 1514 г., под Казанью и в ливонских походах явились результатом не только умелого руководства воевод нарядом, но и высокого мастерства пушкарей. Каким путем приобретались пушкарями знания источники умалчивают, но известно, что при Иване Грозном в Москве, по-видимому, ежегодно производились учебные артиллерийские стрельбы в присутствии самого государя.

За службу пушкари получали денежное и хлебное жалованье и земельные наделы. В середине века московским пушкарям полагалось по 2 руб. в год, по осьмине муки и по ½ пуда соли в месяц. Кроме того, московские пушкари получали «по сукну по доброму, цена по 2 рубля». Во время походов выдавалось дополнительное хлебное содержание.

В 1556 г. при верстании на Невли в службу городских пушкарей, пищальников (затинщиков) и других служилых людей «пушкарского чина» (воротники, кузнецы, плотники, сторожа у казны), все они должны были получить в год денежного жалованья по одному рублю, по 2 пуда соли и по 12 «коробей» ржи и столько же «коробей» овса. Соль и хлебное жалованье, как правило, заменялось деньгами «по тамошней цене». Для устройства на новом месте им выдавался 1 рубль «на дворы» одновременно, с обязательным уточнением для ответственных за выплату новгородских дьяков: «а впредь бы есте им тех денег по рублю человеку не давали».

В XVII в. денежные оклады людям «пушкарского чина» разнились в зависимости от расположения городов, в которых они проходили службу. В наилучшем положении оставались московские пушкари, получавшие по 4 руб. 50 коп. жалованья. Почти столько же полагалось артиллеристам южных городов, находившихся на направлении опасных татарских набегов: в Валуйках (город был вынесен за линию засечных укреплений) – по 4 руб., в Короче и Обояни – по 3 руб. 2 деньги; в Севске, Путивле, Рыльске и Карачеве – по 3 руб. (нестроевые чины в этих городах получали по 2 руб.), в Болхове – по 2 руб. 50 коп. В Заоцких и Рязанских городах пушкари и затинщики получали по 2 руб. 50 коп., нестроевые чины – по 2 руб. на человека.

Особой статьей учитывались деньги, выдаваемые пушкарям и затинщикам «на селитьбу». В этом отношении людей «пушкарского чина» обычно равняли со стрельцами. В 1637 г. при наборе на службу в южные крепости Усерд и Яблонов стрельцов, конных казаков и пушкарей, новоприборным пушкарям было выдано (как и стрельцам) по 5 руб. в год каждому. Хлебного жалованья пушкари и стрельцы получали тогда одинаково – по 2 чети ржи (12 пудов; 192 кг.) и по 3 чети овса (18 пудов; 288 кг.). Казаки получали больше, но они несли конную службу.

В XVII в пушкарскую службу «прибирались» родственники находившихся в строю людей «пушкарского чина», а также вольные люди, достигшие восемнадцатилетнего возраста, имевшие поручителей из числа находившихся в «приборе» пушкарей и затинщиков. Служба была «вечной», что неоднократно подчеркивалось составителями официальных документов. Как и другие служилые люди, пушкари получали отставку лишь в преклонном возрасте («за старостью»), из-за тяжелых ранений или увечий. Отставные артиллеристы также находились на постоянном учете властей, привлекаясь к выполнению отдельных поручений, а в случае надобности могли быть возвращены в строй.

Управление служилыми людьми «пушкарского чина» находилось в ведении нескольких приказов: Пушечного (позднее Пушкарского) приказа, Новгородской четверти, Устюжской Четверти, Казанского и Сибирского приказов. В боевом отношении русская артиллерия и ее кадровый состав находились в подчинении Разрядного приказа. При такой системе организации управления артиллерии порой возникали ситуации, подобные Арзамасской, где 30 пушкарей и затинщиков и 3 воротника находились в ведении Новгородской четверти, а 20 пушкарей и затинщиков и 2 воротника – в ведении Пушкарского приказа. Главную роль в руководстве русской артиллерией играл Пушкарский приказ, которому подчинялись пушкари и «наряд» Москвы, а также центральных и южных областей страны. Существование этого ведомства отмечено с 1577 г. Приказ имел не только военно-административные, но и судебные функции. Он набирал людей на службу, назначал оклады жалованья, повышал или понижал в чинах, посылал в походы, судил, отставлял от службы и т.д. В мирное время начальники Пушкарского приказа ведали засеками и приписанными к ним засечными головами, приказчиками и сторожами. Только в период обострения ситуации на южной границе засеки и находившиеся на Черте служилые люди переходили в непосредственное подчинение Разрядного приказа.

В городах пушкари и другие служилые люди подчинялись первоначально городовым приказчикам, а с конца XVI в. - осадным головам (иногда в документах упоминаются пушкарские головы или «нарядчики»), назначавшиеся в крепости, где числилось не менее 30 служилых людей «пушкарского чина». Если пушкарей в городе было немного, и осадный голова над ними не назначался, то «нарядом» и состоявшими при нем служилыми людьми ведал воевода. В большие города, в арсеналах которых находилось значительное число орудий, кроме осадных голов назначались также особые пушкарские головы, получавшие высокое денежное жалованье. В Астрахани оно составляло 50 руб., а на Тереке – 30-50 руб. в год.

Подобно стрельцам артиллеристы находились в сотенной службе и делились на сотни и десятки, которыми командовали пушкарские сотники, пятидесятники и десятники. Для выполнения особо важных поручений (оберегания пороховой казны и т.п.) из среды рядовых пушкарей выбирались «целовальники», получавшие за эти обязанности дополнительное жалованье.

В XVII в. у русских пушкарей были особые отличительные знаки, изготовлявшиеся в виде круга, с нанесенным на него чеканным изображением львиной головы с пушкой во рту. Русские артиллеристы отличались хорошей выучкой и меткой стрельбой. При необходимости они легко поражали небольшую цель. Так, первым же ядром был убит польский ротмистр Дрогобыж (по-видимому, опытный снайпер), решивший во время осады Великих Лук в сентябре 1580 г. спрятаться в саду возле крепости и застрелить одного из защитников из мушкета. Он был обнаружен и сражен метким выстрелом с крепостной стены. При этом «ядро вырвало у него левую руку вместе с сердцем». Искусство московских пушкарей высоко оценивали побывавшие в России иностранцы. Об этом свидетельствовал шведский посланник Эрик Пальмквист, писавший, что у русских много хороших артиллеристов (пушкарей и затинщиков), которые «никогда не делают промахов».

4. КАЗАКИ

С середины XV в. при описании боевых действий русских войск начинают упоминаться служилые казаки, составлявшие отряды пограничной стражи преимущественно из местного населения. В составе русского войска первые казачьи части появляются в середине XVI в. в качестве одного из разрядов служилых людей «по прибору».

Происхождением и характером службы эти «приборные» люди были связаны с вольными казаками, проживавшими на степных окраинах Московского государства.

В XV - начале XVI в. казаками именовали всех вольных людей; ряды казачества пополняли русские беглые крестьяне и холопы, селившиеся на дальних «украинах», зачастую за пределами земель, подвластных московским государям. Предшественниками самых известных из них - донских казаков некоторые исследователи склонны считать упоминавшихся в летописях «бродников» Приазовья, иногда принимавших участие в междоусобных войнах и походах русских князей, подчас вместе с половцами и монголами. Однако подтвердить свою гипотезу убедительными доказательствами ее сторонники так и не смогли. Подобно болгарам и половцам, «бродники» были ассимилированы народами, пришедшими в XIII в. с монголами в приазовские и причерноморские степи, войдя в состав татарской народности.

Слово «казак» тюркского происхождения и означает «вольный человек», «удалец». Несомненно, первыми казаками были выходцы из степных орд, объединившиеся в отряды, подчинявшиеся собственным вожакам, выдвинувшимся за счет своих военных талантов и храбрости. Во время больших походов ордынских ханов казаки присоединялись к их армиям, в мирное время промысляя разбоем и угоном скота. Со временем в ряды казаков начинают вливаться русские удалыцы, так называемые «запольные», уходившие на степные («запольные») реки «в молодечество». Они перенимали образ жизни «ордынских» казаков, их хозяйственные занятия, а главное – способы ведения степной войны. Следы совместной жизни сохранялись достаточно долго. Еще С.М. Соловьев приводил в подтверждение этого интересный пример – в XVI в. одним из главных донских атаманов был Сары-Азман, а атаманом азовских казаков – Стенька Ложник, преследовавший русского посланника Новосильцева. Контакты рязанцев со степными разбойниками вызывали опасение у московского великого князя. Об этом свидетельствует интересный документ – послание Ивана III вдовствующей рязанской княгине Аграфене, датированное 1502 г. Обращаясь к ней, московский государь требовал от рязанских властей принять самые решительные меры против донских казаков и тех русских людей, кто «пойдет самодурью на Дон в молодечество». Рязанская земля, находившаяся на границе Руси и «Поля» стала колыбелью русского казачества. Первое упоминание о рязанских казаках относится ко времени битвы на речке Листани в 1443 г. Пришедшие тогда в Рязанскую землю отряды татарского царевича Мустафы были атакованы не только войском московских воевод Василия Ивановича Оболенского и Андрея Федоровича Голтыева, но и мордовскими лыжниками и казаками, пришедшими «на ртах (лыжах. – В.В.) с сулицами и с рогатинами, и с саблями». Совместными усилиями противник был разбит. Исключительно важная роль, сыгранная жителями рязанского порубежья в формировании казачества, подтверждается и другими дошедшими до нас документами. В 1501 г. прибывший из Кафы посол Алакозь просил у Ивана III нанять «казакон рязанских десять человек, которые бы на Дону [дороги] знали». Великий князь с пониманием отнесся к просьбе посла и обратился с соответствующим распоряжением к княгине Аграфене. И в данном случае Иван III не преминул подтвердить «заповедь» русским людям уходить «в молодечество» на Дон. Семьи ослушников подлежали казни или продаже в холопство.

В те же годы казачество зарождалось и на русских землях входивших в состав Великого княжества Литовского. Уходя от тяжелого панского гнета, многие жители Приднепровского края бежали «за пороги», на впадающие в Днепр и Южный Буг степные

реки. Первые достоверные известия о поселениях казаков в низовьях Днепра относятся к 1489 г. (в Подолии) и 1492 г. (на Киевщине). Центром возникшего в нижнем течении Днепра казачьего района стал остров Томаковка (Буцкий остров), затем, во времена Дмитрия Ивановича Вишневецкого - о. Хортица, с сохранением Сечи на Томаковке. После уничтожения татарами в 1593 г. Томаковской Сечи (во время похода запорожцев на Киев) казаки перенесли свое главное поселение на остров Базавлук. Как и в Московском государстве, многие днепровские казаки поступали на службу к польскому королю, зачисляясь в так называемое «реестровое казачество».

Со временем русский элемент среди селившихся на Днепре и Дону казаков стал преобладающим. Тем не менее, даже в конце XV – начале XVI в. в «Поле» оставались и «ордынские казаки», совершавшие дерзкие нападения на русские «украины». Постепенно они были оттеснены к Азову. Остатки этих «лихих казаков» (200 чел.) в 1503 г. пытался набрать на службу крымский «царевич» Бурнаш-Гирей. Дальнейшая судьба их неизвестна, но вполне возможно, что они вошли в состав донского казачества.

Интересы казачества постоянно сталкивались с силами, враждебными Русскому государству – Турцией, Крымским ханством, Ногайской ордой. Немногочисленные, но хорошо организованные казачьи отряды наносили противнику серьезный урон, вынуждая его считаться с собой.

Появление враждебного татарам вольного казачества не могло не встревожить властителей Крымского юрта. Борьба русских казаков с татарами и ногаями наиболее ожесточенный характер приняла на рубеже XV и XVI вв. В 1515 г. диздар (комендант) Азова Бурган жаловался Василию III на мешчерских казаков, в непосредственной близости от турецкой крепости пленивших трех местных жителей. В это время рязанские и мешчерские казаки уже чувствовали себя хозяевами на Дону. Чтобы обезопасить подступы к Азову турецкое правительство решило сбить казаков с этой реки. В 1519 г. против них были отправлены три каюка с янычарами, получившие приказ занять устье реки Воронеж. Московское правительство, встревоженное приближением турецких войск к русским владениям предложило Стамбулу установить на Хопре точно обозначенную границу, однако крымское вторжение 1521 г. перечеркнуло эти планы. Впрочем, утвердиться на Дону и Воронеже турки не смогли. «Заполяне» из рязанских и северских мест продолжали освоение Подонья в более благоприятных условиях – после нашествия Мухаммед-Гирея московские власти прекратили преследовать казаков. Более того, русские «украинные наместники», несомненно с ведома правительство стали поручать «заполянам» «отведывати людей на поле, нечто которые люди нашего недруга хотят прити на наши украинные места и лихо похотят учинить, и они б безвестно не прошли». Выполняли казаки и другие поручения Москвы. Так, в 1523 г. отправившихся вниз по Дону русских и турецких послов сопровождало 5 станиц рязанских казаков. В те годы шел интенсивный процесс объединения тюркского и русского казачества, нашедший отражение в документах. В 1538 г. из Москвы писали в Ногайскую Орду: «На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а из наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят». Много позже Григорий Котошихин написал о донцах следующее: «А люди они породю москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи...»

Именно тогда на Дону возникали первые временные казачьи поселения, их «зимовища и юрты», в которых они могли поселить свои семьи. Постепенно на месте некоторых из них возникли огороженные простейшими укреплениями (рвом, валом с тыном) «городки». В них казаки укрывались во время внезапного нападения татар, хранили припасы и вооружение. Первые достоверные сведения о казачьих городках относятся к 40-м гг. XVI в. В 1548 г. упоминается «острога», которую атаманы Михаил Черкашенин и Истома Извольский поставили на «Великом Перевозе» (Переволоке). Кроме этого укрепленного поселения на Дону существовало 3 или 4 «города», в которых атаманствовал Сары-Азман, возможно на «запольных» реках находились и другие казачьи

поселения. Н.А. Мининков высказал предположение о существовании еще одного казачьего центра на Нижнем Дону, однако в дошедших до нас документах он не упоминается.

Московские власти не контролировали «польских» казаков, признавая тот факт, что «те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают». Численность их росла. На Дон шли не только рязанские «заполяне», но и вольница из Северной земли и даже западнорусских земель. В донесении путивльского наместника Троекурова, направленном в 1546 г. в Москву, сообщалось о том, что «ныне казаков на Поле много, и черкасцов, и кыян, и твоих государевых – вышли, государь, на Поле из всех украин». К середине XVI в. казаки освоили донские и приднепровские степи и начали тревожить татар в их улусах. С нескрываемой тревогой о действиях донцов в 1551 г. писал ногайскому князю Исмаилу турецкий султан Сулейман I, по словам которого, «казаки с Озова оброк емлют и воды на Дону пить не дадут. А крымскому де царю потому ж обиды чинят великие». Перечисляя их, султан упоминает и не отраженный в русских источниках казачий набег на Перекоп.

Первый известный поход против Крыма донские казаки совершили в 1556 г. Войско во главе с атаманом Михаилом Черкашенином, возглавлявшим казаков, живших на Северском Донце, на стругах по реке Миус спустилось в Азовское море, пересекло его и разорило окрестности Керчи. Двух захваченных во время похода «языков» (татарина и турка) казаки прислали в Москву.

Приток русского населения на Дон возрос в конце XVI в. в связи с усилением податного гнета в центральных областях Русского государства, разоренного Ливонской войной и опричниной. Среди уходивших на Дон людей было немало преступников, бежавших из Московского государства от заслуженного наказания. Им на руку был старинный обычай казаков не выдавать беглых русскому правительству. «И быв на Дону хотя одну неделю или месяц, - писал Котошихин, - а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свободждаютца». Эта традиция оказалась живучей и сохранилась до времен Петра I.

Правительство, стремясь унять казачьи разбои и использовать их военный опыт для борьбы с татарской угрозой, стало привлекать вольных казаков к государственной пограничной службе. Как пограничная стража служилые казаки раньше всего появились на южных «украинах», где существовала постоянная опасность вражеского нападения. Они сыграли очень важную роль при реорганизации в 1571 г. сторожевой и станичной службы, заменив отряды детей боярских, которые были возвращены в полковую службу.

До середины XVI в. вольные казаки не включались в состав русского войска, однако их действия в южнорусских степях становились все более заметными. Игнорировать это обстоятельство московские власти не могли. Наличие общего врага сближало интересы Москвы с донским и запорожским казачеством.

Эпизодические контакты правительства с донскими казаками начались в конце 40 – начале 50-х годов XVI в., а в 70-е гг. приобрели постоянный характер. В немалой степени этому способствовало то, что по Дону шли все дипломатические и торговые сношения Русского государства с Крымом и Турцией. В то время донское казачество еще не имело единой войсковой организации, поэтому для обеспечения безопасности этого пути правительству приходилось контактировать с выборными властями отдельных юртов и отрядов, размещавшихся по берегам рек бассейна Дона.

Первое упоминание о «приборе» донских казаков на московскую службу относится к 1549 г. Направив к ногайцам посла Ивана Федулова, царь Иван Васильевич предлагал им начать совместные действия против Крыма, сообщая, что уже «велел казакам своим путивльским и донским крымские улусы воевати и недружбу царю делати».

В том же 1549 г. несшие службу в степи «великого князя казаки Урачко с товарищи» перехватили казанских послов, везших в Крым сообщение о смерти хана Сафа-Гирея. В 1550 г. донские казаки участвовали в боях с ногайцами под Рязанью. В конце

1550-х гг. они включались в состав русских войск, несших службу «на Поле». В источниках сохранилось упоминание о том, что из донских казаков состоял отряд головы Юрия Булгакова, в 1557 г. разбивший на реке Айдар татар, шедших в набег к русской границе («под украйну»). Захваченных в бою «языков» привели в Москву казачьи атаманы Елка и Лопырь. Донские и волжские казаки участвовали в борьбе с ногайцами, в составе московских армий завоевывали Казань и Астрахань, бились на полях сражений Ливонской войны, несли службу в пограничных русских крепостях, получая за службу кормовое, а иногда и поместное жалованье.

Помимо дозорной и походной службы правительство прибегало к помощи казаков для охраны посольств и торговых караванов, обещая им жалованье, главным образом, сукнами, селитрой и свинцом, в которых казаки очень нуждались. Для успешного выполнения таких поручений атаманам разрешалось «прибирать» на «донскую службу» даже северских служилых людей, за которыми сохранялись их поместья.

Еще одним центром вольного казачества после завоевания Казани и Астрахани являлась Волга, куда донцы переходили с Дона и в поисках добычи спускались на своих судах в Каспийское море. Объектом их нападений становились торговые караваны и ногайские кочевья. В официальных бумагах того времени сохранились имена казачьих предводителей, разбойничавших на Волге: Василий Мещерский и Пичуга Путивлец. Первоначально правительство пыталось договориться с волжскими казаками миром. В 1557 г. на Волгу был направлен атаман Ляпун Филимонов, пользовавшийся полным доверием Москвы со времени покорения Астрахани. Он получил наказ предпринять меры, «чтоб казаки не воровали и на ногайские улусы не приходили». Казаки не послушались Филимонова и, убив атамана, напали на шедший вниз по Волге торговый караван и разграбили его. Расхищенной оказалась и государева казна, отправленная тогда в Астрахань. Это нападение стало первым зафиксированным в документах выступлением казаков против русского правительства. Оставить его без последствий московские власти не могли. На Волгу направили войска, включавшие дворянские сотни, стрельцов и отряды служилых казаков во главе с атаманами А. Ершовым, Б. Губиным и Д. Хохловым. Принятые правительством меры несколько разрядили обстановку. Английский посол Э. Дженкинсон, побывавший в этих краях вскоре после описанных событий отметил, что место у Переволоки ранее представляла опасность «из-за воров и разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно».

Однако полностью очистить Волгу от казаков не удалось и вскоре нападения возобновились. Об одном из них известно со слов англичан Томаса Бэннистера и Джона Дэкета, корабль которых, направлявшийся из Ширвана в Астрахань, был атакован и захвачен казаками. Астраханский воевода выслал против разбойников 500 воинов на 40 лодках, а затем подкрепление еще на 60 лодках. В результате большого сражения разбойники были разбиты, многие из них погибли, другие бежали. В 1581 г. правительственные войска на Волге разгромили еще один казачий отряд. Возглавлявший его атаман Митя Бритоус был взят в плен и повешен.

Вынужденные покинуть Волгу, казаки вернулись на Дон, но часть их двинулись за Волгу. В конце июня - начале июля 1581 г. отряд атамана Нечая напал на ногайцев, разорив их столицу Сарайчик, располагавшуюся в низовьях реки Яик (Урал), положив тем самым начало яицкому казачеству. Окончательно казаки утвердились на Яике в 1586 г., поставив на Кош-Яицком острове напротив устья реки Илек постоянный городок. Ногайцы попытались уничтожить казачью крепость, долго осаждая ее, но, потерпев поражение, вынуждены были отступить. К концу XVI в. казачьи городки находились по всему Яику. С 1591 г. уральские казаки служили в рядах русского войска. Власть московского царя яицкие казаки признали при Михаиле Федоровиче, а до этого, по их воспоминаниям, «жили...немалое время своевольно, ни под чьею державою». Подобно донцам, яицкие казаки первоначально жили небольшими общинами, образовавшимися вокруг городков. Единая казачья область (Войско) возникла на Яике в 50-е гг. XVII в. В воинском искусстве

яицкие казаки не уступали донцам, поддерживая с ними тесную связь, получая отсюда пополнения и помощь, а в случае необходимости и укрытие. В 1636-1637 гг. в донском городке Голубые проживал Иван Яковлевич Поленов, который в 1636 г. был есаулом в войске яицких казаков, взявших персидский город Фарабад.

6 апреля 1579 г., за два года до разгрома Сарайчика, большой отряд волжских казаков (540 человек), был нанят на службу крупнейшими русскими солепромышленниками Строгановыми. Владения этих купцов, находившиеся на восточных границах Московского государства, постоянно тревожили набегами сибирские татары и подвластные им племена хантов и манси. Казачье войско, во главе которого стоял атаман Ермак Тимофеевич, понадобилось Строгановым не для обороны, а для нападения. Количество нанятых купцами казаков было действительно велико (оно заметно превосходило число, например, всех гребенских и терских казаков), однако Строгановы еще больше увеличили его за счет собственных отрядов. 1 сентября 1581 г. в поход за Уральские горы выступило около 1500 воинов, вооруженных самым современным для того времени оружием, в том числе семипяденными пищальями и испанскими аркебузами. Кроме Ермака казачью армию возглавляли атаманы Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк. Закаленное в боях с ногайцами, казачье войско сравнительно легко сломило сопротивление сибирских татар и разгромило Орду Кучума. На завоеванных в Западной Сибири территориях стали возникать русские города и остроги, гарнизоны которых состояли преимущественно из служилых казаков. Первой столицей русской Сибири стал Тобольск, где в 1638 г. было 102 конных и 525 пеших казаков, а в 1651 г. 109 конных и 368 пеших казаков, не считая казаков так называемого «литовского списка», которые несли службу вместе с иноземцами. При сопоставлении цифр бросается в глаза значительное сокращение числа пеших казаков, по-видимому, переведенных в остроги Восточной Сибири.

Во второй половине XVI в. несколько отрядов волжских казаков, продвигаясь по западному берегу Каспийского моря, достигли реки Терека на Северном Кавказе и Гребенских гор, где стала складываться новая казачья область. Первое достоверное упоминание о вольных казаках на Северном Кавказе относится к 1563 г. Но малочисленность обосновавшихся здесь вольных людей изначально вынуждала их действовать в союзе с русскими воеводами, стремившимися укрепиться на Северном Кавказе. Важной вехой в истории терского и гребенского казачества стало построение в 1567 г. Терского городка, заложенного в месте впадения Сунжи в Терек. Несмотря на временный уход царских войск с Терека в 1571 г., казаки остались на Кавказе, продержавшись там до возобновления Терского города в 1578 г. Их городки даже выросли за счет уходивших на юг «схожих» людей. В 1592-1593 гг. 600 вольных казаков «с Терка» совершили нападение на турецкие владения на Таманском полуострове, разграбили и сожгли посады крепости Темрюк. В годы Смутного времени, подобно другим казачьим юртам, часть терцев «заворовала». Именно здесь началось движение «Лжепетра», поддержанного 300 казаками во главе с атаманом Федором Бодыриным. Втайне от других терцев, оставшихся с воеводой П.П. Головиным, восставшие ушли на Волгу для грабежа купеческих судов. Поводом к мятежу стала невыплата казакам царского жалованья. Впоследствии 4-тысячное войско Лжепетра выступило к Путивлю и приняло участие в восстании, начатом Г.П. Шаховским и И.И. Болотниковым.

События Смутного времени привели к значительному сокращению численности терского казачества, в XVII в. объединившегося в сравнительно немногочисленное Терское казачье войско. Если в 1638 г. «вольных атаманов и казаков, которые живут на Терке-реке» значилось 356 человек, то уже в 1651 г. там было 440 терских и гребенских атаманов и казаков.

Ситуация, складывавшаяся в районах поселения вольных казаков, привлекала пристальное внимание в Москве. Правительство прекрасно понимало сложность положения на Дону и других казачьих реках, где находились как сторонники, так и

противники сближения с Русским государством, опасавшиеся распространения московских порядков на свои юрты. Серьезно осложняли отношения их «воровские» (разбойные) действия казаков в пределах Московского государства, особенно в Поволжье, а также их нападения на Большую Ногайскую орду, находившуюся в союзе с Россией. Поэтому у царских властей сохранялось настроенное отношение к казачьей вольнице, приводившее порой к враждебным акциям против нее.

В 1574 г. Иван Грозный в ответ на жалобы ногайского князя на умножившиеся разбойные нападения на его владения вольных людей предложил ему своими силами уничтожить донских казаков, которые «не по нашему велению на Дону живут». Тогда же воеводам пограничных городов предписывалось казнить всех объявившихся в их крепостях казаков. В правление царя Федора Ивановича отношение к донцам несколько изменилось. 31 августа 1584 г. от его имени на Дон была отправлена грамота, адресованная «донским атаманам и казаком старым и новым», со следующим предложением: «как воинские люди крымские <...> и нагаи пойдут войною на наши украинны, или какие воинские люди пойдут с полоном с наших украин, и вы б в те поры на тех людей на перевозех приходили и над ними промышляли <...> а нам тем служили. А мы вас за вашу службу жаловати хотим, а ныне есмь к вам свое жалованье, которым ходили атаманы и казаки под Калмиус, послали с Борисом с Благим, селитру и свинец, а вперед вас своим жалованьем хотим жаловати». В 1592 г. русскому правительству удалось договориться с Низовым войском Запорожским о совместной борьбе с крымскими татарами, пообещав выплачивать им денежное и хлебное содержание. Периодически царское жалованье получали также запорожцы, волжские, терские и яицкие казаки.

Отношения русского правительства с вольными казаками вскоре вновь испортились. В конце XVI в. правительство предприняло попытку взять юрты донских казаков под свой постоянный контроль. На требование Москвы государевым «делом промышлять» под началом головы Петра Хруцова донцы ответили категорическим отказом, заявив, что «прежде сево мы служили государю, а голов у нас не бывало, служивали своими головами. И ныне де рады государю служить своими головами, а не с Петром». По сообщению летописца, «казакам от царя Бориса было гонение велие: не пушали их ни на какой город, куды они не придут, и их везде имаше и по темницам сажуху».

В конце XVI в., из-за бегства населения из центральных районов страны на окраины, ряды казачества стали быстро пополняться. Если в первой половине 1590-х г. общая численность донского казачества едва превышала 2 тыс. человек, то на рубеже XVI и XVII столетий, как предполагает Н.А. Мининков, численность так называемого Главного войска, размещавшегося в городках Нижнего Дона составляла уже не менее 5-6 тыс. человек. При этом следует учитывать, что значительная часть донского казачества, проживавшего в поселениях выше Раздор и по притокам Дона, не входила в это объединение. С мнением Миненкова можно согласиться. Известно, что в годы Смутного времени казачьи отряды, действовавшие на территории Московского государства насчитывали не одну тысячу человек «вольных казаков». К ним примкнуло («показачилось») немало крестьян, посадских и служилых людей. Отряды донских, терекских и яицких казаков служили самозванцам и даже интервентам, участвовали во многих мятежах начала XVII в. Тем не менее, правительство знало о имевшемся несогласии в казачьей среде и склонно было поддерживать казаков, которые оставались в своих городках, продолжая оберегать русские «украины». Дважды, в 1606 и 1608 гг. на Дон направлялось царское жалованье. Выплата его прекратилась только в 1609 г., после окружения Москвы войсками Лжедмитрия II и начала польско-литовской интервенции и возобновилась сразу же после избрания на царство Михаила Федоровича Романова.

Войско Донское окончательно сформировалось уже после Смутного времени, при деятельной поддержке Москвы. Правительство помогало процессу объединения, рассчитывая, что он облегчит контроль за донской вольницей. В грамоте от 18 марта 1614

г., при обращении к казакам, содержится характерная запись «все наше войско нижних и верхних юртов и запольных речек». В том же году на Дон было прислано царское знамя. С 1613 г. началась посылка казакам регулярного жалования. В первой половине XVII в., по разным причинам, оно не выплачивалось лишь в 1618, 1620, 1625-1627, 1629-1631, 1636 и 1647 гг. Первоначально, направляя на Дон «казну» правительство стремилось отвлечь казачество от поддержки Заруцкого и других врагов, переключить внимание донцов на борьбу с татарами, ногаями и азовцами. Расчет русских властей оправдался. Процессу консолидации не смогли помешать даже происходившие в 1617-1618 гг. волнения на Дону, когда был «выбит» из круга сторонник Москвы атаман Смага Чертенский. Возглавившие Войско Епиха Радилов и Исая Мартемьянов не дали ему распасться, сохранив союзнические отношения с Россией.

В 1614 г. численность казаков, живших в Раздорах и других низовых городках, составляла всего 1888 человек. Постепенно ряды донской вольницы пополнились и казаки смогли активизировать свои действия против Турции и Крыма. Первый большой морской поход состоялся весной 1617 г. Казачье войско, численностью 700 человек захватило и разграбило на анатлийском побережье города Синоп и Трапезунд. Это нападение явилось полной неожиданностью для турецкого правительства, попытавшегося принять меры для предотвращения новых казачьих атак. В 1618 г. под Азовом на реке Каланче для наблюдения за выходом донцов в море строиться башня, было засыпано русло Мертвого Донца, через которое ранее незамеченными проходили казачьи струги. Однако, год от года, нападения донцов и действовавших в союзе с ними запорожцев становились все мощнее.

В первой половине XVII в. лишь однажды – на рубеже 20-30-х годов, отношения русского правительства и казаков обострились и привели к конфликту и полному разрыву. В 1630 г. Москва, вступившая в антипольский союз с Турцией, потребовала от донцов выступить в поход на помощь турецкой армии, стоявшей под Очаковым. Казаки решительно отвергли это предложение, заявив, что они никогда своим врагам туркам «не служивали». Более того, донцы продолжали совершать нападения на Крым. Правительство арестовало приехавших Москву с войсковыми отписками атамана Наума Васильева и 70 казаков, разослав по городам в заточение. Патриарх Филарет объявил казакам «вечное запрещение и отлучение». Действия московских властей вызвали на Дону взрыв возмущения, жертвой которого стал воевода Иван Карамышев, казненный донцами по вздорному обвинению в желании «казачьих казнить казнью смертною, вешать и в воду сажать и кнутьем достальных бить». Войсковым атаманом был тогда Волокита Фролов. Правительство попыталось организовать блокаду Дона, однако жители русского порубежья легко обходили запреты властей, пользуясь покровительством местных воевод, поддерживавшими тех кто торговал с донцами в интересах личного обогащения. Определенную роль сыграло разрешение для русских людей ездить на Дон для выкупа оказавшихся в татарском плену родственников. Пользуясь этим целые караваны тяжело нагруженных лодок-будар отправлялись к вольным казакам, доставляя им необходимые запасы. Достаточно подробные сведения об истинном положении дел поступили в Москву в 1631 г. от лазутчиков из числа царицынских стрельцов, посланных на Дон «проведывать всяких вестей» и узнать «казачьи умышленья». По возвращении они доложили, что видели у казаков торговых людей, прибывших на бударах из Воронежа «со всякими хлебными запасы, и с медом, и с вином, и з зельем, и с свинцом, и с сукны». На Дону также ждали прибытия 20 будар из Белгорода и приезда 70 торговых людей из Валук, которые, как выяснилось позднее, были на Северском Донце перехвачены и разгромлены запорожцами. Правительство попыталось провести розыск в отношении лиц, дерзко нарушавших его запреты, однако он окончился практически безрезультатно. Впрочем, разрыв донского казачества с Москвой оказался непродолжительным. В 1632 г. в канун Смоленской войны при войсковом атамане Иване Каторжном, отношения были восстановлены.

В те годы правительство стремилось использовать вольное казачество для прикрытия русских границ, выплачивая им за службу небольшое жалование. Сохранились достаточно подробные сведения о посылках на Дон царской «казны» за 1621-1648 гг. Общие показатели произведенных денежных выплат и выдачи вещевых и продовольственных припасов даны в следующей таблице:

Год	Денежная «казна»	Суконная «казна»	Хлебные запасы	Пороховая и свинцовая «казна»
7129 (1621)	1000 руб.	40 поставов	300 четвертей сухарей, 50 четвертей крупы, 50 четвертей толокна, 50 ведер вина.	40 пуд. пороха, 40 пуд. свинца, 40 пуд. селитры, 40 пуд. серы.
7130 (1622)	2000 руб.	40 поставов	300 четвертей сухарей, 50 четвертей крупы, 50 четвертей толокна, 50 ведер вина.	40 пуд. пороха, 40 пуд. свинца, 40 пуд. селитры, 40 пуд. серы.
7131 (1623)	1000 руб.	20 поставов	150 четвертей сухарей, 25 четвертей крупы, 25 четвертей толокна, 25 ведер вина.	20 пуд. пороха, 20 пуд. свинца, 20 пуд. селитры, 20 пуд. серы.
7132 (1624)	2000 руб.	40 поставов	300 четвертей сухарей, 50 четвертей крупы, 50 четвертей толокна, 50 ведер вина.	40 пуд. пороха, 40 пуд. свинца, 40 пуд. селитры, 40 пуд. серы.
7136 (1628)	2000 руб.	40 поставов	300 четвертей сухарей, 50 четвертей крупы, 50 четвертей толокна, 50 ведер вина.	40 пуд. пороха, 40 пуд. свинца, 40 пуд. селитры, 40 пуд. серы.
7140 (1632)	2000 руб.	10 поставов	200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупы, 30 четвертей толокна, 100 ведер вина.	60 пуд. пороха, 30 пуд. свинца,
7141 (1633)	1000 руб.	10 поставов	-	-
7142 (1634)	2000 руб.	10 поставов	200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупы, 30 четвертей толокна, 100 ведер вина.	60 пуд. пороха, 30 пуд. свинца
7143 (1635)	2000 руб.	10 поставов сукна доброго, 13 поставов сукна среднего	200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупы, 30 четвертей толокна, 100 ведер вина.	60 пуд. пороха, 30 пуд. свинца.
7145 (1637)	2000 руб.	40 поставов	300 четвертей сухарей, 50 четвертей крупы, 50 четвертей толокна, 200 ведер вина.	100 пуд. пороха, 50 пуд. селитры, 40 пуд. серы, 190 пуд. свинца. Пушечные ядра к 84 пищалям, по 50 ядер к каждой.
7146	500 руб.	-	200 четвертей муки	300 пуд. пороха,

(1638)			ржаной, 50 четвертей крупы, 50 четвертей толокна 200 ведер вина.	200 пуд. свинца
7147 (1639)	6000 руб.	-	1000 четвертей муки, 500 четвертей сухарей, 300 четвертей толокна, 200 четвертей крупы.	300 пуд. пороха, 200 пуд. свинца. 350 ядер железных к 7 большим пушкам. 5 пуд. фитиля.
7148 (1640)	6000 руб.	-	-	-
7149 (1641)	8000 руб.	-	4000 четвертей муки, 300 четвертей сухарей, 350 четвертей крупы овсяной, 350 четвертей толокна*.	-
7150 (1642) /два жды/	5000 руб. 2000 руб.	- 200 поставов	- 2500 четвертей хлебных запасов.	- 300 пуд. пороха, 300 пуд. свинца.
7151 (1643)	2000 руб.	23 поставка	100 ведер вина.	200 пуд. пороха, 150 пуд. свинца.
7152 (1644)	5000 руб.	100 поставов	2575,5 четвертей ржаной муки, 249,5 четвертей сухарей, 87,5 четвертей толокна, 87,5 четвертей крупы, 300 ведер вина.	410 пуд. пороха
7153 (1645)	2000 руб.	50 поставов	-	300 пуд. пороха, 200 пуд. свинца.
7154 (1646)	5000 руб.	100 поставов	2575,5 четвертей ржаной муки, 249,5 четвертей сухарей, 87,5 четвертей толокна, 300 ведер вина.	300 пуд. пороха, 200 пуд. свинца. “Да на парусы 10000 аршин холстов, да на поделки” - 500 пуд. железа, 500 пуд. смолы, 200 пуд. «конопати»
7156 (1648)	3000 руб.	-	-	-
7157 (1649)	-	-	1000 четвертей ржаной муки, 500 четвертей сухарей, 300 четвертей толокна, 200 четвертей крупы.	-

Анализируя эти данные, нетрудно заметить, что в 1628-1634 гг., по указанным выше причинам, жалование казакам не направлялось, но затем, в канун Смоленской войны, на Дон вновь стала отправляться царская «казна». Самые значительные «отпуски»

* В документе сделана пояснительная запись: «И тот запас в том году не послан, для того под Азов пришли турецкие люди, и тот запас стал на Воронеже».

правительство производило в годы обострения обстановки на южной границе, когда Москва была прямо заинтересована в участии казаков в военных действиях. Русские власти поддержали и азовскую акцию донцов, именно тогда посылка на Дон «казны» и хлебного жалования стала почти ежегодной. За 28 учтенных лет только деньгами казаки получили 55 500 руб.

При поддержке России казачество быстро превратилось в силу, с которой считались не только крымские ханы и ногайские мурзы, но и власти Высокой Порты. Донцы оповещали Москву о готовящихся нападениях, уничтожали шедшие на Русь и из Руси небольшие татарские отряды, совершали стремительные набеги на побережье Крыма и турецкие города. В первой половине XVII в. отношения донских казаков с Московским государством определялись их добровольной службой «с травы и воды», при этом в своих обращениях к царю они постоянно подчеркивали, что не поступят своими вольностями. Накануне Смоленской войны в 1632 г. правительство попыталось связать донцов присягой, предложив их атаманам подписать текст особой крестоприводной записи, однако эта акция полностью провалилась. На верность царю присягнули лишь находившиеся в Москве атаманы Богдан Конинский и Тимофей Лебязья Шея. На Дону враждебно встреченная крестоприводная грамота была отвергнута. Самым активным противником установления служебных отношений между Москвой и Войском Донским являлся войсковой атаман Иван Каторжный. Отказавшись от присяги на верность царю, казаки тем не менее направили достаточно большой отряд в армию М.Б. Шеина, выступившую к Смоленску в 1632 г. В дальнейшем тесное сотрудничество русского правительства и казачества продолжалось, но строилось оно на взаимовыгодных условиях. Только после подавления восстания Степана Разина казаки признали верховную власть Москвы над Доном. Однако Войско Донское сохранило значительную автономию и право освобождать «от всяких бед» беглых людей и казаков. Широчайшие привилегии донского казачества отмечал Г. Котошихин: «И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятся во всяких делех по своей воле, а не по царскому указу». Несмотря на достаточно благожелательное отношение к казачеству, московские власти решительным образом пресекали их разбойные действия, направленные против русских людей. В 1627 г. правительству удалось добиться от Войска Донского запрещения походов «за зипунами» на Волгу. Поводом к этому решению войскового круга послужил разгром казаками «завозенного» каравана. Уступая требованию Москвы донцы «учинили заказ крепкой, чтоб отнюдь никто з Дону на Волгу для воровства не ходили, а только <...> хто з Дону на Волгу пойдет, а после объявитца на Дону, и тому быть кажнени смертью». Однако, судя по всему, этот запрет носил декларативный характер – донские отряды продолжали разбойничать на Волге. Интересные подробности о борьбе с казаками в Поволжье содержит грамота из приказа Казанского Дворца, посланная в 1636 г. саратовскому воеводе Григорию Ивановичу Фефилатьеву. В ней упоминалось о захвате саратовскими стрельцами на Сосновом острове атамана Бориса Александрова, который под пыткой показал, что он и его люди «пришли воровать на Волгу з Дону и суды и ватаги грабили и людей мучили». После допроса атаман был казнен. Это решение воеводы Фефилатьева московское начальство одобрило и предписало ему поступать так и впредь: «воровских казаков велети на Волге побивать <...> и с Волги их сбивать», а «которых воинских людей (татар – В.В.) и воровских казаков возьмут на боех и приведут живых на Саратов по тому ж их про такие вести и про приходы на наши города войною и про всякое воровство роспрашивал и пытал накрепко. Чтоб у них однолично про всякие вести и про приход войною и про всякое воровство допытатца подлинно. А после роспросных и пыточных речей [если] объявитца в воровстве и для исповеди отца духовного их вершить на Волге – по приметным местам перевешеть». Примечательно, что в данном случае «воровских» казаков правительство сравнивало с татарами, требуя от воевод беспощадной борьбы как с теми, так и с другими.

Спустя 14 лет в тех же местах схвачены были казаки атамана Микиты Соколова, которых саратовский воевода Василий Григорьевич Фефилатьев «пытал накрепко и огнем жег», после чего посадил в тюрьму до получения соответствующего распоряжения из Москвы. Позднее их повесили по местам, «где бывает приход воровских казаков», «чтоб на то смотря впредь воровские казаки по Волге нигде не воровали.

Несмотря на подобные эксцессы, омрачавшие отношения Москвы и Дона, складывающаяся на южных границах обстановка вынуждала русское правительство использовать боевые возможности казачества, направляя их против общего врага – Крымского ханства. Пользуясь поддержкой и помощью Московского государства, Войско Донское значительно окрепло. Умножилось число казачьих поселений. В середине XVII в. на Дону было 30 – 34 городка, на Хопре – 4 городка, на реке Медведице – 3 городка.

На врага казаки ходили «конною» (сухим путем) и «плавною» ратями. Их походы могли представлять собой как общевойсковые операции, так и предприятие некоего сообщества какзаков, сплоченных общей целью. Отправляясь на войну, казаки не отягощали себя большими обозами, беря с собой лишь запас сухарей, оружие и боеприпасы. Дисциплина в походном войске поддерживалась идеальная, распоряжения походного атамана выполнялись немедленно и беспрекословно. Своим вождям казаки говорили: «Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы». За малейшее нарушение, обман и воровство у товарищей, «за некрепкую службу» суд вершился немедленно прямо в казачьем кругу. Виновного либо зашивали в куль и бросали в реку, либо, по свидетельству Котошихина: «посадя на площади или на поле» расстреливали из луков или пищалей. На время военных действий под страхом немедленной смерти казакам запрещалось употребление хмельных напитков. Вооружены они были ручницами (пищальями), копьями и саблями, легкими пушками. Если в бою их окружали превосходящие силы противника, то донцы, спешившись и образовав круг, отстреливались от нападавших, прикрываясь лошадьми. Атаковали казаки лавой (сотней, выстроившейся в одну линию), стремясь обойти фланги неприятельского строя; при этом за атакующей лавой следовала вторая, а затем, возможно, и третья, довершавшая разгром врага.

Для морских походов они изготовляли корабли – струги, каждый из которых вмещал 70-80 человек. Даже несколько таких судов могли на равных вести бой с турецкими военными кораблями. В документах сохранилось описание сражения, произошедшего недалеко от Керчи, где 2 казачьих струга были атакованы 10 турецкими каторгами, но отбились, обратив врага в бегство. При этом 4 турецкие галеры были казаками захвачены.

* * *

В отличие от донского, яицкого, терекского казачества служилые казаки с самого начала входили в действующую военную организацию Московского государства. Как самостоятельный разряд служилых людей «по прибору» они появляются на Руси во второй половине XVI в. Казачьи приказы и сотни были расквартированы не только в южных, но и в северо-западных городах страны. Правительство расплачивалось со служилыми казаками денежным и хлебным жалованьем, а также наделяло их небольшими участками земли. В пограничных городах они размещались преимущественно в особых казачьих слободах. «Прибираемые» для казаки получали название того города, где были поселены, с обязательным определением характера службы (станичной, полковой, городской), а иногда с обозначением способа их обеспечения (вотчинные, поместные, кормовые).

Внутренняя организация служилых казаков, за исключением поместных, была такой же, как у городских стрельцов. Казаки находились «в приборе» у головы, набиравшего их на службу. Казацкий голова непосредственно подчинялся городскому воеводе или осадному голове. Нормальный состав прибора составлял 500 человек. Приборы делились на сотни, полусотни и десятки. Поместные казаки в включались в состав дворянских

конных сотен. Так, в полку воеводы И.Г. Сорнякова-Писарева на смотре в 1629 г. помимо 219 елецких детей боярских и 54 недорослей «объявилось» 16 поместных казаков.

Общее число городских казаков в середине XVII в. по «Смете всяких служилых людей» 1651 г. достигло 19 115 человек, не считая тех, которые служили вместе с дворянами и детьми боярскими.

Иногда обстоятельства вынуждали правительство нарушать собственные принципы и верстать в казачью службу тяглых людей. Так, в 1590 г. с деревень Спасо-Прилуцкого монастыря было взято в «ратные» казаки 400 человек. Однако подобные случаи являлись скорее исключением из правил. В казаки «прибирались» обычно люди, хорошо знавшие условия будущей службы и умевшие обращаться с огнестрельным оружием. В нашем распоряжении находятся сведения о казаках, принятых в 1635 г. на службу в новопостроенный Чернавский (Усть-Чернавский) острог, «из-за Ивана Тургенева», который «велел их свободить и велел им жити в Усть-Чернавском остроге в казачьей службе». На 26 отпущенных на волю крестьян сохранились короткие справки, благодаря которым можно установить, что 10 из них – это дети или племянники белевских, чернских или крапивенских казаков, 1 – стрелецкий сын, 4 – сами служили казачью службу, а затем передали ее сыновьям и зятям или «сошли» с нее в годы «литовского разорения», 4 – родственники детей боярских, разорившихся в Смутное время (трое из них были насильно покрестьянены), 1 – выходец из Серпейска, отошедшего к Речи Посполитой, и только 4 – из зависимых людей, причем один из них, Емельян Михайлов сын Стаканов, жил в бобылях за казаком. Как видно из перечисленного, большинство вновь принятых в службу казаков хорошо представляли характер будущих обязанностей и, по-видимому, были обучены военному делу. Всего тогда в Чернавском остроге было набрано 310 казаков, в основном присланные с Ельца «казачья братья, дети и племянники, неслужилые люди». Желающих показаться было много. Проводивший набор Иван Афанасьевич Бунин сообщал в Москву на царское имя, что «бьют челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии твои государевы розных городов люди козачья и стрелецкая братья дети и племянники, а ко мне холопу твоему приносят челобитные, а в челобитных их пишет[ся], что бы ты государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии пожаловал, велел им служить в Чернавском остроге казачью службу». И.А. Бунин особо уточнял, что все желающие поступить на службу «розных городов люди – казачья братья, дети и племянники, а не из-за детей боярских крестьяне и не кабалные и не служивые». Поступить в чернавские казаки или пушкари хотели не только родственники казаков и стрельцов, но и «ливенцов и елецких детей боярских братья и племянники, неверстанные и кормовые дети боярские безпоместные». По-видимому, некоторые челобитные этих людей были удовлетворены, так как уже в 1638 г. в Чернавском остроге числилось 404 казака.

Подобно стрельцам за свою службу казаки получали денежное и хлебное жалованье, казенное оружие и боеприпасы. В 30-х гг. XVII в. в южнорусских городах рядовые казаки получали «на селитьбу» - 2 руб., годовой денежный оклад – 3 руб., 4 четверти ржи, 3 четверти овса, 1 пуд соли, пищаль, фунт зелья и фунт свинца. Столько получил при поступлении на службу в Усть-Чернавский острог новоприборный казак Семка Мухортой, оказавшийся беглым кабалным холопом Федосейкой Рожковым.

Управление частями городских казаков на территории Московского государства в XVI в. находилось в основном в ведении Стрелецкого приказа. В южных городах Стрелецкий приказ делил эту функцию с Разрядом, ведавшим поместными, беломестными, станичными и полковыми казаками, несшими службу «с детми боярскими». В XVII в. некоторая часть казаков находилась в ведении Казачьего приказа - в 1651 г. таковых насчитывалось 1381 человек. Именно эти казаки сохранили свою станичную организацию и выборных командиров (атаманов и есаулов). Служилые казаки находились также в ведении Новгородской чети, Казанского дворца, Сибирского приказа, некоторых других территориальных ведомств. Безусловно, столь сложная система управления казачьими

войсками затрудняла общее руководство ими, однако позволяла более оперативно решать военные задачи, стоявшие перед тем или иным территориальным приказом.

Вышесказанное относится исключительно к служилым казакам, размещенным по городам. Сношениями с донскими и другими вольными казаками, официально не состоявшими на государственной службе, ведал Посольский приказ. Участвуя в войнах с врагами Московского государства, вольные казаки сохраняли известную самостоятельность и могли по разным причинам покинуть действующую армию, не считаясь с обстановкой на полях сражений. Это обстоятельство имело порой самые драматические последствия.

5. РАТНАЯ СЛУЖБА ТЯГЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Во время больших войн правительство непременно привлекало к военной службе городское и сельское население, не исключая из расклада и «белые» дворы и монастырских людей. Военная повинность была значительной - до одного ратника с 1-5 дворов. В основе установления размеров этой повинности лежала «соха», то есть определенная податная единица. Величина сохи разнилась в зависимости от принадлежности земли и ее качества. Для служилого землевладения она составляла 800 четвертей доброй, 1000 четвертей средней и 1200 четвертей худой земли; для церковного землевладения – 500, 600 и 700 четвертей, для черных земель – 500, 600 и 700 четвертей соответственно. Ополчение, собираемое с «сох», называлось «посошной ратью» или «посохой». Население снабжало ратников оружием, доспехами и содержало их во время нахождения на службе.

Ряд отечественных исследователей (А.В. Чернов, Е.А. Разин, А.А. Зимин) преувеличивали боевое значение посошных людей, пытаясь противопоставить их поместной коннице. При этом они вполне сознательно отвергали вывод, достаточно убедительно сформулированный сначала в дореволюционной литературе, а затем развитый С.К. Богоявленским о том, что «главная сила русского войска того времени заключалась <...> в коннице, состоявшей из детей боярских».

Вопреки очевидным фактам А.В. Чернов объявил, что «подобные утверждения источниками не подтверждаются. Не господствующий класс (дворяне и дети боярские) являлся главной силой войска по численности и боеспособности, а народные массы». Внимание исследователя привлекают в первую очередь «посошные люди», а, во-вторых, боярские люди (боевые холопы). В обоих случае А.В. Чернов завышает их роль в военных действиях, пытается доказать их способность выполнять самостоятельные боевые задачи. Признавая очевидность вспомогательного характера службы посошных и боярских людей, историк пишет об автономии составленных из «посохи» и боевых холопов пехотных отрядов при взятии Казани в 1552 г. Действительно, в составе русской пехоты помимо стрельцов и казаков в штурме участвовали и «боярские люди», однако, сражались они в составе общих штурмовых колонн под началом государевых воевод. Аналогичный случай произошел в годы русско-шведской войны 1590-1595 гг., когда во время штурма Нарвы (19 февраля 1591 г.) в составе атакующих крепость русских отрядов находились «боярские люди з головами 2380 человек». По-видимому, это было не одно, а несколько сводных подразделений с назначенными из детей боярских командирами, которые должны были действовать во втором эшелоне на разных направлениях, и в случае успеха первыми вступить в крепость для участия в уличных боях. Посошных людей задействовали на осадных работах (они упоминаются в составе русской рати уже в 1502 г. под Смоленском), но, вопреки мнению А.В. Чернова, в участия штурмах они тогда не принимали.

Е.А. Разин, говоря о военной организации Русского государства XV в., делает не менее странное заявление, что «ядром войска была так называемая «московская рать», то есть полки, укомплектованные ремесленниками, купцами и другими жителями Москвы».

Возможно, в данном случае автором было опущено необходимое добавление «ядром пешего» войска.

Наконец, А.А. Зимин вполне серьезно писал о «войске посошных людей», состоявшем «главным образом из людей по прибору, посадских по своему происхождению». По мнению историка, они составляли гарнизоны Пскова, Новгорода, Корелы, Копорья и Орешка. Впрочем, исследователь сам же и разрушил свою гипотетическую конструкцию, признав, что «посоха» и отряды пищальников находились в ведении городских приказчиков, а значит, не имели единого руководства, самостоятельного значения, ни войсковой, ни полковой организации. В другой, более ранней работе, А.А. Зимин полагал, что ядром русского постоянного войска с середины XV в. стали стрельцы, якобы имевшие «значительное преимущество над дворянской конницей, постепенно уступавшей ему (стрелецкому войску – В.В.) место».

Вспомогательное значение посошных людей в составе русских походных ратей достаточно очевидно, хотя обязанности их были весьма разнообразны. Силами посошных людей выполнялось большинство военно-инженерных работ по устройству дорог, мостов, постройке и укреплению городов, возведению пограничных сооружений в виде земляных валов, засек и т.п. В случаях, требующих участия в боевых действиях большого числа воинов, посошные люди привлекались в помощь ударным частям для выполнения поставленных перед ними задач.

Значение посохи при «наряде» (артиллерии) было особенно велико. Пешие и конные посошные люди выполняли работы по перевозке орудий и боевых запасов, обслуживали орудия в период боевых действий, помогая пушкарям и затинщикам в их установке, подносе ядер и т.п. Число мобилизованных к «наряду» посадских людей и крестьян исчислялось многими сотнями и даже тысячами. Во время Ливонского похода 1577 г. при находившейся при армии Ивана Грозного артиллерии состояло пеших и 4124 конных посошных людей (всего 12724 человека). В декабре 1633 г., при формировании резервной армии князя Д.М. Черкасского и князя Д.М. Пожарского, в Можайск с назначенным начальником артиллерии Ф.Е. Лызловым были направлены пушкарские головы «тверитин Василий Шепилов, <нрзб>, Прокофей Батанов, Семейка Омельянов, Онисим Семенов, Иван Исаев», московские и городские пушкари, «а с ними даточных людей пеших пятьсот пятьдесят четыре человека». Однако основным обслуживающим персоналом при орудиях оставались пушкари и пищальники (затинщики).

Другая повинность населения состояла в охране и защите городов. В мирное время горожане обязались, кроме участия в содержании лиц гарнизонов, нести личную повинность по охране городских и крепостных сооружений. В 1636 г. в 130 городах осадную службу несли 11 294 посадских и уездных людей, вооруженных не только холодным оружием (луками, бердышами, копьями), но и «вогненным боем». По подсчетам П.П. Елифанова, среди посадских людей ружье имел каждый пятый горожанин, а среди крестьян и бобылей, привлеченных к осадной службе, пищали были у каждого шестого человека. В 26 городах в то время не было постоянных гарнизонов, в случае необходимости их защищали посадские люди. Правительство было заинтересовано в этом и добивалось, чтобы в городах вооружены были все домохозяева. Даже московские подьячие указом 1646 г. обязывались «держати у себя луки, и пищали, и рогатины, а по вестем быти подья[чим кон]ным у го[лов] в сотнях, а пешим по городу з головами». Сохранившиеся сведения о вооружении жителей русской столицы рисуют любопытную картину. В 1638 г. из 10 787 московских домохозяев пищальями было вооружено 5508 человек (51,4 %), рогатинами – 2070 (19,3 %), пищальями и саблями – 306 человек (2,85 %), пищальями и рогатинами – 103 человека (0,96 %), копьями – 99 человек (0,92 %), бердышами – 49 человек (0,45 %), мушкетами – 30 человек (0,28 %), карабинами и пистолетами – по 2 человека, саблей и саадаком – по 1 человеку. Без оружия оставалось всего 2616 московских жителей (24,4 %).

Боевым оружием, в том числе и огнестрельным, были вооружены многие уездные крестьяне, не только порубежных волостей, но и достаточно удаленных от границ местностей. В 1613 г. в Белоозерском уезде прибираемые на стрелецкую службу земские люди обязаны были иметь собственные самопалы. Тогда в ожидании новых неприятельских нападений с белозерских волостей собирали по 10 ратных людей с сохи «с пищальми, с луки». На юге России оружие стало необходимой принадлежностью почти всех сельских жителей. Царскими указами население, вооруженное пищалями, поднималось на защиту засечных укреплений «от приходу крымского царя и царевичей и больших воинских людей». Некоторые служилые люди вооружали своих крестьян и формировали из них отряды. Так, чернский помещик Бунин жаловался на соседа Матюшку Боева, совершившего набег на его деревню, «собрався с крестьяны большим нарядным делом с луки и с пищальми и с бердыши». В 1635 г. при переписи острожков, построенных на южном границе самим местным населением, обнаружилось, что один из таких острожков, возведенный у деревни Башкотовой, оберегают «опричь служилых людей» вооруженные пищалями крестьяне «человек петдесят и болши». Другие острожки в Орловском уезде также оберегали «неслуживые» дети боярские и крестьяне. В один из них, Точюковский, в военное время «бегали» 64 человека с пищалями и 21 – с саадаками. В Яблоновском уезде крестьянам рекомендовалось ездить на пашню, покос и за дровами с пищалями, рогатинами и бердышами. В 1646 г. короченскому воеводе Михаилу Прокофьевичу Воейкову было приказано привлечь к ратной службе не только детей боярских, стрельцов и казаков, но и крестьян и бобылей. Вооружались они пищалями и только самые бедные – рогатинами и бердышами. Оружие брали с собой не только на полевые и другие работы, но и отправляясь в дорогу, и это никого не удивляло. В 1653 г. в Мещовском уезде казаки арестовали двоих неизвестных в литовском платье (третьему удалось скрыться), вооруженных бердышами. Задержаны они были не потому, что имели при себе боевое оружие, а потому, что пытались тайно провезти табак.

На западной границе государства население также было вооружено. Псковскому объезжему голове Пимену Неелову в 1661 г. направили наказ охранять город с сотенными людьми, «которым быть с ружьем, с пищальми, с копыи, с топорки и с бердыши». В 1661 г. в Псков созвали из деревень мужиков «с пищальми и с бердыши». В Смоленском уезде поляки отбирали у городских и уездных жителей самопалы: «А у которых де у посадских и уездных людей в Смоленском, и в Дорогобужском и в Серпейском уезде были самопалы, и литовские де люди самопалы все у русских людей поотымали, а боятся де литовские люди прихода государевых людей». Однако часть крестьян здесь сохранила свое оружие. Во время Смоленской осады в годы русско-польской войны 1632-1633 гг. князь С.В. Прозоровский в челобитной на имя царя и патриарха писал: «Да Смоленскова, государи уез[да] крестьянские дети и племянники, у которых есть ог[ненный] бой, собрався, били челом зимою многижды вашему [государе]ву боярину Михаилу Борисовичю (Шеину - В.В.), что оне хотят <...> государю служить, будет оне куды послать годятца для [про]мыслу над литовскими людьми на лыжах и оне бы готовы». Как об обычном деле Григорий Котошихин упоминает о том, что в «осадное время» крестьяне «с посадскими и с ыными людьми бывают по городу на стороже с ружьем своим или с царским».

Примечательный случай произошел в 1517 г., когда 20-тысячное крымское войско Токузак-мурзы перешло русскую границу и «около Тулы и Беспуты начаша вьевати». Воеводы великого князя выслали вперед небольшие отряды «людей» под командой детей боярских Ивана Тутыхина и князей Волконских. В мелких стычках отряды уничтожили много татар. Узнав о приближении воевод с основными силами, Токузак-мурза повернул обратно. Но путь к отступлению был закрыт. Летописец сообщает, что «наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украинные да им дороги засекоша и многих татар побиша». Судя по рассказу летописца, упомянутые «пешие люди украинные» были местными жителями, выступившими против врага по собственной инициативе. Ожесточенные бои с татарами шли «на Глутне на лесу и по селом, и по крепостем, и на

бродех». Вскоре на помощь тылянам подоспели великокняжеские войска и вместе с «украйнными людьми» довершили разгром противника: «а передние люди от воевод приспевше конные начаша татар топтати, а пешие люди украйные по лесом их бити, и Божиим поможением татар многих побиша, а иные многие татарове по рекам истопоша., а иных живых поимаша». Из устроенной порубежными людьми ловушки смогло вырваться и вернуться в Крым около 5 тыс. воинов.

В случае надобности к обязательной ратной службе привлекалось тяглое городское и сельское население. Условно мобилизованных в армию земцев можно разделить на две категории - «посошных» и «даточных» людей.

Боярских и монастырских военных слуг, как это делает А.В. Чернов, к этому разряду отнести нельзя даже в том случае, когда их выставляли, по утвержденной правительством норме (с 200 или 300 четвертей земли) освобожденные по разным причинам от личного участия в военных действиях служилые люди - вотчинники и помещики. Как известно, не подлежали мобилизации «токмо престарелые и немосчные, а также несшие иную службу «в приказех и городех судейства и управления ради»). К ним приравнялись военные слуги архиереев и монастырей, которым приходилось служить в составе боевых дворянских конных частей. Как правило, они являлись профессиональными воинами, «гожими» к ратной службе. В поход даточные люди выступали с оружием, припасами и на конях, предоставленными им владельцами земли. Власти требовали снабжения ратников хорошим вооружением и лошадьми, стоимость которых определялась суммой не менее 10 рублей. Иногда объявлялся срок службы даточных воинов, но в таких случаях он, как правило, оговаривался возможностью его продления. Во время Смоленской войны ратные люди призывались на год, по 1 конному воину с каждых 300 четвертей пашни освобожденных от личной военной службы землевладельцев. Если у вотчинника или помещика земли оказывалось менее установленной нормы, с него взыскивали определенную сумму деньгами, «по расчету против даточного человека в 30 рублей». Монастырские власти предпочитали нанимать ратных людей, выплачивая им значительное содержание. Сохранилось чрезвычайно любопытное упоминание о поручительстве пяти крестьян Прилуцкого монастыря «по конном человеке» Кузьме Евстигнееве, подрядившемся в августе 1618 г. выступить на службу «с самопалом и со всяким ратным оружием». Содержание ему определили «на лошадь и на самопал и на всякое ратное оружие и на конской корм и на свой, на всякой месяц, по четыре рубля с полтиною; а наперед он взял ратной Козма за нашу порукою наемные свои денги, месячину, по той ряде, на три месяца тринадцать рублей с полтиною». Как видим, в данном случае конный ратный человек прилуцкого монастыря получил за 3 месяца жалованье, превышающее годовой оклад стрелецкого сотника и годовой оклад детей боярских меньшей статьи 1633 г. Подобный способ комплектования и пополнения армии, наряду с традиционным «верстанием» и «прибором» служилых людей, сохранялся до конца XVII в., однако он имел очень мало общего с ратной службой тяглого населения. Впрочем, в случае большого воинского сбора, на службу призывались и монастырские пашенные крестьяне. Интересный подсчет был сделан при определении количества мобилизованных людей с вотчин Кирилло-Белозерского монастыря во время военной тревоги 1637/1638 г. Всего в этом году с владельцев земли брали по 1 человеку с 10 дворов, поэтому обитель, имевшая 2101 крестьянский и бобыльский двор, должна была выставить в армию к 25 марта 1638 г. 210 ратников. Здесь же определялся срок службы - «а запас им имать на восемь месяц». Указ интересен упоминанием требований, предъявляемых к даточным людям: монастырскому начальству велено было «выбирать из крестьян мужиков добрых, которые бы на нашу службу пригодились, в двадцать в пять лет и в тридцать, а болши б сорока не было». Впрочем, впоследствии призыв монастырских крестьян в полки отменили, заменив его денежным сбором по 20 руб. за каждого человека. В ходе больших мобилизаций 1637-1639 гг. с дворцовых сел и поместий служилых людей брали по 1 даточному человеку с 20 дворов. Посады и черные слободы в 1638 г.

изначально облагались повышенным денежным сбором – по 2 руб. со двора (20 руб. с 10 дворов – также как и с монастырских дворов). От воинского набора и выплаты денег на служилых людей освобождались лишь малообеспеченные стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы – в поместьях и вотчинах которых проживало не более 10 крестьян и бобылей.

Посошная и подымовная служба посадских и уездных людей отличалась обязательностью. Военную повинность по выставлению для участия в военных действиях ратников несло городское население в целом. Набор ратников с городов производился в случае военной опасности с определенного количества дворов. Как правило, воины были вооружены пищальми и несли пешую и конную службу. В 1545 г. во время подготовки похода на Казань из Новгорода и его пригородов в армию взяли 1973 ополченца с обычным вооружением: по 1 ратнику с 3 «белых с нетяглых дворов» (таковых оказалось 1111 дворов, выставивших 370 человек) и по 1 воину с 5 тяглых дворов (соответственно 8013 дворов и 1603 человека). Первоначально, с того же числа дворов власти собирались призвать на службу 1000 пеших и 1000 конных пищальников, но ограничились мобилизацией 1354 вооруженных огнестрельным оружием воинов, часть которых (667 чел.) несла пешую службу, остальные – конную.

Значительными были сборы земских людей в период Ливонской и Смоленской войны, в годы Смутного времени, больших работ на южных засеках.

Из наказов головам, посылавшихся для сбора ратников перед большими походами Ливонской войны, узнаем, каких людей должны выставить города. Каждый ратник обязан был иметь следующий «наряд»: саадак, рогатину или сулицу, топорик.

О размерах этой повинности можно судить по Пскову, где в 1560 г. с каждой сохи выставлялось по 22 человека. Посошная служба была пешей и «коневою» (с подводами).

В годы Смутного времени даточных и посошных людей власти брали часто и помногу. Так, в 1607 г. в грамоте Василия Шуйского, направленной в Пермь, объявлялось о наборе 70 ратных людей. Пермские посады и уезды выставляли их «с луки и с пищалми, и с топоры, и с рогатинами со всяким ратным оружием». Местному воеводе князю Семену Юрьевичу Вяземскому предписывалось приставить к ним командиров – пятидесятников и десятников, выбрав их «из посадских и из волостных из лутчих людей». Непременным условием выдвигалась пригодность мобилизуемых к тяготам предстоящей боевой службы: «А собрал бы еси тех ратных людей, которые б были собою добры, и молоды, и резвы, и из луков или из пищалей стреляти были горазды, от отцов детей, и от братьи братью, и от дядь племянников, а наймитов и зернщиков не имал». Срок службы пермичам определили в 3 месяца, установив для них мирское жалованье по 2 рубля на месяц. На всех собранных воинов полагалось взять поручные записи. Особую ценность процитированному документу придает небольшая приписка, из которой становится ясно, что в предыдущем (1606) году в Пермской земле уже собирали даточных людей в «плавную» рать. Все мобилизованные тогда ратники продолжали оставаться на службе, получая денежное и хлебное жалованье из царской казны. Таким образом они были уравнены в снабжении и обеспечении со служилыми людьми «по прибору». Мобилизации проходили и в других уездах и волостях. Так, в 1607 г. Белозерский уезд направил в собирающуюся в Москве армию своих посошных людей – по 3 конных и по 3 пеших человека с сохи.

Общая численность посошных людей в войске была велика. В Полоцком походе 1563 г. боевой состав войска равнялся 43 тыс. человек, а посошных людей было около 80 900 человек; в 1577 г. войско состояло из 35 тыс. человек, а посошных, только у «наряда», насчитывалось 12 724. человек пешими и конными.

Значительное число посохи в войске объясняется использованием их главным образом на различных военно-вспомогательных работах. В мирное и военное время посошные люди работали на строительстве крепостей и других укреплений, изготовляли речные суда, прокладывали дороги и возводили строения для ямской службы. Несмотря на достаточно высокое мирское жалованье, выплачивавшееся посошным людям, известны

случаи бегства их с тяжелых работ. Так, в 1592 г. направленная на строительство Ельца «посоха», набиралась по 7 человек с сохи, получавших «найм» по 10-12 и даже 13 руб. Тем не менее, все они сбежали «от городового дела за че[тыре не]дели да Петрова дни». Из-за этого Елецкую крепость вынуждены были достраивать стрельцы и казаки местного гарнизона.

Население приграничных мест несло службу преимущественно по сооружению и охране засек. Посадские люди привлекались к гарнизонной и осадной службе в своем городе. В некоторых южных пограничных городах боевую службу наравне с ратными людьми несло не только посадское (очень незначительное в этих краях) население, но и уездные люди - крестьянское население, имевшее огнестрельное оружие и умевшее с ним обращаться.

С ростом вооруженных сил государства участие народных масс в обороне страны не уменьшалось. Вряд ли можно согласиться с утверждением А.В. Чернова, что «военную службу население несло принудительно, по требованию правительства», что «всякая самостоятельность народа в военном деле исчезла». Всесословным было земское освободительное движение эпохи Смутного времени. Самые широкие слои населения с оружием в руках участвовали в обороне южнорусских границ от татарских вторжений на протяжении всей первой половины XVII в. Во время Смоленской осады в период русско-польской войны 1632-1634 гг. местные «крестьянские дети и племянники, у которых есть ог[ненный] бой, собрався, били челом зимою многижды вашему го[судареву] боярину Михаилу Борисовичю (Шеину), что он хотят <...> государю служить, будет оне куды послать годятца для [про]мыслу над литовскими людьми на лыжах». Правительство не раз использовало в военных целях отряды вооруженных уездных людей, подобные случаи отмечены даже во второй половине XVII в. Так, в 1661 г. посланному из Пскова против поляков ротмистру Ивану Зыбину было велено «сказывать в деревнях мужикам, чтоб они собирались с пищальми и с бердышами к крепким местам на подсаду». В 1665 г., задумав устроить засеки на западном рубеже от Пскова до Смоленска, правительство распорядилось привлечь к службе на них «уездных и всяких чинов людей», обязанных явиться «с ружьем, а у которых ружья нет, и у тех бы людей были бердыши и рогатины и топорки». Воеводы должны были «росписать» их в десятки и назначить у них десятских.

Как видно из перечисленных примеров, вооружение народа холодным и огнестрельным оружием воспринималось властями как естественное и даже желательное явление.

6. ПОЛКИ «НОВОГО СТРОЯ»

Первую попытку создания в русской армии подразделений, обученных по европейскому военному образцу, предпринял М.В. Скопин-Шуйский. По его распоряжению летом 1609 г. шведский «маршалок» Христиерн Сомме (Крестер Сума) обучал «полевым упражнением по бельгийскому обычаю» собравшееся в Новгороде 18-тысячное русское войско, сформированное в основном из крестьян-ополченцев. Ратники учились действовать в тесном строю, пользоваться огнестрельным оружием и пиками («списами»), быстро возводить полевые укрепления. Именно эта армия, взаимодействуя с частями шведского корпуса Я.П. Делагарди, смогла разгромить «тушинские» войска и деблокировать Москву. Позже она была погублена бездарным воеводой Д.И. Шуйским в злосчастной Клушинской битве 24 июня 1610 г.

Вновь к европейскому опыту организации вооруженных сил в России обратились спустя 20 лет, накануне новой войны с Речью Посполитой. В 1633 г. истек срок Деулинского перемирия. Русское правительство не хотело мириться с потерей смоленских, черниговских и новгород-северских земель, поэтому, готовясь к возобновлению борьбы, старалось укрепить армию и усилить артиллерию. Целью готовящегося нападения являлся Смоленск, представлявший собой первоклассную крепость. Овладеть ею и другими

потерянными в Смутное время городами, а затем удержать их, было невозможно без победы над сильной польской армией, созданной и обученной на европейский манер еще Стефаном Баторием.

К концу 20-х гг. XVII в. московское правительство смогло восстановить старую военную систему, но возрожденная русская армия имела недостаточный опыт, поэтому русское командование испытывало вполне обоснованные сомнения в боеспособности своих вооруженных сил. Из 92 555 человек, числившихся на службе в 1630 г., лишь около 20 тыс. могло выступить в поход в составе полевой армии; остальные 72,5 тыс. человек находились на городской службе. Тогда решено было подготовить в качестве ударной группировки несколько солдатских полков, обученных тем же приемам ведения военных действий, что и польские войска. Помощь в подготовке полков «нового строя» оказала союзная России Швеция и дружественная Голландия. В эти страны для закупки больших партий вооружения (мушкетов, пик, шпаг), найма офицеров и солдат направили находившихся на русской службе полковников Александра Лесли и Генриха (Индрика) ван Дамма.

В апреле 1630 г. в Ярославль, Кострому, Углич, Вологду, Новгород и другие города были посланы грамоты о наборе на службу беспоместных детей боярских, которым предписывалось быть в «ратном наученье» в Москве у полковников-иноземцев. Запрещалось «писать в службу» тех из них, «за которыми поместья есть». Всем записавшимся детям боярским было обещано жалованье «для их бедности» в размере 5 руб. человеку в год и кормовые деньги по алтыну в день. Кроме того, каждый получал казенную пищаль, порох, свинец. Организовывалось два полка, по 1000 человек в каждом. Указанной грамотой было положено начало комплектованию и формированию полков «нового строя».

Судя по тексту грамоты, правительство намеревалось создать новые полки исключительно из детей боярских, не имеющих возможности нести полковую службу (из-за скудного материального положения), сформировав дворянскую пехоту нового строя. Однако жизнь внесла в эти планы серьезные коррективы.

К сентябрю 1630 г. число записавшихся в солдатские полки детей боярских не превышало 60 человек. Из Великого Новгорода в солдатское «научение» прислали всего 8 беспоместных детей боярских. Попытка сформировать указанные полки из одних детей боярских успеха не имела, ибо солдатская служба их не прельщала. Тогда правительство смягчило условия найма, разрешив записываться в солдаты татарам, новокрещенам, казакам, их родственникам и домочадцам. В результате к декабрю 1631 г. в двух солдатских полках числилось уже 3323 человек. К этому времени состав каждого солдатского полка был установлен в 1600 рядовых и 176 начальных людей, как правило, из иноземцев «старого» и «нового выезду». Оба полка делились на 8 рот во главе с полковником, полковым большим поручиком (подполковником), майором (сторожеставцем или окольниковым) и пятью капитанами. В каждой роте полагалось быть поручику, прапорщику, трем сержантам (пятидесятникам), квартирмейстеру (станоставцу), каптенармусу (ружейному дозорщику), шести капралам (есаулам), лекарю, подъячому, двум толмачам, трем барабанщикам и 200 рядовым солдатам, в том числе 120 пищальникам (мушкетерам) и 80 копейщикам (пикинерам).

В начале 1632 г. число солдатских полков увеличилось до шести. Правительство стало привлекать в солдаты «вольных охочих людей», что дало положительные результаты: именно ими были укомплектованы последние солдатские полки.

До нас не дошло сведений о том, чему и как учили иноземцы первых русских солдат, но известно, что в течение нескольких месяцев усиленного обучения они должны были получить необходимые навыки в обращении с оружием и в строевой службе. Упоминание о разделении солдат на пищальников и копейщиков свидетельствует о том, что в бою стрелки-мушкетеры должны были действовать отдельно от колонн пикинеров.

Используя для ратного «научения» иностранных офицеров, правительство стремилось подготовить низший командный состав из среды русских людей.

Комплектование и обучение первых четырех солдатских полков закончилось к августу 1632 г., и уже в начале войны они приняли участие в походе армии М.Б. Шеина на Смоленск; два последних полка направили туда в июне 1633 г. К сожалению, овладеть городом русским не удалось. С прибытием к месту боев главной польской армии короля Владислава IV события приняли неблагоприятный для Москвы оборот. Под стенами Смоленска сошлись две армии, обученные и вооруженные по европейскому образцу. Преимущество оказалось на стороне поляков, армия которых за год до описываемых событий была реорганизована и получила более совершенное вооружение.

После окончания Смоленской войны большая часть полков «нового строя» была распущена. Пожелавшие вернуться в Европу офицеры и солдаты, получив причитающееся им кормовое жалованье, выехали из страны через Новгород и Архангельск. Лишь часть их осталась в России. На южной границе несли службу полки Александра Крафтера и Валентина Росформа, командный состав которых ежегодно направлялся в порубежные города из Москвы, а солдаты, рейтары и драгуны призывались в строй лишь в летнее время, а осенью распускались по домам. Оружие и снаряжение сдавалось и хранилось «на Туле в анбаре», а седла и упряжь – в Иваново-Предтечеве монастыре. За сохранностью их следили специальные дозорщики, получавшие в месяц по 40 алтын денег, а по окончании службы (в мае) награду в 5 руб. «на платье» человеку. Личный состав этих полков пополнялся не только за счет старых солдат и «вольных людей», но и даточными людьми, взятыми с монастырских и боярских вотчин. Так, в 1639 г. в полк А. Крафтера направили 102 даточных человека из вотчин боярина Федора Ивановича Шереметева. В качестве поручителей за всех новоприборных солдат выступали «старые» военнотружущие, дававшие поручные записи об исправном исполнении ими службы.

В 40-х гг. XVII в. формируются новые части. Правительство решило устроить на северо-западной границе поселенные солдатские и драгунские полки из черносошных и дворцовых крестьян. В 1649 г. был принят указ о постройке города Олонца и записи в солдатскую службу крестьян, бобылей и их родственников во всех заонежских и лопских погостах. В службу они поступили навечно и должны были передавать ее по наследству. За крестьянами оставляли их земельные участки, а вместо денежного жалованья освобождали от податей. Каждый крестьянский двор должен был дать в солдаты одного человека в возрасте от 20 до 50 лет. В 6 заонежских и 3 лопских погостах в службу было записано 7902 человек, из которых сформировали два солдатских полка.

Подобные мероприятия проводились в Сумерской (Сомерской) и Старопольской волостях Старорусского уезда. Указом от 17 сентября 1649 г. крестьян этих волостей записали в солдатскую службу на тех же условиях, что и в Заонежье. Призыву подлежал один человек с каждого двора, а с больших семей брали по 2-3 человека. В результате в Сумерской и Старопольской волостях сформировали полк солдат в 1000 человек. Поселенным солдатам выдали казенное оружие (мушкеты и шпаги) и ввели регулярное обучение военному делу. Первоначально планировалось освободить новоприборных солдат от уплаты податей, но в действительности такую льготу вводили лишь на время войны.

Заонежские, сумерские и старопольские солдаты использовались для несения сторожевой пограничной службы по месту жительства. В военное время «для оберегания пограничных мест и острожков, и домов» полагалось оставлять $\frac{1}{4}$ всех солдат («четвертую долю людей»). во второй половине XVII в. тяжелые войны с Польшей и Швецией потребовали мобилизации поселенных солдат в полевую армию.

В результате неоднократных призывов в солдаты было взято и отправлено на войну почти все трудоспособное население. В погостах остались лишь разоренные крестьяне, неспособные к службе. Многие поселенные солдаты предпочитали уходить из своих селений, причиняя немалый убыток казне. В октябре 1662 г. власти, встревоженные

разорением и запустением пограничных уездов, решили больше не «прибирать» в солдатскую службу крестьян из этих мест, а после войны совсем освободили их от нее.

В годы русско-польской войны 1653-1667 гг. солдатская служба стала постоянной повинностью всего тяглого населения. Призывы в полки даточных людей стали общегосударственными. (Раньше наборы в солдатскую службу в северо-западных и южных городах были местным мероприятием, связанным прежде всего с обороной границ, хотя, как было отмечено выше, в период войны солдаты из этих городов посылались на театр военных действий). По свидетельству Г. Котошихина, одного солдата брали со 100 дворов, впоследствии - с 20-25 дворов или из трех человек взрослого мужского населения. В мирное время часть солдат продолжали отпускать по домам, а оружие собирали в казенные арсеналы, лошадей отправляли на корм в монастырские вотчины или раздавали крестьянам. Но значительная часть солдат и почти все офицеры оставались на пограничной и городской службе.

Солдат, находящихся на постоянной службе, правительство уравнивало в содержании со стрельцами и другими «приборными людьми», выдавая им ежегодно и ежемесячно денежное и хлебное жалованье или поселяя на землю. Наделы, получаемые поселенными солдатами, равнялись 12-25 четвертям (6-12 десятинам).

В южных пограничных городах солдаты «прибирались» из семей проживавших здесь служилых и жилецких людей, то есть из основного состава населения южной «украины». По условиям комплектования их поставили в равное положение с даточными людьми, которых выставляли на службу северо-западные города и уезды с преобладающим в них посадским и крестьянским населением, но нормы прибора здесь были увеличены. На службу брали по 1-2 человека из семьи в 3-4 человека мужского пола. За выполнением этой обязательной нормы осуществлялся строгий контроль, что объясняется малочисленностью населения юга и сравнительно большим числом солдат, требовавшимся для прохождения службы в южных городах и на укрепленных линиях.

На южной «украине» солдатская повинность оставалась более тяжелой, чем на других рубежах, из-за постоянной опасности татарских нападений, а позднее – из-за начавшихся военных действий на Украине.

Штатная численность солдатских полков сильно различалась: от 15 до 50 офицеров и от 200 до 2000 рядовых в каждом. Старшими командирами, как правило, были иностранцы, сержантами, капралами и рядовыми – русские люди.

Наборы в солдатские полки более широкий характер приобретают во время русско-польской войны 1654-1667 гг., потребовавшей значительного увеличения вооруженных сил страны. В ноябре 1658 г. было указано взять в солдатскую службу со всего государства, кроме южных и северо-западных городов, с 25 дворов одного даточного пешего человека. Этот набор дал 18 тыс. человек. Даточных людей брали с обязательством, что если они сбегут со службы, вместо них пойдут на службу поручители. В июле 1659 г. правительство объявило второй набор даточных людей в солдатскую службу на прежних условиях; даточных было собрано 15 577 человек. В декабре 1660 г. назначили третий набор в солдаты (с 20 дворов по одному человеку) и в результате собрали к сентябрю 1661 г. 17 423 даточных чел. Всего в три сбора было взято в солдатскую службу 51 тыс. даточных человек; 25 830 руб. денег с переходящих дворов и 43 423 четверти хлеба, полагавшегося собранным на службу людям. В целом во время русско-польской войны 1654-1667 гг. общегосударственные и местные наборы даточных людей дали не менее 100 тыс. человек. Теперь мобилизованные ратники брались на постоянную (пожизненную службу). Общегосударственные наборы даточных людей в солдаты правительство проводило и позднее. Они уже имели все характерные черты позднейших рекрутских наборов. В 1663 г. на службе находилось одновременно 55 солдатских полков, в которых имелось не менее 50-60 тыс. солдат. В мирное время количество полков сокращалось до 20-25, а их численность до 25-30 тыс. человек.

Вооружение солдат состояло из пищалей, позднее - мушкетов фитильных и с замками. Из холодного оружия они имели шпаги, пики, бердыши. Шпаги использовались главным образом при обучении солдат. Вооружение солдат пиками или бердышами зависело, вероятно, от наличия в казне указанных видов оружия. Все оружие и боевые припасы к нему солдатам являлись казенными. Во второй половине XVII в. в солдатских полках появляются гранатчики для действия ручными гранатами весом 0,5-2 кг. Управление солдатскими полками было сосредоточено в нескольких ведомствах: Разрядном, Стрелецком и Иноземском приказах, а также Приказе сбора ратных людей.

В середине XVII в. солдаты получали кормовое жалованье – по 60 алтын человеку в месяц.

* * *

Почти одновременно с образованием первых солдатских полков правительство решило создать конные полки «нового строя». В середине 1632 г. началось формирование рейтарского полка численностью в 2000 человек.

Комплектование его по сравнению с солдатскими полками проходило более успешно. К декабрю 1632 г. в полку числился 1721 рядовой рейтар из дворян и детей боярских, а с начальными людьми состав полка приближался к 2000 человек, предусмотренным первоначальным планом. Правительство увеличило численность полка до 2400 человек, сформировав при нем особую драгунскую роту. Успеху мероприятия способствовали два обстоятельства. Во-первых, пребывание в рейтарах считалось дворянами и детьми боярскими почетнее зачисления в солдатские полки, а будущие обязанности являлись привычными, напоминая порядок службы в дворянской коннице, поэтому в рейтары охотно шли многие обедневшие дворяне и дети боярские. Во-вторых, рейтарская служба оплачивалась вдвое выше солдатской: рядовые рейтары получали по 3 руб., а на содержание строевых лошадей по 2 руб. в месяц. В конце июня 1633 г. полк, во главе со своим командиром «Самойлом Шарлом Деебертом», был направлен под Смоленск, приняв участие в боях шедших под этой крепостью.

Рейтарский полк состоял из 14 рот во главе с ротмистрами, которым подчинялись офицеры в чинах поручиков и прапорщиков. В источниках сохранилось интересное упоминание о существовании во время Смоленской войны драгунского полка по численности почти приближавшегося к рейтарскому. В 1633 г. ратных людей этого полка было куплено 1768 лошадей за 6157 руб. 25 алтын, 4 деньги. В Туле, при наборе новых полков, в числе записавшихся в них в разное время военнслужащих оказалось 33 «старых драгуна» из детей боярских и 107 их товарищей с существенным добавлением в документе: «старово драгунсково полку вольные люди». В период русско-польской войны 1654-1667 гг. правительство вновь сформировало драгунский полк, два солдатских полка и отдельную солдатскую роту. Эти полки были укомплектованы преимущественно даточными людьми, принудительно набираемыми с тяглого населения.

Общая численность драгунского полка составляла 1600 человек, в том числе 1440 рядовых; полк делился на 12 рот по 120 рядовых в роте. Драгуны получали из казны лошадей, оружие, по 4 руб. в год на одежду, седло и месячный корм. В XVII в. вооружение драгун состояло из пищали или мушкета и пики. Полк имел артиллерию в составе 12 малых пушек с пушкарями и с небольшим запасом снарядов (по 24 ядра на орудие).

* * *

Всего перед Смоленской войной 1632-1634 гг. и в ходе военных действий правительство сформировало 10 полков «нового строя» общей численностью до 17 тыс. человек; из них были готовы к началу войны 6 солдатских полков в составе 9 тыс. человек.

Создание таких подразделений имело большое значение не потому, что с их появлением «в России зародилось и стало развиваться регулярное войско». Регулярный характер имела служба стрелецких частей («приказов»), участвовавших в военных действиях, в охране и обороне границ, несших постоянную караульную службу в городах и острогах. Полки солдатского, рейтарского и драгунского строя стали совершенно новым явлением потому, что могли решать на поле боя сложные тактические задачи, которые ставила перед командованием русской армии развивающаяся по европейским образцам военная наука.

Полки «нового строя» оправдали свое назначение уже во время русско-польской войны 1632-1634 гг., приняв под Смоленском удар польской королевской армии, устояв в боях и отступивших к своим границам лишь после подписания капитуляции 21 февраля 1634 г. В обратный поход к Москве выступило из-под Смоленска 2567 военнослужащих – примерно $\frac{1}{4}$ часть первоначальной численности 6 полков «нового строя» в армии М.Б. Шеина.

Несмотря на удачный опыт использования первых солдатских полков, они были распущены, хотя при создании их время службы солдат не ограничивалось конкретным сроком. Видимо сыграли свою роль чисто финансовые причины, и правительство решило после окончания войны сэкономить казенные средства. Однако преимущества новых частей по сравнению со стрелецкими были настолько очевидны, что уже в ближайшие годы правительство возобновило организацию полков «нового строя».

После окончания русско-польской войны внимание правительства сосредоточилось на укреплении обороны южной границы от крымских татар и их союзников из Казыева улуса (Малой Ногайской орды). Начиная с 1636-1637 гг. на «польской Украине» развернулось большое строительство городов, острожков и других пограничных укреплений, были восстановлены старые засеки, усилена оборона границы ратными людьми. Поэтому правительство возобновило комплектование и формирование полков «нового строя», первоочередной задачей которых стало прикрытие ремонтных и строительных работ на Черте и городах «от Поля».

В 1636-1637 гг. в южные пограничные города и на засеки направляются солдаты и драгуны, усилившие оборону крымской «Украины». В Туле над ними начальствовал боярин и воевода князь Иван Борисович Черкасский, в Веневе – князь Семен Васильевич Прозоровский. Но имевшихся в наличии солдат не хватало и в декабре 1637 г., в связи с подготовкой к возможной войне с Крымом из-за захваченного донскими казаками Азова, правительство сообщило по городам, чтобы все люди, бывшие в русско-польскую войну в солдатской, рейтарской и драгунской службе, были к весне «в той службе по-прежнему».

* * *

Весной 1638 г. на юге начались большие работы по восстановлению и укреплению засек. Для охраны южной границы правительство решило прибрать на службу 4000 драгун и столько же солдат. Драгун собирали в Москве, а солдат – в Москве и по городам. Всем записавшимся на службу установили кормовое жалованье: набранным из детей боярских по 7 денег в день, а из вольных людей, не бывших в службе, по 6 денег; а на платье каждому выдавалось по 3 руб. в год. Все солдаты и драгуны получили казенное оружие и боеприпасы.

Попытка прибора солдат на указанных условиях успеха не имела: вольных людей, желавших быть в солдатской службе, не оказалось. Тогда правительство обратилось к более надежному источнику - принудительному набору даточных людей (даточных солдат).

Набор новых частей закончился к осени 1638 г.; всего на южной границе было собрано 5055 драгун и 8658 солдат. Служба их продолжалась недолго, сезонность пограничной охраны отразилась и на полках нового строя. 1 ноября 1638 г. все солдаты и

драгуны были распущены по домам и лишены жалованья. Оружие, коней и «всякую ратную сбрую» они сдали в Туле «дозорщикам». По сохранившейся «рописи» военными полка А. Крафтера были оставлены: 22 знамени, 48 барабанов целых и пробитых и 2 «остава» барабанных, 13 протазанов, 56 алебард, 4001 мушкет «целых и порченных», 3060 банделер, 4308 шпаг, 1674 седла, 1316 узд, 1330 крюков даргунских. Солдатами и драгунами полка В. Росформа – 10 знамен, 19 протазанов, 11 алебард, 12 барабанов, 3 «аства барабаних», 2442 мушкета, 2074 шпаги, 2168 банделер, 1862 шпаги и другая амуниция.

Весной 1639 г. «прибор» в драгуны и солдаты для службы на южной границе был повторен. В сентябре людей вновь распустили по домам до весны. Подобные призывы драгун и солдат на сезонную пограничную службу проводились и в последующие годы.

Ежегодные наборы кормовых и даточных драгун и солдат на временную службу не давали положительных результатов. Содержание ратных людей стоило дорого, видимо из-за необходимости оплатить все издержки снаряжения на службу, так называемого «подъема». В то же время по своей военной подготовке и опыту службы они стояли ниже стрельцов и детей боярских. На временную службу записывались случайные люди, которые в течение нескольких летних месяцев не получали необходимых знаний и навыков в ратном деле, а в следующем году могли и вовсе не явиться на службу. Невысок был и уровень военной подготовки даточных людей, собираемых в полки на сезонную службу, а затем распускавшихся по домам.

Правительство, не прекращая наборов на временную службу, перешло к другим методам комплектования ратных людей нового строя. Прежде всего изменилась организация службы драгун.

В 1643-1648 гг. ряд сел и деревень Воронежского, Лебедянского, Севского и других южных уездов были отобраны у помещиков и вотчинников в казну, а проживавшие на них крестьяне записаны на драгунскую службу. Для обучения крестьян в села и деревни послали русских начальных людей, отправили драгунские карабины и шпаги. Семейных крестьян следовало учить драгунскому строю попеременно, а одиноких раз в неделю, чтобы «большой тягости не было и пашен бы им своих не отбыть». Кроме ученья драгуны должны были нести сторожевую пограничную службу, на которую приказывалось являться со своими конями и запасами.

Таким образом из крестьян ряда южных пограничных селений правительство создало части драгун нового типа, отличные от кормовых. По материальному положению и роду службы поселенные драгуны являлись поселенными ратными людьми с тем важнейшим отличием от позднейших поселенных войск, что не ратные люди были посажены на землю и превращены в земледельцев, а земледельцы стали ратными людьми.

Драгуны, набранные на службу из жителей пограничных уездов, отличались хорошей выучкой, были привычны к жизни в условиях постоянной военной тревоги, ревностно относились к исполнению служебных обязанностей и не требовали от правительства почти никаких материальных затрат на содержание. Для сторожевой пограничной службы поселенные драгуны, кровно заинтересованные в охране и обороне родных мест, представляли гораздо более надежную вооруженную силу, чем присылаемые в южные города кормовые драгуны.

После Смутного времени особенно важную роль в обороне юго-западной границы сыграли жители Комарицкой волости Севского уезда. Деулинское перемирие усилило военно-стратегическое значение Комарицкой волости: она стала пограничной как с юга, так и со стороны польско-литовского рубежа.

В августе 1646 г. все крестьяне Комарицкой волости были взяты на драгунскую службу. За ними оставили земельные участки и освободили от податей; с каждого двора на службу брали по человеку, что составило более 5 тыс. человек. Каждый драгун обязан был иметь на службе верховую лошадь, пищаль, саблю, рогатину или топор, запасы для себя и лошади. Комарицкие драгуны при наборе на службу были сведены в три полка (по шесть

рот в полку, по 300 человек и больше в каждой роте). Укрупнение драгунских рот и полков объяснялось недостатком начальных людей.

В 1653 г. перед началом новой русско-польской войны правительство провело очередной смотр комарицким крестьянам, несущим драгунскую службу. На смотре оказалось конных людей с огнестрельным оружием – 5551 человек, пеших с пищалями и рогатинами - 5649 человек, недорослей 3641 человек; всего 14 841 человек. Пешие люди являлись отцами, братьями, детьми и другими родственниками драгун, составляя резерв и вспомогательную вооруженную силу, несущую осадную (гарнизонную) службу.

Комарицкие драгуны приняли активное участие в начавшейся в 1654 г. войне с Речью Посполитой, понеся во время нее большие потери. Большая часть из них находилась в составе действующей армии. Участок границы, который они ранее прикрывали, оставшийся без должного прикрытия, был прорван крымскими татарами, разорившими жилища и хозяйство драгун. С этого времени служба стала непосильной для комарицких крестьян. Правительство вынуждено было признать невозможность для них прежней службы и перевести в 1680 г. драгун, проживавших в 238 селах и деревнях Комарицкой волости, в солдаты. Это положение сохранялось до XVIII в..

В драгуны записали и крестьян Лебедянского уезда. Находившиеся под Лебедянью вотчины князя А.Н. Трубецкого были обменены у него на другие земли. Как и в Комарицкой волости на службу брали по «мужику доброму» с каждого двора в возрасте 18-45 лет. Вооружение и боеприпасы лебедянские драгуны получали из казны, однако лошади у них были собственные. Такие же драгунские наборы были проведены в Туле, Болхове, Карпове, Севске, Ливнах, поволжских городах.

Стремясь реализовать боевые возможности драгун, командование постоянно использовало их на дополнительных службах. При этом было проигнорирована особенность сформированных из крестьян драгунских подразделений - поселенные драгуны являлись хорошей вооруженной силой по месту жительства. Когда правительство стало посылать драгун на службу в отдаленные города или включать их в походное войско, драгунская служба стала для крестьян непосильной.

В дальнюю службу драгун обязан был являться на боевом коне, с оружием и запасами для себя и коня на все походное время. Таким образом, правительство почти уравнило их в служебных обязанностях с полковыми детьми боярскими. Однако возможностей для несения исправной службы у драгун было гораздо меньше, чем у служилых людей «по отечеству». Чтобы облегчить службу, драгунам приходилось сдавать часть ее (треть или половину) другим лицам за деньги или за соответствующую часть своего земельного участка. В результате подобной операции драгун являлся на службу через год или два.

Правительство использовало и другие методы комплектования ратных людей на драгунскую службу. Оно прибирало драгун из обедневших детей боярских, стрельцов, казаков, вольных людей, переводя их на житье на границе из других населенных мест, тем самым создавая кадры поселенных драгун.

До середины XVII в. драгуны набирались только для пограничной службы в «новых» городах «на Поле». Число драгун полковой службы было увеличено лишь в годы русско-польской войны 1654-1667 г.. Г.К. Котошихин четко разделял «старых драгун», которые были «устроены вечным житьем на украине к татарской границе», и драгун, вновь набранных в годы войны с Польшей, причисляемых «к рейтарам в полки». В годы этой войны в составе конных подразделений кроме рейтаров появляются копейщики и гусары.

Самый почетный характер имела рейтарская служба. По свидетельству Г.К. Котошихина в рейтары выбирали «из жилцов, из дворян городских и из дворянских детей недорослей, и из детей боярских, которые малопоместные и беспоместные и царским жалованьем, денежным и поместным, не верстаны; так же и из волных людей прибирают, кто в той службе быти похочет». В рейтарскую службу зачислялись даточные люди, выставлявшиеся духовными лицами и отставными служилыми людьми, их вдовами и

дочерьми, в соответствии с нормой – «со 100 крестьянских дворов рейтар, монастырской служба или холоп».

За службу рейтары получали поместье и денежное жалованье, доходившее до 30 руб. в год. За ними сохранялись те поместья и денежные оклады, которые они получали при верстании как дворяне и дети боярские.

За поместье и денежное жалованье военнослужащие рейтарских полков обязались выполнять полковую (походную или пограничную) службу на своих конях и со своим оружием. Оружие и боеприпасы продавалось рейтарам из казны, иногда выдавалось бесплатно. Лошадей они приобретали за свой счет.

Каждый рейтар имел карабин и пару пистолетов. Из холодного оружия у них были шпаги, чаще сабли; из защитного – латы, состоявшие из передних и задних досок, двух пол и ожерелий (стальных ошейников). На голове рейтары носили шишаки.

В первой половине XVII в. в мирное время, рейтары распускались по домам, а в случае необходимости вновь вызывались на службу.

Со временем из состава рейтар выделялись копейщики (конные пикинеры) и созданы подразделения гусар. На вооружении копейщиков находились копье и пистолет. В бою пикинеры выступали впереди рейтар и гусар, имевших на вооружении карабины и мушкеты.

Гусары были вооружены пиками и пистолетами. Копья у гусар были меньшего размера и назывались гусарскими копьями. От рейтар гусары отличались защитным вооружением. Как конница более легкого типа гусары имели более легкие латы и наручи.

7. НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ».

Система чинов, установленная в полках «нового строя» заметно отличалась от сложившейся. Уже в 1631 г. в солдатских и рейтарском полках числилось: 4 полковника, 3 подполковника, 3 майора, 1 квартирмейстер, 13 ротмистров, 24 капитана, 28 поручиков, 25 прапорщиков, 87 сержантов, капралов и других младших командиров. Всего в строю находилось 190 человек.

После Смоленской войны 1632-1634 гг. большая часть полков «нового строя» была распущена; всех иноземцев, нанятых на военное время, уволили со службы и выслали из России. Тогда же правительство запретило иностранцам въезд в страну. Однако вскоре наем «немецких людей», поляков, черкас и «гречан» был возобновлен. Набирали их с большим разбором, только людей «добрых и прожиточных», приехавших на постоянную службу. В 1638 г. в Иноземском приказе числилось 2206 служилых людей, 347 из них занимали командные должности. Для целей нашего исследования значительный интерес представляет перечень чинов, существовавших в новых региментах. Все они были строго ранжированы и включены в единую систему. Приведем сложившийся порядок командных чинов в полках «немецкого строя» (солдатских, рейтарских и драгунских) в 1638 году, с указанием в скобках количества людей данного чина для поместных и для кормовых «немец», и дополнив его существовавшим во время Смоленской войны 1632-1634 гг. чином «старший полковник» (таковым был пожалован создатель полков «иноземного строя» в России Александр Лесли):

[Старший полковник] (1 чел. – А. Лесли)*.

Полковник (2 чел.).

Подполковник (1 чел.).

Майор (2 чел.. - 1 из них на поместном жалованье).

---

* В чине старшего полковника А. Лесли участвовал в неудачном походе армии М.Б. Шеина на Смоленск В этом чине он упоминается в договоре, 21 февраля 1634 г. подписанном русским командованием с воеводой виленским гетманом Христофором (Криштофом) Радзивиллом.

Ротмистр (9 чел.. - 6 из них на поместном жалованье).
Капитан (22 чел.. – 2 из них на поместном жалованье).
Поручик (33 чел.. – 5 из них на поместном жалованье).
Полковой окольный (4 чел.).
Полковой обозник (6 чел.– 3 из них на поместном жалованье).
Прапорщик (36 чел. - 4 из них на поместном жалованье).
Сержант или пятидесятник (57 чел.).
Ружейный дозорщик (23 чел.).
Ротный заимщик или ротный квартирмейстер (26 чел.– 5 из них на поместном жалованье).
Подпрапорщик (35 чел.– 4 из них на поместном жалованье).
Капрал (38 чел.– 4 из них на поместном жалованье).
Барабанщик (12 чел.)
Трубачей (5 чел.)

Правительство не скрывало заинтересованности в привлечении на русскую службу кадровых офицеров, стараясь отобрать лучших из них. Дважды – в 1646 и 1658 гг. - для найма военных специалистов на Запад выезжал боярин И.Д. Милославский, возглавлявший тогда Иноземский приказ. Помимо разных льгот и привилегий поступающим на службу офицерам обещали свободный отпуск из России по истечении срока контракта. Всем завербованным офицерам выплачивалось особое жалованье «за выезд», своего рода подъемное пособие, составлявшее от 5 до 30 руб. деньгами и сукном.

Главным требованием к поступающим на службу в новые regimenty офицерам было знание европейской военной науки, поэтому в 1630-х гг. почти все начальные люди в полках «нового строя» были иностранцами. Каждый из них должен был предъявить «свидетельный лист» (патент) - увольнительный билет или отпускную грамоту с рекомендацией бывших начальников. Сведения, содержащиеся в них, обязательно проверялись в беседе с поступающим на царскую службу иноземцем и подтверждались показаниями «знатцев» - иноземцев, выехавших в Россию раньше. Для удостоверения в профессиональных умениях и навыках офицера русские вербовщики устраивали для них испытательные «смотри», требовали демонстрации приемов владения оружием.

Получив полное представление о происхождении, прежнем чине и воинском мастерстве офицера, его верстали в службу, присваивая первый чин. После этого ему назначалось жалованье за выезд, кормовое содержание, а в особых случаях (выезде в вечную службу, при переходе в православие, знатном происхождении) офицер наделялся поместным окладом.

Записавшись на службу, каждый иноземец должен был дать «крестоцеловальную запись», существовавшую в двух вариантах: для тех, кто выехал на «вечную» службу, и для тех, кто был нанят на время. Тексты присяги были почти идентичными, но выезжающие на временную службу, принимали на себя дополнительное обязательство об обучении подчиненных ему русских людей ратному делу.

Всеми служилыми иноземцами, за исключением тех, кто принял православие, ведал Иноземский приказ. За усердную службу и боевые отличия начальник приказа от царского имени повышал офицеров в чинах, наделяя их дополнительным денежным жалованьем.

* * *

Уже во время русско-польской войны 1632-1634 гг. в полках «нового строя» упоминаются русские начальные люди, занимавшие, как правило, должности младших командиров. В 1639 г. среди начальных людей на службе в южных городах было 316 иноземцев и 428 русских людей, выбранных из детей боярских. Жалованье они тогда получали чуть выше обычного солдатского (6-7 денег в день). Сержант – 11 денег,

каптенармус –10 денег, капрал и барабанщик – по 9 денег. В составе рейтарских полков в 1649 г. 200 лучших дворян обучались ратному строю для занятия командных должностей. Г.К. Котшихин писал, что «русские начальные люди бывают у рейтар: столники и дворяне, и жилцы, ученые люди иноземских же полков из рейтар и из начальных людей». Как видим, главное требование к офицерам состояло в хорошем знании характера и условий службы, умении обучить ей будущих подчиненных.

Во время Донского похода 1648-1649 гг., который возглавил дворянин А.Т. Лазарев, его отряд составили спешно набранные Посольским приказом солдаты. Командовали ими майор Яков Урвин, 4 капитана, 5 поручиков и полковой квартирмейстер из иноземцев, подчиненные Лазареву. Однако младшие офицерские должности занимали русские командиры. Об этом свидетельствует запись о расходовании А.Т. Лазаревым казенных средств, для чего опрашивались участвовавшие в походе лица. Среди тех, кто давал об этом показания, были «солдатского строя прапорщики» Михаил Левшин, Семен Кулапин, сержанты Максим Епишев, Василий Левонов, капралы Иван Назарьев, Афанасий Дворянинов. При производстве в офицерские чины и назначении на должность в полки «нового строя» и гарнизонные части, как правило, учитывался опыт и личные заслуги. Так, в 1653 г. в Москве раздали 700 мушкетов старым солдатам, послав их в южные города «в урядники». Среди младших командиров большинство начальных людей составляли тогда русские люди, однако штаб- и обер-офицерские должности занимали в основном иностранцы. В 60-х гг. XVII в. из 277 полковников и майоров русскими являлись лишь 18 человек, из 1921 офицеров, служивших в чине капитана, ротмистра, поручика и прапорщика – 648 человек.

Стараясь задержать на службе наиболее отличившихся офицеров, власти всячески поощряли их переход в православие, награждая за крещение деньгами (25-15 руб. поручикам, 60-100 рублей майорам, капитанам и полковникам), поместьями и даже вотчинами, более высокими чинами. Знаменитый Александр Лесли, крестившийся в 1653 г., был немедленно произведен в генералы, а его поместный оклад увеличен до 1200 четвертей.

8. ЧИСЛЕННОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Задача определения численности вооруженных сил Московского государства XV – XVII вв. является одной из самых сложных проблем отечественной истории, порядком запутанной исследователями. По свидетельству иностранцев, русское войско в этот период насчитывало от 150 до 350 тыс. человек. Данные эти, несомненно, преувеличены. А.В. Чернов, взяв за исходный показатель сведения о численности русского войска в походах, пришел к выводу, что в XV в. при серьезной военной опасности Московское государство могло собрать большую армию, состоящую из 200 тыс. конных и пеших воинов. Однако, для XVI в. Чернов, как мы увидим ниже, уменьшает численность войска до 110 тыс. человек. Он полагал, что в 20-х гг. XVII в. она составляла 92 555 человек и к 1651 г. численность московской армии достигла 133 200 человек.

Официальных сведений об общей численности русского войска в XVI в. в русских источниках не сохранилось. В летописях и разрядных книгах имеются лишь отрывочные упоминания о количестве служилых людей, выступавших в тот или иной поход. Наоборот, иностранные источники пестрят указаниями на численность и состав вооруженных сил Московского государства, которые, но их данные плохо соотносятся между собой, и, зачастую противоречат русским источникам. Так, знаменитое сообщение Джильса Флетчера о наличии в России в конце XVI в. всего 12 тыс. стрельцов опровергается участием в походе 1578 г. 2 тыс. стрельцов и казаков Государева двора и 13 119 городских стрельцов.

Большинство иностранных авторов склонно были считать, что на тот период Московское государство располагало армией в 200-300 тыс. человек и более. Цифра явно завышена, не менее, чем в два раза. Недостоверность иностранных сообщений о численности русского войска объясняется главным образом тем, что их авторы пользовались сведениями частных лиц, а, возможно, были специально введены в заблуждение русскими официальными лицами, стремившимися утратить европейцев многочисленностью своей армии.

Более осторожным в сообщении сведений о вооруженных силах России был служащий английской Московской компании Джером Горсей. Не упоминая о численности русской армии, сосредоточенной на западных границах, он писал, что это войско состояло из татар и «использовалось в борьбе против королей Польши и Швеции, войсками которых он был теперь окружен, в войне за Ливонию (Liolande), которую он прежде разорил и завоевал столь жестоко; другая армия, состоявшая, как правило, из ста тысяч конницы его подданных, за исключением немногих поляков, шведов, голландцев (Duch) и шотландцев, сражалась с его большим врагом – крымскими татарами».

Проанализировав эти сообщения, С.М. Середонин пришел к выводу, что в составе московского войска находилось около 75 тыс. дворян, детей боярских и их слуг, не больше 10 тыс. татар, 20 тыс. стрельцов и казаков, 4 тыс. иностранцев - всего около 110 тыс. человек, не считая даточных и посошных людей.

Некоторым подтверждением выводов Середонина могут служить официальные сведения о численности русского войска в походах. Так, в полоцком походе 1562/1563 г. участвовало около 60 тыс. человек (с холопами) и более 80 тыс. посошных людей. А.В. Чернов, согласившись с этими цифрами, отмечал, что «мобилизация от 35 до 55 процентов всей численности боевого состава русского войска для указанных крупнейших походов второй половины XVI в. - явление вполне реальное».

В последнее время попытку опровергнуть устоявшееся в науке представление о численности московской армии предпринял С.М. Каштанов. Используя разрядные записи, содержащие сведения о составе войск, участвовавших в походах на Полоцк 1562/1563, 1577 и 1579 гг., исследователь сделал вывод о том, что они потребовали «мобилизации всех боеспособных сил», совершенно оголив другие границы. По его мнению привлеченные к военным действиям в эти годы «30-40 тыс. воинов – это не половина или какая-то иная часть русской армии, а практически вся или почти вся армия XVI в.». При этом Каштанов полностью игнорирует сообщения источников о ежегодном выдвижении на юг полков, о строительстве на «украине» новых городов, прикрывать которые должны были выступавшие в степь войска, о высылке ратей для поддержания порядка в беспокойной Казанской земле. Граница на юге была оголена только в 1580 г., после успешных действий Батория под Полоцком и Великими Луками, когда на запад были переброшены ратные люди входившие в состав служилых корпораций Пронска, Орла и Переяславля-Рязанского. Не учтенными остались гарнизонные войска, традиционно многочисленные в Московском государстве. Каштанов не случайно занизил численность русской армии. Определив ее состав в 40 тыс. человек, он в соответствии с существующими методиками умножает их на 10 дворов, с которых, как правило, брали ратников, а затем еще на 5 (среднее число жителей двора) и получает в итоге 2 млн. человек населения страны в середине XVI. Ниже он отчасти откорректировал свои выкладки, утверждая, что «в середине XVI в. в России проживало 3 млн. человек, а накануне Смуты – 4,5 млн. человек». Такая манипуляция цифрами чрезвычайно опасна, так как позволяет утверждать об отсутствии значительных людских потерь во время Великого голода 1601-1603 гг., казачьих бунтов и восстаний, польско-литовской и шведской интервенции начала XVII в.

На протяжении всего изучаемого периода в московской армии и по боевому значению и по численности первое место занимала конница, однако, начиная с середины XVI в., неуклонно росла численность пехотных частей (стрелецких приказов, и казачьих

подразделений, а с 30-х гг. XVII в. - солдатских полков) и служилых людей «пушкарского чина».

По «Смете всяких служилых людей» 1651 г. на службе числилось не менее 129 314 человек, не считая выставляемых помещиками боевых холопов, которые были совсем не учтены составителями документа. Сведения ее, таким образом, по этому и другим показателям не полны. Однако даже в таком виде они свидетельствуют о значительном увеличении московской армии (за 30 – 40 лет - почти на 40 тыс. человек). Изменился и состав вооруженных сил России. Как и прежде основу его составляли дворяне и дети боярские – 37 763 человека (не подсчитано было количество боевых холопов). Но 1425 служилых людей «по отечеству» служили в рейтарах. В том числе – 1 стольник, 26 стряпчих, 407 жильцов, 8 новокрещенов и татар Московского и Боровского уезда, остальные – дворяне и дети боярские из городов. Вместе с дворянами детьми боярскими проходили службу 2941 человек поместных, беломестных и полковых казаков, новокрещенов, станичников и черкас, служивших «з детми боярскими». Заметно возросла численность стрелецких полков – до 41 659 человек. Вместе с ними несли службу казаки, находившиеся в «старых» и «новых» городах, в ведении Стрелецкого и Казачьего приказов, Новгородской чети, в понизовых и сибирских городах – всего 19 115 человек. Среди других категорий служилых людей составителями «Сметы» отмечены: драгуны – 8543 человек, новокрещены, татары, тарханы, уздени, «жалованные окочане», юртовские и корочские татары, чуваша и остяки (помимо несших службу вместе с дворянами) - 8912 человек, днепровские казаки и черкасы (помимо несших службу вместе с дворянами) - 1321 человек, люди «пушкарского чина» - 4245 человек, служилые иноземцы - 2536 человек, 2313 из них несли «конную службу» в полках рейтарского и драгунского строя, остальные были расквартированы в южных и понизовых городах, а также находились в ведении Посольского приказа. Отдельно следует указать находившихся в «новых» городах и Саранске 230 станичников, находившихся на Керенской, Ломовской, Потышской засеках, стоявших на Инсаре 1693 человека «служилых русских людей и иноземцев», а также 356 «новоприборных» русских людей в Корсуни. Не подсчитанной в данной «Смете» осталась численность засечной стражи, несшей службу на южных засеках (Большой Черте и Белгородской Черте). Как правило, с ранней весны и до поздней осени на засеках стояли отряды служилых людей, усиленные посошными и даточными людьми, несшими службу «с земли». К охране рубежей привлекались и родственники служилых людей, составлявшие своеобразный войсковой резерв, из которого в случае необходимости «прибирались» на государеву службу новые стрельцы, пушкари, казаки, затинщики.

* * *

К концу рассматриваемого периода вооруженные силы Русского государства состояли из поместного дворянского ополчения, постоянного стрелецкого войска, городских казаков, подразделений пушкарей, затинщиков и других служилых людей «пушкарского чина», полков солдатского, рейтарского и драгунского строя. В военное время они усиливались мобилизацией на «большую повальную службу» части боеспособного тяглого населения, в том числе и представителей многих народов Поволжья (казанских и юртовских татар, башкир, чувашей, марийцев и мордвы).

Ядром московской армии, его главной ударной силой являлось поместное войско. Все остальные ратные люди (пищальники, а позднее стрельцы, отряды служилых иноземцев, полковые казаки, пушкари), мобилизованные посошные и даточные люди распределялись по полкам дворянской рати, усиливая ее боевые возможности. Такое устройство вооруженных сил подверглось реорганизации лишь в середине XVII в., когда были сформированы полки «нового строя», действия которых в составе полевых армий отличались известной автономностью.

Стоявшие перед властями Московского государства военные задачи, осложнявшиеся развитием боевой техники, появлением новых приемов вооруженной борьбы, вынуждали их совершенствовать свою армию, усиливая ее новыми разрядами служилых людей. На первом этапе развития русских вооруженных сил (1480-е – конец 1540-х гг.) они состояли из полков поместного ополчения, в случае необходимости усиливавшихся отрядами посошных людей, в том числе конными и пешими пищальниками. В середине XVI в. начался второй этап реформирования московской армии. Активизировав внешнюю политику Русского государства, усилив военный нажим на Казанское ханство, правительство Избранной рады значительно усилило боевые возможности своих войск, приступив к формированию первых «приборных» частей. Первые 6 стрелецких приказов создаются в 1550 г. первое упоминание о «приборе» на московскую службу казаков относится к 1549 г. Поражения эпохи Смутного времени и потеря важнейших рубежей обороны на западных и северо-западных границах сделали неизбежным поиск новых форм организации русской армии. Стремясь усилить свои вооруженные силы, правительство Михаила Романова решило использовать европейский опыт. В 1630 г. для участия в приближающейся войне с Речью Посполитой (Смоленская война 1632-1634 гг.) началось формирование первых полков солдатского, рейтарского и драгунского строя. Первоначально для службы в них хотели набрать беспоместных детей боярских, не имеющих возможности нести полковую службу. Но эти планы удалось осуществить лишь в отношении рейтарских региментов, записываться в солдаты не спешили даже самые бедные из служилых людей «по отечеству». Тогда правительство смягчило условия найма, разрешив записываться в солдаты татарам, новокрещенам, казакам, другим вольным людям. Первые сведения о зачислении на солдатскую службу даточных людей относятся к концу 1630-х гг. В 1639 г. в находившийся в Туле полк А. Крафтера направили 102 даточных человека из вотчин боярина Ф.И. Шереметева. В новых региментах возникает принципиально новая система чинов. На смену трем командным чином подразделений сотенной службы (голова, пятидесятник, десятник), приходит сложная европейская иерархия начальников, насчитывавшая 16 и более офицерских и сержантских рангов. Необходимость столь громоздкой системы чинов связана была с обязательным в европейских армиях того времени требованием постоянного надзора за солдатами, вынужденными совершать в боевой обстановке сложные перестроения. Однако, в дальнейшем некоторые из новых чинов (фюрир и форир) были упразднены.

Важной проблемой стало определение примерной численности русского войска. В середине XVII в. по уточненным данным «Сметы всяких служилых людей» 1650/1651 г. на службе числилось не менее 129 314 человек, не считая выставляемых помещиками боевых холопов и засечной стражи южных оборонительных линий, которые не были учтены составителями документа. Таким образом даже в мирное время численность вооруженных сил Русского государства составляла около 160-170 тыс. человек. В военное время она заметно увеличивалась за счет «повального» сбора рекрутов (даточных людей) из числа тяглого населения. В годы русско-польской войны 1654-1667 гг. только три первых набора даточных людей на солдатскую службу (1658, 1659 и 1660 гг.), пополнили армию на 51 тыс. человек. Всего в ходе этой войны в полки нового строя было рекрутировано не менее 100 тыс. человек.

Глава 2

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. КОМПЛЕКТОВАНИЕ, ВООРУЖЕНИЕ И СНАБЖЕНИЕ РУССКОГО ВОЙСКА. ОБУЧЕНИЕ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ

На протяжении XV-XVII вв. значительно изменился не только состав вооруженных сил Московского государства, но и само военное управление, принципы комплектования русской армии и вспомогательных частей. Иными стали имеющиеся в распоряжении воинов средства борьбы, многие образцы вооружения и военной техники были усовершенствованы, их характеристики значительно улучшились. Более правильной стала организация снабжения служилых людей и обеспечения их денежным и хлебным жалованием, вещевым довольствием. С середины XVI в. меняется отношение командования к обучению воинов ратному делу, прежде всего артиллеристов и стрельцов, которые должны были демонстрировать свое умение на соответствующих смотрах. С появлением в середине XVII в. полков «нового строя» обучение солдат и рейтар военному делу становится обязательным.

Ключевое место в системе руководства вооруженными силами Московского государства играл Разрядный приказ. Необходимо остановиться на истории создания этого ведомства, его функциях, отношениях с другими приказами. Еще одной важной задачей является определение порядка управления войсками во время военных действий.

Существенной частью военного строительства является система комплектования вооруженных сил – обеспечения потребностей армии в личном составе как в мирное, так и в военное время. В XV – XVI вв. в странах Западной Европы на смену старому способу комплектования войск из рыцарских и городских ополчений приходит наемничество, приведшее к возникновению постоянных наемных армий. Власти Московского государства, заимствовав многие элементы европейской военной организации, тем не менее отказались от использования наемной службы. Этот принцип применялся лишь при наборе иностранных специалистов – офицеров и военных инженеров, многие из которых впоследствии переходили в русскую «вечную» службу. Необходимо ответить на вопрос: почему наемничество не получило большого развития в московской армии?

Меняется вооружение русского войска. Развитие артиллерии и ручного огнестрельного оружия привели к более широкому использованию новых образцов порохового оружия в боевых действиях, что самым непосредственным образом повлияло на организацию армии, в составе которой появились подразделения, сформированные из воинов, имеющих на вооружении ручные пищаля, карабины и пистолеты. В этой связи необходимо рассмотреть этот основные характеристики русского огнестрельного и холодного оружия.

Усложнение боевой техники поставило на повестку дня требование организации систематического обучения воинов военному делу. В XVII в. практического руководства подготовкой служилых людей со стороны более опытных ратников было уже недостаточно. В этот период появляются первые рукописные и печатные наставления, аккумулировавшие достижения европейского военного искусства и, отчасти, отечественный боевой опыт. Необходимо проанализировать дошедшие до нас пособия: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», а также «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки».

1. УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Увеличение численности и расширение состава русского войска отразилось прежде всего на управлении армией, основные принципы которого сформировались уже в первой половине XVI в. Каждый вновь возникавший разряд служилых людей имел центральный орган управления - приказ. Общее руководство вооруженными силами осуществлял Разрядный приказ, куда сходились все нити управления войсками. Давая характеристику этому ведомству, Г. Котошихин записал: «А ведомы в том приказе всякие воинские дела и города строение и крепостями и ружьем и служивыми людьми; так же ведомы бояре,

околничие и думные и ближние люди, и дьяки и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские, и казаки, и солдаты всякою службою; и кого куды лучится послати на службу, в войну, и в воеводства в города, и во всякие посылки; и за службы о жалованье и о чести, и о прибавке денежного жалованья указ в том же приказе; так же и о сыску чести и о бесчестии и о наказании <...> А кого царь куды посылает на службу и что кому за службу бывает честь и жалованье и бесчестия, и то записывают в книги». Стрельцами и казаками ведал Стрелецкий приказ, пушкарями, служилыми людьми у «наряда» - Пушкарский приказ; служилыми иноземцами, рейтарами, драгунами, солдатами – соответствующие приказы XVII в. Обеспечением службы «приборных» людей занимались многие финансовые ведомства: приказы Житный, Денежного и хлебного сбора, Немецких кормов, Сбора пятинных и запросных денег, четвертные приказы. Самое непосредственное отношение к управлению войском и его отдельными частями имели территориальные (областные) приказы. Вплоть до начала XVIII в. структура военного управления в России замыкалась на фигуре царя, иногда единолично, но, как правило, по совету с боярами и другими думными чинами распорядившегося вооруженными силами страны.

Во второй половине XVI в. постоянные кадры ратных людей состояли из стрельцов, городских казаков, людей «пушкарского чина» (пушкарей, затинщиков, воротников, рассыльщиков и др.) и служилых иноземцев, имевших свою военную организацию. Позднее, в XVII в. были созданы солдатские, рейтарские и драгунские полки «нового строя». Дворяне и дети боярские постоянной военной организации не имели, однако достаточно часто призывались на службу. Их обязанности в мирное время ограничивались охраной границ, которую они выполняли посменно через год или по полугодиям. Мобилизованные для отправки на «украины» служилые люди объединялись в сотни и полки, поступающие в распоряжение назначенных правительством воевод.

В военное время создавалось единое войско или несколько действующих самостоятельно ратей. Сбор войска (ратей) происходил через Разрядный приказ (Разряд), одно из первых военных учреждений в России. Время создания его – вопрос дискуссионный и связан с проблемой становления системы приказного управления в России. Н.П. Лихачев отнес время возникновения приказов в Московском государстве к концу XV – началу XVI вв., в частности полагая, что Разряд был создан не позднее 1535 г. А.А. Зимин считал, что приказы появились в середине XVI в., а А.К. Леонтьев временем образования учреждений приказного типа обозначил 30-е гг. XVI столетия. Эту точку зрения разделяет Ю.М. Эскин. Начавший публикацию разрядных книг В.И. Буганов, пришел к выводу, что первые записи в них восходят к подлинной документации Разрядного приказа и относятся к последней четверти XV в. В то же время он очень осторожно писал о существовании тогда самого военного ведомства, считая, что разрядные записи как тип деловой документации возникают раньше Разряда. В таком случае, встает вопрос - в каком учреждении готовились назначения на командные должности, составлялись и велись записи о них? Н. М. Рогожин полагает, что зарождение приказной системы управления относится к концу XV - началу XVI вв., а в середине XVI в. первые учреждения канцелярского типа превратились в государственные органы центрального и местного управления. Принципиально важное значение имеет утверждение автора о военном назначении всех первых приказов.

Первая известная запись разрядного типа сохранилась в Московском летописном своде конца XV в., в рассказе о походе великого князя Ивана III на Новгород в октябре 1477 г. Летописец, воспользовавшись недошедшими до нас документами (в разрядных книгах эта запись отсутствует) подробно, по полкам, перечислил выступающих на войну московских воевод. Роспись военачальников была сделана и для Вятского похода 1489 г., она, также, не сохранилась в официальных разрядных книгах. В.И. Буганов полагал, что разрядные записи стали вестись с 1460-х гг., так как в местнических спорах о событиях

более раннего времени использовались не документы великокняжеской канцелярии, а показания авторитетных лиц.

В ходе войн второй половины XV в. русским войскам приходилось действовать на разных направлениях, в поход выступало несколько ратей, обязанных действовать согласованно, поэтому рано или поздно должно было возникнуть ведомство, занимавшееся планированием и осуществлением военных операций. На его деятельность проливает свет, сохранившийся в разрядных книгах фрагмент наказа, посланного в 1482 г. из Москвы стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам Ивану Василевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он представляет собой указание (по определению Ю.Г. Алексеева, «директиву главного командования») названным воеводам идти на Казань и действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его. Какой именно орган координировал тогда действия русских воевод неясно, однако функции его соответствовали функциям будущего Разряда, возможно, именно так он и назывался, являясь структурным подразделением Дворцовой избы.

В первой половине XVI в., (не позднее 1527 г.) Разряд превращается в самостоятельное ведомство со своим штатом сотрудников – разрядными дьяками и подьячими. Первыми известными нам разрядными дьяками были Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын и Григорий Загряжский. И.И. Вернер связывал окончательную трансформацию Разряда в учреждение приказного типа с русско-литовской войной 1512-1522 гг., происходившей в правление великого князя московского Василия III. Историк полагал, что относить существование Разрядного приказа, к более раннему времени рискованно из-за полного молчания разрядных росписей и отсутствия «воеводских наказов об этом учреждении, что было бы трудно допустить, если бы Разряд как учреждение, уже существовал в то время».

Разрядный приказ ведал всем кругом вопросов, относящихся к организации обороны страны, и руководил подготовкой военных операций. Он распределял служилых людей по отечеству - дворян и детей боярских на службу по военному, гражданскому и дворцовому ведомствам, вел списки всех дворян по городам с уездами, так называемые «десятни». В своей деятельности Разрядный приказ взаимодействовал с другими ведомствами, в числе функций которых были и военные дела: Пушкарским, Стрелецким, Поместным, Бронным, Иноземским, Земским, Большого Прихода, Казанским, Мещерским, Оружейным, Конюшенным, Городовым, Засечным, Каменных дел, Житным, Посольским, Челобитным и Ямским приказами. В XVII в., помимо большинства указанных ведомств, разрядные дьяки работали в тесном контакте с приказами Рейтарским, Ствольным, Казачьим, Панским, Приказных дел*, Сбора даточных людей, Хлебным, Полковых солдатских и стрелецких разборных дел, Драгунского и солдатского отпуска, Городового дела, Денежного и хлебного сбора, Сбора немецких кормов, Сбора пятинных и запросных денег, Сбора десятой деньги и Сибирским, а по мере надобности и с другими, в том числе четвертными приказами. Некоторыми особенностями отличалось военное управление Средним и Нижним Поволжьем, и Приуральем. Назначением в эти места воевод (полковых и городских) ведал не Разряд, а Приказ Казанского дворца.

Накануне похода из Разряда в города на имя воевод и приказных людей рассылались царские грамоты с предписанием всем назначенным идти на войну дворянам и детям боярским готовиться к выступлению. Собраться на «государеву службу» и прибыть на сборный пункт к назначенному времени они должны были «с людьми и конми и с доспехом». Подготовленные служилыми людьми продовольственные запасы отправлялись к месту общего сбора раньше, как правило, по зимнему пути.

---

* Среди функций этого ведомства были и относящиеся к военному делу: установление степени разорения территории после боевых действий, а также сыск бежавших из-под Смоленска во время русско-польской войны 1632-1634 гг. посошных людей. - Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 3. М., 2001. С. 399.

Из своих городов дворяне и дети боярские выступали с присланным из Москвы «сборщиком», имевшим на руках полученный в Разряде список подлежащих мобилизации служилых людей. Отобранные для участия в походе служилые люди сразу же должны были сообщить сборщику сколько они берут с собой боевых холопов и обозной прислуги. Точно также через городских воевод или особых сборщиков, посылаемых Разрядом, происходил сбор посошных людей с указанием, где и когда посошные должны «стать» на службу. В Стрелецкий и Пушкарский приказы из Разряда посылались памяти с запросом - какое число стрельцов, казаков и служилых людей к «наряду» будет направлено в собиравшееся в поход войско.

Одновременно с рассылкой по городам указов о сборе ратных людей в поход происходило назначение от имени царя и Боярской думы (с обязательным объявлением через Разрядный приказ и записью в разрядных книгах) главнокомандующего, других военачальников и их помощников. Большой воевода (командующий войском) и подчиненные ему полковые воеводы назначались, как правило, из бояр и окольничих, их товарищи и сотенные головы - из дворян Государева полка.

В конце XV в., по сообщению Г. Перкамоты, время сбора войска в поход не превышало 15 дней

Вместе с назначением большой воевода получал из Разрядного приказа царский наказ. В нем содержалась важная информация. Помимо прочего командующему сообщалось: с кем предстоит вести войну, из каких городов и уездов служилым людям назначено участвовать в походе, когда и где собираться отдельным полкам и всему войску, когда начинать наступление или где ожидать подхода неприятельской армии, кто должен командовать отдельными полками, «нарядом» и «гуляй-городом» («обозом»), заведовать раздачей жалования и всяких запасов. В наказе содержался маршрут движения отдельных полков и всего войска, сообщался примерный план военных действий.

Помимо наказа главному военачальнику (большому воеводе) вручался «разряд» (войсковая роспись ратных людей и воевод по полкам); для разбора сведений, поступающих командующему из Москвы и от других воевод, от разведывательных отрядов в армию назначались дьяки «с разрядом» или «у разряда». Эти дьяки вместе со своими помощниками - подьячими - составляли штаб войска, получивший в середине XVI в. название «разрядного шатра». Полковые воеводы получали особые указы, в которых указывались состав полка, его маршрут, функции назначенных к ним под командование младших воевод, имена сотенных голов, число приданных стрельцов и казаков и т.п.

Получив назначение, письменные указы и «разряды», воеводы с товарищами разъезжались к месту сбора полков. В городе, где была назначена встреча войск, большой воевода производил смотр прибывающим туда ратным людям. Он тщательно осматривал вооружение поступающих под его команду воинов, их амуницию и боевых коней, уточнял состав полков, собирал показания от окладчиков о состоянии и поместьях каждого дворянина и сына боярского, и особо о «нетях» - не явившихся на службу служилых людях и т.п. Все распоряжения большого воеводы записывались дьяками и хранились в разрядном шатре. Составленный тогда же список «естям» и «нетям», с росписью всех по статьям срочно отсылался на царское имя в Разрядный приказ. В свою очередь полковые воеводы расписывали дворян, детей боярских и их людей по сотням, для «кошевой» (обозной) службы, разных «подъездов» (разъездов, посылок и других ответственных поручений). Для исполнения срочных поручений («для всякого дела в розсылку») каждому воеводе придавалось 20 «ясаулов», «молодцов добрых», несших вестовую службу

Во главе дворянских сотен стояли сотники, чаще встречающиеся в источниках под именем сотенных голов или просто голов, в отличие от сотников у стрельцов и других приборных служилых людей. С середины XVI в. сотенные головы уже не выбирались местным уездным дворянством или сотней, а назначались Разрядным приказом от имени

царя, в экстренных случаях (смерти, ранения, болезни, пленения старого головы) – воеводой, под началом которого находилось оставшееся без командира подразделение. В походных «разрядах» (войсковых росписях) вслед за воеводами и их товарищами указывались поименно головы каждого полка.

Стремясь улучшить организацию поместного ополчения, обеспечить более правильное верстание служилых людей земельным и денежным жалованьем и укрепить в их рядах воинскую дисциплину, правительство Ивана Грозного в середине XVII в. провело реформу вооруженных сил, приняв знаменитое «Уложение о службе 1555/1556 г.». Текст этого документа включен в летописи, где озаглавлен «О рассмотрении государьском». Пр процитируем его:

«Посем же государь и сея расмотри: которые велможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, - не против государева жалования и своих вотчин служба их, - государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимуществим, а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь; и хто послужит по земли, и государь их жалуует своим жалованием, кормлении, и на уложенные люди дает денежное жалование; а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самих имати денги за люди; а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя болшее жалование самим, а людям их перед уложенными в полтретиа давати денгами. И все государь строяше, как бы строение воинству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царских чиновачальников, у приказных людей».

Через весь текст Уложения красной нитью проходит следующая главная мысль его составителей: прямое и самоотверженное исполнение долга служилыми людьми должно быть вознаграждено щедрым земельным и денежным жалованьем со стороны государя. Соответственно этому нерадивые и неисполнительные воины должны нести заслуженное наказание и прежде всего выплачивать за свою провинность значительные денежные штрафы, размер которых вдвое превышал сумму, полагающуюся за исправную службу. Например, за каждого не выставленного «уложенного» человека в доспехе взималось 4 руб., в тегиляе – 2 руб. В случае представления на смотр или в походное войско лишних людей служилому человеку добавлялось жалованье, а «избыточные люди» получали денежное довольствие в «полтретья», т.е. в 2,5 раза больше. Правительство последовательно проводило эти решения в жизнь, не считаясь ни с денежными расходами, ни с обидами знатных лиц.

В 1604 г. Уложение было дополнено Соборным приговором о введении правил посылки ратных людей в походы. Приговор гласил: «Повелехом, отныне и впредь вседы: кто колико поместей и отчин имеет, а сам коея ради вины на войну не идет, хоша старости или болезни для, или в приказех и городех судейства и управления ради быти сам не может, ни сына пошлет, тому слати холопа от двусот четвертей с конем, с полным доспехом и запасом, коему граду куды идти велено будет; а будет у коего недостаток или лишек в четвертях по мерным вскормленным книгам, и тем складываться и посылати по жеребью; а которые за ранами и увечьем из полков отпустятся, и которые в полону будучи. Выдут, и тех оставляти в домех на два лета и холопей им не посылати; а которых вдов мужи, а детей малых отцы убиты на войне или в плене держатся, ино тех по тому же два лета не посылати». Уклонившимся от службы грозило наказание – лишение земельного владения: «А которые имеют поместья и отчины, и сами или их дети не в войске и холопей не пошлют, и сысчется про то допряма, что они огурством не пошлют, и у тех со скольких четвертей службы не будет, толико четвертей взяти и отдати безпоместным и малопоместным, кои служат, детям боярским и иных чинов людям». Особо были оговорены меры в отношении церковных властей, по-видимому, не стремившихся к

участию в военных предприятиях государства. Из текста договора видно, что иерархи и монастыри не посылали «холопей годных в службу» или высылали их «без доспеха и харчей». За это с них взыскивали по 15 руб. за невыставленного в полки человека. Самых монастырских военных слуг велено было писать в стрельцы «без пощады». Составителями документа было подчеркнуто, что на службу необходимо выставлять «гожих» людей. В том случае, если у архиереев или монастырей таких слуг не было, правительство соглашалось принять от них деньги по гривне с четверти (10 руб. со 100 четвертей) «и давати те денги служилым людям, коли война есть; а коли войны ни откуда же, ино людей и денег не брати».

Первоначально собранными в городах дворянскими сотнями и отрядами командовали выборные головы из их среды. Вскоре после принятия Уложения о службе 1555/1556 г. была осуществлена замена выборности голов назначением их центральным военным ведомством и включение сотенных голов в официальные «разряды». Эти мероприятия имели большое значение, способствуя укреплению порядка в войсках и повышению боеспособности армии в целом. Назначение голов Разрядным приказом устраняло своеволие полковых воевод, снижало значение родственных связей и уездных корпораций дворян и детей боярских. При указном способе назначения голов во внимание принимались не только родовитость, но и знание или опыт в военном деле, что повышало авторитет головы и придавало сотне большую самостоятельность.

Вышесказанное относится к сбору на службу и выступлению в поход дворянского ополчения. Служилые люди по «прибору» (прежде всего стрельцы и казаки) являлись в походное войско в составе своих подразделений (иногда – сводных сотен и приказов), с собственными командирами, которые начальствовали над ними в мирное время во время гарнизонной службы. На время похода стрельцы, казаки и пушкари, равно как и пососные люди, распределялись по полкам поместного ополчения, усиливая их, но не изменяя принципов организации войсковых частей.

В XVII в. управление вооруженными силами усложнилось. Как и прежде, вооруженными силами, их сбором, снаряжением и подготовкой к боевой деятельности ведали многочисленные приказы. Число их по сравнению с XVI в., заметно выросло. Сохранив большую часть старых военных приказов, правительство создало множество новых учреждений, в результате чего распределение функций между ними становилось более сложным и запутанным. Многие из новых приказов, не оправдывая своего назначения, ликвидировались, а их функции передавались другим ведомствам.

В конце XVI в. был создан Иноземский приказ, о котором сообщалось в «Записке о царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах, приказах, войске, городах и проч.», составленной около 1610-1611 гг. в Москве для царевича Владислава. Запись об этом ведомстве была краткой и гласила: «Приказ Иноземцов, где их ведают всех». Изменения в системе управления вооруженными силами особенно бурно протекали в XVII в. После Смутного времени возникают Казачий приказ (не позднее апреля 1613 г., иногда именовался Казачьим разрядом) и Панский (1614 г.; с 1623 г. получил название Иноземского) приказы. Появление драгун вызвало попытку учреждения Приказа драгунского строя, упоминавшегося с 1646 г. Для руководства полками рейтар и копейщиков в 1649 г. учредили Рейтарский приказ, разделивший свои функции организации службы конных полков «нового строя» с Разрядным, Иноземским и областными приказами.

Для сбора средств на жалованье ратным людям и денежных военных налогов существовали особые приказы: Приказ сбора пятинных и запросных денег (1616-37), Приказ сбора ратных людей (1637-1654), Приказ денежного дела (с 1654).

2. КОМПЛЕКТОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

В конце XV – первой половине XVII вв. основной ударной силой русской армии была поместная (дворянская) конница, сохранявшая боевое значение и в XVII в. На протяжении существования поместной армии она комплектовалась путем «верстания», во время которого вновь поступающих на службу сыновей дворян и детей боярских наделяли поместным (земельным) и денежным жалованьем. Вплоть до середины XVII в. дворянские дети считались «новиками» по достижении 15-летнего возраста. В XVII в. верстать на военную службу стали сначала с 17, а затем с 18 лет.

В зависимости от социального положения и имущественного достатка размер поместного оклада «новика» в XVI в. составлял 100-400 четвертей пахотной земли, денежного - 4-8, а иногда и 10 руб. В XVII в. земельное жалованье вновь поверстанным в службу определялось в 40-350 четвертей, денежное - 3-12 руб. Иногда нормы окладов повышались. Так, при верстании новгородских детей боярских в 1606 г., некоторые служилые люди получили повышенные оклады. Один из них был верстан денежным окладом в 14 руб., при поместном окладе в 500 четвертей. Как правило повышенными окладами верстались служилые «новики», многие годы участвовавшие в военных походах.

Верстание осуществлялось на специальных дворянских смотрах («разборах»), где проверялось наличие служилых людей в строю, их вооружение, количество приведенных с собой боевых холопов. О каждом новике собиралась подробная информация у «окладчиков», обязанных точно установить происхождение, имущественное положение, какую службу может нести, сколько приводить «в полк» и «в кош» боевых холопов. Собранные о новиках сведения заносились в особую «верстальную десятню», составлявшуюся в дополнение к «разборной» и «раздаточной». В случае неявки служилых людей на разборы и не представлении своих подросших детей, они могли быть исключены из службы. Так, царским указом 1621/1622 гг. объявлялось, что «которые дети боярские у розбору не объявятца или которые дети боярские у розбору детей своих недорослей не объявят и в розборные книги не напишут, и тем впредь верстанья не будет и в службы не возмут». Исключение делалось лишь для неверстанных детей боярских, служивших с прожиточных и отцовских поместий.

По Уложению 1555/1556 г. служба дворян и детей боярских начиналась с 15 лет, до этого времени они считались «недорослями». Для зачисления на службу подросших дворян и детей боярских («новиков»), и верстания молодых служилых людей поместными и денежными окладами, из Москвы по городам периодически направлялись бояре и другие думные чины с дьяками; иногда верстание новиков поручалось местным воеводам.

Приехав в город, боярин должен был организовать выборы окладчиков из числа местных служилых дворян и детей боярских, с помощью которых производилось зачисление на службу. По расспросам прибывших на смотр новиков и показаниям окладчиков устанавливались имущественное положение и служебная годность каждого молодого дворянина и сына боярского. Окладчики также сообщали, кто с кем может быть в одной статье по происхождению и имущественному положению. Затем новик зачислялся на службу и, если его отец имел небольшую «дачу» и не мог выделить сыну землю «в припуск», то новопроверстанному служилому человеку назначался поместный оклад «в отвод». Как правило «отводились» старшие сыновья, младшие – «припускались» к отцам. Каждый «новик» получал небольшое денежное жалованье, которое по большей части служило ему подмогой для закупки вооружения и боевых коней.

Поместные оклады «новиков», как сообщалось выше, колебались в среднем от 100 четвертей (150 десятин в трех полях) до 400 четвертей (600 десятин) и денежные - от 4 до 8 рублей. В XVII в. норма земельного верстания была уменьшена до 40-350 четей земли, денежный оклад составлял от 3 до 12 руб. Однако, в каждом уезде действовал свой порядок испомещения, который, строго контролировался Москвой. В качестве примера приведем оклады поместного и денежного жалованья, существовавшие в 1576 г. для детей

боярских из Рыльска и Путивля, несших станичную и сторожевую службу «на поле». Старослужащие путивльцы и рыляне были разделены на 5 статей и получали соответственно:

- 1-я статья поместья по 300 четей; денежного жалованья по 12 рублей.
- 2-я статья поместья по 250 четей; денежного жалованья по 11 рублей.
- 3-я статья поместья по 200 четей; денежного жалованья по 10 рублей.
- 4-я статья поместья по 150 четей; денежного жалованья по 8 рублей.
- 5-я статья поместья по 100 четей; денежного жалованья по 7 рублей.

Новики из этих городов были разделены на 3 статьи и получали поместное и денежное жалованье в гораздо меньшем размере:

- В Путивле: 1-я статья поместья по 160 четей, в Рыльске: по 150 четей, денежного жалованья в обоих городах - по 7 рублей;
- 2-я статья поместья по 130 четей; денежного жалованья по 6 рублей;
- 3-я статья поместья по 100 четей; денежного жалованья по 5 рублей.

В процессе службы поместные и денежные оклады новиков увеличивались в соответствии с их службой, нормами землевладения сложившимися в данном уезде, размерами земельных площадей, поступающими в поместную раздачу. При верстании этих новиков разделили на 2 статьи «дворового списка» и 4 статьи «городового списка». По сравнению с неслужившими «новиками» их денежные оклады были увеличены в среднем на 1 руб. Таким образом, они получили:

«Дворовые»:

- 1-я статья - 300 четвертей земли, денег по 9 рублей.
- 2-я статья - 250 четвертей земли, денег по 9 рублей.

«Городовые»

- 1-я статья - 250 четвертей земли, денег по 6-8 рублей.
- 2-я статья - 200 четвертей земли, денег по 7-8 рублей.
- 3-я статья - 150 четвертей земли, денег по 5-8 рублей.

Многие из «служилых новиков» погибали или умирали, не успев законным образом получить поместное и денежное жалованье. Власти вынуждены были признать существование этой категории ратных в В 1628 г. при верстании «новиков» в городе Ливны «новичные» поместные оклады разных размеров были установлены для «служилых новиков», участвовавших в военных действиях, и «неслужилых новиков». Первые получали оклады по 5 статьям от 200 до 50 четвертей земли, вторые – по 3 статьям от 40 до 15 четвертей земли. По «Смете всяких служилых людей» 1551 г. в Пскове находилось 11 «неверстанных в службу» пусторжевцев и 5 невлян; в Шелонской пятине – 18, в Деревской – 4, в Бежецкой – 3, в Обонежской - 5 неверстанных поместным жалованием, но числившихся среди служилых людей «по отчеству» новгородских дворян и детей боярских. В том же реестре особой статьей были отмечены дворовые и городовые дворяне и дети боярские, которые несли службу «с отцовских поместей». В Рязанском уезде было верстано в службу «в припуск» 172 таких помещика из общего числа служилых людей в 2068 человек.

Правительство зорко следило за тем, чтобы в среду дворян и детей боярских не проникали люди из других, прежде всего окладных сословий, а также проштрафившиеся служилые люди, которые «за воровство выкинуты из службы». При верстании новиков в службу особо оговаривалось, чтобы среди «них не было худых, которые впредь в службу не будет, и поповых и мужичьих детей, и холопей боярских, и слуг монастырских», а также служилых людей уже верстанных в других городах.. Этот принцип оставался в силе и позднее. При смотрах (разборах) дворян и детей боярских люди других сословий отстранялись от службы.

Несмотря на стремление к ограничению возможности получения поместного жалования представителями других, менее привилегированных, категорий служилых людей, необходимость обеспечения обороны страны, в особенности на южных «украинах», вынуждала правительство верстать их в службу. Существование поместного казачества прослеживается уже во второй половине XVI в. Осуществляя мероприятия, направленные на реализацию Приговора о станичной и сторожевой службе, правительство 18 февраля 1571 г. заменило стоявших на сторожах в «Поле» рязанских детей боярских «малых статей» (300 человек, имевших поместья по 50 четвертей) конными казаками, поверстанными в службу в украинских городах Данкове, Епифани, Деделове и Крапивне. Уже тогда казаки получили в качестве обеспечения их службы в поместье по 20 четей земли. Однако скоро выяснилось, что с такой небольшой «дачи» казакам трудно получать требуемое для дальних походов в степь обеспечение. По коллективной челобитной (жалоба была подана от имени 577 казаков в 1577 г. до 15 марта, когда последовал соответствующий царский указ), их поместный оклад был увеличен до 50 четей. Они получили также и небольшое денежное жалованье – 3 руб., которое выдавалось один раз в три года на покупку коня для станичной службы. Полностью указ 1577 г. был реализован лишь в Данковском уезде, где казаки получили положенные им 50 четвертей земли. В других уездах «дачи» казакам составляли все те же 20 четвертей. Немного больше (30-50 четей) получали атаманы, десятники и пятидесятники.

Некоторая часть служилых казаков со временем перешла в разряд городских детей боярских. Так, в 1585 г. в Епифани из местных казаков набрали 300 детей боярских, испомещенных в Епифанском уезде «дачами» в 30-40 четей земли и составивших местную дворянскую корпорацию. А.Л. Станиславский полагал, что этот случай не был диничным, подчеркивая, что других документальных подтверждений массового перевода казаков в разряд служилых людей по отечеству не обнаружено. В действительности, подобный случай произошел в 1644 г. в Короче, когда были поверстаны поместными и денежными окладами 40 казаков. Двое из них получили 90 четвертей земли и 4 руб. денежного жалованья; остальные – 60 четвертей земли и 3 руб. 50 коп. денежного жалованья соответственно. Все они были приведены к крестному целованию и вписаны в десятню; таким образом вчерашние казаки оказались зачисленными в корпорацию короченских детей боярских.

На южной окраине государства, где вследствие частых крымских и ногайских нападений сохранялась напряженная обстановка и постоянно требовались опытные и закаленные воины, правительство меньше считалось с «отечеством» ратных людей, в интересах службы поверстанных поместным жалованьем. Во всех случаях предпочтение отдавалось атаманам, есаулам и старым казакам. На рубеже XVI-XVII в. в Рязском уезде было испомещено 58 атаманов, поместные оклады которых составляли от 100 до 250 четей земли, а денежные от 4 до 9 руб. «Верстаные казаки» находились не только в южных городах, но и на северо-западном порубежье. Среди других категорий служилых людей, находившихся в 1650/1651 г. в Великих Луках, «Смета всяких служилых людей» упоминает 142 «луцких верстанных казаков», отделяя их от 195 «кормовых» казаков. В этом же документе приводится еще более интересный факт полковой службы «казаков одоевских помещиков» вместе с одоевскими же детьми боярскими.

Еще одним способом комплектования вооруженных сил была вербовка («прибор») на службу воинов из вольных людей, а также родственников военнотружущих «старого прибору», иногда выходцев из посадских людей и черносошных крестьян. Таким образом набирались пушкарки и затинщики, стрельцы и «сторожевые», «станичные» и «полковые» казаки. Как правило, при поступлении на службу требовалось поручительство старотружущих о новоприборном стрельце, казаке, пушкаре или затинщике. В Смутное время «прибором» стрельцов и казаков занимались местные власти. Даже в первые годы правления Михаила Федоровича Романова белозерские посадские земские старосты продолжали набирать стрельцов, получавших не царское, а «мирское земское жалованье».

Крайне важным представляется сообщение источников о том, что командовали такими стрельцами головы и сотники, выбранные «миром». С упрочением государственной власти подобный чрезвычайный порядок прибора был заменен обычным.

Вместо поместного жалования, полагавшегося служилым людям «по отечеству», приборные воины получали денежное и вещевое довольствие. Чрезвычайно редко, за выказанные отличия казаки, а впоследствии и некоторые служилые иноземцы (в том числе и рядовые), могли получить небольшой поместный оклад и даже вотчину. Так, в 1621 г. казак Андрей Петров за участие в обороне Москвы от войск польского королевича Владислава получил в вотчину 1/5 часть своего поместья в Алаторском уезде - 50 четвертей из 250. Однако для казачьего вотчинного землевладения вводились определенные ограничения, призванные воспрепятствовать переходу таких вотчин в другие руки. Статья 50 Соборного Уложения гласила: «Да и казаком своих казачьих вотчинных земель никому не продавать, и не здавать».

Большой интерес представляет сообщение о существовании особой стрельцовой сотни, находившейся на содержании Соловецкого монастыря. В разное время на Соловках насчитывалось от 100 до 130 стрельцов, несших службу не только в монастыре, но и попеременно в Сумском и Кемском острогах. На службу они были прибраны из числа местных жителей по указу Ивана Грозного от 2 августа 1578 г., разрешившего игумену Варлааму набрать 90 стрельцов и 5 затинщиков в дополнение к 10 стрельцам, присланным из Москвы, 4 московским и 4 вологодским пушкарям. В дальнейшем, начиная с XVII в., в соловецкие стрельцы зачислялись их дети и племянники, но в особых случаях на военную службу могли зачисляться монастырские крестьяне и вольные люди. В других монастырях также находились государевы служилые люди. Так, в 1629 г. в Псково-Печерском монастыре были размещены 5 пушкарей, 10 затинщиков и 2 воротника. Во время Ливонской войны в этом монастыре несли службу 300 стрельцов головы Нечаева. О размещении в крупнейших обителях воинских частей свидетельствует и Г. Котошихин, писавший, что «в ыных монастырех для оберегания городов от воинских людей устроены стрелцы и пушкарки».

Во время больших войн на службу привлекались земские люди не только из числа уездных и монастырских крестьян, но и «ясачные люди» от подвластных московскому царю народов. В росписи «Понизовых городов» 1638 г. специально указывалось число имеющихся там чувашских, черемисских, мордовских, башкирских дворов и сообщалось, что «на службу хаживало в прежних годах с трех дворов по человеку».

3. РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Первые огнестрельные орудия (тюфяки и пушки) появились на Руси в конце XIV века. Определяя более точную дату этого события историки дореволюционной России придавали исключительное значение записи Тверской летописи, в которой под 1389 г. было отмечено: «Того же лета из немец вынесоша пушкы». В советское время сложилась традиция связывающая начало русской артиллерии с более ранней датой. Приверженцы ее указывают на наличие неких огнестрельных орудий в Москве во время осады ее Тохтамышем (1382 г.). Однако, при этом не учитывается не только факт последующего захвата Москвы, а значит и этих пушек татарами, но и того, что первые на Руси орудия скорее всего были трофейными – захваченными во время похода 1376 г. московской рати князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского на Волжскую Болгарию. В этой связи сообщение о появлении в 1389 г. в Твери пушек имеет действительно первостепенное значение. На это указывает следующий факт - в 1408 г. осадивший Москву эмир Едигей, зная о наличии в Твери первоклассной артиллерии, послал за ней царевича Булата. Лишь откровенный саботаж тверского князя Ивана Михайловича, чрезвычайно медленно

готовившего «наряд» к походу, вынудили Едигея изменить планы: взяв с москвичей денежный выкуп (3 тыс. рублей), он ушел в Орду.

Первые русские орудия были железными. Их ковали из полос металла толщиной 7-10 мм, сгибали, придавая форму ствола, и сваривали. На такой ствол надевали следующий изогнутый лист железа и опять сваривали. Потом процедуру повторяли. Получались фрагменты ствола из трех слоев железа длиной от 200 до 230 мм. Секции приваривали друг к другу, получая ствол нужной длины. Другой способ изготовления пушечных стволов предполагал обмотку цельнотянутой железной проволоки стержня с последующей ее проковкой. В этом случае казенную часть изготавливали, забивая в будущий ствол конусообразную металлическую заглушку в нагретом состоянии.

Сохранилось несколько кованых пушек, поэтому мы знаем, что на изготовление средних размеров пищали калибра 50 мм и длиной 1590 мм шло 7 секций трубы. Интересно, что поперечные и продольные швы, получавшиеся при сварке стволов орудий, были очень хорошего качества, что свидетельствует о высоком мастерстве русских мастеров-оружейников. Известны железные русские пушки, кованые из цельной заготовки. Так образом была изготовлена мортира (верховая пушка), хранящаяся в Тверском историческом музее.

Кованые орудия находились на вооружении русской армии в течение всего XV в. Их изготавливали калибром 24 - 110 мм, массой 60 - 170 кг. Первые тюфяки, пушки и пищали не имели прицельных приспособлений, но необходимость корректировки стрельбы очень скоро вызвала появление простейших прицелов – мушек и прорезей, а затем трубчатых и рамочных прицелов. Для придания угла возвышения орудью, находившемуся в дубовой колоде, использовали систему клинообразных вкладышей, при помощи которых приподнимали пушечный ствол на необходимую высоту.

Новый этап в развитии русской артиллерии был связан с началом литья медных орудий. Внедрение новой технологии улучшило качество «наряда» и позволило перейти к изготовлению пушек-пищалей и мортир крупного калибра. Литые орудия стоили дороже, но стреляли дальше и более метко, чем кованые. Для их отливки в 1475 г. у Спасских ворот была основана Пушечная изба, которую позднее перенесли на берег Неглинной. В этой «избе» изготавливали пушки мастер Яков с учениками Ваней и Васютой, а позднее с неким Федькой. Первое на Руси литое медное орудие (шестнадцатипудовая пищаль) было изготовлено мастером Яковом в апреле 1483 г.. Им же отлита в 1492 г и самая древняя из дошедших до наших дней литых пушек. Длина пищали – 137,6 см (54,2 дюйма), вес – 76,12 кг (4 пуда. 26 фунтов), калибр – 6,6 см (2,6 дюйма). В настоящее время пищаль мастера Якова хранится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Определенную роль в улучшении качества русских артиллерийских орудий сыграли итальянские и немецкие мастера, работавшие в конце XV - начале XVI вв. в московской Пушечной избе. Хорошо известный строитель Успенского собора «муроль» (архитектор) Аристотель Фиораванти прославился искусством лить пушки и стрелять из них. О признании артиллерийских способностей знаменитого болонца свидетельствует его участие в походе 1485 г. на Тверь, во время которого старый мастер состоял при полковом «наряде». В 1488 г. Пушечная изба сгорела, но вскоре после уничтожившего ее пожара на старом месте появились несколько новых пушечных изб, в которых возобновилось производство артиллерийских орудий. В XVI в. московский Пушечный двор превратился в большое литейное производство, где изготавливали медные и железные орудия различных типов и снаряды к ним. Пушки и ядра делали и в других городах: Владимире, Устюжне, Великом Новгороде, Пскове. Традиции пушечного производства не были забыты в этих городах и в XVII в. В 1632 г. в Новгороде «по приказу боярина и воеводы князя Юрья Яншеевича Сулешева с товарищи» была отлита «пищаль железная с немецкого образца, весом 2 пуда 2 гривенки, ядро по кружалу в четверть гривенки, станок обит железом на Немецкое дело».

Кроме Аристотеля Фиораванти, создавшего в Москве первую крупную литейную пушечную мануфактуру, в документах той эпохи упоминаются и другие мастера пушечного дела: Петр, приехавший на Русь в 1494 г. вместе с архитектором Алевизом Фрязиным, Иоганн Иордан, командовавший рязанской артиллерией во время татарского вторжения 1521 г., еще раньше Павлин Дебосис, в 1488 г. отливший в Москве первое орудие большого калибра. В начале XVI в. при Василии III в Москве работали пушечные мастера-литейщики из Германии, Италии и Шотландии. В 1550-1560-х гг., в русской столице лил пушки иноземный мастер Каспар («Кашпир Ганусов»), о котором известно, что он был учителем Андрея Чохова. Им было изготовлено не менее 10 артиллерийских орудий, в том числе «Острая панна», аналог немецкого орудия «Sharfe Metse». Бок о бок с иностранцами работали русские мастера: Булгак Наугородов, Кондратий Михайлов, Богдан Пятой, Игнатий, Дорога Болотов, Степан Петров, Семен Дубинин, Первой Кузьмин, Логин Жихарев и др. предшественники и современники Андрея Чохова. Впервые имя этого блистательного мастера встречается в литых надписях на орудийных стволах 1570-х гг. с пояснением: «делал Кашпиров ученик Ондрей Чохов». Он отлил несколько десятков пушек и мортир, некоторые из которых (именные «Лисица», «Троил», «Инрог», «Аспид», «Царь Ахиллес», сорокатонная «Царь-пушка», «огненная» пищаль «Егун», «Стоствольная пушка», стенобитная пушка «Соловей», серия мортир «Волк» и др.) стали шедеврами литейного дела*. Известно, что над изготовлением пищали «Царь Ахиллес» под руководством Андрея Чохова работало около 60 человек. Последней из дошедших до нас работ великого пушечного мастера стала полковая медная пищаль, изготовленная им в 1629 г. Орудия, отлитые Андреем Чоховым, оказались очень долговечными, ряд из них использовался даже в годы Северной войны 1700-1721 гг.

Чохов и другие мастера, среди которых было 6 его учеников (Василий Андреев, Дружина Богданов, Богдан Молчанов, Никита Павлов, Никита Провоторов, Дружина Романов) работали на новом Пушечном литейном дворе, построенном в 1547 г. в Москве. Именно здесь было начато производство «великих» пушек, прославивших имена их создателей. Артиллерийские орудия создавались также в Устюжне Железнопольской, Новгороде, Пскове, Вологде, Великом Устюге, с XVII в. в Туле. В XVII в., по неполным данным, литьем пушек занималось 126 мастеров.

По своим характеристикам русские орудия XV-XVII вв. можно разделить на 5 основных типов:

1. Пищали – обобщенное название артиллерийских орудий, предназначенных для настильной стрельбы по живой силе и оборонительным укреплениям противника. В качестве снарядов к ним использовались не только сплошные ядра (весом до 40 кг.), но и каменный и металлический «дроб». Среди пищалей были большие орудия и малокалиберные «волконеи» (фальконеты).

2. Верховые пушки (мортиры) – короткоствольные артиллерийские орудия крупного калибра с навесной траекторией стрельбы, предназначавшиеся для разрушения крепостных сооружений и зданий, находящихся за городской стеной. В качестве снарядов к ним использовались каменные ядра.

3. Тюфяки – небольшие артиллерийские орудия, предназначенные для стрельбы металлическим и каменным дробом по живой силе противника. Сведения об их изготовлении относятся даже к началу XVII в. В этот период в арсеналах русских городов встречались тюфяки на лафетах. Так, в Старице в 1678 г. находилась «пушка тюфяк железной в станку окован железом на колесах». В некоторых крепостях вся артиллерия состояла из орудий этого типа и затинных пищалей. В описании Борисова Городка 1666 г. упоминаются стоявшие «в воротех 3 тюфяка медные дробовики».

---

* В настоящее время точно атрибутировано 12 пушек Чохова. Семь из них находятся в Санкт-Петербурге (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), три - в Московском Кремле, два орудия, захваченные шведами во время Ливонской войны 1558-1583 гг. - в Швеции.

4. «Сороки» и «органы» - малокалиберные многоствольные орудия залпового огня.

5. Затинные пищали – малокалиберные орудия, предназначенные для настильной прицельной стрельбы большими свинцовыми пулями. Имелось два типа затинных пищалей, различавшихся по способу крепления ствола. В первом случае пищаль помещалась в специальный станок. Орудия, устроенные подобным образом, упоминаются в описании псковского и торопецкого «наряда» 1678 г. (в Пскове было «147 пищалей затинных в станках», а в Торопце – 20 таких орудий). Во втором случае ствол закреплялся в ложе, наподобие ружья. Отличительной особенностью затинных пищалей второго типа являлось наличие «гака» - упора, цеплявшегося при стрельбе за крепостную стену или любой выступ для уменьшения отдачи. Отсюда происходит второе название затинной пищали – «гаковница».

В начале XVII в. в нашей стране делается попытка ввести первую классификацию артиллерийских орудий по их весу и весу снаряда. Создателем ее стал Онисим Михайлов, предложивший в своем «Уставе» разделить русские пищали и верховые пушки на несколько основных типов. Их характеристики представлены в следующей таблице:

№ п/п	Название орудия	Вес орудия	Вес ядра	Скорострельность
1.	Пищаль «Острая»	100 контариев (250 пудов)	100 фунтов (железное)	30 выстрелов в день
2.	Пищаль «Василиск»	75 контариев (187,5 пуда)	70 фунтов. (железное)	30 выстрелов в день.
3.	Пищаль «Соловей»	60 контариев (150 пудов)	50 фунтов (железное)	-
4.	Пищаль «Певница»	40 контариев (100 пудов)	20 фунтов (железное)	-
5.	Пищаль четвертная «Змея большая»	30 контариев (75 пудов)	16 фунтов (железное)	-
6.	Пищаль четвертная «Маленькая змея»	25 контариев (62,5 пуда)	10 фунтов (железное)	-
7.	Пищаль «Змееноша»	50 контариев (125 пудов)	15 фунтов (железное)	-
8.	Пищаль «Ползмейноши»	25 контариев (62,5 пуда)	7,5 фунта (железное)	-
9.	Пушка верховая «Обезьяна»	30 контариев (75 пудов)	12 фунтов (каменное)	-
10.	Пушка верховая	20 контариев (50 пудов)	12 фунтов (каменное)	-
11.	Пищаль полуторная «Чеглик»	12 контариев (30 пудов)	6 фунтов (железное)	-
12.	Пищаль полковая «Сокол»	7 контариев (17,5 пуда)	2 фунта (железное или	-

			«свинчатое»	
13.	Пищаль полковая «Фальконет вострой»	1,5 пуда, 5 фунтов	0,5 фунта («свинчатое»)	-
14.	Пушка большая верховая «Можжир»	50 контариев (125 пудов)	1 контарь (2,5 пуда) (каменное)	-
15	Пушка верховая «Половина Можжира»	25 контариев (62,5 пуда)	1, 25 пуда (каменное)	-
16.	Пушка четверная или малая верховая	25 контариев (62,5 пуда)	25 фунтов (каменное)	-
17-18	Пушки огненные верховые, 2-х статей	3 - 4 контаря (7,5 - 10 пудов)	- (каменные и «огненные»)	-

Составитель «Устава», рекомендовавший ввести 18 типов орудий, безусловно, использовал опыт европейской артиллерии. В Испании при Карле V было введено 7 образцов орудий, во Франции – 6 (до 1650 г. в этой стране не было мортир), в Нидерландах – 4 основных калибра. Впрочем и в Европе тенденция к сокращению основных типов орудий не всегда выдерживалась. В XVII в. в Испании их было уже 50, с 20 различными калибрами.

В России первый шаг к унификации артиллерийских орудий и боеприсов к ним был сделан в середине XVI в., когда при изготовлении их стали использоваться определенные шаблоны («кружала»).

Сохранился интересный перечень пушек и пищалей, находившихся при армии Ивана Грозного во время его похода в Ливонию в 1577 г. В этой кампании русский стенобитный и полковой «наряд» насчитывал 21 пушку и 36 пищалей, в том числе знаменитые чоховские «Инрог» (отлитая в этом же 1577 г., по-видимому, специально для Ливонского похода), «Аспид» и «Лисица». В разрядной записи не только названы все пушки и мортиры, но и сообщены их основные характеристики (вес ядра). Благодаря этому можно установить, что для некоторых типов орудий – «верхних пушек Якобовых», «полупторных» и «скорострельных» использовались единообразные по весу снаряды. Приведем весь список целиком:

«Да в тот же поход пометил государь наряду: пищаль «Орел» – ядро потретья пуда (2,5 пуда – В.В.) и пищаль «Инрог» – ядро семьдесят гривенок (28,6 кг.), пищаль «Медведь» – ядро пуд, пищаль «Волк» – ядро пуд, пищаль «Соловей московской» - ядро пуд, пищаль «Аспид» – ядро 30 гривенок (12,3 кг), две пищали «Девки» – ядро по 20 гривенок (8,2 кг.), две пищали «Чеглик» да «Ястробец» – ядро по 15 гривенок (6,1 кг), две пищали «Кобец» да «Дермблик» ядро по 12 гривенок (4,9 кг.), две пищали «Собака» да «Лисица» - ядро по 10 гривенок (4 кг.), девятнадцать пищалей полупторных – ядро по 6 гривенок (2,4 кг.), две пищали скорострельных с медеными ядры по гривенке (409 г.), пушка «Павлин» – ядро 13 пуд, пушка «Кольчатая» – ядро 7 пуд, пушка «Ушатая», которая цела, ядро 6 пуд, пушка «Кольчатая» новая – ядро 6 пуд, пушка «Кольчатая» старая – ядро 6 пуд, пушка «кольчатая» другая старая – ядро 6 пуд, четыре пушки верхних «Якобовых» – ядро по 6 пуд, пушка «Вильянская» ядро 4 пуда, восемь пушек «Олександровских» – ядро по пуду с четь».

Для обслуживания этого великого «наряда» помимо артиллеристов (пушкарей и пищальников) было выделено 8600 пеших и 4124 конных пососных людей (всего 12724 человека). В годы Смоленской войны 1632-1634 г. для доставки одной пищали «Инрог» понадобилось 64 подводы, еще 10 подвод требовалось под «стан с колесы» этой великой пушки.

Неудивительно, что поход 1577 г. стал одним из самых удачных русских походов, когда были захвачены почти все города и замки Ливонии, кроме Риги и Ревеля.

В середине XVI в. русские мастера создали первые образцы артиллерийских систем залпового огня - многоствольные орудия, известные по документам того времени под названием «сорок» и «органов». Первые «сороки» появились, по-видимому, в середине XVI в., так как «сороковой» порох упоминается уже в 1555 г. Среди пушек Ермака в его знаменитом походе в Сибирь было одно такое орудие, имевшее семь стволов, калибром 18 мм (0,7 д). Стволы были соединены общим железным желобком, в который засыпался порох для воспламенения зарядов и производства одновременных выстрелов. Перевозили «сороку» Ермака на двухколесном небольшом стане. Из описания не дошедших до нас «сорок» видно, что характеристики их сильно разнились. На них устанавливалось от трех до десяти стволов, столько, сколько хотел мастер. Другой образец многоствольного оружия - «орган» - изготавливали, закрепляя на вращающемся барабане 4-6 рядов мортирок, калибром ок. 61 мм, по 4-5, а иногда и по 13 стволов в каждом ряду. По-видимому, орудием залпового огня была не дошедшая до наших дней «Стоствольная пушка», изготовленная в 1588 г. Андреем Чоховым. Описание «Стоствольной пушки» сделал участник польской интервенции в Московском государстве начала XVII в. С. Маскевич. Он видел ее «против ворот, ведущих к живому (устроенному на плавучих опорах – *V.V.*) мосту» через Москва-реку. Пушка поразила автора, и он подробно описал ее, выделив из «бесчисленного множества» орудий, стоявших «на башнях, на стенах, при воротах и на земле» по всей протяженности Китай-города: «Там, между прочим, я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо, а пули его с гусиные яйца». А.П. Лебедевская обнаружила упоминание об осмотре пушки в 1640 г. московскими пушкарями, отметившими наличие у орудия серьезных повреждений.

С середины XVI в. техника изготовления артиллерийских орудий несколько меняется. В Москве начинают лить первые чугунные орудия, некоторые из которых достигали огромных размеров. Так, в 1554 г. была изготовлена чугунная пушка калибром ок. 66 см (26 дюймов) и весом 19,6 т. (1200 пудов), а в 1555 г. – другая, калибром ок. 60,96 см (24 дюймов) и весом в 18 т. (1020 пудов).

Русскую артиллерию того времени высоко оценивали многие современники, одним из самых примечательных стал отзыв Д. Флетчера: «Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, тому отчасти может служить подтверждением Оружейная Палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые». Эрик Пальмквист, посетивший Россию в 1674 г., был удивлен хорошим состоянием русской артиллерии, в особенности наличием больших орудий, аналогов которым не было в Швеции.

Наличие собственных квалифицированных мастеров, способных изготавливать орудия разных типов и калибров, а также действия ряда пограничных государств (Литвы, Ливонии), стремившихся ограничить проникновение на Русь европейской военной технологии, вынуждали московское правительство рассчитывать на свои силы при создании новых образцов артиллерийского вооружения. Однако, вывод А.В. Муравьева и А.М. Сахарова о том, что с 1505 г. «в Москву уже не приезжали иностранные мастера пушечного дела», звучит слишком категорично. Известно, что в 1550-1560-х гг. в русской столице работал иноземный мастер Кашпир Ганусов - учитель Андрея Чохова. В годы русско-шведской войны 1554-1556 гг. и Ливонской войны в русскую службу зачисляли всех выказавших такое желание артиллеристов и мастеров из числа пленных шведов и немцев. Наконец, в 1630 г., накануне Смоленской войны 1632-1634 гг., шведский король Густав II Адольф направил в Москву голландского пушечного мастера Юлиса Коета с другими специалистами, знавшими секрет отливки легких полевых орудий – принципиально нового типа артиллерийского вооружения, благодаря которому шведы

одержали множество громких побед. Другой посланец Густава II Адольфа Андреас Винниус (Елисей Ульянов) начал строить тульские и каширские оружейные заводы.

В середине XVII в. в 100 городах и 4 монастырях, находившихся в ведении Пушкарского приказа находилось на вооружении 2637 орудий. 2/3 из них были бронзовые, остальные – железные. В случае необходимости использовались и «урывки» - пушки и пищали, стволы которых получили повреждения (разорвались при стрельбе), но из которых еще можно было вести огонь по неприятелю. Из общего числа орудий в 2637 единиц, лишь 62 негодились для боя.

Важным техническим новшеством явилось употребление калибровочно-измерительных циркулей - «кружал», нашедших широкое применение при литье пушек и ядер. Эти приспособления впервые упомянуты в грамоте направленной в Новгород 27 ноября 1555 г., вероятно, применялись и раньше. С помощью кружал проверяли диаметры стволов и ядер, предназначенных для того или иного вида пушки с тем, чтобы зазор между ядром и каналом ствола обеспечивал скорость заряжания и надлежащую силу выстрела. С этой же целью для обмотки ядер использовали холст, картон и лен, другие уплотнительные материалы, а готовые ядра хранили в специальных «коробах» - прообразе будущих зарядных ящиков. Об использовании в артиллерийском деле подобного рода подручных материалов свидетельствуют дошедшие до нас документы. Так, во время русско-шведской войны 1554-1557 гг., накануне Выборгского похода в Новгород прислали московских пушкарей, которые должны были научить новгородских кузнецов делать «огнестрельные ядра», возможно, прообраз будущих зажигательных снарядов. Для изготовления их требовалось: «десять холстов, да триста листов бумаги добрые болшие, которая толста, да двадцать два пятыка лну мягкого малого, да восемь ужищ лняных, по двадцати сажен ужищо, каковы выберут пушкарни, да восемь коробок на ядра и на мешки, да осмеры возжи лычные, да двадцать гривенок свинцу, да восемь овчин». По-видимому, снаряды изготовляли, заворачивая железные ядра в несколько слоев плотной бумаги и ткани, возможно пропитанных горючим составом (смолой и серой), оплетая затем прочными льняными «ужищами».

Несмотря на появление в середине XVI в. колесных лафетов, в XVI и XVII вв. к месту сражения «великие пушки» и мортиры, их «волоки» и «станы с колесы» доставлялись на подводах либо на речных судах. Так, ранней весной 1552 г. перед началом подготовки Казанского похода в Свияжск из Нижнего Новгорода вниз по Волге осадная артиллерия русской армии была доставлена на стругах. Во время зимнего Полоцкого похода 1563 г. большие стенобитные пушки, по словам очевидца, везли волоком, по-видимому, на санях. «Первое стенобитное орудие тащили 1040 крестьян. Второе - 1000 крестьян. Третье – 900 крестьян. Последнее – 800 крестьян». Как правило, пушечные лафеты изготовляли в Москве. В источниках только один раз упоминается об изготовлении 8 «станов» под орудия в Белгороде.

Первый пороховой завод («зеленая мельница») был построен в Москве в 1494 г., однако на протяжении многих десятилетий изготовление пороха являлось обязанностью тяглого населения. Сохранилось официальное распоряжение властей, согласно которому в 1545 г. перед очередным походом на Казань, новгородцы должны были изготовить для предстоящей войны и внести в казну по пуду пороха с 20 дворов, «со всех дворов чей двор ни буди». В результате собрали необходимые 232 пуда пороха и около трехсот рублей деньгами с тех, кто предпочел откупиться от этой повинности.

В первой половине XVI в. московский Пороховой двор находился неподалеку от Пушечного двора на реке Неглинной около Успенского оврага, в «Алевизовском дворе». В то время это был крупнейший в стране центр «зеленого» производства, с большим числом работающих. Свидетельством служит летописный рассказ о произошедшем здесь в 1531 г. пожаре, во время которого погибло «болею дву сот человек» мастеров и работников. Во второй половине XVI в. крупные «зеленые дворы» работали в Пскове, Вороноче, Острове, Костроме, Коломне, Серпухове, Муроме, Боровске, Туле, Переяславле-

Рязанском. Возросшие масштабы производства пороха требовали увеличения добычи селитры. Разработка почв, содержащих азотнокислый калий, была налажена на Белоозере, в Угличе, Бежецке, Костроме, Пошехонье, Дмитрове, Клину, Вологде, во владениях Строгановых в Приуралье и других районах.

В качестве боевых снарядов русские пушкеры использовали каменные, железные, свинцовые, медные, позднее чугунные ядра, а также их комбинации – источники упоминают каменные ядра, «обливанные» свинцом, железные «усечки», также облитые свинцом или оловом. Широко применялся «дроб» – рубленные куски металла («дроб железный сеченный»), камни, но чаще всего – кузнечный шлак. Такие снаряды использовались для поражения живой силы противника. Железные ядра выковывались кузнецами на наковальнях, а потом обтачивались. «17 тошил железных, на чем железные ядра гладят» упоминаются в росписи орудиям и запасам, хранившимся в Новгороде даже в 1649 г. В годы Ливонской войны 1558-1583 гг. русские артиллеристы начали использовать «огнистые кули», «огненные ядра» (зажигательные снаряды), а позднее – каленые ядра. Массовое производство «огненных ядер» было налажено русскими мастерами в середине XVI в. накануне Ливонской войны. Разные способы изготовления зажигательных снарядов подробно изучены Н.Е. Бранденбургом. Первый способ достаточно прост: каменное ядро перед выстрелом покрывалось горючим составом, приготовленным из смолы и серы, а затем выстреливалось из орудия. Впоследствии технология изготовления такого рода снарядов усложнилась: полое металлическое ядро, заполненное горючими веществами, помещалось в мешок, оплетавшийся веревками, затем он осмаливался, погружался в растопленную серу, снова оплетался и снова осмаливался, а потом использовался для зажигательной стрельбы. Иногда в такое ядро вставлялись обрезки ружейных стволов, заряженные пулями для устрашения неприятеля, решившего тушить начавшийся пожар. Более простой, но достаточно эффективной была стрельба калеными ядрами. При подготовке выстрела пороховой заряд закрывался деревянным пыжом, обмазанным слоем глины в палец толщиной, а затем специальными щипцами в канал ствола опускалось раскаленное на жаровне железное ядро. Такими ядрами артиллерия польского короля Стефана Батория обстреливала в 1579 г. русские крепости Полоцк и Сокол, в 1580 г. Великие Луки, в 1581 г. Псков. Использование противником зажигательных снарядов подобного типа вызвало гневные протесты Ивана Грозного, назвавшего «лютым зверством» применение каленых ядер для обстрела русских городов. Однако новинка прижилась на Руси и вскоре московские мастера начали лить «огненные пищали» для стрельбы точно такими же ядрами. В то же время необходимо признать ошибочным упоминание некоторыми отечественными исследователями о случаях использования русскими артиллеристами в годы Ливонской войны «зажигательных бомб».

В нашей стране разрывные снаряды (пушечные гранаты) получили широкое распространение не ранее середины XVII в. Производство их стало возможно благодаря дальнейшему развитию русской металлургии. С этого времени выходят из употребления каменные ядра. В источниках сохранилось упоминание о цепных снарядах – ядрах «двойчатых на чепех», хранившихся среди других боеприпасов в апреле 1649 г. в Новгороде, по-видимому, уже достаточно давно, так как находившиеся вместе с ними «огненные ядра» пришли в полную негодность.

4. РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ И ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

История русского ручного огнестрельного оружия начинается в конце последней четверти XV вв. Об этом свидетельствуют сообщение русского посла в Милане Георгия Перкамоты, датированное 1486 г. и находка относящихся к концу XV столетия двух древнейших образцов «ручниц», одно из ружей хранится в Ивановском краеведческом музее (длина ствола – 23 см, калибр – 3,1 см), второе – найдено в 1598 г. В.Т. Воронковым в

1958 г. на дне реки Лух (длина ствола – 24 см, калибр 2,2 см). Внешний вид этого оружия полностью опровергает предположение, высказанное Н.И. Гнатовским и П.А. Шориным о том, что к казенной части ствола первых образцов такого оружия крепился «металлический стержень, имевший то же назначение, что и современная ложа», который «при стрельбе брался под мышку».

Первые образцы ручного огнестрельного оружия, по-видимому, являлись некоторым подобием использовавшихся при обороне крепостей затинных пищалей, послуживших прообразом ружей с фитильным запалом. Тогда все они назывались «ручницами», и только позднее – самопалами и пищальями (наиболее распространенный обозначение такого рода оружия, предназначенного для стрельбы с рук имевшего уже замковые устройства), хотя термин «ручница» встречается в документах XVI и даже XVII вв.

Поскольку стволы первоначальных «ручниц» были кованными, изготовление их было доступно любому опытному кузнецу. Этим объясняется широкое распространение ручных пищалей в начале XVI в. Ими вооружались отряды пищальников, все стрельцы, большая часть конных и пеших городских казаков, вольные казаки. «Вогненный бой» имели многие горожане и даже крестьяне, особенно на опасном южном порубежье. Таким образом, ручное огнестрельное вооружение стало неременной принадлежностью русской пехоты XVI-XVII вв.

Это оружие в довольно широких масштабах проникло также в конницу. Ряд отечественных историков (С.К. Богоявленский и П.П. Епифанов) усомнились в справедливости утверждений о том, что русская конница XVI в. имела «исключительно холодное оружие», что «все достижения в личном вооружении воинов, в особенности введение огнестрельного оружия, шло мимо нее», что таким оружием она стала пользоваться лишь XVII в. Многие факты действительно свидетельствуют об обратном. Ручницами, самопалами, а в XVII в. пистолетами и карабинами, были вооружены не только конные стрельцы и казаки, но и многие помещики и их боевые холопы.

Сохранились бесспорные сведения об отрядах конных пищальников, выставлявшихся городами для участия в походах на Казанское ханство. Из 2000 пищальников, выставленных в 1545 г. Великим Новгородом, половина должна была служить в конном строю. По-видимому, на конях выступили в поход московские стрельцы, принявшие участие в сражении на Судьбицах 3-4 июля 1555 г., так как они были включены в состав рати И.В. Шереметева и Л.А. Салтыкова, предназначенной для действий в степи и состоявшей из конных полков. В 1587 г. на помощь осажденной татарами Крапивне выступили уже 5 тыс. «вогненова бою стрелцов на конях», входившие в состав армии И.В. Годунова, И.Л. Салтыкова и А.Я. Измайлова.

В разрядах, отражающих состав царской свиты во время больших походов того времени, постоянно упоминаются возглавляемые особыми головами отряды дворян «с самопалы». О существовании в русской помещной коннице отрядов, вооруженных огнестрельным оружием, свидетельствует и грамота ливенскому воеводе И.О. Полтеву 1595 г, в которой правительство предписывало ему посылать на станичную службу не только ливенских станичников, детей боярских и казаков, но и «детей боярских из городов, **которые служат с пищалми** по сту человек».

Вооруженные пищальями служилые люди «по отечеству» привлекались и к охране засек. Так, в 1598 г. в числе находившихся на «Черте» 1988 воинов («опричь сторожей засечных и опричь зборных людей») состояло 247 «детей же боярских конных с пищальми».

Сведения разрядных книг подтверждают сохранившиеся десяти 90-х г. XVI в.: в эти годы 294 помещика Ряжского уезда несли службу «с пищальми» под начальством шести сотников, а в Епифани вооруженных «вогненным боем» дворян оказалось 221 человек.

В писцовой книге Орловского уезда в трех станах отмечены поместья за детьми боярскими «за самопальными», а в Путивльском уезде был сформирован отряд «конных самопальников» из 502-х человек, в числе которых находилось 107 детей боярских, мелких помещиков.

Говоря о вооружении дворян и детей боярских, нельзя не упомянуть вооружение сопровождавших их боевых холопов. Выступая на службу, военные слуги имели холодное и огнестрельное оружие. В то время как многие служилые люди еще пользовались саадаками и пистолетами или обходились в бою одной саблей, боевые холопы, как правило, имели пищали и карабины.

Впоследствии требования правительства к вооружению служилых людей по отечеству еще больше возросли. В ноябре 1637 г. в города Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Муром, Шацк, Арзамас, Калугу, Лихвин, Белев, Болхов, Карачев, Севск, Мещовск, Перемышль, Рыльск, Путивль, Мценск и Орел пришли царские грамоты с указом воеводам обращать более пристальное внимание на вооружение служилых людей. Власти не мог не тревожить тот факт, что «многие дворяне и дети боярские ездят на бой с одними пистоли, а к пистолем карабинов и долгих пищалей не держат». Между тем, в условиях полевого сражения такое пренебрежение к качеству оружия могло иметь самые печальные последствия: «и тот короткий бой (дистанция действенного огня из пистолета не превышала 20 сажень – *В.В.*) к татарскому бою без карабинов худ и короток». Поэтому правительство предписывало, чтобы те дворяне, которые выступали в поход только с пистолетами, впредь имели с собой и другое огнестрельное оружие (пищаль или карабин), чтобы «с одним пистолем однолично никак человек в полку не был». Служилым людям, как в старину выступавшим в поход с саадаком, было рекомендовано в качестве дополнительного оружия приобрести пистолет. Оговаривалось вооружение кошевых людей (обозной прислуги). Пока правительство еще не требовало вооружать «боярских людей в кошу» огнестрельным оружием, считая достаточным наличие у них «добрых рогатин», с которыми обозники должны были «против басурмана стоять вооружась».

Несмотря на строгие предписания, многие служилые люди продолжали игнорировать их. В 1649 г. в рязанских станах на смотр с огнестрельным оружием выходило только немногим более трети дворян и детей боярских, тогда как «вогненным боем» обладало две трети их боевых слуг. Сохранялось тревожившее правительство увлечение помещиков пистолетами, действенными лишь в ближнем бою. Эта обстоятельство было отмечено во время дворянских смотров. Учитывая сложившуюся ситуацию, правительство в январе 1643 г. вновь потребовало, чтобы выступавшие в поход служилые люди помимо пистолетов имели карабины или пищали, а помимо саадака – пистолет («а которые дворяне и дети боярские ездят на бой с одними пистоли, а к пистолем карабинов и мерных пищалей не держат, и те б к пистолем держали карабины и пищали мерные..., а которые ездят с саадаки, и у тех бы к саадаком было по пистолю или по карабину»). В этой же грамоте требовалось вооружать «пищалими долгими» и «карабинами добрыми» не только тех боевых холопов, которые сопровождали господ в сражении, но и тех, которые несли обозную службу. Зачастую власти, отчаявшиеся дожидаться выполнения этих условий, начинали выдавать помещикам, особенно южных пограничных уездов, казенное оружие, лошадей, порох и свинец.

* * *

Первые образцы ружей представляли собой железный гладкостенный ствол с деревянной ложей и широким прикладом, иногда дуло ружья имело раструб. Калибр первых ручниц был очень большим из-за трудностей изготовления металлических трубок (стволов) небольшого размера и достигал 30 мм и больше. Как правило, стволы пищалей были железными, лишь одна из дошедших до нас «ручниц» имела уникальный медный ствол с затравочным отверстием в виде раковины в верхней части казны, закрывавшемся

овальной крышкой на шарнире. Под дульной частью пищаль имела «гак» (упорный железный стержень), применявшийся в устройстве затинных пищалей – прообразе ручного огнестрельного оружия.

Ружья с затравкой в верхней части ствола вскоре заменили ручные пищали, у которых отверстие для воспламенения пороха делалось на боковой стороне ствола, а под ним приваривалась полка для затравочного пороха, что было удобнее и безопаснее для стрелка. Уменьшился калибр пищалей, достигнув в среднем 15-18, в XVI в. – 12,4-15 мм, а иногда и 11-13 мм. На ручницах устанавливались прицелы, как правило, в виде щитка с небольшой прорезью, однако, существовали варианты в виде двух щитков, установленных на расстоянии 1 дюйма (25,4 мм) друг от друга, в виде четырехгранной трубки и т.п.

Первоначально пороховой заряд воспламеняли раскаленным железным прутом, затем пропитанной селитрой деревянной палочкой и только потом с помощью фитиля, пропитанного селитрой и медленно тлевшего. Зажженный фитиль укрывали от противника и от сырости в специальных «фитильных трубках», изготавливаемых из тонкой жести или железа, с небольшими отверстиями для притока воздуха. Порох для заряда и затравки держали в костяных или деревянных «порошницах», сделанных из большого рога. В XVI в. у стрелков появилось специальное снаряжение в виде перевязи (портупей), называвшейся «банделерой» и носившейся надетой через левое плечо. К ней подвешивались 11 деревянных или жестяных «берендеек» с помещенными в них пороховыми зарядами. Для предохранения от сырости деревянные берендейки обтягивались кожей, выкрашенной в красный или черный цвет. На банделере также крепились рог с порохом и сумка для фитиля, пуль, пыжей, затравочника и прочих принадлежностей. В походе и перед боем вокруг банделерного ремня часто оборачивался запасной фитиль. Лучшими портупеями считались те, у которых ремни были прострочены. Такие банделеры назывались «московскими». На специальном креплении к плечевому ремню подвешивалось стальное огниво. Банделеры часто упоминаются в документах того времени в качестве необходимого стрелецкого, а затем и солдатского снаряжения. С появлением в России мушкетов перевязями с зарядцами стали снабжать лишь солдат-мушкетеров. Солдатам, вооруженным «простыми самопалами» (пищальями), банделер не выдавали.

Использовавшийся для ружейной стрельбы порох первоначально представлял собой пороховую мякоть, состоявшую из смешанных в равной пропорции селитры, серы и угля. Позднее опытным путем было обнаружено улучшение качества этого взрывчатого вещества в случае увеличения в его составе доли селитры и уменьшения долей серы и древесного угля.

Усовершенствованным видом фитильного ружья стала ручная пищаль (самопал), снабженная фитильным замком и спуском «жагрой», представлявшем собой несложный механизм в виде рычага, на верхнем конце которого крепился фитиль, зажигающийся перед стрельбой. Круглый кованый ствол такого ружья пропускали через прорезь ложи или прикрепляли к цевью ложи хвостовым шурупом и шпильками; на казенной части справа приваривали полку с крышкой для затравочного пороха. На ложе устанавливался замок, верхняя часть которого с закрепленным в небольшом зажиме тлеющим фитилем опускалась при нажатии на находящуюся под прикладом длинную Г-образную «жагру» и воспламеняла пороховую затравку на полке ружья. Впоследствии появились более сложные модификации фитильного замка, в которых использовались пластинчатые пружины, а затем кнопочный спуск, облегчавший производство выстрела. Однако такое устройство имело существенный недостаток – в сложных условиях боя фитили гасли от сырости и ветра, замок часто давал осечки, ночью огонь тлеющего фитиля демаскировал стрелка. Кроме того, фитильный замок был опасен в обращении. Тем не менее, из-за относительной дешевизны он использовался в России даже в XVII в. Длинными пищальями с фитильными замками были вооружены русская стрелецкая пехота и городские казаки. Интересное описание стрелецких ружей конца XVI в. сделал Д. Флетчер. Он отметил, что «ствол их самопала не такой как у [европейского] солдатского ружья, но гладкий и прямой

(несколько похожий на ствол охотничьего ружья); отделка ложа очень груба и неискунна, а самопал весьма тяжел, хотя стреляют из него очень небольшой пулей». Георг Паерле упоминал, что ложа у стрелецких пищалей была выкрашена в красный цвет. Скорострельность фитильных ружей составляла 1 выстрел в 3-4 мин. Для зарядания их применяли уже не пороховую мякоть, а зернистый порох. В качестве фитилей-жагр использовали вываренные в золе и хорошо просушенные веревки. Когда качество заготовленных фитилей вызывало нарекания, в Москву шли жалобы следующего содержания: «Да и фитиль прислан к нам не вареной веревки, да и гнилых веревок много <...> И мы велели собрать с городов котлы и золу, в чем те веревки варить и делать фитиль не мешкав, <...> а мастера говорят, кому фитиль делать, вскоре фитиль не поспеет, дни и ночи ныне студены, вскоре фитиль не высохнет». В числе других припасов, направленных в 1639 г. в занятый донскими казаками Азов значилось и «5 пуд фитилю», крайне необходимого донцам в канун решающих боев за крепость.

Стоимость обычного фитильного ружья в 1617 г. составляла 20-22 алтына (60-66 коп.), к середине XVII в. пищали подорожали. Когда в 1646 г. на Дон отправился отряд Ж.В. Кондырева, составленный из вольных людей, на приобретение самопалов безоружным участникам этого похода выдавалось на 1 руб. 50 коп. больше, чем остальным воинам (они получали из казны соответственно 5 руб. 50 коп. и 4 руб.). По-видимому, возмещалась вся потраченная на покупку ружья сумма, так как стоимость, например, мушкета в те годы составляла 1 руб. 70 коп. Фитильный мушкет стоил дешевле. В середине XVII в. даже за границей такие ружья закупались по цене 1 руб. 23 алт. 1 деньга. П.П. Епифанов утверждает, что стоимость «гладкой» пищали в то время (1649 г.) доходила до 6 руб., «пищали винтовки», с нарезным стволом – до 8 руб., однако следует учитывать, что в данном случае исследователь использовал цены, существовавшие в далеком Енисейске, где оружие стоило дороже, чем в Европейской России. Впрочем, и в Сибири к концу XVII в. ружья подешевели и стоили 3 – 3,5 руб.

В XVI в. в России появились ружья и пистолеты, снабженные замком новой конструкции, так называемым «колесцовым», изобретенным в Нюрнберге (Германия) в 1515 г. На замочной доске на оси располагалось заводившееся ключом стальное колесо, при заводе сжимавшее пружину, закрепленную фиксатором. При нажатии на спуск пружина начинала вращать колесо, оно терлось о кремь, высекая снап искр, воспламенявших порох на полке. Полка с порохом закрывалась специальной крышкой, и в случае дождя действие колесных замков не прекращалось. Колесцовый замок заменил фитиль кремнем, положив начало системе кремневого огнестрельного оружия.

Однако новая конструкция замка не была совершенна: устройство его отличалось сложностью, стрелку требовался особый ключ для завода пружины, он быстро загрязнялся от порохового нагара, давал частые осечки. Но главным недостатком такого замка являлась высокая стоимость. Именно по этой причине пехотные ружья с колесцовым замком не получили в русской армии широкого распространения. Чаще использовались снабженные подобным механизмом карабины и пистолеты, которыми охотно вооружались кавалеристы (прежде всего несшие полковую службу дворяне и дети боярские), оценившие главное достоинство оружия, не требовавшего заботы о фитиле. Все это привело к тому, что колесцовый и фитильный замки продолжали существовать одновременно. В 1678 г. в псковских арсеналах находилось 377 обычных фитильных карабинов «с русскими и с шкотцкими замки», большое количество фитильных мушкетов и стволов к ним, а также : «115 карабинов колесных, 60 стволов карабинных, 125 пар пистолей колесных, 7 пар пистолей русских, 9 пар пистолей шкотцких, 35 пистолей шкотцких и русских и колесных, 9 пар пистолных стволов» и даже (!) «10 пищалей затинных колесных» - уникальное упоминание о малокалиберных крепостных орудиях, оборудованных колесцовыми замками.

Пытаясь устранить недостатки нового замка, оружейники шли на изготовление ружей с комбинированным колесцовым и фитильным замком двойного действия. Однако,

на практике такие конструктивные решения лишь усложняли механизм карабина или пистолета, поэтому широкого распространения они не получили.

Дальнейшее усовершенствование ручного огнестрельного оружия привело к замене фитильного и колесцового замков новой конструкцией - ударно-кремневым замком. Он появился в Европе около 1500 г. В России известен со второй половины XVI в., но широкое применение получил только с XVII в., особенно после того, как был сконструирован французский батарейный замок, в котором широкая нижняя часть огнива заменила неудобную крышку над полкой. В России в первой половине XVII в. ударно-кремневые замки носили название «голландских» и «шкотских». Скорострельность ружья с ударно-кремневым замком возросла, по сравнению с ружьем, снабженным фитильным замком, почти в два раза и составила 1 выстрел в 2 минуты.

Русские мастера-оружейники, используя опыт восточных и западных коллег, не слепо копировали попадавшие им в руки образцы, а вносили в устройство фитильных замков важные новшества. Если в ружьях европейских стран курок при производстве выстрела двигался от дула к казне, то в русском - от казны к дулу, что представляло большее удобство для стрелка. Пищали и пистолеты с кремневым механизмом русского типа выпускались уже в начале XVII столетия.

В XVI в. в России широкое распространение получают образцы ручного огнестрельного оружия с укороченным стволом – карабины («недомерки», «завесные пищали») и пистолеты, среди которых встречались даже нарезные. В XVII в. карабинами и пистолетами были вооружены не только многие дети боярские, оценившие достоинства огнестрельного оружия этого типа, но и рейтары, драгуны, а впоследствии копейщики и гусары.

В середине XVII в. стоимость закупавшихся за границей карабинов и пистолетов превышала стоимость мушкетов и составляла 4 руб. 30 алт за карабин и 7 руб. 2 алт. за пару пистолетов. Производство их было налажено и в России. Только оружейники московского «Бархатного двора» с 1614 по 1652 г. изготовили 695 рейтарских карабинов и 2351 пару пистолетов.

Солдаты полков нового строя вооружались мушкетами, имевшими в середине XVII в., как правило, 8-й (20 мм) и 10-й (19,25 мм) калибр ствола. Русские мушкеты отличались характерной особенностью – наличием деревянных шомполов, лишь у капралов «забойники» (русское название шомпола) были железными. Калибр русских мушкетов был меньше, чем у привозных ружей. В 1653 г. в Яблонице у майора Владимира Фонвизина оказалось 12 «пулечных медных фурм», которые «пригодились только к старым голландским мушкетам, а русского дела к мушкетам те фурмы не годятся, велики». Тем не менее, все эти фурмы были розданы по находившимся под Яблоневым 4 полкам, «а дано по 3 фурмы на полк». Стоимость мушкета в середине XVII в. доходила до 1 руб. 70 коп. Мушкетные стволы стоили 20 алтын (60 коп.) за штуку, а замки «русского дела» к ним – 5 алтын (15 коп.). При стрельбе ружье данного типа было трудно держать навесу, поэтому стрелки, имевшие мушкеты пользовались «костылями» (вилкообразными подшошками), втыкавшимися в землю и служившими подставкой, на которую перед выстрелом клали заряженное ружье. «Костыль» имел ремennую петлю («малый темляк»), размеры которого подбирались индивидуально, «как солдату лутчи и угожее покажется». С помощью темляка, при зарядании мушкета и в движении, стрелок вешал подшошек на левую руку. В походе мушкеты перевозили на подводах, по 50-60 ружей на каждой. Несмотря на все усилия правительства, наладившего производство мушкетов на тульских заводах и большими партиями закупавшего ружья за границей, их все равно не хватало. В первую очередь мушкетами обеспечивались стрельцы и солдаты, для чего, порой, крупнокалиберные ружья в принудительном порядке изымались у служилых людей других разрядов, вплоть до детей боярских, которым они выдавались из казны. Так в 1651 г. у сына боярского Демьяна Постникова отобрали мушкет, а взамен выдали пищаль.

Как и стрельцы, солдаты имели банделеры (перевязи), с крепившимися на них 11 «берендейками» (зарядцами), лучшими из которых считались выточенные из дерева. В одном из зарядцев хранился затравочный порох. Он был более мелким (чтобы не засорилось запальное отверстие у мушкета), зачастую его смешивали с горячей серой. Ширина перевязи достигала 3 - 4 пальцев. В числе необходимых мушкетеру, принадлежностей значились: деревянный или железный «забойник» (шомпол), «затравочник» (шило для прочисти затравочного отверстия), «разрядник» (вывертка) для шомпола, «трещетка» или «вывертка» (большая или малая отвертки). В особом кожаном мешке, крепившемся к банделере, хранились пули, пыжи и сало, 3-4 «куса» фитиля «длиною шти или семи пядей» каждый, а также небольшую флягу с маслом для смазки мушкета.

* * *

Изменилось и холодное оружие, так как развитие военной техники и появление новых тактических приемов вынуждало мастеров-оружейников учитывать эти обстоятельства в своей работе. Усовершенствовалось, став более единообразным, оружие не только пехоты, но и конницы. В конце XVI и особенно в XVII вв., наряду с сохранением популярных на Руси восточных (турецких и персидских) образцов холодного вооружения, постепенно начал использоваться опыт европейских производителей «белого» оружия.

Десятни - списки дворян и их военных слуг, составляемые на периодических разборных смотрах, дают наглядное представление о вооружении русской конницы XVI в. Здесь сохранились старые образцы оружия и доспехов, известные в предшествующее время, но появилось также много нового.

На протяжении всего изучаемого периода широкое распространение в русском войске имел лук с налучником и колчан со стрелами – саадак, оставшийся общепринятым оружием поместной конницы XV-XVI, а отчасти и XVII в. Повествуя о «свойстве и могуществе русских в военных делах», Ричард Ченслер писал, что русские «всадники – все стрелки из лука, и луки их подобны турецким». Александр Гваньини, перечисляя оружие московитов, далеко неслучайно начинает с упоминания лука и колчана со стрелами. По свидетельству Георга Паерле, луками и стрелами, наряду с ружьями, были вооружены конные московские стрельцы, присутствовавшие на встрече польских послов Лжедмитрием I в мае 1606 г. Саадаки у стрельцов были приторочены на одной стороне седла, а ружья на другой.

В описании сражений середины XVI в., часто упоминается о действиях русских лучников, часто весьма эффективных. Так, в 1541 г. при попытке прорваться за Оку татарской армии, она была встречена русским Передовым полком, воины которого «учали стрелять многими стрелами, и полетеша стрелы, аки дождь». Крымский «царь» пытался сбить лучников с переправы орудийным и ружейным огнем, но не преуспел в этом; вскоре на помощь Передовому полку подоспели подкрепления и крымцам пришлось отступить. Дальность полета стрелы служила мерой измерения расстояния между противниками. Так, в 1552 г. при взятии Казани прорывавшиеся из города последние защитники татарской столицы двигались вдоль русских шанцев по берегу реки Казанки на расстоянии от них «аки три перестрелы лучных». Дистанцию «перестрела лучного» использовали и в крепостном строительстве: расстояние от одной башни до другой не должно было превышать полета стрелы. Это было связано с необходимостью держать под контролем все прясло – участок стены между двумя соседними башнями. Сотнями и тысячами стрел противники поражали друг друга в полевых сражениях, при штурме и обороне крепостей, засечных линий, «перелазов» (переправ). Поражающее действие этого вида метательного оружия было велико - метко пущенные стрелы пробивали доспехи, несли гибель и увечье попавшим под обстрел воинам, разили их коней. Достаточно привести самый известный

пример такого рода: 27 апреля (6 марта) 1609 г. в бою под Москвой русским лучником был тяжело ранен польский военачальник гетман Роман Ружинский, командовавший армией Лжедмитрия II. Стрела попала ему в бок, уйдя так глубоко в рану, что ее наконечник оказался в области поясницы.

В бою русские стрелки из лука использовали чаще всего бронебойные наконечники с узким граненым жалом, иногда двушипные и двурогие наконечники, предназначенные для поражения бездоспешных воинов и их коней - шипы мешали выдернуть стрелу из тела, рога расширяли рану. Длина стрел составляла от 75 до 90 см, толщина – от 7 до 10 мм. Использовалось оперение из двух перьев, длина его не превышала 15 см. Во время боя ничто не должно было мешать стрельбе, поэтому снаряжение заранее подгонялось. Как правило, колчан со стрелами помещался под правой рукой всадника, а лук в налучнике - на его левом боку. Конский убор - узды, седла, стремена, повод - также был приспособлен для ведения лучного боя. С. Герберштейн, отмечая эту особенность, писал, что у русских коней «узда самая легкая; затем седла приспособлены у них с таким расчетом, что всадники могут без всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук».

Меткий лучный бой не раз выручал русских воинов. В 1472 г., взяв пограничную крепость Алексин, хан Ахмед «вборзе» повел свое войско дальше на Русь, но не смог переправиться через Оку, где ему противостоял лишь небольшой московский отряд. Русские воины, прикрывавшие «перелазы», потратили все стрелы, но остановили врага, продержавшись до подхода подкреплений.

Значение «лучного боя» уменьшилось лишь в XVII в., хотя лучники сохранили свое боевое значение. Правительство подтверждало этот факт на практике: в составе русской армии находился особый Саадашный полк, расквартированный в районе Арзамаса. Даже в конце XVII в. в Москве еще работали «лучного дела мастера»: Алексей Кондратьев, Савва и Емельян Деревягины, Максим Федоров и др.

Оружием ближнего рукопашного боя с конца XV в. становится сабля, распространенная среди воинов поместной конницы, хотя говорить о полном господстве этого оружия в данный период не приходится. Еще Сигизмунд Герберштейн писал, что «саблю употребляют более знатные и богатые». Позднее Павел Иовий Новокомский, со слов московского посла Дмитрия Герасимова, писал, что «конница их (русских. – В.В.) ведет борьбу заостренными копьями, железными булавами и стрелами; только немногие имеют сабли». По-видимому, использование других видов холодного оружия объяснялось дороговизной хороших булатных клинков. В середине и второй половине XVI в. сабли становятся самым распространенным оружием в русской дворянской коннице, ими, наряду с пищалями и бердышами вооружаются стрельцы. Однако преобладание сабли в вооружении московского всадника продержалось лишь до середины XVII в., когда служилые люди начинают отдавать предпочтение огнестрельному оружию – карабинам и пистолетам. Как отмечалось выше в 1645 г. среди воинов полка воеводы Д.П. Львова из 665 помещиков лишь 87 человек имели сабли, хотя пистолеты были у 425 дворян и детей боярских.

В эпоху предшествующую появлению огнестрельного оружия, сабли были распространены в большей степени. В Московском княжестве процесс перехода от прямого клинка к сабле начался в XIV в., воины южных русских княжеств стали использовать это оружие гораздо раньше. Сабли XIII-XIV вв. достигали в длину 110-119 см при ширине лезвия в 3,5 см и выгибе полосы в 6,5-9 см. Позднее длина сабельного клинка уменьшается, но изгиб лезвия остается достаточно большим – до 9 см. В XV-XVII вв. на Руси использовали в основном булатные сабли восточного (турецкого и персидского) образца с несколько искривленным лезвием. При этом конные воины предпочитали иметь на вооружении легкие сабли персидского типа, а стрельцам выдавались более тяжелые и широкие сабли турецкого образца. Рукоять сабли делалась в виде креста для защиты руки и снабжалась у крестовины огнивом – продольной

металлической полоской, призванной задерживать скользящее вниз по сабельной полосе неприятельское оружие.

На вооружении русской армии были в основном сабли русской работы, так как полоса привозной булатной персидской стали стоила очень дорого (3-4 руб.), почти равняясь годовому денежному окладу новика 3-й статьи (5 руб.). Восточная сабля в сборе обходилась уже в 5-6 руб.. Сабельная полоса русской (тульской) работы даже в середине XVII в. стоила не более 20 алтын (60 коп.).

Основная масса русских служилых людей была вооружена саблями московского производства, которые изготавливались по лучшим иностранным образцам. Клинки выковывались мастерами «на литовское дело», «на польское дело», «на угорское дело» и «на черкасское дело». Русские воины носили сабли не на перевязи, а на поясе.

Говоря о характерных особенностях сабель, использовавшихся московскими воинами, следует указать на ошибочное утверждение П.П. Епифанова о якобы имевшей место, однотипности русских сабель того времени. При этом, опровергая собственное утверждение, историк пишет о существенном различии их конструкций, так как «одни имели крестовины лопастями, другие – с шариками, у одних была «елмань» (расширение в нижней части клинка), а у других ее не было».

Сабля оставалась основным оружием конного ратника до конца 30-х гг. XVII в., когда правительство начало требовать от помещиков вооружения «вогненным боем»: пистолетами, карабинами, пищалями. Однако и позднее многие служилые люди продолжали пользоваться саблей, в качестве основного оружия.

В более раннюю эпоху сабля господствовала в арсенале русских служилых людей. В середине XVI в. этим видом клинкового оружия были вооружены все без исключения из 288 человек коломенских дворян и детей боярских, 100 человек рядан, в том числе «новики», только зачисленные на службу. Сабли имели все сопровождавшие их в походе вооруженные слуги; лишь несколько холопов выступали на смотры и в походы с копьями. На миниатюрах русских рукописных книг изографы всегда изображали московских всадников с саблями, имевшими очень простую прямую крестовину.

Данные сохранившихся верстальных и разборных «десятен» того времени позволяют согласиться с выводом М.М. Денисовой и П.П. Епифанова о том, что русская конница XVI в. была отнюдь не разношерстной и пестрой, плохо вооруженной толпой, а войском, оснащенным по требованию правительства более или менее единообразным оружием преимущественно русского производства.

Другие виды клинкового оружия – палаши и кончары - встречались в России редко, как правило, они доставлялись из-за границы и стоили дороже сабель. Некоторые из сохранившихся палашей представляют собой шедевры оружейного искусства. Например, палаш кн. М.В. Скопина-Шуйского с обоюдоострым клинком, длиной 86 см, позолоченной рукоятью, крестовина которой украшена драгоценными камнями, ножнами, покрытыми красным бархатом.

В XVII в. в полках «нового строя» появляются шпаги как уставное оружие солдат, рейтар, копейщиков и драгун, хотя в документах середины XVII в. отмечено, что шпагами были вооружены и московские стрельцы. Русская шпага имела широкий, но короткий, прямой и плоский клинок. Качество этого оружия, по-видимому, было не очень хорошим. Во время русско-польской войны 1632-1634 гг. армия Шеина, уходя из-под Смоленская, оставила в лагере, среди пришедшего в негодность оружия и снаряжения «2944 шпаги худых и ломаных, и обломков шпажных». Формирование в конце 1630-х гг. новых солдатских и драгунских полков потребовало от правительства принять надлежащие меры по их вооружению. Недостающее пришлось закупать за границей. В 1640 г. там было приобретено 12 578 шпаг с ножнами. Делали их и русские оружейники. В 1668 г. изготовлявшиеся на тульских заводах П. Марселеса шпаги («с крыжами и с ножнами») обходились казне в 20 алтын (60 коп.) за каждую. Иногда, в качестве «бокового оружия» солдаты использовали не только шпагу, но и саблю.

Усиление защитного доспеха повлекло за собой трансформацию русского копья в пику. В XVI в. московские воины продолжали применять копья с длинным древком и железным наконечником, рогатины (копье с длинным и широким наконечником, под которым находились две перекладины, предохранявшие оружие от глубокого проникновения в рану) и «совни» - вариант рогатины с секировидным, изогнутым лезвием вместо копейного наконечника. Обычные копья постепенно вышли из употребления уже в XV в.. Последним большим сражением, в котором приняли участие копейщики, стала битва 1455 г. под Старой Руссой между московской и новгородской ратями. Копье заменили пикой, «списой» (спицей) – разновидностью этого колющего оружия, с узким граненым наконечником-жалом. Пики двух видов - «малые» и «долгие» - использовали солдаты «полков нового строя» для рукопашного боя. В 1678 г. в Пскове на Казенном дворе находилось «440 спис долгих» и 1300 более коротких «полуспис». Древко этого оружия изготовлялось из ясеня и только в крайнем случае из ели. Верхнюю часть «спис» оковывали. О том, как это требовалось делать сообщил Вальгаузен: «А окову на пиках быти с конца полосами железными двум, по меньшей мере, пяти пядей длиною быть, чтобы ни конным, ни пешим копья не мочно пересечь, и что полосы длиннее, то копье крепче и надежнее копейщику». Лучшими считались копья, древко которых было в палец шириной.

На вооружении конницы в качестве дополнительного вооружения оставались и метательные дроты – сулицы. Как об оружии русской кавалерии о них упоминал Александр Гваньини, отметивший, что короткие дротики москвитов непохожи на венгерские и польские.

В качестве боевого оружия продолжали использовать железные кистени в виде гирьки с шипами, прикрепленными цепными звеньями к рукояти, буздыганы (булава, у которой навершие («яблоко») усажено гвоздями), длинные продолговатые кинжалы в ножнах, описанные Сигизмундом Герберштейном: «продолговатые кинжалы, висящие наподобие ножей, спрятаны у них в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно коснуться до верхней части рукояти или схватить ее в случае надобности». Усиление защитной брони воинов вызвало к жизни чекан или клевец - в виде железного или медного молота с рукоятью до 60 см; удар острым бойком обуха пробивал панцирь или любой другой вид защитного доспеха. Шестоперы («пернатки») на железной рукояти длиной до 60 см представляли собой «начальнический жезл», который возили перед воеводами в походе.

Холодным оружием пехоты служили бердыш и тяжелая сабля турецкого типа, которые с середины XVI в. являлись уставным оружием стрельцов. Бердыш представлял собой вид топора с лезвием полумесяцем, который через сделанные на обухе отверстия небольшими гвоздями крепился к длинной, в рост человека, рукояти (ратовищу). Нижняя часть лезвия заканчивалась небольшой «косицей», которая с помощью гвоздей крепилась к ратовищу; затем место крепления стягивалось прочным ремешком. Первые бердыши имели остро отточенную верхнюю часть лезвия, превращавшую это оружие не только в рубящее, но и колющее. На нижний конец древка насаживалось железное копьцо для втыкания бердыша в землю при стрельбе из ружья, для которого он служил подсошком. Бердыш - отечественное изобретение, изготовляли его только в России. При этом кузнецы, которым поручалось выковывать такие секиры, руководствовались эталонными образцами, присылавшимися из Москвы. Лезвия боевых бердышей достигали в длину от 23,5 см в XV-XVI вв., до 60-80 см в XVI-XVII вв. Их использовали не только стрельцы, но и военнослужащие полков «нового строя», а также драгуны, сражавшиеся в пешем строю. Стоимость бердышей, изготовлявшихся в середине XVII в. на заводах Петра Марселиса под Тулой, составляла 5 алтын (15 коп.) за штуку.

В народной среде были широко распространены простейшие, но надежные образцы оружия ударного типа – дубина и ее вариант «ослоп» - тяжелая деревянная палица, обитая на толстом конце железом или утыканная гвоздями.

Характерной особенностью развития доспехов XV-XVII в. явилось почти полное исчезновение щитов и широкое распространение булатных доспехов, часто очень высокого качества. Такими доспехами дорожили, передавая их по наследству от отца к сыну. Показательны в этом отношении слова князя Андрея Михайловича Курбского, трижды раненного, но вышедшего живым из жестокой сечи под Казанью, «благодаря «збройке» праотеческой, «зело крепкой». Русские служилые люди прекрасно осознавали ценность хороших доспехов. Об этом свидетельствует получившая широкое распространение в XVI в. практика обмена панцирями и байданами между дворянами, которым предстояло выступить в поход, и теми, кто не участвовал в нем. Среди заимщиков защитного вооружения встречались очень знатные люди. Так, собираясь на войну Ф.М. Нагой занял у князя А.И. Стародубского три панциря и 6 шоломов, Д.Г. Плещеев – у князя С. Шестунова семь лошадей и панцирь, в другом случае уступив свой «пансырь меделянский» А.Д. Басманову.

Головы служилых людей предохраняли «шелома» или русские «шишаки», с характерными плавными контурами и высоким навершием («шишом»), а также «мисюрки», состоявшие из небольшого металлического назатыльника с крепившейся к нему кольчужной сеткой. Воеводским шлемом являлась «ерихонка», сделанная в виде «железной шапки» с «наушами» (металлическими бляхами, прикрывавшими уши), козырьком и защитной стрелкой. Небогатые дети боярские из городов и их холопы использовали «бумажные шапки», стеганные на пеньке или вате и покрытые бархатом, атласом или сукном. Между покрытием и подкладкой нашивались металлические пластинки. Такие «шапки», как правило, изготовлялись в виде ерихонок.

Среди русских шлемов «науши» изготовлялись только у ерихонок и «бумажных шапок». Обычные шишаки и мисюрки имели «бармицы» - кольчужные сетки, закрывавшие лоб, щеки и затылок бойца. Среди боевых наголовий того времени встречаются восточные образцы. Гораздо реже употреблялись европейские шлемы. Из 92 «железных шапок», имевшихся в 1599 г. у Бориса Федоровича Годунова, 68 было московской работы, 20 – восточных и только 4 – литовских.

Средняя стоимость шлема составляла 1 руб. Как правило, именно в эту сумму оценивалось наличие боевого наголовья на дворянских смотрах XVI в.

С улучшением техники изготовления кольчатых доспехов они становились более прочными и легкими в сравнении с применявшимися русскими воинами в предшествующих столетиях. С XIV в. в Московском княжестве большое распространение получил чешуйчатый доспех – особый вариант защитной одежды, изготовляемый из металлических пластин квадратной или прямоугольной формы, размером 6 х 4 или 6 х 6 см. Эти пластины в верхней своей части имели 5-6 небольших отверстий, служащих для их крепления к кожаной или тканевой основе при помощи шнуровки или заклепок. Каждый новый ряд пластин-чешуек накладывался поверх нижнего ряда, наподобие рыбьей чешуи, что и дало название доспеху. Но и в XVI в. многие воины продолжали использовать железные кольчуги из округлых колец; байданы и полубайданы из крупных и плоских колец без воротников, с разрезами на груди воины надевали через головы. Шагом вперед стало появление на Руси «пансырей», изготовлявшихся из более мелких и тонких «плосковатых» колец, что делало их в два раза легче кольчуг. Широкое распространение такого рода доспехов получило отражение и в документах. В 1486 г. в Милане московский посол Георгий Перкамота сообщал, что русские воины «пользуются легкими панцирями», добавляя, в качестве разъяснения, что они напоминают защитное одеяние мамелюков. С середины XVI в. появились смешанные кольчато-пластинчатые доспехи – юшманы, панцири которые на груди и спине среди колец имели два или три ряда металлических пластин в количестве 6-8 штук; пластины устанавливались и на боковых частях юшмана. С этими доспехами были схожи бахтерцы, у которых кольчужное прикрытие усиливалось за счет вплетения в кольца железных пластин на груди и спине. В бахтерце царя Михаила Федоровича грудь защищена 5 рядами небольших пластин, по 100 штук в каждом ряду.

Вслед за юшманами и бахтерцами являются зеркала - соединенные ремнями и кольцами металлические пластины, надевавшиеся поверх кольчуги. Для защиты русские ратники использовали также железные бутурлыки (наножники) и наручи (налокотники). По свидетельству Р. Ченслера, у наиболее знатных людей доспехи были покрыты бархатом или золотой парчой (возможно он имел в виду так называемые «тегиляи тонкие»).

По письменным источникам, в конце XVI – XVII вв. наиболее распространенным видом доспеха оставался панцирь, поверх которого иногда надевали «приволюку бархатную», реже встречаются зеркала, кольчуги и юшманы. В составленном в 1610-1611 гг. руководстве для королевича Владислава, среди хранящихся в Оружейной палате предметов воинского снаряжения названы «зброи, латы, и бехтерцы, зеркала, и юшманы, и колчюги, и пансыри, шапки булатные и шеломы» - почти полный набор известных тогда на Руси доспехов и боевых наголовий.

Боевым защитным доспехом городских детей боярских «малых статей» и военных слуг чаще всего были ватные «тегиляи». «Некоторые, - отмечал Герберштейн, - носят платье, подбитое ватой; для защиты от всяких ударов». Тегильяи были двух видов - толстые или тонкие (нестеганные). Наиболее часто употреблявшийся толстый тегильяй представлял собой стеганый кафтан чуть ниже колен, с закрывавшим шею высоким воротником («kozyрем») и рукавами по локоть, иногда с покрытием из «бархата цветного», с меховой опушкой, а чаще всего из сукна или грубого холста, но почти всегда с металлическими пластинами и большими фрагментами кольчужных сеток, вшивавшимися между слоями стеганой ткани.

Тегильяи обеспечивали довольно надежную защиту: изготовленные из прочной ткани, с набитой внутри ватой, оческами конопли или льна, они были так плотно сшиты, что их едва ли возможно было прострелить, особенно стрелой. Однако, с точки зрения властей, использование воинами тегильяев было не желательным уже в XVI в. Правительство старалось заставить дворян и детей боярских приобрести более надежные доспехи, вводя для этого материальные стимулы. Так, по Уложению 1556 г. за каждого боевого холопа в полном доспехе служивый человек получал 2 руб., а за холопа в тегильяе – всего 1 руб. Тонкие тегильяи предназначались, по-видимому, для ношения поверх металлических доспехов. Именно такой кафтан был на князе Горчакове, прибывшем в 1556 г. на серпуховской смотр в полном доспехе и надетым на него тегильяем бархатным. Меховой тонкий тегильяй (с горностаем) имел помещик Есипов, находившийся в 1555 г. на службе в Свияжске.

Самым примитивным видом защитного прикрытия был куяк, который использовали в основном малоимущие дворяне и дети боярские. Он представлял собой кафтан из плотной материи, на который нашивались металлические пластинки и бляхи. В источниках упоминаются и куяки кольчатые, с нашитыми на кафтан металлическими кольцами, возможно фрагментами кольчуг.

Защитное вооружение было достаточно дорогим: в XVI в. «полный доспех» (панцирь, наручи и налокотники) стоил 4 руб. 50 коп., шлем – 1 руб. В связи с этим не все конники имели предохранительные доспехи, некоторым оскудевшим помещикам приходилось воевать без тегильяи или куяка, «на коне в саадаке и в сабле», но, начиная с середины XVI в., такое вооружение считалось среди старших начальников московской рати недостаточным для участия в боевых действиях.

Военнослужащие конных полков «нового строя» (солдаты, рейтары и драгуны) имели в качестве уставного защитного вооружения единообразные стальные латы в виде «досок» к поясу которых с помощью железных крюков крепились пластинчатые (у рейтар) или чешуйчатые (у солдат) полки, защищавшие живот воина. Солдатские латы отличались от рейтарских также формой пол. На них не было характерного выреза, облегчавшего кавалеристу посадку в седле.

Дополняли эти доспехи стальные ожерелья (ошейники), оплечники и «железные шапки» (шишаки), имевшие низкий гребень, прямые и узкие поля, позволявшие без

особых помех брать на плечо мушкет, целиться и стрелять из него. Объясняя необходимость ношения мушкетерами шишаков, Вальгаузен писал, что они защищают солдата «не одно что от посеку, но и на приступах от камня и от горячей воды и от иных мер». Такие шлемы должны были иметь «у наущков завяски, чем тот шишак под бороною привязывати, чтобы шишак з головы не спал». Рейтарские шишаки имели чешуйчатые наушники. Полные латы требовались копейщикам (пикинерам). Однако их старались изготавливать нетяжелыми, чтобы не обременять солдат. Пикинерам также выдавали шлемы «от посеку, и от камня, и от стрелы, и от иных не згод».

Солдатские латы вводятся в России при учреждении полков «нового строя» накануне русско-польской войны 1632-1634 гг. Уходя в феврале 1634 г. из-под Смоленска, русские воины оставили в своем лагере среди прочей амуниции «60 ожерелков целых; 517 лат с полами; 1054 латы без пол; 1317 шапок железных порченых; 1270 ожерелков худых». Первоначально все средства защиты служилых людей «нового строя» закупались за границей, но вскоре «латы рейтарские с шишаки» стали изготавливать на тульско-каширских заводах. Стоимость лат и шишаков, изготовленных на предприятиях Петра Марселиса, составляла в середине XVII в. 2 руб.

5. СНАБЖЕНИЕ АРМИИ, СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Создавая поместное войско, наделенное земельными дачами, правительство в какой-то степени обеспечило содержание служилых людей. В походы они обязаны были подниматься за свой счет, заранее позаботившись о подготовке снаряжения и провианта («домовых запасов»). Ситуация резко изменилась после появления в составе русской армии «служилых людей по прибору», получавших из казны, помимо небольших земельных дач, кормовое, хлебное и вещевое жалованье. Содержание многочисленного войска увеличило расходы государства. В XVI в. правительство вынуждено было ввести дополнительные подати с тяглого населения, собираемые в казну на военные нужды: «стрелецкие деньги» – шедшие на содержание стрельцов, «ямчужные деньги», предназначенные для организации производства боеприпасов («ямчуг» - селитра) и «полоняничные деньги», составлявшие специальный фонд из которого выплачивался выкуп за пленных.

Русские помещики «со всей своею службой» (военными слугами, лошадьми, оружием и припасами) выступали в поход за счет доходов с вотчин и поместий. Сигизмунд Герберштейн дал подробное описание организации походного быта московских воинов, подчеркнув их непритязательность и привычку стойко переносить трудности и лишения походной жизни. Каждый из ратников имел «в мешке, длиною в две или три пяди, толченое просо, потом восемь или десять фунтов соленой свинины; есть у них в мешке и соль, и притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собою топор, огниво, котлы, или медный горшок, чтобы, если он случайно попадет туда, где не найдет ни плодов, ни чесноку, ни луку или дичи, иметь возможность развести там огонь, наполнить горшок водою, бросить в него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь [такой скудной] пищей, живут и господин и рабы <...> Точно также, если у москвитя есть плоды, чеснок или лук, то они легко могут обойтись без всего другого».

Положение в снабжении походных ратей мало изменилось даже в конце XVI в. Вслед за своими предшественниками проблемой снабжения русской армии заинтересовался Д. Флетчер. Его записки содержат информацию, существенно дополняющую сведения Герберштейна. «Что касается до съестных припасов, - писал Флетчер, - то царь не дает никакого продовольствия ни начальникам, ни нижним чинам, и ничего никому не отпускает, кроме как иногда некоторого количества хлеба, и то на их же деньги. Каждый обязан иметь с собою провианта на четыре месяца и в случае недостатка может приказать, чтобы добавочные припасы были ему привезены в лагерь от того, кто обрабатывает его землю, или из другого места. <...> В поход они, обыкновенно, берут

сушеный хлеб (называемый сухарями) и несколько муки, которую мешают с водою и таким образом делают небольшой комоч теста, что называют толокном и едят сырое вместо хлеба. Из мясного употребляют они в пищу ветчину, или другое сушеное мясо, или рыбу, приготовленные на манер голландский».

Денежное жалование получали лишь дворяне и дети боярские, служившие полковую службу. Мелкопоместные дворяне (оклад в 20 четвертей) зачислялись в «городовую» (осадную службу), выполнявшуюся в пешем строю, и денежного жалования не получали. Флетчер именует полковых помещиков «окладными» или «царскими» телохранителями и пишет, что «эти 15 000 всадников разделяются на три разряда или степени, отличные одна от другой как по значению, так и жалованью. Первый разряд составляют так называемые *дворяне большие*, или полк главных окладных, из коих одни получают сто, другие восемьдесят рублей в год, и не один менее семидесяти. Второго разряда составляют *средние дворяне*, или вторые по количеству их оклада. Дворянам этого разряда уплачивается по шестидесяти или пятидесяти рублей в год, и никому менее сорока. К третьему или низшему разряду принадлежат *дети боярские*, самые последние по окладу. Из них те, коим дается небольшое жалование, получают тридцать рублей в год, а другие только двадцать пять или двадцать, но никто менее двенадцати. Половина жалования выдается им в Москве, другую же получают они в поле от главного военачальника, если бывают в походе и участвуют в военных действиях. Сумма всего, выдаваемого им, годового жалования, когда оно уплачивается им вполне, простирается до 55 000 рублей».

Обеспечение службы воинов Государева полка и городских полков сильно разнилось. Если средний размер владений служилого человека, записанного в Боярскую книгу, был равен 324 четвертям земли, то дети боярские, числившиеся в Каширской десятне, имели в среднем только 165 четвертей земли. Денежный оклад также разнился. В Государевом полку минимальный оклад приходился на 25 статью и составлял 6 руб., тогда как служилые люди 11 статьи получали по 50 руб. (данных о жаловании воинов других статей не сохранилось). В городских полках денежное жалование выплачивалось в пределах от 4 до 14 руб.

Разница в обеспечении службы людей «московского чина» и городских детей боярских сохранилась и в XVII в. По росписи 1616 г. бояре и окольные получали денежного жалования от 700 руб. (боярин князь Федор Юрьевич Мстиславский) до 300 руб. (боярин Петр Петрович Головин). Поместный оклад у бояр, как правило, составлял 1000 четвертей земли. Из придворных чинов самый большой денежный оклад – 300 руб. – получал кравчий Михаил Михайлович Салтыков, самый меньший – 150 руб. – постельничий Константин Иванович Михалков. Интересно, что думный дворянин Кузьма Минин получал из казны 200 руб. жалования (поместным окладом он был не верстан), тогда как другой думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин был пожалован окладом всего в 120 руб. Стольники получали от 200 до 90 руб., стряпчие с платьем от 65 до 15 руб., московские дворяне от 210 до 10 руб. – таким окладом был наделен Роман Андреевич Вельяминов (поместный оклад Вельяминова составил 400 четвертей земли). Жильцы получали денежного жалования по 10 руб., поместного 400-300 четвертей, городские дети боярские – 10 руб. и 300-50 четвертей земли, новокрещены и татары – 8 руб. и 300-40 четвертей земли, поместные (верстаные) казаки – 3 руб. и 20-12 четвертей земли.

В военное время денежные выплаты служилым людям увеличивались. В декабре 1633 г. боярину С.В. Головину и дьяку М. Поздееву был дан царский наказ о роздаче денежного жалования воинским людям. Согласно этому документу все они были разделены на 3 статьи, получившие:

- 1-я («большая») статья – 25 руб.
- 2-я («средняя») статья – 20 руб.
- 3-я («меньшая») статья – 15 руб.

Поместным атаманам и казакам Замосковных городов и белозерцам полагалось раздать по 20 руб.

За выказанные на службе отличия, за раны, «полонное терпенье» поместье и денежное жалованье могло быть увеличено. В одном из дошедших до наших дней официальном документе сохранилась примерный расчет дополнительного оклада, «придававшегося» дворянам и детям боярским за убитых ими во время Смоленской войны 1632-1634 гг. «литовских людей». Составители этого указа определили: воину, «на котором написано в послужном списке побитых 10 человек или болши, тем всем придачи по 50 чети, денег за семь мужиков за убитых по рублю; а на которых убитых семь мужиков, и тем семь рублев, поместной придачи 50 чети; а будет на котором написан один, поместной придачи нет, придать один рубль за один мужик».

* * *

Денежное жалование, назначенное для выплаты стрельцам при учреждении их отрядов в 1550 г., составляло 4 руб. в год, то есть явно соотносилось с минимальным денежным окладом служилых людей «по отечеству». Городовые стрельцы получали меньше московских – по 2 руб. в год.

Еще меньшая сумма выплачивалась служилым людям «пушкарского чина». В XVI в. московские пушкеры, затинщики, воротники и кузнецы получали по 2 руб. с гривною в год (как городовые стрельцы), по осьмине муки, по половине пуда соли в месяц и сукна на 2 рубля в год. Городовые пушкеры довольствовались жалованьем в 1 рубль. Помимо денег им выдавалось 2 пуда соли, 12 «коробов» ржи и 12 «коробов» овса в год.

В конце XVI – начале XVII в. стрелецкое жалованье было увеличено. Московские рядовые стрельцы стали получать по 5 руб., десятники – по 6 руб. и пятидесятники – по 7 руб. Хлебного жалованья они получали соответственно $7\frac{3}{4}$, $8\frac{3}{8}$ и 9 четвертей ржи и столько же овса. В городах рядовые стрельцы стали получать по 3 руб. в год, десятники – по 3 руб. 25 коп., пятидесятники – по 3 руб. 50 коп., сотники – по 10 руб. Однако не всегда денежное и хлебное жалованье выплачивалось сполна, что вызывало нескончаемый поток жалоб служилых людей. В 1592/1593 гг. при формировании гарнизона Ельца, новоприборным стрельцам и казакам было «сказано» жалованье по 3 руб. деньгами, 6 четвертей (36 пудов; 576 кг.) ржи и 6 четвертей (36 пудов; 576 кг.) овса человеку. В действительности в первый год службы елецкие стрельцы и казаки получили деньгами не более полтины, а хлебом по 2 четверти (12 пудов; 192 кг.) ржи и по 2 четверти овса, а на «сто первый год» (1592/1593) им было дано лишь по четверти ржи и по четверти овса. В середине XVII в. в Кольском остроге денежный оклад рядового стрельца составлял 3 руб. 50 коп., десятника – 3 руб. 75 коп., пятидесятника – 4 руб., сотника – 12 руб., головы – 25 руб. Кроме того стрельцы получали 2 четверти ржи, 4 четверти овса и 1 четверть ячменя ежегодно. Многочисленные челобитные возымели действие, и в марте 1593 г. со вторым елецким воеводой Иваном Никитичем Мясным в город прислали жалованье, после раздачи которого жалобы прекратились. Увеличилось жалованье людей пушкарского чина. В середине и второй половине XVII в. они получали от 2 до 4,5 руб. ежегодно. В Кольском остроге денежный оклад пушкеры приравняли к стрелецкому, составлявшему 3 руб. 50 коп., однако хлебного жалованья они получали вдвое больше стрельцов. При образовании новых гарнизонов на южной границе деньги на «селитьбу» и жалованье пушкеры получали одинаково со стрельцами. В 1637 г. при наборе на службу в новые крепости Усерд и Яблонов стрельцов, конных казаков и пушкеры, им выдали на год по 5 руб. каждому, хлебного жалованья пушкеры и стрельцы получили по 2 четверти ржи (12 пудов; 192 кг.) и 3 четверти овса (18 пудов; 288 кг.). Самыми высокооплачиваемыми из приборных людей являлись казаки, несущие конную службу. В том же 1637 г. в Усерде и Яблонове они получили на «селитьбу» и государева денежного жалованья – по 8 руб. на год, а хлебного жалованья – 3 четверти ржи (18 пудов; 288 кг.) и 5 четвертей овса (30 пудов; 480 кг.). В 30-

х гг. в Усть-Чернавском остроге новоприборным казакам выдавалось 2 руб. «на селитьбу», 3 руб. жалованья, а также 4 четверти ржи, 3 четверти овса, 1 пуд соли, а также казенное оружие и боеприпасы. В 1651 г. в Болховом ратным людям несущим конную службу (драгунам и казакам) было выдано по 5 руб., несущим пешую службу (стрельцам, пушкарям и воротникам) – по 3 руб.

Иногда стрельцам и казакам выдавались дополнительные деньги «сверх окладов», как правило накануне выступления их в поход. Подобный случай произошел в 1611 г. в Курмыше, где стрельцам выдали, помимо «сполна» выплаченных окладов, «по полтине человеку, а казаком по рублю, потому что конные».

Жалованье «приборным людям» выдавалось дважды в год, как правило, 25 сентября и 25 марта. Стрельцам, поступавшим на службу на «земском жалованьи» в годы Смутного времени, содержание выдавалось в одном случае 28 декабря и 28 июня, в другом - 20 сентября и 20 марта. Два раза в год получали свое жалованье стрельцы, находившиеся на службе у Соловецкого монастыря. В XVII в. соловецким ратникам выплачивали деньгами 3 руб., и выдавали на каждого по 3 четверти ржи и овса хлебного жалованья, на сумму 80 коп., в ценах того времени. Прибираемым на службу в «безгосударское» Смутное время стрельцам, жалованье выплачивали посадские земские старосты. В то время оно было увеличено, хотя разнилось в каждом конкретном случае. Так, В.А. Ослопов должен был получать денежного жалованья 4 руб. 10 алтын и хлебного – 6 четвертей овса; О.И. Москвитин – 4 руб. 8 алтын 2 деньги, 6 четвертей ржи и 6 четвертей овса; И.Иванов – 4 руб. «денег с четвертью», 6 четвертей ржи и 6 четвертей овса.

Служба в учрежденных в первой половине XVII в. полках «нового строя» оплачивалась несравненно выше службы стрельцов, полковых и городских казаков, пушкарей и затинщиков. Самое большое денежное жалованье, доходившее до 30 рублей, получали рейтары и копейщики -наиболее привилегированные воины рейтарских шквадронов. Оно уменьшалось лишь для тех записавшихся в рейтарскую службу служилых людей «по отечеству», которые продолжали владеть поместьями, как правило, на 10-35 коп. за каждый имевшийся у них крестьянский двор.

Жалованье начальных людей учрежденных в 30-х гг. XVII в полков солдатского, рейтарского и драгунского строя первоначально было очень значительным, но затем, после окончания Смоленской войны подверглось резкому сокращению. Размеры этого секвестра позволяет установить «Память из Иноземного Приказа в Новгородскую четверть с росписанием жалованья начальным людям и урядникам солдатских полков» 1649 г. В систематизированном виде эти данные можно представить в следующей таблице:

Чин	Денежный оклад в годы Смоленской войны 1632-1634 гг.	Денежный оклад в годы в послевоенное время	Разница в окладах
Полковник	250 руб. и капитанское жалованье в 75 руб. Итого: 325 руб. в месяц.	20-50 руб.	275-305 руб.
Подполковник	100 руб. и капитанское жалованье в 75 руб. Итого: 175 руб. в месяц.	15-20 руб.	155-160 руб.
Майор	50 руб. и капитанское жалованье в 75 руб. Итого: 125 руб. в месяц.	14 руб.	111 руб
Квартирмейстер	30 руб. и капитанское жалованье в 75 руб. Итого: 105 руб. в месяц.	8 руб. 10 коп.	96 руб. 90 коп.
Капитан	75 руб.	11 руб.	64 руб.
Поручик	22 руб 50 коп.	6 руб. 10 коп.	16 руб. 40 коп.

Прапорщик	17 руб. 50 коп.	5 руб. 40 коп.	12 руб. 10 коп.
Полковой обозник	20 руб.	5 руб.	15 руб.
Писарь	15 руб.	3 руб. 90 коп.	11 руб. 10 коп.
Лекарь	30 руб.	3 руб. 75 коп.	26 руб. 25 коп.
Сержант	7 руб.	2 руб. 50 коп.	4 руб. 50 коп.
Каптенармус (дозорщик над ружьём)	6 руб.	2 руб.	4 руб.
Фюрир (подпрпорщик)	5 руб.	Чин отставлен	-
Форир (ротный заимщик)	5 руб.	Чин отставлен	-
Капрал	4 руб.	1 руб. 80 коп. – 2 руб.	2 руб. – 2 руб. 20 коп.
Трубач	Немецкому – 8 руб. Русскому – 5 руб.	1 руб. 50 коп. 1 руб. 50 коп.	6 руб 50 коп. 3 руб. 50 коп.
Барабанщик	Немецкому – 8 руб. Русскому – 5 руб.	1 руб. 50 коп. 1 руб. 50 коп.	6 руб 50 коп. 3 руб. 50 коп.

Реальные выплаты несколько отличались от окладов, хотя правительство старалось соблюдать установленную норму. В середине XVII в. размер месячного кормового жалования начальных людей полков «нового строя» составлял: у генералов - 90-100 руб., у полковников - 25-50 руб., у подполковников - 15-18 руб., у майоров - 14-16 руб., у ротмистров - 13 руб., у капитанов - 9-11 руб., у поручиков и полковых квартирмейстеров - 5-8 руб., у прапорщиков - 4-7 руб. Оклады начальных людей полков рейтарского строя были выше окладов военнослужащих полков солдатского строя; драгунские оклады равнялись соответственно солдатским окладам. У офицеров, поверстанных поместным окладом, как и у рейтаров-дворян, вычитали из денежного оклада суммы, соответствующие количеству бывших за ними крестьянских дворов. Обычно убавлялось по 10-35 коп. за каждый крестьянский двор, в зависимости от воинского звания и оклада.

Рядовые солдаты и драгуны получали намного меньше начальных людей, но в 2 – 2,5 раза больше стрельцов и пушкарей. Так, в 1638 г., во время большого засечного строительства на южных границах, при наборе в Туле в солдатскую и драгунскую службу «всяких охочих людей, которые не в службе и не на тягле», им было определено жалованье в 8 денег в день (старым солдатам, бывшим на службе под Смоленском и Можайском во время русско-польской войны 1632-1634 гг.) и в 7 денег (тем, «которые наперед сего в салдатцкой и в драгунской службе не были»). Во время Донского похода 1648/1649 гг. А.Т. Лазарева, подчиненные ему солдаты получали по 50 коп. в месяц и 1 руб. в год «на платье».

С целью обеспечения бесперебойного снабжения несущих походную службу солдат, рейтар, драгун и стрельцов продовольствием, правительство вынуждено было собирать со всех без исключения категорий населения «служилые хлебные запасы» (рожь, муку, сухари, толокно, крупы и т.п.), доставлявшиеся в порубежные города. От этой подати освобождались лишь жители «самых дальних мест», которые выплачивали стоимость ее деньгами. Мясо, соль и вино доставлялись в войска из Москвы с царского двора..

6. ОБУЧЕНИЕ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ

В XV – XVI вв. уровень и качество подготовки воинов поместного ополчения правительство почти не волновало. Судя по результатам походов и сражений того времени, они вполне соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Умение владеть оружием, азы строевой подготовки и знание общевоинских сигналов усваивались дворянскими недорослями еще до зачисления на службу, без чего они не могли быть поверстанными государевым поместным и денежным жалованьем. В последующих походах и боях эти знания закреплялись практическим опытом. В результате суровая походная школа превращала русских помещиков в закаленных воинов, способных постоять за себя в схватке с врагом. Документы того времени свидетельствуют о многих случаях отважного поведения служилых людей, демонстрировавших хорошую выучку и умение владеть оружием. Так, в 1633 г. рязанец Михаил Иванов с гордостью сообщал, что он в бою «многих татар побил и переранил, да двух человек взял живых своими руками, и многий полон отгромил», при этом под ним «застрелили из лука коня наповал». Героическое поведение ратников поощрялось. В данном, например, случае рязанский сотенный голова Михаил Иванов был награжден прибавкой 50 четвертей земли к его 150 четвертям поместного жалованья и 2 руб. денежного жалованья к имеющимся у него 6 руб. Сверх того, за командование сотней, ему было придано 5 руб «головного» жалованья, «да язычного два рубли, да сукно доброе». Определенные затруднения в боевой подготовке могла вызвать лишь необходимость использования огнестрельного оружия, достаточно сложного в обращении, однако появление пистолетов и карабинов с колесцовыми, а затем и ударно-кремневыми замками облегчили эту задачу. Впрочем, даже в первой половине XVI в. иностранные наблюдатели отмечали, что московские ратники с большим искусством производят и выдерживают нападения, действуют огнестрельным оружием, и расставляют удивительной величины строи». В XVII в. правительство стало требовать от служилых людей «по отечеству» обязательного вооружения огнестрельным оружием. Впрочем, и сами дворяне были не прочь приобрести пищаля, карабины и пистолеты», особенно если это осуществлялось за казенный счет.

Сложнее дело «ратного наученья» обстояло со стрельцами, городскими казаками и людьми «пушкарского чина». При зачислении на службу они уже имели необходимые военные знания. Однако специфика их службы требовала постоянной готовности и упражнения в стрельбе. Власти старались контролировать уровень боевой подготовки стрельцов и пушкарей, устраивая регулярные смотры, участие в которых требовало многодневных напряженных занятий всех участвующих в них воинов. Обращаясь к воеводам, правительство требовало постоянной проверки уровня боеготовности стрелецких частей и казаков. Так, в наказе новым путивльским воеводам стольнику Богдану Михайловичу Нагому и Петру Никитичу Бунакову, предваряющем Сметную книгу города Путивля 1629 г. отмечалось, что воеводы должны следить, чтобы «пешие б стрельцы и козаки <...> были все с пищалями и **стрелять бы стрельцы и козаки были горазды**» (выделено нами. – В.В.). Выполнить данные указания было невозможно без систематического обучения приборных людей стрельбе и строевым действиям.

Сохранилось детально описание артиллерийского и стрелкового смотров, производившихся в окрестностях Москвы в годы правления царя Ивана Васильевича. Сделано оно было английским купцом и дипломатом Энтони Дженкинсоном, наблюдавшего учения стрельцов и артиллеристов во время его первого пребывания в нашей стране в 1557 г.

Оба смотра проводились 12 декабря («в самую глухую зимнюю пору») за пределами Москвы, где для артиллерийского испытания заранее изготовили два огромных сруба, толщиной в 30 футов (ок. 10 м), полностью засыпанных землей. Перед срубами установили белые мишени, облегчавшие пушкарям наведение орудий на цель. В стороне

на возвышенном месте оборудовали наблюдательную позицию, откуда за стрельбами мог наблюдать царь и его окружение.

На смотр доставили все находившиеся в Москве пушки и пищали, установленные в один ряд в соответствии с размерами, начиная с малокалиберных и кончая «великими» орудиями, стреляющими ядрами весом в пуд и более. Перед началом смотра был дан залп «греческим огнем» (по предположению Н.Е. Бранденбурга, - зажигательными снарядами), а затем начали поочередно обстреливать срубы, начиная с небольших орудий и кончая большими пушками. Было сделано три очереди и к концу последней обе цели оказались полностью уничтоженными.

Обнаруженные Н.Е. Бранденбургом свидетельства позволяют утверждать, что артиллерийские смотры проводились вплоть до 1673 г.

Стрелковый смотр состоялся непосредственно перед артиллерийскими стрельбами. В нем участвовало 5000 стрельцов, по-видимому, весь московский стрелецкий гарнизон. К сожалению только сейчас можно уточнить неточно процитированный Н.Е. Бранденбургом текст. С легкой руки этого исследователя в нашей науке утвердилось мнение, что в смотре 12 декабря 1557 г. участвовало всего 500 стрельцов. В оригинале же записано, что перед прибытием царя на поле колонной по 5 человек в ряду пришли 5000 «аркебузирова», каждый с пищалью на левом плече и фитилем в правой руке. На этот раз мишенью служила стена, сложенная из ледяных глыб, толщиной в 2 фута (ок. 60 см). Длина вала составила $\frac{1}{4}$ английской мили (ок. 400 м.), а высота 6 футов (ок. 1,8 м.). Огневой рубеж был устроен на расстоянии 60 ярдов (54 м.) от мишени. Здесь и находились стрельцы, по команде царя открывшие огонь. Они продолжали обстреливать ледяной вал до тех пор, пока он не был полностью разрушен стрелецкими пулями.

Сведения Дженкинсона подтверждает и Франческо Тьеполо, отметивший факт обучения русских воинов в мирное время иностранными солдатами. При их помощи «москвиты по праздникам обучаются аркебузу по германским правилам и, став уже весьма опытные, изо дня в день совершенствуются во множестве».

Выучка служилых людей «по прибору» проверялась не только в ходе показательных стрельб, но и на театре военных действий. Обычными считались посылки стрельцов из Москвы и северных городов на южную границу, где они усиливали гарнизоны порубежных крепостей и засечных острожков. Только в 1639 г. в Туле, Одоеве, Веневе, Крапивне и Переяславле Рязанском находилось 3479 стрельцов из Москвы, Опочки, Старой Русы, Пскова, Острова, Порхова, Изборска, Гдова, Заволочья и Ладogi. В ходе длительных «командировок» служилые люди «по прибору» совершенствовали воинский профессионализм, учились действовать в боевой обстановке.

С первых дней появления в России полков «нового строя» военнослужащие этих частей постигали азы европейской военной науки под наблюдением нанятых на русскую службу иноземных офицеров-инструкторов. Они давали письменное обязательство учить русских людей «с радением всякому ратному делу, чего сам умею и сколько могу научить, без всякие хитрости и оплошки». Во второй трети XVII в. крупными центрами обучения солдат и драгун являлись не только Москва, но также Заонежье и Севск. В Заонежские погосты направили «для драгунского и салдатцкого ученья» 2 полковников, 2 подполковников, 4 майоров, 28 капитанов, 17 поручиков, 2 полковых квартирмейстеров, 18 прапорщиков, 3 полковых обозников, 1 полкового лекаря, 2 писарей, 31 сержанта, 10 барабанщиков и 1 трубача. Тогда же в Севск для «драгунского учения» прибыло 62 иноземных инструктора разных чинов.

Обучение набранных в полки «нового строя» солдат, рейтар и драгун облегчалось тем, что в первую очередь в них набирались представители служилого сословия: иноземцы, обедневшие дворяне и дети боярские, казаки, жители приграничных уездов, многим из которых ратное дело было «за обычай».

В 30-х гг. XVII солдатскому строю стали обучать стрельцов. Как правило, исследователи цитируют обнаруженные С.К. Богоявленским в столбцах Владимирского

стола Разряда документы 1639 г. о первых попытках введения ратного обучения «приборных людей». В них упоминается о распоряжении властей находившимся в Туле московским стрельцам пройти обучение у полковника Александра Крафтера, который должен был «учить солдатскому строю» личный состав стрелецких приказов Алексея Полтева и Михаила Баскакова. Особый интерес историков вызвали жалобы стрельцов, пытавшихся добиться отмены этого решения ссылками на то, что «они де искони вечно в солдатском строе не бывали <...> и им де будучи в солдатском строе вконец погибнуть и промыслов своих отбыть». Протесты стрельцов вынуждают исследователей считать произошедшее уникальным случаем, хотя и подтвержденным затем твердым решением правительства. Незамеченными остаются другие факты обучения стрельцов военному делу. Между тем, за год до описываемых событий служилый иноземец «потешник Ивашко Ермис» бил челом государю, сообщая о необходимости выделения ему помощников. В частности он писал: «учу я ныне твоих государевых трубников из дворца 20 человек, да из Иноземского приказу 19 человек; **да я ж по твоему государеву указу, учу ратному строению Иванова приказу Головленкова 600 человек стрельцов** (выделено мной – *V.B.*), и у того всего ученья живу я один; и одному мне у того дела, у трубничья и у стрелецкого ученья, быть не уметь и не успеть, и русский язык мне не весь сполна заобычен». Завершая челобитную, Ермис просил московское начальство выделить ему в помощь «иноземцев последней статьи сержантов Джан Михеля и да Павла Афанасьева, которым все его ученье и русский язык весь за обычай». Чрезвычайно важным представляется другой факт: спустя 4 года, в июне 1642 г. на полях под селом Покровским, тот же «немчин Иван Ермис» обучал московских сотников и стрельцов «Иванова приказу Головленкова». Налицо установившаяся система обучения военному делу и последовательность проведения ее в жизнь.

Постепенно стрелецкая и солдатская служба в плане обучения, организации и вооружения унифицировалась, и во второй половине XVII в. иностранные наблюдатели уже не видели принципиальных различий между старой и новой пехотой, отмечая лишь ее сходство с турецкими янычарами. По сообщению Якова Рейтенфельса, в деле военной подготовки русские драгуны, «будучи обучены немцами <...>, а может быть и вследствие долголетнего упражнения, так усовершенствовались, что кажется, превзошли самих себя».

Для обучения ратному делу военнослужащих полков «нового строя» очень скоро понадобились не только инструкторы, знания и опыт которых сильно различались, но и печатные руководства. В 1647 г. в Москве на русском языке тиражом в 1200 экземпляров было напечатано обширное сочинение датчанина Иоанна Якоба Вальгаузена «Военное искусство пехоты» («Kriegskunst zu Fuss»), в переводе получившее название «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Наставления Вальгаузена имели в основе правила передовой в то время нидерландской военной школы, вершиной которой являлась новаторская практика Мориса Оранского. Автор подробно разъяснял принципы обучения солдат в ротном и полковом строю (правила построения и перестроения рядов и шеренг, приемы владения мушкетом и пикой, ведения огня), давал рекомендации по организации караульной службы, объяснял основные требования к «походному строению» и устройству временного лагеря, основные способы поддержания дисциплины и порядка в армии и т.п. Особое внимание обращалось на получение достоверной информации о противнике и необходимость активных действий в военное время. «Высоким урядникам, - сообщалось в книге, - надобно смечати, какова недруга они перед собою имеют, и сколько у него конных и пехотных людей, и сколько ратных запасов у себя имеют, и как их рейтары и пехота вооружены и наряжены. А когда они против недруга в поле стоят, и им днем и ночью вымышляти и искати как и чем бы им недругу убыток и помешку учинити, и как бы приход запасов отрезати, как травитися и приступати и как з нарядом в полки его стреляти, и иное. А на полевых боях и на стравках надобно им всегда прилежно и крепостно недруга во зрении и очех своих держати и имети,

и недругово ополчение раззнавати. А против того и свое ополчение понадобно гораздо урядити».

Русское издание труда Вальгаузена содержало 32 рисунка, с изображением 67 фигур, служивших наглядным пособием для пояснения наиболее важных положений руководства, в том числе 143 предписанных эволюций с мушкетом.

В предисловии к «Учению» отмечалось, что готовится выпуск новых пособий и сообщалось, каким разделам военной науки они будут посвящены. Во вторую книгу (том) предполагалось включить наставления «о ратном строении конных людей», третья книга должна была содержать руководства о «ратной мудрости учить ополчения» (войска), четвертая - посвящалась выработке правил (науке) взаимодействия ратных людей, ополчения, пушечного наряда и укреплениям; в пятой книге планировалось напечатать пособие, «как гораздо воевати», в шестой книге - сообщение о «воинском чину как всякому подобает научену быти»; седьмая книга отводилась для разбора корабельной ратной науки, в последней, восьмой книге должны были содержаться «всякие разговоры и надобные вопросы, которые во многих ратных делах бывали и еще и впредь прилучитися могут добре годно и прохладно прочитати».

Намеченный издательский план не был осуществлен, и публикация «Учения» оборвалась на первом томе. Но даже эта часть труда Вальгаузена, представляет собой солидный фолиант, состоящий из восьми частей и заслуживает пристального изучения.

Имеются точные сведения, что в качестве пособия «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» использовалось при обучении солдат. Когда в декабре 1661 г. царь Алексей Михайлович назначил Матвея Кровкова в полковником солдатского выборного полка, боярин С.Л. Стрешнев передал ему знамя полка и книгу «ратного ополчения, почему ему разумети и строити пешей солдатской строй».

Этот факт свидетельствует о том, что «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» являлось официальным документом, которым руководствовались старшие воинские начальники. Таким образом, «Учение» нашло практическое применение при формировании и обучении русских солдатских полков.

О существовании в России подобных печатных руководств для обучения конницы нового строя сведений нет. Задуманный в 1650 г. перевод с голландского языка правила обучения «рейтарскому строю» не был осуществлен. В связи с этим П.П. Епифанов высказал интересное предположение об использовании офицерами при обучении рейтар рукописных списков таких правил. Хотя оснований сомневаться в том, что они проходили военное обучение нет (об этом сохранилось точное и ясное указание Котошихина), но документальных подтверждений употребления инструкторами («региментарами») каких-либо наставлений не имеется.

Пристальное внимание уделялось в Москве разработке теоретических оснований артиллерийского дела. Еще в 1606 г. М. Юрьев и И. Фомин перевели на русский язык соответствующие разделы трактата Л. Фронспергера «Военная книга», изданного во Франкфурте-на-Майне в середине XVI в. Позднее перевод был переработан и дополнен подьячим Посольского приказа Онисимом Михайловым (Радышевским), приступившим к составлению своего наставления в 1607 г. и завершившего его лишь в 1621 г. Полное название подготовленного им сочинения – «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки, состоящий в 663 указах или статьях. В государство царей и великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича всеа Руси самодержцев в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым». Ряд оговорок автора, ссылавшегося на свою «память», позволяет утверждать, что при работе над книгой он использовал собственные наблюдения и русский военный опыт.

«Устав» содержит подробные сведения об организации войска, употреблении артиллерии, основных типах орудий, их характеристиках, приемах ведения боевых действий. Сочинение О. Михайлова распространялось в рукописных списках и было

хорошо известно военным специалистам своего времени. На это обратил внимание Н.Н. Обручев, отметивший, что дошедшие до нас рукописные списки «не имеют первоначального листа и носят заглавие «Воинская книга о военной стрельбе и огненных хитростях по геметрийскому прямому обычаю и проразумлению; сиречь по землемерному делу прираженного подвигу великою силою, вверх далече и близко направляемо бывает стрельбою и бросанием».

В источниках сохранились предписания об обучении солдат «почасту», ежедневно или, как в случае с поселенными солдатами, не реже одного-двух раз в неделю. В полках, расквартированных в Москве, солдат учили два раза в день, а иногда и ежедневно. Судя по дошедшим до наших дней свидетельствам об использовавшихся методах обучения новому строю, они были очень строгими, предусматривая жестокое дисциплинарное наказание (как правило, физическое) за любую провинность или неповиновение начальным людям. Так, безжалостно расправлялся с солдатами направленный в 1662 г. в Сомерскую волость полковник А. Росформ, приказывавший бить их батогами и приводить к виселице.

В середине XVII в. действию огнестрельного оружия в прямом столкновении придавалось большое, если не решающее, значение, солдат, рейтар и стрельцов учили стрелять из «стройства», с расстояния не более 20 сажень от атакующего противника. В этой связи обучение пищальников, стрельцов, казаков, солдат, рейтар и драгун навыкам меткой стрельбы власти старались сделать регулярным и систематическим. От воинов требовалось знание особенностей личного оружия и умение его применять в боевой обстановке.

* * *

В XVI-XVII вв. общее руководство вооруженными силами осуществлял Разрядный приказ, куда сходились все нити управления войсками. В первой половине XVI в. Разряд превращается в самостоятельное ведомство со своим штатом сотрудников – разрядными дьяками и подьячими. Приказ ведал всем кругом вопросов, относящихся к организации обороны страны, и руководил подготовкой военных операций. Он распределял служилых людей по отечеству - дворян и детей боярских на службу по военному, гражданскому и дворцовому ведомствам, вел списки всех дворян по уездным городам, так называемые «десятни». В своей деятельности Разряд взаимодействовал с другими приказами, ведавшими военными делами: Пушкарским, Стрелецким, Поместным, Бронным, Иноземским, Оружейным, Конюшенным, Рейтарским, Ствольным, Казачьим, Панским, Сбора ратных людей и другими, в том числе четвертными приказами. Во время военных действий полевыми войсками начальствовали большие и полковые воеводы, а также подчинявшиеся им головы – сотенные, стрелецкие, и пушкарские, казачьи атаманы и есаулы. Для ведения документации в армию назначались дьяки «с разрядом», которые вместе со своими помощниками составляли штаб войска, получивший в середине XVI в. название «разрядного шатра».

Комплектование вооруженных сил осуществлялось в виде верстания и прибора служилых людей. В первом случае происходило пополнение поместного войска. В необходимом случае в уездах проводился смотр служилых и неслужилых новиков, проверялось их вооружение, количество приведенных с собой боевых холопов, собиралась информация о происхождении и имущественном положении. После этого каждому дворянину или сыну боярскому назначалось определенное поместье и денежное жалованье. Во втором случае на военную службу набирались стрельцы, казаки и пушкарские. Вместо поместного оклада, полагавшегося служилым людям «по отечеству», приборные воины получали денежное или иное жалованье. В военное время производился сбор пососных и даточных людей, в особых случаях – земских ополчений. В XVII в. в составе русской армии появляются полки «нового строя», однако в отличие от европейских стран, комплектовались они не за счет найма профессиональных солдат и рейтар, а путем

добровольного набора беспоместных детей боярских и других служилых и вольных людей. Позднее пехотные части стали формироваться за счет принудительного зачисления на службу даточных людей, по сути своей являвшимися рекрутскими наборами. Отказ от использования в военном деле иностранных наемников связан не только с неудачным опытом Смоленской войны, но и со сложным финансовым положением Русского государства. Правительство предпочитало нанимать на службу не рядовых, а военных специалистов высокого ранга. Вербовка солдат из числа собственного населения была затруднена произошедшим закрепощением тяглого населения.

В течение рассматриваемого периода изменилось вооружение русского войска. Начинается эпоха бурного развития ручного огнестрельного оружия и ствольной артиллерии. С конца XVI даже дворянская конница стала вооружаться пищалями, карабинами и пистолетами. Использование ратными людьми новых образцов вооружения, тактических приемов, заимствованных из европейской военной науки, вынудило московское командование приступить к систематическому обучению ратных людей, особенно активно в отношении пушкарей, военнотружущих полков солдатского, драгунского и рейтарского строя и стрельцов. В первой половине XVII в. в России появляются первые военно-теоретические труды - «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки» (составитель О. Михайлов) и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (перевод сочинения И.Я. Вальгаузена «Kriegskunst zu Fuss»). Они не только аккумулировали военные достижения европейцев, но использовали (О. Михайлов) отечественный боевой опыт.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ И ОБОРОНЫ РУССКИХ ГРАНИЦ

Особенностью военного устройства Московского государства являлось усиленное внимание правительства к организации охраны границ и обороны пограничных крепостей, острогов и засек. Они преграждали врагам доступ в центральные районы страны и служили надежным тылом для русских воевод, направленных в поход на сопредельные неприятельские территории. Система долговременных укреплений на границах непрерывно совершенствовалась, а на южном и юго-восточном направлениях превратилась в сплошную оборонительную линию. На других «украинах» власти ограничивались возведением мощных цитаделей, способных остановить и надолго задержать вторгнувшиеся в русские пределы неприятельские армии. Избирательность в организации оборонительных мероприятий была связана с особенностями действий татарских орд, заметно отличающихся от стратегии и тактики вооруженных сил европейских государств, граничивших с Россией на западе и северо-западе. Крымские, казанские и ногайские походы на Русь являлись грабительскими набегами, ставившими целью разорение приграничных уездов, пленение местного населения, продававшегося затем на невольничьих рынках Турции и других стран Востока. Именно за этими нашествиями татар в русском языке того времени закрепилось название «война». Цель – захват «полона» - предопределила характер боевых операций ордынцев. Даже во время больших походов от главного войска, вступавшего на русскую землю, отделялись небольшие отряды – «загоны» («разгоны»), которые прочесывали близлежащие места, угоняя в плен не успевших укрыться людей. Исключение составил поход на Москву хана Гази-Гирея 1591 г., во время которого, как было подчеркнуто современниками, крымский «царь» шел прямо к русской столице, а «войны от себя нигде не ропустил». По-видимому, Гази-Гирей планировал сначала уничтожить стоявшее под Москвой русское войско, а лишь затем начать захват пленных.

Действия татар были хорошо отлажены и очень эффективны, что подтверждает их описание, сделанное Гийомом Бопланом. По его свидетельству татарское войско, перейдя

русскую границу, начинало «выбрасывать» в разных направлениях конные отряды по 500-600 человек, действовавшие на значительном удалении от главных сил. «Рассыпаясь» по окрестностям, они окружали селения, ловили местных жителей, уничтожая тех, кто пытался оказать хоть какое-то сопротивление. Жертв вражеского набега не могла спасти даже темнота: татары, «чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз». О хищничестве татар писал и Герберштейн, который подчеркивал, что «они всегда зарятся на чужое имущество, угоняют у других скот, грабят и увозят людей, которых или продают туркам и другим, кому бы то ни было, или возвращают за выкуп, оставляя у себя только девушек». Степняки редко осаждали крепости и города, предпочитая уничтожать, сжигая дотла окрестные селения и деревни. Самый подробный рассказ о крымских и ногайских нападениях на Русь оставил Джильс Флетчер, посвятивший этой проблеме 19-ю главу своего обширного труда.

Отметив, что татары, как правило, нападают на Русь два раза в году, иногда на Троицын день (май-июнь), «но чаще во время жатвы», он переходит к описанию их образа действий, сообщая следующее. Разделившись на несколько отрядов, ордынцы стараются привлечь внимание русских воевод «к одному или двум местам на границе, [а] сами нападают на какое-либо другое место, оставленное без защиты». Во времена Флетчера татары избегали вступать в открытые сражения с русскими войсками, предпочитая нападать исподтишка, стараясь завести преследующие их отряды под неожиданный удар из засады. Подобно другим побывавшим в России иностранцам, Флетчер писал, что «главную добычу, которой татары домогаются во всех войнах своих, составляет большое число пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают туркам и другим соседям. С этой целью они берут с собою большие корзины, похожие на хлебные, для того, чтобы осторожно возить с собою взятых в плен детей; но если кто из них ослабеет или занеможет на дороге, то ударяют его оземь или об дерево и мертвого бросают». Затем, Флетчер делает очень ценное сообщение о том, что во время набега его рядовые участники не стерегли «пленников и другую добычу, дабы не отвлекаться от военных занятий», эту функцию в хорошо организованном татарском войске осуществляли особые отряды, принимавшие от загонщиков полоняников и награбленное.

Разбить татарское конное войско, очень маневренное и подвижное, могла многочисленная, не менее мобильная и подготовленная к степной войне армия, состоящая в основном из кавалерийских частей, способных настичь и разгромить противника, отбив у него захваченный полон. Важнейшую роль играл временной фактор. К началу нашествия полки должны были расположиться там, куда был нацелен удар главных сил врага. Для этого требовалось наличие хорошо налаженной службы оповещения о готовящемся нападении, способной дать исчерпывающую информацию о численности татарского войска, времени его выступления в поход, маршруте и т.п. В тех случаях, когда станицы и сторожа не успевали сообщить о готовящемся вторжении и противник прорывался на русскую территорию, население, вооружившись, уходило под защиту городов и других пограничных укреплений, прежде всего «заповедей» (засек). Со временем из них формируется знаменитая «Черта», предназначенная для того, чтобы, как минимум, затруднить действия противника, как максимум, остановить его на дальних «украинах» страны.

В отличие от татарских иррегулярных формирований, редко вступавших в прямое сражение с русскими войсками, армии наших западных соседей во время частых войн того времени предпочитали прямые военные действия, имевшие целью не столько грабеж пограничных русских территорий, сколько их аннексию. Исход военных кампаний решали большие полевые сражения и захват крепостей и других опорных пунктов, контролировавших отдельные участки границы. В этих условиях хорошо организованным, вооруженным и обученным немецким, шведским, польским и литовским армиям московское правительство старалось противопоставить боеспособные войска, отвечающие

подобным требованиям. Постоянно совершенствующаяся осадная техника вынуждала московских воевод усиливать оборону крепостей на литовском, немецком (ливонском) и шведском рубежах, брать на вооружение новые средства осады вражеских и обороны своих городов. Русские оказались хорошими учениками. В 1535 г. поляки взорвали укрепления русской крепости Стародуб пороховой миной, подведенной под ее стены с помощью подземной галереи. Спустя 17 лет, во время осады Казани 1552 г. русские военные инженеры устроили настоящую подземную войну под стенами татарской столицы, обеспечив ее успешное взятие. Много внимания приходилось уделять усилению крепостных укреплений. На западных границах невозможно было ограничиться возведением небольших деревянных крепостей, подобно строившимся на юге. На этих рубежах надежным щитом Руси стали каменные и деревянные города и хорошо укрепленные монашеские обители. По подсчетам М.Н. Тихомирова в XVI в., в Московском государстве существовал 21 крупный монастырь, 14 из которых находились вблизи Москвы, а 7 других располагались на дальних подступах к русской столице или на рубежах государства, «каждый из них представлял собою настоящую крепость».

Сложнее обстояло дело с защитой северных русских территорий – Поморья и Подвинья. Открытие английскими капитанами Р. Ченслером и Х. Уиллоби нового морского пути в Россию (вокруг Скандинавии в Белое море) позволило Московскому государству установить сообщение с рядом европейских стран: Англией, Данией, впоследствии Голландией и Францией. Потеря Ругодива (Нарвы), ставшего в годы Ливонской войны главным русским портом, вынудила Ивана Грозного обратить самое пристальное внимание на северные моря, где в то время существовали две русских корабельных пристани. В Холмогорах торговали англичане, а в Колу направлялись купцы из других стран, прежде всего Голландии. 4 марта 1582 г. царь постановил ставить на мысе Пур-Наволоок город Новые Холмогоры, строительство которого велось в 1583-1584 гг., а, по некоторым сведениям, и в 1585 г. По указу царя Федора Ивановича, будущий Архангельск стал единственным городом, в котором иностранные купцы могли закупать товары из внутренних районов страны.

С первых лет существования нового торгового пути перед московским правительством стала важная проблема: северными морями на Русь могли прийти не только торговые суда, но и военные корабли, не только купцы, но и жаждущие легкой наживы морские разбойники, и даже неприятельские солдаты. Таким образом Кольский берег и Беломорье могли подвергнуться как пиратскому набегу, так и настоящему нашествию, ставившему целью отторгнуть у Московского государства единственную дорогу в Европу. Российские власти прекрасно осознавали уязвимость северного края, удаленного от основной территории страны, и принимали необходимые меры.

На всех участках русской границы существовали, оптимальные методы ее охраны. В целом все они были призваны отвечать главному требованию – повышению обороноспособности страны. Для выполнения этой задачи правительство не жалело ни сил, ни средств. На протяжении рассматриваемого периода строились новые порубежные крепости, умножалось число защитников, совершенствовалась использовавшаяся ими военная техника и сама система охраны границ. Без комплексного изучения оборонительных мероприятий Русского государства невозможно полноценное исследование его военной политики.

1. ОБОРОНА СТЕПНЫХ «УКРАИН»

Включение в состав Московского государства мещерских, рязанских, верхнеокских и северских земель привело к образованию общерусской границы со степью, протянувшейся почти на 1000 верст. Военное прикрытие порубежья от нападений разных

кочевых орд скоро стало одной из самых важных задач московского правительства, требующей значительных усилий и материальных затрат.

Пристальное внимание изучению обстановки на «Поле» уделялось на Руси, начиная со второй половины XIV в. Об этом свидетельствует хорошо известное послание митрополита Алексия «боярам, баскакам, духовенству и мирянам» на Червленый Яр, о подсудности их рязанскому епископу Василию. В этой грамоте впервые упоминаются русские караулы, стоявшие по рекам Хопер и Дон. В дальнейшем охрана юго-восточных границ была доверена рязанским и мещерским казакам, а юго-западного порубежья – путивльским севрюкам. Немногочисленная казачья стража неплохо справлялась с обязанностями до тех пор, пока в степи шло противостояние Большой Орды и Крымского юрта. В погоне друг за другом вражеские армии порой достаточно близко подходили к русским границам, но лишь однажды ордынцы серьезно ударили по Московскому государству. Откликнувшись на призыв союзной Литвы, правитель Большой Орды Шейх-Ахмет осенью 1501 г. напал на Северскую землю и, разорив окрестности Стародуба, захватил и выжег Рыльск и Новгород-Северский. Это был последний успех Волжской Орды, которую в июне 1502 г. разгромили войска союзника Москвы крымского хана Менгли-Гирея. Благодаря этой победе обстановка на южных «украиннах» Руси стабилизировалась на несколько лет. Небольшие набеги «лихих» ордынских казаков не представляли серьезной опасности, с ними могли справиться небольшие сторожевые отряды, организованные местным населением.

Ситуация резко обострилась после ухудшения московско-крымских отношений, спровоцированных казанскими событиями 1505-1506 гг. Однако первое татарское нападение закончилось неудачей. Московские воеводы сумели настигнуть противника, разорившего калужские, белевские и одоевские места и отбить у него захваченный «полон». Организовать быстрый и эффективный отпор нападению многочисленного неприятельского войска без существования хорошо налаженной дозорной и вестовой службы было вряд ли возможно. Хотя в сохранившихся документах того времени она не упоминается, действия русских воевод, точность и своевременность, полученных в Москве сообщений о начавшемся татарском набеге свидетельствуют о ее наличии.

Более тяжелые последствия имели нападения 1512 г., когда разграбившим белевские, одоевские, алексинские и коломенские места татарам удалось благополучно уйти в степь вместе с захваченными полоняниками. Интересно, что и в этом случае Москва заранее получила из Стародуба от князя Василия Ивановича Шемячича сообщение о готовящемся вторжении, но не смогла организовать врагу должный отпор: направленные к реке Брыни войска не успели помешать татарской войне, а идти за врагом в степь не имели приказа.

Тогда-то и был принят знаменитый «Наказ угорским воеводам», который В.В. Каргалов назвал первым русским уставом пограничной службы. Появлению его предшествовали следующие обстоятельства. Нанеся удар по белевским, одоевским, алексинским и коломенским местам, часть татарских отрядов под командованием «царевича» Ахмед-Гирея осталась на «Поле», выжидая удобный момент для повторного нападения на «украины» Московского государства. Чтобы воспрепятствовать этому на реке Угре сосредоточилось войско под командованием кн. М.И. Голицы Булгакова и конюшего И.А. Челяднина. Им были даны четкие инструкции («Наказ»), согласно которым переданные в распоряжение воевод войска (в том числе отряды пищальников и посошных людей) необходимо было «розделить по полком, сколько, где пригоже быти на берегу» реки Угры. В случае нового татарского нападения «угорские» воеводы, «посмотря по делу», готовились контратаковать противника на тульском и зарайском направлениях.

Так начала выстраиваться «береговая» линия обороны русских рубежей, сохранявшая свое значение до конца XVI в.

Прямых свидетельств существования в этот период сторожевой службы не сохранилось, хотя С. Герберштейн упоминал о русских караулах, стоявших в двух днях

пути от Азова, преследовавших и ловивших беглецов из Московского государства. Поэтому в отечественной науке образовалось два противоположных взгляда на проблему. В.В. Каргалов полагает, что «применительно к 20-м гг. XVI в. можно говорить уже о создании постоянных сторожевых застав в направлении Азова и возле «северской украины»». Ряд серьезных неудач в борьбе с татарскими нападениями, объясняется с его точки зрения тем, что это время станичная и сторожевая служба в России была «не на высоте». Каргалову резко возражает В.П. Загоровский, считающий, что в первые десятилетия XVI в. никакой станичной и сторожевой службы в России еще не существовало. Подобный вывод представляется излишне категоричным, так как известно о существовании рязанских сторож, стоявших «у Поля», уже в первой четверти XVI в. (в 1519/1520 г.) Однако немногочисленные отряды, находившиеся на границе и почти не выдвигавшиеся на разведку в «Поле», не могли своевременно оповещать командование о готовящихся нападениях. Поэтому в 1541 г., получив из Крыма вести о готовящемся нападении на Русь хана Сагиб-Гирея, московские воеводы приказали путивльскому наместнику Федору Плещееву выслать «на Поле поперег дорог» станицу Григория Толмача. Этот отряд обнаружил в верховьях Северского Донца шедшее к русским границам огромное крымское войско. Вслед за Г. Толмачом в Москву прибыл другой станичник Алексей Кутуков, видевший татар уже «на сей стороне Дону на Сновах». Уточнение маршрута движения неприятельского войска (в общих чертах он повторял путь, которым шел на Русь в 1521 г. Мухаммед-Гирей) позволило московским воеводам встретить врага в полной готовности и отразить это нападение. Так сторожевая служба на рубежах была дополнена войсковой разведкой, осуществлявшейся специальными станичными разъездами.

Еще более активными стали действия русских сторожевых и станичных отрядов на рубеже 1550-1560-х гг. В 1549 г. служилым казакам, несущим службу в степи, удалось прервать прямое сообщение Казани и Крыма и перехватить казанских послов, направлявшихся в Бахчисарай, чтобы ипросить себе нового хана из рода Гиреев. Стремясь окончательно решить казанскую проблему, русские власти деятельно укрепляли оборону южных границ, где исключались новые крымские нападения. В степь были направлены базировавшиеся в Путивле станицы, в начале лета 1552 г. обнаружившие шедшее на Русь войско крымского хана Девлет-Гирея. Первые известия о готовящемся вторжении 16 июня 1552 г. доставил царю Иван Стрельник, служивший в станице Айдара Волжина. Из этого сообщения русские воеводы узнали, что враг наступает Изюмской сакмой и, определив участок границы, наиболее вероятный для появления неприятельских войск, направили туда новые подкрепления. Более подробные сведения о силах и маршруте противника, подтвердившими предварительные расчеты воевод, в Москву доставили сам Айдар Волжин и другой станичник Василий Александров. Своевременное оповещение командования о планах и численности татарских войск и на этот раз сыграло свою роль. Девлет-Гирей потерпел неудачу и с большими потерями бежал из-под Тулы.

В годы Ливонской войны 1558-1583 гг., когда большая часть русских сил была отвлечена на другой театр военных действий, обострившиеся русско-крымские отношения, умножившиеся нападения на границы Московского государства татарских и ногайских отрядов, вынудили Ивана Грозного принять меры по усилению обороны на этом рубеже. Особенно встревожили царя поступившие к нему на рубеже 1560-1570 гг. сведения о подготовке крымским «царем» большого похода против России и ряде ошибок, допущенных в то время станичниками, несущими дозорную службу на «Поле». Дважды в 1570 г. сообщения о приближении огромных татарских армий, присланные с рубежей, вынуждали Ивана Грозного направлять на юг новые войска. Государь и сам перебрался в Серпухов, но все полученные сведения оказались недостоверными. Выяснилось это после прибытия к царю станичного головы Ширия Сумароцкого. Получив задание проверить сообщения станичников и доложить о реальном положении дел, его отряд спешно проехал через степь вдоль Северского Донца до устья Айдара. На своем пути Ш. Сумароцкий не

обнаружил ни одной татарской сакмы, о чем и доложил государю. После получения сообщения о недостоверности прежних сведений, со всей остротой встал вопрос о полной реорганизации сторожевой и станичной службы. Указ о разработке нового порядка охраны границ последовал 1 января 1571 г.

К этому времени на южном и юго-восточном рубежах несли службу 73 сторожи, разделенные на 12 разрядов. Однако расстановка их, а также отношение сторожей и станичников к своим обязанностям, в условиях участвовавших татарских нападений, перестала удовлетворять московские власти.

В соответствии с царским указом от 7 января 1571 г., разосланным по городам разрядным дьяком Андреем Клобуковым, в Москву вызвали по хранившимся в приказных канцеляриях «станичным спискам» станичных голов и вожей, «которые ездят из Путивля, и с Тулы, и с Рязани, и из Мещеры и из иных украинских городов и из Северы в станицах на поле к розным урочищам, и преж сего езживали лет за десять и за пятнадцать» и сторожа, несшие дозорную службу в «поле». Кроме того, были вызваны старые и увечные ратники, имевшие богатый опыт несения сторожевой службы (всего около 2000 человек). В конце января – начале февраля 1571 г. все они прибыли в Москву. С их помощью и разрабатывался «Приговор», датированный 16 февраля 1571 г. Грандиозную работу по подготовке первого в России пограничного устава возглавил известный военачальник князь Михаил Васильевич Воротынский, которому указом от 1 января поручалось «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы польские службы».

Со слов собранных знатоков «польских служб», дьяки составили подробные «росписи» с обозначением, «из которого города и по которым местом и до коих мест пригоже станицам ездити, и в которых местех сторожем на сторожах стояти и до коих мест на которую сторону от которые сторожи розъездом бывати, и в которых местех головам на поле стояти для береженья от приходу воинских людей, и из которых городов и по кольку человек с которою головою и каким людем на государеве службе быти не безвестну и воинские б люди на государевы украины безвестно не приходили».

Не ограничившись информацией, поступившей от станичных голов и вожей, М.И. Воротынский направил «на Поле» для проверки и уточнения собранных сведений своих помощников, которые должны были определить, где впредь «головам для береженья стояти и сторожам на сторожах быти». На Крымскую «украину» послали князя Михаила Васильевича Тюфякина и Матвея Ивановича Дьяка Ржевского, на Ногайскую сторону – Юрия Булгакова и Бориса Хохлова. Вместе с ними на границу были отправлены сведущие люди: станичные головы, станичники, вожи, сторожа, а также дети боярские, атаманы и казаки из украинских городов.

В результате проделанной работы был составлен «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», на долгие годы определивший порядок организации охраны и обороны южных и юго-восточных границ страны.

Документ датирован 16 февраля 1571 (7079) г. Поражают уже первые его строки, где вполне стандартное упоминание о «приказе» царя Ивана IV Васильевича дополнено указанием на участие в самом совещании и в выработке принятого на нем решения («приговора») станичных голов из детей боярских. В центре внимания был вопрос «о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мещерских станицах (дозорных подвижных отрядах, высылавшихся в степь за пределы русских границ. – *В.В.*) и о всех украинских о дальних и о ближних и о месячных сторожах и о сторожех» и об организации надежной службы на поставленных на «Поле» постах и заставах. Для решения его надо определить и утвердить, «из которого города к которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездити, и на которых сторожах и из которых городов и по кольку человек сторожей на которой стороже ставити, которые б сторожи были усторожливы от крымские и от ногайские стороны, где б было государеву делу прибыльнее и государевых украинам было бережнее, чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили».

Были составлены точные инструкции, обязательные для всех посылаемых на службу в «Поле» сторожей и станичников. Прежде всего, от них требовалось соблюдение крайней осторожности и бдительности. Дозорные обязаны были, прибыв на свой пост, стоять на сторожах, «с конь не сседа, переменясь, и ездити по урочищам, переменясь же, на право и на лево по два человека по наказом, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делати, а огни класть не в одном месте; коли каша сварити, и тогда огня в одном месте не класти двожды; а в коем месте кто полднивал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдневати. А в лесах им не ставитца, а ставитца им в таких местех, где б было усторожливо. А где, которые станичники или сторожи воинских людей подстерегут, и станичиком с теми вестми посылати в государевы в украинные города, в которые ближе, своих товарищев, а самим, сзади [неприятельских воинских] людей на сакмы ездити и по сакмом и по станом людей исмечати, а ездив по сакмам и сметив людей, да с теми вестми и в другой отослати ж своих товарищев в те же города, в которые ближе, а велети ехати, покиня тех [неприятельских воинских] людей вправо или влеве, которыми дорогами поближе, чтоб перед воинскими людьми в государевы украинные города весть была ранее, не близко перед ними. А которые головы и сторожи у них на праве или на леве стоят, и им к тем головам и к сторожем с вестью от себя отсылати ж». Всем сторожам самым строгим образом наказывалось хранить втайне расположение порубежных застав и постов, бдительно нести свою службу.

Малейшая оплошность или небрежность станичников и сторожей во время пребывания на службе в степи была чревата тяжелейшими последствиями. В связи с этим составители приговора определили наказание для тех дозорных, из-за ошибочных действий или злого умысла которых организации дозорной службы был бы нанесен какой-либо ущерб. В прежние времена самым распространенным проступком караульщиков являлось оставление ими поста до прибытия смены. Теперь сторожа и станичники должны были оставаться на заставах, даже в тех случаях, если сменные дозоры запаздывали с приездом. Оголять границу запрещалось, поэтому служилые люди, захотевшие, «не дождавса себе отмены», покинуть заставу, должны были помнить, что если в «в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война», то они подлежали строжайшему наказанию – смертной казни («тем сторожем от государя, царя и великого князя быти казненым смертью»). И в мирное время те, кто покидал сторожи до смены, подвергались наказанию: для острастки другим ослушникам их били кнутом, часто физические меры наказания дополнялись денежным начетом. Штрафовали и тех служилых людей, которые опаздывали на смену. Собранные с них деньги шли в пользу тех, кто выполнял в это время их служебные обязанности. «А которые сторожи на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на обмену в те дни к ним не приедут, и на тех сторожах за ослушание имати тем сторожем, которые за них через свой срок лишние дни перестоят, по полуполтине на человека на день».

Воеводам, отправлявшим дозорных людей в степь, надлежало тщательно готовить их к службе, прежде всего проверяя коней, от резвости и выносливости которых часто зависела не только судьба станичника, но и всего порубежного края. Сторожа должны были ездить в «Поле» «о двуконь»

и на лошадях, способных уйти от татарского преследования.

Приговор был дополнен перечислением сроков высылки в степь станиц, обязанных с весны и до поздней осени ездить из Путивля или из Рыльска:

«Первой станице ехати на поле с весны, апреля месяца в 1-й д[ень]. Другой станице ехати апреля в 15 д[ень]. Другой станице ехати апреля в 15 д[ень]; третьей станице ехати мая в 1 д[ень].; четвертой станице ехати мая в 15 д[ень]; пятой станице ехати июня в 1 д[ень]; шестой станице ехати июня в 15 д[ень]; седьмой станице ехати июля в 1 д[ень]; осмой станице ехати июля в 15 д[ень] А вдругоряд ехати первой станице августа в 1 д[ень]; а другой станице ехати августа в 15 д[ень]; третьей станице ехати сентября в 1 д[ень]; четвертой станице ехати сентября в 15 д[ень]; пятой станице ехати октября в 1 д[ень];

шестой станице ехати октября в 15 д[ень]; седьмой станице ехати ноября в 1 д[ень]; осмой станице ехати ноября в 15 д[ень]. А будет надобет еще ездить станицам, будет еще снега не укинут, и станичников посылать потому ж рочсчитая. А посылати по две станицы на месяц, меж станиц пропускать по две недели со днем». Столь точный график высылки в степь дозорных отрядов исключал случайности, подстерегавшие эти разъезды. Возвращающиеся станицы сообщали подробные сведения о ситуации в «Поле».

Станичная служба дополнялась сторожевой. Она также подробно регламентировалась составителями Приговора. Первая посылка на сторожи происходила 1 апреля. В этот день отправлялись воинские люди на донецкие сторожи. Как и станичники, они высылались из Путивля или Рыльска. На службе сторожа находились 6 недель (учитывая время проезда к заставному месту), после чего им на смену прибывал другой дозорный отряд.

Сторожевую службу несли в три смены («статьи»). После того, как последняя из них выстаивала положенный срок (6 недель), в «Поле» вновь отправлялась первая «статья», но на этот раз она находилась на заставе и в разъездах всего месяц. По четыре недели стояли во второй раз на сторожах вторая и третья «статьи». На дальние посты, например на донецкие сторожи, отправлялись заставы из 6 человек, 3 сторожа – из Путивля, 3 – из Рыльска. На ближние путивльские сторожи высылалось 2 – 4 человека. Наиболее опасными считались станицы на Дону, Сосне, Трудах и Красивой Мече, на некоторые из которых посылались дозорные отряды из 10 человек, по 2 сторожа из Данкова, Елифани, Дедилова, Новосили и Мценска. Сторожа должны были «беречь» достаточно протяженные участки «Поля», достигавшие 30-50 верст.

В отличие от сторожей, охранявших определенный участок степи, станичные разъезды вели наблюдение за всем прилегающим к русскому рубежу степным пространством, следуя предписанными им маршрутами. Возглавляли станицы, как правило, опытные в порубежной военной службе дети боярские. В подчинении у них находилось несколько станичников, количество которых менялось в зависимости от пути следования разъезда. К Волге и на Айдар отправлялись станицы из 6 человек, «а где ближе, по четыре человека». Рядовыми станичниками сначала были дети боярские «малых статей», затем замененные несущими конную службу казаками из порубежных городов (Данкова, Елифани, Дедилова и Крапивны), несущими на границе конную службу.

При обнаружении приближения вражеских отрядов станичный голова или его помощники обязаны были немедленно послать вестовщика в ближайший «украинный» город, чтобы оповестить его жителей и власти о приближении татар. В свою очередь голова, с другими станичниками, находясь в тылу («сзади») приближавшегося противника и разъезжая по его «сакмам», должен был точно определить («сметить») численность вражеского войска или отряда. Все вновь добытые сведения станичник через товарищей доставлял в ближайший город. Одновременно данные о маршруте и численности противника сообщались находившимся поблизости станичным разъездам и сторожевым заставам. Если войско противника было большим, обнаружившие врага станицы и сторожи снимались со своих постов и объединялись в отряды с другими дозорными отрядами для совместных действий в тылу и на флангах прорывающегося через русскую границу неприятеля. Все же и в этом случае главной задачей русских пограничников оставалась разведка сил и намерений противника.

Собрав достаточные сведения о численности татарских или ногайских отрядов и направлении их движения, станичники спешно «бежали» с вестями к тем городам, куда они держал путь. То же самое делали служилые люди, посланные на сторожи. За сообщенные сведения пограничники несли особую ответственность. Стараясь укрепить дисциплину среди станичников и заставных людей, правительство неукоснительно взыскивало с них за любые упущения и нарушения. Так, 16 сентября 1622 г. пронский воевода князь Григорий Андреевич Волконский сообщил в Москву о самовольном «съезде без перемены» с «полевой» сторожи на Волосовке пронского казака Гришки Семенова.

Центральные власти отреагировали почти мгновенно. Уже 23 сентября последовал указ: учинить виновному наказание, «бить батоги нещадно», после чего отдать на поруки товарищам. Другой известный случай произошел после неожиданного нападения татарского войска царевича Гази-Гирея на рыльские и курские места в декабре 1645 г. В результате тщательно проведенного зимой 1645/1646 гг., расследования, было установлено, что прорыв неприятеля через границу стал возможным из-за небрежного отношения к службе станичного головы Д. Шеховцева; виновный «за воровство» был подвергнут тяжелому телесному наказанию.

Основы защиты южных границ, заложенные при активном участии боярина Михаила Ивановича Воротынского, совершенствовались и в дальнейшем. В том же 1571 г. в результате тщательного изучения расстановки сторож и станиц, расположение ряда постов было изменено. Была снята Айдарская сторожа «по княж Михайлову дозору Тюфякина да Матфея Дияка Ржевского», находившаяся вдалеке от обычных татарских дорог на Русь. Необходимость постоянного внимания к положению дел на южных «украиннах» связана была с продолжающимися здесь нападениями крымских и ногайских орд. Мероприятия русского правительства, направленные на укрепление границы, не остались незамеченными противником. Шедшие на Русь татарские войска вынуждены были менять маршруты, их передовые отряды стремились перехватить и уничтожить русские дозоры в степи. В 1579 г. в Москве вновь собрались станичные головы, которые в «распросе» у боярина Никиты Романовича Юрьева сообщили, что противник легко прорывается через рубеж Калмиусским шляхом и существующими «проезжими станицами тое дороги уберечи не мочно». Правительство приняло к сведению это обстоятельство и «приговорило» прикрыть опасный участок границы усиленными станицами, доведя их численность до 50 человек.

Новые изменения в системе охраны южного порубежья назрели в середине 80-х гг. XVI в. В 1585 г. были основаны города Ливны и Воронеж, а назначенным в них «годоватъ» воеводам были даны росписи, с требованием учреждения новых сторож. Ранее Северное Подонье находилось в зоне ответственности пограничных городов Рязанской земли: Переяславля-Рязанского, Шацка, Ряжска, Данкова, высылавших туда редкие сторожи. Постройка новых крепостей, в особенности Ливен и Воронежа, улучшила ситуацию на Верхнем Дону. Из Ливен на сторожевую службу выезжало 13 степных караулов. Согласно первой росписи воронежских сторож 1587 г. на «Поле» высылались 12 сторож, перекрывших границу на 200 верст от устья Чамлыка до Котельского леса. В 1623 г. воронежские места охраняли уже 18 конных застав. Тогда же было увеличено число ливенских сторож за счет караулов, которые должны были охранять границу от нападений днепровских «черкас». После восстановления на р. Быстрой Сосне города Ельца (1591-1592 гг.) сторожи стали высылаться и из этой крепости. Очень скоро организация сторож на южном рубеже претерпела ряд важных изменений. Об этом упоминается в сохранившейся в ряде частных разрядных книг грамоте ливенскому воеводе И.О. Полтеву, датированной 20 марта 1595 г. Если по Приговору 1571 г. стоялый голова с отрядом в 100 человек высылался «на Оскол усть Убли» из Дедилова, то теперь отряд высылался из новой крепости Ливны, расположенного гораздо ближе к району пасположения сторожевых постов. Местом нахождения отряда была определена та же река Оскол, но не близ устья Убли, а на Козиной поляне, «ниже Холка и Холани». Находясь здесь, стоялый голова должен был посылать разъезды, перекрывавшие не только Калмиусский, но и Муравский шлях, дорога до которого с Козиной поляны составляла два дня пути, а также все ближайшие «перелазы» через степные реки. В подчинении стоялого головы находился большой отряд: не 100 человек, как требовал Приговор 1571 г., а 300 служилых людей. По царскому указу на Оскол выступало 100 местных детей боярских, 100 детей боярских «из городов», 250 станичников (5 станиц по 50 человек) и 50 ливенских казаков, также вооруженных пищальями. Такому крупному отряду, по силам было решать и более сложные задачи. Он мог не только нести дозорную службу, но и более успешно

перехватывать и уничтожать небольшие татарские отряды идущие в «войну» на Русь и с «полоном» из Руси. В эти же годы увеличилась численности станиц, ставшими менее уязвимыми от неожиданного нападения врага. Однако отдельные города продолжали высылать малые дозорные станицы. Так, в середине XVII в. все 6 хотмышских станиц состояли из 5 человек – головы и 4 ездоков, в Валуях в станичные дозоры посылали «по атаману, да по пяти человек ездоков», белгородские, оскольские и усердские станицы насчитывали по 10 человек. Столько же было служилых людей в «новоприборных» станицах, учрежденных в 1649 г. в Яблонове.

Организация станичной и сторожевой службы менялась и позднее. Наиболее значительные перемены произошли в 1624 г., когда новыми пограничными центрами на юге стали города Белгород и Оскол. Старые крепости Путивль и Рыльск, игравшие в XVI в. важную роль в обеспечении службы на «Поле», теперь оберегали литовскую «украину». (См. наказ путивльским воеводам: «А детей боярских путивльцов, черниговцов [и] курчан и атаманов, и казаков донских, и путивльских стрельцов и козаков и всяких служилых людей конных расписати им в сотни на отъезжая сторожи и посылати детей боярских и атаманов и козаков конных для береженья *на заставы от литовского рубежа*»). Между тем, ситуация на южной границе требовала привлечения дополнительных сил. Плачевное состояние укреплений Большой Черты привело к мобилизации на сторожевую службу служилых людей из городов, находившихся за засечной линией. Об этом свидетельствует сохранившаяся роспись мценских сторож 1629 г. Содержащиеся в нем сведения очень любопытны. Согласно росписи на службу из Мценска высылалось 9 сторож, которые, за исключением двух караулов, располагались на расстоянии в 100-120 верст от города. Оставшиеся сторожи также нельзя назвать ближними: 7-я сторожа стояла «на Долгом Колодезе», в 40 верстах, а 9-я сторожа в верховьях Олешан – в 30 верстах от Мценска. Показательно, что в пограничных городах заставы, выславшиеся на 20-50 верст, считались дальними, ближние несли службу в 2-15 верстах от своего города. Мценским властям для получения своевременных сведений о ситуации на «украинах», приходилось посылать сторожи на более дальние расстояния, что увеличивало опасность их перехвата противником. На всех «дальних и ближних» мценских сторожах находилось по 4 сторожа. В Белгороде в 1629 г. границу прикрывало 18 постов.

В 30-40-х гг. XVII в. охрана границы еще более усилилась. Только в Белгороде в 1636 г. насчитывалось 40 (!) станиц (в каждой «по голове, да по сыну боярскому, да по 6 ч[еловек] ездоков, да по 2 ч[еловека] вожа»). Разъезды высылались в степь в две перемены. Первая находилась на службе «з Благовещеньева дни» (25 марта) по «Успенев день» (15 августа). Вторая – с «Успеньева дни» по «Филиппово заговенье» (14 ноября) и до больших снегов. Дальние и ближние подступы к Белгороду прикрывались 15 заставами-сторожами, стоявшими на Муравском, Бакаевом, Изюмском шляхах, на Ливенской, Волуйской, Северской и Царегородской дорогах. Сторожа сообщали о движении в Русь и из Руси «воинских людей». 4 сторожи из 15, находившиеся на верхнем и нижнем бродах реки Нежегали, на Северском Донце и на устье Весеницы, стерегли границу от прихода не только татарских отрядов, но и черкас. Число сторожей на белгородских заставах колебалось от 6 человек (8-я сторожа, находившаяся «на Нагайской стороне на Изюмском шляху, верх Кореня и Корочи», в 50 верстах от Белгорода) до 2 человек (5-я сторожа, выставявшаяся на Посадском поле «у Вязенитцкой дубровы», в 2 верстах от Белгорода). 6-я сторожа («на росстанях» в верховьях Липова Донца, в 40 верстах от Белгорода, по дороге к Курску) была «сместной» с курскими сторожами. В 1646 г. белгородские места оберегали 14 сторож, изменилось их расположение и число караульщиков. 1-я сторожа осталась «на Муравском шляхе, «вверх Угрима и Лапина», в 20 верстах от Белгорода, где раньше здесь стояло 4 дозорных, а теперь уже 6 человек. 2-я сторожа не изменила своего расположения. 3-я сторожа, стоявшая у «Смородинного колодезя», стала 4-й, а к реке Ворскле выдвинулась новая, ставшая 3-й, сторожа «на Карпове Сторожевье». Это была «сместная» сторожа, на которой находилось по 4 человека из Белгорода и Хотмышка. 5-я

сторожа, выдвигавшаяся к верховьям Липова Донца («на Муравском и на Бокаеве шляху, на ростонех») перестала быть «сместной» с курскими сторожами и теперь здесь несли службу 6 белгородцев. 6-я сторожа ранее называлась 4-й, 7-я – 5-й, 10 - 12-й, а 12-я – 10-й. Расположение других сторож изменилось. Сняты были ближние посты, освободившиеся заставы передвинулись к «Таплинскому рогу», устью «Зилинека», Стариковскому броду на реке Нежеголи. По-видимому, возможность внезапного выхода татарских отрядов на ближние подступы к Белгороду снизилась из-за постройки здесь новых укреплений, в связи с чем дозоры были отодвинуты в степи и представляли теперь не 3, а 2 радиуса сторожевых постов. Сходные процессы происходили и на других участках южной границы. В 1628 г. в Валуйках воевода Никита Александрович Чоглоков «учинил <...> дватцать четыре станицы сполна», разделив их на две сменные «половины». В 1640-х гг. рубежи оберегали 12 новосильских сторож, 2 пронские сторожи, по 2 сторожи из Корочи, Хотмышска и Верхсосенска, 17 ливенских, 10 оскольских, 5 усердских и 6 шацких сторож. В «Поле» высылались разъезды из Черни, Карачева, Курска, Путивля, Ольшанска, Орлова, Коротояка, Урыва, с 1649 г. из Яблонова, других новопостроенных городов. По наблюдению В.И. Кошелева, значительно плотнее стала сеть воронежских сторож. Их ставили теперь в местах, имевших не только естественные, но и искусственные преграды, как правило, в виде надолобов, что способствовало безопасности сторожей в случае внезапного нападения неприятеля на посты.

Увеличение числа степных караулов улучшило эффективность их действий, но сторожевая и станичная служба оставались очень опасными и требовали от сторожей и станичных «ездоков» постоянной боевой готовности. Удивительный случай произошел в 1639 г., когда в 3 верстах от реки Бурлук валуйская станица атамана Якова Жерлицына, состоявшая из 6 человек, была атакована шедшим на Русь татарским отрядом, численностью 600 человек. В бою крымцы разгромили русский разъезд и «с лошадей збили». В плен попало двое станичников – атаман Яков Жерлицын и ездок Тарас Гродин. Остальные ездоки Назар Леденев, Тихон Кочетыгов, Гаврила Кочкин и Александр Масловский от «татар ушли пеши», по-видимому, воспользовавшись какими-то природными укрытиями, что в другом случае было бы невозможно, учитывая громадный численный перевес врагов и потерю станичниками своих коней. Более того, они сравнительно быстро (уже на следующий день – 23 июля 1639 г.) добратлись до Валоек и известили воеводу Мелентия Квашнина о появлении неприятельского отряда на Изюмской сакме.

Во второй половине XVII в. цепь караульных и сторожевых постов на южной «украине» протянулась по всему рубежу плотной цепью. В 1670-1680-х гг. существование сторожевой охранной службы отмечено в 52 пограничных городах. Действия ее являлись достаточно эффективными, позволяя правительству контролировать ситуацию на одной из самых опасных границ.

В XVII в. помимо станиц и сторож на южной «украине», в непосредственной близости от порубежных городов выставлялись «сотни» - отряды, способные быстро поддержать действия станичников и сторожей и прикрыть их отход в случае вторжения больших масс противника, задержать его передовые части, позволив населению укрыться в крепостях и засечных убежищах. Сотни высылали только те города, где находились большие гарнизоны. Сохранились сведения о 3-х белгородских сотнях 1644 г., по 50 человек в каждой, и 3-х ливенских сотнях 1641 г., в которых несли службу по 150 детей боярских, переменявшихся ежедневно.

* * *

Станицы, сторожи и сотни составляли передовой рубеж русской обороны. Как правило, они не вступали в бой с татарами по собственной инициативе, а несли разведывательную, дозорную и заставную службу. Помимо перечисленных выше

обязанностей, высылаемые в степь разъезды совершали диверсионные действия, главным из которых было выжигание степных трав с целью уничтожения на широком пространстве корма для татарских лошадей. Поджигать степные травы станичники начинали осенью, «в октябре или в ноябре по заморозом как гораздо на поле трава посохнет, а снегов не дожидаясь, а дождався ведренные и сухие поры, чтоб ветер был от государевых украинных городов на польскую сторону или как будет пригож». При этом станичным головам строго-настрога наказывалось «блиско государевых украинных городов, лесов и лесных засек и всяких крепостей, которые в которых местех крепости учинены от приходу воинских людей беречи их от огня на крепко и блиско их огня не припускати и не обжигати». Несомненно, удачный пожар степной растительности затруднял действия неприятеля, задержая его, а иногда вынуждал отказаться от своих замыслов.

Получив сообщение о появлении в степи вражеских отрядов, воеводы пограничных городов немедленно сообщали о начавшемся набеге в Москву и соседние города, принимая меры к защите города и уездного населения. В случае военной тревоги им предписывалось заранее собрать в крепостях и острогах жителей своей округи, «з женами и детми, и со всякими животы», «чтоб уездных людей воинские люди не побиили и в полон не поимали». Помимо городов-крепостей прекрасным местом укрытия населения во время военной опасности служили заповедные засечные леса, укрепленные завалами и надолобами не только со стороны «Поля», но и с «русской» стороны.

Обеспечение надежной круговой обороны являлось одним из важнейших принципов строительства передовых засечных линий («Черт»). Они должны были преграждать татарам дорогу не только на Русь, но и из Руси. Все опорные пункты (города-крепости) на юге строились так, чтобы связать воедино состоявшую из нескольких рубежей линию пограничной обороны. Прекрасное знание местности, учет особенностей рельефа позволяли русским мастерам создавать надежные сооружения, представлявшие серьезные препятствия для действовавших в конном строю неприятельских войск. Большое засечное строительство велось в 1521-1566 г., когда была создана целая сеть засек, по словам А.И. Яковлева, «приведенных в связную и сплошную систему, охрана и поддержание которой были сделаны повинностью всего населения государства вообще и близ лежащих уездов в особенности». Предприятая В.П. Загоровским попытка опровергнуть мнение о «сплошной и связной» линии укреплений, основанная на утверждении, что засеки под Тулой, завершившие создание огромной «Черты», были устроены лишь в 90-х гг. XVI в. К этому выводу исследователь пришел анализируя данные писцовых книг – в отличие от других южнорусских уездов, писцовые книги Тульского уезда, не упоминают о засеках. Действительно в сводных описаниях городов и уездов Московского государства второй половины XVI в. о лесных завалах под Тулой ничего не сообщается, они упоминаются лишь в каширских, веневских и шацких местах. Тем не менее, о существовании тульских засек во второй половине XVI в. можно утверждать вполне определенно. О них говорилось в наказе воеводе С.В. Волынскому, восстанавливавшему тульские засеки в 1638 г. (в указанном документе сообщалось, что «засеки здесь были учинены при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии»). Но не только. Помимо этого важного свидетельства есть и другие. В.П. Загоровский не знал о существовании уникальной наказной памяти тульскому засечному голове Михаилу Колупаеву, ведавшему строительством здесь засек в середине XVI в. В 1554 г. под его руководством на возведении под Тулой засечных укреплений работало 1177 человек из Углича, Дмитрова, Зубцова, Твери и Белой. Этот факт самым решительным образом опровергает предположения Загоровского и подтверждает сложившееся в науке представление о формировании основных сооружений Большой засечной черты уже в 60-х гг. XVI в. Особенно напряженные работы велись на южных засеках в конце 1570-х гг., когда необходимость мобилизации больших воинских сил для войны в Прибалтике ослабила войсковое прикрытие крымского и ногайского рубежей. С целью координации действий засечной стражи, своевременной починки и восстановления укреплений,

привлечения к службе на них местного крестьянского населения в 1577 г. создается Засечный приказ, вскоре однако, упраздненный (как полагает С.М. Каштанов, до 1580 г., так как в этом году дьяк Засечного приказа Истома Евский значился в составе другого ведомства, но, возможно, его заменили другим приказным человеком, а ведавший засечным делом приказ просуществовал до конца Ливонской войны).

В 1598 г., по сообщению разрядных книг, южные рубежи прикрывала «21 засека, а мерою те засеки 590 верст и 17 сажений; а на них 31 ворота. А у тех засек воевод 11 да голов, дворян и детей боярских из городов лутчих 30 человек, да приказщиков 42 ч[еловека]; и всего воевод и голов и прикащиков 83 ч[еловека]. Да детей боярских полковых 78 ч[еловека], да детей же боярских конных с пищальми 247 ч[еловек]. Да татар и мордвы 790 ч[еловек]. Да стрельцов московских 330 ч[еловек]. да из городов стрельцов и казаков 460 ч[еловек]; и обоего стрельцов и казаков 790 человек. Да засечных сторожей 193 человека. И всего у засек всяких людей 1988 человек. Опричь сторожей засечных и опричь зборных людей».

Засечное строительство считалось общим делом. Леса, где проходила Черта, объявлялись заповедными. Рубить деревья в них запрещалось даже на засечные крепости, предписание «лес не сечь, опричь завалу» соблюдалось под страхом тяжких наказаний. Устройство засеки подчинялось определенным правилам, обобщавшим многолетний опыт оборонительного строительства. Стараясь замаскировать завал, лес начинали рубить не с опушек, а на значительном удалении от них, в лесной чаще, «возле старого лесного завалу по большому лесу». Подсекали деревья диаметром не менее 15 см., срубая их на высоте человеческого роста, «како человеку топором достать мочно», так, чтобы они падали вершиной «к Полю», в сторону противника, а комлем лежали на высоком пне. Иногда на пни поднимали все бревно, перегораживая таким барьером линию завала. В отдаточной росписи козельской Столпицкой засеки 1641 г. ее составителями Дорофеем Ивановичем Матовым, Андреем Григорьевичем Шепелевым и Борисом Максимовичем Воронцовым было особо подчеркнуто, что «на Столпицкой засеке <...> и лесной завал крепок, подниман на пенья». Упавшие крест-накрест деревья очищали от тонких ветвей, толстые сучья обрубали и заостряли. Иногда стволы крепили рогульками или кольями, что Такой усиливало непроходимость засеки для неприятельской конницы. Растащить такой завал было практически невозможно, а выжигать – чрезвычайно опасно для самих татар.

Засеки охраняли засечные головы и сторожа, в подчинение которым выделялись небольшие отряды служилых людей (городовых детей боярских, стрельцов и казаков) и местное население, собиравшееся на защиту укреплений со своим оружием по подворному раскладу. Так, в 1637 г. вместе с засечным головой Яковом Ивановичем Якушкиным на рязанской Красносельской засеке у Волчьих ворот было велено быть «Резанского уезду с сел и с деревень подымовным людем, с пищальми и со всякими бои: которые села и деревни около Красноселской засеки по пятнадцати верст и менши, с тех сел и с деревень с трех дворов по человеку; а которые села и деревни от засеки по двадцати пяти верст, с тех сел и с деревень с пяти дворов по человеку». С конца 1630-х годов к охране засек стали привлекаться солдаты и драгуны. В 1639 г. на Черте находилось несколько подразделений из полка А. Крафтера: по солдатской роте под началом капитанов стояло на тульских Столпицкой и Слободецкой засеках, по полуроте – на Дубенской и Кцынской засеках. Иногда для службы на засеках направляли московских пушкарей, в подчинении которых находились артиллеристы из других городов. В том же 1639 г. в Тулу было прислано 11 московских пушкарей, на Завитай и Щегловскую засеку - 16 их товарищей. К Потешским воротам отправился 1 артиллерист (Василий Чертенок), а в помощь ему прислали 2 «гремячинских пушкарей». Москвичу Юшке Гаврилову, состоявшему при «наряде» у Орловских ворот тульской Заупской засеки, помогали 3 крапивенских пушкаря. 2 артиллеристов из состава столичного гарнизона послали к Малиновым воротам, а еще 1 - в Дедилов.

Правительство придавало большое значение засечной службе, строго спрашивая за нарушения ее порядка даже с воевод. 17 мая 1629 г. назначенный на рязанскую Вожскую засеку засечный голова Изот Толстой и товарищ воеводы города Переяславля-Рязанского Иван Благово сообщили в Москву «о непослушании» воеводы князя Андрея Солнцева царскому указу. Он должен был организовать сбор с «Рязанского уезда с сел и деревень» подымных людей «с пищалями и со всяким боем» по определенной норме: «с деревень, которыя от Вожской засеки не дальше пятнатати верст – с трех дворов по человеку, а дальше до двадцати пяти верст – по человеку с пяти дворов», но не выполнил данного распоряжения. Сообщение о проступке А.Солнцева вызвало быструю реакцию – спустя 8 дней после написания доноса, из Москвы в Переяславль-Рязанский воеводе направили грамоту, с сообщением о том, что, мешая И. Толстому организовать оборону на засеках, он «делает не гораздо». Ему пригрозили тяжким наказанием в том случае, если дело защиты пограничного рубежа пострадает. Засечной страже полагалось нести службу на Черте «безотступно», однако суровая необходимость часто вынуждала местные власти отступить от этого правила. В 1622 г. 22 засечных сторожа арзамасской Пузской засеки жаловались в Москву, что, несмотря на царский указ не отъезжать от засеки, их постоянно посылают на отъезжие караулы и в проезжие станицы, а также на другие службы «в Орзамас и в уезды». Челобитную арзамасских засечных сторожей рассмотрел в Пушкарском приказе и Разряде, в результате чего их освободили от обременительной караульной и станичной службы.

О приближении татарской войны жителей пограничной полосы извещали высылавшиеся в степь станицы и сторожи, однако, учитывая возможность гибели или «оплошки» станичников и сторожей, на засечной Черте существовала своя дозорная служба. Наблюдательные пункты устраивались на близлежащих сторожевых курганах и на высоких деревьях. Непременным условием при расстановке караулов являлось наличие хорошего обзора окружающей местности: «чтобы видеть было с тех сторож в дальние места». В опасное летнее время на этих постах находились сменные караульщики, в случае появления неприятеля зажигавшие кузовы «с берестюю и смолюю», оповещая окрестное население и сторожевые отряды русской конницы «про приход воинских людей». По всей укрепленной линии помимо сигнальной действовала постоянная конная связь.

На открытых безлесных пространствах засеки дополнялись укреплениями – «надолобами», рвами и валами, ловушками, острогами, земляными башнями-бастионами.

По мнению С.Л. Марголина, преобладающее значение в системе военно-инженерного прикрытия русской границы имели лесные завалы. С этим утверждением не согласился А.В. Никитин, считавший, что главную роль в обороне страны играли укрепления на дорогах и в наиболее опасных местах, «лесные же завалы хотя и занимали большую часть пространства, но были только дополнительными укреплениями, созданными в местах проникновения татар через засеку». В данном случае исследователь противоречит собственному выводу о том, что в устройстве Черты именно лесные завалы занимали большую часть пространства. Учитывая высочайшую маневренность татарских войск это обстоятельство имело исключительно важное значение. Но доля истины в словах Никитина есть. Зная о засеках, татары старались прорываться на безлесных участках границы, которые следовало укреплять особенно надежно.

Наиболее уязвимым в этом отношении считался район, непосредственно примыкавший к Туле, где вообще не было лесов. Для прикрытия города и уезда со стороны «Поля» здесь была построена сплошная полоса укреплений, получившая название «Завитай». Она протянулась от Малиновой до Щегловской засек на расстояние, более 10 верст. В фортификационном отношении «Завитай» представлял собой ров и насыпной вал, на котором устанавливались плетенные и набитые землей туры, позволяющие защитникам укрыться «от пищальные и от лучные стрелбы». Всего «по всему Завитаю по верху» было поставлено 1877 туров. Опорными пунктами обороны являлись земляные башни, где устанавливалась артиллерия. В 1638 г. на «Завитае» находилось 30 башен, в 1641 – 22

башни, остатки которых были изучены А.В. Никитиным. Он установил, что упомянутые башни представляли собой земляные укрепления двух типов – капониров (16 малых башен) и бастионов (6 больших башен).

Эффективная сторожевая служба в сочетании со строительством засечных черт, выдвинувшихся от Оки на 600 км. в «Поле», способствовали восстановлению Воронежа (1596 г.) и Курска (1597 г.), а также более надежной охране развивавшихся очагов пашенного земледелия в запустевших от татарских вторжений лесостепных районах. В действиях, направленных против небольших татарских отрядов, важная роль отводилась взаимодействию отрядов, размещенных в пограничных городах. Воеводы близлежащих крепостей должны были ссылаться между собой, выступая в поход против прорывающихся через границу крымцев и ногайцев. Так, в 1629 г. новым путивльским воеводам Богдану Михайловичу Нагому и Петру Никитичу Бунакову предписали держать в Курске, Рыльске, Севске и Брянске вестовые станицы «з головами детей боярских, человека по три и по четыре, и по пять в станицы». В случае опасности головы должны были «бежать» в свой город «наспех <...> днем и ночью, чтобы воинские люди наперед вестовщиков к Путивлю безвестно не пришли и дурна какова над городом и над острогом украдом и оманом и ночным временем не учинили и уезду не поворовали». Получив известие о начавшемся набеге, первый воевода Б.М. Нагой оставался в Путивле, а второй воевода П.Н. Бунаков выступал на врага и, «сшодчися северских городов с воеводами и з головами на воинских людей на походах и на станех, и на перевозах, и в крепких местах приходити и, прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи, государевым царевым и вселикого князя Михаила Федоровича всеа Руси делом над ними промышляти, сколько милосердый Бог помочи подаст».

В начале XVII в. система сплошных укреплений по южному рубежу (Большая и Передовая засечные черты) была разрушена татарскими и ногайскими войсками и перестала выполнять оборонительные функции. Слабость фортификационного прикрытия крымской и ногайской «украин» стала особенно очевидной во время возобновившихся в начале 1630-х гг. татарских набегов.

В 1638 г. в ожидании нового татарского нападения, были спешно восстановлены Рязанские, Каширские, Веневская Веркушинская (Княжья), Тульские, Крапивенские, Одоевские, Лихвинские и Козельские засеки, входившие в систему Большой (Заоцкой) черты. В то же время на Шацкой, Ряжских, Перемышльских, Белевских, Корницкой (одна из 4 тульских) и Толкижской (одна из 4 лихвинских) засеках, находившихся на второстепенных направлениях, работы в этом году не велись.

Тогда же правительство, согласно специально разработанному плану, приступило к сооружению новых оборонительных линий, располагавшихся значительно южнее старых засечных «крепостей». В 1635-1653 гг. сооружается Белгородская черта, связавшая новые порубежные города Ахтырка, Белгород, Ольшанск, Воронеж, Оскол, Козлов, Тамбов, Карпов, Талицкий острог, Яблонов, Верхний и Нижний Ломов, Короча, Усть-Чернавск, Вольный, Хотмышск, Усерд, Острогожск, Нежегольск, Усмань и др. Она состояла из 5 больших земляных валов по 30-35 верст каждый (Карповско-Белгородский, Яблоновский, Новоскольский, Усманский, Козловский) и более 20 малых валов. Белгородская укрепленная линия протянулась почти на 800 верст от реки Ворсклы до реки Челновой. На новой Черте располагались войска прикрытия, сюда перевели часть засечных сторожей со старых укреплений. Об этом совершенно определенно упоминается в «Памяти окольничему князю Андрею Федоровичу Мосальскому-Литвинову и дьякам Степану Угоцкому и Саве Самсонову об отправлении огнестрельного снаряда в новопостроенный город Тамбов», датированной 21 февраля 1636 г. В документе сообщается о посылке на новую линию половины засечных сторожей «от Шацкия старья засеки».

Засечное строительство на русских рубежах продолжалось и позднее. В 1647-1654 гг. в Среднем Поволжье были возведены укрепления Корсунской, Атемарской, Потишской, Инсарской и Засурской засек, составивших Симбирскую черту. В 1652 г.

приступили к строительству Закамской линии, ставшей продолжением Симбирских засек. Здесь в качестве опорных пунктов возводятся крепости Юшанец, Тагай, Урень (Уренск), Корсунь, Атемар, Сурск, Потышск, Инсарск, Рамзай, Тальск, Мензелинск, Заинск, Старо-Шеминск, Ново-Шеминск, Билярск, Тиинск и Ерыклинск.

Факты, приведенные в 1-й части нашей работы, показывают, что сложившаяся к середине XVII в. система пограничных укрепленных линий-черт была достаточно эффективной. После восстановительных работ на старых засеках и сооружения новых рубежей обороны, граница стала труднопреодолимой для татарской конницы. Поэтому известное утверждение В.П. Загоровского о сомнительных достоинствах московской обороны при огромном размахе строительных работ на рубежах является в корне неверным.

В XVII в. основные силы порубежных русских войск располагались за пределами засечной черты - в городах-крепостях Одоеве, Крапивне, Туле, Веневе, Мценске, то есть по старой границе. Непосредственно на засеках несли разведывательную и охранную службу немногочисленные гарнизоны, составленные из засечных голов, приказчиков и сторожей, а также выделенных им на подмогу отрядов детей боярских «меньших статей», стрельцов и казаков. На засеки должны были становиться и «уездные люди с десяти дворов по человеку». В случае прихода крымских или ногайских отрядов засечные головы оповещали воевод, командовавших крупными соединениями, о численности напавших врагов и направлении их движения, стремясь задержать татарскую конницу на Черте. Пользуясь этим, крупные силы стягивались к месту прорыва, а в случае его осуществления командовавшие операцией воеводы старались окружить прорвавшиеся отряды татар и ликвидировать их. Прилагались все усилия, чтобы отбить захваченный «полон» и не выпустить противника обратно. Благодаря подобной системе организации обороны крымские татары, потерпевшие в 1640-х гг. на русской границе ряд серьезных поражений, во второй половине XVII в. прекратили набеги на Московское государство.

Естественные «крепости» (реки, озера, заповедные леса) русские воины, прикрывавшие границу старались укрепить дополнительными сооружениями. Необходимость создания сплошной Черты вынуждала приставленных к засечному делу воевод и голов использовать любую возможность для постройки препятствий, позволяющих остановить или задержать наступление неприятеля. С этой целью в лесах устраивались завалы («заповеди», «засеки»), на безлесных местах насыпались валы, делались рвы, устанавливались надолбы и частоколы («частики»), строились стоялые и жилые остроги. «Перелазы» (переправы) перегораживали острыми кольями, забиваемыми в дно реки, «наплавными бревнами» с острыми дубовыми гвоздями, которые притапливали в воду на глубину 4 пяди (76 см). На татарских «сакмах» устраивали ямы-ловушки, о устройстве которых подробно рассказывается в описании новопостроенного в 1637 (7145) г. города Усерда и близлежащих острожков, где проходила Калмиусская сакма, уходящая за р. Сосну. Именно здесь, в «тесных местах», в 5 рядов были выкопаны ямы-ловушки, каждая 5 пядей (95 см) глубиной и 3 пяди (57 см) шириной. В ямах поставили острые дубовые колья. Предназначались такие ямы для порчи татарских коней.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ

На протяжении изучаемого периода пристальное внимание правительства привлекали не только южные, но также литовский и немецкий рубежи страны. Защиту пограничных уездов обеспечивали крепости, возводившиеся на труднопреодолимых водоразделах, на торных дорогах, окруженных лесными чащобами, болотами и другими естественными преградами. Прорваться в обход таких крепостей противник, как правило, не пытался, стараясь овладеть расположенными на границе городами, разоряя их

окрестности и продвигаясь во внутренние районы Московского государства. В противном случае армиям вторжения грозил неожиданный удар в спину со стороны гарнизонов незахваченных пограничных укреплений. Учитывая боевые возможности литовских, польских, ливонских и шведских армий, оснащенных артиллерией, владеющей техникой ведения осадных работ, крепости на западных и северо-западных рубежах укрепляли особенно тщательно. Важными опорными пунктами являлись монастыри. По словам Котошихина во всех «болших каменных монастырях для осадного времени пушки и пушечные всякие запасы, и всякое осадное оружие царское». В XVII в. «наряд» находился в Соловецком, Псково-Печерском, Кирилло-Белозерском, серпуховских Владыченском и Соцком, суздальском Спасо-Евфимьевском и Спасо-Ярославском монастырях. Прочность некоторых монастырских укреплений не уступала городским. В военное время они могли противостоять большим армиям и корпусам. Важнейшую роль в военных действиях на последнем этапе Ливонской войны сыграла оборона в 1581 г. Псково-Печерского монастыря. Польским артиллеристам удалось разрушить часть монастырской стены, но во время штурма обители 28 октября 300 стрельцов защищавших обитель нанесли противнику ощутимые потери и вынудили его к отступлению. В годы Смутного времени произошла героическая оборона Троице-Сергиева монастыря, продолжавшаяся в течение 16 месяцев. 2-тысячный гарнизон обители был блокирован 15-тысячным войском польских военачальников Я. Сапеги и А. Лисовского, но не покорился врагу. Защитники монастыря отбили 6 общих штурмов, понесли значительные потери (численность гарнизона за время осады сократилась в 3 раза), однако смогли продержаться до подхода к монастырю армии М.В. Скопина-Шуйского.

В XV-XVI в. на западных и северо-западных русских рубежах сплошной линии обороны не существовало. Границу надежно прикрывала цепь мощных каменных крепостей, способных остановить или надолго задержать вражеские армии. Прежде всего укреплялись псковские города, находившиеся на направлении главного удара немецких и литовских армий. Важнейшими твердынями на этом рубеже были Псков, Изборск, Остров, Гдов. Долгое время хорошо защищенной Псковской землей как щитом пользовалось Новгородское государство, считая излишним укрепление своих западных границ в местах соприкосновения с псковскими пригородами. Основное внимание новгородцев было приковано к северному немецкому и шведскому рубежам, где они выстроили «каменные города» Ладогу, Орешек, Корелу, Копорье, Тиверский городок и Ямгород. Перечисленные крепости стояли на важных стратегических путях, ведущих вглубь Новгородской земли. Копорье прикрывало Водскую дорогу, позднее с усилением контактов с Прибалтикой на этом же направлении на реке Луге был построен Ям-город. Путь в Карелию, Каянскую землю и к Выборгу защищали Корела и Орешек. Невско-Ладожско-Волховский озерно-речной путь стерегли Орешек, возведенный на небольшом острове в истоке Невы у Ладожского озера, и Ладога, построенная на мысе, образованном реками Волховом и Ладожкой. Со стороны Литвы новгородскую границу прикрывали каменная крепость Порхов и деревянные города Великие Луки, Старая Руса и Холм. После присоединения Новгородской земли к Московскому государству указанные крепости подверглись существенной реконструкции, усилившей их в военном отношении. В дополнение к существующим был построен ряд укрепленных городов. «На Девичьи горе противу города Ругодива Немецкого» - Ивангород. Первое укрепление, так называемая «четвероугольная крепость», возводится здесь в 1492 г.; к этому сооружению впоследствии пристроили «Большой Боярский город» (по документам XVI в. – «Большой город»), «Замок» (по документам XVI в. – «Вышгород»), «Передний город» (по документам XVI в. – «Новый каменный город» или «Средний город») и горнверк (по документам XVI в. – «Земляной город»). После возведения Ивангорода эта крепость включается в оборонительное полукольцо псковских форпостов, прикрывавших русские границы со стороны Швеции и Ливонии. В первой половине XVI в. укрепляется литовский рубеж. Здесь строятся города Себеж (1535) и Велиж (1536).

В XVII в. литовский и «свейский» рубежи Московского государства прикрывала цепь отъезжих сторож, застав и станиц, составлявших первую линию русской обороны. Правительственные указы тех лет полны напоминаний воеводам о необходимости организации надежной защиты вверенных им городов и уездов. Особенно актуальной эта задача становилась в военное время. Так, в октябре 1633 г. в наказе псковским воеводам князю Федору Андреевичу Елецкому и Дмитрию Евфимьевичу Воейкову и состоявшим при них дьякам Ивану Ларионову и Матвею Федорову власти настойчиво требовали жить «с великим береженьем неоплошно», указывали на необходимость посылки конных людей «на вести по городом». Опасаясь возможного нападения врага, инструкция предписывала Ф.А. Елецкому и Д.Е. Воейкову «в подъезды по дорогам» посылать «станции частые», которые должны были «вестей про литовских людей и про черкас» проводить «всякими обычайи накрепко». Воеводы приказывалось организовать дозорную службу в Пскове и уезде – «сторожи б по городу и отъезжие в день и в ночь стояли беспрестанно». Поводом к требованию повышения бдительности и усиления внимания к организации сторожевой и станичной службы, стал захват литовцами и черкасами южной пограничной крепости Валуйки, произошедшей, как особо подчеркивалось в наказе, из-за небрежения местного воеводы Ивана Колтовского.

На рубеже стояли заставы, состоявшие из стрельцов, казаков, иногда дворян и детей боярских. Существовали некоторые различия между заставами от «свейского» рубежа, выставлявшимися из Новгорода и Ладogi, и «литовского» рубежа, где несли службу заставщики из Великих Лук. Отличия были отмечены еще Н.Н. Оглобиным. Прежде всего бросаются в глаза разные сроки «перемены» служилых людей. Если на русско-шведской границе некоторые заставы могли находиться по году, то на русско-польской – не более 3 недель. Службу на новгородских и ладожских заставах несли стрельцы, подчинявшиеся заставным головам. К сожалению, до нас дошли росписи застав достаточно позднего времени – так первый список пограничных караулов на «Свейском» рубеже относится к 1666 г. Однако, несомненно они находились здесь и раньше, а тот факт, что в 1692 и 1693 гг. заставы стояли в тех же местах, что и за 30 лет до этого, позволяет считать, что там же располагались посты и в первой половине XVII в. Они были установлены, по-видимому, по новой пограничной линии после Столбовского мира 1617 г. Застав в этих местах насчитывалось немного, все они являлись стационарными постами, некоторые из них были укреплены и в документах именовались острожками. Приведем краткий перечень застав 1666 г.:

Расположение заставы	Расстояние от Новгорода или других пунктов	Численность	Голова	Срок «перемены»
Тесовский острожек	50 верст от Новгорода	10 стрельцов	Кн. И.Г. Елецкий	1 год.
Деревня Онежицы	4 версты от Тесовского острожка	4 стрельца	А. Муравьев	1 год
Ильинский Тигодский погост	100 верст от Новгорода	3 стрельца	Ф.П. Гурьев	1 год
Деревня Перечицы	85 верст от Новгорода	5 стрельцов	Имя не указано	-
Деревня Накля на р. Луге	90 верст от Новгорода	2 стрельца	-	-
Острожек на р. Лавуе	220 верст от Новгорода; 40 верст от Ладogi	22 стрельца	-	2 недели

«На Волховском и на Сяськом устьях»	200 верст от Новгорода; 15 верст от Ладоги	5 стрельцов	-	2 недели, «переменяются» из Ладоги.
-------------------------------------	--	-------------	---	-------------------------------------

С 20-х гг. и до середины XVII в. «свейская украйна» Московского государства была самым спокойным русским рубежом. После Смутного времени Швеция стала стратегическим союзником России, поддерживавшим антипольскую позицию Москвы. Главной проблемой, осложнявшей русско-шведские отношения, являлась проблема перебежчиков. Задержание их стало главной обязанностью стоявших на заставах служилых людей. Так, в 1649 г. в наказе воеводе Иванису Кайсарову об управлении Сумерской и Старопольской волостями Старорусского уезда предписывалось «учинить от рубежа Свейского королевства заставу, и велеть беречь того накрепко, чтоб из Российского государства в Свейское королевство, а из Свейского королевства в Российское государство, перебежчиков никого не было». На пограничную службу И. Кайсаров обязан был высылать «Сумерские волости салдат, сколько человек пригоже; а однолично заставу ведать с великим береженьем».

Более опасным представлялся московским властям «Литовский рубеж». Стационарных застав, размещавшихся в приграничных селениях, здесь не было. О месте их расположения, составе и числе заставщиков можно судить по росписи застав, высылавшихся из города Великие Луки в 1650 г. На рубеже в определенных «урочищах» стояло тогда 11 караулов. Службу на них несли «дворяне и дети боярские луцкие помещики и луцкие казаки и стрельцы, с переменами». Срок «перемены» для всех постов был одинаков – 3 недели. Самая дальняя застава стояла «на Пожогах» в 90 верстах от Великих Лук, где службу несло 9 заставщиков. 2 заставы находились в 70 верстах, еще две – в 60 и 50 верстах от города. Остальные караулы стояли в 15-40 верстах, число служилых людей там колебалось в пределах 6-8 человек.

Важной обязанностью находившихся на заставах служилых людей являлся сбор сведений о намерениях неприятеля. От их точности и своевременной доставки часто зависел исход назревавшего противостояния. Так, в начале июля 1609 г. заставщик Иванко Жидовинов сообщил смоленскому воеводе М.Б. Шеину о том, что «пан де Олександро Госевской из-под Белой умышляет идти с воровскими людьми под Смоленск, с нрядом, на две дороги. Да пан же Олександро присылал крестьян Велижского повета в Щючейскую волость, к крестьяном, с грозами, а приказывает Щучейским крестьяном: «живите за мною, не бойтесь, от нас войны вам не будет; а которые крестьяне Щюческой волости не имут за нами жити, и нам де их хлеб жати, и их воевати, и нигде им от моих литовских людей не избыти». Благодаря этим известиям смоленские власти смогли укрепить город и подготовиться к осаде, надолго задержать под его стенами польскую армию.

* * *

Большое внимание уделялось разведке планов и сил противника. Сюр сведений о происходивших за пределами страны событиях вменялся в обязанность всем находившимся на границе служилым людям. Однако очень часто информации, полученной от купцов и порубежных жителей не хватало. Потому власти пограничных городов, по приказу вышестоящего начальства, занимались проведением разведывательных операций. В некоторых дошедших до нас воеводских наказах сохранились подробные инструкции по организации разведки. Показательным примером служит наказ торопецкому воеводе Матвею Васильевичу Прозоровскому от 12 февраля 1628 г. Перед отправлявшимися за рубеж лазутчиками ставилась задача – «в порубежных городех про всякие вести проведывать подлинно, а про московские б ни про какие вести за рубежом никого ничего не сказывать; да что ему лазутчики, пришедши из порубежных городов, про какие вести

скажут, и ему о том о всем писать к государю подлинно». Составители наказа поясняли ниже, какие именно «вести за рубежом» более всего интересовали московское правительство: «Да и того ему за рубежом лазутчиками велеть проводывать подлинно ж, войны им до урочных лет с Московским государством не вчинать ли, и нет ли у них какого умышленья на Московское государство? И запорожские черкасы не в собраньи ли? И будет в собраньи, и в которых местех и для чего в собраньи? О том о всем велеть проводывать накрепко всякими обычай; а почылать им лазутчиков в порубежные города почасту, да что от лазутчиков вестей будет, и им про всякие вести писать к государю, а отписки о вестях велеть отдавать в Розряд, а о посольских делах и о ссылочных листах и о задорах писать в Посольской приказ, да и в Розряд о задорах же». Всех людей, отправляемых за рубеж с секретными поручениями, полагалось привести «государеву крестному целованью». Полученные после возвращения разведчиков сведения М.В. Прозоровский обязан был сообщать в Москву и воеводам соседних городов, «куды пригож, смотря по вестям, к воеводам всякие вести писать же, чтоб государю и в городах воеводам про всякие вести было ведомо». В документе оговаривалось вознаграждение, выдаваемое лазутчикам за «прямые вести из литовских городов». Они получали «государева жалованья по полтине или по рублю, смотря по вестям». Учитывая профессиональный риск, размер полагавшейся разведчикам награды не выглядит значительным. Направленные в 1628 г. в Торопец инструкции являлись типовым требованием правительства. Об этом свидетельствуют указы вяземским воеводам 1621, 1622, 1625 гг. Им приказывалось, прибыв в Вязьму, выбрать «ис стрелцов, и ис казаков, и ис посадских людей и ис пашенных крестьян лазутчиков добрых людей и разумных. И привести их к крестному [целованью], на том, что им государю служить в литовские горы лазутчить ходити и вестей всяких проводывать подлинно». Размер вознаграждения вяземским разведчикам определялся в тех же размерах, что их торопецким товарищам.

Помимо агентурной разведки у воевод имелись и другие возможности получения сведений об обстановке на сопредельных территориях. В случае перехода границы бежавшими из плена русскими людьми, а также «выходцами» (перебежчиками) - «литовскими людьми» или «запорожскими черкасами» - от них на заставах предписывалось получать информацию о происходивших за границей событиях. Зная важные и самые свежие секреты («вести скорые») полагалось немедленно «присылать к государю к Москве на подводах». В случае возникновения на рубеже вооруженного конфликта источником информации становились «языки». Всех пленных в наказе, данном в 1632 г. вяземским воеводам Федору Васильевичу Головину и Дмитрию Федоровичу Скуратову, полагалось пытаться, чтобы получить точные ответы на следующие вопросы:

- «Для какого умышленья литовские люди посольской договор и мирное постановление нарушили?»
- «По чьему росказанью пришли под Вязьму?»
- «Многие ли люди?»
- «К иным которым городом им не приходит ли?»
- «Где король и королевич?»
- «Хто у них гетманы Коруны Полские и Великого княжества Литовского?»
- «Куды поход чают?»

Все полученные сведения надлежало сообщить в Москву и, смотря «по вестям», на границу направлялась помощь.

Безопасность русских городов находившихся на западном рубеже, становилась особой заботой правительства в военное время. Существовала система мер, призванных обеспечить им должную защиту. Судить о ней можно по сохранившейся наказной памяти воеводам П.И. Шуйскому, В.С. и П.С. Серебряным, назначенным в захваченный в 1563 г. Полоцк. Восстановив разрушенные огнем русской артиллерии укрепления, они должны были наладить в городе надежную караульную и сторожевую службу: «А ведати боярину и

воеводе князю Петру Ивановичю Шуйскому ворота Устицкие; а боярину и воеводе князю Василью Семеновичю Серебряному ведати ворота Великие; а боярину и воеводе князю Петру Семеновичю [Серебряному] ведати ворота Софейские; а боярину и воеводе Ивану Васильевичю Шереметеву ведати ворота Богородитцкие: и учинити у них от себя головы с детми боярскими, переменяя из своих полков, и головы стрелецкие с стрелцы, у тех и у всех ворот, и по всему городу расписати, и розверстати детей боярских и стрелцов, посколку в которое место колко пригоже учинити; а на вылазке быти воеводам князю Олександру Ивановичю Прозоровскому с товарищи. А в остроге Царь и великий князь велел быти Захарье Ивановичю Очину Плещееву, да князю Давыду Васильевичю Гундорову: и воеводам Захарье и князю Давыду в остроге быти, и дела царя и великого князя беречи, и по острогу еженочей голов от себя посылати, и самим того еженочей назирати». Оставленным в Полоцке «бояром и воеводам» было приказано устроить особое караульное помещение («светлицу»), «в котором месте пригоже, а на ночь в светлицу еженочей приезжати бояром и воеводам с своими полки, переменяясь, койждо воевода с своим полком ночует в светлице; а которая ночь доведетца боярину и воеводе в светлице ночевать, и тому боярину и воеводе ездить возле города, и голов от себя посылати, и по городу с фонарем от себя посылати; да и в светлице ж велети ночевати на всякую ночь по сту человек стрелцов, сотцким стрелецким ночевати в светлице, бояром и воеводам голов посылати и по городу с фонарем самим над ними надзирати, еженочей, переменяясь». От пребывания в «светлице» освобождались лишь главные воеводы П.И. Шуйский и В.С. Серебряной, которых заменяли головы из их полков. «А с фонарем ходити по городу безпрестанно: впервые пойтить голове с фонарем, от боярина и воеводы от князя Петра Ивановича Шуйского; а как обойдет голова с фонарем от боярина и воеводы князя Петра Ивановича Шуйского, и той голове с фонарем от боярина и воеводы, которому ночь доведетца, ночевать в светлице; и всем бояром и воеводам держати в городе береженье великое». Подробно были расписаны обязанности городничих - Василия Головина и Василия Замыцкого, от которых требовалось не только «ходить с фонарем по ночем, переменяясь, по всем сторожем», но и «замыкать город <...> переменяясь самим; а ключи собирать к городничим к Василью Головину да к Василью Замытцкому». Проверив караулы и закрыв ворота, они относили ключи «к боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичю Шуйскому». В ведении городничих находился «наряд» - «пушки и пищали, по всему городу и по острогу, и зелья, и ядра», а также полоцкие пушкари и воротники.

Ближние подступы к Полоцку прикрывали сторожи, которые воеводы высылали «по дорогам, по Виленской, и по Березынской, и по Витепской, держати, в которых местех пригоже, верст по пяти, и по шти, и по десети от города». Тогда же, в качестве привентивной меры, русскими властями были разоружены коренные жители Полоцка. Воеводам предписывалось созвать их и «заповедь учинити, чтоб у них ни у какого человека ратного оружия не было, а у кого сведают или вымут, и тем быти в великой опале и в казни».

Несмотря на настойчивые требования командования об укреплении обороны городов, местные власти не всегда добросовестно относились к своим обязанностям. Их упущения не раз заканчивались самым трагическим образом. Так, в 1577 г. в результате неожиданного нападения поляки овладели замком Венден, в апреле 1590 г. отрядом черкас под командованием атаманов Дениса Селенского, Барана и Гусака был разграблен Воронеж и убит местный воевода князь И.А. Шебановский-Долгоруков, неосмотрительно впустивший днепровских казаков в крепость. В 1617 г. бежали из Вязьмы, оставив ее врагу князья Петр Пронский и Михаил Белосельский, в 1633 г. из-за небрежности воеводы Ивана Колтовского черкасы «на Волуйке изгоном город взяли, и людей многих побили, и языки поймали». С провинившихся военачальников строго взыскивали. Они должны были помнить о 61 ст. Судебника 1550 г. по которой «градскому здавцу» грозила смертная казнь. Впрочем, в большинстве случаев, за подобные провинности карали не так строго. Сдавшие в 1562 г. Тарваст воеводы Тимофей Матьяс Кропоткин, князь Неклюд Путятин и

Григорий Еремеевич Большой Трусов были разосланы «по городом в тюрьмы, а поместья их и вотчины велел государь взять и роздать в роздачу», упоминавшиеся выше вяземские воеводы П. Пронский и М. Белосельский за малодушие также лишились поместий и вотчин, подверглись наказанию кнутом и ссылке в Сибирь. За более мелкие упущения воевод отчитывали, не стесняясь в выражениях, подобных отповеди, направленной оплошавшему воеводе Якову Милославскому в город Сапожок 1 августа 1623 г. Царь Михаил Федорович, возмущенный его упущениями, писал: ««И ты дурак безумной, худой воеводишка! Пишешь к нам, что татарове к Сапожку приходят, и людей побивают и в полон емлют, а про то к нам подлинно не пишешь, в татарский приход сторожи у тебя и подъезды были ль, и для чего татары безвестно приходят, и для чего в те поры к нам не писал, как татары к Сапожку пришли?». Приведенный случай относится к южному участку русской границы, однако наглядно передает отношение властей к лицам, не сумевшим наладить оборону вверенного им города и уезда. Более непримиримо в Москве относились к воеводам, пытавшимся обмануть государя и его бояр. Примером тому служит дело бежецкого воеводы Максима Семеновича Языкова, предоставившего ложные сведения об отражении в 1618 г. литовского набега. Его сообщение о неприятельских действиях и о том, что «буто приходили литовские люди к городу (Бежецкому Верху. – *В.В.*), и приступали, и он де отсиделся, и литовских людей побил», опровергли служившие под его началом голова князь Андрей Иванович Морткин и Завьял Михайлович Милюков. В ходе проведенного в 1621 г. следствия их показания полностью подтвердились. В наказание за преднамеренный обман Михаил Федорович велел наказать провинившегося воеводу батогами «нещадно», «да жалованья у него велел убавить».

* * *

Западная и северо-западная границы Московского государства не оставались неизменными. В ходе победоносных войн конца XV – начала XVI вв. с Великим княжеством Литовским ее удалось отнести далеко на запад. К началу Ливонской войны она проходила по линии: Печенгский монастырь – Сердобольский острог – Корела – Копорье – Ям - Ивангород – Гдов – Псково-Печерский монастырь - Псков – Изборск – Остров – Красный – Опочка – Себеж – Заволочье – Невель – Велиж – Смоленск - Рославль – Стародуб – Новгород-Северский-Чернигов – Путивль. Все пограничные города являлись первоклассными крепостями, способными выдержать длительную осаду. Они имели каменные или дерево-земляные укрепления, имевшие определенные преимущества. Это обстоятельство подметил в свое время наблюдательный Гейденштейн, писавший: «Вследствие большого богатства лесного запаса у них (русских – *В.В.*) выстроены почти все крепости из дерева, из собранного в кучу множества огромных бревен, обыкновенно покрытых дерном; притом все крепостицы снабжаются башнями и башнями и кроме того окружаются искусственными рвами, если не было природных, валом и забором; вследствие чего эти строения не только не оказываются по виду некрасивыми, но до последней войны (Ливонской войны – *В.В.*), во время которой большая часть их была взята королем вследствие воспламенения от падавших бомб, считалось, что эти строения более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные, так как, с одной стороны, таковое строение больше противится действию орудий, а с другой, если оно и пробито, то это не ведет за собой большого разрушения стены, что обыкновенно бывает с каменной постройкой». Не стоит забывать, что даже принадлежавшая тогда шведам мощная крепость Выборг до середины XVI в. с восточной и северо-восточной сторон была прикрыта дерево-земляными укреплениями, что не помешало ее гарнизону успешно выдержать все русские осады того времени.

Поражение России в Ливонской войне привело к потере нескольких важных городов на северо-западном рубеже, в том числе Ивангорода, Яма, Копорья и Корелы. Еще более существенными были территориальные потери Московского государства во время

польско-литовской и шведской интервенции начала XVII в., когда под власть Швеции перешли Карельские и Ижорские земли, а к Речи Посполитой – Смоленские и Черниговские земли. Приграничными стали города: Кола, Кемский и Сумской остроги, Олонец*, Ладога, Гдов, Псков с «пригородами», Великие Луки, Ржев, Вязьма, Брянск, Трубчевск, Мещевск, Севск, Рыльск, Путивль, Валуйки, позже Оскол, Усерд, Ахтырка. На некоторых участках рубежи отодвинулись далеко на восток, потеряны были крепости Корела (Кексгольм), Орешек (Нотебург), Ям-город (Ямбург), Копорье, Себеж, Велиж, Смоленск, Дорогобуж, Серпейск, Рославль, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский и др. На этих территориях остались и старые засеки, существовавшие на литовском рубеже в начале XVII в. Города, оказавшиеся на передовой линии, предстояло усилить и укрепить. Осуществляя необходимые мероприятия, московские власти не смирились с потерей западных и северо-западных территорий и не оставляли надежд на их возвращение. В ходе Смоленской войны отвоеванные западнорусские города вновь были прикрыты засечными укреплениями, серьезно затудявшими действия неприятеля. Так, во время нападения литовцев на невеликие места в июле 1633 г. их путь приградила засека на Большой Усвятской дороге в 7 верстах от Невля. Здесь противника встретили русские ратные люди, разбившие врага и вынудившие его бежать назад к Усвяту. По условиям Поляновского мира России удалось вернуть Серпейск, остальные города «от литовской украины» были возвращены Речи Посполитой. Построенные вокруг них засеки были разрушены. Отвоевать смоленские, черниговские и новгород-северские земли удалось лишь в годы русско-польской войны 1654-1667 гг. К этому времени относится попытка московских властей укрепить западную границу путем постройки новой засечной Черты, аналогичной южным линиям. В 1665 г. незадолго до окончания войны с Речью Посполитой комендантам порубежных городов были разосланы соответствующие инструкции. Об их содержании можно узнать из наказа опочецкому воеводе Петру Ивановичу Львову. «Учинить засеки» было приказано «от Лук Великих до Торопца, от Торопца до Ржевы Володимеровы, и до Белой, и до Вележа, и до Смоленска, а в другую сторону от Лук же Великих до Невля и до Опочки, и до Пскова», Правительство попыталось разъяснить местным служилым людям грандиозность и новизну этой задачи. Воевода должен был объявить, «чтоб они того засечного дела себе в оскорбленье не ставили, для того [что] указали мы великий государь те засеки учинить милосердуя об них же, чтоб теми засеками неприятельских людей приходы одержать и [в] наши великого государя города и в уезды их не пропустить, и их дворян и детей боярских дома и поместья и вотчины от войны уберечь и в расхищенье не дать. И они б, дворяня и дети боярские, одноконечно о том засечном строенье не оскорблялись, и крестьяном своим и бобылям то засечное дело велели делать для себя, с радостию и со всяким поспешеньем». С окончанием войны необходимость в строительстве сплошной линии укреплений отпала, и работы по возведению сплошной Черты на западной границе были свернуты.

3. ЗАЩИТА СЕВЕРНОГО ПОРУБЕЖЬЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Высказанное Ф.Ф. Ласковским предположение о неприступности северной границы России со стороны моря, где существовало лишь два значительных укрепленных пункта – Архангельск и Пустозерск, нуждается в пересмотре. Начиная со второй половины XVII в. русское Поморье начинает привлекать пристальное внимание европейских государств. В 1571 г. во время Ливонской войны, «в голомяни» (в открытом море) у Соловецких островов появились корабли Швеции и союзных ей Голландии и Гамбурга, собиравшиеся

---

* Город Олонец был основан на р. Олонце в месте впадения в нее р. Мигречи в 1648 г. Состоял из Большого города и Малого города, окруженных деревянной рубленной стеной протяженностью 575 сажень (1 км 230 м) с 19 башнями

атаковать находившуюся на островах монашескую обитель. Нападения не произошло, однако факт появления вражеского флота в Беломорье продемонстрировал уязвимость русского Севера. О стратегическом значении этого края, лежащего далеко от центра «Московии» и не имеющего надежного военного прикрытия, поведал миру вестфалец Генрих Штаден, в 1564-1572 гг. живший в России и разработавший план завоевания русских земель. С этим предложением Штаден обратился к германскому императору Рудольфу II, для которого в 1579 г. написал «Проект обращения России в имперскую провинцию». Позднее аналогичное предложение он сделал шведскому королю Юхану III, которого давно привлекало русское Поморье. Летом 1578 г. в Москве было получено сообщение соловецкого игумена Варлаама о готовящемся нападении на монастырь шведских войск. 2 августа 1578 г. Иван Грозный направил в Соловецкий монастырь партию оружия: «сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две пищали полуторные да две девятипядных, <...> а зелья ко всему наряду и к пищалем и к ручницам сто пятнадцать пуд». На Соловки вооружение доставил голова Михаил Озеров в сопровождении небольшого отряда из 18 человек: 4 московских, 4 вологодских пушкарей и 10 стрельцов, составившего костяк соловецкого гарнизона. В помощь им Варлааму разрешили «прибрать девяносто человек в стрелцы да пять человек в затинщики». В ожидании шведского нападения на Соловках началось строительство нового острога, возглавил которое Михаил Озеров.

Тревожные сообщения о готовящемся шведском нападении не переставали беспокоить русские власти. В 1579 г. из Москвы на Соловки направили еще 3 затинных пищали и свыше 10 пудов пороха. Тревога оказалась ненапрасной – летом 1579 г. «каянские немцы» вторглись в Кемскую волость и разбили отряд Михаила Озерова. Все приграничные русские селения были разорены шведами. На смену погибшему в бою с врагом М. Озерову из Москвы спешно прислали воеводу Андрея Загряжского, успевшего подготовиться к новому неприятельскому нападению.

В декабре 1579 г. 3-тысячный шведский отряд напал на пограничный Ринозерский острог, гарнизоном которого командовал воевода Киприан Аничков. Крепость защищал небольшой стрелецкий отряд, усиленный «охочими казаками» и добровольцами из местных жителей («тутошних людей»). Бои за крепость длились 3 дня, закончившись поражением противника. Большие потери вынудили шведов к отступлению.

Понятно, что ставший к тому времени известным шведскому королю детальный план Штадена не мог не обратить на себя его внимания. Подробно описав северный край, вестфалец рекомендовал начать вторжение с моря со стороны реки Онеги, поднимаясь по ее течению мимо села Пречистого, посада Турчасова и города Каргополя. Затем завоевателям надлежало двигаться к Белоозеру и Кирилло-Белозерскому монастырю, Вологде, Угличу, Дмитрову и Москве. Согласно расчетам Штадена, для завоевания Московского государства требовались значительный флот и огромная армия – 200 кораблей и 100 тыс. человек, «200 штук полевых орудий или железных мортир», а также «еще несколько тяжелых пушек и мортир, чтобы разбивать ворота деревянных городов, а мортирами в случае надобности зажигать пожар в деревянных городах и монастырях». Первоначальные расходы на задуманную операцию составляли 100 тыс. талеров.

В плавание к русским берегам флоту предстояло отправиться 1 апреля и прежде всего овладеть заливом и рекой Колой в Лапландии, Кильдин-островом и Соловецким монастырем. Пленных, взятых с оружием в руках, Штаден советовал отправить на кораблях в империю. Затем отрядам интервентов предстояло занять Холмогоры, село Пречистое и посад Турчасов. Укрепившиеся здесь немецкие гарнизоны должны были отобрать у русских «их лучших лошадей, а затем все наличные струги и лодьи – маленькие корабли – и свезти их к укреплениям, чтобы при случае защищать их артиллерией». Наибольшее сопротивление, как полагал составитель плана интервенции, армия вторжения могла встретить под Вологдой. В этом случае он рекомендовал блокировать каменную вологодскую крепость частью войск (1/3 часть воинских людей), а остальным силам

продолжать наступление. Все православные монастыри и церкви на оккупированных территориях подлежали немедленному закрытию. Русские города и деревни были обречены «стать свободной добычей воинских людей». Очень выразительно звучат следующие советы набожного протестанта Штадена: «Устье – посад, который лежит на мысу там, где река Шексна впадает в Волгу; <...> здесь сливаются течения трех рек и, укрепив это место, можно легко перехватить всякое движение вниз или вверх по Волге. – Занимай его отрядом в 2000 человек! Отправляйся дальше и грабь Александрову слободу, заняв ее с отрядом в 2000 человек! За ней грабь Троицкий монастырь!» Та же участь, после захвата Волока Ламского должна была постигнуть и Иосифо-Волцкий монастырь «богаты деньгами и добром Его можно будет пограбить, а награбленное увезти...». Захватив Москву и другие русские города, разорив монастыри и церкви, пленив царя, Штаден предлагал немедленно вывезти его вместе с сыновьями в Европу, в горы, «где Рейн или Эльба берут свое начало». Именно там планировалось устроить массовую расправу с пленными, которую Штаден описал особенно красочно, дав полную свободу воспаленному воображению. Русских воинов надлежало убивать на глазах московского государя, у мертвецов следовало «перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов: одним словом столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению». Эта жестокая расправа должна была осуществиться лишь для того, чтобы убедить Ивана Грозного в том, что «никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы – лишь грех один!».

План Штадена требовал огромных затрат и привлечения больших сил, которыми тогда не располагали европейские монархи. Поэтому он оказался неосуществимым, однако его предложение вызвало определенный интерес и забыто не было.

Более прагматичными оказались действия Дании. Владевший Исландией и Норвегией датский король Фредерик IV объявил Норвежское море принадлежащим ему проливом, требуя уплаты ему пошлины за пропуск торговых кораблей в северные русские порты – Колу и Холмогоры. Вскоре датчане подкрепили свои требования силой. В апреле 1582 г. в Баренцево и Белое моря была направлена эскадра Эрика Мунка, получившего королевский приказ о захвате находившихся в русских водах и гаванях иностранных торговых кораблей. Выполняя его, Мунк захватил несколько английских и брабантских (голландских) судов, что вызвало возмущение Ивана Грозного, потребовавшего от Фредерика IV прекращения нападений и возмещения ущерба, понесенного иноземными купцами. Следствием агрессивных действий датчан стало укрепление Колы и закрытие там большого торгового пункта, перенесенного в 1585 г. повелением царя Федора Ивановича в Новые Холмогоры (Архангельск).

В годы русско-шведской войны 1590-1595 гг. северный фронт стал местом упорных сражений. Противник решил овладеть побережьем Белого моря, перерезав пути сообщения России с Западной Европой. Военные действия начались в Лапландии и Поморье летом 1590 г. Шведский король Юхан III разработал план действий, основные детали которого были сообщены 18 июля командующему войсками в Остерботнии Петру Багге, «дворянину из Сёдерби». Согласно королевской инструкции он должен был подготовить и осуществить нападение на западное побережье Белого моря, захватить и сжечь город Сумы, разорить окрестные русские селения, а пленных, скот и захваченную добычу доставить в Кексгольмский уезд. План предусматривал строительство на Белом море блокгауза, который следовало «укрепить валами и бастионами, как можно лучше, дабы могли наши [люди], когда придется, оставаться в той стране на зиму, найдя там убежище и защиту». После этого войска Багге могли продолжить наступление. Главной целью операции являлся захват Холмогор, хранившихся там товаров и пришедших на Русь иностранных торговых кораблей.

Местом сосредоточения войск стала построенная П. Багге крепость Оула. Выполняя приказ Юхана III, вторгшиеся в волости Кереть и Ковда, шведы огнем и мечом прошли по северному краю. Большой неприятельский отряд, численностью до 700 человек, спустился на лодках по Ковде, разорил поселения на Умбе, Керети, Кеми и вернулся, перебив и пленив жителей волостей, лежавших на этих реках.

Следующее нападение произошло зимой 1590/1591 г. Пройдя через Лапландские горы, шведское крестьянское войско Везайнена дошло до Белого моря, в результате внезапного нападения захватив Печенгский монастырь. Однако гарнизон хорошо укрепленного Кольского острога, несмотря на отсутствие в городе стрельцов, переведенных в Архангельск, отбил нападение неприятельских отрядов. Оборону города возглавил земский староста Вешняк Кузьмин, сумевший уговорить датских купцов передать русским 4 больших и 4 малых пушек, снятых со своих кораблей. Помощь иноземцев была небескорыстной: за одолженные пушки В. Кузьмин обязался заплатить датчанам 65 руб. Однако именно артиллерия решила исход сражения за город. В бою под стенами Кольской крепости шведы потеряли 60 человек убитыми и 30 – пленными. Среди захваченных врагов находился один из командиров шведского отряда - Кавпий (Кафти).

Военные действия в этом районе происходили и позднее. В августе 1591 г. шведское войско под командованием Ханса Ларсона, насчитывающее 1200 человек, вновь опустошило Кемскую волость, осадило Кольский острог, где оборонялся прибывший сюда новый воевода Владимир Федорович Загряжский. Под его началом находилось 30 стрельцов и 1700 местных жителей. Противнику удалось поджечь Егорьевскую и Покровскую башню, но защитники города сделали вылазку и разбили шведов. В боях под Кольским острогом Х. Ларсон потерял 215 человек убитыми и ранеными и отступил к своей границе.

В сентябре 1591 г. русскую границу перешло войско Свена Петерсона, сына Петра Багге. 19 января 1592 г., по возвращении из похода в Улео, он представил реляцию, содержащую упоминание об одержанных им победах: уничтожении Сумского острога, выжженного его воинами «до почвы», разорении городков Вирмы, Квинна Ниме, Свика, Кимена, захвате 14 селитрянных майданов, амбаров с солью, 2 кораблей, груженных семгой и т.п. В действительности овладеть Сумским острогом противнику так и не удалось. Шведы выжгли его неукрепленный посад и разграбили побережье Белого моря.

Правительство не осталось безучастным к умножившимся вражеским нападениям на Поморье. В северные крепости направили артиллерию, снаряжение и воинские припасы, войска. Всего, по подсчетам Г.Г. Фруменкова, в 1590, 1592 и 1593 гг. из Москвы на Север отправили 25 пушек, 110 ручниц, 1590 ядер, 199 пудов пороха, 92 пуда свинца. В Соловецкий монастырь выступили «со многою ратию воеводы князь Андрей и князь Григорий Волконские, а с ними головы Второй Акинфиев и Елизарий Протопопов». Прибытие войск позволило русскому правительству отбить шведов от Сумского острога, очистить приграничные волости и подготовиться к решительному удару по вражеской территории. В начале зимы 1591/1592 гг. перешедшие в наступление отряды Г.К. Волконского разорили порубежные неприятельские волости Олой, Лиинелу, Сиг, с большой добычей вернувшись обратно. «Тово же году зимою, - отмечено в разрядных книгах, - ходили государевы воеводы князь Ондрей князь Романов сын Волконской да князь Григорей князь Константинов сын Волконской с Соловецкого острова воевать каинских немец свисково короля земли, а с ними были государевы люди, стрельцы и казаки, и воевали Каинской земли немец, и вышли со всеми людьми, дал Бог, здорово».

Осенью 1592 г. началось новое наступление шведских войск, усиленных отрядами финских ополченцев. Вторжением руководили королевские воеводы Магнус Лаврин и Ганус Иверстин. Противнику удалось разорить весь порубежный край от рек Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока.

Примечательно, что в условия Тявзинского мирного договора 1595 г. было включено обязательство Швеции не совершать нападения на северные русские

территории: Холмогоры, Кольский и Сумской остроги, Каргополь и Соловецкий монастырь.

Прекращение русско-шведской войны не ослабило напряженности на северном пограничье. Заинтересованность в приобретении Кольского полуострова выказывала Дания, в 1597-1598 гг. сделавшая попытку купить его за 50 тыс. талеров. Русское правительство решительно отказалось от предложенной сделки, а местное торгово-промышленное население не выказывало желания идти под власть датчан. Стремление сохранить русское подданство было продемонстрировано во время прихода в Колу в 1599 г. датской эскадры под командованием короля Христиана IV, пытавшийся убедить жителей города признать его государем, но не сумевшего отвратить их от верности отечеству.

* * *

Ситуация на северных границах Руси вновь обострилась во время шведской интервенции 1610-1611 гг. В феврале 1609 г. король Карл IX пытался склонить соловецкого игумена к согласию на оккупацию Сумерской волости под предлогом военной помощи правительству Василия Шуйского. Шведское предложение было отклонено, так как тушинские отряды тогда в Беломорье не проникли. В феврале 1611 г. начальник Улеборской области Эрик Харе, по поручению шведского правительства, начал готовить открытое нападение на северные русские земли, вступив в новую переписку с соловецким настоятелем. На границе были сосредоточены войска Андерса Стюарта и Кнута Хокансона, усиленные отрядом ирландских наемников под командованием Роберта Сима. Доставленная им королевская инструкция содержала предписание вступить в русскую землю и захватить Северную Карелию, Сумской и Кемский остроги, Соловецкие острова. В конце зимы 1610/1611 г. неприятельские войска начали наступление, действуя на двух направлениях. Большая часть шведских сил выступила из Улеборга в направлении Белого моря, отряд под командованием губернатора Вестерботнии Бальтазара Бека нанес удар по Кольскому острогу. По-видимому, на Мурман шведы напали с целью отвлечения внимания русских от направления главного удара – на Сумы. Неслучайно, в шведских источниках зимняя кампания 1611 г. получила название Сумский поход.

Отряд Б. Бека выступил к Кольскому острогу 12 февраля, но 2 марта вынужден был вернуться на свою территорию. Осадив город, шведы изготовили подвижную башню, придвинули ее к крепостным стенам и начали штурм. Одной из вражеских колон удалось ворваться в город. После тяжелого боя на улицах Колы, противник, понесший тяжелые потери, отступил и снял осаду. Двигаясь к своему рубежу, шведы разорили оставшийся незащищенным приграничный край: «и деревни пожгли, и людей секли, а иных в полон взяли». Не зная о неудаче Бека, в конце марта 1611 г. начали наступление войска А. Стюарта, насчитывавшие 1500 человек. Вражеские отряды разорили 11 селений: Лендерса, Ловуш-остров, Тюжня, Чолка, Ребола, Котвас-озеро, Ровкула, Вопгоры, Кимас-озеро, Юшко-озеро и Сопасалма. Однако дальше деревни Чюпы, расположенной на расстоянии 150 км от побережья Белого моря, шведы продвинуться не смогли. По сообщению К. Хоканссона, наступление было остановлено из-за снежных сугробов, «глубиной в рост лошади». Продвижению шведов мешали русские «шиши» - жители разоренных селений, объединившиеся в партизанские отряды для борьбы с захватчиками. Отряды Стюарта и Хоканссона прекратили поход и вернулись в Улеборг, однако Карл IX не отказался от своих завоевательных планов.

Второй поход А. Стюарта начался в начале лета 1611 г. Его войско на лодках спустилось к Белому морю и высадилось на островах Кузова, в 30 км. западнее Соловецких островов. Напасть на хорошо укрепленный монастырь шведы не решились и, простояв вблизи него до осени, бесславно вернулись назад. По жалобе монастырского начальства руководителя Первого ополчения направили на Север отряд воеводы Максима Лихарева и

стрелецкого головы Елизария Беседного. 15 августа они прибыли в Сумской острог, начав переговоры со шведами о прекращении враждебных действий. Мирлюбие русского воеводы ввело в заблуждение противника. Осенью 1611 г. шведские отряды напали на заонежские погосты и разорили волость Толвую. Собрав войско, Лихарев настиг и разгромил вторгшиеся в Заонежье неприятельские отряды.

Овладев Карельским уездом, Ижорской землей (Ингрией) и Новгородом, Я. Делагарди попытался реализовать завоевательные планы в отношении северных русских уездов и волостей. По словам Видекинда, в 1613 г. он побуждал короля Густава II Адольфа оккупировать русский север, прежде всего совершив нападение на Холмогоры – «город, находящийся в 200 милях к северу от Вологды». Для захвата его Делагарди предлагал направить 3-тысячный отряд, так как по полученным шведами сведениям город был защищен лишь двумя валами. Захватив Холмогоры, его следовало укрепить и продолжить покорение Поморского края. Главными объектами новых шведских атак были избраны Сумской острог и Соловецкий монастырь, мимо которого «везут драгоценнейшие английские и голландские товары». Описав предложения Делагарди, Видекинд с сожалением добавил, что «эти советы Якоба были вполне своевременны, и если бы король, освободившись от прочих забот и расходов, мог тогда все внимание уделить им, то, без сомнения, достиг бы успеха. Но, <...> положение государства было очень трудным, и все двигалось медленно». Действительно, все внимание Густава II Адольфа было привлечено русскими нападениями на шведские гарнизоны Тихвина, Гдова и Порхова и начавшейся борьбой за Псков. В этих условиях на организацию большой северной экспедиции у него не было ни сил, ни средств, в большом количестве потраченных на выкуп крепости Эльфсборг, за которую захватившие ее датчане потребовали миллион риксдаллеров. Тем не менее, попытку овладеть Беломорьем противник все же предпринял. Исполнителем королевских предначертаний стали перешедшие на шведскую службу отряды черкас под командованием полковников Барышпольца и Сидорки. Осенью 1613 г. их войско выступило из-под Тихвина. Источники сообщают разные сведения о численности неприятельской рати. Убедительными выглядят данные, приведенные воеводой Богданом Чулковым, сообщившим, что в Андомскую волость пришли «два дороги» полковник Сидор, у которого «в полку польских и литовских людей и русских воров семьсот человек» и полковник Барышполец, имевший под своим началом 800 казаков. Дождавшись на Вытерге установления «зимнего пути», противник через Заонежье двинулся к Северной Двине.

21 ноября 1613 г. черкасы напали на Андомскую волость на Онежском озере, однако попытка овладеть построенными там Никольским и Егорьевским острожками успехом не увенчалась. Под началом воеводы Богдана Чулкова, собрались «ратные казаки» атаманов Томилы Антипьева и Ермолая Поскочина, а также ополченцы из окрестных сел. Осада Никольского острожка в Шуйском погосте, где оборонялся Б. Чулков длилась 2 недели и 3 дня. Черкасы безуспешно штурмовали крепость, используя «штурмы» - большие бревенчатые щиты, поставленные на сани. В боях под Никольским острожком противник потерял по одним сведениям, 200, по другим – 300 человек ранеными и 50 убитыми. Победители захватили два неприятельских знамени. Обойдя неприступный городок, Барышполец и Сидорка повели полки к богатым северным русским городам и посадам. Покинув Андомскую волость, черкасы собирались идти к Каргополю, но под этим городом русские заставные сторожа «взяли у них языков, и они по тем языком к Каргополю не пошли, а пошли прямо на Двину».

Прорвавшись к Северной Двине в районе села Турчасово, противник получил здесь сведения о недоделанном остроге в Холмогорах и малочисленности местного гарнизона. Изменив первоначальное намерение (целью похода являлся захват Сумского острога), черкасские полки двинулись на Холмогоры. Осада города началась 8 декабря 1613 г. Для холмогорского воеводы Петра Пронского нападение не стало неожиданностью, и двиняне успели укрепить острог, за стенами которого укрылись перед неприятельской атакой.

Черкасы, изготовив «штурмы», пытались приблизиться и поджечь крепость. По словам «выходца» (перебежчика) казака Смирки Иванова, было сделано «приступных хитростей шестнадцать штурм, да шестнадцать возов соломы и берест обливали смолою, да веники обливали смолою, да салом». Однако зажечь острог противнику не удалось; защитники Холмогор «от острогу де их и от щитов их отбили и многих литовских людей и черкас у них побили». На шестой день осады, потеряв под Холмогорами 30 человек убитыми, «воровские» казаки отступили. В числе раненых находился полковник Сидорка. По сообщению того же казака, он был «за Падрокурью ранен на бою по ноге в колено».

Отступив от Холмогор, черкаское войско направилось к устью Северной Двины. Неприятельские полки прошли мимо Архангельска и напали на селения, расположенные на южном и юго-западном побережье Белого моря и Онежской губы. Противник разорил Николо-Карельский монастырь, Неноксу, Луду и Уну Сумскую волость, штурмовал Сумской острог и, потерпев под его стенами поражение, по льду замерзшего Онежского залива ушел в Заонежье. Предпринятые черкасами нападения на Сумской и Шунгский остроги закончились неудачей, вскоре отряды Барышпольца потерпели поражение в бою у реки Сермяксы, а в марте 1614 г. были окончательно разбиты под Олонцом.

В начале XVII в. в Англии также было составлено несколько проектов покорения России. Первый из них, не позднее 1603 г. предложил анонимный автор, несомненно бывавший на русском Севере и сумевший оценить богатство и слабую военную защиту приморского края. Составитель проекта предлагал захватить Соловецкий монастырь, скрупулезно подсчитав, что для успешного осуществления операции необходимо не менее 5 тыс. солдат, снабженных осадной артиллерией и провиантом на 6 месяцев.

Еще один проект разработал знаменитый Жак Маржерет. В 1612 г. он предложил английскому королю Якову I Стюарту захватить весь русский Север, установив над этой территорией британский протекторат. Проект вызвал определенный интерес английского правительства. Как полагала И.И. Любименко, речь шла о подчинении «суверенитету или протекторату английской короны» всей северной России: Поморья и Вологодчины, «а также по возможности и Поволжья», то есть той части Московского государства, которая представляла исключительный интерес для английских торговых интересов. Все же, проанализировав возможные негативные последствия военной интервенции на русском Севере, правительство Якова I не решилось пожертвовать добрыми отношениями с Москвой. Кроме того, демонстрируя свою дружбу, оно взяло на себя роль посредника в начавшихся нелегких переговорах России с захватившей Новгород Швецией. Главным аргументом отказа от завоевательных планов стал трезвый расчет: для России единственным резонаном торговать с Европой через удаленные северные города являлась их принадлежность Московскому государству. Оккупация русского севера Англией или другой страной привела бы к прекращению торговли через Архангельск. Потеряв северные территории, русское правительство вынуждено было бы налаживать торговые связи с Западом через территорию шведской Лифляндии, что сулило английским купцам большие убытки.

* * *

События Смутного времени до крайности подорвали военную организацию Московского государства. Правительство вынуждено было концентрировать скудные боевые ресурсы страны на наиболее опасных направлениях – западном (польском) и южном (крымском). Военное прикрытие северных рубежей ослабло. Этим обстоятельством пытались воспользоваться жаждавшие легкой добычи европейские авантюристы, действовавшие либо на свой собственный риск, либо при молчаливом одобрении своих правительств. Известно несколько случаев агрессивных действий в этом районе в первой половине XVII в.

В 1619 г. несколько датских купцов направили на Печору для скупки пушнины торговую экспедицию. Платить за приобретенные меха негоцианты собирались деньгами, начеканенными по образцу русских монет из низкопробного сплава серебра с медью. Изначально этой мошеннической операции покровительствовал датский король Христиан IV. Руководить предприятием было поручено Клименту Блуму («Климу Юрьеву»). Без уведомления русских властей, датчане ходили «на Печору, в Пустоозеро», но 2 сентября 1619 г. на обратном пути их корабль зашел на зимовку в Кольскую губу. Появление торговых людей, самовольно ходивших на Печору, вызвало подозрение местного воеводы, задержавшего датчан. К. Блума доставили в Архангельск, но после допроса освободили – русское правительство не хотело обострять отношения с Данией из-за небольшого торгового инцидента.

Датский король, наоборот, попытался извлечь из сложившейся ситуации максимум выгод для себя. Воспользовавшись как предлогом законными действиями русских властей, он направил на русский Север военный флот и сделал попытку овладеть морскими путями в Баренцево и Белое моря. В июле 1621 г. в русские воды у Кильдин-острова вошли два датских военных корабля, захватившие торговое судно из «Амбурха» (Гамбурга) и несколько русских промысловых и рыбацких лодей и лодок. Цель этих нападений скоро прояснилась: датчане собирались не только воспрепятствовать английской и голландской торговле с Россией, но и взять в свои руки скупку всей рыбы, добываемой в русских водах. Нападения продолжились и в следующем году. Кольскую гавань блокировали пять датских кораблей, под командованием «начального человека Ондreja Ондреева». Нападающие захватили три голландских судна. Высадившиеся на берег «воинские люди» требовали от русских рыбаков продажи рыбных уловов лишь датским купцам. В 1623 г. к русским берегам подошли шесть датских «воинских кораблей». Командовавший эскадрой «воевода Миколай» получил приказ о захвате и грабеже русских судов и поселений с целью возмещения убытков, понесенных К. Блумом.

Исполняя его, датчане опустошили побережье Кольского полуострова. Одной из неприятельских яхт удалось обнаружить направлявшийся в Кольский острог царский караван, состоявший из 6 лодей, на которых везли хлебные и другие припасы. Не имея возможности сражаться с врагом на море, сопровождавшие караван стрельцы высадились на берег в устье реки Териберки, построили небольшой «острожек» (блокгауз) и приняли бой. Скоро положение русских ухудшилось – на помощь обнаружившей караван яхте пришли два других датских корабля. Блокгауз был разбит пушечными ядрами, а оборонявшиеся в нем стрельцы прекратили бой и отступили в горы. Противник не преследовал их, а ограничился захватом припасов и уничтожением трофейных лодей.

Из царской грамоты, направленной 5 августа 1623 г. в Соловецкий монастырь игумену Илиарху «с братьею» известно, что летом «пришли к Колскому острогу датского короля воинские люди на четырех кораблях и наших людей грабят и на корабли к себе емлют». Единственное, что сделали московские власти, это посоветовали соловчанам жить «с великим береженьем, чтоб немцы, пришед к Соловецкому монастырю, над монастырем и над Сумским острогом какова дурна не учинили». Лишь в самом крайнем случае они могли прийти на помощь местам, подвергшимся нападению: «будет мочно, и вы б, смотря по вестем, и Колскому острогу помогали, чтоб его от немецких людей уберечь и волостей бы поморских извоевать не дать; а о всем бы есте ссылались с двинскими воеводами». Прочитанная грамота констатировала ситуацию, в которой жители русского Севера в военном отношении были полностью предоставлены самим себе. Двинские воеводы в данных обстоятельствах не координировали действия земских сил, ограничиваясь пересылкой в Москву поступающих к ним сообщений.

Спустя 10 лет ситуация в Поморье несколько изменилась. 14 июля 1635 г. приехавшие в Кольский острог лопари сообщили о приходе к Егорскому становищу иноземного корабля, с которого «на берег приезжали немцы». Местные жители предусмотрительно покинули становище, а по возвращении нашли свои жилища

разоренными. Более точные сведения о неприятельском корабле и его команде доставили кольские стрельцы Ивашко Иевлев и Ивашко Ковдя «с товарищи», отлучавшиеся на рыбный промысел на Кильдин остров. Находясь там они увидели, что «по морскую де сторону Килдина острова шол корабль и с того де корабля в становище приезжали к ним на берег немецких людей десять человек». Вид этих мореплавателей насторожил стрельцов. Были они «худоваты и платье на них худо ж, не как у торговых людей». Каждый «немец» имел «по два пистолета, да по палашу». Еще больше встревожили Иевлева и его товарищей расспросы нежданных гостей о Кольском остроге, его артиллерии, количестве стрельцов, прибывших кораблях. Стрельцы многократно преувеличили число находившихся в Кольском остроге воинских людей, поведав «немцам» о 2 тыс. стрельцов и таком же количестве «посадцких и прихожих людей», о том, что «у Колского же острогу стоят два корабля торговых немецких людей. А на них людей и наряду много». Разочарованные известиями «немцы», через толмача пытались найти среди стрельцов лоцмана, способного проводить их до Архангельска, но никто из русских людей не вызвался идти на подозрительный корабль.

Позднее кольскому воеводе Дементию Кафтыреву стало ясно, что речь шла о «воровском» (пиратском) корабле. Подтвердил это стрелецкий голова Захарий Матюшкин, ездивший «на море в судах для проведыванья воровских кораблей». На побережье около Печенгского монастыря он встретил каргопольских торговых людей, старшим из которых был Мартынка Тонин, поведавший стрелецкому голове, что «немецкие» люди с корабля, стоявшего у Кильдин острова разграбили двинскую и каргопольскую лодьи, «а он де, Мартынка с товарищи, у тех немец ушли с лодьи в карбасе, а иных де людей на лодьях оне поймали и привезли х кораблю». В погоню за бежавшими каргопольцами «немцы» выслали на лодке («в шняку») 10 человек, которые «стреляли по ним из мушкетов».

В ответной государевой грамоте двинскому воеводе Григорию Андреевичу Плещееву и дьяку Тимофею Пеелину предписывалось, чтобы они «на море и в становища для вестей посылали сотника стрелецкого, а с ним стрелцов человек по сороку и по пятьдесят». Помимо сторожевой службы этот отряд должен был бороться с теми «воровскими людьми», которые «от корабля ездят в шняках».

Сообщения о происходивших на Севере событиях необычайно встревожили русские власти, о чем свидетельствует молниеносная реакция на полученные вести. 30 августа 1635 г. о «воровском корабле» писал на Двину Дементий Кафтырев, после чего об этом было сообщено в Москву. Ответная грамота датирована 22 сентября 1635 г.

Открытая с моря северная граница требовала особого внимания. За ситуацией на рубеже следили не только заставы служилых людей, но и приказные соловецкие старцы, ездившие по делам в отдаленные монастырские угодья. О всех заслуживающих внимания происшествиях они незамедлительно оповещали монастырские власти и царских воевод. Пристальное внимание уделялось находившимся здесь крепостям. Обветшавшие и требовавшие ремонта укрепления исправлялись и восстанавливались. В 1643 г. был вновь отстроен Сумской острог, для починки которого заготовили и доставили с Выг-озера 30 тыс. бревен.

О безопасности русских владений в Беломорье правительство решило позаботиться в 1646 г., когда царю Алексею Михайловичу «ведомо <...> учинилось, что изо многих государств иноземцы немецкие люди учали приходить к Архангельскому городу Двиною рекою на кораблех заповедным Березовским устьем». В связи с этим архангельскому воеводе Илье Безобразову и дьяку Калистрату Жохову был послан наказ «розсмотреть и роспросить и сыскать всякими сыски накрепко: в которых местех на Двине реке, которою в Березовское устье неметцкие карабли учали вновь тайно проходить, по обе стороны реки Двины мочно сделать крепости, башни поставить каменные, и поперег чеи железные сделать?». В соответствии с полученным предписанием И. Безобразов и К. Жохов ездили к Березовскому устью «до таких мест, где бы башни каменные поставить и чеи железные сделать, розсматривали», побывали они и на Пудожемском устье, «где стоят на караулех

сотники и стрельцы для карабленного приходу, и на Мурманском устье», однако подходящего места не нашли, о чем и сообщили в Москву.

* * *

Крупнейшими крепостями русского Севера являлись остроги на реках Коле, Суме и Кеми, а из расположенных в Беломорье обителей – Соловецкий монастырь, расположенный на самом крупном из Соловецких островов, между гаванью Благополучия и Святым озером. На монастырские деньги были построены не только Сумской и Кемский остроги, но и укрепления сел Керецкое и Сорочкое, находившихся в зоне действий шведских отрядов.

Важнейшую роль в обороне Беломорья играла Соловецкая обитель. В отличие от деревянных Кольского и Сумского острогов монастырь на Соловках представлял собой первоклассную крепость. В 1584-1594 гг. ее укрепления были значительно усилены постройкой новых стен и башен из гранитного валуна. Руководил работами постриженник Соловецкого монастыря, уроженец Ненокского посада Трифон Кологривов, сумевший сделать монастырь неприступной твердыней. Пять угловых и три пристенных башни в соответствии с новейшими фортификационными требованиями были выдвинуты им за линию стен, сложенных из местных диких камней. Некоторые из лежавших в основании стен валунов достигали 6 м длины и 1,5 м ширины. Камни были плотно подогнаны друг к другу, образовавшиеся при кладке «порожные места» заделывались щебенкой и скреплялись известковым раствором. Первоначально крепость защищали 6 башен, во время работ в начале XVII в. строители пристроили еще 2 башни – Поваренную и Квасопаренную. Высота башен достигала 14-15 м, а длина каменной монастырской стены - 509 сажень. Бои (амбразуры) устроили на нескольких уровнях и под разными углами, направленными к земле, поэтому под крепостными стенами не было мертвых непростреливаемых зон. Находившиеся в наиболее уязвимых местах южная и северная стены обители достигали в высоту 11 м, а в ширину – 6 м. Оборона крепости с напольной стороны была усилена рвами, выложенными крупными валунами.

Постройка мощной каменной цитадели на Соловках упрочила оборону северных рубежей, превратила обитель в крупный военный центр, где размещались нанятые монастырем стрельцы и пушкари, находили надежное укрытие жители близлежащих селений. С 1657 г. военному делу стали учиться и сами соловецкие монахи.

Главным форпостом России в Поморье стал Архангельск – «государева корабельная пристань». Основание города, первоначально называвшегося Новыми Холмогорами, Двинская летопись относит к 1584 г., хотя первый дошедший до нас документ о его строительстве датирован 4 марта 1583 г. Речь идет о царской грамоте двинским воеводам Петру Афанасьевичу Нащокину и Залешанину Волохову, приискавшим к тому времени место для нового города на мысе Пур-Наволоку. В ней сообщалось о получении росписи и чертежа будущей крепости и приказывалось «город делати на том месте и той мере, по росписи и чертежу, какову роспись и чертеж к нам прислали, наспех, теми посошными людьми, которую посоху к тому к городовому делу есмь указали».

Строители новой «государевой пристани» изначально позаботились о ее безопасности. Посетивший в 1586 г. Россию Жан Соваж Дьепский оставил восхищенный отзыв о построенной на Пур-Наволоке крепости: «Она составляет замок, сооруженный из бревен заостренных и перекрестных; постройка его из бревен превосходна; нет ни гвоздей, ни крючьев, но все так хорошо отделано, что нечего похулить; хотя у строителей русских все орудия состоят в одних топорах, но ни один архитектор не сделает лучше как они делают».

Под защитой прочных стен новый город стремительно рос и развивался. Вскоре он стал крупнейшим торговым центром Беломорья и всего русского Севера. В 1585 г. в Новые Холмогоры переводится торг из Колы, о чем сообщал датчанам кольский воевода Г.Б.

Васильчиков. На Мурмане иностранные купцы могли отныне закупать лишь рыбу и ворвань. Во многом такое решение царя Федора Ивановича объяснялось соображениями безопасности. Этим же руководствовались двинские воеводы, укрепляя город на Пур-Наволоке. По описанию 1622-1624 гг. укрепления Архангельска, получившего свое современное название в 1613 г., состояли из двух частей: Кремля (рубленного города, состоявшего из 6 башен, 204 городен стены) и «острога стоячего на иглах». У Архангельской и Воскресенской воротных башен были устроены «быки» - дерево-земляные платформы, прообраз сооружений бастионного типа. В крепостном арсенале в 1622-1624 гг. находилось 35 орудий, из них в исправном состоянии 32 пушки. Большинство составляли малокалиберные орудия, стрелявшие ядрами от 3 до 12 гривенок. На протяжении второй четверти XVII в. артиллерийский парк Архангельска не обновлялся – все изготовлявшиеся на московском Пушечном дворе орудия направлялись на западные и южные границы. Обслуживали архангельский «наряд» 10 пушкарей и 20 затинщиков.

Главной русской крепостью на Мурмане был Кольский острог, сооруженный на мысе, находившемся в глубине мелководного залива, в 75 км от открытого моря, в устьях рек Колы и Туломы. Небольшое русское поселение существовало здесь уже в первой половине XVI в. Значение его резко возросло после 1565 г., когда к устью Колы стали приходить иностранные, преимущественно голландские, торговые корабли. В 1582 г. сюда прибыл первый воевода – Аверкий Иванович Палицын, построивший в городке гостиный двор и установивший таможенные сборы, что свидетельствовало о превращении Колы в крупный торговый центр. Однако, установление регулярного сообщения России с европейскими странами спровоцировало ряд нападений на северные русские города со стороны Дании и Швеции. Русские поселения на северном пограничье следовало незамедлительно укрепить. В 1583 г. второй кольский воевода Максак Федорович Судимантов начал строительство в Коле острога, завершенное в 1584 г. Тогда укрепления вокруг города состояли из бревенчатого тына, 4 башен и рва. Постоянный гарнизон Колы насчитывал 30 стрельцов. Неоднократные нападения шведов на Кольский острог, совершенные в годы войны 1590-1595 гг., вынуждали русские власти продолжать мероприятия по усилению оборонительных сооружений этой крепости. В 1592 г. укрепления Колы, сильно пострадавшие во время шведских нападений 1590-1591 г., восстановили. Из Москвы сюда привезли пушки новой отливки, значительно повысившие боевые возможности кольского гарнизона. В 1608 г. Кольская крепость представляла мощное сооружение из 6 башен и рубленных городнями стен. Главное внимание горододельцы уделили 106 метровому участку стены, выходящему к заливу, откуда к Коле могли подойти вражеские корабли. По этой причине расположенная здесь Егорьевская башня была вооружена 4 орудиями: двумя - в верхнем ярусе, одним - в среднем и еще одним - в «подошвенном» (нижнем) бое. Еще одна крупнокалиберная пищаль находилась на бруствере передового укрепления. Всего в 1608 г. артиллерия Кольского острога насчитывала 21 орудие. Гарнизон города увеличился с 30 до 63 стрельцов, «наряд» обслуживало 5 пушкарей.

Обстановка, сложившаяся на русском Севере после Смутного времени, требовала постоянного присутствия здесь значительных воинских контингентов. В связи с этим гарнизон Колы был увеличен до 200 человек. Дальнейший рост его численности связан с датскими нападениями 1621-1623 гг. на побережье Мурмана. В 1625 г. в Кольском остроге находилось уже 500 стрельцов. Артиллеристов в крепости было немного - в 1636 и 1647-1648 г. здесь насчитывалось всего 9 пушкарей, но они обслуживали 54 орудия.

Как и на других участках русской границы, сельское население, предоставленное само себе, возводит собственные крепости. К их числу можно отнести Вотложемский городок, возникший на месте старинного, давно заброшенного укрепления на правом берегу Северной Двины, в 40 км. к югу от места впадения в нее р. Вычегда. Крепость была построена в Смутное время как убежище для местных жителей, за стенами которой они находили спасение от проникавших в Подвинье вражеских отрядов.

Наряду с борьбой за спорные приграничные территории, принадлежащие соседним странам, еще одной важнейшей задачей, стоявшей перед русским правительством являлась защита собственных рубежей. На практике она реализовывалась через систему мер, характер и масштаб которых заметно отличался на разных участках границы и зависил от боевых возможностей и образа действий противника. На южных и восточных «украинах», где почти ежегодно происходили нападения татар, наиболее действенным средством их отражения стало создание сплошных засечных укреплений, особенно усилившихся в XVII в., после постройки Белгородской, Симбирской и Закамской оборонительных линий. Помимо этого, сначала на опасных местах, а затем и по всей степной границе были устроены сторожевые посты и разъезды, по сигналам которых навстречу прорывавшемуся врагу выдвигались конные рати Большого и Украинного разрядов.

На западных и северо-западных рубежах защиту страны обеспечивали более мощные крепости, возводившиеся на труднопреодолимых водоразделах, на торных дорогах, окруженных лесными чащобами, болотами и другими естественными преградами. Прорваться в обход таких опорных пунктов противник, как правило, не пытался, стараясь овладеть расположенными на границе городами. Только взяв эти крепости и разорив их окрестности, неприятель продвигался во внутренние районы Московского государства. Учитывая боевые возможности литовских, польских, ливонских и шведских армий, оснащенных артиллерией, владеющей техникой ведения осадных работ, крепости здесь укрепляли особенно тщательно. Как и на юге литовский и «свейский» рубежи Московского государства прикрывала цепь отъезжих сторож, застав и станиц, составлявших первую линию русской обороны. На отдельных, особо опасных местах возводились засечные укрепления.

С середины XVI в. русское правительство вынуждено было укреплять и северную границу. После открытия нового морского пути из Европы в Россию ряд государств, прежде всего Швеция и Дания, попытались установить контроль над северными морями и захватить Русское Поморье. В XVII в. в этом районе действовали и пиратские корабли. Правительство не осталось безучастным к возросшей угрозе своим интересам. На севере строятся новые и усиливаются старые крепости: Соловецкий монастырь, Холмогоры, Архангельск, Кольский, Кемский и Сумской остроги, Каргополь. Но, из-за отсутствия в то время на Севере военных судов, ничего более существенного русское командование предпринять не могло.

Таким образом, оборона Московского государства строилась на использовании многочисленных фортификационных сооружений: городов, острогов, засечных линий, базируясь на которых предпочитала действовать русская армия. Гарнизоны крепостей, усиленные «осадными людьми» из числа местных и уездных жителей, в большинстве случаев демонстрировали хорошую воинскую выучку и могли противостоять значительным неприятельским силам. Защищаясь, они не ограничивались пассивной обороной, совершая вылазки и разрушая осадные работы противника. Неоднократно русские атаки наносили тяжелый урон осаждающим. Известно несколько случаев гибели или ранения видных начальников вражеской рати. 27 апреля (6 марта) 1609 г. под стенами Москвы стрелой был тяжело ранен гетман Роман Ружинский, командовавший армией Лжедмитрия II. Он так и не смог оправиться от полученной тяжелой раны и умер в 1610 г. Авраамий Палицын описал ранение тушинского полковника Александра Лисовского «вылазными людьми» крестьянином Никифором Шиловым и московским стрельцом Нехорошкой, которые, по словам автора, «ведомы бойцы бешя, на многих вылазках объявляющеся, бьющеся крепко». 30 июля 1615 г. во время осады Пскова пулей из самопала был убит известный шведский военачальник фельдмаршал Эверт Горн.

Иноземцы отмечали стойкость русских воинов при обороне своих городов. Такой вывод сделал Д. Флетчер, писавший, что «русский солдат, по общему мнению, лучше

защищается в крепости или городе, нежели сражается в открытом поле». Он сослался на самый известный в то время пример: «Это замечено во всех войнах, а именно при осаде Пскова, за восемь лет тому назад, где польский король, Стефан Баторий, был отражен со всей его армией, состоявшею из 100 000 человек, и принужден, наконец, снять осаду, потеряв многих из лучших своих вождей и солдат». Но наиболее развернутая оценка действий русских воинов в городах принадлежит Бальтазару Рюссову, попытавшемуся проанализировать причины их героического поведения. 85-я глава его «Ливонской хроники» названа «Почему русские так сильны в крепостях». Рюссов начинает ее с констатации общеизвестного факта: «русские в крепостях являются сильными боевыми людьми». По мнению хрониста, это вызвано следующими причинами:

«Во-первых, русские работающий народ: русский, в случае надобности, не утомим ни в какой опасной и тяжелой работе днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя.

Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищею; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может.

В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она не была, то не смеют показаться в своей земле. Потому что их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека и скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы не жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться.

В-четвертых, у русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость».

Слова Рюссова подтверждают примеры героических осад эпохи Ливонской войны. Тем не менее, потери, понесенные московскими войсками в ходе этого многолетнего конфликта, использование противником новых осадных средств (каленных ядер) поколебали восхищавшую врагов стойкость русских воинов в обороне. Это отмечено и наблюдательным немецким хронистом: «Однако со временем, и они об этом стали другого мнения. Потому что, получая известие о большом войске, не шутя угрожавшем им, и ими овладевала, как и другими нациями, человеческая слабость и робость, по которой передавались крепости». Впрочем, робость охватывала, как правило, потерявших мужество воевод, сдававших Баторию крепости, способные держаться еще достаточно продолжительное время. Когда во главе гарнизона оказывались решительные коменданты, поляки бесславно отступали либо захватывали город ценой больших потерь в течение продолжительного времени. Погибали, но не сдавались врагу защитники Сокола, Падиса и Корелы, Ругодива (Нарвы), осажденного армией шведского полководца Понтуса Делагарди. В XVII в. русские продолжали упорно защищать свои города. Оборона Смоленска и Пскова, Корелы и Троице-Сергиева монастыря в годы Смутного времени служит этому лучшим подтверждением. Неудачная Смоленская война памятна героической обороной Дорогобужа, Новгород-Северского, Путивля и Белгорода, где было остановлено черкасское войско Я. Острянина, уничтожившее крепость Валуйки. В ту же войну замечательный пример стойкости явил небольшой гарнизон города Белая, которым решил овладеть Владислав IV после победы над армией М.Б. Шеина под Смоленском. Во время одной из вылазок русским удалось ранить самого короля; в боях под городом противник потерял до 4 тыс. человек. Поражение под Белой поставило польское правительство перед необходимостью начать мирные переговоры с Россией, завершившие русско-польскую войну 1632-1634 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На всем протяжении рассматриваемого периода в деятельности существовавших в стране политических и социальных институтов доминировали военные задачи. Особенно актуальными они стали в эпоху Смутного времени начала XVII в., когда вторжения многочисленных вражеских армий создали реальную угрозу самому существованию единого Русского государства. Ценой мобилизации всех сил, в первую очередь земских войск, принудительных сборов чрезвычайных налогов («пятин»), кризис был преодолен, однако новая российская власть, помнившая о прошлых страшных потрясениях и не желавшая их повторения, начинает усиливать государственную машину организацией звена непосредственного исполнения правительственных распоряжений и административных задач. Сложившаяся в прежние годы система центрального военного управления в царствование Михаила Федоровича Романова была дополнена созданием разветвленной системы воеводского управления на местах, благодаря чему в стране создается жесткая властная вертикаль, находившаяся под полным контролем правительственной администрации.

Новая модель местного управления появляется в России еще во второй половине XVI в., наряду с действующими в уездах и волостях Московского государства губными и земскими учреждениями. Первоначально воеводы направлялись лишь в пограничные города, где существовала необходимость введения военной администрации, напрямую подчиненной правительству. Во внутренние уезды страны воевод стали посылать в Смутное время для организации вооруженного отпора действовавшим там войскам самозванцев, интервентов, разорвавшим южные районы страны татарским отрядам. О преобладании военных функций в деятельности правительственных эмиссаров свидетельствует анализ выдававшихся им наказных грамот. Так, направленный в 1611 г. на воеводство в Ядрин Мисюрь Соловцов, получил от начальников Первого ополчения Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого подробную инструкцию, согласно которой он должен был принять у своего предшественника Василия Кушникова казну и находившиеся в городе запасы, организовать его надежную оборону. Для этого при получении вестей «про крымских или про нагайских воинских людей», он должен был посылать «в подъезд и для языков голов с сотнями». В случае прихода врагов к Ядрину воевода получил приказ о немедленном сборе жителей окрестных дворцовых сел «со всяким оружием» в осаду. При нападении противника на соседние уезды, «которые к Ядрину и к Ядринскому уезду смежны», Соловцову давалось право действовать самостоятельно, по сложившимся обстоятельствам, однако в любом случае воевода обязывался «быти в городе с великим береженьем, и сторожи и отъезжие караулы и заставы ставити урядно, как бы было ядринским людем усторожливо и от приходу воинских людей бережно». Учитывая опыт прежних бунтов и мятежей, от него требовалось «росматривати, чтоб ни в ком шатости <...> и лихих заводов и самоволства не было». Управлять городом и уездом Мисюрю Соловцову предписывалось, не ожесточая жителей Ядрина, «к служилым <...> людем ласку и привет держать, и словом во всяких делах обнадеживать». Только в самом конце документа содержалось указание исполнять свои обязанности «в правду», взимая с судебных дел пошлины «против Судебника».

Окончательно воеводское управление сложилось в Русском государстве к 20-м гг. XVII в. Воеводы и их товарищи назначались Разрядным приказом и утверждались государем и Боярской думой. Со временем круг обязанностей воевод расширился, они сосредоточили в своих руках административные, судебные, финансовые, полицейские функции, контроль за распределением земли, однако важнейшей их задачей оставалась организация обороны вверенных им городов и уездов, учет проживавших там служилых людей и всего боеспособного населения, сбор и хранение ратных запасов. Действия местных начальников регламентировались наказными грамотами. Городовым воеводам поручалось следить за военной подготовкой и вооружением своих подчиненных и готовить

им в помощь резервные отряды из посадских и уездных людей. Огнестрельное оружие обязаны были иметь даже крестьяне, бобыли, «поповы и боярские люди», только самым бедным из них «за скудостью» разрешалось иметь для военных надобностей рогатины и бердыши.

В своем строительстве московская армия прошла долгий исторический путь, совершенствуясь вместе с государством. Происходившее в конце XV – первой половине XVII вв. развитие вооруженных сил России делится на 3 этапа, каждый из которых имел свои особенности, повлиявшие на ход шедшей тогда вооруженной борьбы.

На первом этапе началась перестройка московской княжеской армии (конец XV – середина XVI вв.), в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за свою службу в условное держание земельные дачи. Так образовалось поместное войско, являвшееся ополчением служилых людей «по отечеству». В результате этих преобразований были созданы предпосылки для успешного решения первоочередных внешнеполитических задач – отвоевания части западнорусских территорий у Великого княжества Литовского и установления мирных отношений с татарскими ханствами.

Главным событием второго этапа (вторая половина XVI в.) стали военные реформы Избранной рады. Важным результатом их осуществления явилось упорядочение службы поместного ополчения Уложением 1555/1556 г. Однако временный характер службы дворянского ополчения перестал устраивать правительство, поэтому оно начинает формирование «приборных» стрелецких и казачьих «приказов» и сотен, размещенных в качестве постоянных гарнизонных войск по городам Московского государства. В военное время лучшие из них включались в состав полевых армий, усиливая огневое прикрытие дворянских сотен. Тогда же было упорядочено управление вооруженными силами, в дополнение к Разрядному и Поместному приказам, созданы Стрелецкий, Пушкарский, Бронный, Каменных дел и другие приказы. На этом этапе правительство приступило к покорению Казанского и Астраханского «царств», позднее началось продвижение русских войск на Северный Кавказ, в Западную Сибирь, была предпринята попытка завоевания Ливонии и Полоцкой земли, шла ожесточенная борьба с крымскими и ногайскими набегами.

На третьем этапе (первая половина XVII в.), начало которого совпадает с эпохой Смутного времени, внутренние усобицы и выступления социальных низов ослабили Московское государство и русскую армию. Необходимость надежного устройства вооруженных сил стала особенно актуальной в условиях частых военных поражений того периода. Разгром лучших войск и потеря важнейших крепостей на западных и северо-западных рубежах, разрушение засек на южных границах вынуждали московское правительство приступить к поиску новых путей развития вооруженных сил страны. В борьбе с врагом власти вынуждены были прибегнуть к помощи земских ополчений, но после преодоления кризиса приступили к восстановлению старой разрядной армии. Но, возражая привычные формы войсковой организации, обращаясь в случае необходимости за содействием к вооруженному народу, власти стремились использовать и европейский военный опыт. В 1630 г. для участия в приближающейся войне с Речью Посполитой (Смоленская война 1632-1634 гг.) началось формирование первых полков солдатского, рейтарского и драгунского строя. Неудачный исход этой войны не изменил выбранного правительством курса, направленного на создание мощной регулярной армии, однако тяжелое финансовое положение вынуждало власти использовать в военное время все наличные силы: поместное ополчение и «приборные» войска, полки нового строя, отряды «даточных» посадских и уездных людей, а в случае неприятельского вторжения на русскую территорию – всего вооруженного населения.

Несмотря на появление новых войсковых разрядов, ядром вооруженных сил Русского государства на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось поместное конное войско. Все остальные ратные люди (стрельцы, казаки, пушкари,

служилые иноземцы), мобилизованные посошные и даточные люди в походе распределялись по дворянским полкам, усиливая их боевые возможности. Такое устройство вооруженных сил подверглось реорганизации лишь в середине XVII в., когда были сформированы полки «нового строя», действия которых в составе полевых армий отличались известной автономностью. Показательно, что во второй половине XVII в. меняется и структура московской армии – главным и решающим родом войск становится пехота.

Комплектование вооруженных сил осуществлялось в виде верстания или прибора служилых людей. В первом случае происходило пополнение поместного войска. В необходимом случае в уездах проводился смотр служилых и неслужилых новиков, проверялось их вооружение, количество приведенных с собой боевых холопов, собиралась информация о происхождении и имущественном положении. После этого каждому дворянину или сыну боярскому назначалось определенное поместье и денежное жалованье. При обработке сведений об организации поместной службы был сделан вывод о том, что единая норма верстания служилых людей «по отечеству» в Московском государстве так и не была введена. Величина поместных окладов и дач зависела не в последнюю очередь от численности служилых людей и наличия свободной земли в том или ином уезде. Разнились даже «новичные» оклады. Учитывая вышесказанное, мнение П.П. Епифанова о существовании в масштабах *всей* страны единой нормы верстания дворян и детей боярских следует признать излишне категоричным. В случае необходимости корпорации городских детей боярских пополнялись за счет испомещения приборных людей. Известен был и один случай массового верстания поместными окладами служилых казаков. Он произошел в 1585 г. в Епифани, когда из них набрали 300 новых детей боярских, испомещенных в Епифанском уезде «дачами» в 30-40 четвертей земли. О том, что такие случаи имели распространение и впоследствии свидетельствует обнаруженный факт верстания поместными и денежными окладами 40 короченских казаков в 1644 г.

Иначе на военную службу набирались стрельцы, казаки и пушкарники. Вместо поместного оклада, полагавшегося служилым людям «по отечеству», приборные воины получали «государево» денежное или иное жалованье. Интересной новацией эпохи Смутного времени стало появление альтернативных тенденций комплектования русских вооруженных сил не на «государевом», а на «мирском земском» жаловании. Даже в первые годы правления Михаила Федоровича Романова белозерские посадские земские старосты продолжали набирать стрельцов из охочих людей, со своими самопалами, «за порукою» как самих стрельцов, так и посадских людей и крестьян. В этом случае крайне важным представляется сообщение источников о том, что командовали такими стрельцами головы и сотники, выбранные «миром». Обнаруженные факты свидетельствуют о возросшей роли в этот период «выборных земских советных людей», поставивших под свой контроль и на содержание вооруженные отряды, размещавшиеся в различных уездах Московского государства. Ранее в распоряжении исследователей находились лишь данные о пожалованиях служилых людей властями Нижегородского земского ополчения.

В результате проделанной работы были уточнены данные о численности вооруженных сил Московского государства в середине XVII в. При пересчете сведений, содержащихся в «Смете всяких служилых людей» 1650/1651 г. установлено несколько ошибок, допущенных А.В. Черновым (в подсчете численности поместного войска, стрельцов, казаков, рейтар и драгун), первым обратившимся к этой разрядной записи. Исследователь полагал, что к 1651 г. Москва располагала армией в 132 837 человек. В действительности, по разрядным записям в стране насчитывалось тогда 129 314 служилых людей, не считая выставляемых помещиками боевых холопов и засечной стражи южных оборонительных линий (по самым приблизительным оценкам - ок. 30 тыс. человек), которые не были учтены составителями документа. Таким образом, в середине XVII в.

даже в мирное время численность всех вооруженных сил Русского государства составляла не менее 160 тыс. человек.

В военное время русская армия усиливалась за счет мобилизации на «большую повальную службу» части боеспособного населения, в том числе и представителей многих народов Поволжья: казанских и юртовских татар, башкир, чувашей, марийцев и мордвы, наймом отрядов вольных казаков - донских, терских, запорожских. В годы русско-польской войны 1654-1667 гг. в ходе таких сборов было мобилизовано не менее 100 тыс. человек. Изменилось и вооружение русского войска. Начинается эпоха бурного развития ручного огнестрельного оружия и ствольной артиллерии. С конца XVI даже дворянская конница стала вооружаться пищалями, карабинами и пистолетами. Использование ратными людьми новых образцов вооружения вынудило московское командование приступить к систематическому обучению ратных людей, особенно активно в отношении пушкарей, военнотружущих полков нового строя и стрельцов. Содержание и оснащение вооруженных сил было главной, преобладающей статьей расходов, зачастую поддержание их боеспособности вынуждало правительство прибегать к чрезвычайным налоговым мерам, таким как сбор «пятин» в первые годы царствования Михаила Федоровича Романова.

С военно-организационными мероприятиями властей самым непосредственным образом связаны военные акции Московского государства. В войнах с Казанским, Крымским и Астраханским ханствами, Швецией, Ливонским орденом, Литвой и Польшей русские войска действовали по большей части удачно, командовавшие ими воеводы выказали способность решать сложные стратегические и тактические задачи. В результате произошедших вооруженных конфликтов некоторые из враждебных России государств (Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, Ливонский орден) прекратили свое существование, Большая Ногайская орда и калмыки подчинились Москве, Великое княжество Литовское лишилось значительной части восточных земель, южные границы Руси были отодвинуты к верховьям Дона и укреплены линией сплошных засечных черт. Именно тогда на степных «украинах» страны возникают казачьи юрты, ставшие первым рубежом русской обороны. Тяжелые поражения в Ливонской войне 1558-1583 гг. и сражениях Смутного времени начала XVII в. объясняется не только использованием противниками России новых форм вооруженной борьбы, появившихся в эпоху Нового времени в европейских армиях, но и ошибочным внешнеполитическим курсом Ивана Грозного, трудным внутренним состоянием Московского государства и расколом русского общества, приведшим к разрушительной гражданской войне, пламя которой с трудом погасили ополченцы земских ратей, с оружием в руках бившиеся против польских и шведских интервентов и русских «заводчиков смуты». Восстановив армию, усилив ее полками «нового строя», правительство Михаила Федоровича Романова в 1632 г. попыталось вернуть Смоленскую, Черниговскую и Северскую земли. Развернувшиеся на всем протяжении русско-польской границы военные действия первоначально шли с явным преимуществом Москвы. Но трагическое поражение армии М.Б. Шеина под Смоленском едва не привело страну к новой военной катастрофе. Лишь мужество защитников небольшой крепости Белая остановило начавшееся вражеское нашествие, вынудило польского короля Владислава IV пойти на мир с Россией, уступив ей город Серпейск. Более полному изучению Смоленской войны 1632-1634 гг. помогли архивные материалы, содержавшие подробное описание боевых действий на псковском и путивльско-белгородском участках фронта. Одной из наиболее удачных операций этой войны стало взятие Полоцкого острога русскими войсками, действовавшими на псковском участке русско-польского рубежа (в районе Невля и Великих Лук).

Постоянные столкновения с татарами на восточной и южной границах Московского государства, ожесточенные войны на западных и северо-западных рубежах страны определили особенности русской военной организации. Частые вооруженные конфликты второй половины XV – начала XVII вв. превратили страну в настоящий военный лагерь,

отвлекая значительную часть населения от мирных занятий, вынуждая уездных и посадских людей запасаться боевым оружием и снаряжением, учиться ратному делу. Почти вся официальная жизнь выстраивалась вокруг армии, ее интересов и нужд. Защита Русской земли стала обязанностью всех русских людей, от которой нельзя было ни уклониться, ни откупиться. За уклонение от службы («неты») и бегство из полков наказывали даже дворян. Во время военных тревог проходила мобилизация не только служилых людей (воинов поместного ополчения, стрельцов, городских казаков, пушкарей и затынщиков, солдат, рейтар, драгун), но и купцов, ремесленников, крестьян, выступавших на земское дело с собственным оружием, в том числе огнестрельным. Набранные из их числа «осадные люди» обороняли города и остроги, лесные завалы и другие укрепления пограничных засечных черт. Во время больших войн действовал принцип обязательной ратной повинности: в дальние походы выступали собиравшиеся со всей земли посошные и даточные люди, на плечи которых ложился тяжелый труд по обеспечению действий русских ратей, составленных из служилых людей – воинов поместной конницы, стрельцов и казаков. В случае необходимости они привлекались к участию в военных действиях.

* * *

В ходе работы история русских войн и вопросы организации вооруженных сил в XV – XVII вв. впервые рассматривались в единстве. Были обнаружены и использованы новые архивные источники, позволившие установить приоритеты внешней политики Москвы, определить закономерности развития военного дела в России. Полученные данные позволяют утверждать, что Московское государство изначально ориентировалось на окончательное устранение татарской угрозы и соединение под властью своих властителей всех русских земель, в том числе и оставшихся под властью чужеземцев. В наиболее напряженные моменты противоборства с врагами осуществлявшиеся мероприятия принимали общегосударственный характер, требовали привлечения колоссальных материальных и людских ресурсов. Главной целью военной политики правительства являлось укрепление вооруженных сил страны, как своей самой надежной опоры. Сохраняя в качестве основного рода войск поместное конное ополчение московские власти стремились усилить его развитием артиллерии, комплектованием пехотных и конных стрелецких подразделений, привлечением к ратной службе городского и сельского населения, казачества. В конце XV – середине XVI вв. военный потенциал страны соответствовал уровню развития Русского государства и обеспечивал его дальнейшее развитие. Но разрушительные действия Ивана Грозного, а также политический и социальный кризис конца XVI – начала XVII в. ослабили старую систему организации вооруженных сил. Закономерным следствием происходивших в Московском государстве процессов явилось возникновение новых военных структур, необходимость которых проявилась в эпоху повсеместного формирования на Западе многочисленных массовых армий и возобновившихся в 1630-х гг. нападений крымских татар. Создание первых полков солдатского, драгунского и рейтарского строя обозначило тенденцию к воспроизведению в России системы организации вооруженных сил, сложившейся к тому времени в странах Европы. Однако вплоть до конца XVII в. она сосуществовала со старой поместно-земской системой, игравшей исключительно важную роль в обеспечении надежной обороны приграничных городов и уездов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адамс К. [Путешествия англичан в Россию] // ЖМНП. 1838. Ч. 20. № 10. Отд. 2. С. 35-64.
2. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. Ч. 1. М., 1864.
3. Акты второй половины XIV – половины XVII в. // РИБ. Т. 2. СПб., 1875.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1-3. СПб., 1836.
5. Акты времени междуцарствия 610-1613 гг. М., 1915.
6. Акты Земского собора 1612-1613 гг. // Записки ОР ГБЛ. М.: Книга, 1957. Вып. 19. 185-190.
7. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-2. СПб., 1841.
8. Акты Московского государства. Т. 1-3. СПб., 1890-1901.
9. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864.
10. Акты относящиеся к истории Войска Донского, собранные ген.-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891
11. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-2. СПб., 1848.
12. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг. М., 1911.
13. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI вв. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964.
14. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
15. Акты XIII-XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. Ч. 1. М., 1898.
16. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Ред. Л.Н. Рубинштейн. Л.: Соцэкгиз, 1937.
17. Аннинский С.А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Ист. архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 305-388.
18. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI-XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1967.
19. Арсеньевские шведские бумаги 1611-1615 гг. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 3-113.
20. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1861. Кн. 3.
21. Багaley Д.И. Материалы для истории и колонизации и быта степной охраны Московского государства (Харьковской, отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI-XVII столетиях. Т. 1. Харьков, 1886.
22. Белокуров С.А. Дневальные записки Приказа тайных дел. М. 1908.
23. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907.
24. Боплан Г. Описание Украйны. СПб. 1832.
25. Буганов В.И. Грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву 1595 г. (Из истории организации сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI в.) // Зап. ОР ГБЛ. Вып. 20. М.: Книга, 1958. С. 177-185.
26. Буганов В.И. Документы о Ливонской войне // АЕ за 1960. М., 1961. С. 264-272.
27. Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603-1613), известный под именем Истории ложного Димитрия // РИБ. Т. 1. СПб., 1872. С. 81-364.
28. Буссов К. Московская хроника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961.

29. Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. ОР ГБЛ. Вып. 38. М., 1977. С. 104-125.
30. Вахрамеев И. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М., 1896.
31. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Наука, 1959.
32. Воронежское дворянство по десятиям XVII в. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. Отд. 3. С. 95-99
33. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 7-8. СПб., 1856-1859. (репринтное воспроизведение: М.: Языки русской культуры, 2001) .
34. Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 1997.
35. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889.
36. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.
37. Горсей Д. Записки о России XVI – нач. XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990.
38. Готье Ю.В. Известия Пальмквиста о России. СПб., 1899.
39. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
40. Грамоты и отписки 1611-1612 гг. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий археографической комиссии. Вып. 1. СПб., 1862. С. 8-27.
41. Грамоты [царя Алексея Михайловича] к князю Ю.А. Долгорукову // Записки Отд. русской и славянской археологии Русского арх. об-ва. Т. 2. СПб., 1861. С. 756-764.
42. Гуковский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан // Труды ЛОИИ. Вып. 5. Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1963. С. 652-655
43. Дворцовые разряды. Т. 1-3. СПб., 1850-1852.
44. Десятни и Тысячная книга XVI в. в обработке В.Н. Сторожева. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. Отд. III. Историко-юридические материалы.
45. Десятни Московского уезда 7086 (1578) и 7094 (1586) гг./ Публ. Е. Сташевского // ЧОИДР. Кн. 1. 1911. Отд. I. С. 1-50.
46. Десятни по Владимиру и Мещере / Публ. Ю.В. Готье // ЧОИДР. Кн. 1. 1911. Отд. I. С. 51-89.
47. Дмитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI - начала XVII в. // Уч. зап. НИИ Чувашской АССР. 1963. Т. 22. С. 169-175.
48. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописям Трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.
49. Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова. СПб.; Д. Буланин, 1995. (Studiorum slavicozum monumenta. Т. 9).
50. Дневники Второго похода Стефана Батория на Россию (1580) Яна Зборовского и Луки Дзялынського. М., 1897.
51. Дневник о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632-1634 гг. // РИБ. Т. 1. Стлб. 721-767.
52. Документы Ливонской войны // Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. М.; Варшава: Археогр. центр, 1998.
53. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166-183.
54. Долинин Н.П. Разрядный список 1618-1619 гг. поместных казаков Рязани // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 397-407.
55. Донесение Д. Иоанна Фабра его высочеству Фердинанду инфанту Испанскому, герцогу Бургундскому и правителю австрийской империи о нравах и обычаях москвитян // Отечественные записки. Ч. 25. 1826. № 70. С. 285-305.
56. Донские дела. Т. 1-4 // РИБ. Т. 18, 24, 26, 29. СПб., 1898-1913.

57. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-9. СПб., 1846-1875.
58. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. III. Смесь. С. 26-33.
59. Древние грамоты и акты Рязанского края собранные А.Н. Пискаревым. СПб., 1854.
60. Дунаев Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI столетия по документам Московского Архива Министерства иностранных дел. М., 1916.
61. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Отв. Ред. С.В. Бахрушин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
62. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910.
63. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.
64. Закондательные акты Русского государства втор. пол. XVI – перв. пол. XVII вв. Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1986.
65. Записки Георга Паерле о путешествии его из Кракова в Москву и из Москвы в Краков с 19 марта 1606 по 15 декабря 1608 г. // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 2. СПб., 1832. С. 1-216.
66. Записки Манштейна // Русская старина. 1875. № 12. Приложение 1. С. 1-378.
67. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.
69. «Иноземцам вотчины продавать...» Дело Поместного приказа о наследовании вотчины Ю.Ю. Абрамова. 1676-1678 гг. / Пуб. Т.А. Лаптевой // Ист. архив. 1994. № 1. С. 208-215.
68. Иоасафовская летопись / Ред. А.А. Зимин.. М.: Изд-во АН СССР, 1967.
70. Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
71. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая дипломатические отношения Литвы в царствование короля Стефана Батория. Т. 1-2. М., 1843-1844.
72. Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I-2. СПб., 1853-1855.
73. Копия с письма литовского гетмана Николая Радзивилла, присланная в Варшаву 3 февраля 1564 г. // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. Отд. III. С. 1-9.
74. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: Росспэн, 2000.
75. Коялович М. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. СПб., 1867.
76. Краткие летописцы XV-XVI вв. / Публ. А.А. Зимина // Ист. архив. Кн. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 9-39.
77. Краткий Галицкий летописец // Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. Приложение 1. Северо-русские летописные заметки, из сб-ка ИПБ QXVIII, 76. С. 601-607.
78. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1-2. СПб., 1908-1913.
79. Курбский А.М. История о великом князе Московском // РИБ. Т. 31. СПб., 1914.
80. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича; Александро-Невская летопись; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965.
81. Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М.: Наука, 1980.
82. Летописцы последней четверти XVII в. // ПСРЛ. Т. 31. М.: Наука, 1968.
83. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг // ВЖ. 1852 № 1 С. 131-145; 1852 № 2 С. 89-104; 1853. № 5. С. 94-110; 1853. № 6. С. 84-106.
84. Литовская Метрика. Ч. 1. Отд. 1 // РИБ. Т. 27. СПб., 1910.
85. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910.

86. Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями, с 1462 по 1553 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863.
87. Малиновский И.А. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады великого княжества Литовского. Томск, 1901.
88. Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории СССР, 1982.
89. Мархоцкий Н. История Московской войны. М.: Росспэн, 2000.
90. Маскевич С. Дневник. 1594-1621. // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859.
91. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937.
92. Материалы для истории Войска Донского. Новочеркасск, 1864.
93. Материалы по истории Карелии XII-XVI вв. Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941.
94. Материалы по Смутному времени на Руси XVII в., собранные проф. В.А. Александренко. № 1. Записка неизвестного автора о Соловецком монастыре // Старина и новизна. Кн. 14. М., 1911. С. 193-195.
95. Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. М., 1775.
96. Нижегородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. Книги Шелонской пятины 1498-1576. СПб., 1905.
97. Нижегородские платежные. 7116 и 7120 гг. М., 1910.
98. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9-14. СПб., 1862-1910. (репринтное воспроизведение: М.: Изд-во АН СССР, 1965).
99. Огородников В.И. Донесение о Московии второй половины XVI в. // ЧОИДР. 1913. Кн. 2. Отд. III. С. 1-44.
100. Описная книга пушек и пищалей и военных снарядов, учиненная в царствование Михаила Федоровича // СИМАИМ. Вып. 4. Л.: Изд-во Артиллерийского ист. музея, 1959. С. 286-324.
101. Пальмквист Э. Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю московскому в 1674 г. / Пуб. Г.М. Коваленко. Новгород: Новг. гос. музей-заповедник, 1993.
102. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. СПб, 1851.
103. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. Памятники дипломатических сношений с папским двором и итальянскими государствами (с 1556 по 1699 гг.). СПб., 1871.
104. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1853.
105. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турциею. Т. 2 // Сб. РИО. Т. 95. СПб., 1895.
106. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882
107. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2 // Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887
108. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 4 // Сб. РИО. Т. 137. М., 1912.
109. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 5 // Сб. РИО. Т. 142. СПб., М., 1913.

110. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством // Сб. РИО. Т. 129. СПб., 1910.
111. Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. Радзивилловские акты / Сост. М.М. Кром. М., Варшава: Дрвлекранилище, 2002.
112. Памятники русского права. Вып. 5. М.: Госюриздат, 1959.
113. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979.
114. Петрей П. История о великом княжестве Московском, происхождении русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах. М., 1867.
115. Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632-1634 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: УРСС, 2000. С. 116-127.
116. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1978.
117. Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду, изданные археографической комиссией. СПб., 1896.
118. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Т. 1. Вып. 1-3. Рязань, 1898-1904.
119. Писцовые книги Московского государства / Ред. Н.В. Калачов. Ч. 1. Отд. 1-2. СПб., 1872-1877.
120. Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Вотчинные земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
121. Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. Поместные земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
122. Письмо гетмана литовского Н. Радзивилла о победе при Уле. 1564 г. // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. № 3. Отд. III. С. 1-9.
123. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985. С. 430-467.
124. Повесть о Земском соборе 1613 г. / Публ. Б.Н. Морозова и А.Л. Станиславского // ВИ. 1985. № 5. С. 89-96.
125. Повесть о победах Московского государства. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982.
126. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
127. Полубенский А. Донесения князя Александра Полубенского // Труды 10-го археологического съезда в Риге. 1896. Т. 3. М., 1900. С. 117-138.
128. Поражение москвитян и осада города Вендена // ЧОИДР. 1847. № 3. Отд. 3. С. 1-6.
129. Послание Иоанна Таубе и Элрета Круза // РИЖ. Кн. 8. Пг., 1922. С. 29-59.
130. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1983.
131. Принц Д. Начало и возвышение Московии. М., 1877.
132. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. / Публ. С.О. Шмидта // Ист. архив. Кн. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 258-299.
133. Псковские летописи. Вып. 1 // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
134. Псковские летописи. Вып. 2 // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (репринтное воспроизведение: М.: Языки русской культуры, 2000).
135. Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: Наука, 1966.
136. Разрядная книга 1559-1605 гг. М.: Инс. истории АН СССР, 1974.
137. Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1-3. М.: Инс. истории АН СССР, 1977-1989.
138. Разрядная книга 1550-1636 гг. Т. 1-2. М.: Инс. истории АН СССР, 1975-1976.
139. Разрядная книга 1598-1638 гг. М.: Инс. истории АН СССР, 1974.

140. Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича. 1563 г. / Пуб. А.П. Сапунова // Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного. Витебск, 1885. № 3. С. 27-70.
141. Разряды 7072-7093 (1564-1585) гг. / Пуб. А.П. Сапунова // Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного. Витебск, 1885. № 4. С. 70-78.
142. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. Отд. II. С. 1-128. 1906. Кн. 3. Отд. III. С. 129-228.
143. Рогожский летописец; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863 (репринтное воспроизведение: М.: Изд-во АН СССР, 1965; М.: Языки русской культуры, 2000).
144. Росписной список города Москвы 1638 г. // Труды Московского отдела имп. Русского военно-исторического общества. Т. 1. М., 1911.
145. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 гг. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2001.
146. Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985.
147. Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985.
148. Россия при Петре Великом по рукописному известию И.Г. Фоккеродта // ЧОИДР. 1874. Кн. 2. Отд. IV. С. 1-120.
149. Русские акты Копенгагенского государственного архива // РГБ. Т. 16. СПб., 1897.
150. Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. Т. 15. СПб., 1894.
151. Русский временник, сиречь Летописец, содержащий Российскую историю от 6370 – 862 до 7189 – 1681 лета, разделенный на две части. Ч. 2., М., 1820.
152. Русский хронограф Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911.
153. Русский хронограф Ч. 2. Хронограф западно-русской редакции // ПСРЛ. Т. 22. Ч. 2. Пг., 1914.
154. Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб-к документов. М.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ление, 1960.
155. Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края Т. 2-3. Рига, 1879-1880.
156. Рябинин И.С. Новое известие о Литве и москвитях (К истории второй осады Смоленска в 1513 г). М., 1906.
157. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1659 г. Приложение 1-2 // ИЗ. Т. 22. М., 1947. С. 135-166.
158. Сказание Авраамия Палицына / Ред. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
159. Сметный список 7139 г. // Временник ОИДР. 1849. Кн. 4. Смес. С. 18-51.
160. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1-4. М., 1813-1828
161. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
162. Станиславский А.Л. Новые документы о восстании Болотникова // ВИ. 1981. № 7. С. 74-83.
163. Статейный список московского посланника в крым Ивана Судакова // Известия Таврической уч. арх. Комиссии. Симферополь, 1891. № 14. С. 50-80.
164. Страленберг Ф.И. Рассказ об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова / Пуб. А.И. Маркевича // ЖМНП. 1891. № 10. С. 405-407.
165. Судебники XV-XVI вв. / Ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

166. Сыскное дело о ссоре князя Ромодановского с Ларионом Суминым // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 7. Отд. IV С. 85-122..
167. Тимофеев И. Временник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
168. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921 (репринтное воспроизведение: М.: Языки русской культуры, 2000).
169. Три письма Исаака Массы из Архангельска к Генеральным штатам // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 233-245.
170. Устюжские и вологодские летописи // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982.
171. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1914.
172. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.
173. Флетчер Д. О государстве русском. М.: Захаров, 2002.
174. Холмогорская летопись; Двинской летописец // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1977.
175. Хронограф редакции 1617 г. // Памятники литературы древней Руси. Конец XVI - начало XVII вв. М.: Художественная литература, 1987.
176. Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР. 1859. Кн. 2. Отд. II. С. 1-254.
177. Царские указы о походе под Смоленск // ЧОИДР. 1847 № 1. Отд. IV. Смесь. С. 1-40.
178. Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590-1591 гг. // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. Отд. IV. С. 12-16.
179. Чумиков А.А. Объявление войны царем Иваном Васильевичем городу Ревелю // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Отд. V. Смесь. С. 1-4.
180. Шапошников Н.В. Heraldica: Исторический сборник. СПб. 1900. Т. 1.
181. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.
182. Щербачев Ю.Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. М., 1893.
183. Щербачев Ю.Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории(1326-1569 гг.) // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. II. С. 1-320.
184. [Эвлия-эфенди] Неудачная осада Азова турками в 1461 г. и взятие ими крепости по оставлении оной казаками // Записки Одесского общества истории и древностей российских. Т. 8. Одесса, 1872. С. 161-170.
185. Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сб-к материалов..., касающихся взаимоотношений России и Швеции в 1616-1651 гг. // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. Отд. I. С. I-X, 1-240.
186. Acta historica res gestas Poloniae illustrant. T XI. «Acta Stefani regis». Krakow. 1887.
187. Fronsperger L. Kriegsbuch. T. 1-3. Frankfurt, 1573.
188. Kronika Marcina Bielskiego. Ks. VII. Warszawa, 1832..
189. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wazystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. T 2. Warszawa, 1846.
190. Lietuvos Metrika. Kn 5 (1427-1506). Vilnius, 1993.
191. Lietuvos Metrika. Kn. 7. (1553-1567). Vilnius, 1996.
192. Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499-1514). Vilnius, 1995.
193. Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603-1618. Warszawa, 1968.
194. Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystiej Rusi. Porpz. przez M. Malinowskiego. T. 11. Warszawa, 1846.
195. Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis depromta, et a collegio archaeographico edita. Petropoli, 1848.

197. The first voyage made by master Antonie Jenkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of may, in the yeere 1557 // Haklut's collection of the early voyages, travel and discoveries of the English nation. London, 1809. Vol. 1. P. 353-354.
196. Wallhausen J.J. Kriegskunst zu Fuss. Oppengeim, 1615.
198. Абрамович Г.В. Дворянское войско в царствование Ивана IV // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 186-192.
199. Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
200. Азарьин С. Книга о чудесах преподобного Сергия // Памятники древней письменности. СПб., 1888. Т. 70.
201. Александров В.А. Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в. Диссер... канд. ист. наук. М., 1947.
202. Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII-XVI вв. М.: Аванта+, 1994.
203. Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1991.
204. Алексеев Ю.Г. На службе России. Боярин Яков Захарьич // Дом Романовых в истории России. Исторический опыт русского народа и современность. СПб. Изд-во СПб ун-та, 1995. С. 55-69.
205. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989.
206. Алексеев Ю.Г. Русские источники о начале Свейской войны 1495-1497 гг. // Историческое познание: традиции и новизна. Материалы Междунар. теоретич. конференции. Ижевск: Изд. Гос. Удмуртского ун-та, 1996. С. 280-288.
207. Алексеев Ю.Г. Свейская война 1495-1497 годов // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С.6-8.
208. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI-XIX вв. М.: Наука, 1990.
209. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995.
210. Алферова Г.В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI-XVII вв. // ВИ. 1977. № 7. С. 50-66.
211. Алферова Г.В. Русские города в XVI-XVII вв. М., 1989.
212. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последн. четв. XV – нач. XVII вв. Диссер... канд. ист. наук. М., 1999.
213. Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII в. СПб., 1904.
214. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.
215. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М.: Изд-во МГУ, 1952.
216. Базилевич К.В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // ИЗ. Т.14. М., 1945. С. 62-80.
217. Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во втор. пол. XVII в. // Труды ГИМ. Вып. 4. М., 1928. С. 5-118.
218. Баиов А.К. История военного искусства, как наука. СПб., 1912.
219. Баиов А.К. История русской армии. Курс военных училищ. Вып. 1. СПб., 1912
220. Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 1-7. СПб., 1909-1913.
221. Байер С. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова. СПб., 1782.
222. Бахрушин С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного // ИЗ. Т. 15. М., 1945. С. 29-56.
223. Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // ВИ. 2001. № 5. С. 52-72.

224. Бахтин А.Г. XV-XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийск. полигр.-изд. комбинат, 1998.
225. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
226. Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
227. Берх В.Н. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. Ч. 1.
228. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
229. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
230. Бибииков Г.Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 г. под Москвой // ИЗ. Т. 32. М., 1950. С. 173-197.
231. Бибииков Г.Н. Опыт военной реформы 1609-1610 гг. // ИЗ. Т. 19. М., 1946. С. 1-9.
232. Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885.
233. Богданович М.И. История военного искусства и замечательнейших походов от начала войн до настоящего времени. СПб., 1849.
234. Богданович М.И. История военного искусства и замечательнейших походов. Военная история средних веков. СПб., 1854.
235. Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани в 1552 г. // Инженерный журнал. . 1898. № 8. С. 1021-1055.
236. Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // ИЗ. 1938. Т. 4. С. 258-283.
237. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
238. Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000.
239. Борисов Н.С. Русские полководцы XIII-XVI вв. М.: Просвещение, 1993.
240. Бородин А.В. Рец. на кн. Е.Д. Сташевского «Смоленская война 1632-1634 гг.». // РИЖ. Кн. 8. Пг. 1922. С. 265-276.
241. Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877.
242. Бранденбург Н.Е. 500-летие русской артиллерии (1389-1889). СПб., 1889.
243. Буганов В.И. «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. // История СССР. 1957. № 5. С. 220-231.
244. Буганов В.И. О Городовом приказе в России XVI в. // ВИ. 1962. С. 211-215.
245. Буганов В.И. Разрядная книга Д.М. Пожарского // Записки ОР ГБЛ. Вып. 20. М.: Книга, 1958. С. 90-101.
246. Буганов В.И. Разрядные книги послед. четв. XV – нач. XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
247. Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 г. // Уч. зап. Института славяноведения. Т. 26. М., 1963. С. 48-79.
248. Бурдей Г.Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962.
249. Буров В.А., Скопин В.В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1985. С. 58-70.
250. Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII в. Ч. 1-3. СПб., 1839-1846.
251. Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. Л.: Госполитиздат, 1947.
252. Васенко П. Атаманы служилые-поместные // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 37-38.

253. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI- XVII вв. М.: Соцэкгиз, 1962.
254. Веймарн И.Ф. Высшая тактика, составленная ген.-майором Веймарном 2-м для руководства в имп. Военной академии. СПб., 1840.
255. Великие Луки. Ист. очерки. Л.: Лениздат, 1976.
256. Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань: Б.и., 1958.
257. Вержбовский Ф.Ф. Викентий Лаурео и его неизданные донесения кардиналу Комскому. Варшава, 1887.
258. Вержбовский Ф.Ф. Смутное время в современной ему польской литературе Ч. 1. 1605-1607 гг. // Вержбовский Ф.Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 3. Варшава, 1900. С. 1-163.
259. Вернадский Г.В. Московское царство. Ч.1. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997.
260. Вернер И.И. О времени и причинах образования московских приказов. Вып. 1. М., 1907.
261. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Наука, 1975.
262. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
263. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
264. Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
265. Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2000.
266. Вилинбахов В. Б. Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси. Автореф... канд. ист. наук. Л., 1963.
267. Вилинбахов В.Б., Кирпичников А.Н. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // СИМАИМ. Л.: Изд-во Артиллерийского ист. музея, 1958. Вып. 3. С. 243-252.
268. Вилинбахов В.Б., Мурьянов М.Ф. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием // ВИ. 1960. № 8. С. 218-219.
269. Виммер Я. Пехота в войске польском в XV-XVIII в. // История военного дела в Польше. Избранные вопросы. Диссертации, очерки. Варшава: Изд-во Мин. нар. обороны ПНР, 1970. С. 75-91.
270. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977.
271. Волков В.А. Войны Московской Руси конца XV-XVI вв. М.: Русский мир, 2001.
272. Волков В.А. Организация государственной власти в земских освободительных движениях Смутного времени // Советское государство и право. 1985. № 6. С.125-131.
273. Волковский Н.Л. Профессор генерал-майор Разин и его «История военного искусства» // Разин Е.А. История военного искусства. Т. 1. СПб. Омега - Полигон, 1994. С. 3-13.
274. Волинкин Н.М. Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 58-61.
275. Воробьев В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых. // Дом Романовых в истории России. Исторический опыт русского народа и современность. СПб. Изд-во СПб ун-та, 1995. С. 93-108.
276. Воронеж в документах и материалах. Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 1987.
277. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826.
278. Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. 1. СПб., 1893.

279. Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Изд. 2-е. СПб., 1907.
280. Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль: Яросл. областн. изд-во, 1939.
281. Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908.
282. Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI в. // Исторические записки. Научные труды историч. фак-та ВГУ. Вып. 2. Воронеж, 1997. С. 3-16.
283. Гнатовский Н.И., Шорин П.А. История развития отечественного стрелкового оружия. М.: Воениздат, 1959.
284. Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. 2. СПб., 1878.
285. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев: Госполитиздат УССР, 1957.
286. Голубцов Н. К истории города Колы Архангельской губернии // Изв. Архангельского об-ва изучения русского Севера. 1911. № 1. С. 3-10.
287. Государственность России. Словарь-справочник. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV в. – февраль 1917 г.). Кн. 1-4. М.: Наука, 1996-2001.
288. Готье Ю.В. Заметки по истории защиты южных границ Московского государства // Исторические известия, изд. Историческим об-вом при Московском ун-те. Кн. 2. М., 1917. С. 47-57.
289. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. (Очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV в.) М.: Госполитиздат, 1941.
290. Д.Ф. Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Вестник Европы. 1885. Кн. 8. С. 618-625.
291. Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. М.: Высшая школа, 1966.
292. Дариенко В.Н. Основание города Гурьева // Вопросы истории. Сб-к статей. Вып. 5. Алма-Ата: Каз. гос. ун-т им. С.М. Кирова, 1973. С. 189-197.
293. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.
294. Демидова Н.Ф. Эволюция структуры русского городского казачества XVII в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 71-72.
295. Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII в. // Труды ГИМ. Вып. XX. С. 29-46.
296. Денисова М.М. Портнов М.Э. Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI-XIX вв. М.: [Госкультпросветиздат], 1953.
297. Дербов Л.А. К истории падения Ливонского ордена // Уч. зап. Саратовского гос. университета. Т. 17. Саратов, 1947. С. 157-174.
298. Долинин Н.П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И.И. Болотникова // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 462-511.
299. Долинин Н.П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611-1612 гг. Харьков: Изд-во Харьковск. гос. ун-та им. А.М. Горького, 1958.
300. Дубасов И.И. Очерки по истории Тамбовского края. Вып. 1. М., 1883.
301. Дубман Э. Л. Князь Григорий Засекин (хроника жизни и деятельность строителя волжских городов). Самара: Изд-во Самар. Ун-та, 1995.
302. Дьяков В.О. О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX в. // ВИЖ. 1959. № 5. С. 60-74.

311. Елчанинов А.Г. Очерк истории военного искусства до Петра I // История русской армии и флота. М., 1911. С. 1-76.
312. Епифанов П.П. Войско. // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 234-264.
313. Епифанов П.П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 336-380.
314. Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 316-335.
315. Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 284-296.
316. Епифанов П.П. Оружие // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 265- 283.
317. Епифанов П.П. Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 292-315.
318. Епифанов П.П. Очерки по истории армии и военного дела в России (втор. пол. XVII –перв. пол. XVIII в. Диссерт. ... докт. ист. наук. М., 1969. Т. 1-2.
319. Епифанов П.П. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (из истории русской армии XVII в.) // Уч. зап. МГУ. Вып. 67. М., 1954. С. 77-98.
320. Ермолаев И. П. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем // У источника. Сб-к статей в честь С.М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1. С. 396-408.
321. Жемайтис С.Г. Источники по истории Смоленской войны (1632-1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л.: Гос. публ. биб-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1988. С. 41-50.
322. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969.
323. Загоровский В.П. Донское казачество и размеры «донских отпусков» в XVII в. // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 53. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 131-148.
324. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991.
325. Замятин Г.А. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. Т. 40. М., 1952. С.186-209.
326. Зедделер Л.И. Обзор истории военного искусства. Ч. 2. История военного искусства средних веков. СПб., 1843.
327. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986.
328. Зимин А.А. О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 3. М., 1954. С. 164-176.
329. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964.
330. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Соцэкгиз, 1960.
331. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М.: Мысль, 1972.
332. Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982.
333. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
334. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времен Ивана Грозного. М.: Наука, 1982.
335. Зотов Р. М. Военная история Российского государства. Ч. 1. СПб., 1839.
336. Из истории русской армии и оружия / Ред. В.Б. Кобрин // Труды ГИМ. Вып. 64. М., 1987. С. 5-90.
337. Ильин М.А. Из истории военно-оборонительных мероприятий Московской Руси XVII в. // КСИИМК. Вып. 59. М., 1955. С. 29-31.

338. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДЛР. Вып. 39. Л.: Изд-во АН СССР, 1985.
339. История военного искусства. Курс лекций / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. Т. 1. М.: Воениздат, 1955.
340. История Швеции / Отв. ред. А.С. Кан. М.: Наука, 1974.
341. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI в. Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1975.
342. Казакова Н.А. Русь и Ливония 60-х – нач. 90-х гг. XV в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 306-338.
343. Каменцева Е.И. Хронология. М: Высшая школа, 1967.
344. Каргалов В.В. Засечные черты и их роль в обороне Русского государства в XVI-XVII вв. // ВИЖ. 1986. № 12. С. 61-67.
345. Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII-XVIII вв. М.: Русская панорама, 1998.
346. Каргалов В.В. На степной границе. М.: Наука, 1974.
347. Каргалов В.В. Оборона южной границы Русского государства в первой половине XVI в. // История СССР. 1973. № 6. С. 140-148.
348. Каштанов С.М. Еще раз о Городовом приказе XVI в. // ВИ. 1963. № 11. С. 211-213.
349. Каштанов С.М. Известие о Засечном приказе XVI в. // ВИ. 1968. № 7. С. 204
350. Каштанов С.М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 112-115.
351. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М.: Наука, 1967.
352. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука, 1976.
353. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984.
354. Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в Средневековой России // ПКНО 1978 г. Л., 1979. С. 471-499
355. Кирпичников А.Н. Оборона Пскова в 1581-1582 гг. и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 189-207.
356. Кирпичников А.Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии (к характеристике городского наряда Московского государства втор. четв. XVII в.) // СИМАИМ. Вып. 4. Л.: Изд-во Артиллерийского ист. музея, 1959. С. 265-285.
357. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 298-363.
358. Кирпичников А.Н., Хлопов И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XV-XVIII вв. // МИА. № 77. М., 1958. С. 143-199.
359. Кирпичников А.Н., Хлопов И.Н. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии // СА. 1961. № 3. С. 233-240.
360. Клейненберг И. Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. // ВИЖ. 1960. № 6. С. 125-126.
361. Клосс Б. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М.: Наука, 1980.
362. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985.
363. Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией в 1611 г. // ВИ. 1988. № 11. С. 131-134.
364. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.). СПб.: Кольна, 1996.

365. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Из-во Яросл. гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского, 2000.
366. Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России XVII в. // ИЗ. Т. 71. М., 1962. С. 259-269.
367. Корецкий В.И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // ВИ. 1967. № 5. С. 32-50.
368. Корецкий В.И. Подвиг русского народа в начале XVII в. // ВИ. 1970. № 5. С. 146-159, № 6. С. 90-107.
369. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975.
370. Королев В.Н. Роспись донских казачьих городков конца XVI в. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Вып. 11. Азов: Азовск. краевед музей, 1993. С. 240-249.
371. Королюк В.Д. Ливонская война. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
372. Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. // Собр. соч. Кн. 5. Т. 13. СПб., 1905. С. 395-450.
373. Косточкин В.В. «Деревянный город» Кола. // МИА. № 77. М., 1958. С. 200- 246.
374. Косточкин В.В. Древние русские крепости. М.: Наука, 1964.
375. Косточкин В.В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV – нач. XVI вв. (Копорье, Орехов и Ям) // МИА. № 77. М., 1958. С. 101-142.
376. Косточкин В.В. Кремль древнего Гдова (из истории псковского оборонительного зодчества) // МИА. № 77., М., 1958. С. 67-100.
377. Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
378. Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVII в. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988.
379. Кошелев В.И. Возникновение Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства // Известия Воронежск. гос. педагогического ин-та. 1958. Т. 26. С. 199-250.
380. Кошелев В.И. Схема расположения сторож и укреплений в Воронежском крае XVII в. // Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954.. С. 46-51.
381. Красовский В.Э. Трехсот-пятидесятилетие города Алатыря. Симбирск, 1902.
382. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Археографический центр, 1995. (Исследования по русской истории; Вып. 4).
383. Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV – XVII вв. Сб-к статей, посвящ. 75-летию Ю.Г. Алексева. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 67-81.
384. Кром М.М. Стародубская война (1534-1537) // Очерки феодальной России. Вып. 3. М.: УРСС, 1999. С. 85-146.
385. Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (перв. пол. XVI в. Минск: Университетское, 1986.
386. Кузнецов А.Б. Русско-казанские отношения в 1521-1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Мат-лы IV Сафаргалиевских научн. чтений. / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск, 1999. С. 73-79.
387. Курукин И.В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 29-43.
388. Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в XV – перв. четв. XVII в. Диссертация... канд. ист. наук. Волгоград, 1998.

389. Кутузов М. Нижегородский посадский мир и его деятельность в Смуту // Труды Нижегородского пед. института. Краеведческий сборник. Нижний Новгород, 1924. Т. 1. С. 92-108.
390. Куц О.Ю. О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в.) // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: УРСС, 2000. С. 153-155.
391. Кушева Е.Н. К истории холопства в конце XVI – начале XVII вв. // ИЗ. Т. 15. М., 1945. С. 70-96.
392. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
393. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // ИЗ. 1950. Т. 34. С. 236-287.
394. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858.
395. Лебедев А.Л. Служилые иноземцы в России XVII в. (1613-1689 гг.). Диссерт. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук Ярославль, 1998.
396. Лебедев В.И. Засечные черты Среднего Поволжья в «Смутное время» // Мининские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Нижний Новгород, 1992. С. 28-31.
397. Лебедев В.И. К вопросу о засеках на карте России Гесселя Герритса 1613 г. // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. Тезисы докл. и сообщ. II Межвуз. научн. конференции по ист. демографии и ист. географии Центрального Черноземья. Воронеж, 1991. С. 36-37
398. Лебедев В.И. Легенда или быль: по следам засечных сторожей. Саратов; Пенза: Приволжск. кн. изд-во, 1986.
399. Лебедевская А.П. Архив Пушкарского приказа // ВИ. 1946. № 1. С. 122-130.
- Лебедевская А.П. Очерки по истории пушечного производства в Московской Руси // СИМАИМ. Вып. 1. Л.;М.: Гос. науч.-техн. изд-во машиностроит. лит-ры, 1940. С. 54-83.
400. Лебедевская А.П. Пушкарский приказ. Автореф. дисс....канд. ист. наук. М. , 1950.
401. Леер Г.А. Метод военных наук. СПб., 1894.
402. Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания централизованного гос. аппарата в конце XV – перв. пол. XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1961.
403. Летин С. XVII столетие. Стрелец // Империя истории. 2002. № 2. С. 12-18.
404. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.
405. Лурье С.С. К вопросу о восстании Хлопка // История СССР. 1958. № 4. С. 131-132.
406. Лурье Я.С. О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1964. С. 449-454.
407. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. СПб.: Лань, 2000.
408. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901.
409. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М, 1915.
410. Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера проекторату Иакова I // Научный исторический журнал. 1914. Т. 2. № 5. С. 1-16.
411. Любименко И.И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII в. // Ист. известия, изд. Историческим об-вом при Московском ун-те. 1916. № 3. С. 29-53.

412. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. М.: Соцэкгиз, 1939.
413. Мавродин В.В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // ВИ. 1946. № 8-9. С. 98-101.
414. Мавродин В.В. Образование единого Русского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951.
415. Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X-XV вв. // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1938.
416. Мальгин Т.С. Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 г. М., 1805.
417. Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска // Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1948. С. 85-102.
418. Марголин С.А. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Уч. зап. МОПИ. Т. 27. 1953. Труды кафедры Истории СССР. Вып. 2. С. 63-95.
419. Марголин С.А. Оборона русского государства от татарских набегов в XVI в. // Труды ГИМ. Вып. XX. М., 1948. С. 3-28.
420. Марголин С.Л. Рец. на кн. А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.» // ВИ. 1955. № 4. С. 154-157.
421. Маркевич А.И. О местничестве. Ч. 1. Киев, 1879.
422. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон, 1994.
423. Марков М.И. История конницы. Ч. 1-3. Тверь, 1887.
424. Маслов П.Д. Русское военное искусство второй половины XVI в. Диссертация на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Харьков, 1954.
425. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1-2. СПб., 1891-1894.
426. Масловский Д.Ф. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890. № 9. С. 7-22.
427. Мельников П. Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене // Москвитянин. 1850. Ч. 6. Отд. 3.
428. Мельников П. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. № 29. Отд. II. 1-32.
429. Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. М.: Наука, 1973.
430. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Т. 1. М., 1894.
431. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
432. Мильчик М.И. Ивангород – первое окно в Европу // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С.69-72.
433. Мильчик М.И. Итальянские мастера – строители Ивангородской крепости // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. СПб., 1995. С. 184-202.
434. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1681 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1998.
435. Михайлов И. Храм славы, воздвигнутый победоносным российским ополчением самодержцу своему царю Иоанну Васильевичу Второму, или Подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами, как под собственным предводительством царя Иоанна Васильевича, так и его военачальников и присоединение Казанского и Астраханского царств к Российской державе со включением множества любопытнейших происшествий, случившихся в продолжение битв, взятые из разных летописцев. М., 1800.

436. Михайлова А.И. Служба донских казаков по охране южных границ Русского государства в XVII в. // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 141-156.
437. Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб. 1896.
438. Муравьев А.В. Сахаров А.М. Очерки по истории русской культуры IX-XVII вв. М.: Просвещение, 1984.
439. Мышковский Е.В. Соловецкая ручница // СИМАИМ. Вып. 4. Л.: Изд-во Артиллерийского ист. музея, 1959. С. 227-233.
440. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899.
441. На пути к регулярной армии России: От славянской дружины к постоянному войску / Ред. В.А. Золотарев и Ю.П. Квятковский, СПб.: Изд-во Logos, 2000.
442. Назаров В.Д. В Диком поле // ВИ. 1970. № 2. С. 97-114.
443. Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
444. Небольсин П. Уральцы. СПб., 1855.
445. Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI-XVII вв. // МАИ. № 44. М., 1955. С. 116-213.
446. Новицкий Г.А. Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестник МГУ. Сер. 4. История. № 3. 1963. С. 37-38.
447. Новицкий Г.А. Русско-шведские отношения в середине XVI в. и война 1554-1557 гг. // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 52. С. 49-62.
448. Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570-1582). СПб., 1904.
449. Новожилов Ю. К. К вопросу об основании г. Архангельска // Уч. записки Архангельского пед. ин-та. Вып. 16. Архангельск, 1964. С. 176-203
450. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
451. Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII-XVII вв. СПб.: Полигон, 2003.
452. Обручев Н.Н. Обзор рукописных и печатных источников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1853.
453. Овсянников О.В. Архангельский деревянный «город» XVI-XVII вв. – форпост России в Беломорье // История и культура Архангельского севера (досоветский период). Вологда, 1986. С. 37-53.
454. Овсянников О.В., Мальцев Н.В. Вотложемский городок // КСИА. № 198. М., 1989. С. 71-74.
455. Оглобин Н.Н. Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 4. М., 1884. Отд. II. № 2. С. 161-529.
456. Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
457. Отечественная артиллерия. 600 лет / Ред. Г.Е. Передельский. М.: Воениздат, 1986.
- Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
458. Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI в. // ВИ. 1968. № 5. С. 82-105.
459. Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы. «Непременные войска» Русского государства XVII в. // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 8-15.
460. Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара // Самарский краевед. Вып. 3. Самара, 1994. С. 261-285..
461. Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. М., 1877.

462. Петренко В.П. Исследования Иван-города (по работам экспедиции ЛОИА АН СССР 198—1986 гг) // КСИА. Вып. 205. М., 1991. С. 61-70.
463. Пирлинг П. Из смутного времени. СПб. 1902.
464. Платонов С.Ф. Сочинения. Т. 2. СПб., 1913.
465. Платонов С.Ф. Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия // Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 339-406.
466. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М.: Памятники ист. мысли, 1995.
467. Попов М.Я. Азовское сидение. М.: Высшая школа, 1961.
468. Поршнева Б.Ф. На путях к Поляновскому миру 1634 г. // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI-XX вв. / Сб-к статей к 80-лет. акад. И.И. Майского. М.: Наука, 1964. С. 512-537.
469. Поршнева Б.Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112-140.
470. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976.
471. Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость (по поводу книги С.Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима» // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 34. Л., 1927. С. 174-192.
472. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1983.
473. Пузыревский А.К. История военного искусства в средние века. Ч. 1. СПб., 1884.
474. Пузыревский А.К. Рец. на кн. Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. СПб., 1898 г. // Разведчик. 1898. № 426. С. 1086-1087.
475. Развитие русского права в XV - первой половине XVII вв. М.: Наука, 1986.
476. Разин Е.А. История военного искусства. Т. 1-3. СПб.: Омега - Полигон, 1994.
477. Раппопорт П.А. Борисов Городок // МИА. № 44. М., 1955. С. 59-76.
478. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X-XV вв. // МИА. № 105. М.; Л., 1961.
479. Рогожин Н.М. У государевых дел быть указано... М.: Изд-во Рос. академии гос. службы, 2002.
480. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897
481. Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
482. Рознер И.Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI-XVII вв. // ВИ. 1970. № 8. С. 42-56.
483. Рубинштейн Н.Л. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XX. С. 47-84.
484. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941.
485. Русская военная сила. Т. 1. М., 1897.
486. Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX вв. / Ред. Л.Г. Бескровный. М.: Воениздат, 1960.
487. Рябошапка Ю.Б. Русско-шведские отношения на рубеже XVI-XVII вв. // ВИ. 1977. № 3. С. 26-39.
488. Рябошапка Ю.Б. Тязвинские переговоры 1594-1595 гг. // Социально-политическая история СССР. Сб-к статей аспирантов и соискателей. М.;Л.: Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние, 1974. Ч. 2. С. 25-68.
489. Савельев А.И. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853.
490. Савич А.А. Деулинское перемирие 1618 г. // Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта. Сер. историческая. Т. 4. Вып. 2. 1939. С. 49-112.

491. Савич А.А. Соловецкая вотчина в XVI-XVII вв. Пермь, 1927.
492. Сапунов А.П. Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Горозного после завоевания Полоцка в 1563 г. с 6-ю рисунками // Полоцко-Витебская старина. Вып. 2. Витебск, 1912. С. 299-313.
493. Сахаров П.П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России // Сб-к областного Войска Донского статистического к-та. Вып. 12. Новочеркасск, 1914.
494. Свак Д. Московия. Очерки истории Московского государства втор. пол. XV – конца XVII вв. М.: Ин-т рос. истории; Центр русистики Будапештск. ун-та, 2000.
495. Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М.: Академический проект; Кучково поле, 2002.
496. Святский Д. Исторический очерк городов Севска, Дмитриевска и Комарицкой волости. Орел, 1908.
497. Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. № 4 (14). 1993. С. 116-127.
498. Седов П.В. Поместные и денежные оклады в жилецком списке Первого ополчения // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 225-226.
499. Семин А.А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1980. Ч. 2. С. 231-252.
500. Семин А.А. История текста соборного приговора 1613 г. // Вестник Ленинградского университета. 1980. Вып. 2. С. 25-29.
501. Середонин С.М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891.
502. Середонин С.М.. Сочинение Д. Флетчера «Of the Russ Common Wealth», как исторический источник. СПб., 1891.
503. Скопин В.В. На Соловецких островах. М.: Искусство, 1990.
504. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1983.
505. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
506. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль, 1988.
507. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980.
508. Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
509. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1987.
510. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1986.
511. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988.
512. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. М., 1887.
513. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // ИЗ. 1948. Т. 27. С. 18-66.
514. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х гг. XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1958.
515. Смирнов И.И. Рец. на первый том учебника «История СССР» // Исторический журнал. 1940. № 4-5. С. 132-139.
516. Соколов Б. О национальных особенностях русской армии // Военная мысль. 1942. № 11-12. С. 106-112.
517. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3-5. М.: Мысль, 1989-1890.
518. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.

519. Станиславский А.Л. Первая крестьянская война в России и правительственная политика по отношению к вольному казачеству // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: к 100-летию со дня рождения С.В. Бахрушина. М.: Наука, 1984. С. 235-246.
520. Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.
521. Строков А.А. История военного искусства. Т. 1. М.: Воениздат, 1955.
522. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.
523. Сыроечковский В.К. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. Историч. серия. Т. 2. 1940. С. 3-72.
524. Татищев В.Н. Произвольное и согласное рассуждение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В.Н. Избр. произведения. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. С. 146-152.
525. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5-6. М.: Научн.-изд. центр «Ладомир», 1996.
526. Теодорчик Е. Военное дело в Польше в первой половине XVII в. // История военного дела в Польше. Избранные вопросы. Диссертации, очерки. Варшава: Изд-во Мин. нар. обороны ПНР, 1970. С. 92-107.
527. Титкова С.С. Сословно-представительная монархия в России. М.: Всес. юрид. заоч. ин-т, 1987.
528. Тихомиров М.Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. 1940. Вып. 3. С. 238-244.
529. Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII вв. М.: Наука, 1973.
530. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
531. Тихонов Ю.А. Азовское сидение // ВИ. 1970. № 8. С. 99-110.
532. Толстой Ю.В. «Московия» Джона Мильтона. М., 1875.
533. Тюменцев И.О. Из истории Избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России / Отв. ред. И.Я. Фроянов. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1995. С. 74-82.
534. Тюленев В.А. Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987. С. 83-87.
535. Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1972.
536. Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583-1854). Военно-исторический очерк. Мурманск: Мурманское ГПИ, 1960.
537. Ушаков И.Ф., Дашинский С.Н. Кола. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1983.
538. Федоров В.Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М.: Изд-во Академии артил. наук, 1949.
539. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999.
540. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII вв. М.: Наука, 1973.
541. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). Т. I-2. СПб., 1893-1894.
542. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI-XIX вв. Архангельск: Сев.-Западное изд-во, 1975.
543. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980.
544. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
545. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991.
546. Цветаев Д. Обрусение иноземцев в Московском государстве. Варшава, 1903.

547. Цветаев Д. Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований // ЧОИДР. 1889. Т. 4. Отд. II. С. 1-328.
548. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М.: Наука, 1978.
549. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв.. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
550. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII. М., 1954.
551. Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. (до Петра I) Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 1950.
552. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
553. Шаскольский И.П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // ИЗ. Т. 35. М., 1950. С. 294-303.
554. Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1950.
555. Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 376-399.
556. Шеламанова Н.Б. К истории западной границы России в перв. пол. XVII в. (Серпейский участок по Поляновскому миру 1634 г.) // Историческая география России XII – начало XX вв. Сб-к статей к 70-летию Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 63-69.
557. Шепелев И.С. Борьба Первого земского ополчения за освобождение Москвы от иноземных захватчиков в 1611 г. // Известия Воронежск. гос. педагогического ин-та. 1958. Т. 26. С. 99-116.
558. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608-1610 гг. Пятигорск: Пятигор. пед. ин-т, 1957.
559. Шмидт С.О. Правительственная деятельность Адашева // Уч. записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 25-72.
560. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
561. Яковлев В.В. История крепостей. М.; СПб.: АСТ – Полигон, 2000.
562. Яковлева О.А. К статье «Материалы из истории русской техники в неопубликованной летописи перв. четв. XVII в. Городовой приказ в Московском государстве XVI в.» // Известия АН СССР. Отд. техн. наук. 1951. № 9. С. 1432.
563. Bieneman F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livland in den Jahren 1558-1562. В. 1. Riga, 1865.
564. Hellie R. Enserfment and military change in Muscovy. Chicago, London: The Univ. of Chicago press, 1971.
565. Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwow, 1901.
566. Horuborg E. Finland havdar. Stormakten Sverige – Finland. Helsingfors, Holderschildt, 1930.
567. Kolankowski L. DzieJe Wielkiego ksiestwa Litewskiego za Jagiellonow. T. 1. Warszawa, 1930.
568. Kotarski H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny Inflanskiej 1576-1582.. Sprawy organisacyine. Cz. 3. Studia I materially do historii wojskowosci. T. XVII. Cz. II. Warszawa, 1971.
569. Schmidt-Phiseldek C. Materialien zu der Russischen geschichte Seit dem tode kaisers Peter des Grossen. Riga, 1784.
570. Szujski J. Dzieje Polski podlug ostatnich budan. Cz. 1. Lwow, 1864.
571. Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Sotavuodet 1590-1595 ja Tausin